This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

МОСКОВСКІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ

СБОРНИКЪ

НА 1847 ГОДЪ.

МОСКОВСКІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ

СБОРНИКЪ

НА 1847 ГОДЪ.

СОЧИНЕНІЯ:

И. С. Аксакова.—Н. В. Берга.—К. П. А. Вяземскаго.—Ю. В. Жадовской.—В. А. Жуковскаго.—Г-на Имрекъ.—*Н. М. Карамзина.*—К. А. Коссовича.—К. К. Павловой.—М. П. Погодина.—Я. Полонскаго.—А. Н. Попова.—Н. А. Ригельмана.—С. М. Соловьева.—С.—И. И. Срезневскаго.—А. С. Хомякова.—Ѳ. В. Чижова.—Н. М. Языкова.

Областная Публичная Библиотека

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА.
1847.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

4 573

МОСКОВСКІЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И УЧЕНЫЙ

СБОРНИКЪ

НА 1847 ГОДЪ.

А.С.Т.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Санскритская драма: *Торжество свѣтлой мысли* (प्रबोधचन्द्रोदयंनाटकं), принадлежитъ тому времени, когда древнее Брагманское ученіе, въ лицѣ Вишнуитовъ, еще торжествовало надъ Сиваизмомъ, начинавшимъ уже пускать глубокіе корни въ ихъ почвѣ. Поэтъ, напитанный Ведаическими идеями, силится предотвратить паденіе Вишнуизма, бывшаго въ продолженіе, можетъ быть, тысячелѣтій достояніемъ его родины и одержавшаго столь много рѣшительныхъ побѣдъ надъ Буддизмомъ и надъ другими враждебными ему сектами. Это новое ученіе представляетъ онъ намъ въ картинахъ самыхъ мрачныхъ и самыхъ отвратительныхъ, представляетъ людей, его исповѣдающихъ, — исповѣдающими смерть, отчаяніе, уничтоженіе всѣхъ нравственныхъ и родовыхъ отношеній, однимъ словомъ, самый грубый и самый гнусный матеріялизмъ. Съ другой стороны, въ противоположность этой безднѣ погибели и разврата, свѣтлыми красками начертано у поэта поклоненіе Вишну (विष्णुभक्तिः): оно идетъ рука объ руку съ Пріязнію

(मैत्री), съ Состраданіемъ (अनुकम्पा), съ Восторженностью ко всему высокому (पुण्यक्रियेषुमुदिता), съ Возвышенностью души (कुमतावुपेक्षा), оно смиряетъ чувственность, чтитъ единое, безстрастное, всепроникающее божество. Мало этого, съ Сиваитами поэтъ сближаетъ древнія, отверженныя его родиною секты Буддистовъ и Джайновъ, которыя обѣ, по его представленію, хотя и выводятся изъ началъ совершенно противуположныхъ, но, разошедшись однажды съ ученіемъ Вишнуитовъ, именуемымъ у поэта нашего дочерью истины, и слѣдовательно разошедшись съ истиною, не долго удерживаютъ на себѣ видъ невинныхъ мудрованій и скоро сходятся въ единство лжи, идеаломъ которой выставленъ въ этой драмѣ современный творцу ея Сиваизмъ. Такое сближеніе Сиваизма съ ученіемъ Буддистовъ и Джайновъ въ глазахъ народа, который давно уже проклялъ ихъ и изгналъ изъ своей среды, производило, безъ сомнѣнія, сильное и рѣшительное дѣйствіе на людей, готовыхъ, подобно Демосѳенамъ и Брутамъ, мужественно поднимать руку свою въ благородной, хотя и безполезной, борьбѣ противу исполинской силы духа своего времени.

Драма эта была играна по случаю побѣды одного изъ Индійскихъ царей, Киртивармаса, надъ его соперникомъ Карнасомъ. Изъ пролога и особенно изъ содержанія самой драмы видно, что Вишнуизмъ въ эпоху поэта, хотя и потерялъ уже древнюю свою силу; но все еще былъ религіею господствующею въ Ин-

діи, что память изгнанія Буддистовъ и Джайновъ еще была свѣжа въ Индійскомъ народѣ, и наконецъ, что Сиваизмъ,—секта уже довольно самостоятельная для того, чтобы вступать въ борьбу съ ветхимъ Брагманизмомъ,—встрѣчалъ однако во многихъ умахъ сильный отпоръ и еще не столько созрѣлъ, чтобы могъ нанесть Вишнуизму ударъ рѣшительный. Все это ведетъ къ заключенію, что драма наша, время появленія которой не опредѣлено еще Санскритологами, относится къ періоду, предшествующему эпохѣ Калидасовской, эпохѣ, начиная съ которой, Сиваизмъ уже господствуетъ въ Индіи, а древніе высокіе типы Вишнуитовъ, Брагмановъ, являются въ драмѣ, какъ придворные шуты, — въ лѣтописяхъ же, какъ поклонники Сивы. Основываясь на этомъ, можно почти утвердительно сказать, что она была написана за 200, или не позже какъ за 150 лѣтъ до Р. Х., незадолго до окончательнаго перелома въ борьбѣ древняго Брагманизма съ новыми системами.

О творцѣ нашей драмы извѣстно только, что онъ назывался Кришна-Мисра; но и самое это имя оспориваютъ нѣкоторые ученые. Духъ и содержаніе его драмы доказываютъ, что онъ принадлежалъ къ сословію Брагмановъ. Можно думать, что его родиною былъ городъ Бенаресъ.

Чтобы пояснить нѣсколько значеніе Вишнуизма и Сиваизма для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не знакомы съ религіозными и политическими идеями древней Индіи, счи-

тако нужнымъ сказать нѣсколько словъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ тому и къ другому—

Источникъ всѣхъ религіозныхъ Индійскихъ ученій и вообще всѣхъ древнѣйшихъ познаній Индійца, съ тѣмъ вмѣстѣ и древнѣйшій памятникъ Индійской, а можетъ быть, и всего рода человѣческаго, письменности, заключенъ въ Ведахъ. Мудрецъ Вьяса, жившій, по изслѣдованіямъ ученаго Риттера, за 1600 лѣтъ до Р. Х., раздѣлилъ эти книги, сообразуясь съ ихъ содержаніемъ, на четыре отдѣла, привелъ ихъ въ порядокъ, и каждому отдѣлу далъ особенное имя. Значительная часть Ригведы, изданная незабвеннымъ Санскритологомъ, покойнымъ Проф. Розеномъ, и отрывки изъ Яджуръ-Сама и Атгарва-Веды, изданные въ недавнее время Г-мъ Полеемъ, открывая намъ доступъ въ это древнѣйшее сокровище человѣческаго мышленія, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ намъ возможность судить о великомъ разнообразіи эпохъ и системъ, вошедшихъ въ этотъ исполинскій сборникъ. Такъ н. п. Индра и даже Агнисъ, являющіеся въ другихъ Ведахъ, равно какъ и въ Эпосѣ, богами второстепенными, въ Ригведѣ являются иногда на высотѣ недосягаемой и даже выше самого Вишну.

Не стану сближать разнородныхъ составныхъ частей, изъ коихъ состоятъ Веды, скажу только, что начиная съ періода законовъ Ману и Рамаяны до самыхъ послѣднихъ временъ Санскритской письменности, никто изъ классическихъ двигателей Санскритскаго слова

не сомнѣвался въ единствѣ ученія, заключеннаго въ Ведахъ, и что это-то видимое единство, сообщенное имъ мудрецомъ Вьясою, было отчасти основаніемъ того, никогда неохладѣвавшаго, религіознаго благоговѣнія, которое даже и нынѣшніе Индусы питаютъ къ Ведамъ. Съ другой стороны, разнородность составныхъ частей Ведъ необходимо должна была вызывать, по временамъ, въ Брагманствѣ разныя секты, изъ которыхъ каждая, отстаивая себя, имѣла впрочемъ, основываясь на Ведахъ, одинакія права отстаивать и свою древность.

Въ Индіи, съ эпохи законовъ Ману и Эпоса, рѣшительно преобладаетъ и укореняется брагманская секта Вишнуитовъ. Она успѣваетъ постоянно истреблять, или изгонять всѣ другія враждебныя ей секты. Въ этой сектѣ основывается и утверждается Индійская тріада, коей средоточіемъ является богъ Вишну, рядомъ же съ нимъ стоятъ творящій Брагма и разрушающій Сива. Индра, Агни, Ваю и другіе боги являются низведенными въ разрядъ существъ низшихъ, завѣдываютъ видимою природою и потому названы लोकपाला:, хранителями вселенной.

Въ Индійской тріядѣ лице Вишну приняло особенно знаменательную физіономію и рѣшительно возвысилось надъ всѣми другими миѳологическими личностями. Вѣроятная причина этому—то высокое значеніе, которое онъ имѣетъ, охраняя все и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣщая въ себѣ и твореніе и разрушеніе. Впрочемъ другую причину можно также найти и

въ томъ, что онъ представляетъ по преиму-
ществу стихію антропоморфизма въ Религіи.—

Посмотримъ теперь, каково было полити-
ческое устройство Вишнуитовъ. Всѣ древнѣй-
шіе памятники Индійской письменности пред-
ставляютъ намъ исповѣдниковъ Брагманизма
строго распредѣленными на четыре сословія,
или касты. Чѣмъ древнѣе памятники, тѣмъ
каста Брагмановъ, поборниковъ Вишнуизма,
является могущественнѣе въ ряду другихъ
кастъ. Въ Ведахъ и въ законахъ Ману Брат-
маны выше самого Индры и другихъ храни-
телей вселенной, а ужъ о людяхъ и говорить
нечего. Богослуженіе, литература и толкованіе
Ведъ, составляли почти единственное занятіе
Брагмановъ древней эпохи. Этимъ занятіямъ
способствовали всѣ матеріяльныя удобства,
доставляемыя имъ со стороны другихъ со-
словій. Такъ лучшія земли во всей Индіи при-
надлежали Брагманамъ, большая часть госу-
дарственныхъ податей переходила законнымъ
образомъ въ ихъ руки. Однимъ словомъ,
исторія человѣческаго рода не представляетъ
намъ ни одной страны, гдѣ бы такъ благо-
денствовалъ классъ людей мыслящихъ и пи-
шущихъ, какъ благоденствовали Брагманы
первой эпохи въ Индіи. За Брагманами слѣ-
довало сословіе воиновъ и администраторовъ,
называемыхъ Кшатріями, или Раджами. Пер-
вою ихъ обязанностью было оберегать госу-
дарство отъ внѣшнихъ враговъ и управлять
онымъ, сообразуясь съ волею и совѣтами
высшаго Брагманскаго сословія. Ниже Кша-

Кшріевъ стоятъ Вайсіи, классъ земледѣльцевъ, купцевъ и промышленниковъ; наконецъ послѣдній классъ, входившій въ составъ древняго политическаго тѣла Брагманской Индіи — Судры, составляютъ служители трехъ высшихъ сословій, Брагмановъ, Кшатріевъ и Вайсіевъ.

Блестящіе памятники творчества, выраженнаго въ древнемъ Индійскомъ словѣ, которые почти всѣ принадлежатъ сословію Брагмановъ, свидѣтельствуютъ, что это предпочтеніе ихъ передъ всѣми другими сословіями было ими вполнѣ заслужено. Прибавимъ еще и то, что Брагманы пріобрѣли политическій перевѣсъ въ своемъ отечествѣ единственно силою мысли и слова, а не силою меча.

Но сила мысли, равно какъ и сила меча, не всегда передается наслѣдственно. Уже въ Рамаянѣ Брагманы являются государственными совѣтниками царя Дасаратгаса, правда, еще такими, безъ которыхъ царь не объявляетъ войны, не приглашаетъ къ себѣ на празднество другихъ царей, и даже не женитъ своихъ сыновей, и слѣдовательно — еще самостоятельными; но тутъ же поэтъ представляетъ ихъ всегда безусловно входящими въ виды самого повелителя и никогда не смѣющими ему противорѣчить. Въ другомъ эпосѣ Брагманы за стадо коровъ и за участокъ земли предлагаютъ Кшатріямъ такія услуги, которыя въ древнемъ періодѣ могли бы принять на себя Вайсіи, но которыхъ никогда не приняли бы Брагманы. При всемъ томъ, Брагманы, хотя и нанимаются въ эту эпоху служить Кшатріямъ,

но, какъ честные люди, они пользуются еще почтеніемъ; еще не видно во всей Магабгаратѣ даже ни малѣйшаго оттѣнка того, чтобы сословіе Брагмановъ было унижено предъ другими кастами. Наконецъ въ третью эпоху Брагманизма, по истеченіи огромнаго періода времени, въ драмахъ Калидаса, мы встрѣчаемъ Брагмановъ, не какъ двигателей мысли и совѣтодателей монарховъ, но въ совершенномъ упадкѣ, нравственномъ и физическомъ.

Святость Брагмановъ исчезла, и безусловное благоговѣніе, внушаемое къ нимъ священными ихъ книгами, не могло уже имѣть мѣста въ сердцахъ Кшатріевъ, которые, и нравственно и физически, далеко надъ ними возвысились. Потребовалась реформа Брагманическаго ученія: этою реформою былъ Сиваизмъ.

Нельзя не замѣтить, что Сива, хотя и поставленъ въ Вишнуитской тріядѣ на ряду съ Брагмою (отъ котораго Вишнуитскіе Брагманы получили свое имя) и Вишну; но, какъ божество разрушительное, у Вишнуитовъ онъ играетъ роль второстепенную и ниже творящаго Брагмы. Изъ лона Вишну, покоящагося на волнахъ океана, возникаетъ н. п. Брагма; Брагму благословляетъ онъ на твореніе существъ и т. д.; съ другой стороны, ни на какой подвигъ разрушенія Вишну не благословляетъ Сиву.

И такъ, съ одной стороны эта второстепенность бога Сивы,—хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и признаваемаго Вишнуитами равнымъ Брагмѣ,—съ другой, идея разрушенія стараго порядка, были причиною, что реформаторы сдѣлали имя Сивы

своимъ девизомъ. Разрушая старое и заводя новое, они основывались на общемъ источникѣ Индійскихъ религіозныхъ ученій, на Ведахъ, также какъ и Вишнуиты.

Таково явленіе Сиваизма, разсматриваемаго со стороны исторической. Читатели увидятъ въ этой драмѣ, каковъ онъ былъ въ глазахъ нашего поэта, который, какъ Брагманъ, увлеченный древнимъ просвѣщеніемъ своей секты, не могъ сочувствовать новому преобладанію Сиваизма.

Разскажу вкратцѣ содержаніе самой драмы. Разъединеніе Разума (विवेकः) съ царицею Упанишадою, (उपनिषद्देवी), которая, въ нарицательномъ смыслѣ, есть часть Ведъ догматическаго и философскаго содержанія, была причиною того, что страсти и эгоизмъ подчинили Духъ (पुरुषः) условіямъ матеріи и заключили его въ предѣлы индивидуальности. Чтобы освободить Праотца, Разумъ опять старается примириться съ этою священною для Индусовъ книгою, представленною въ аллегорической драмѣ нашей въ образѣ женщины. Для этого онъ, предварительно отказавшись отъ новой своей спутницы Разсужденія (मतिः), совершаетъ обѣтъ, возложенный на него религіозными чувствами. Ухищренія царя Лжи (महामोहः), котораго я позволилъ себѣ назвать Морокомъ, препятствуютъ всѣми мѣрами возсоединенію Разума съ Упанишадою. Главными союзниками въ этомъ дѣлѣ у Морока пред-

ставлены Сиваиты. Но Кротость, Смиреніе чувствъ, Терпѣніе и главный дѣятель этого воссоединенія Разума съ Ведами, Поклоненіе Вишну, помогаютъ Разуму восторжествовать надъ всѣми его врагами. Разбивъ Мрока, онъ посылаетъ къ Упанишадѣ посла—дѣву Покой души. Морокъ, побѣжденный на полѣ брани, прибѣгаетъ къ коварству: для того, чтобы удержать Духъ въ сферахъ вещественности, онъ съумѣлъ представить ему всю роскошь увеселеній, доступныхъ для него въ этомъ быту. Духъ уже колебался; но просвѣтлѣнный Разумъ восторжествовалъ: вещественность отвергнута и Духъ возведенъ на престолъ всеобъемлемости. Отъ сближенія Разума съ Упанишадою родился сынъ Свѣтлая мысль (प्रबोधचन्द्रोदयः) и грозная дѣва Наука (विद्या). Свѣтлая мысль дѣлается постояннымъ хранителемъ Духа, дѣва же Наука, убивъ слѣпое Чувство и царя Мрока, сама исчезаетъ.

Раздѣляя съ поэтомъ нашимъ отвращеніе къ тѣмъ Сиваитамъ, Буддистамъ, Дигамбарамъ и т. д., которыхъ онъ намъ представляетъ, мы не можемъ однако вполнѣ сочувствовать и переродившемуся просвѣщенію той Ведантической школы, которой самъ онъ былъ послѣдователемъ. Не смотря на всѣ свѣтлыя, выставляемыя имъ стороны Ведантизма, читатели встрѣтятъ у него, во глубинѣ этого ученія, понятія, хотя и возвышенныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасающія своею, непонятною для нашего времени, суровостью ко всѣмъ благород-

нѣйшимъ чувствамъ человѣка. Я уже сказалъ, что это произведеніе заключаетъ собою эпоху: апатію его возможно объяснить только тѣмъ, что въ немъ высказывается старость человѣческой мысли. Старость мышленія тѣмъ поразительнѣе въ нашей драмѣ, чѣмъ свѣжѣе и чѣмъ очарователънѣе оно же въ Индійскомъ Эпосѣ: нѣтъ ни одной стороны человѣческаго мышленія, которая не была бы тамъ представлена въ самыхъ изящныхъ формахъ; нѣтъ ни одного благороднаго чувства, которое бы не красовалось тамъ въ чистомъ цвѣтеніи невиннаго быта этихъ патріярхальныхъ людей. Апатическимъ же стремленіямъ творца нашей драмы мы не сочувствуемъ, потому что мы сами (не смотря на нѣкоторые, немногіе, анахронизмы нашего времени) рѣшительно уже не зависимъ отъ старости мышленія. Новый человѣкъ, обновленный Откровеніемъ, не старѣется.

Содержаніе нашей драмы, въ которой дѣйствуютъ олицетворенные абстракты и философемы, не представляетъ собою интереса, составляющаго принадлежность собственно драматической поэзіи. Хотя всѣ эти абстракты въ драмѣ нашей живы и разсуждаютъ, каждый изъ нихъ, свойственнымъ себѣ языкомъ; но едва-ли было возможно поэту, низведши эти образы въ сферу дѣйствительности, заставить ихъ двигаться въ драмѣ такъ, какъ движутся выводимыя на сцену не абстракты, а дѣйствительныя лица. Съ этой стороны авторъ нашей драмы далеко ниже всякаго другаго Санскритскаго драматическаго поэта. Но важ-

ною для меня показалась другая внутренняя сторона содержанія его драмы, и она-то склонила меня къ переводу ея на Русскій языкъ. Эта драма завершаетъ собою кругъ многовѣковой древне-Индійской цивилизаціи, отличающейся отъ всѣхъ другихъ цивилизацій преимущественно тѣмъ, что она рѣшительно истощила въ продолженіе тысячелѣтней своей дѣятельности всѣ, такъ сказать, способы мыслительности человѣка. Дѣйствуя противу Сиваитовъ, поэтъ затронулъ почти всѣ философскія системы, стоящія въ противоположности къ Вишнуизму. Такимъ образомъ наша драма есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, зеркало, въ которомъ отразилась, хотя и въ уменьшенномъ видѣ, вся эта отжившая цивилизація одной изъ плодовитѣйшихъ эпохъ человѣческаго мышленія.

Кромѣ того, есть еще одна точка зрѣнія, смотря съ которой, я думалъ, что эта драма, переведенная на Русскій языкъ, для насъ можетъ имѣть интересъ современный. Безчисленная толпа Индійскихъ мудрователей, выведенная на сцену поэтомъ въ лицѣ Буддистовъ, Джайновъ, Лёкаятовъ и т. д., представляетъ читателямъ живые образцы разнородныхъ философскихъ системъ Индійскаго времени. Каждый изъ этихъ философовъ крѣпко стоитъ за свое, каждый истощаетъ въ ней всю силу словопренія для того, чтобы защитить собственную систему; но, въ то же время, поэтъ срываетъ съ нихъ личину, и что же? безъ личины, всѣ они до одного оказываются

явными *матеріялистами*. Этотъ фактъ показался для меня занимательнымъ, потому что онъ наводитъ на сличеніе этихъ различныхъ Индійскихъ систематиковъ съ различными современными западными систематиками, столь обширно и многоразлично истекшими изъ общаго источника знаменитой системы *вѣчнаго развитія*, — и слѣд. невольно наводитъ на мысль: что̀, ежели, по примѣру Индійскаго поэта, сорвать личину и съ этихъ современныхъ намъ *нео-гегелистическихъ* мудрователей? не окажутся ли и они также матеріялистами, какъ оказались древніе ихъ предшественники? будетъ ли, по крайней мѣрѣ, благообразнѣе этотъ Нѣмецкій или Швейцарскій матеріялизмъ, усовершенствованный и систематически развитый на основаніи систематическихъ законовъ *вѣчнаго развитія*?— Или на Западѣ нѣтъ теперь матеріялизма? или матеріялизмъ былъ исключительнымъ достояніемъ XVIII-го столѣтія и исчезъ съ нимъ безъ слѣдовъ?

Переводя эту книгу, я желалъ представить читателямъ вѣрную копію съ Санскритскаго подлинника. Г-ну Брокгаузу, издавшему въ прошломъ 1845 году текстъ нашей драмы съ двумя полными собраніями Индійскихъ схолій (*), обязаны мы тѣмъ, что она теперь не представляетъ никакихъ особенныхъ недоразумѣній для Европейца, ее изучающаго. Этѣ схо-

---

(*) Prabodha Chandrodaya Krishna Misri comoedia. Edidit scholiisque instruxit Hermannus Brockhaus. Lipsiae, 1845.

ліи, изъ которыхъ однѣ, напечатанныя Г-мъ Брокгаузомъ изъ рукописей, принадлежащихъ Библіотекѣ Ость-Индской Англійской Компаніи, составлены пандитомъ Рамадасою, другія же, заимствованныя имъ изъ Калькутскаго изданія нашей драмы 1754 года; Магэсваромъ, представляютъ единственное, впрочемъ удовлетворительное, пособіе при ея изученіи. Правда, еще въ 1812 году Тэлоръ (*Taylor*) перевелъ ее на Англійскій языкъ и издалъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Prabodh Chandrodaya*, or the Moon of Intellect, an allegorical Drama, translated by I. Taylor M. D. London, 1812, 8-vo; но этотъ переводъ, по свидѣтельству Брокгауза, сдѣлался уже библіографическою рѣдкостью не только въ Германіи, но и въ самой Англіи. Что же касается до Нѣмецкой книжки, появившейся въ Кёнигсбергѣ въ 1842 году, подъ заглавіемъ: *Prabodha-Chandrodaya* oder die Geburth des Begriffs, ein theologisch-philosophisches Drama, von Krischna-Miçra, zum ersten-mal aus dem Sanscrit ins Deutsche uebersetzt, mit einem Vorwort eingeführt von Karl Rosenkranz. Königsberg, 1842,—то, хотя и сказано на заглавномъ ея листѣ, что она переведена съ Санскритскаго; но, не смотря на это, она все-таки не имѣетъ ничего общаго съ подлинникомъ нашей драмы, представляя собою не болѣе какъ рядъ темныхъ гегелистическихъ видѣній, приступомъ къ коему служитъ предисловіе Г-на Розенкранца (отличившагося и на этомъ, равно какъ и на всякомъ другомъ поприщѣ своей мыслительной дѣятельности, необыкновенною причудливостью свой-

ственнаго ему воображенія), а заключеніемъ— такія же гегелистическія примѣчанія, принадлежащія мнимому переводчику.

Существеннѣйшіе миѳологическіе факты, упоминаемые въ нашей драмѣ, равно какъ и вообще все требующее ближайшаго поясненія, изложены мною въ краткихъ примѣчаніяхъ.

Почти всѣ сочиненія ѳеософскаго и философическаго содержанія, конхъ олицетворенія дѣйствуютъ въ нашей драмѣ, до сихъ поръ еще не напечатаны, рукописи же ихъ, хранящіяся большею частью въ Англійскихъ библіотекахъ, изучены очень немногими изъ современныхъ намъ оріенталистовъ. О содержаніи такихъ сочиненій, равно какъ и вообще о предметахъ, относящихся до Географіи и Естественныхъ наукъ, я привожу, каждый разъ, мнѣніе ученаго Вильсона, будучи увѣренъ, что собственныя слова человѣка, посвятившаго столь успѣшно всю свою жизнь изученію Санскритской письменности, будутъ гораздо важнѣе для нашихъ читателей, нежели перифразисы егоже словъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ, когда не имѣютъ возможности судить самобытно о томъ, что у Вильсона есть результатъ многихъ годовъ добросовѣстнаго и даровитаго изученія.

Кромѣ того, такъ какъ нѣкоторыя, олицетворенныя нашимъ поэтомъ, отвлеченныя понятія имѣютъ въ нарицательномъ смыслѣ по нѣскольку значеній, переводя же на Русскій языкъ, я долженъ былъ ограничиться однимъ значеніемъ, ближайшимъ къ дѣлу: то, чтобы

предотвратить всякое недоумѣніе, я привожу изъ Вильсона также истолкованіе подобныхъ олицетворенныхъ понятій дѣйствующихъ въ нашей драмѣ.

Не смотря на то, что Русскій языкъ, ближайшій по своимъ формамъ и синтаксису, въ семействѣ Индо-Европейскихъ нарѣчій, къ языку Санскритскому, давалъ мнѣ возможность переводить совершенно вѣрно и ясно, при всемъ томъ, въ сочиненіи, принадлежащемъ странѣ, которая столь далеко отстоитъ отъ насъ и временемъ и пространствомъ, не возможно, чтобы читатели наши не встрѣтили многихъ мѣстъ, которыя покажутся противными законамъ ихъ вкуса. Предвидя это, я не могъ однако рѣшиться измѣнять или выпускать подобныя мѣста. Памятникъ эпохи долженъ имѣть на себѣ отпечатокъ ея характера: переводчикъ не имѣетъ права распоряжаться въ чужомъ добрѣ.

Намекнувъ на то, что переводъ этой драмы предлагается читателямъ, какъ плодъ предварительнаго аналитическаго изученія ея подлинника, считаю долгомъ сказать также и то, что я готовъ отвѣчать на всѣ возраженія, ежели они встрѣтятся со стороны тѣхъ изъ моихъ читателей, которымъ подлинникъ драмы доступенъ.

ТОРЖЕСТВО
СВѢТЛОЙ МЫСЛИ, (*)

ДРАМА ВЪ ШЕСТИ АКТАХЪ.

Переводъ съ Санскритскаго.

ПРОЛОГЪ (प्रस्तावना).

ВОЗЗВАНІЕ (नान्दी).

Поклоненіе тому, кто, подобно призрачному морю въ лучахъ полдневнаго солнца, блещетъ очамъ неразумныхъ, въ огнѣ, во влагѣ, въ движеніи вѣтра, въ неподвижности земли, проглядываетъ въ цвѣтеніи вселенной и смыкаетъ око свое, когда она цѣпенѣетъ переходнымъ сномъ, —тому, кто въ образахъ явленій ускользаетъ отъ вниманія неразумныхъ, какъ игривый змѣй, котораго изгиби-

---

(*) प्रबोधचन्द्रोदयंनाटकं, въ буквальномъ смыслѣ, значитъ: *драма, въ коей представлено появленіе мѣсяца мысли.* Въ этомъ метафорическомъ заглавіи свѣтлая мысль названа *мыслью—мѣсяцемъ* प्रबोधचन्द्रः, ея же появленіе словомъ उदयः, которое собственно значитъ восходъ свѣтилъ небесныхъ, прогоняющихъ тьму, а также удачу, торжество и т. д.— Переводчикъ считаетъ за нужное предупредить читателя, что въ прологѣ онъ умышленно пользовался способностію нашего языка строить длинные періоды для того, чтобы даже внѣшнимъ образомъ по мѣрѣ своихъ силъ выразить особенность тѣхъ восточныхъ красотъ, которыми ярко блещетъ этотъ прологъ въ подлинникѣ.

стыхъ движеній они доследить не могутъ, — тому, кого почитаютъ мудрые, какъ вечнаго существо, — ему, всеблаженному блаженства безъ міры, недоступному уму, — ему, сознающему себя, всесовершеннѣйшему разуму (महः), — поклоненіе наше!

Слава и тому, у кого духъ, будучи заключенъ въ артеріяхъ, живетъ въ то же время и въ чертогѣ Брагмы, въ комъ мысль сродилась съ способностію, въ комъ свѣтъ разума укротилъ чувственность, кто свѣтозарнымъ избыткомъ блаженства, — слава ему; цѣлящій духъ его объемлетъ всѣ сферы существенности не менѣе того, какъ мудрое око, сіяющее на открытомъ челѣ бога, коего власы увѣнчаны полумѣсяцемъ (Сивы), объемлетъ вселенную.

Конецъ воззванія.

Директоръ театра. (*).

Теперь слѣдуетъ тотчасъ же приняться за дѣло. Братъ и пріятель великаго государя нашего царя Киртивармаса, Гопалъ, благоволилъ объявить мнѣ высокую волю свою. «Во все это время побѣдъ великаго царя нашего Кирти-«кармаса, мы по причинѣ военныхъ дѣйствій противу всѣхъ

(*) सूत्रधारः. Этимъ словомъ называлось лице, имѣвшее ближайшій надзоръ за представленіемъ драматическихъ піесъ, распредѣлявшее роли актерамъ и т. д., le régisseur. Корни этого слова: सूत्र *нить* и धृ *держать*. Безъ сомнѣнія, названо оно такъ потому, что этому лицу также вмѣнялось въ обязанность произносить молитву, съ которой начинается всякая Индійская драма. Сутраны называются у нынѣшнихъ Буддистовъ молитвы, списанныя на пергаменъ и приклеенныя къ колесу: читающій на немъ молитву обращаетъ это колесо посредствомъ снурка.

«окрестныхъ областей нашего государства, были отвлечены «отъ вкушенія сверхчувственныхъ наслажденій верховна- «го Брагмы, но такъ какъ дни эти наконецъ прошли, и «мы теперь, исполнивъ свое дѣло, совершенно спокойны, «ибо цари непріятели нашего государя, доведены до по- «гибели, государство устроено и отдано въ охраненіе «знаменитымъ, чтимымъ повсюду сановникамъ, самодер- «жавіе же государя нашего утверждено на всей землѣ «опоясанной океаномъ и украшено покорными ему діади- «мами царей: то мы и желаемъ увеселиться представле- «ніемъ драмы, запечатлѣнной мирнымъ характеромъ без- «мятежнаго нашего времени. И такъ, прошу васъ позабо- «титься, милостивый государь, чтобы именно сегодня, въ «присутствіи нашего государя, царя Киртивармаса, была «представлена драма подъ названіемъ Торжество свѣт- «лой мысли, та, которую давно уже вы получили отъ «многоуважаемаго нами поэта Кришны-Мисры. Государь «и его дворъ очень расположены присутствовать во вре- «мя представленія этой драмы.» Вотъ повелѣніе, получен- ное мною отъ царскаго брата. И такъ должно вызвать хо- зяйку дома, чтобы сперва устроить прелюдію (संगीतकम्). *Уходитъ съ мѣста и обратившись за сцену*: Ми- лостивая государыня! прошу сюда.

Входитъ на сцену Актриса.

Къ вашимъ услугамъ. Какое распоряженіе угодно вамъ сдѣлать, мой благородный супругъ?

Директоръ театра.

Ты слышала, достопочтеннѣйшая моя супруга, о подвигахъ брата нашего государя. Теперь, когда побѣдоносною стопою своею ступилъ онъ на свѣтлый путь мира, для того чтобы увеселить себя, онъ повелѣлъ мнѣ представить драматиче-

ское произведеніе подъ названіемъ Торжество свѣтлой мысли. И такъ, объяви, моя милая, актерамъ, чтобы они были готовы, и чтобы каждый изъ нихъ занялся, какъ должно, соотвѣтственнымъ себѣ туалетомъ.

Актриса, *въ изумленіи.*

Какъ? неужели это правда, достопочтенный мой супругъ? Этотъ Гопалъ, воинскими подвигами котораго оглашаются всѣ обители отшельниковъ, какими судьбами, скажи пожалуйста, преклонилъ онъ душу свою къ успокоенію?

Директоръ театра.

Достопочтенная моя супруга! Истинный лучъ свѣта Брагмы, ежели и покажется на нѣсколько мгновеній тускнѣющимъ, все таки возблещетъ снова природнымъ своимъ свѣтомъ. Подобно тому, какъ Рама, силою своего мужества низложивъ современныхъ ему Кшатріевъ и снявъ съ земли это тяжелое бремя, подавлявшее ее, укротилъ наконецъ богатырскій духъ свой, утишилъ пожаръ своего гнѣва и успокоился на лонѣ свѣтлаго созерцанія, пылая непотухающимъ огнемъ мирнаго благочестія, какъ мудрый отшельникъ; такъ точно и нашъ высокій Гопалъ, совершивъ окончательно свое великое дѣло, воспринялъ теперь безмятежное спокойствіе и сроднился съ нимъ, онъ, предъ кѣмъ, какъ предъ разумомъ омраченіе, палъ Карнасъ, съ паденіемъ котораго возсіяло царствованіе могучаго Киртивармаса, какъ царствованіе мысли.

Слышенъ голосъ за сценой.

Ахъ ты негодный актеръ! Какъ ты смѣешь говорить, что великій царь Омраченіе сраженъ Разумомъ, когда мы еще живы?

Директоръ театра въ испугѣ смотритъ въ ту сторону, откуда послышался голосъ.

А! это государь Любовь (*) который въ сладострастныхъ объятіяхъ высокогрудой государыни Наслажденія (**) идетъ сюда съ своимъ чарующимъ взглядомъ, онъ, которымъ вѣчно упоены всѣ міры, онъ, взирающій томною негою изъ подъ цвѣтущаго лотоса своихъ рѣсницъ.—Замѣтно, что отъ словъ моихъ онъ повидимому разсердился. И такъ благонадежнѣе намъ будетъ уйти отсюда.

Оба уходятъ.

КОНЕЦЪ ПРОЛОГА.

(*) काम, KAMA the *Hindu Cupid* or deity of love; wish, desire, — love *Вильс.*

(**) रति, passion, desire; copulation. *Вильс.*

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

ЛЮБОВЬ *и* **НАСЛАЖДЕНІЕ** *входятъ съ той стороны, куда смотрѣлъ* **ДИРЕКТОРЪ ТЕАТРА.**

Любовь, съ сердцемъ.

Ахъ ты негодный актеръ! Какъ ты смѣешь говорить, что великій царь Мòрокъ (*) сраженъ Разумомъ (**), когда мы еще живы? Развѣ ты не знаешь, глупѣйшая закулисная тварь, что Разумъ, обязанный своимъ происхожденіемъ книгамъ, господствуетъ въ душѣ даже самыхъ ученѣйшихъ мудрецовъ только до тѣхъ поръ, покуда не падутъ на нихъ острыя стрѣлы изъ лотоса глазъ моихъ цвѣтущихъ красавицъ. Дай только имъ хорошій домъ съ очаровательнымъ мѣстоположеніемъ, молодыхъ дѣвъ съ плѣнительными очами, садъ съ цвѣтущими бесѣдками, по поверхности которыхъ сладко звенѣло бы жужжаніе пчелъ, садъ съ проглядывающими цвѣтами навамальники (***), которыхъ запахъ приносили бы имъ упитанные нѣгою душистые

(*) मोह, fainting, loss of consciousness or sense;—ignorance, folly, foolishness; it is applied especially to that spiritual ignorance which leads men to believe in the reality of worldly object, and to addict themselves to mundane or sensual enjoyment. *Вильс.*

(**) विवेक, discrimination, judgment, the faculty of distinguishing things by their properties, and classing them according to their real not apparent nature; in the *Vedanta* system it is applied to the power of separating *Brahme* or invisible spirit, from the ostensible world, truth from untruth, or reality from illusion; — discussion, investigation. *Вильс.*

(***) नवमालिलका, double jasmine (J. Zambac.). *Вильс.*

вѣтры, лунныя ночи,— дай имъ все это,—тогда, ежели мощныя стрѣлы мои не вѣдаютъ промаха, гдѣ твое торжество разума (विवेकविभवः), гдѣ царство мысли (प्रबोधोदयः)?

Наслажденіе.

Царевичь! (*) Однако силенъ этотъ Разумъ, соперникъ великаго нашего царя, государя Мòрока (महामोहः). Какъ тебѣ кажется?

Любовь.

Милая! Откуда у тебя, впрочемъ понятное въ характерѣ женщины, это опасеніе Разума? Смотри, душа моя, смотри! Даромъ, что у меня лукъ цвѣточный и что стрѣлы мои цвѣточныя, но вѣдь вселенная вся, съ ея Дэвами и не-Дэвами, не выглядываетъ изъ подъ моего произвола и оттого не успокоивается ни на одно мгновеніе. Развѣ ты забыла, что Властитель боговъ (*Индра*) по моей волѣ волочился за женою отшельника, что Правитель существъ (*Брагма*) былъ плѣненъ красотою собственной своей дочери, что Индусъ (*мѣсяцъ*) былъ влюбленъ въ дочь своего *Гуру?* (**) Скажи, чей твердый путь не былъ мною сворочень на безпутицу, и мои стрѣлы обнаружили-ли когда либо слабость въ этой природѣ, повсюду колеблемой моимъ хмѣлемъ?

(*) आर्यपुत्र. Этимъ именемъ, въ сценическомъ языкѣ царицы зовутъ обыкновенно своихъ мужей. Названіе это указываетъ между прочимъ на то, что власть имѣла значеніе въ древней Индіи только тогда, когда она была наслѣдственная; слѣдовательно, называя этимъ именемъ своего мужа царя, царица вмѣстѣ съ этимъ называла его еще какъ бы и *законнымъ царемъ*.

(**) गुरु. Этимъ словомъ въ Санскритскомъ языкѣ называются родители и вообще люди, возбуждающіе къ себѣ уваженіе. Въ частномъ смыслѣ оно имѣетъ значеніе *наставника*, которому юноши въ древнемъ Индійскомъ мірѣ обязывались безусловною покорностію и почитались состоящими съ нимъ въ родственныхъ отношеніяхъ.

Наслаждение.

Царевичь! это такъ. Но меня пугаютъ помощники нашего недруга. Говорятъ, что его министры, Сила-душевная-внѣшняя, Сила-душевная-внутренняя и другіе (यमनियमप्रमुखामात्या), одарены необыкновенною крѣпостію.

Любовь.

Всѣ эти могучіе помощники царя Разума, Сила-душевная-внѣшняя и другіе, которыхъ ты назвала, ежели только приняться намъ дружно, въ одно мгновеніе разсѣются въ прахъ. Помилуй! что̀ значитъ незлобивая Кротость (अहिंसा) противъ запальчивости Гнѣва (कोपः). Цѣломудріе со своею свѣтою (ब्रह्मचर्य०) противъ моего могущества? противу Любостяжанія (लोभः) устоятъ ли Правда, Непричастность-воровству, Непричастность-подкупу (सत्यास्तेयापरिग्रहाः)? Всѣ эти—Сила-души-внѣшняя, Сила-души-внутренняя, Созерцательность, Порабощеніе чувствъ, Мыслительность, Соединеніе съ Брамою, Духовная независимость (यमनियमासनप्राणायामप्रत्याहारध्यानधारणासमाधयः), совѣтники царя Разума,—такъ какъ существованіе ихъ условлено совершеннымъ отсутствіемъ всякой тревоги, которая могла бы смутить покой мыслящаго духа, то и пустаго труда намъ будетъ стоить, искоренить ихъ совершенно. Къ тому же большею частію они женщины (*) и по этому уже, онѣ же самыя лучшія намъ орудія противу себя самихъ. Пусть только будутъ живы Привѣтливые взгляды, Ласковыя рѣчи, Шалости, Шутки, Смѣхъ, Сладостныя забавы, да еще Мечты о прелестницахъ (विलोकनभाषण विलासपरिहासकेलिपरिरम्भाः)—такъ повѣрь ты мнѣ: очень, очень достаточно этого, чтобы сокрушить безмятежность духа. Теперь же, послушай моя милая, все это соединится еще съ Чванствомъ, съ Завистью, съ Лицепріятіемъ

(*) Всѣ эти названія въ Санскритскомъ языкѣ большею частію женскаго рода.

(दम्भः) и съ другими наперсниками нашего великаго государя, да еще станетъ ратью подъ командою нашего царскаго полководца и совѣтника — Беззаконія (अधर्म).

Наслажденіе.

Царевичь! Я слышала, будто Смиреніе, Сила души, Разумъ, имѣютъ одно и тоже начало, что и мы. Неужели это правда?

Любовь.

Что́ ты говоришь, милая, одно начало? Мы съ ними просто одного отца дѣти. Вотъ какъ это. Отъ соединенія въ этихъ низменныхъ сферахъ Царя существъ съ Призрачностью (प्रवरण्यसंगान्मायायां) родился всюду славимый сынъ его Чувство (*). Сей послѣдній сотворилъ все, что́ ни есть въ природѣ, а также произвелъ на свѣтъ и наши двѣ линіи. Двѣ у него законныя супруги: одной имя — Побѣгуша, другой Домосѣдка (**) (प्रवृत्तिनिवृत्ती). Отъ первой произошелъ родъ великаго царя нашего, именуемаго Мо́рокомъ, а отъ второй—родъ царя, именуемаго Разумомъ.

Наслажденіе.

Что же было причиною, скажи пожалуйста, царевичь, такой ненависти между вами, между братьями?

Любовь.

Милая! между единоутробными во вселенной развер-

(*) मन, the mind, or considered as the sead of perception and passion, the heart. *Вильс.*

(**) प्रवृत्ति, activity, occupation, active life.as opposed to contemplative devotion; or it is defined to consist of the wish to do, knowledge of the means of success, and accomplishing the desired object; — prosecution, perseverance — निवृत्ति; cessation, completion, leaving off rest, repose; discontinuance of worldly acts, cessation of emotions, separation from the world etc. *Вильс.*

[illegible] ненависть. [illegible]. Всемiрная власть, т. е. была достаточною причиною [illegible] не-нависти для Пандувовъ и Курувовъ (*), а [illegible] и вой-ны, [illegible] мiра. Весь этотъ мiръ [illegible] подъ управленiемъ нашего батюшки Чугу-[illegible], а такъ [illegible] самыми любимыми дѣтьми, и [illegible], сколько насъ, такъ это управленiе [illegible] въ наши руки. [illegible] Разумъ и всѣ его клевреты отло-жились отъ насъ и — [illegible] — [illegible]. что они въ настоящее время дѣлаютъ? Теперь они, злодѣи, только и думаютъ о томъ, чтобы окончательно ниспровергнуть и нашего батюшку и насъ.

Наслажденiе.

Да не совершится этотъ грѣхъ. да не совершится! — Однако, скажи, царевичъ, въ ихъ преступныхъ замыслахъ дѣйствуетъ-ли только одна непримиримая ненависть къ намъ, или они имѣютъ противъ насъ еще какiя нибудь другiя средства?

Любовь.

Кроется у нихъ одно тайное сѣмечко.

Наслажденiе.

Какое это, царевичъ?

Любовь.

Государыня! вѣдь вы женщина, и слѣдовательно, по природѣ своей, вы уже склонны ко всякаго рода боязнямъ. Не должно мнѣ открывать предъ вами этотъ ужасъ за-тѣй нашихъ злопротивниковъ.

(*) Борьба, составляющая основу эпической поэмы Магабгараты.

Наслажденіе, *съ выраженіемъ испуга.*

Царевичъ! въ чемъ состоятъ ихъ затѣи?

Любовь.

Не страшись, милая, не страшись. Надежды ихъ таковы, каковы могутъ быть надежды—у потерявшихъ надежду. Слушай со вниманіемъ. Ходитъ молва, будто въ нашемъ племени родится чертовка (रात्रि) подобная ночи, которая затмитъ вселенную при скончаніи свѣта, по имени Наука (विद्या).

Наслажденіе, *въ испугѣ.*

Ужасъ! ужасъ! Въ нашемъ племени должна родиться чертовка? Сердце у меня трепещетъ.

Любовь.

Милая! не страшись, не страшись! Это не болѣе, какъ только одинъ слухъ. Молва, и все тутъ.

Наслажденіе.

Но что же сдѣлаетъ эта чертовка?

Любовь.

Милая! вотъ что говоритъ подруга Брагмы Сарасвати: «Супруга отвлеченнаго Брагмы родила, не соприкасаясь съ Владыкою существъ, сына Чувство и такимъ образомъ постепенно произвела на свѣтъ всѣ міры. Теперь такимъ же образомъ отъ него имѣетъ произойти эта Наука, дѣва, которая пожретъ и батюшку, и мать, и братьевъ и весь родъ.

Наслажденіе, *съ трепетомъ въ испугѣ.*

Царевичъ! спаси насъ! спаси!

Бросается въ объятія своего супруга. Любовь, выражая тѣлодвиженіями восторгъ отъ прикосновенія своей супруги, про себя.

Такое объятіе, когда волосы подымаются дыбомъ отъ

упоенія, когда зрѣніе утопаетъ въ взволнованныхъ очахъ и трепещущая опасеніемъ высокая грудь жмется къ твоей груди и молніи очей твоей возлюбленной встрѣчаются тебѣ, такое объятіе—кого не очаруетъ оно? кого не зачаруетъ?

Вслухъ, сжимая се крѣпко въ своихъ объятіяхъ.

Милая! не бойся, не бойся. Какъ родиться Наукѣ, когда мы живы?

Наслажденіе.

Но наши соперники придаютъ-ли особенную важность рожденію этой чертовки?

Любовь.

Да какъ же не придаютъ? Она вѣдь должна родиться въ одно время съ братцемъ своимъ Свѣтлою мыслію (*) отъ Разума и царицы Упанишады (**) (उपनिषद्देव्या). Теперь всѣ они — Спокойствіе душевное, Сила души и другіе (श्रमदमाद्यः) тѣмъ только и заняты, что хлопочатъ объ этомъ.

Наслажденіе.

Какъ же этихъ дураковъ можетъ радовать рожденіе Науки, которая пожалуй, и ихъ искоренитъ на свѣтѣ?

Любовь.

Негодяи, лиходѣи, обратившіе всю свою дѣятельность на уничтоженіе родовыхъ отношеній, способны-ли они забо-

---

(*) प्रबोध, knowledge, wisdom. *Вильс.*

(**) उपनिषत्, a portion of the religious writings of the Hindus; the theological part, and the *Vedanta* or argumentative part of the *Vedas*, either detached from or comprised in the principal work. *Вильс.*

титься о прочности собственнаго своего положенія? Послушай, милая. Вѣдь сама природа, какъ только она въ комъ дурна и превратна, то уже и клонитъ его къ тому, чтобы разрушать и своихъ образователей и самого себя. Съ уничтоженіемъ пламени уничтожается однако и дымъ, хотя и вознесшійся до облаковъ.

Слышенъ голосъ за сценой:

Ахъ ты негодяй, безумецъ! и ты имѣешь дерзость честить насъ именемъ лиходѣевъ? Да! Развѣ ты этого не понимаешь: «родной отецъ ежели зазнается и поставитъ «себя выше сферы должнаго и не должнаго, и ежели «пойдетъ по пути кривому, то и отца надлежитъ оста«вить?» Это древнее пураническое изреченіе, приводимое искусными въ Пуранахъ. Таковъ нашъ батюшка (*), который пошелъ соблазнительнымъ путемъ — Я-для-себя (**) и — властитель міровъ, нашъ праотецъ повержен въ оковы. Мороку же и его братіи обязаны мы тѣмъ, что эти оковы затянуты уже на немъ до нельзя.

Любовь, *оглядываясь.*

Милая! это пришелъ Разумъ—старшее лице въ нашемъ родѣ—и вмѣстѣ съ нимъ Разсужденіе (मत्यासहविवेकः). Съ лицемъ, котораго свѣжесть источили уже союзники наши Страсти и всякая своеугодливость, онъ весь изсохшій, какъ презираемый гордецъ, въ сопровожденіи смутной своей подруги Разсужденія переваливается, словно тощій мѣсяцъ, окутанный холодными туманами. Нечего намъ тутъ съ нимъ оставаться.

Уходятъ оба.

(*) Чувство.

(**) См. стр. 17.

ИНТЕРМЕДІЯ (विष्कम्भकः).

Является на сцену ЦАРЬ (*) *и* РАЗСУЖДЕНІЕ.

Царь, *послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья.*

Милая, ты слышала, что̀ позволилъ себѣ сказать этотъ негодный, пьяный актеръ: мы у него лиходѣи.

Разсуждение.

Царевичь! отъ чего это не знаютъ они собственныхъ своихъ пороковъ?

Царь.

Милая! послушай. Тотъ, къ которомъ все блаженство, который чуждъ всякой скверны, царь всего существующаго. ими-то — Гордостью и прочею ихъ братьею (मद०), для коихъ нѣтъ ничего выше гнуснаго Я-*для*-себя (**) — ими опутанный тысячью несокрушимыхъ тяжелыхъ цѣпей, доведенъ теперь до самаго жалкаго положенія. И они правы и чисты; мы же, которые сосредоточиваемъ всѣ наши усилія, чтобы освободить Духа-Праотца, мы — лиходѣи! Да, такъ рѣшили они безумные!

Разсуждение.

Царевичь! однако вотъ, что̀ для меня загадка. Говорятъ, что нашъ Праотецъ исполненъ неистощимой красоты и блаженства, что сіяніе его свѣта непомрачимо, что теплотою своею онъ проникаетъ всѣ міры; такъ какъ же

(*) Замѣчательно, что въ то время какъ другія дѣйствующія лица въ этой драмѣ называются у поэта каждое по своему имени, Разумъ названъ просто царемъ. Можно думать, что авторъ сдѣлалъ это, имѣя въ виду угодить царю Картикеямасу, въ присутствіи котораго была представлена эта драма.

(**) अहंकार, individuality, sense of self. *Вильс.*

позволилъ онъ этимъ наглецамъ связать себя и бросить въ исподній омутъ царя Мòрока ?

Царь.

Это потому, что будь у тебя отъ природы вѣковая крѣпость, будь у тебя спокойствіе духа безкопечно, блескъ твоего свѣта будь сіяющъ повсюду, проникни ты тайну жизни, сознай самого себя, и твой умъ пусть будетъ превыше обаяній: но все это мгновенно оставитъ тебя, лишь только женская прелесть закрадется тебѣ въ душу; ибо самъ нашъ Праотецъ забылъ о себѣ, сошедшись съ этою Призрачностію (*).

Разсужденіе.

Царевичъ! Но вѣдь полосы мрака, какъ бы сгущенъ онъ ни былъ, не искажаютъ лица солнца, сіяющаго тысячью лучей; какъ же Призрачность могла одолѣть собою этого бога, этотъ безбрежный океанъ пылающаго свѣта ?

Царь.

Милая! Нѣтъ ничего отчетливаго въ движеніяхъ этой Призрачности. Подобно соблазнительной дѣвѣ, вертится она около нашего Праотца и наводитъ небывальщину на его очи. Самъ Духъ-Праотецъ, подобно блеску кристалла, котораго не исказятъ, какіе бы ни отразились на немъ предметы, не смотря на всю ея безсмыслицу, остается неизмѣненъ, и его лучезарность нисколько не померкаетъ отъ ея темныхъ объятій; но все таки она успѣваетъ давать видъ какой-то непрочности лику Духа-Праотца.

(*) माया, philosophical illusion, idealism, unreality of all-worldly existence; personified in mythology as a female the consort of BRAMA or GOD, and the immediate and active cause of creation. *Вильс.*

Разсуждение.

Какіе же виды имѣетъ эта плутовка, обольщая столь возвышеннаго, столь благороднаго бога?

Царь.

Какіе виды, какую цѣль можетъ имѣть Призрачность? Дѣйствовать по своему произволу и вовлекать другихъ въ этотъ произволъ, вотъ отличительная черта характера женщинъ чертовскаго племени (स्वभावचञ्चलत्वयंस्त्रीपिशाचीनां). Женщины заморочатъ, распотѣшатъ, разгромятъ, зачаруютъ, смутятъ мужчину, какъ только найдутъ доступъ въ его доброе сердце. Чего онѣ не дѣлаютъ лукавою прелестію своихъ очей? Но также были тутъ, правда, и нѣкотораго рода виды.

Разсуждение.

Какіе виды, Царевичъ?

Царь.

Вотъ, что она плутовка думала: «Юность моя уже прошла, годковъ у меня уже понакопилось; онъ же старикъ, духъ, по своей уже природѣ несклоненъ къ увеселеніямъ. Дай-ка, возведу я лучше моего сынка на престолъ вселенной!» Что же вышло? Сынокъ ея Чувство, находясь подъ крылышкомъ своей матери и перенявъ всѣ ея ухватки, вошелъ какъ не льзя лучше въ ея виды и принялся за дѣло. Сперва настроилъ безконечное множество городовъ съ девятью воротами (नवद्वाराणिपुराणि, *органическихъ существъ*); потомъ, оставаясь единымъ, онъ будто разсѣкъ себя на безконечныя части и поселился въ этихъ городахъ; матушка же, какъ въ воспріемлющій алмазъ, вложила въ него всѣ свои движенія.

Разсуждение.

Да, царевичъ! Нечего говорить: какова матушка, таковъ и сынокъ.

Царь.

Потомъ, великаго нашего Праотца беретъ въ свои объятія старшій сынъ Соображенія (*), именуемый Я-для-себя (**), и до Властителя міровъ, въ объятіяхъ его внука, отуманеннаго безсмысленными призраками, до всевѣдущаго—погруженнаго въ несознательную дремоту, въ чаду обаяній, долетаютъ вотъ какіе голоса: «Я рож-«денъ съ моею личностью! это мой отецъ! это моя мать! «мои поля! моя жена! мое семейство! мой сынъ! мой «другъ! мои недруги! мое имѣніе! мои войска! моя на-«ука! мои родственники!» Вотъ какіе нелѣпые разнородные сны снятся ему по милости этого честолюбиваго семейства.

Разсужденіе.

Когда въ столь долгомъ, долгомъ усыпленіи погружена уже свѣтлая мысль Духа-Праотца, какъ же тутъ возродиться во вселенной этой свѣтлой мысли?

Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ Разсужденіемъ, *дѣлается примѣтнымъ на лицѣ* Царя *нѣкотораго рода смятеніе. Онъ остается недвижимъ съ потупленными глазами.*

Разсужденіе.

Царевичъ! что это такое съ тобою сдѣлалось? словно какъ будто совѣстно тебѣ стало передо мною, какъ будто необычайное бремя стыда склонило твою голову къ землѣ и отъ того ты безмолвствуешь?

(*) चित्त, the mind or faculty of reasoning, the hearth considered as the seat of intellect. *Вильс.*

(**) См. стр. 17.

Областная фундаментальная 2 Библиотека

Уральский Индустриальн. Ин-тут имени С. М. КИРОВА

Царь.

Милая моя государыня! Сердца женщинъ почти всегда проникнуты ревностью. Хотя я и совершенно чистъ передъ моею совѣстью, боюсь однако, чтобы не показаться предъ тобою виновнымъ.

Разсужденіе.

Царевичь! не смѣшивай меня съ женщинами, которыя слѣпо препятствуютъ сердечнымъ движеніямъ своихъ мужей и не обращаютъ вниманія на такую возможность увлекаться, которая не только не клонится къ нарушенію, но даже можетъ скрѣпить и упрочить законъ. Я не такова, царевичь!

Царь.

И такъ я откроюсь тебѣ, моя государыня. Ты имѣешь понятіе о прежней царицѣ моей Упанишадѣ. Теперь она считаетъ себя оскорбленною, чванится и не хочетъ знать насъ, а весь этотъ туманъ недоразумѣній накопился между нами только отъ того, что много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись другъ съ другомъ. Ежели при содѣйствіи со стороны дѣвы Покоя-души и другихъ нашихъ союзниковъ, сойтиться мнѣ съ нею поближе, и ежели ты согласишься, государыня, отвлечь себя на это краткое время отъ дѣйствительности и пребыть совершенно въ покоѣ, то я не стану дремать, моя милая: воцарится всеобщая бодрость и вскорѣ—озаритъ вселенную сынокъ мой Свѣтлая-мысль (*).

Разсужденіе.

Царевичь! Ежели это послабитъ хоть сколько нибудь оковы на Праотцѣ нашего племени, то пусть хоть и на

(*) См. стр. 18.

вѣкъ Государь пребудетъ съ нею въ союзѣ. Я говорю это отъ сердца и этотъ вашъ союзъ почту моимъ счастіемъ.

Царь.

Милая! если только ты на это согласна, то завѣтная моя цѣль, къ которой я стремился такъ долго, уже достигнута. Гибелью этихъ Брагмотерзателей, расторгнувшихъ на части нераздѣльнаго и единаго, заключившихъ въ ограниченные города *(въ органическую природу, въ матерію)* и подвергнувшихъ крайнимъ условіямъ смертности Властителя міровъ, это начальное существо и вѣковое—ихъ же гибелью будетъ увѣнчанъ согрѣтый Упанишадою (*) горячій подвигъ моей ревности; Брагма же *(Праотецъ, Духъ)* опять будетъ возведенъ на престолъ своего необъемлемаго единства! — Ладно. Теперь, чтобы исполнить то, что мы положили, чтобы вызвать къ бытію Свѣтлую-мысль, обратимся къ Кротости, къ Духовной-силѣ и къ другимъ ихъ союзникамъ.

Уходятъ оба.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО АКТА.

(*) См. стр. 15.

АКТЪ ВТОРОЙ.

Выходитъ на сцену ЛИЦЕМѢРІЕ (*).

Лицемѣріе.

Отъ великаго государя моего, царя Мòрока, былъ присланъ ко мнѣ приказъ. Вотъ, что̀ онъ гласитъ: «Такъ какъ, любезное мое Лицепріятіе, царь Разумъ и его совѣтники рѣшили воспроизвесть на свѣтъ Свѣтлую-мысль и уже разосланы ими съ этою цѣлью по всѣмъ святымъ мѣстамъ Спокойствіе-духа, Смиреніе и другіе ихъ агенты, то вамъ, милостивый государь, предстоитъ употребить всѣ ваши способы, чтобы предотвратить это рожденіе, пагубное для всего нашего племени. Вы знаете, что на всемъ земномъ пространствѣ столицею духовной независимости есть городъ, называемый Варанаси (**): по этому прежде всего слѣдуетъ вамъ отправиться въ этотъ городъ. Тамъ, милостивый государь, будьте дѣятельны и прекратите рѣшительно всякое движеніе къ свободѣ духа, въ

(*) दम्भ, deceit, fraud, cheating; hypocrisy; sin, wickedness; arrogance, pride. *Вильс.*

(**) Бенаресъ.

какомъ бы изъ четырехъ сословій оно ни проявлялось.» Ну! теперь жители города Варанаси почти вѣ уже мои, и приказъ государевъ исполненъ во всей точности. Любо! сколько тутъ сердецъ, безусловно мнѣ принадлежащихъ! Мои милые мошенники проводятъ себѣ теперь спокойно въ непотребныхъ домахъ роскошныя ночи, сторожимыя свѣтлымъ сіяніемъ мѣсяца: тамъ упиваются они безпрепятственно благовоннымъ виномъ и сладостнымъ обаяніемъ женской личности; тамъ оргіи необузданной ихъ чувственности бушуютъ на просторѣ; при дневномъ же свѣтѣ: «все обхватили они безпредѣльностію пріобрѣтен-«ныхъ ими познаній; посвященные въ тайны премудро-«сти, они не отходятъ ни на шагъ отъ возжигаемыхъ «ими жертвенниковъ, изучаютъ Веды, уморили въ себѣ на «вѣкъ всякое движеніе къ земному.» Вотъ какъ они, при дневномъ свѣтѣ, морочатъ дураковъ, которые всѣ слушаютъ ихъ, развѣся уши.

Поднимая глаза: Что это за путникъ, переправившись черезъ Бгагиратгу (*), сюда шествуетъ? Глядя на него, подумаешь, что это олицетворенный пожаръ тщеславія и гордости. Кажется, такъ и съѣстъ онъ вселенную, такъ и зальетъ ее потоками своей брани, такъ и засмѣетъ ее до конца ухищреніями своей мудрости. Думаю, что это пришелецъ съ юга; безъ сомнѣнія, онъ будетъ изъ города Радга (**): и такъ я услышу отъ него, по крайней мѣрѣ, вѣсточку о достопочтенномъ моемъ Я-для-себя.

Входитъ на сцену Я-для-себя, *съ видомъ соотвѣтственнымъ тому, что о немъ было сказано.*

(*) Гангесъ.

(**) राढा, a country or district, part of Bengalwest of the Hugli river. *Вильс.*

Я-для-себя.

Что̀ за глупый народъ эти люди! Не хотятъ внимать тому, что̀ ихъ учитель нашелъ для нихъ хорошимъ: о Тутанновыхъ видѣніяхъ ничего не вѣдаютъ, объ истинности Саликагирова ученія не имѣютъ никакого понятія —да что̀ ужъ и говорить, какое имѣютъ они понятіе объ ученіи Вачаспатиса? не хотятъ даже взглянуть на столь ощутительно ясные выводы Магодадиса, объ ученіи же Магавратовомъ, разоблачающемъ предъ ними всѣ тайны утонченностей существующаго конкрета, до сихъ поръ они даже и не слышали. Эти скоты люди, какъ они ходятъ еще по землѣ?

Поднимая глаза: Ну вотъ и. п., стоятъ ли хоть чего нибудь эти чтецы Ведъ, рѣшительно отказавшіеся понимать смыслъ читаемаго ими, блаженные своимъ умѣніемъ бормотать да горланить, несчастные терзатели бѣднаго ведическаго слова?

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ въ другую сторону: А это—народецъ, не хуже того: смиренники, не имѣющіе нужды въ своемъ, потому что живутъ на чужой счетъ, бритоголовые мудрецы, гордые мудростью, нахлынувшею непроницаемую тьму и на самый Ведантизмъ, ими проповѣдуемый. *Хохочетъ.* Ежели ведантическая мудрость чужда всему ощутимому, существенному и очевидному, такъ по какому же праву считаете вы грѣшниками послѣдователей Буды? Ваши словосплетенія производятъ такую ералашь, которая еще безтолковѣе! *Снова уходитъ нѣсколько шаговъ еще въ иную сторону.* А эти дубовые послѣдователи Пасупатиса (*Сивы*), для коихъ столь многотрудно изученіе даже Акшападовой (*) системы, эти настоящіе скоты (**), нечестивцы! Съ ними довольно

(*) Акшападъ, по Магэсвару, одно изъ уложеній Сиваитскихъ.

(**) पाशु *пасу, скотъ;* पाशुपति *пасупатисъ*, имя секты: игра словъ.

только переговорить нѣсколько словъ, чтобъ и бухнуть въ прежсподнюю. Отъ нихъ какъ можно подальше, чтобы и взоръ ихъ тебя не завидѣлъ. *Уходитъ нѣсколько шаговъ дальше.* А это что за народъ? Это почтенные хайжи сидятъ у водъ Ганги на каменьяхъ, орошаемыхъ священною струею и вмѣстѣ съ тѣмъ покрытыхъ коврами достойными всей роскоши и пышности отшельника: у каждаго изъ нихъ изящно обвитой листьями отшельническаго зелья величественный посохъ, у каждаго горитъ корзинка, сіяющая золотомъ; у каждаго четки въ рукахъ: что за симметрія и что за изящество въ отдѣлкѣ ихъ четокъ! а перебираютъ ихъ они какъ складно и какъ граціозно! кажется, будто совершенно не дотрогиваются до звеньевъ— такъ незамѣтно прикасаются они до нихъ оконечностью своихъ перстовъ, а между тѣмъ какіе изящные у нихъ выходятъ переливы въ этомъ жемчугѣ. Нечего сказать: не даромъ надуваютъ они богачей. *Еще уйдя въ другую сторону.* А вотъ другіе лицемѣры. Каждый изъ нихъ будто владѣетъ тремя духовными оружіями (*); а спроси у нихъ, чтобы сказали тебѣ по совѣсти, какую систему исповѣдуютъ они, двойства (**) или недвойства, для нихъ все равно. *Опять отойдя въ другую сторону и потомъ приподнявъ глаза.* А! что это я вижу? чья бы это обитель, столь увлекающая взоры, столь очаровательно расположенная въ виду благословенныхъ волнъ рѣки безсмертныхъ (***)? Какъ игриво развѣваются цѣлыя тысячи ослѣпительныхъ бѣлизною ея знаменъ, воткнутыхъ на высокихъ древкахъ, а всякое

(*) त्रिदण्डि, the religious man who has obtained a command over his words, thoughts, and actions, or mind, body, and speech. *Вильс.*

(**) Система *двойства* (द्वैत), какъ видно изъ содержанія нашей драмы, признаетъ духъ только въ соединеніи съ матеріей.

(***) Гангеса.

знамя какъ изящно сдѣлано, и изъ какой нѣжной матеріи! Повсюду раскинуты кожи черныхъ серн, вездѣ каменные сосуды, урны, песты, ступки; воздухъ во всей окрестности рѣшительно сдѣлался черенъ отъ безпрестанно клубящагося густаго, благовоннаго дыма, возносящагося съ жертвенниковъ, которые здѣсь столь щедро упитываются освященнымъ елеемъ. Безъ сомнѣнія, хозяинъ этому всему долженъ быть какой нибудь почтенный, благочестивый отецъ семейства. Это безподобно! Войду сюда: кстати приходится мнѣ денька два-три поотвесть душу на этомъ мѣстѣ, которое, кажется, столь чуждо всякой скверны и отъ котораго вѣетъ такою благодатью. *Дѣлаетъ движеніе, чтобы войти; потомъ послѣ нѣсколькихъ шаговъ, приподнявъ глаза:* Ну встрѣча! на лбу, на плечахъ, на животѣ, на груди, на шеѣ, на губахъ, на спинѣ, на затылкѣ, на лядвеяхъ, на лапитахъ, на колѣняхъ, вездѣ пятнышки пыли; волосы, уши, чресла, руки—все это блеститъ у него свѣжими выпукольками освященнаго зелья (दर्भाङ्कुरः); весь же онъ такъ и бросается въ глаза, какъ будто само Лицемѣріе въ немъ воплотилось. Встрѣча любопытная: подойду къ нему. *Подошедши ближе:* Желаю здравія государю моему.

Лицемѣріе, *сдѣлавъ жестъ содроганія, даетъ знакъ, чтобы онъ удалился. Входитъ* Отрокъ (वटुः) *и говоритъ въ смятеніи пришедшему:*

Благоволите, Брагманъ, стоять подальше! Только омовенными ногами подобаетъ входить въ сію обитель.

Я-для-себя, *съ гнѣвомъ.*

Чертовъ сынъ! Въ Турушскую землю (*) вошли мы, что-ли? Для гостей, озаренныхъ ведаическимъ свѣтомъ, не имѣется у васъ ни сѣдалища, ни ногоумовенія, ни гостепріимства.

(*) तुरुष्क, Turan or Turkestan, the original country of the Turks. *Вильс.*

Лицемѣріе, съ выраженіемъ величественной кротости, показываетъ своимъ жестомъ желаніе, чтобы его успокоили.

Отрокъ.

Таковъ и у достопочтеннѣйшаго нашего хозяина порядокъ; но мы не могли знать, какъ должно, ни степени происхожденія, ни достоинства доблестей нашего гостя, пришедшаго къ намъ изъ странъ отдаленныхъ.

Я-для-себя.

Да и есть-ли возможность обозрѣть наскоро мой родъ и мои доблести? По крайней мѣрѣ, слушай: —Есть страна, не вѣдающая во всей вселенной другой страны, которая бы съ нею могла соперничать: именуется она Гуловымъ царствомъ (**). Въ этой странѣ столица Радга. Въ столицѣ возвышается дворецъ Хорошаго-побольше (भूरिश्रेष्ठिकनाम). Въ томъ дворцѣ обитаетъ недостижимый никакимъ совершенствомъ нашъ отецъ. Кто не знаетъ благородныхъ его сыновей? Между ними же, мудростью, доблестью, разумомъ, твердостью, нравственностью и поведеніемъ я первый.

Лицемѣріе, движеніемъ взора даетъ знакъ Отроку.

Отрокъ, *взявъ мѣдный сосудъ.*

Милостивый государь нашъ да благоволитъ принять ногоумовеніе!

(**) गौड, the district of *Gaur*, the central part of *Bengal*, extending from *Bang* to *Bhuvaneswar* in *Orissa*: the ruins of its capital, called by the same name, are still extensive. *Вильс.*

Я-для-себя, *тихо.*

Отъ чего же нѣтъ? Приму. *Вслухъ.* Я готовъ. *Совершивъ умовеніе, подходитъ ближе.*

Лицемѣріе, *стиснувъ зубы.*

Подальше прошу стоять.

Я-для-себя.

Ну! не новы подобныя черты въ Брагманствѣ.

Отрокъ.

Да, Брагманъ! Ноги его не осквернены еще никакой головой, какая бы ни повергалась предъ нимъ въ прахъ: цари блескомъ своихъ алмазныхъ діадимъ освѣщаютъ лишь помостъ, на которомъ поставлено подножіе его ногъ.

Я-для-себя, *тихо.*

Ну! Видно, что я зашелъ въ землю, состоящую подъ скипетромъ царя Лицемѣрія. Такъ и быть—сяду здѣсь.

Отрокъ.

Мѣсто, на которомъ возсѣдалъ достопочтеннѣйшій нашъ хозяинъ, не можетъ быть сѣдалищемъ для другихъ.

Я-для-себя.

Ахъ ты чертовъ сынъ! мы, которые просвѣтлены всею чистотою совершенствъ цвѣтущихъ въ южномъ городѣ Радгѣ, мы не можемъ сѣсть на этомъ мѣстѣ? Слушай, безмозглый. Мать моя не очень блистательнаго рода; но я взялъ дѣву изъ семейства людей просвѣтленныхъ

Ведами, и такимъ образомъ чрезъ нее сталъ выше своего отца. Теперь, что же? О дочери друга дяди моей жены съ материнской стороны стали ходить ложные неблагопріятные слухи, и — я, ни сколько не колеблясь, тотчасъ же оставилъ эту мою жену, я, любившій ее всею моею душею, потому только, что она была уже осквернена родственностью отношеній къ оклеветанной дѣвѣ.

Лицемѣріе.

Ежели это и такъ, все-таки я вижу, что милостивый государь не имѣетъ еще ни малѣйшаго понятія о томъ, кто мы таковы. Благоволите слушать. На дняхъ завернулъ я во дворецъ Прародителя вселенной: всѣ премудрые мгновенно вскочили съ своихъ сѣдалищъ, Праотецъ же съ клятвенными увѣреніями неизмѣнности комнѣ своихъ чувствъ, немедленно посадилъ меня на своемъ лонѣ, омытомъ очистительною водою.

Я-для-себя, *тихо*.

Каково хвастаетъ лицемѣрный Брагманъ! *Подумавъ*. Ужъ не самъ ли это Лицемѣріе? Хорошо. Посмотримъ. *Вслухъ, съ гнѣвомъ*. Ну! важное дѣло: есть тутъ чѣмъ гордиться! А знаешь-ли могущество Индры? знаешь-ли, что̀ такое твой Прародитель? А знаешь-ли, каковы Строители міра? Скажи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, знай силу моего огненнаго чувства. Захочу: передо мною повергнутся въ прахъ цѣлыя сотни Индръ, цѣлыя сотни державныхъ Брагмъ, цѣлыя сотни премудрыхъ Строителей!

Лицемѣріе, *приглядываясь къ нему пристальнѣе, съ выраженіемъ радости*:

А! я вижу моего почтеннаго дѣдушку Я-для-себя. Я

Лицемѣріе, родной сынъ Корыстолюбія. Привѣтствую тебя, дѣдушка (*)!

Я-для-себя.

Внукъ мой милый! да живешь ты многіе годы! Еще ребенкомъ видѣлъ я тебя подъ конецъ Двапаровой эры (**). Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я съ тобою разстался! Эта долгая разлука, да еще старость, которая одолѣваетъ,—такъ, что приходится иногда не узнавать съ перваго раза. Ну, каково поживаетъ сынокъ твой Безчестіе (अनृतध्यकुशलं)?

Лицемѣріе.

Съ нимъ не разлучаюсь я ни на одно мгновеніе. Теперь онъ здѣсь при мнѣ, хлопочетъ по дѣламъ царя Мòрока.

Я-для-себя.

А родители твои, матушка Жадность и батюшка Корыстолюбіе (तृष्णालोभौ), здоровы ли?

Лицемѣріе.

И они при мнѣ: безъ нихъ я не трогаюсь съ мѣста. Но скажи, почтенный государь мой, дѣдушка, какая цѣль привела тебя въ эти страны?

(*) По законамъ Ману, младшій встрѣчаясь съ старшимъ по достоинству или по лѣтамъ, выражая ему свое привѣтствіе, обязывался всегда произносить свое имя. Эта формула исполняется въ нашей драмѣ вездѣ при подобныхъ встрѣчахъ.

(**) Эра Двапарова (द्वापरयुग) въ Индійской миѳологіи третій періодъ времени, содержащій въ себѣ 864,000 годовъ.

Я-для-себя.

Внукъ мой! До меня дошло, что великій царь Мòрокъ (महामोह:) поставленъ будто въ очень невыгодное положеніе царемъ Разумомъ. По этому я и пришелъ сюда узнать пообстоятельнѣе о дѣлахъ Мòрока.

Лицемѣріе.

Кстати и ко времени пришли, дѣдушка, ибо каждую минуту ждутъ, что великій царь Мòрокъ долженъ пріѣхать сюда изъ Индрина міра. Есть даже слухи, что царь намѣревъ преобразовать въ свою столицу городъ Варанаси.

Я-для-себя.

Какая же причина тому, что царь рѣшилъ сдѣлать для себя мѣстопребываніе въ Варанаси, въ Брагмовомъ городѣ?

Лицемѣріе.

Причина этому, почтенный дѣдушка, только одна, именно, чтобы обезопасить себя противъ Разума. Варанаси, Брагминъ городъ, такое мѣсто, въ которомъ должна народиться Наука съ Свѣтлою-мыслію. По этому я и думаю, что даже царь Мòрокъ расположенъ поселиться въ этомъ городѣ навсегда, чтобы искоренить въ немъ до тла злопротивное намъ племя.

На лицѣ Я-для-себя *дѣлается примѣтнымъ опасеніе.*

Я-для-себя.

Ежели это и такъ, то все-таки не хватитъ столько силъ, чтобы остановить это рожденіе. Вотъ, что̀ говоритъ могучій градорушитель, поставившій закономъ своему уму—милосердіе; онъ говоритъ, что Свѣтлая-мысль не-

минуемо должна играть въ этомъ мірѣ роль спасителя людей при концѣ ихъ жизни, что она будетъ спасать ихъ — сдѣлавшихся чуждыми вѣковому блаженству, опоръ, которая одна для нихъ надежна въ этомъ мірѣ — отъ всего ужаса мученій, насылаемыхъ на нихъ страхомъ быть послѣ смерти поглощенными опять треволненіями видимой природы.

Лицемѣріе.

Да! оно дѣйствительно такъ. Но все же это не придетъ въ голову порабощенныхъ прихотями Любви и необузданностью Гнѣва. Даромъ, что поклонники святыхъ мѣстъ говорятъ: «Кто укротитъ свои руки, свои ноги, «свои чувства, въ комъ поселилось знаніе и жаръ благо«честія, о комъ идетъ хорошая молва, тому лишь досту«пенъ сладкій плодъ поклоненія»; но —

Слышны голоса за сценой—

Сюда пойдите! сюда. Царь Мо́рокъ скоро здѣсь будетъ. Оросить благовоннымъ чанданомъ (*) кристалловые и алмазные портики! открыть всѣ фонтаны, чтобъ у каждаго дома былъ ключъ чистой, прозрачной воды! украсить всѣ ворота широкими гирляндами изъ алмазовъ и изъ жемчуга! водрузить на дворцахъ знамена и чтобъ онѣ сіяли съ высоты разноцвѣтными лучами, какъ блещетъ на небѣ лукъ Властелина безсмертныхъ (*Индры*)!

Лицемѣріе.

Достопочтенный дѣдушка! государь, безъ сомнѣнія, уже близко. Не пойдете ли встрѣтить его?

(*) चन्दन, *Sandal* (Sirium myrtifolium), it implies either the tree, the wood, or the unctuous preparations of the wood, held in high estimation as perfumes. *Вильс.*

Иду сію минуту.

Уходятъ оба.

ИНТЕРМЕДІЯ.

Входитъ на сцену ЦАРЬ МОРОКЪ; *при немъ свита.*

Царь Морокъ, *хохочетъ.*

Твердоустыя животныя, эти тупоголовые мыслители! «Душа сохраняетъ у нихъ свой образъ и послѣ разру-«шенія тѣла; она переходитъ въ другой міръ, и тамъ вку-«шаетъ плоды, пожатые ею въ мірѣ видимомъ.» Нечего сказать, надежды огромныя: упитаются они отъ обилія и сладости плодовъ своего воздушнаго дерева, которое будто цвѣтетъ для нихъ въ здѣшней жизни!

И эти сумасшедшіе, опираясь на выводахъ, которые существуютъ въ одномъ только ихъ мозгѣ, подводятъ подъ нихъ все и—надуваютъ людей. Не очевидное ли тутъ надувательство? Что не существуетъ, то существуетъ, по словамъ ихъ, существованіемъ неизмѣнной какой-то субстанціи! Эти душевники успѣли своими лживыми, многорѣчивыми, душехранительными выводами навесть туманъ на правдорѣчивыхъ бездушниковъ. Но, скажите, душевники, ради здраваго смысла, скажите, пожалуйста, видали-ли вы хоть единую душу въ ея преображенномъ, отдѣльномъ отъ бреннаго тѣла, образѣ?

Этого мало: не только людей, они и себя самихъ надуваютъ. Послушайте: ежели у всѣхъ одинаковы тѣла, одинакова природа, начиная съ головы до ногъ, такъ на чемъ же основано у нихъ это строгое распредѣленіе кастъ? Этого различія я не понимаю. Понимаю различіе мужчины отъ женщины; но тутъ-то они и не допускаютъ различія. «Эта жена и это имѣніе должны принадлежать тому-«то, это—тому-то.» Противное ихъ правиламъ называется у нихъ беззаконіемъ: беззаконіе у нихъ имѣть сноше-

нія не съ своими женами, пользоваться чужимъ, какъ своимъ. То должно дѣлать, а того не должно дѣлать, позволяютъ себѣ они говорить, они, недостойные даже имени мужчины.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, съ примѣтнымъ выраженіемъ удовольствія:

Вотъ Лёкаятово ученіе (*), то ли дѣло? Возможно-ли не воротиться къ нему каждый разъ, когда только подумаешь о какихъ бы ни было системахъ? «Міръ видимый—твоя един-« ственная, верховная опора. Земля, вода, огонь, воздухъ—« всему сущность; изъ нихъ, и только въ нихъ однихъ, и ни « въ чемъ болѣе, кромѣ этихъ стихій, состоитъ все. Назначе-« ніе человѣка—любовь и обладаніе житейскими удобствами. « Мысль образуется отъ извѣстной настроенности соеди-« ненныхъ въ человѣкѣ стихій, слѣдовательно мыслятъ въ « немъ стихіи. Другой міръ не существуетъ. Смерть разру-« шаетъ вмѣстѣ и твою настроенность и тебя самого.» Такъ проповѣдывалъ вѣрный всѣмъ моимъ задушевнымъ по-мысламъ, незабвенный Вачаспатисъ. Это ученіе перешло къ Чарваку (**), и теперь, благодаря его дѣятельнымъ мѣрамъ, равно какъ и дѣятельности его учениковъ и под-учениковъ, оно уже довольно широко распространилось въ семъ мірѣ.

(*) लोकायत, the system of atheistical philosophy taught *by Chârvâka. Вильс.*

(**) चार्वाक, слово, очевидно имѣющее въ этой драмѣ значеніе собственнаго имени; въ значеніи нарицательномъ, равно какъ и другое वाचस्पति, оно могло бы быть переведено русскими словами: *краснобай, словосплетъ* (корр. चारु и वाक्). Вотъ значенія этого слова у Вильсона: a sophist, a philosopher; one acquainted with the doctrines of the schools, a sceptic in many matters of *Hindu* faith, and considered by the orthodoxy as an atheist or materialist.

На сценѣ являются Чарвакъ *и* Ученикъ (शिष्यः).

Чарвакъ.

Премудрость, мой милый, находится только въ Военномъ и Гражданскомъ уложеніи (*). Только одна эта книга содержитъ въ себѣ существенное для человѣческой жизни. Веды — превратная и лживая болтовня.

Сообрази, мой милый: жертва совершается человѣкомъ тлѣннымъ; процессъ совершенія жертвы, вмѣстѣ съ ея совершеніемъ, оканчивается, самая жертва сожигается въ пепелъ. Какой же тутъ плодъ отъ всего этого для жертвоприносителя? Небо (स्वर्गः), говорятъ они. Ежели это такъ, то, безъ сомнѣнія, они могутъ наслаждаться и богатыми плодами деревьевъ, которыхъ стебли и вѣтви истреблены пожаромъ.

Еще: ежели и животному, убиваемому въ жертву, опредѣляется у нихъ небо, такъ не приличнѣе ли бы было каждому изъ этихъ жертвоприносителей убить прежде всего своего отца, чѣмъ безсловесное твореніе?

И еще: ежели этими обрядами, совершаемыми съ усердіемъ и съ чувствомъ, веселятся умершіе, то, безъ сомнѣнія, масломъ воспламеняются у нихъ и тѣ лампы, въ которыхъ сгорѣла свѣтильня.

Ученикъ.

Учитель! И такъ ежели для человѣка, по этому, одно

(*) दण्डनीति, the system of civil and military administration taught by Chânakya and others. चाणक्य (Chânakya), Name of a *Brahman*, the reputed author of a work on polity, and minister of *Chandragupta*. चन्द्रगुप्त (Chandragupta), SANDROKOPTUS, king of *Pataliputra*. *Вильс.*

Областная Фундаментальная Библиотека
Уральский Индустриальн. Ин-тут имени С. М. Кирова
...ЬНАЯ

выходитъ благо, именно — ѣсть и пить, то, отъ чего же душа этихъ поклонниковъ чуждается удовольствій сего міра? отъ чего они сѣдаютъ ее этими страшными обѣтами, молитвами, вкушеніемъ пищи по одному разу въ трое сутокъ и другими, тому подобными, мученіями?

Чарвакъ.

Милый! ихъ оморочили превратныя книги — и только. Этѣ-то книги заманиваютъ ихъ приманчивыми лакомствами надежды, и они, воображая, что насладятся обольстительными призраками, изъ жадности до нихъ мучатъ себя столь нещадно, покуда живы. Теперь, сообрази, мой милый. То-ли дѣло—упоительность объятія возлюбленной, и то-ли съ другой стороны, обычай пустоголовыхъ мыслителей жить отъ подаяній, поститься, укрощать свои чувства?

Ученикъ.

Учитель! однако поклонники говорятъ, что наслажденія сего міра смѣшаны съ горестью, и что уже, по одному этому, должно избѣгать ихъ.

Чарвакъ, *разсмѣявшись во все горло.*

Ну, потѣха съ этими безсмысленными животными, да и только! «Люди должны отказаться отъ удовольствій, пріобрѣтаемыхъ соприкосновеніемъ съ явленіями сего міра отъ того, что съ ними же соединено и горе»—не совершенно ли безтолково это умозаключеніе? Скажите пожалуйста, ежели это такъ, скажите, согласится-ли на бѣломъ свѣтѣ хоть одинъ, здравомыслящій хозяинъ отказаться отъ богатой жатвы риса, съ колосьями, которые зыблются отъ бремени бѣлыхъ, превосходныхъ

зеренъ, потому только, что съ этими же зернами соединены и плевела и мякина?

Царь Морокъ.

Чьи бы это были столь основательныя рѣчи, которыми такъ долго услаждается мой слухъ? *Приподнявъ глаза*: Ба! мой сердечный другъ, Чарвакъ!

Чарвакъ, *увидя* Морока.

Великій царь, государь Морокъ! *Подошедши ближе*: Здравіе и побѣда великому государю! Преклоняющій главу свою предъ государемъ есть—Чарвакъ.

Царь Морокъ.

Здравствуй, Чарвакъ! Просимъ садиться—не угодно-ли здѣсь?

Чарвакъ, *сѣвши*.

Современный-вѣкъ (*) всѣмъ своимъ тѣломъ (साष्टाङ्गः) имѣетъ честь бить челомъ великому государю.

Царь Морокъ.

Ну, что? не возмущено-ли чѣмъ-либо благодеяніе Современнаго-вѣка? каково онъ поживаетъ? здоровъ-ли?

(*) कलि, the fourth age of the world, according to the *Hindus*; the ironage, or that of vice: the commencement of the *Kali-yug* or *age*, is placed 3,101 years anterior to the *Christian* aera, so that in A. D. 1830, the *Kali* years 4,931, the number of its years is 432,000, at the expiration of which, the world is to be destroyed.

Чарвакъ.

По милости царской, ничто не можетъ возмутить его благоденствія: онъ невредимъ и здравъ. Исполнивъ со всею точностію возложенныя на него порученія, онъ съ петерпѣніемъ ждетъ времени, когда удостоится зрѣть пятки ногъ великаго государя. Таковъ всегда слуга, который вѣренъ своему властелину; тогда только онъ спокоенъ, когда исполнитъ его высокую волю и истребитъ его недруговъ: тогда радость водворяется въ покорное сердце, взоръ блещетъ невыразимою красотою увѣнчанной преданности, — упоенный блаженствомъ, онъ преклонитъ главу предъ цвѣтущимъ лотосомъ ногъ повелителя.

Царь Морокъ.

Но скажи въ подробности, что дѣлается въ современномъ вѣкѣ?

Чарвакъ.

Путь къ тому, чтобы разумѣть и хранить значеніе Ведъ, заглохъ повсемѣстно: всѣ порядочные люди безпрепятственно уже ходятъ широкимъ путемъ—дѣйствовать такъ какъ душѣ каждаго заблагоразсудится. Виною же всему этому не Современный вѣкъ и не я: во всѣхъ этихъ реформахъ дѣйствуетъ твоя энергія, великій государь! Жители сѣвера и жители запада рѣшительно отложились отъ закона Тройственности (*трехъ Ведъ*); о Душевномъ спокойствіи, о Смиреніи не говорятъ уже нигдѣ. Коегдѣ правда существуютъ еще Веды; но это ихъ существованіе нисколько не противорѣчитъ духу нашей системы: онѣ существуютъ, не болѣе какъ только однимъ изъ средствъ для вкушенія плодовъ сей жизни, вполнѣ сообразно съ тѣмъ, какъ и самъ мой незабвенный наставникъ училъ меня. «Пылающій жертвенникъ, говаривалъ Ври-

«гаспатисъ, тройственная отрасль Ведъ, три посоха (*): ко «всему этому, кто лишенъ знаній и разума, можетъ «прибѣгать, чтобы имѣть средства для жизни.» И такъ, да не тревожитъ теперь даже и во снѣ нашего великаго государя опасеніе, чтобы въ землѣ Куровой (**), или гдѣ-либо на другомъ мѣстѣ, могла зародиться Наука съ Свѣтлою-мыслію.

Царь Морокъ.

Да! прекрасно, прекрасно. Дѣло великое сдѣлано, что этотъ источникъ поклоненія запруженъ наконецъ и что не прибѣгаютъ уже къ нему болѣе.

Чарвакъ.

Да благоволитъ однако великій государь повелѣть мнѣ довесть до его свѣдѣнія еще кое-что.

Царь Морокъ.

Говори!

Чарвакъ.

Существуетъ на бѣломъ свѣтѣ одна мощная колдунья: имя ея—Поклоненіе Вишну (विष्णुभक्ति:). Она разладила съ Современнымъ вѣкомъ; но это не бѣда, а вотъ что̀ важно: кто изъ людей ни пойдетъ за нею, того и поминай, какъ

(*) т. е. три духовныя оружія. См. стр. 24 (**).

(**) कुरु, *Kuru* or *Uttara Kuru*, the most northerly of the four *Maha Dwipas*, or principal divisions of the known world; by other systems it is considered as one of nine divisions or *Varshas* of the same; in both cases it is the country beyond the northern-most range of mountains, extending to the frozen ocean. कुरुक्षेत्र, the country near *Dehli*, the scene of the great battle between the *Kurus* and *Pandus*. *Вильс.*

звали — и въ глаза его не увидишь болѣе. Да будетъ обращено на это вниманіе великаго моего государя!

Примѣтно, что при словѣ: Поклоненіе Вишну, проявилось на лицѣ царя Мдрока смущеніе.

Царь Морокъ, *про себя.*

Эта проклятая колдунья дѣйствительно сильна своимъ благочестіемъ, и не смотря на то, что она природный мой недругъ, мнѣ будетъ не очень легко управиться съ нею. Нечего дѣлать! *Вслухъ.* Браво! ты испугался, Чаркакъ. Полно бояться. Что̀ она значитъ противу такихъ соперниковъ, каковы прихотливость Любви и запальчивость Гнѣва? устоитъ-ли она противу нихъ?

Чарвакъ.

Оно такъ, государь. Но и самаго ничтожнаго врага не долженъ оставлять безъ вниманія тотъ, кто хочетъ быть побѣдителемъ. «И малый врагъ, по изреченію мудреца, «становится грознымъ, когда созрѣетъ въ немъ сила; и «отъ него приходится тяжко царямъ. Стебелекъ терна «едва замѣтенъ, но и онъ терзаетъ неосторожную ногу.»

Царь Морокъ, *оборотясь къ двери:*

Кто тамъ? Есть ли кто тамъ? пойди сюда!

Входитъ Привратникъ (द्वारक:).

Въ чемъ состоитъ повелѣніе великаго государя?

Царь Морокъ.

Товарищъ нечестія (असत्संग)! немедленно объяви мою волю Любви, Гнѣву, Корыстолюбію, Чванству, Высокомѣрію, Зависти (मानमात्सर्य०) и другимъ ихъ собратамъ; ска-

жи: пусть они обнаружатъ свое усердіе ко мнѣ, и пусть употребятъ всѣ свои средства для того, чтобы непремѣнно уничтожить вѣдьму, именуемую Поклоненіемъ Вишну. Скажи имъ, что вы, милостивые государи, постараетесь, сообразуясь съ царевою волею, чтобы даже и слѣдовъ этой вѣдьмы не осталось на свѣтѣ!

Привратникъ.

Будетъ исполнено по повелѣнію государеву.

Уходитъ.

Входитъ на сцену человѣкъ *съ грамотою въ рукахъ.*

Пришелъ я изъ Уткаловской области (*). Тамъ у самаго морскаго залива есть божница, именуемая храминою Высочайшаго духа (पुरुषोत्तमसंज्ञितं); оттуда премудрыми Высокомѣріемъ и Чванствомъ (मद्मानाभ्यां) посланъ я предъ лице премудраго, великаго царя, Морока. *Приглядываясь.* Это Варанаси. Вотъ царскій дворецъ. Войду. *Входитъ.* Премудрый царь толкуетъ о чемъ-то съ Чарвакомъ: видно, что у нихъ дѣло серьёзное. Подойду ближе. *Подошедши ближе.* Здравіе и побѣда премудрому государю! Да благоволитъ премудрый государь взглянуть на содержаніе этой грамоты.

Царь Морокъ, *взявъ грамоту.*

Изъ какихъ странъ приходитъ ко мнѣ милостивый государь?

Посланный.

Изъ области храмины Высочайшаго духа.

(*) उत्कल, a country in the South of *India*, part of *Orissa*. *Вильс.*

Царь Морокъ, *про себя.*

Ожидаю, что это вѣсти не весьма пріятныя.—*Вслухъ.* Чарвакъ! уйди теперь къ дѣлу.—Жду отъ васъ, милостивый государь, всего вашего усердія и всей исполнительности въ дѣлахъ, которыя предстоитъ намъ сдѣлать.

Чарвакъ.

Будетъ исполнено по повелѣнію государя.

Уходитъ.

Царь Морокъ, *читаетъ въ слухъ грамоту.*

«Здравіе и благоденствіе великому государю! Чванство «и Высокомѣріе, привѣтствуя изъ храмины высочайшаго «Духа своимъ поклоненіемъ стопы великаго государя, «могучаго повелителя, верховнаго владыки, царя Морока «въ преславномъ градѣ Баранаси, и повергаясь въ прахъ «всѣмъ своимъ тѣломъ, съ головы до ногъ, предъ его «державными стопами, имѣютъ честь довести до высо«чайшаго свѣдѣнія, что все состоитъ благополучно, и что «мѣстное благоденствіе ничѣмъ не возмущено. Къ сему «долгомъ считаютъ присовокупить слѣдующее:

«Царевна, Покой-души (शान्ति:) съ своею матушкою «Вѣрою (श्रद्धा), принявъ на себя обязанность хлопотать «по дѣламъ царя Разума, пристаютъ день и ночь къ ца«рицѣ Упанишадъ (*), имѣя въ виду уговорить ее, чтобы «она опять сблизилась съ царемъ Разумомъ.

«Кромѣ сего, примѣтно еще, что Законъ (धर्म:), хотя «и неотступный товарищъ царя Любви, позволяетъ одна-

---

(*) См. стр. 13.

«ко нашептывать себѣ на ухо разныя вещи Безпристрастію «(वैराग्यं) и его собратамъ. Явствуетъ же это въ «особенности изъ того, что онъ сталъ теперь отлучаться «отъ царя Любви и пропадаетъ по цѣлымъ суткамъ, не из- «вѣстно гдѣ, такъ что глаза наши и не дослѣдятъ его. Въ «этомъ состоитъ всеподданнѣйшее донесеніе наше: рѣ- «шеніемъ ему будетъ высочайшая государева воля.»

Прочитавъ письмо, съ гнѣвомъ.

Гмъ! дурачье! Покоя-души боятся!—Брагма весь утопалъ въ наслажденіи, когда подъ его рукою являлись первообразы твореній; разрушитель Дакшева жертвоприношенія (*Сива*) плѣненъ былъ Гауріей, и въ ея объятіяхъ очарованный взоръ его горѣлъ сладостнымъ блаженствомъ безразличія; смиритель Дайтіевъ, Вишну — грудь его оттѣнила, подобная свѣжему цвѣтку лотоса, съ изображеніемъ прелестной рыбки на ланитахъ, Лакшми, и онъ — уснулъ на волнахъ океановыхъ. Что-же? Какія еще твари могутъ говорить тутъ о душевномъ спокойствіи?

Къ вошедшему.

Другъ Шельма (*)! тотчасъ отправься въ путь къ царю Любовь и передай ему мою волю. Скажи ему, что такъ какъ дошло до моего свѣдѣнія, что Законъ уже не надеженъ и можетъ намъ измѣнить; то, не дѣлая никакихъ отсрочекъ, и не мѣшкая ни одной минуты, заковать его, безъ всякихъ околичностей, въ кандалы и содержать подъ самострожайшею стражею! Ступай.

Посланный.

Будетъ исполнено по повелѣнію государя.

Уходитъ.

(*) По Санскритски जाल्म, *джальма*. Этимъ презрительнымъ именемъ называли людей изъ низшихъ кастъ.

Царь Морокъ, *подумавъ нѣсколько, про себя.*

Какъ мнѣ управиться теперь съ дѣвою Покоемъ-души? Способнѣе къ этому никто не можетъ быть, какъ Гнѣвъ и Корыстолюбіе.—*Вслухъ.* Кто тамъ? Есть ли кто тамъ? пойди сюда!

Входитъ Привратникъ.

Въ чемъ состоитъ повелѣніе великаго государя?

Царь Морокъ.

Пусть придутъ сюда Гнѣвъ съ Корыстолюбіемъ.

Привратникъ.

Будетъ исполнено по приказу государя.

Уходитъ.

Входятъ на сцену Гнѣвъ *и* Корыстолюбіе (क्रोधोलोभश्च

Гнѣвъ.

Дошло до меня, что Покой-души, Вѣра и Поклоненіе-Вишну вздумали соперничать съ нашимъ великимъ государемъ. Гмъ! вотъ, до чего можетъ забыться бренное земное существо!—Зная, что я живъ и здравствую, вотъ, что̀ они затѣяли!—Не знаютъ они, что̀-ли? Зоркія очи ослѣпнутъ у меня, чуткія уши оглохнутъ, умъ прелагается на безуміе. Взоръ мудреца перестаетъ различать должное отъ недолжнаго, — я дѣлаю это; и то, что до его слуха не дойдетъ ни слова блага, ни истины, — я это дѣлаю и то, что къ своему обычному чтенію онъ не приложитъ разума,—я дѣлаю это.

Корыстолюбіе.

Глупцы! омраченные дурманомъ моего покровительства, лелѣемые волною моихъ наслажденій, увлекаемые отъ одной волны къ другой,—они-ли, негодные, доберутся когда нибудь до берега? Имъ-ли о Покоѣ-души, имъ-ли безумцамъ, помышлять о Спутникахъ Душевнаго покоя?—Послушай, другъ Гнѣвъ! Есть у меня слоны —влага неодолимой ярости струится по ихъ щекамъ; есть у меня кони—крыло вѣтра слабѣетъ предъ быстротою ихъ бѣга. Какъ бы далеко ни забѣжали мои злопротивники, я нагоню ихъ, налечу на нихъ и они—будутъ мои!

«Этимъ я овладѣлъ; этимъ овладѣваю; этимъ овладѣю!» вотъ весь итогъ помышленій человѣка, весь раздробленный его разумъ, и между ними, между людьми —фу, какой вздоръ!—можетъ быть еще помнитъ о Душевномъ покоѣ!

Гнѣвъ.

Другъ Корыстолюбіе, ты знаешь теперь, каковъ я. Царь Дэвовъ (*Индра*) повергнулъ благочестиваго сына Тваштрева; богъ, котораго власы увѣнчаны молодымъ мѣсяцемъ (*Сива*), отсѣкъ голову Брагмѣ; Висвамитра перебилъ сыновей мудреца Васиштги. Всѣ премудрые, всѣ нравственные, всѣ безукоризненные роды, всю красу и сущность человѣчества—я властенъ искоренить въ единую лишь вспышку моего мгновенія.

Корыстолюбіе.

Милая Жадность (तृष्णा)! пойди сюда.

Входитъ Жадность.

Что угодно моему благородному супругу?

Корыстолюбіе.

Между людьми, которыхъ душа желаетъ только одного—желаніе же это такъ спутало и оковало ихъ сердца,

что малоспльны въ нихъ всѣ другія желанія — а именно: владѣть полями, владѣть селами, владѣть лѣсами, владѣть горами, владѣть помѣстьями, владѣть городами, владѣть островами, владѣть земнымъ шаромъ, между людьми только и думающими объ одномъ, какъ бы еще пріобрѣсть, какъ бы имѣть еще больше, не правда-ли, что между этими смертными, поддерживаемыми воздухомъ, не будетъ даже и помина про Покой-души, даже и тогда, когда бы съумѣли они захватить себѣ и безграничную область міровъ, въ которой проявилъ себя Праотецъ вселенной?

Жадность.

Безцѣнный мой супругъ, я и сама объ одномъ только думаю, однимъ только и занята всегда, чтобы не дать возможности проявиться между людьми этой нашей ненавистницѣ, именуемой ими Покоемъ души; теперь же, когда на это есть именная твоя воля, мой благородный супругъ, то, не только безграничной области міровъ, въ которыхъ проявилъ себя Брагма, но и цѣлыхъ милліоновъ такихъ безграничныхъ областей будетъ еще мало для того, чтобы утолить мое безграничное чрево.

Гнѣвъ.

Обида (हिंसा)! прошу сюда!

Входитъ Обида.

Я здѣсь. Что благоволитъ мнѣ приказывать мой благородный супругъ?

Гнѣвъ.

При твоемъ законномъ содѣйствіи, моя милая, зарѣзать родную мать, отца, ничего не стоитъ. Да и что тутъ толковать? — Что такое мать? вѣдьма. Что такое роди-

тель, братъ? черви. (*) Убить, искоренить ихъ, это несносное племя родныхъ! Коварная, гнусная челядь враговъ съ безобразною личиною теплаго чувства — вотъ, что̀ такое родные. *Дѣлаетъ жестъ руками.* Доколѣ не истреблю ихъ до послѣдняго зародыша въ материнскомъ чревѣ, всѣхъ ихъ, весь ихъ родъ, и не станетъ ихъ болѣе, — дотолѣ не уймутся искры огня ярости, пышущаго во всѣхъ моихъ внутренностяхъ. *Поднимая глаза.* Государь идетъ. Встрѣтимъ государя.

Всѣ подошедши къ царю Мороку.

Здравіе и побѣда великому государю!

Царь Морокъ.

Дочь Вѣры, дѣва Покой-души — мнѣ непріятельница. Прошу ее схватить,

Всѣ.

Будетъ исполнено по приказанію государеву.

Уходятъ.

Царь Морокъ.

Она—дочь Вѣры: браво!—еще противъ нея приходитъ мнѣ въ голову отличное средство. Вѣдь Вѣра лице несамостоятельное! Итакъ должно употребить всѣ способы, чтобы разрознить Вѣру съ Упанишадою Лишь только эти двѣ женщины между собою разладятъ, то Покой-души, дѣвчонка, которая, и безъ того, довольно нѣжнаго тѣлосложенія, огорчившись этою размолвкою своей матери, непремѣнно замолчитъ, а тамъ, и умретъ съ горя. Отор-

---

(*) За эти безчеловѣчныя чувства Гнѣвъ и вся челядь Мороха примѣрно наказаны у нашего поэта въ актѣ 3-мъ.

вать же Вѣру отъ Упанишады никого я не нахожу столь способнымъ и ни на кого такъ не надѣюсь, какъ на прелестницу Ученіе-Лжи (*). Ладно! Возложу на нее это порученіе.

Обращая глаза въ сторону.

Дѣва Обольстительность (विभ्रमवती)! Прошу пригласить ко мнѣ милостивую государыню Ученіе-Лжи.

Обольстительность.

Будетъ исполнено по повелѣнію цареву.

Уходитъ и вскорѣ возвращается вмѣстѣ съ Ученіемъ-Лжи.

Ученіе-Лжи.

Милая моя подруга! Какъ мнѣ взглянуть въ лице великому государю: такъ давно я его видѣла. Какъ тебѣ кажется: не будетъ онъ меня бранить?

Обольстительность.

Что ты говоришь, моя милая подруга? Царь только взглянетъ на тебя, такъ и забудетъ о самомъ себѣ. Можетъ-ли онъ тебя бранить?

Ученіе-Лжи.

Полно льстить, милая подруга. Какъ тебѣ не надоѣстъ все обманывать меня выдумками, будто я счастлива?

Обольстительность.

Дружочекъ мой! Сейчасъ ты удостовѣришься сама, выдумываю-ли я? въ самомъ-ли дѣлѣ ты счастлива? Но

(*) मिथ्यादृष्टि: denial of future existence, atheism, heresy. *Вильс.*

объ этомъ полно ужъ спорить. Что это такое я вижу? Мой дружекъ, кажется, хочетъ спать: такъ и закатываются у него, такъ и слипаются глаза. Какая же причина, подруга моя милая, что эти глазки у тебя не выспались?

Ученіе-Лжи.

Милая моя подруга! Женщина, у которой одинъ только любовникъ, и та едва-ли улучитъ времечко, чтобы соснуть спокойно; вообрази же ты теперь, что вѣдь у меня любовники всего міра.

Обольстительность.

Что̀, что̀ ты говоришь, моя подруга? Что̀ ты сказала? Какіе твои любовники?

Ученіе-Лжи.

А вотъ: великій царь Мо̀рокъ—одинъ, потомъ: царь Любовь, потомъ Гнѣвъ, потомъ Корыстолюбіе, потомъ Я-для-себя; но что тутъ исчислять всѣхъ ихъ въ подробности? Кто ни рожденъ въ этомъ племени, будь онъ мальчикъ, юноша—для него нѣтъ радости, нѣтъ утѣшенія ни днемъ, ни ночью, какъ только онъ не обниметъ меня, какъ только не прижметъ меня къ своему сердцу.

Обольстительность.

Но у Любви есть вѣдь Наслажденіе, у Гнѣва Обида, у Корыстолюбія Жадность. Всѣ они столь любимы своими женами и любятъ ихъ столько. Скажи же теперь, пожалуйста, утоляя безпрестанно вожделѣнія мужей, любимыхъ каждый своею женою, какъ ты, моя милая, не возбудишь къ себѣ ревности въ этѣхъ женахъ?

Ученіе-Лжи.

Какая тутъ ревность, мой другъ? Да и жены этѣ безъ меня не живутъ ни одной минуты.

Обольстительность.

И такъ не правду-ли я тебѣ говорила, милая моя подруга? На всемъ земномъ пространствѣ нѣтъ женщины столь счастливой, сколько счастлива ты, которая отбиваешь у твоихъ соперницъ весь ихъ блескъ, всю ихъ красу, и между тѣмъ онѣ же сами благоговѣютъ передъ тобою и тебя любятъ. Да, ты счастлива: нечего уже объ этомъ спорить. Но вотъ, что я хочу тебѣ замѣтить. Твоя походка, мой дружечекъ, (такъ какъ тебя убаюкиваетъ сонъ, гнѣздящійся въ твоемъ сердцѣ), кажется ужъ не слишкомъ-ли шевелитъ говорливые, переливные колокольчики у твоихъ ногъ: чтобы тебѣ не испугать какъ нибудь невзначай и не смутить нашего царя Морока.

Ученіе-Лжи.

Что ты говоришь, подруга? Этимъ нечего намъ съ тобою смущаться. Съ царевымъ вкусомъ сообразна неблагопристойность этого рода у нашихъ сестеръ. Къ тому же, ежели бы я какъ нибудь испугала его нѣсколько, то мужчины таковы, что довольно той, которую они любятъ, дать имъ взглянуть на себя, чтобы прогнать отъ нихъ всякій подобный страхъ и даже всякое какое бы то ни было смущеніе, наводимое любовницами на ихъ мужскую душу.

Царь Морокъ *обращая взоры въ ту сторону, гдѣ онъ увидѣлъ* Ученіе-Лжи.

Вотъ Ученіе-Лжи, возлюбленнѣйшая моя! Что за дивная, упоительная походка! Кажется, она едва можетъ идти, и шагъ ея поминутно отдается назадъ: такъ полновѣсны и такъ здоровы ея чресла. А грудь ея—въ то время, когда она приподнимала плеча, чтобы приподнять вѣнокъ, скользящій на ея главѣ, что за роскошная грудь открылась у нея, грудь, которой придаютъ столько пре-

лести даже и эти слѣды яраго изступленія, какимъ преисполняетъ она своихъ возлюбленныхъ! А темно-голубой лотосъ ея очей, которыми она впиваетъ въ себя всю мужскую душу! Вся она что̀ за прелесть, всѣ ея движенія, которымъ такъ краснорѣчиво вторятъ эти звонкіе колокольчики, потрясаемые ея шествіемъ!

Обольстительность.

Государь приближается къ намъ. Поди къ нему на встрѣчу, милая подруга!

Царь Морокъ.

Приди ко мнѣ въ объятія мои, милая! Обними меня, полночреслая моя! Да буду я упоенъ сладостной яростью отъ тебя, моя возлюбленная, да утонутъ мои персты въ пышущей груди твоей: такъ сладостно обвити ты меня! Ты, обладающая взоромъ антилопинымъ, съ игривой прелестью блаженства твоихъ движеній, будь ты для меня тоже, что дочь Гимасайлова, когда эта очаровательница припадала къ груди изступленнаго Сринкараса (*Сивы*).

Ученіе-Лжи *обнимаетъ съ улыбкою царя* Морока.

Царь Морокъ, *выражая восторгъ отъ этихъ объятій*

Какъ обвила она меня своими руками, моя возлюбленная! Первая молодость воротилась ко мнѣ! То волненіе, которымъ трепетала нѣкогда отъ избытка жизненныхъ силъ молодая моя грудь, когда разумъ съ своими законами померкалъ, когда вся природа предъ моими взорами покрывалась не-

проницаемою завѣсою очарованія (*), — то самое волненіе, тѣже именно чувства проникаютъ теперь, при этомъ твоемъ обниманіи, всю мою душу; тотъ самый переворотъ, тотъ же избытокъ любви овладѣваетъ моею душою и нѣтъ въ ней ничего другаго, кромѣ тебя: во всей душѣ моей одна ты.

Ученіе-Лжи.

Великій царь! и я также, и я сама вся преисполнена теперь первой молодости. Любовь, которой корень таится въ основаніи самой природы любящихся сердецъ, независима, отнюдь независима отъ времени. Царь мой премудрый! благоволи мнѣ открыть твою высокую волю, благоволи сказать, чѣмъ я могу служить премудрому моему государю, что̀ было, на этотъ разъ, поводомъ, что премудрый царь благоволилъ обо мнѣ вспомнить?

Царь Морокъ.

Милая моя! вспоминаютъ о томъ, кому мѣсто внѣ нашего сердца; ты же, государыня моя, ты вѣчно у меня въ сердцѣ; тамъ красуешься ты, тамъ ты сіяешь въ его сокровеннѣйшемъ тайникѣ, какъ завѣтный кумиръ, какъ мечта завѣтная.

Ученіе-Лжи.

И такъ благоволите же, всемилостивѣйшій, великій государь, объявить мнѣ свою высокую волю.

(*) Въ сочетаніи विगतविषयोपप्लव таится, безъ сомнѣнія, умышленное двусмысліе. Слова эти могутъ значить равно *исчезновеніе треволненій, свойственныхъ внѣшней природѣ*, какъ и *исчезновеніе всего того, что̀ можетъ помрачить достоинство внѣшней природы*. Ежели придерживаться этого втораго смысла, то эти слова могутъ быть переведены на Русскій языкъ слѣдующимъ образомъ: *когда предъ моими взорами раскрывалась природа въ полномъ блескѣ ея сокровища*.

Царь Морокъ.

Моя воля, милая моя: будь ты всегда такова, какова ты теперь! да не измѣнятъ тебѣ никогда ни эта открытая поступь, ни эта очаровательная обнаженность твоихъ членовъ, ни этѣ движенія, независящія отъ правилъ! Сказать же тебѣ я имѣю еще кое-что. Холопья дочь (दास्यापुत्री) Вѣра вздумала взять на себя ролю посредницы: она затѣяла вновь свести царя Разума съ царицею Упанишадою. И такъ ты должна эту ненавистницу нашего племени, эту лиходѣйку, которая и сама негодная и связывается съ такими же негодяями, какова сама она, ее, говорю я, должна ты, моя милая, рвануть за ея длинныя косы и швырнуть безпомощною вдовицею, туда—въ преисподнюю, къ нечестивцамъ.

Ученіе-Лжи.

Ежели только эта малость заботитъ моего повелителя, то, да будетъ спокоенъ великій государь, и да благоволитъ онъ положиться въ этомъ совершенно на меня. Не нужно тутъ никакихъ особенныхъ усилій: стоитъ только переговорить мнѣ нѣсколько словъ съ нею, и—холопка Вѣра станетъ исполнять во всей точности все, что ни заблагоразсудишь ей приказывать ты, великій мой повелитель. Вотъ въ чемъ состоитъ могучій мой талисманъ противъ нея: «Законъ—выдумка, вѣчное блаженство—выдумка, путь проповѣдуемый Ведами — выдумка, отчужденіе отъ удовольствій сего міра—выдумка, ученіе священныхъ книгъ — выдумка, вѣденіе о плодахъ, вкушаемыхъ, за эту жизнь, на небѣ — выдумка.» Какъ только я ей скажу все это, то она тотчасъ же откажется у меня даже отъ всего древа этихъ своихъ Ведъ, а объ этой частицѣ, Упанишадѣ, и толковать нечего. А когда я открою ей еще, въ добавокъ, всю ересь, заключающуюся въ вѣчномъ блаженствѣ, условливающемъ совершенное отчужденіе отъ всѣхъ наслажденій, вкушаемыхъ посредствомъ чувствъ,

принадлежащихъ сему міру, то доведу ее даже до того, что она не только не будетъ вязаться съ Упанишадою, но возненавидитъ это ученіе, и оно будетъ ей совершенно противно также, какъ оно и намъ противно.

Царь Морокъ.

Если только это такъ—то прекрасно! Какою радостью, какимъ счастіемъ обязанъ я моей возлюбленной!

Обнимаетъ ее опять и цѣлуетъ.

Ученіе-лжи.

Какое наслажденіе эта независимость чувства! какое счастье не стыдиться объятій своего повелителя, хоть бы даже въ виду цѣлой вселенной!

Царь Морокъ.

Такъ и быть должно. Пойдемъ теперь, моя милая, во внутренніе покои.

Всѣ уходятъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО АКТА.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

На сцент являются ПОКОЙ-ДУШИ *и* СОЧУВСТВІЕ (करुणा).

Дъва Покой-души, *со слезами на глазахъ.*

Мать моя! мать моя! гдѣ ты? Покажи мнѣ твой милый образъ!—Та, *для* которой были наслажденіемъ чистыя рощи — пріютъ никѣмъ непуганныхъ антилопъ, каменныя горы, изъ нѣдръ которыхъ бьютъ ключи немутимою струею, святыня алтарей,—отшельники, которыхъ просвѣтленная душа вѣчно согрѣта жаромъ немеркнущаго благочестія,—царица, гдѣ она теперь? Во чревѣ, безъ сомнѣнія, обиталищъ Чандаловыхъ (*). Тамъ заключена она. Каково ей тамъ? Каково ей теперь жить въ рукахъ нечестивцевъ?

Но что я говорю? что тутъ и думать о томъ, что она тамъ существуетъ, что она жива еще? Безъ меня, не узрѣвши меня возлѣ себя, коснется-ли Вѣра освѣжительной струи очищенія? подкрѣпитъ-ли себя какою либо пищею? утолитъ-ли жажду свою? Безъ меня, она не проживетъ ни одного мгновенія.

Да и *для* меня, безъ нея, и *для* меня горемычной, нѣтъ жизни. Безъ Вѣры, возможно-ли жить хоть мгновеніе бѣдной

चाण्डाल, a name of an impure or degraded tribe, a Chandalá, a Pariah, an outcaste. *Вильс.*

дѣвъ Покой-души. Нѣтъ! это не жизнь; это обманъ, призракъ. И такъ, не успокоивай меня, Сочувствіе, подруга моя. Полно думать обо мнѣ, о возстановленіи моемъ. Скоро, скоро взойду на костеръ: опять буду съ моею матерью, опять буду ея неотступною спутницею.

Сочувствіе, *со слезами на глазахъ.*

Подруга моя! и у меня ты поминутно исторгаешь жизнь, говоря эти слова твои, которыхъ острое пламя терзаетъ мой слухъ, проникаетъ меня насквозь, сожигаетъ меня. Умоляю тебя, милая моя, благоволи подождать еще минуточку, благоволи удержать жизнь твою, какая она есть: походимъ еще немножко и поищемъ вмѣстѣ, милая моя, пресвѣтлую нашу. Обойдемъ святыя обители: ихъ много по обоимъ берегамъ благословенной Бгагиратги, и онѣ полны отшельниками. Испуганная царемъ Мòрокомъ, безъ сомнѣнія, она прибѣгнула сюда: тутъ гдѣ нибудь она живетъ, покрытая тайною. Мы ее отыщемъ.

Покой-души.

Нечего уже намъ искать ея. Благословенные острова, цвѣтущіе рисомъ, посѣяннымъ рукою самого Брагмы, берега рѣкъ, увѣнчанные обителями отшельниковъ, домы жертвоприносителей, исполненные матеріала для огней непотухающихъ, жертвенныхъ чашъ, всякой утвари жертвенной,—все это я исходила, все осмотрѣла пристально, вездѣ была, и четыре возраста человѣческіе, и ихъ я осмотрѣла, каждый возрастъ обошла тщательно, къ каждому приглядывалась — увы! нигдѣ не слышно о Вѣрѣ, не слышно даже о томъ, была-ли она гдѣ либо.

Сочувствіе.

Подруга моя милая, послушай меня однако! Вотъ, что̀ думается мнѣ и что̀ хочу тебѣ высказать. Ежели Вѣра принадлежитъ къ личностямъ основнымъ и существен-

нымъ, то для меня несообразимо, чтобы она могла какъ-нибудь померкнуть, чтобы она могла дѣйствительно быть въ положеніи жалостномъ. Возможно-ли объяснить эту силу гоненій противъ нея? этѣ многострадания, бѣгство? Для меня совершенно непонятно, мой другъ, подобное положеніе женщины столь чистой, столь свѣтозарной.

Покой-души.

Что несообразимо, мой другъ, когда изреченъ будетъ противу чего либо приговоръ Всеуправляющаго (*рока*)? Воплощенная Лякшми, дщерь Джанакова, обитала же въ домѣ десятиглаваго Ракшаса. Успѣли же было Дайтіи утопить въ преисподней царицу тройственныя Веды. Вождь Дайтіевъ, на знамени котораго зіяетъ преисподняя (पातालकेतु:), успѣлъ же своимъ коварствомъ похитить изступленную дщерь вдохновеннаго Гандгарва.—Увы! непримѣнимы къ намъ, тяжелы пути Неумолимаго! — Быть такъ: пойдемъ, моя милая, пойдемъ. Остается исходить теперь дома нечестивцевъ (पाखण्ड).

Сочувствіе.

Пойдемъ, мой другъ!

Уходятъ.

Сочувствіе.

Подруга, Ракшасъ (*)! Ракшасъ!

राक्षस, an evil spirit, a demon, a vampire, a fiend, but who appears to be of various descriptions, and is either a powerful *Titan* or enemy of the gods in a superhuman or incarnate form, as RAVANA and others; an attendant on KUVERA, and guardian of his treasures; or a mischievous and cruel goblin or ogre, haunting cemeteries, animating dead bodies, and devouring human beings. *Вильс.*

Покой-души.

Гдѣ Ракшасъ?

Сочувствіе.

Смотри, подруга, смотри! Сюда подьигается это чудовище. По всему тѣлу у него такъ и струится смолью нечистота, самъ онъ такой страшный и такой отвратительный этимъ своимъ лоснящимся тѣломъ—у него волосы выщипаны, платья нѣтъ, въ рукѣ какое-то опахало изъ павлинаго хвоста.

Покой-души.

Это не Ракшасъ, мой другъ. Смотри! онъ болѣе похожъ на какого нибудь евнуха.

Сочувствіе.

Кто же это такой?

Покой-души.

Вѣрнѣе это будетъ какой нибудь чортъ посредствующаго разряда; это, должно быть, какой нибудь Писача (*), другъ мой.

Сочувствіе.

При сіяніи солнечнаго круга, пышущимъ вѣнцемъ своимъ озаряющаго всю землю, когда солнце горитъ надъ нами столь ярко, какъ тутъ можетъ, кажется, подруга моя, появиться на землѣ Писача?

(*) पिशाच, a spirit, a fiend, a malevolent being something between an infernal imp and a ghost, but always described as fierce and malignant. *Вильс.*

Покой-души.

Ежели не Писача, такъ ужъ навѣрное, должно быть, это чортъ какой нибудь особенной породы изъ своей исподней кануры вылезъ сюда наружу.

Приглядываясь и соображая нѣсколько.

А! знаю Это одинъ изъ сословія Дигамбаровъ, хлопочущій по дѣламъ царя Мòрока. Во всякомъ случаѣ, мы должны быть отъ него подальше, издали даже чтобы не повстрѣчаться съ его взоромъ.

Отвращаетъ лице.

Сочувствіе.

Другъ мой, подожди минуточку! Поищу здѣсь, авось не найду-ли какъ нибудь здѣсь нашей Вѣры.

Останавливаются обѣ.

На сценѣ появляется человѣкъ изъ секты Дигамбаровъ, *сообразно съ тѣмъ, какъ объ немъ было сказано.*

Дигамбаръ

Честь вамъ и слава, Аргаты! честь вамъ и слава! — «Душу должно понимать какъ лампу, которая пылаетъ «въ домѣ съ девятью дверьми (*).» Слова эти изрекъ высокомудрый Джинъ (**), въ словахъ этихъ заключается вся необъятная полнота безцѣннаго смысла и все блаженство свободы душевной (मोक्ष).

Прохаживается по сценѣ, потомъ вслухъ.

(*) Срав. стр. 14.

(**) जिन, a *Jina*, the generic name of the personage peculiar to the *Jaina* sect, who is ranked by them as superior to the gods of the other sects: a saint and teacher: twenty-four *Jinas* are supposed to flourish in an *Avasarpini* or *Jaina* age, and their writers enumerate those of the ages past, present, and to come. *Вильс.*

Ахъ вы народъ, Ведисты (*)! Слушайте, слушайте! Неужели глаза ваши не видятъ, что не только этихъ очистительныхъ вашихъ водъ, но водъ всего міра не достанетъ, ежели ими намѣрены вы очищать человѣческое тѣло, лепешку, которая, по своей уже природѣ, проникнута вся грязью. Гмъ! душа, душа должна быть чиста, а чистота души только и пріобрѣтается поклоненіемъ премудрости: только соприкосновеніемъ съ премудрыми можетъ быть прояснена тьма скудельнаго вашего состава!

Теперь, что же вы думаете?—въ чемъ состоитъ поклоненіе премудрымъ? Вотъ въ чемъ. Для того, чтобы душа ваша была чиста, лишь только завидѣли вы кого либо изъ премудрыхъ, вы должны издали уже поклониться ему въ ноги, должны принимать его къ себѣ со всѣмъ усердіемъ непритворнаго гостепріимства, должны угощать его самыми богатыми яствами, угадывать его желанія, услуживать ему, наконецъ должны страшиться запятнать вашу душу скверною ревности въ случаѣ, ежели бы кто изъ премудрыхъ возблаговолилъ обнаруживать свои высокіе виды на женъ вашихъ. — Вѣра! прошу сюда.

Покой-души *и* Сочувствіе *смотрятъ съ выраженіемъ ужаса.*

Входитъ Вѣра *въ облаченіи, свойственномъ сектѣ Дигамбаровъ.*

Вѣра.

Въ чемъ состоитъ воля державнаго моего повелителя?

Покой-Души, *пораженная этимъ зрѣлищемъ, падаетъ на землю въ безпамятствѣ.*

(*) Словомъ श्रुति: именуются Веды; по этому, подъ именемъ श्रावका: я разумѣю *слѣдующаго Ведамъ, почитателя Ведъ*. Это названіе, въ тѣсномъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, относится къ Вишнуитамъ.

Дигамбаръ.

Прошу не удаляться ни на одну минуту отъ племени Ведистовъ (*), быть съ ними неразлучною.

Вѣра.

Будетъ исполнено по повелѣнію моего державнаго повелителя.

Уходитъ.

Сочувствіе.

Утѣшься, утѣшься, подруга моя! Ничего, даже нисколечко такого не видно, что бы тебя должно было приводить въ отчаяніе. Отъ дѣвы Незлобія (अहिंसा) я знаю, что существуетъ также другая Вѣра, по имени Нечестіе (तमस्सुता): она дщерь тьмы. И такъ это не наша Вѣра, не существенная, не основная. Это Вѣра кромѣшная, другъ мой милый.

Покой-души, *приходя въ чувство.*

Да! это такъ. Это быть иначе не можетъ. Да! преступница, не походитъ она на мою доблестную, отвратительная взглядомъ на мою миловидную, грозящая отчаяніемъ — на свѣтозарную мать мою. Нѣтъ, не походитъ она нисколько на нее. Да! это такъ. Веди меня къ Саугатамъ (**), другъ мой: между Саугатами не отыщемъ-ли моей матери?

Обѣ, Покой-души и Сочувствіе, *отправляются далѣе. На сценѣ является* Послѣдователь

---

* См. стр. 61.

** सौगत, послѣдователь Будды; सुगत, a *Buddha* in general, one of the generic terms for a deified sage, and teacher of the *Bauddha* sect. *Вильс.* सुगत въ смыслѣ нарицательномъ значитъ: *пошедшій хорошимъ путемъ*. См. стр. 64.

Будды въ *одеждѣ Бгикшуса* (*), съ *книгою въ рукѣ.*

Бгикшусъ, *послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья.*

Ко мнѣ, ко мнѣ, Поклонники (उपासका:)! Мысль, непомраченная коловратностью явленій, мысль, сорвавшая наконецъ всѣ призраки, которыми доселѣ была отуманена матерія, это та свѣтлая мысль, по которой существа суть творенія минуты и слѣдовательно не могутъ заключать въ себѣ никакого животворнаго духа. Нѣтъ теперь тайны: теперь видишь ясно всѣ сокровенныя движенія, всю механическую сущность міра живыхъ.

Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и потомъ, съ примѣтнымъ выраженіемъ удовольствія.

Куда какъ прекрасенъ, какъ хорошъ этотъ законъ Сугатовъ, законъ блаженства и свободы душевной. Теперь, лети, мчись, быстролетное время! Не будетъ болѣе неровностей и толчковъ, пріостанавливавшихъ и тревожившихъ путь вашъ. Обитаніе для тебя, поклонникъ, въ домахъ, представляющихъ всѣ удобства и роскошь, требуемыя кратковременною твоею жизнію; жены у тебя, какихъ самъ ты захочешь, какихъ купишь себѣ, примѣняясь къ немногимъ прихотямъ твоихъ немногихъ мгновеній, снѣдь такая, какой душа твоя потребуетъ, и въ такое время, когда самому тебѣ насладиться ею будетъ угодно; постель нѣжная и мягкая; ночи, прежде тяжелыя и продолжительныя отъ истязаній мучительницы Вѣры, теперь сладостно будутъ проходить у тебя въ объятіяхъ юныхъ

---

*) भिक्षु, собственно значитъ *живущій отъ подаяній.* Этимъ словомъ въ законахъ Ману именуются престарѣлые Брагманы, которые должны были вести жизнь уединенную и отшельническую. Названіе Буддиста Бгикшусомъ указываетъ на отношеніе этой секты къ Брагманизму.

дѣвъ, дышащихъ благовоніями и упоительными играми, будутъ проходить въ избыткѣ наслажденій и блаженства, между тѣмъ какъ мѣсяцъ будетъ разливать вокругъ тебя всю игру свѣтозарной роскоши своихъ небесныхъ лучей (*).

Сочувствіе.

Кто это, другъ мой, приближается сюда, съ пальмовою молодою вѣтвію въ рукѣ, въ платьѣ, которое потускнѣло и сдѣлалось какого-то темнокраснаго цвѣта отъ избытка капающихъ съ онаго благовоній, съ головою, которой маковка выбрита и сіяетъ, словно какой нибудь пирогъ, на этомъ туловищѣ?

Покой-души.

Другъ мой! Это послѣдователь Будды (*).

Бгикшусъ, *вслухъ*.

Ко мнѣ, ко мнѣ, всѣ Поклонники и всѣ Бгикшусы! да будетъ услышано вами безсмертное слово божественнаго Сугата! *Раскрываетъ книгу и читаетъ*. «Божествен-

---

* Весь этотъ матеріализмъ замѣчателенъ здѣсь особенно какъ противорѣчіе строгому, размѣренному образу жизни, который предписывается ученіемъ Брагманическимъ.

* बुद्ध a generic name for a deified teacher of the *Bauddha* sect, amongst whom numerous *Budd'has* are reckoned; the name is especially applied to the ninth incarnation of VISHNU and the apparent founder of the religion of the *Buddas*; the term is often confounded, but improperly, with a *Jina*. *Вильс.* То, что Буддисты и Джайны двѣ секты разныя, сходятся же только въ результатахъ и вообще живутъ въ дружественныхъ между собою отношеніяхъ, это видно также и изъ послѣдующихъ сценъ нашей драмы.

«нымъ окомъ моимъ я зрю источникъ блага и источникъ «горя человѣковъ. Затѣйливость всѣхъ вашихъ обрядовъ «исчезнетъ также, какъ исчезаетъ и ихъ исполненіе. То, «что вы зовете душею, исчезнетъ.» И такъ, берегите же ее, душу вашу, доколѣ она съ вами. Когда Бгикшусъ подойдетъ къ твоей женѣ, ревность да не найдетъ доступа къ твоему сердцу. Гнусное, безобразное пятно души то, что̀ зовете вы ревностью (*).

Обращая глаза въ сторону.

Вѣра (**), прошу сюда!

Входитъ Вѣра.

Въ чемъ состоитъ воля моего высокаго повелителя?

Бгикшусъ.

Прошу принять въ свои объятія Поклонниковъ и Бгикшусовъ, крѣпко держать ихъ и не выпускать отъ себя!

(*) Очевидно, что поэтъ съ умысломъ въ результатѣ заставилъ повторить одно и тѣже почти слова Буддиста, которыя говорены были прежде Джайномъ. Поэтъ старается показать, что только одна религія коренная есть истинная, всѣ же отдѣлившіяся отъ нея секты ведутъ къ своекорыстію и хотя разными путями, но впадаютъ всѣ въ матеріялизмъ и въ безвѣріе. Развитіе этой мысли совершенно видно въ послѣдующихъ сценахъ, въ особенности же между этими двумя сектантами и третьимъ Сивантомъ и его Вѣрою, которая выставлена, какъ вѣнецъ матеріялизма.

(**) Чтобы предотвратить всякой соблазнъ, считаю нужнымъ указать на то, что здѣсь говорится о такой вѣрѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ Вѣрою чистою. Подобныя выраженія употребительны и у насъ, и нисколько не помрачаютъ тѣмъ свѣта истинной Вѣры. Мы говоримъ н. п.: вѣра басурманская, вѣра нечистая, темная и т. д.

Вѣра.

Будетъ исполнено сообразно съ волею моего высокаго повелителя.

Уходитъ.

Покой-души.

Подруга моя! и это также Вѣра кромѣшняя.

Сочувствіе.

Да, можетъ-ли быть иначе?

Дигамбаръ (*).

Слышишь ты? послушай Бгикшусъ! поди-ка сюда, хочу у тебя спросить кое-что.

Бгикшусъ, *съ сердцемъ.*

Ахъ ты негодяй, Писачина образина! смѣешь-ли ты со мною такъ говорить?

Дигамбаръ.

Ну полно сердиться. Хочу спросить у тебя кое-что, имѣющее соотношеніе съ книгами закона (शास्त्रं).

Бгикшусъ.

Браво, Кшапанака (**)! Ты слыхалъ про то, что существуетъ нѣчто, называемое книгами закона. — *Про себя.*

(*) दिगम्बर собственно значитъ *облачающійся, одѣвающійся странами свѣта*, т. е. *нагой*. Эти Индійскіе Діогены составляли также какъ и Бгикшусы особое сословіе въ сектѣ Джайновъ. Вильсонъ говоритъ объ нихъ слѣдующее: a *Jain* of one great division, which represents the images of their saints, either naked or plainly attired.

(**) क्षपणक тоже что दिगम्बर, значитъ: *отвергающій вилшкость*, отъ корня क्षप् *бросать, сбрасывать*.

Должно, чтобы онъ былъ изъ нашихъ. *Приблизившись.* Ну! что такое хочешь ты у меня спросить?

Дигамбаръ.

Ты, звѣно существъ эфемерныхъ и твореніе минуты, скажи, пожалуйста, кого, или чего ради хранятся у тебя обѣты?

Бгикшусъ.

Есть на то исключеніе: умирающій въ нашемъ сословіи, ежели обоймет всю связь нашего ученія и на немъ просіяетъ знамя премудрости, то такой изъ насъ непремѣнно вознесется превыше міра призраковъ, и пребудетъ невредимымъ на лонѣ вѣчнаго блаженства, которое его воспримет.

Дигамбаръ.

Ахъ, ты безумный! Ежели въ продолженіи тысячелѣтій и возсядетъ кто либо изъ васъ невредимымъ на лонѣ вѣчнаго блаженства, такъ тебѣ какая же польза отъ того, тебѣ, который въ эту уже минуту ничто иное, какъ тотъ, кто родился и умеръ? Да скажи мнѣ, пожалуйста, о чемъ я тебя спрошу: кто вамъ показалъ этотъ вашъ законъ?

Бгикшусъ.

Законъ этотъ сказанъ намъ всевѣдущимъ, высокимъ Буддою.

Дигамбаръ.

Ахъ, ты дуракъ! всевѣдущимъ Буддою! Да кто тебѣ это сказалъ, что онъ всевѣдущь?

Бгикшусъ.

Глупецъ ты! въ собственныхъ его сочиненіяхъ значится: «всесовершенный, всевѣдушій Будда,» понимаешь-ли?

Дигамбаръ.

Ну Буддистъ, Буддистъ! Слушай. Ежели въ словахъ Будды ты созерцаешь всевѣденіе, такъ знай, что и я всевѣдущь. Вотъ тебѣ одно изъ доказательствъ. Я знаю вотъ что: я знаю, что и ты, и твой отецъ, и твой дѣдъ, и семь поколѣній твоихъ предковъ, были ничто иное, какъ Судры (*). Каково?

Бгикшусъ, *разсердившись.*

Чертова ты грязь! откуда ты взялъ, что я у тебя Судра?

Дигамбаръ.

Ну ладно! любезнѣйшій подлипало къ дѣвамъ обителей, голова ты моя разгульная! я только сказалъ это примѣрно, желая этимъ доказать тебѣ, что можно назвать всевѣденіемъ и такое всевѣденіе, которое не основано ни на чемъ. Теперь, я скажу тебѣ кое-что существенно пріятное, и такое, на что можно будетъ тебѣ положиться, какъ на самую надежную опору. Брось ты лучше, государь мой, этотъ Буддовъ законъ и прими лучше законъ Аргатовъ (**), переходи скорѣе въ сословіе Дигамбаровъ, которое, кажется, ты уже долженъ былъ убѣдиться въ этомъ, есть самое основательнѣйшее изъ всѣхъ сословій.

Бгикшусъ.

Подлецъ! себя ты погубилъ, такъ и другихъ погубить хочешь. Нѣтъ, братъ! Не найдешь ты такихъ дураковъ, которые, обладая — это я говорю тебѣ со всею моею

(*) т. е. изъ касты рабовъ.

(**) अर्हत्, въ нарицательномъ смыслѣ значитъ: *достопочтенный*, въ значеніи собств. имени тоже что जिन, см. стр. 57.

«нымъ окомъ моимъ я зрю источникъ блага и источникъ «горя человѣковъ. Затѣйливость всѣхъ вашихъ обрядовъ «исчезнетъ также, какъ исчезаетъ и ихъ исполненіе. То, «что вы зовете душею, исчезнетъ.» И такъ, берегите же ее, душу вашу, доколѣ она съ вами. Когда Бгикшусъ подойдетъ къ твоей женѣ, ревность да не найдетъ доступа къ твоему сердцу. Гнусное, безобразное пятно души то, что̀ зовете вы ревностью (*).

Обращая глаза въ сторону.

Вѣра (**), прошу сюда!

Входитъ Вѣра.

Въ чемъ состоитъ воля моего высокаго повелителя?

Бгикшусъ.

Прошу принять въ свои объятія Поклонниковъ и Бгикшусовъ, крѣпко держать ихъ и не выпускать отъ себя!

(*) Очевидно, что поэтъ съ умысломъ въ результатѣ заставилъ повторить одно и тѣже почти слова Буддиста, которыя говорены были прежде Джайномъ. Поэтъ старается показать, что только одна религія коренная есть истинная, всѣ же отдѣлившіяся отъ нея секты ведутъ къ своекорыстію и хотя разными путями, но впадаютъ всѣ въ матеріялизмъ и въ безвѣріе. Развитіе этой мысли совершенно видно въ послѣдующихъ сценахъ, въ особенности же между этими двумя сектантами и третьимъ Сивантомъ и его Вѣрою, которая выставлена, какъ вѣнецъ матеріялизма.

(**) Чтобы предотвратить всякой соблазнъ, считаю нужнымъ указать на то, что здѣсь говорится о такой вѣрѣ, которая не имѣетъ ничего общаго съ Вѣрою чистою. Подобныя выраженія употребительны и у насъ, и нисколько не помрачаютъ тѣмъ свѣта истинной Вѣры. Мы говоримъ н. п.: вѣра басурманская, вѣра нечистая, темная и т. д.

Вѣра.

Будетъ исполнено сообразно съ волею моего высокаго повелителя.

Уходитъ.

Покой-души.

Подруга моя! и это также Вѣра кромѣшняя.

Сочувствіе.

Да, можетъ-ли быть иначе?

Дигамбаръ (*).

Слышишь ты? послушай Бгикшусъ! поди-ка сюда, хочу у тебя спросить кое-что.

Бгикшусъ, *съ сердцемъ.*

Ахъ ты негодяй, Писачина образина! смѣешь-ли ты со мною такъ говорить?

Дигамбаръ.

Ну полно сердиться. Хочу спросить у тебя кое-что, имѣющее соотношеніе съ книгами закона (शास्त्र).

Бгикшусъ.

Браво, Кшапанака (**)! Ты слыхалъ про то, что существуетъ нѣчто, называемое книгами закона. — *Про себя.*

(*) दिगम्बर собственно значитъ *облачающійся, одѣвающійся странами свѣта*, т. е. *нагой*. Эти Индійскіе Діогены составляли также какъ и Бгикшусы особое сословіе въ сектѣ Джайновъ. Вильсонъ говоритъ объ нихъ слѣдующее: a *Jain* of one great division, which represents the images of their saints, either naked or plainly attired.

(**) क्षपणक тоже что दिगम्बर, значитъ: *отвергающій вещность*, отъ корня क्षप् *бросать, сбрасывать.*

Капалика, *прохаживаясь.*

Увѣнчанный красою костей человѣческихъ, живущій средь могилъ, ядущій въ черепахъ, зрю я ясновидящимъ окомъ (*) благочестія, какъ міръ сей разрозненъ, но единъ онъ съ Сивою.

Дигамбаръ.

Слышишь ты, Капалика, плѣшь костями укладенная! Въ чемъ состоитъ законъ твой? въ чемъ состоитъ у тебя блаженство?

Капалика.

Глупый Кшапанакъ! Слушай, въ чемъ состоитъ нашъ законъ. Мы разгавливаемся (**) благовоннымъ виномъ, которое пьемъ мы изъ Брагманскихъ череповъ, сожигая на огнѣ въ жертву мыслившее мясо (***) со всѣмъ мозгомъ и съ мозжечкомъ, ему принадлежавшими. Этого рода человѣческими жертвами, въ которыхъ мгновенно разсѣкается у насъ жесткое человѣческое горло и кровь человѣческая брызжетъ яркою струею, чествуемъ мы нашего великаго бога Магабгайраву (*Сиву*).

(*) योगाञ्जनप्रादुर्भूतदृष्टिः, собственно значитъ: у кого взоръ просвѣтленъ коллиріумомъ, мазью, которою женщины древняго Востока любили украшать свои глаза (a collyrium or application to the eye lashes, to darken and improve them; a universal article of the eastern toilet;—particular applications, as lamp black, antimony, and another kind. *Вильс.*). Не льзя не замѣчать остроумія въ этомъ, непереводимомъ на наши языки, образѣ благочестія Капаликова.

(**) पारण, eating or drinkig after a fast. *Вильс.*

(***) महामांस. Вотъ какъ схоліастъ Рамасада объясняетъ это слово: महात्मयोविषयेषुप्रवृत्ताबुद्धयवृत्तयःताएवमांसानि

Бгикшусъ, *затыкая уши.*

Будга! Будга! ужасъ! Какое отвратительное, какое дикое поклоненіе!

Дигамбаръ.

Аргатъ! Аргатъ! Этотъ добрый Сиванъ омороченъ какимъ нибудь преступнымъ человѣкомъ, какимъ нибудь ужаснѣйшимъ злодѣемъ.

Капалика, *съ гнѣвомъ.*

Ахъ ты негодяй! исчадіе нечестивцевъ! Чандалова морда! ахъ ты выщипленная борода! подлецъ! По твоему, значитъ, морочитъ тотъ, кто творитъ возникновеніе, жизнь и гибель во вселенной, тотъ, славою чьихъ доблестей наполнены всѣ книги Ведъ и всѣ книги совершенствъ духовныхъ: всемощный богъ, покоющійся въ объятіяхъ Бгававіи (*), по твоему морочитъ. Слушай, дуракъ! сей часъ тебѣ покажу величіе моего закона. Вишну, Сива, Брагма, эти три первенствующіе бога, захочу — они явятся ко мнѣ, чтобы исполнять мою волю. Захочу — остановлю пути созвѣздій, движущихся въ пространствѣ. Всю эту необъятную землю, всѣ ея горы и всѣ города, — захочу, утоплю въ водѣ и въ одно же мгновеніе, всю эту воду выпью черепицею глинянаго сосуда. Вотъ тебѣ мой законъ!

Дигамбаръ.

Жалкій Капалика! теперь уже скажу, что надъ тобой

(*) भवानी одно изъ названій жены бога Сивы (the goddess PARVATI or DURGA, in her pacific and amiable form. *Вильс.*)

дѣйствительно подшутилъ какой нибудь фокусникъ, который своими фокусами, должно быть, навелъ на тебя разные призраки, и такимъ образомъ успѣлъ тебя совершенно обморочить.

Капалика.

Ахъ ты скотина! опять смѣешь хулить дѣйствія Всевысочайшаго властелина (*Сивы*), называя оныя фокусничествомъ. Нечестіе этого негодяя уже невыносимо болѣе. *Выдернувъ изъ ноженъ мечъ.* По крайней мѣрѣ, пѣнящеюся, клокочущею струею крови, которая брызнетъ въ изобиліи изъ его горла, разрубленнаго моимъ грознымъ мечемъ, утѣшу мощную жену Бгаргаса (*Сивы*) съ толпою духовъ, прилетающихъ на сладостный звукъ инструмента смерти.

Съ обнаженнымъ мечемъ идетъ на Дигамбара.

Дигамбаръ, *въ испугѣ.*

Высокоблагословенный! Не вредить никому, есть сущность закона.

Бросается на шею Бгикшусу, *ища у него защиты.*

Бгикшусъ, *отклоняя* Капалику.

Послушай, высокоблагословенный, послушай! Не должно убивать этого не вредящаго никому поклонника, увлеченнаго пыломъ краснорѣчія въ круговратномъ теченіи своихъ словъ.

Капалика *прячетъ мечъ въ ножны.*

Дигамбаръ *оправившись.*

Высокоблагословенный! Ежели уже совершенно устраненъ отъ меня огонь твоего грознаго гнѣва, то я бы хо-

тѣлъ еще обратиться съ небольшимъ вопросомъ къ высокоблагословеннѣйшему.

Капалика.

Спрашивай!

Дигамбаръ.

Законъ твой теперь я понимаю, но въ чемъ состоитъ сладость блаженства у тебя, высокоблагословенный?

Капалика.

Слушай: —«Радости никто не испытывалъ безъ соприкосновенія съ чувственностью. Состоянія души, не разумѣющей смысла чувственныхъ наслажденій, этого состоянія достойнаго неподвижныхъ камней, возможно-ли желать здравомыслящему? Для кого протекаетъ весело время, въ объятіяхъ возлюбленной, подобной супругѣ могучаго Сивы, самъ же кто, на своемъ мѣстѣ, словно богъ Сива, увѣнчанный мѣсяцемъ, тотъ только блаженъ въ полномъ смыслѣ слова: другаго блаженства нѣтъ.» Слова эти изречены самимъ Сивою.

Бгикшусъ.

Высокоблагословенный! Но вѣдь такое блаженство, кажется, не сообразно ни съ какою вѣрою, блаженство, которое не исключаетъ порыва страстей и за одно съ ними.

Дигамбаръ.

Какъ ты себѣ хочешь, почтенный Капалика. Ежели не разсердишься, то я долженъ сказать тебѣ правду. Человѣкъ, который за одно съ порывами страстей, можетъ вкушать блаженство — это рѣшительно противно Ведамъ.

Капалика, *про себя.*

Эка безвѣрные! хоть бы малѣйшее понятіе имѣлъ ихъ разумъ объ Вѣрѣ. Хорошо. *Вслухъ.* Вѣра! прошу сюда.

Входитъ на сцену Вѣра *съ наружностію и въ облаченіи Капалинокъ.*

Сочувствіе.

Посмотри, подруга, посмотри. Вѣра (*), дщерь страсти (रज्ञस:सुता).

Разцвѣтшимъ темнымъ лотосомъ вращаются у нея очи, вѣнки, сдѣланные изъ костей человѣческихъ, составляютъ ея украшеніе, увѣсистая тучностью своихъ здоровыхъ чреслъ и грудей, эта развратница, словно какое нибудь полномѣсячье сіяетъ лицемъ своимъ отвратительнымъ.

Вѣра, *приблизившись.*

Я здѣсь. Въ чемъ состоитъ воля моего обладателя?

Капалика.

Возьми-ка, любезная, въ свои объятія этого негоднаго, надменнаго Бгикшуса.

Вѣра *обнимаетъ* Бгикшуса. *Послѣ этого,* Бгикшусъ *обнимаетъ взаимно* Вѣру *и потомъ, выражая словами своими избытокъ блаженства, который онъ почувствовалъ отъ этого объятія, говоритъ вслухъ.*

Ахъ, что за радость, что за отрада пролилась по всему существу моему отъ этого прикосновенія ко мнѣ Капалинки!

Нѣтъ! свята жизнь Капаликовъ, вижу: достохвально сословіе Сивы. Законъ Сивовъ, это не законъ, это просто чудо. Внемли мнѣ, высокоблагословенный! Во что бы ни стало, Буддовъ законъ уже не мой, онъ уже оставленъ

(*) См. стр. 65 (**).

мною на вѣкъ: я принадлежность сословія державнаго Сивы. И такъ, ты мнѣ отецъ, ты мнѣ наставникъ: я твой школьникъ, высокоблагословенный. Посвяти меня, умоляю тебя, посвяти меня въ служеніе верховнаго моего властелина Сивы.

Дигамбаръ.

Подлецъ Бгикшусъ! прикосновеніе Капалинки увлекло тебя въ грѣхъ. Прочь отъ меня!

Бгикшусъ.

Самъ ты подлецъ. Ты, дуракъ, не знаешь, какое невыразимое радованіе, какая благодать въ этомъ объятіи Капалинки.

Капалика.

Любезная, обними Кшапанака!

Капалинка *беретъ* Дигамбара *въ свои объятія;* Дигамбаръ *съ чувствомъ человѣка, у котораго волосы поднялись дыбомъ отъ упоенія.*

Ахъ Аргатъ! Аргатъ! Что за наслажденіе, которымъ проникнула меня всего Капалинка, лишь только до меня дотронулась!—

Ахъ Капаличество! ахъ жизнь Капалическая! Одно, одно только лицезрѣніе Капалинки даетъ и радованіе и блаженство. Капàлика, учитель мой, государь мой! умоляю тебя, прійди ко мнѣ: теперь я уже твой ученикъ, твой слуга. И меня ты благоволи силою твоей мысли посвятить въ служеніе всемощнаго Магабгайрава (Сивы).

Капалика.

Прошу сѣсть.

Дигамбаръ и Бгикшусъ *садятся.*

Капалика *беретъ сосудъ и принимаетъ видъ человѣка, сосредоточившаго всѣ свои мысли*

Капалика.

Всепресвѣтлый! сосудъ наполненъ виномъ.

Капалика *смотритъ въ сосудъ, потомъ испивъ изъ него, даетъ остальное* Бгикшусу и Дигамбару.

Это чистое, безсмертное вино да изопьется вами! Оно —лекарство жизни. Оно расторгаетъ цѣпи звѣрства (*). Самъ Бгайрава (*Сива*) вамъ его посылаетъ.

Дигамбаромъ и Бгикшусомъ *овладѣваетъ раздумье.*

Дигамбаръ.

Въ законѣ нашемъ, въ Джиновомъ законѣ, запрещено употребленіе вина.

Бгикшусъ.

Какъ я стану пить вино, которое осталось послѣ Капалики?

Капалика.

Что ты, братъ, раздумываешь?—Вѣра! Привычекъ этихъ животныхъ не искоренишь съ одного разу. Отъ прикосновенія къ моимъ грѣшнымъ устамъ, думаютъ они дураки, что это вино сдѣлалось нечистымъ. Ладно! медомъ твоихъ губокъ очисти-ка, государыня моя, это вино и поднеси сама имъ. Говорятъ же поклонники: «уста женщины всегда безпорочны.»

Вѣра.

Готова исполнить приказаніе государя моего.

Взявъ сосудъ съ виномъ пьетъ изъ него сама, потомъ подноситъ Бгикшусу.

(*) पशुपाशसमुच्छेदकारिणं можетъ быть переведено словами: *освобождаетъ отъ звѣрства*, а также—*даетъ полную волю звѣрству, дѣлаетъ звѣремъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ первыми двумя составными частями сложнаго слова (पशुपाश) намекаетъ на эпитетъ Сивы.

Бгикшусъ.

Какого блаженства удостоенъ я! *Беретъ чашу изъ рукъ Капалинки и пьетъ.* Благодать, просто благодать! Сколько разъ пивалъ я съ свободными дѣвами, сколько разъ случалось мнѣ вкушать сладостные, упитанные благовоннымъ вакуломъ (**) остатки отъ ихъ прелестныхъ ротиковъ! Но теперь, отвѣдавъ этого нектара, благоухающаго устами Капалинки, я вижу, что лишь въ такомъ винѣ и можетъ быть только сладость. Самые боги бросили бы свою амриту и накинулись бы на эту всесладостнѣйшую, всесовершеннѣйшую влагу.

Дигамбаръ.

Что ты братъ, Бгикшусъ? Послушай, не все пей. Сбереги и для меня этого питья, смѣшаннаго съ сладостью влаги устъ Капалинкиныхъ.

Бгикшусъ *подаетъ чашу* Дигамбару.

Ахъ, ахъ! что за сладость въ этомъ винѣ! что за вкусъ! что за благовоніе! Какой безподобный букетъ. Эка дуракъ я! до сихъ поръ, отуманенный видѣніями ученія Джинова, я не имѣлъ даже понятія объ этой божественной влагѣ. Бгикшусъ, братъ! все около меня вертится кругомъ. Я лягу спать.

Бгикшусъ.

Да, братецъ. И я хочу спать. Уснемъ оба.

Оба, Бгикшусъ и Дигамбаръ, *ложатся на сцену.*

Капалика.

Милая! эти два холопа теперь совершенно уже наши. Славно! и пустаго намъ стоило взять ихъ обоихъ вмѣстѣ. Теперь, въ честь этого, попляшемъ съ тобою, моя милая!

(**) वकुल, a plant. (Mimusops elengi.) *Вильс.*

Капалика съ Капалинкою *пляшутъ*.

Дигамбаръ.

Послушай, братъ Бгикшусъ, послушай. Капàлика, т. е. нашъ достопочтенный учитель, пляшетъ съ Капалинкою. Посмотри, братъ, посмотри, какъ хорошо. Отъ чего бы и намъ съ нею не поплясать?

Бгикшусъ.

И мы станемъ плясать.

Встаютъ и начинаютъ плясать, скользя и шатаясь, какъ свойственно еще не протрезвившимся.

Бгикшусъ.

Наставникъ! что за чудное это твое ученіе, посредствомъ котораго, безъ всякихъ истязаній, достигается конечная цѣль совершенствъ человѣческихъ.

Капалика.

Это чудо, которое ты созерцаешь, еще вздоръ. Посредствомъ нашего ученія, нисколько не отвлекаясь отъ чувствъ, отъ всего того, что̀ ты видишь, что̀ ты осязаешь и т. п., стремясь постоянно къ высокой цѣли онаго, ты получишь еще восемь (*) другихъ совершенствъ, а именно: силу произвола, силу хищеній, силу омраченія, испуга, уничтоженія препятствій и наконецъ силу искушать соблазномъ всѣхъ горделивыхъ поклонниковъ.

(*) अणिमामहिमाचैवलघिमागरिमातथा।
प्राप्तिःप्राकाम्यमीशत्वंवशित्वंचाष्टसिद्धयः।।

Въ этихъ двухъ стихахъ исчислены восемь магическихъ совершенствъ, которыми обладали будто мудрецы между Джайнами. Эти совершенства суть: безконечно великое, безконечно малое, всепрониканіе и т. д.

Дигамбаръ.

Ай да Капалика! *Подходя къ нему и лаская его:* ну вотъ наставникъ, такъ наставникъ! Что я говорю: наставникъ? отличнѣйшій наставникъ! краса наставниковъ! царственный наставникъ! Ай ты мой наставникъ безцѣннѣйшій! ты мой любезнѣйшій наставникъ!

Продолжаетъ обнимать и ласкать Капалику.

Бгикшусъ.

Этотъ поклонникъ, испивъ чрезмѣрно много нектара, въ самомъ дѣлѣ доходитъ до крайности изступленія. Нѣтъ-ли возможности протрезвить его, высокоблагословенный?

Капалика.

Хорошо.

Вынимаетъ у себя изо рта недожеванную тамбулу (*) *и даетъ ее* Дигамбару.

Дигамбаръ, *опамятовавшись.*

Учитель! Вотъ, о чемъ должно мнѣ спросить тебя. Вино ваше, котораго чудное могущество не подлежитъ уже отрицанію, имѣетъ-ли оно одинаковую силу привлекать также и женщинъ, какъ оно привлекаетъ мужчинъ?

Капалика.

Вотъ, о чемъ ты спрашиваешь. Слушай! Будь она, твоя

(*) ताम्बूल, Betel (Piper betel), or its pungent leaf, which together with the areca nut and catechu, and sometimes caustic lime and spices, is eaten very generally by the natives of the east. *Вильс.*

женщина, изъ породы Видъядгаровъ (*), изъ женъ Змѣевъ (**), будь она дщерь Якшевъ (***) — только захотѣть мнѣ приворожить къ себѣ эту женщину,— кто бы она ни была во всемъ трехмірін (т. е. *во вселенной*), я ее приворожу и привлеку къ себѣ также, какъ и все приворожу, что мнѣ будетъ угодно.

Дигамбаръ.

Вотъ, почему я сдѣлалъ этотъ вопросъ. Теперь разсчитавъ дѣло хорошенько, я знаю и чувствую, что всѣ мы вѣдь рабы царя Мороца. Не правда-ли?

Капалика и Капалинка *вмѣстѣ*.

Да! какъ знаешь и чувствуешь, любезнѣйшій нашъ, такъ оно дѣйствительно и есть.

Дигамбаръ.

И такъ должно же подумать о томъ, чтобы сослужить службу нашему царю.

(*) विद्याधर, a demigod of a particular order or class, a spirit of the air. *Вильс.*

(**) नाग, a *Nága* or demigod so called, having human face, with the tail of a serpent, and the expanded neck of the *Koluber Nága*; the race of these beings is said to have sprung from KADRU, the wife of KASYAPA, in order to people *Pátála* or the regions below the earth. *Вильс.*

(***) यक्ष, a demigod, attendant especially on KUVÉRA, and employed in the care of his gardens and treasures. *Вильс.*

Капалика.

О какой службѣ ты говоришь, другъ мой?

Дигамбаръ.

Вотъ о какой. Дочь Закона, Вѣра, во исполненіе воли великаго нашего государя, должна быть нами поймана.

Капалика.

Скажи же, пожалуйста, милый, не имѣешь-ли ты какихъ нибудь свѣденій на счетъ мѣстопребыванія этой хлопьей дочери? Только одного этого мнѣ и нужно. Мнѣ только бы знать, гдѣ она, такъ тотчасъ же могуществомъ моего ученія я ее схвачу силою и — попляшетъ она у насъ, негодная.

Дигамбаръ *беретъ мѣлъ и разсчитываетъ*..

Покой-Души.

Подруга! я слышу рѣчь этихъ бездушниковъ, относящуюся до моей матушки. Сосредоточимъ-же все наше вниманіе.

Сочувствіе.

Не промолвятъ они даромъ ни одного слова, подруга.

Покой-Души и Сочувствіе *вслушиваются*.

Дигамбаръ.

На морѣ нѣтъ ея, на сушѣ нѣтъ ея, на горахъ нѣтъ ея, въ преисподней нѣтъ, она:— она, руку объ руку съ Поклоненіемъ-Вишну, обитаетъ въ душѣ людей возвышенныхъ.

Сочувствіе, *съ выраженіемъ избытка радости.*

Подруга, радуйся! Теперь мы живы съ тобою. Вѣра—рука объ руку съ царицею Поклоненіемъ-Вишну. Слышала ты?

На лицѣ и въ движеніяхъ Покоя-души изображается радость.

Другъ ты мой!

Бгикшусъ.

Но Законъ, отложившись отъ Любви — гдѣ онъ теперь? Что онъ теперь дѣлаетъ?

Дигамбаръ, *взявши мѣлъ, опять разсчитываетъ и произноситъ на распѣвъ:*

На морѣ нѣтъ его, на сушѣ нѣтъ его, на горахъ его нѣтъ, онъ:—и онъ за одно съ Поклоненіемъ-Вишну, обитаетъ въ сердцахъ людей возвышенныхъ душею.

Капалика, *пораженный этими словами, говоритъ, какъ человѣкъ потерявшій духъ.*

И такъ стало быть не судьба нашему высокому, нашему великому государю. Царица Поклоненіе-Вишну, она корень всякому совершенству души человѣческой: ежели съ ней неразлучна эта дочь существенности (सत्वकन्या), Вѣра, да еще ежели и Законъ разошелся съ царемъ Любовью (*), такъ выходитъ уже, что царь Разумъ, что ни задума-

---

(*) Само собою разумѣется, что здѣсь говорится о любви плотской, а не духовной. Подъ категорію этой любви должно отнесть: пристрастіе, всякое дурное увлеченіе, себялюбіе и т. п.

етъ, то и сдѣлаетъ. Однако должно испытать прежде все, сдѣлать все, что только способны мы сдѣлать, хотя бы это обошлось намъ даже цѣною нашей жизни, для того, чтобы выполнить повелѣніе, возложенное на насъ обладателемъ нашимъ. Употребимъ способы, подаваемые намъ ученіемъ великаго Магабгайрава *(Сивы)*; эта холопья дочь Вѣра и Законъ еще могутъ быть нашими.

Уходятъ.

Покой-души.

И мы пойдемъ, подруга. Пойдемъ скорѣе, чтобы разоблачить этѣ козни бездушниковъ передъ царицею Поклоненіемъ-Вишну.

Уходятъ всѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО АКТА.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Входитъ на сцену ПРІЯЗНЬ (मैत्री).

Пріязнь.

Я слышала отъ моей сестры Восторженности (मुदिता), что моя подруга Вѣра исторгнута изъ челюстей грозной Магабгайравіи *(супруги Сивы)* нашею государынею Поклоненіемъ-Вишну. Когда-жъ увижу я наконецъ подругу, по которой столь долго тоскуетъ мое сердце?

Ходитъ въ унынiи по сiенѣ. Вскорѣ послѣ этого показывается Вѣра.

Вѣра, *дрожащимъ голосомъ.*

Она ужасна: у нея вмѣсто серегъ человѣческіе черепы; ряды молній вылетаютъ изъ ея взоровъ. Отвратительный образъ! огнемъ горитъ этотъ яркій, красный цвѣтъ волосъ ея; изъ темнаго зѣва торчатъ, какъ обрѣзки отъ луны, ея острые зубы, и между ними играетъ у нея кровавый языкъ. Все какъ будто еще вижу ее, Магабгайравію, и до сихъ поръ у меня, какъ робкая серна, бьется въ груди встревоженное сердце.

Пріязнь.

Вотъ она, моя милая подруга—Вѣра. Съ душею встревоженною, трепещущая, какъ испуганная серна, она

что-то передумываетъ въ испуганномъ своемъ умѣ и не замѣчаетъ, что я стою передъ ея очами. Заговорю я съ ней. *Вслухъ.* Милая подруга! Вѣра! грусть твоя столь сильна, что мѣшаетъ тебѣ видѣть стоящую возлѣ тебя твою подругу.

Вѣра *приподнимаетъ глаза, со вздохомъ.*

Это ты, милый другъ мой, Пріязнь. Послѣдній разъ видѣла я тебя въ то время, какъ страшная пасть смертельной ночи уже держала меня въ своихъ зубахъ. Подруга моя! Тебя-ли я опять вижу и въ этомъ поколѣніи? Подойди же, обними меня.

Пріязнь, *обнимаетъ* Вѣру.

Подруга! Въ то время, какъ могущество Поклоненія-Вишну разгромило уже столь достославно Магабгайравію, отъ чего ты до сихъ поръ еще трепещешь, и все еще у тебя сердце не на мѣстѣ, другъ мой?

Вѣра, *повторяетъ то, что говорила прежде.*

Ужасная! Человѣческіе черепы — у нея серьги; ряды молній вылетаютъ изъ ея взоровъ. Отвратительный образъ! огнемъ горитъ этотъ яркій, красный цвѣтъ волосъ, изъ темнаго зѣва торчатъ, какъ обрѣзки отъ луны, ея острые зубы и между ними играетъ у нея кровавый языкъ. Все какъ будто вижу Магабгайравію, и до сихъ поръ у меня, словно робкая серна, бьется въ груди встревоженное сердце.

Пріязнь, *одолѣваемая ужасомъ.*

Страшилище! бездушная! какое гнусное привидѣніе! Что-жъ она сдѣлала, когда приблизилась къ тебѣ?

Вѣра.

Какъ соколъ низпавъ на меня, ухватясь одною рукою за мои обѣ ноги, а другою вцѣпившись въ безпомощный Законъ, быстро взвилась она на воздухъ, словно орлица, держащая въ изогнутыхъ, острыхъ когтяхъ два куска свѣжаго, прозрачнаго мяса.

Пріязнь.

Ужасъ! ужасъ!

Падаетъ въ обморокъ.

Вѣра.

Утѣшься! утѣшься! подруга моя!

Пріязнь, *пришедши въ чувство.*

Что съ тобою было послѣ этого? Потомъ что было съ тобою? Скажи, какъ же спасена ты?

Вѣра.

Царица *(Поклоненіе-Вишну)*, услышавъ роковой стонъ и вопль нашъ, преисполнилась жалости: страшно изогнулись брови ея, очи вспыхнули пламенемъ гнѣва, и — вся полновѣсность этого взора излучистою молніею упала на хищницу. Она, какъ утесъ, перуномъ оторванный отъ горы, пала послѣ этого на землю, какъ упала бы изсохшая голова мертвеца, пущенная съ высоты, разбиваясь въ куски.

Пріязнь.

Чудесно! Значитъ моя милая подруга, подобно серпъ исторгнутой изъ челюстей тигровыхъ, особеннымъ

счастіемъ спасла свою жизнь. Что же было съ тобою послѣ? Продолжай, что было послѣ?

Вѣра.

Уничтоживъ эту хищницу, царица сосредоточила свои мысли и рѣшилась вотъ что сдѣлать: «Этотъ злой «Морокъ, этотъ бездушникъ (हतकः) дѣйствуетъ вѣчно «такъ, какъ бы меня и на свѣтѣ не было, считаетъ меня «за ничто; я изведу его наконецъ, искореню повсю«ду такъ, что и памяти объ немъ не останется.» И вотъ я получила приказъ отъ царицы: «Ступай, Вѣра, скажи «Разуму: пусть онъ сдѣластъ всѣ приготовленія, пусть «соберетъ всѣ свои силы, чтобы нанести послѣдній, рѣ«шительный ударъ Любви, Гнѣву и всей остальной этой «ватагѣ. Вслѣдъ за одержанною имъ побѣдою непремѣн«но проявится во вселенной Безпристрастіе (वैराग्यं). Ска«жи, пусть онъ выступитъ въ бой, я же въ свое время «пришлю ему на помощь Порабощеніе-Чувствъ(प्राणायामः) «и другихъ моихъ союзниковъ, которые поддержатъ «и подкрѣпятъ ваше воинство. Когда все это бу«детъ сдѣлано, Мудрость (ऋतम्भर) и безукоризнен«ная дѣва Покой-Души своимъ вліяніемъ устроятъ «то, что, когда царь Разумъ сблизится съ царицею «Упанишадою, отъ этого сближенія возсіяетъ на«конецъ нашъ вожделѣнный отрокъ, Свѣтлая-Мысль.» Вотъ я и иду теперь, дрожайшая моя подруга, предстать предъ свѣтлыя очи царя Разума. Теперь скажи, моя милая, что ты подѣлываешь? Твои дни какъ проходятъ?

Пріязнь.

И мы также слѣдуемъ распоряженіямъ царицы Поклоненія-Вишну: четыре сестры, мы для того, чтобы упрочить

путь блистательной побѣды Разуму, обитаемъ въ груди людей возвышенныхъ сердцемъ.

Возвысивъ рѣчь, продолжаетъ говорить нарѣчіемъ Санскритскимъ (*).

Въ свѣтлыя годины душа ихъ лелѣема дѣвою Пріязнію (मैत्री), въ годины же мрачныя, мысль ихъ озаряема сестрой Состраданіемъ (अनुकम्पा); всегдашнею бодростію, всегдашнимъ цвѣтеніемъ, сестрою Восторженностію-ко-всему-высокому (पुण्यक्रियेषुमुदिता), они охраняемы; все же нрюмѣшное, все душегубное удаляемо отъ нихъ сестрою Возвышенностію (कृमतावुपेक्षा), молніей очей ея. Вотъ что̀ дѣлаемъ мы, и недосягаемый тайникъ душъ, въ которыхъ мы поселились, пребываетъ тихъ и ясенъ; незыблемъ онъ и тогда, когда нечистыя волны Страсти, Корыстолюбія, Вражды и всякаго другаго нечестія (रागलोभद्वेषादिदोष०) подплываютъ къ нему со всѣхъ сторонъ, чтобы помутить его. Вотъ какимъ образомъ, подруга моя, мы четыре сестры проводимъ дни наши, всегда имѣя завѣтною цѣлію для нашей дѣятельности — рожденіе этого божественнаго младенца. Но гдѣ онъ пребываетъ теперь, моя милая подруга, великій нашъ государь? гдѣ ты предполагаешь найти его?

Вѣра.

Вотъ, что̀ мнѣ сказала царица *(Поклоненіе-Вишну)*: «Есть страна называемая Радга. Тамъ на святомъ мѣстѣ, увѣнчанномъ чистыми волнами Бгагиратги *(Гангесса)*, царь Разумъ, послѣ того какъ спутница его, Разсужденіе, уединилась и прибѣгнула подъ кровъ Мимансы (**), пре-

---

(*) Въ Индійскихъ драмахъ лица второстепенныя говорятъ обыкновенно нарѣчіемъ Пракритскимъ.

(**) Вотъ объясненіе этого слова у Вильсона: मीमांसा, one

исполненный душевнаго унынія и укротивъ на нѣкоторое время свои чувства, совершаетъ должный обѣтъ пламеннаго благочестія, чтобы сблизиться съ царицею Упанишадою.

Пріязнь.

И такъ, ступай же, милая моя подруга. И я также буду исполнять, что̀ на меня возложено.

ИНТЕРМЕДІЯ.

На сценѣ являются царь РАЗУМЪ *и* ПРИВРАТНИЦА (प्रतीहारी).

Царь.

Гнусный Мо̀рокъ! Какъ ни велико будетъ торжество ваше, все таки множество людей погублено тобою. Таковъ человѣкъ! въ мирномъ, въ безпредѣльно великомъ, въ исполненномъ блаженства немутимаго мышленія, въ чуждомъ всякихъ треволненій океанѣ безсмертія,

---

of the philosophical systems of the *Hindus*, or rather a twofold system, the two parts of which form two of the six *Dersanas* or schools of philosophy; the first part, the *Púrva Mimánsá*, or *Mimánsá* simply, originatēs with the Muni JIAMINI, and illustrates the *Karma kán'd'a* of the *Vedas*, or the practical part (the ritual) of religion and devotion, including also moral and legal obligations. The second part of *Uttara Mimánsá*, ascribed to VYASA, is the same as the *Védánta* founded on the *Jnána-kán'd'a* or theological portion of the *Vedas*, and treating of the spiritual worship of the Supreme Being or soul of the universe.

окунется-ли онъ хотя бы на одну минуту? всполоснетъ-ли по крайней мѣрѣ уста свои? Нѣтъ, не туда онъ влечется. Въ океанѣ же, не представляющемъ ничего живаго, не имѣющемъ въ себѣ никакой существенности, состоящемъ изъ однихъ призраковъ, улетающихъ при первомъ взглядѣ душевнаго ока, онъ, изнывшій, утомленный, омраченный его тревожною волною — весь онъ въ него погружается, вкушаетъ ядовитую его влагу, пьетъ ее, упивается ею, ныряетъ въ ней, играетъ, плаваетъ въ ней, утопаетъ въ ней, безумный.

Но основаніе всего могущества Мòрока, воздвигшаго этотъ міръ пагубныхъ призраковъ и возбудившаго эти безумныя стремленія людей, въ сущности есть ничто иное, какъ одно только Невѣденіе истины (अबोध:): и такъ въ десницѣ Вѣденія (तत्ववबोध:) заключена для него погибель.

Да! чтобы известь съ корнемъ это древо хаотическаго Невѣденія, другаго средства нѣтъ, какъ Вѣденіе истины, родящееся отъ сѣмени Поклоненія Царю вселенной.

« Чистому дѣлу, сопровождаемому рѣшимостію, помощ-
« ники боги, » говорятъ мудрецы. Царствованіе твое, Мòрокъ, прекратится!

Вотъ, что̀ наказываетъ мнѣ царица Поклоненіе-Вишну: « да будутъ приняты Вами мѣры, чтобы окончательно « разгромить Любовь и всю эту ватагу; мои же силы бу-
« дутъ оберегать ваши войска отъ коварныхъ противъ « Васъ дѣйствій непріятелей нашихъ. Только выступите « въ бой, съ вами тотчасъ же соединится и мое охра-
« нительное воинство. »

Очень хорошо! — Любовь, первый богатырь со стороны непріятельской, неминуемо падетъ на полѣ битвы отъ руки моего Основательнаго-Анализа (वस्तुविचार:); и такъ я отряжу его, а не кого либо другаго, чтобы нанесть послѣдній ударъ неукротимѣйшему изъ нашихъ злопротив-

ликовъ. Ведавати (*)! Прошу позвать ко мнѣ Основательный-Анализъ.

Привратница.

Будетъ исполнено немедленно по волѣ повелителя.

Уходитъ и вскорѣ послѣ того возвращается вмѣстѣ съ Основательнымъ-Анализомъ.

Основательный-Анализъ.

Увы! проклятый бездушникъ, Любовь, усилившійся только потому, что не разсматриваютъ, въ чемъ именно состоитъ это страшное его оружіе — горделивая красота, которою располагая по своему произволу, успѣлъ онъ погубить весь міръ. Да! не ошибся царь Мѝрокъ, положившись въ своихъ расчетахъ на этого душегубца.

« Какъ она мила! Въ ея очахъ цвѣтетъ лазурь лотоса! Что за полнота въ этихъ округленныхъ чреслахъ! Какъ упруги эти груди! какъ роскошно, какъ уемисто, это высокое лоно! этотъ ротикъ — это просто цвѣтетъ свѣжій цвѣтокъ розоваго лотоса! Что за прекрасныя брови! » Вотъ восклицанія, которыя позволяютъ себѣ даже умные люди, какъ только увидятъ какую нибудь дѣвчонку; даже умные люди приходятъ въ какое-то опьяненіе, въ какую-то непонятную безсмысленную веселость духа, восхваляютъ свой призрачный кумиръ, увидя это порожденіе нечистоты. Вотъ тѣ гнусныя мѣры, которыми морочитъ царь Мѝрокъ.

Смотри прямымъ взглядомъ на женщину, вглядись въ нее безъ предубѣжденія: ежели ты уменъ, поймешь тотчасъ же, что очаровательность въ ней — призракъ, что она не иное что, какъ плоть, составленная изъ мяса, мокротъ и костей, что настоящій запахъ и отъ нея,

---

(*) वेदवति въ нарицательномъ смыслѣ значитъ: *разумѣющая Веды.*

также какъ и отъ всякаго поддерживаемаго вещественною пищею творенія, противенъ, что отвратительное тлѣніе таится подъ ея наружностію. А все таки люди не знаютъ покоя отъ женщины!

Прибавь къ этому, что блескъ, который ослѣпилъ тебя въ женщинѣ, большею частью принадлежитъ не ей, что онъ похищенъ ею извнѣ. Смотри! Ее обвиваютъ гирлянды изъ жемчуга, вся она облита свѣтлымъ пламенемъ играющихъ на ней алмазовъ, звонкія золотыя запястья, осыпанныя брильянтами, звенятъ на ея ногахъ и украшаютъ ея руки, кункумовая (*) краска оттѣняетъ ея лице, въ ея вѣнкахъ — все разнообразіе свѣжихъ, исполненныхъ благовонія, цвѣтовъ, въ ея волнующемся игривомъ нарядѣ изъ мягкаго шелку — вся затѣйливость покроя и красокъ. Красоту всего этого безразсудные люди приписываютъ женщинѣ и думаютъ въ ней находить свое окончательное счастіе; а она, гораздо справедливѣе — ежели только смотрѣть на нее, не съ одной внѣшней, но и съ внутренней стороны, гораздо справедливѣе должна показаться адомъ (निरयो *ниряё*) для мужчины, а не пріютомъ счастія, и потому-то очень, очень идетъ къ ней ея названіе, которое имѣетъ она отъ природы (नारी *нарй*; *игра созвучій*).

Вслухъ, съ чувствомъ негодованія.

Чандалова (**) душа! ты негодяй, котораго зовутъ Любовь! Родъ человѣческій обмороченъ тобою, могущимъ проявить себя только въ женщинѣ. Несчастные! имъ мерещится: «Эта дѣва сгараетъ желаніемъ быть со мною вмѣстѣ; она не можетъ жить, ежели «осудить ее, чтобы жила безъ меня; мѣсяцеликая, какъ «мило смотритъ она на меня, — очами синяго лотоса,

---

(*) कुङ्कुम, saffron (Crocus sativus). *Вильс.*

(**) См. стр. 53.

«томнымъ взглядомъ она зоветъ меня къ себѣ: я воз-
«становлю ее, живымъ, крѣпкимъ объятіемъ моимъ об-
«новлю этотъ пышный цвѣтъ колышущейся груди ея.»
Безумецъ! что такое тутъ «желаетъ,» что такое тутъ «смотритъ» — она, это построеніе изъ мяса и костей? Повѣрь мнѣ, неразумный человѣкъ! Женщина ничего не смыслитъ во всѣхъ этихъ стремленіяхъ, во всемъ этомъ мнимомъ расположеніи къ тебѣ. Въ ней смотритъ и обнаруживаетъ свои стремленія не иной кто, какъ этотъ духъ возмутитель, который, будучи лишенъ собственной плоти, принужденъ теперь искать убѣжища по чужимъ тѣламъ, и бродитъ такимъ образомъ изъ одного тѣла въ другое (*).

Привратница.

Сюда, сюда благоволите идти, высокоблагословенный.

Основательный-Анализъ *и* Привратница *идутъ далѣе.*

Привратница.

Въ этой залѣ возсѣдаетъ царь. Не угодно-ли милостивому государю приблизиться къ царю?

Основательный-Анализъ, *подошедши.*

Здравіе и побѣда государю нашему. Преклоняетъ главу свою предъ государемъ Основательный-Анализъ.

(*) По Индійскому преданію Сива раздраженный богомъ Любовью (काम) сжегъ у него тѣло, отъ чего Индійскій Эротъ и получилъ названіе अनङ्ग, *безплотный.* — Это ожесточеніе противъ женщинъ можно отчасти простить нашему поэту изъ уваженія къ тому, что въ его драмѣ, не смотря на эти возгласы Основательнаго-Анализа, играютъ роль такія женщины, каковы дѣва Покой-Души, Вѣра, Терпѣніе и особенно царица Упанишада въ 6-мъ актѣ. Такія прекрасныя лица въ женскомъ образѣ затмѣваютъ отыскиваемое пытливымъ анализомъ въ женщинахъ.

Царь.

Прошу покорнѣйше садиться. Не угодно-ли?

Основательный-Анализъ.

Государь! предъ вами вашъ слуга, безусловно вамъ преданный. Окажите ему милость возложеніемъ на него повелѣній вашихъ.

Царь.

Открылась война между мною и царемъ Мо̀рокомъ. Въ его войскѣ первый богатырь царь Любовь: противъ него въ моемъ войскѣ я назначаю васъ, милостивый государь, ему богатыремъ сопротивникомъ. Согласны-ли вы на это?

Основательный-Анализъ.

Я совершенно счастливъ, будучи вполнѣ оцѣненъ моимъ государемъ.

Царь.

Хорошо. Теперь, скажите мнѣ, какое оружіе намѣрены вы употребить, воюя съ соперникомъ вашимъ? Какимъ именно оружіемъ надѣетесь вы сразить его?

Основательный-Анализъ.

Весь запасъ оружія моего соперника, который будетъ мною преданъ погибели, состоитъ изъ одного цвѣточнаго лука и изъ пяти стрѣлъ (*). Противъ каждой изъ стрѣлъ

(*) Эти стрѣлы суть слѣдующія: शोषणमोहनसंदीपनाच्चाटनोन्मादना: *Vétálapanc'* Anthol. Ch. Lassen. стр. 7.

Любви есть у меня своя стрѣла, стрѣлы же мои одарены особеннымъ свойствомъ, именно свойствомъ сокрушать на лету всѣ его стрѣлы. Но вотъ въ чемъ состоитъ мое рѣшительное превосходство надъ всѣми его силами: — женщина не помрачитъ ни моего воображенія, когда я одинъ, ни моихъ глазъ, когда ее вижу. При этой сознательной рѣшимости, съ одной стороны мысль о томъ, какъ отвратительною дѣлается эта же женщина въ лѣта преклонныя, какъ слѣдовательно непрочна въ ней эта ея привлекательность, — съ другой стороны разумный отчетъ, данный самому себѣ, изъ чего именно состоитъ эта красота женщины даже въ самомъ цвѣту ея развитія, довершатъ остальное и уничтожатъ непремѣнно этого цвѣточнаго стрѣлка, враждующаго съ нами.

Царь.

Превосходно! Превосходно!

Основательный-Анализъ.

Еще: ежели не напрасно будутъ существовать рѣки, на коихъ возвышаются острова, благословенные Брагмою, горы, увлаженныя брызгами потоковъ, разбивающихся объ ихъ каменистыя ребра и разносящихъ рокотанье свое далеко по окрестностямъ, ежели по вѣковымъ лѣсамъ будутъ процвѣтать въ тѣни маститыхъ деревъ обители для отшельниковъ, исполненныхъ истинной мудрости, ежели среди мудрецовъ возстанетъ съ достоинствомъ мирное слово Вѣясы (*) и люди будутъ вступать съ ними въ бесѣды и будутъ поучаться отъ нихъ; то какая тутъ женщина — этотъ составъ изъ крови и мяса —

(*) Подъ словомъ Вѣясы должно разумѣть всѣ сочиненія, признаваемыя священными въ исповѣданіи Вишнуитовъ. Сюда принадлежатъ въ особенности Веды, законы Ману, Магабгарата, Рамаяна и Вишнуитскія Пураны.

придетъ на умъ человѣку? возможно-ли, чтобы пришелъ ему на умъ этотъ забавный красавчикъ съ своимъ цвѣточнымъ вооруженіемъ? *Женщина* — главное оружіе у Любви. Ежели только она будетъ побѣждена, то о другихъ его союзникахъ и думать нечего: всѣ они увидятъ, что ихъ затѣи пусты и они разрушатся сами собою. Благовоніе чàндры (*) и чàндана (**), роскошныя ночи, когда свѣтлый мѣсяцъ расхаживаетъ по оживленному пространству и чествуетъ гостей своихъ, этотъ разцвѣтъ весны, оглашаемый роями пчелъ, жужжащихъ по цвѣтущимъ кустарникамъ, очаровательный опушками лѣса, развивающаго веселую зелень свою; эти дни, въ которые слышно, какъ изъ глубины нѣдръ своихъ гудитъ говорливое облако, медленно передвигаясь надъ земнымъ пространствомъ; эти нѣжныя дуновенія вѣтра, упитаннаго кадамбомъ (***), все это, равно какъ, начиная съ Сринграраса (****), всѣ до одного друзья и союзники Любви, побѣждены уже, какъ только побѣждена женщина. И такъ не слѣдуетъ мнѣ оставаться долго въ этихъ странахъ: да благоволитъ великій государь сдѣлать свои распоряженія; я же пустивъ во всѣ концы непріятельскаго войска неотразимыя стрѣлы моего анализа, всколеблю оное, подобно тому какъ колебалось нѣкогда войско Курусовъ подъ стрѣлами Арджуная, и убью неистоваго Камаса (*Любовь*) такъ точно, какъ обладатель Гандивова

(*) चन्द्र, camphor; — any thing giving pleasure. *Вилс.*

(**) См. стр. 30.

(***) कदम्ब, a plant commonly *Kadamba* (Nauclea kadamba); the mustard seed plant (Sinapis dichotoma); a kind of grass (Andropogon serratum). Вильс.

(****) शृङ्गार, lowe, the passion or sentiment as on object of poetical description or drammatic representation *Вильс.*; — sensus aut signum amoris; vestitus sive habitus ad amorem accomodatus, *Лассенъ* (Anthol. Sanscr. Стр. 331).

луна *(Арджунасъ)* (*) убилъ нѣкогда предводителя Синдгусовъ *(Дгритпраштраса)*.

Царь, *съ благоволеніемъ.*

И такъ вооружайтесь же, милостивый государь, чтобы побѣдить непріятеля нашего.

Основательный-Анализъ.

Повелѣніе государево будетъ исполнено.

Сдѣлавъ поклонъ царю, уходитъ.

Царь.

Теперь должно назначить сопротивника Гнѣву. Ведавати! позови, милая, ко мнѣ дѣву Терпѣніе (क्षमा): она сокрушитъ его силу.

Привратница *уходитъ и вскорѣ потомъ является на сценѣ съ дѣвою* Терпѣніемъ.

Терпѣніе.

«Непроницаемый мракъ ожесточенія упалъ на его чело, «брови изогнулись страшною дугою, во всемъ его лицѣ «бунтуетъ ярость, изъ сердитыхъ глазъ его летитъ ба«гровое пламя, словно отъ яркаго солнца, въ то время «когда оно закатывается.» Вотъ человѣкъ, увлекшійся гнѣвомъ; но не страшенъ ни онъ, ни оскорбительное его слово, тому, кто исполненъ силы души и бодрости разума. Никакому взгляду, никакому слову не смутить и не ожесточить такого человѣка. Злоба его собрата не затронетъ глубины души его, равно какъ никакой предметъ не можетъ затронуть основныхъ хлябей бездоннаго моря: никакихъ рѣшительно сотрясеній, никакого возмущенія не можетъ знать свѣтлая, чистая душа его.

(*) Одинъ изъ героевъ Магабараты.

Сказавъ эти слова, продолжаетъ далѣе съ чувствомъ радости, свойственной сознающему свое достоинство.

Не словопреніе до усталости и не головная боль, слѣдствіе онаго, не огорченіе души и не истязанія тѣла и не Обида (हिंसा) съ своею негодною ватагою, а я. безоружная дѣва, одна только я дѣйствительно сильна побѣдить человѣческій гнѣвъ.

Привратница *и дѣва* Терпѣніе *приходятъ къ залѣ, въ которой возсѣдаетъ* Царь.

Привратница.

Вотъ Царь. Приближься къ нему, милая подруга!

Терпѣніе.

Здравіе и побѣда государю. Вѣрная служительница государева, Терпѣніе, кланяется въ ноги государю своему.

Царь.

Дѣва Терпѣніе! милости прошу садиться.

Терпѣніе, *сѣвши.*

Благоволите, государь, сказать, для какой цѣли угодно было государю позвать къ себѣ служительницу свою.

Царь.

Вотъ въ чемъ дѣло. Въ этой войнѣ, которую я веду съ Мòрокомъ, на тебѣ будетъ лежать обязанность сразить гнуснаго воеводу его, Гнѣвъ. Согласна-ли ты?

Терпѣніе.

Государь! При твоемъ расположеніи я возмогу побѣдить самого даже царя Мòрока, не только его гнѣвъ, это

плотское существо, которое то только и знаетъ, что превращаетъ въ логовище свое плоть человѣка (*). Будьте спокойны, государь, я повергну въ прахъ этого негоднаго злодѣя, этого убійцу — безъ всякаго къ тому повода — благочестивыхъ размышленій, убійцу жертвъ, приносимыхъ богамъ и праотцамъ, обѣтовъ, обрядовъ. Я убью его также, какъ Катъяяни *(супруга Сивы)* убила Ракшаса Магишу (**), метавшаго яркое пламя гнѣва изъ свирѣпыхъ своихъ очей.

Царь.

Желательно мнѣ знать, какіе ты будешь употреблять способы, чтобы восторжествовать надъ Гнѣвомъ?

Терпѣніе.

Вотъ мои способы, государь! Всякому человѣку сердитому, всякому съ нахмуренными бровями я противопоставлю искреннюю, привѣтливую, радушную улыбку; къ исполненному ярости я подойду спокойнымъ шагомъ кротости и невинности; на язвительную брань я отвѣчу словомъ пріязни, теплаго дружества и истиннаго привѣта; ударятъ меня—я въ это время вся буду занята попеченіемъ о томъ, какъ разсѣять эту тьму, омрачившую разумъ въ человѣкѣ, поднявшемъ на меня свою руку. Увы! горе пустившему душу свою по пути необузданности: тяжелъ и невозвратимъ жребій, опредѣляемый ему свыше. Грустно и больно сердцу за помрачившихъ до такой степени свой разумъ. Когда такъ думаешь и печешься о людяхъ, то, въ то время какъ сердце человѣческое имѣетъ врожденное качество сочувствія къ тому, кто дѣйствительно сочувствуетъ ему, при такомъ со-

(*) Замѣчательно сближеніе Любви съ Гнѣвомъ См. стр. 95.
(**) Имя одного изъ Асуровъ.

чувствіи къ человѣческому сердцу можетъ-ли тутъ имѣть въ немъ хоть малѣйшій даже успѣхъ этотъ гнусный Гнѣвъ? можетъ-ли онъ существовать даже?

Царь.

Очень хорошо! отлично!

Терпѣніе.

Какъ же только будетъ побѣжденъ Гнѣвъ, то можно будетъ сказать утвердительно, что въ это же время будутъ побѣждены и Обида и Сердечная-жесткость (पारुष्य) и Высокомѣріе и Зависть, и другая подобная имъ сволочь.

Царь.

И такъ тебя призываетъ, милая государыня, дѣло прекраснѣйшей побѣды. Тебѣ предстоитъ немедленно отправиться противъ него въ путь.

Терпѣніе.

Будетъ исполнено по волѣ государя.

Уходитъ.

Царь, *къ Привратницѣ.*

Позови ко мнѣ теперь Довольствіе-своимъ (संतोष:); оно побѣдитъ Корыстолюбіе.

Привратница.

Сейчасъ будетъ исполнена государева воля.

Уходитъ и вскорѣ потомъ является съ нею на сцену призванное ею Довольствіе-своимъ.

Довольствіе-своимъ, *послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумія, съ негодованіемъ:*

Каждый лѣсъ представляетъ имъ деревья, предлагаю-

щія, безъ всякаго со стороны-ихъ труда, роскошные плоды свои; по всѣмъ концамъ міра текутъ для нихъ рѣки сладкой, прохладной воды; ничего имъ не стоитъ сдѣлать себѣ пріятно-осязаемую, мягкую, ароматическую постель изъ молодыхъ вѣтвей кустарниковъ, богатыхъ роскошною, широколиственною зеленью,—и между тѣмъ, жалкіе, они предпочитаютъ этой спокойной, независимой жизни, тяжелую жизнь въ прихожихъ богачей и — переносятъ ее.

Громко. Послушай, жадный человѣкъ! Правда, трудно искоренить въ тебѣ эту болѣзнь твоей души. Но, сколько разъ, подумай самъ, бѣдный, слѣпой человѣкъ! сколько разъ завѣтныя твои затѣи, для которыхъ ты столькимъ пожертвовалъ, обращены были ни во что! въ продолженіе твоей суетной жизни, исполненной добровольныхъ треволненій, которымъ ты себя подвергъ, сколько разъ это призрачное море освѣжительной струи, для которой ты простился на вѣкъ съ дѣйствительнымъ благосостояніемъ, это богатство, до котораго ты уже дотрогивался, внезапно исчезало передъ тобою, и что же? ты оставался въ степи, одинъ, съ изсохшею гортанью, съ блуждающими глазами! А все таки сладкая надежда обогащенія не перестаетъ манить тебя, а съ ней и твои затѣи не перестаютъ поглощать яростно и невозвратно лучшее твое время. Несчастный! душа твоя растерзана на тысячу частей, и трудно процвѣсть твоему уму. Тебя ошеломило, словно ушибло тебя молніей, лишь только дунулъ на тебя этотъ вихрь погибели,—будто камень перуна (अशनीपात०) палъ на твою голову: такъ раздавленъ и такъ омраченъ ты, съ тѣхъ поръ какъ ты принялъ на душу этотъ безмѣрный грузъ любостяжанія.

Умъ, помраченный корыстью, рисуетъ тебѣ образы восхитительные, а жизнь укореняетъ въ тебѣ убійственное стремленіе къ обладаніямъ, не знающимъ границъ.

« Мнѣ должно было пріобрѣсть это, и я пріобрѣлъ, — а « это я пріобрѣту въ добавокъ: оно будетъ мое; отъ этого « я получу непремѣнно барышъ, а это ужъ будетъ « у меня особенное пріобрѣтеніе.» Вотъ вся раздробленная дѣятельность ума твоего. Деньги, и вѣчно однѣ деньги цѣпенятъ твое неподвижное мышленіе, неразумный человѣкъ! Ты не замѣчаешь, что сколько бы ты ни пріобрѣлъ, все бѣсовская надежда пріобрѣсть (आशापिशाची) неодолимою силою повлечетъ тебя далѣе; на пути же своемъ она будетъ пожирать тебя, все счастіе твое, и не будетъ тебѣ покоя отъ нея, доколѣ ты погруженъ въ этомъ омракѣ любостяжанія, въ который ты себя повергнулъ.

Положимъ, ты разбогатѣлъ, и положимъ даже, что не достижимый никому предѣлъ обогащенія тобою достигнутъ. Что же послѣ предстоитъ? Предстоитъ тебѣ все таки разстаться съ этимъ богатствомъ, для котораго ты принесъ въ жертву все свое высшее достояніе, все благородство твоей души. Ты-ли пропалъ, оно-ли пропало, въ томъ и въ другомъ случаѣ разлука для васъ неизбѣжна. Послѣ всего этого, скажи мнѣ, что выгоднѣе? выгоднѣе-ли не имѣть того, къ чему ты можешь привязаться, ежели только оно не скрѣплено вѣковыми законами, или ты скажешь, что выгоднѣе во всякомъ случаѣ владѣть, выгоднѣе даже, хоть и отнимутъ у тебя то, чѣмъ ты владѣешь. Пусть себѣ разобьютъ, быть можетъ скажешь ты, въ моихъ глазахъ завѣтный мой кумиръ, лишь бы только онъ принадлежалъ мнѣ, лишь бы только онъ былъ моимъ хоть на одно мгновеніе? О, нѣтъ! потерять то, что было уже твоимъ, гораздо мучительнѣе, чѣмъ бы совсѣмъ его не имѣть, чѣмъ даже не имѣть понятія о томъ, что оно могло существовать на землѣ.

А между тѣмъ, замѣть, что смерть съ особенною яростію пляшетъ у твоей головы: часъ отъ часу бѣшенѣе становится ея пляска, часъ отъ часу она ближе къ тебѣ,

и, ни твое богатство, ни твоя власть, не остановятъ ея. Лютымъ змѣемъ вьется она около твоихъ чреслъ, чахлостію и старостію она соединяется съ тобою, и не отдернуть тебѣ ея отъ себя, и исчезнуть тебѣ въ ея грозныхъ объятіяхъ! Она пожретъ тебя также, какъ пожираетъ она весь міръ тебѣ подобныхъ, коихъ утроба еще заживо растерзана хищными клевами ея коршуновъ! Но не такова будетъ твоя жизнь, ежели ты сроднишься съ свѣтлою волною довольствія своимъ. Ежели только сполоснешь ты чистою влагою твоего разума эту скопленную на тебѣ удушливую грязь неразумія, эту грязь, порожденную твоимъ любостяжаніемъ, ежели окунешься хоть на мгновеніе въ мою живую воду, которой чужда смерть, тогда только спокоится твой духъ, тогда только ты сдѣлаешься превыше вожделѣній, и — счастіе уже тебя не оставитъ.

Привратница.

Вотъ государь. Подойдите къ нему, высокоблагословенный.

Довольствіе-своимъ.

Здравіе и побѣда моему повелителю. Преклоняетъ главу свою предъ государемъ Довольствіе-своимъ.

Царь.

Прошу садиться.

Сажаетъ его возлѣ себя.

Довольствіе-своимъ, *сѣвши, съ почтительностію.*

Да будетъ удостоенъ вѣрный слуга государевъ принять вышайшую государеву волю.

Царь.

Извѣстно мнѣ могущество ваше, милостивый государь; по этому нечего медлить. Прошу васъ отправиться въ Варанаси: тамъ предстоитъ вамъ сразить одного изъ враговъ нашихъ—Корыстолюбіе.

Довольствіе-своимъ.

Сейчасъ же отправляюсь по приказанію моего государя. Подобно тому, какъ сынъ Дасаратговъ *(Рама)* одолѣлъ многоголоваго вождя Ракшасовъ, завоевавшаго цѣлые три міра и обязаннаго могуществомъ своимъ только тому, что онъ успѣлъ частію перебить, частію заковать въ цѣпи властителей людей и просвѣтленныхъ брагмановъ, и я одолѣю его, это Корыстолюбіе, сокрушу силу его,—самого же его уничтожу такъ быстро, что и самъ онъ того не замѣтитъ.

Уходитъ.

Входитъ на сцену одинъ изъ свиты (*) Разума.

Человѣкъ изъ свиты.

Государь! все рѣшительно предзнаменуетъ несомнѣнную побѣду, и мгновеніе выступа, указанное придворнымъ государевымъ провозвѣстникомъ (मौहूर्तिकः), уже настало.

Царь.

Ежели такъ, то всѣмъ воеводамъ да будетъ объявлена немедленно моя воля: всѣ они да выступятъ съ своими войсками противъ непріятеля!

(*) विनातवेशापुरुषः значитъ человѣкъ въ *скромномъ*, *простомъ облаченіи*, безъ сомнѣнія: *одинъ изъ своихъ*, *непришлый*.

Человѣкъ изъ свиты.

Будетъ исполнено по приказанію государеву.

Уходитъ.

Слышно за сценой:

Снарядить къ походу царственныхъ слоновъ (करीन्द्रा), у коихъ изъ растрескавшихся щекъ льется струею влага ярости, этотъ сладостный нектаръ—упоеніе говорливыхъ пчелъ, прилетающихъ роями испивать ее! Запрячь въ колесницы бурноногихъ коней, побѣждающихъ своею горячею ретивостью быстролетные вѣтры! Стройнымъ ходомъ своимъ да выступятъ ратники пѣшіе, блескомъ своихъ копій представляя очамъ изумленнаго эѳира новый, необозримый, движущійся лѣсъ яркой синевы лотоса! Рать конныхъ да заключаетъ шествіе войска, прикрывая собою ряды пѣшіе и бурный мечъ да играетъ по волѣ въ ихъ мощныхъ десницахъ!

Царь.

Теперь когда совершено все и предзнаменованія зовутъ уже въ поле, мы слѣдуемъ за ними. *Къ* Слугѣ (पारिपार्श्विकंप्रति). Объяви волю мою моему возницѣ (सारथिः). Скажи: пусть онъ снаряжаетъ мою боевую колесницу и самъ явится съ нею ко мнѣ!

Слуга.

Немедленно будетъ исполненъ государевъ приказъ.

Уходитъ.

Является, сообразно съ тѣмъ, что было сказано, царскій Возница *съ колесницею.*

Возница.

Государь! колесница готова. Да благоволитъ вступить на нее мой повелитель.

Царь, *совершивъ обряды, соотвѣтствующіе хорошему предзнаменованію, дѣлаетъ движеніе вступающаго на колесницу.* Возница (*), *любуясь представляемою имъ быстротою колесницы:*

Государь! посмотри! посмотри! только по взвившемуся облаку пыли замѣтно для глазъ присутствіе движенія въ коняхъ нашихъ: отъ необычайной своей быстроты они кажутся недвижущимися; кажется, они скакнули и окаменѣли въ порывѣ своего бѣга. Отъ необычайной быстроты они, кажется, не прикасаются до земли: чуть, чуть замѣтенъ этотъ поцѣлуй, дарованный ими на лету глыбѣ земной оконечностью дружнаго сонма ихъ копытъ; такъ быстро они мчатъ по эѳирной межѣ нашу колесницу, сопровождая ее грохотомъ, подобно тому, какъ грохочетъ взволнованное до основанія, грозное, разъяренное море.

Вотъ и градъ Варанаси; смотрите, смотрите, государь! смотрите, какъ онъ низходитъ въ область, подлежащую зрѣнію, какъ проявляетъ онъ себя въ этомъ безразличіи. Вотъ онъ наконецъ, и недалеко нашъ святой градъ, этотъ очистительный градъ трехмірія *(вселенной)*.

Вотъ уже становятся явственными блестящія вершины дворцевъ нашего града, съ чудвымъ своимъ отблескомъ, который какъ будто похищенъ ими у сребристаго, свѣто-

---

(*) Въ эпосѣ возница (सूत:) исправлялъ также должность придворнаго поэта и панегириста. Въ драмахъ Калидасовыхъ возница, также какъ и въ нашей драмѣ, сокращаетъ своимъ разговоромъ путешествіе повелителя.

зарнаго мѣсяца;—издали какъ будто уже слышенъ плескъ звучныхъ фонтановъ, бьющихъ при каждомъ изъ этихъ дворцевъ прозрачною, высокою волною, такъ что скажешь: это блещутъ столбы, сооруженные изъ алмазовъ и изъ жемчуга; — смотрите, смотрите, какъ мелькаютъ на этихъ дворцахъ разноцвѣтные фаланги изъ знаменъ, какъ живо развиваютъ онѣ предъ нашими взорами красоту молніи, играющей въ рубежѣ чистой синевы осенняго облака. Вотъ и веселые, роскошные сады, вѣнчающіе градъ нашъ! Сколько цвѣточныхъ завязей въ каждомъ изъ этихъ садовъ, столько въ немъ жужжащихъ пчелъ, льнущихъ цѣлыми роями къ сладостнымъ, свѣжимъ ихъ сотамъ; отъ избытка медовой росы, льющейся струями изъ безмѣрнаго количества распустившихся, преисполненныхъ растительной силы, цвѣтовъ, въ садахъ этихъ закрыто сіяніе дня. Вотъ уже наконецъ и недалеко, исполненные красы и цвѣточнаго благовонія Варанасскіе сады: смотрите, какія высокія развѣсистыя деревья образующія покровомъ своимъ тѣнь, которую можно только сравнить съ тѣнью темнаго, огромнаго облака, повисшаго надъ землею!

И самые вѣтры здѣсь кажутся словно принявшими обѣты Пасупатиса *(Сивы)*. Ибо, увлаженные струею рѣки безсмертныхъ *(Гангеса)*, усѣянные бѣлизною цвѣточной пыли, вѣтры здѣсь словно чествтъ сорванными цвѣтами бога, увѣнчаннаго полумѣсяцемъ *(Сиву)*, словно поютъ они ему здѣсь громкую, вторимую жужжащими пчелами свою пѣсню, словно пляшутъ они ему здѣсь свою восторженную пляску, взмахивая, будто руками, игривыми вѣтками деревьевъ (*).

(*) Поэтъ будучи вооруженъ противъ Сивантовъ, какъ ведаистъ отнюдь не отвергаетъ достоинства самого Сивы. Въ продолженіе всей драмы видно, что поэтъ признаетъ его святынею; однако, подобные образы показываютъ, что ненависть къ Сиваитамъ бросила въ умъ его тѣнь и на самого ихъ бога.

Царь, *взирая на городъ, съ восторгомъ.*

Вотъ градъ, сохранившій въ нѣдрахъ своихъ духовное пламя: тьма не потушила этого пламени, ибо доблестный градъ сей успѣлъ разсѣять ее, отогнать ее отъ лица своего. По этому-то и влечетъ къ себѣ сердце эта столица Чандрачудова *(Сивы)*, подобно тому, какъ Познаніе (विद्या) — ищущаго свободы душевной (मुक्तिः). Не даромъ безсмертная Бгагиратга *(Гангесъ)* въ этомъ градѣ обнимаетъ гибкою, жемчужною лентою, счастливую выю земли, и свѣтлыя богатыя волны ея не даромъ столь игриво шутятъ здѣсь лучезарною прозрачностью надъ серебристыми лучами криваго полумѣсяца, принужденными померкать предъ этою чудною, безсмертною очаровательностью ея блеска!

Возница, *подвигаясь далѣе.*

Государь! Смотрите! Смотрите! Вотъ увѣнчанная красотою обтекающей кругомъ рѣки безсмертныхъ *(Гангеса)* святая храмина всесовершеннѣйшаго, безначальнаго Адикэсава (*) Вишну.

Царь, *съ чувствомъ живѣйшей радости.*

Вотъ наконецъ мы у храмины бога, о которомъ гласятъ разумѣющіе древность: «сей богъ—онъ чистый духъ во«площенія; непорочные, оставивъ здѣсь тѣло свое, со«единяются съ нимъ »

(*) आदिकेशव состоитъ изъ слова आदि *первобытный, первый* и केशव. Послѣднее слово по Вильсону имѣетъ слѣдующую мистическую этимологію: Е. क BRAHMA. and ईश SIVA व who goes.

Возница.

Государь! посмотри! посмотри! Любовь, Гнѣвъ, Любостяжаніе и вся эта ватага, лишь только насъ увидѣли, такъ и унесло ихъ изъ этого края въ даль, такъ и побѣжали всѣ опрометью.

Царь.

Вижу. Такъ и быть должно. *Передъ храминою.* Исполненные благоговѣнія преклоняемъ главу нашу къ стопамъ всесовершеннѣйшаго, взывая къ нему о милости исполненія моленій нашихъ. *Сойдя съ колесницы, входитъ въ храмину и, возвысивъ очи свои, говоритъ:* Слава и побѣда всесовершеннѣйшему! Ты, у подножія лотоса обѣихъ ногъ котораго сіяютъ ряды алмазныхъ діадимъ несмѣтной рати сонмищъ міра безсмертныхъ, у подножія твоихъ ногъ, отъ чистаго свѣта ногтей коихъ играетъ по немъ свѣтлою молніею ослѣпительный отблескъ,— ты, который одинъ силенъ прогнать смертельное усыпленіе души среди тревожныхъ треволненій сей жизни отъ разгорѣвшагося пожара системы двойства (*), этой лживой системы, смутившей чистыя сердца поклонниковъ, — ты, который извлекъ изъ бездны омута погибели земной кругъ, собравъ во едино и потомъ взгромоздивъ всю эту многосложную громадность земли на остріе оконечности твоего клыка (**), около котораго блистали свѣжія разсѣлины, пронзенныхъ имъ при этомъ подъемѣ цѣлыхъ громадъ каменныхъ горъ ея, и потомъ—единымъ движеніемъ твоего шага из-

---

(*) См. стр. 93.

(**) Говорится о воплощеніи Вишну въ образѣ исполинскаго вепря, клыкомъ своимъ извлекшаго землю изъ бездны уничтоженія.

мѣрилъ три міра (*),—ты, который изумилъ всѣ существа вселенной, когда защитилъ безпомощное стадо быковъ, поднявъ силою мощныхъ мышцъ твоихъ надъ ними, вмѣсто покрова, цѣлую возвышенность Говардгана (**), въ то время какъ трепетъ погибели одолѣвалъ уже этихъ быковъ, когда Акгандалъ *(Индра)* навелъ на нихъ внезапно необоримую, мрачную тучу, которая была уже готова залить ихъ ливнемъ выпущеннаго изъ нѣдръ ея, безостановочнаго дождя,—всемогущій!—ты, который избилъ столь много враговъ безсмертныхъ, что отблескъ синдура (***) въ проборѣ волосъ ихъ вдовыхъ женъ, этотъ безконечный отблескъ, походившій на яркій свѣтъ багровой зари, коснулся самого владыки лучей *(солнца)* и — онъ возсіялъ будто свѣжею кровью, совершая по сферамъ трехмірія свое лучезарное теченіе, — ты, который погрузилъ въ крови трехміріе, когда раздвинулъ жесткіе края груди устрашеннаго царя Дайтіевъ (****), растерзавъ ее стройнымъ

(*) По миѳическому преданію древнихъ Индусовъ, Вишну въ спорѣ съ однимъ Асурасомъ, будучи въ образѣ карлы, потребовалъ для себя пространства не болѣе, какъ на три шага. Асуръ согласился, послѣ чего Вишну тремя своими шагами захватилъ всѣ области вселенной, бѣдному же Асуру некуда было дѣваться и онъ принужденъ былъ погибнуть.

(**) गोवर्धन a celebrated hill in *Vindrávan* or the country about *Mathura*; it was upheld by KRISHNA upon one finger, to shelter the cowherds from a storm excited by INDRA, as a test of the former's divinity. *Вильс.* Этимологія названія этого холма соотвѣтствуетъ миѳу объ немъ.

(***) सिन्दूर, red lead, minium. *Вильс.* По замѣчанію схоліаста Магэсвара, мазаніе волосъ сурикомъ означало трауръ.

(****) Говорится объ убіеніи богомъ Вишну Асура Гиранъякасипа. Этотъ Асуръ, по сказанію Пуранъ, былъ однимъ изъ приближенныхъ Вишну въ Вайкунтскихъ чертогахъ; но за гордость

рядомъ ногтей непомрачимаго блеска обѣихъ рукъ твоихъ, изъ подъ которыхъ быстрымъ потокомъ понеслись волны безбрежнаго океана крови этого изверга, — ты, на безсмертныя, высокія мышцы котораго упалъ отблескъ острія свѣтозарнаго твоего диска (चक्रं), когда ты разсѣкъ имъ — высокое, громадное сцѣпленіе жесткихъ костей въ затылкѣ губителя вселенной Кайтабга (*), этотъ отблескъ твоего славнаго диска, который пройдя сквозь его жесткія кости, обхватилъ игривою молніею своего свѣта всѣ сферы существенности, — ты, который имѣешь вѣрнаго, неизмѣннаго друга въ лицѣ бога, увѣнчаннаго отрѣзкомъ мѣсяца (*Сивы*), — ты, котораго шею и грудь озаряетъ свѣтлымъ, сіяющимъ кругомъ свѣтозарный вѣнокъ плотныхъ, благородныхъ зеренъ жемчуга, ту мощную твою грудь, которую оттѣнила очаровательная полнота упругихъ персей высокой Лакшміи (**), когда она, возникнувъ изъ млечнаго океана, взволнованнаго до основанія безмѣрною горою Мантгасомъ (***), исходившимъ, по волѣ двигавшихъ ее возвышенныхъ могучихъ рукъ твоихъ, всѣ его бездны, припала къ тебѣ на грудь, и гибкою, нѣжною вѣтвію обвилась около тебя,—обладатель Вайкунтга (****)! низпошли намъ отрока Свѣтлую-мысль: да уничтожитъ

былъ воплощенъ въ Асура, опустошавшаго вселенную, потомъ, по просьбѣ боговъ, убитъ рукою самого Вишну въ образѣ мужа-льва.

(*) कैटभ a demon slain by VISHNU. *Вильс.*

(**) Лакшми супруга Вишну.

(***) То же, что̀ Мандаръ; см. стр. 6. Миѳъ о *Лакшми*, богинѣ *красоты* и *счастія*, въ родствѣ съ рожденіемъ Греческой Аѳродиты.

(****) वैकुण्ठ, the paradise or world of *Vaikuntha* or VISHNU; its site is variously described, either as in the northern ocean, or on the eastern peak of mount *Meru*. *Вильс.*

онъ гнусное омраченіе, своими треволненіями тревожащее чтущихъ тебя! Владыка! тебѣ хвала, тебѣ поклоненіе наше!

Вышедши изъ храма и потомъ бросивъ взглядъ на окрестность.

Что за прекрасная страна! Она совершенно отвѣчаетъ тому, чтобы быть моею столицею. Здѣсь мы утвердимъ наше главное охранительное воинство.

Царь и Возница *сходятъ со сцены.*

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Входитъ на сцену Вѣра.

Вѣра, *выходя изъ раздумья, въ которое была погружена.*

Да! это правое дѣло! такъ и слѣдовало поступить съ ними. Ибо этотъ Гнѣвъ, порожденіе вражды — лютымъ пожаромъ сожигаетъ онъ въ прахъ весь родъ одноплеменныхъ, такъ точно какъ огонь, возникшій отъ сшиба благородныхъ деревьевъ, коихъ вершины всколебала сила неодолимаго вѣтра, сожигаетъ въ пепелъ цѣлые лѣса взлелѣянные столѣтіями на родной ихъ почвѣ подъ общеродимъ ихъ кровомъ. *Продолжаетъ говорить со слезами на глазахъ.* Но, увы! Неодолима сила и страшнаго огня скорби, зараждаемаго въ насъ горемъ нашихъ единоутробныхъ: сотни морей разума не умалятъ, не зальютъ его своими волнами (*)!

(*) Съ перваго разу читателямъ нашимъ можетъ показаться страннымъ, что Вѣра груститъ о паденіи Гнѣва, Корыстолюбія и т. д. Но недоразумѣніе исчезнетъ, ежели только обратить вниманіе на то, что всѣ лица дѣйствующія въ нашей драмѣ представляютъ типическія стороны души человѣка. Вѣра

Правда . и океанъ, и земля, и горы, и рѣки, все это распадется непремѣнно; а существа живыя? . . они, ежемгновенно сдуваемыя съ лица земли, подобно легкимъ стебелькамъ сухой травы, заслуживаютъ-ли даже и того, чтобы говорить объ нихъ ? а все таки суровое пламя необъяснимой скорби, порожденное горемъ родныхъ, возмущая разумъ, прожигаетъ насквозь мое бѣдное сердце. Все это мои братья: Любовь, Гнѣвъ и другіе. По природѣ своей они были грубы и жестокосерды, но теперь, когда отъ нихъ осталось одно только воспоминаніе, теперь, это разгорѣвшееся лютое пламя тоски, кажется, рѣжетъ мою внутренность, кажется, изсушаетъ мое тѣло, жжетъ всю мою душу. *Послѣ продолжительнаго раздумья.* Царицею Поклоненіемъ-Вишну было сдѣлано мнѣ порученіе : « Такъ какъ « для меня, говорила она мнѣ, противно зрѣлище « предстоящей битвы, которая будетъ производиться съ « непомѣрнымъ ожесточеніемъ, то, я оставлю покуда « Варанаси и проведу нѣкоторое время въ Салиграмѣ, « одномъ изъ обиталищъ Всесовершеннаго (*Вишну*); ты « же, пришедши ко мнѣ, когда все будетъ кончено, « разскажешь мнѣ въ подробности обо всемъ, какъ было. » И такъ пойду къ царицѣ и разскажу ей весь ходъ этой войны. *Идетъ далѣе и потомъ приглядываясь.* Это священная обитель, гдѣ пребываетъ тотъ всесовершенный Вишну, въ рукахъ котораго кормило корабля на коемъ и можетъ только человѣкъ переправиться чрезъ бурныя хляби океана треволненій сей жизни въ

своимъ примѣромъ указываетъ на то, что должно соболѣзновать о людяхъ, не дѣлая исключеній, даже и о тѣхъ, въ коихъ развились и дурныя стороны, подавивъ собою всѣ благородныя начала души человѣческой.

область вѣковаго успокоенія. *Поклонятся обители и потомъ идетъ далѣе.* Вотъ и всесовершенная, чтимая премудрыми, царица наша, Поклоненіе-Вишну. Она толкуетъ о чемъ-то съ моею дочерью, дѣвою Покоемъ-Души. Подойду къ нимъ.

Идетъ далѣе.

На сценѣ появляются царица Поклоненіе-Вишну *и дѣва* Покой-Души.

Покой-Души.

Царица! я вижу, какъ будто бы смущена душа всесовершенной, какъ будто крѣпкая дума одолѣваетъ ею.

Поклоненіе-Вишну.

До сихъ поръ я еще не получила никакихъ извѣстій о моемъ миломъ Разумѣ, вступившемъ въ великій, переломный бой съ Мѣрокомъ, котораго могущество столь велико. Вотъ, отъ чего мое сердце все какъ будто не на своемъ мѣстѣ и трудно ему успокоиться.

Покой-Души.

Стоитъ-ли безпокоиться объ этомъ? Развѣ всесовершенная не увѣрена въ томъ, что какъ только ею оказано расположеніе къ Разуму, то не можетъ быть уже никакого сомнѣнія въ его побѣдѣ надъ Мѣрокомъ. Царица моя, таковы мои понятія.

Поклоненіе-Вишну.

Но, милая моя, знаешь-ли ты, что ежели разсчитывающій со всѣхъ сторонъ умъ и вполнѣ предвидитъ не-

сомнѣнное торжество свое, то все таки сердце не можетъ не томиться объ участи друзей: его не успокоишь никакими выводами ума. Но что̀ всего болѣе усиливаетъ смущеніе души моей, это то, что Вѣра, мать твоя, такъ долго ко мнѣ не приходитъ.

Входитъ на сцену Вѣра, *и потомъ, приблизившись къ Царицѣ, говоритъ:*

Преклоняю главу мою къ стопамъ твоимъ, всесовершенная.

Поклоненіе - Вишну.

Привѣтствую тебя, Вѣра. Какъ рада я твоему приходу! Все-ли благополучно у тебя?

Вѣра.

По твоимъ милостямъ ко мнѣ, царица, все благополучно.

Покой - души.

Матушка! Я тебѣ кланяюсь.

Вѣра.

Милая моя дочь! обними меня.

Покой - Души *обнимаетъ* Вѣру.

Вѣра.

Поздравляю тебя, милая дочь моя: благодаря милостивому покровительству нашей царицы, ты теперь обладательница умовъ въ племени отшельниковъ. Вся эта область теперь — твоя.

Поклоненіе - Вишну.

Скажи же чѣмъ кончилось дѣло?

Вѣра.

Кончилось тѣмъ, чѣмъ и слѣдовало — для имѣвшихъ дерзость поступать на перекоръ волѣ нашей царицы.

Поклоненіе - Вишну.

Но разскажи все въ подробности.

Вѣра.

Благоволите выслушать, всесовершенная! Вскорѣ послѣ того какъ царица оставила храмъ Адикэсава (*) (*Вишну*), наши и непріятельскія войска выступили другъ противъ друга. Едва они поравнялись, тотчасъ стало замѣтно, что въ самомъ уже началѣ блескъ солнца сдѣлался менѣе ярокъ, ибо гордость его должна была умалиться, когда оно увидѣло, какъ были свѣтозарны эти безчисленныя громады ратниковъ, красовавшихся передъ его очами, — страны свѣта были оглушены въ это время побѣднымъ крикомъ безчисленнаго множества благородныхъ богатырей, который раздавался львинымъ голосомъ отъ одного конца свѣта до другаго, — лучезарный вѣнокъ свѣтлѣющагося солнца исчезъ наконецъ совершенно изъ виду, закрытый густымъ, безмѣрной величины облакомъ пыли, взвившейся по всему небосклону отъ непрерывнаго стука колесницъ и отъ топота конскихъ копытъ, взрывавшихъ глыбы земли по всему протяженію ратнаго поля; всѣ десять странъ свѣта побагровѣли румянымъ заревомъ зари отъ обилія синдура (**), который боевые слоны, необыкновенно шибко и поминутно шевеля лопостями ушей, стряхали со своихъ щекъ, — шумъ же и громъ разда-

(*) См. стр. 106. (**) См. стр. 108.

вавшійся по всѣмъ концамъ этого ратнаго поля, могъ быть сравненъ съ однимъ только громомъ тучи разрушенія, которая должна нѣкогда поглотить вселенную. Когда эти два океана движущихся ратниковъ стали другъ противъ друга, великій царь нашъ послалъ къ великому государю царю Мòроку въ качествѣ посла Изложеніе Нъяйческой системы(नैयायिकद् र्शनं) (*). Посолъ Изложеніе Нъяйческой-системы, пришедши къ великому царю Мòроку, сказалъ ему, отъ имени нашего царя, слѣдующія слова: « Прошу васъ, милостивый государь, о« ставивъ храмы всесовершеннаго Вишну, берега рѣкъ, « лѣсныя убѣжища, и чистыя сердца людей, коихъ дѣ« ла не осквернены порокомъ, немедленно перебрать« ся отсюда со всѣми вашими исповѣдниками къ Млечч« гамъ (**); ежели же вы на это не согласны, то знайте, « что мой мечъ изрубитъ въ куски тѣла ваши, и что « шакалы поднимутъ радостный визгъ по этимъ полямъ, « рыская съ своими разинутыми широкими пастьми, « обагренными въ избыткѣ свѣжею вашею кровію, въ « которой всѣ вы въ скоромъ времени будете плавать « изрубленными кусками вашихъ тѣлъ.

Поклоненіе - Вишну.

Что же воспослѣдовало за этимъ? Что отвѣтилъ Мòрокъ?

Вѣра.

Когда эти слова были сказаны, милая царица наша,

(*) न्याय, the *Nyâya* doctrine, logic, logical philosophy. *Вилъс.*

(**) मलेच्छ, the generic term for a barbarian or foreigner; that is, for one speaking any language but *Sanscrit*, and not

страшно наморщились и запрыгали брови на широкомъ полѣ грознаго лба великаго царя Мòрока, и онъ, пресполненный гнѣва, сказалъ въ отвѣтъ не болѣе какъ только эти слова : « И такъ, да вкуситъ же бездушникъ Разумъ вполнѣ уже созрѣвшій плодъ своего бездѣльничества! » Сказавъ это царь Мòрокъ, собственною своею особою отрядилъ нечестивыя ученія и вмѣстѣ съ ними нечестивыя уложенія философскихъ системъ (पाखण्डागम:पाखण्डतर्कशास्त्रै:समं) (*), повелѣвъ имъ вступить въ начальный бой съ нашею ратью. Но въ то же время въ главѣ нашего воинства внезапно проявилась, окруженная очаровательнымъ могуществомъ силы и граціи сопровождающихъ ее Ведъ (**), Упаведъ (***),

---

subject to the usual *Hindu* institutions; — a sinner, a criminal. *Вильс.*

(*) 1) आगम, a *Sástra* or work on sacred science in general, supposed to be of divine origin; a *Tantra* or any work inculcating the mystical worship of SIVA and SAKTI. *Вильс.* 2) तर्क, doubt or disputation, discussion, reasonig. *Вильс.*; слѣдовательно: तर्कशास्त्र, система извѣстныхъ философемъ.

(**) वेद, a *Véda*, the generic term for the sacred writings or scripture of the *Hindus*; supposed to have been revealed by Brahma, and after being preserved by tradition for a considerable period, to have been arranged in the present form by VYASA; the principal *Védas* are three in number, the *Rich*, *Yajus*, and *Sáma*, to which a fourth, the *Atharva*, is usually added, and the *Itihásas* and *Puránas*, or ancient history and mythology, are sometimes considered as a fifth. *Вильс.*

(***) उपवेद, a minor *Véda*, of which four are reckoned, treating of the military art, medicine, music, and mechanics. *Вильс.*

Ангъ (*), Пуранъ (**), Книгъ-законовъ(धर्मशास्त्र),Итигасъ (***) и другихъ этого разряда произведеній, съ цвѣтущимъ

(*) अङ्ग, a division of Hindu learning, comprehending such science as is considered dependant upon the Védas, hence also called *Védánga*; works on six subjects come under this description, viz. pronuntiation, grammar, prosody, explanation of obscure terms, description of religious rites, and astronomy. *Вильс.*

(**) Пураны составляютъ восемнадцать огромныхъ сборниковъ преимущественно миѳологическаго содержанія. Вотъ какъ опредѣляетъ ихъ Вильсонъ: पुराण, a *Puraṅa* or sacred and poetical work, supposed to be compiled or composed by the poet VYASA; and comprising the whole body of *Hindu* theology: each Puráṅa should treat of five topics especially; the creation, the destruction, and renovation of worlds; the genealogy of gods and heroes; the reings of the *Menus*, and the transactions of their descendants: but great variety prevails in this respect, and few contain historical or genealogical matter. There are eighteen acknowledged *Puráṇas:* 1) BRAHMA; 2) *Pádma*, or the lotus; 3) *Brahmáṅda*, or the egg of BRAHMA; 4) *Agneya*, or *Agni* fire; 5) VAISHNAVA, or of VISHNU; 6) *Garud'a*; 7) *Brahmavaivarta*, or transformations of BRAHMA that is of KRISHNA, identified with the Supreme; 8) SAIVA, or of SIVA; 9) *Linga*; 10) NAREDIYA; 11) SKANDA; 12) MARKANDEYA, so called from a *Muni* of that name, 13) *Bhavishyat*, or prophetic; 14) *Matsya*, or the fish; 15) *Váráha*, or boar, 16) *Kaurma*, or of the *Kurma* or tortoise, 17) *Vámana*, or dwarf, and 18) the *Bhágavad*, or life of KRISHNA which last is by some considered as a spurious and modern work: the *Brahmávaisárta* is also of very modern origin. The *puráṅas* are reckoned to contain four hundred thousand stanzas: there are also eighteen *Upapúraṅas* or similar poems of inferior sanctity, and different appellations; the whole constitute the popular or poetical creed of the *Hindus*, and some of them or particular parts of them, are very generally read, and studied.

(***) Подъ Итигасами (इतिहास) въ тѣсномъ смыслѣ должно

падмасомъ (*) въ рукѣ (पद्मकरा), прелестная, какъ серебристое сіяніе чистаго мѣсяца, божество Сарасвати (**).

Поклоненіе - Вишну.

Говори, милая, что̀ было дальше? что̀ же было послѣ того?

Вѣра.

Потомъ, царица, толпы Вайшнавовъ (***), Саиовъ (****) Сауровъ (*****) и другихъ поклонниковъ явились къ богинѣ Сарасвати, для того чтобы принять ея повелѣнія.

разумѣть Санскритскій эпосъ: Рамаяну и Магабарату.

(*) Такъ понимаетъ это выраженіе схоліастъ Рамадаса. Оно впрочемъ можетъ имѣть значеніе: *у которой красота руки подобна лотосу*. पद्म, по Вильс.: a lotus (Nelumbium speciosum) it is often confounded with the water lily (Nymphæa).

(**) Божество Сарасвати соотвѣтствуетъ Греческой Музѣ, отличается же тѣмъ, что оно играетъ въ Индійской миѳологіи ролю несравненно значительнѣе Греческихъ Музъ, которыя, за исключеніемъ того, что вдохновляютъ поэтовъ,—сами по себѣ, какъ это извѣстно всякому Геллениисту, остаются почти безгласными. Представляю моимъ читателямъ ближайшее опредѣленіе этого божества изъ Вильсона: सरस्वति, the wife of BRAHMA, the goddess of speech and eloquence, the patroness of music and the arts, and the inventress of the *Sanscrit* language and *Dévanágari* letters.

(***) वैष्णव, a follower of VISHNU. *Вильс.*

(****) शैव, a worshipper of SIVA. *Вильс.*

(*****) सौर, solar; celestial; spirituous. *Вильс.*; о сектѣ Сауровъ Вильсонъ не упоминаетъ.

Поклоненіе - Вишну.

Потомъ что ?

Вѣра.

Тотчасъ же въ слѣдъ за этимъ, еще проявилась на нашей сторонѣ свѣтозарная Миманса (*), окруженная со всѣхъ сторонъ Санкгъями (**), Ньаями (***), Философскими трактатами Канада (****), Ученіемъ Магабгаши (*****) и другими родственными этимъ системами: отъ богатаго обилія тысячей свѣтлыхъ, здравыхъ выводовъ ея воссіяли всѣ концы свѣта. Она, преисполненная браннаго жара, съ лицемъ, красоту котораго также можно сравнить съ однимъ только молодымъ, чистымъ, серебристымъ мѣсяцемъ, проявилась впереди вдохновенной богини слова (*Сарасвати*), какъ будто для того, чтобы своею особою прикрыть ее отъ покушеній нечестивцевъ, грозная, словно трехъокая Катъяяни (*супруга Сивы*), въ то время какъ она вонзала свой мечъ въ ребра свирѣпаго Магиши (******).

Покой - Души.

Матушка! какъ же это сдѣлалось, что ученія вдох-

(*) См. стр. 86.

(**) सांख्य , the *Sankhya* system of philosophy, ascribed originally to the *Muni* KAPILA.

(***) См. стр. 116.

(****) कणाद , the name of a *Muni*, also called *Kasyapa*: the author of the *Vaiseshika* philosophy; वैशेषिकं the *Vaiseshika* doctrine, or branch of the *Nyaya* or logical school of philosophy, instituted by KANADA. *Вильс.*

(*****) О Магабгаши не упоминаетъ Вильсонъ.

(******) См. стр. 97.

новенныя Сарасватою и этѣ философскія системы (आगमं *Миманса и ея спутники*) могли такъ дружно сойтись между собою и стоять другъ за друга? Этотъ дружественный ихъ союзъ для меня явленіе совершенно неожиданное. Матушка, объясни мнѣ это событіе.

Вѣра.

Вотъ почему и сказано: «люди рожденные и вскормленные въ одной семьѣ (समानान्वयजाताः) спорятъ другъ противъ друга; но попробуй посторонній покуситься одолѣть спорящихъ: бывшіе прежде въ спорѣ они тотчасъ же соединятся, и это соединеніе всегда спасетъ ихъ.» Всѣ этѣ философскія системы, проистекая изъ Ведъ, хотя и оспориваютъ кое-что въ сочиненіяхъ вдохновенныхъ Сарасватою; но, едва дѣло коснется до того, чтобы грудью стоять за святыню Ведъ или громить бездушниковъ, то по самой уже своей природѣ въ томъ и другомъ случаѣ они всегда были и будутъ за одно съ Сарасватою; съ другой стороны произведенія Сарасваты въ существенномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ изложенія высокой истины, (तत्त्वं) никогда не расходятся съ чистыми философскими системами, которыя, хотя и путемъ пытливаго анализа, все таки приводятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Ибо, во всѣхъ произведеніяхъ, какъ вдохновенія, такъ и анализа (तैस्तैरेवसद्भागमैः), во всѣхъ произведеніяхъ мысли, которую не растлило заблужденіе, вѣетъ одинъ животворящій ихъ духъ: и тѣ и другія, какъ ни различны ихъ пути и содержаніе, въ сущности своей, устами Ведъ единодушно прославляютъ *одинъ* свѣтъ — мирный, чуждый предѣламъ, чуждый измѣненіямъ, нерожденный; съ другой стороны, созерцая развитіе качествъ этого единаго свѣта, они сообразно со всѣми его качествами, — *единое*, его единаго прославляютъ *многообразно*, говоря: *Брагма*, говоря: *Исколебимый*

(अच्युत *Вишну*), говоря: *Супругъ Умы* (*Сива*). Не такъ ли же точно по многообразнымъ волнамъ океана ты понимаешь единство его существованія, хотя берега его и закрыты для твоихъ взоровъ?

Поклоненіе - Вишну.

Но что же было потомъ, какъ онѣ появились во главѣ нашего войска? Что сдѣлалось послѣ этого? Продолжай, другъ мой.

Вѣра.

Послѣ этого, царица, начался страшный, исполненный необыкновеннаго смятенія, бой между нашими и непріятельскими ратоборцами, бурно устремившимися другъ противъ друга съ своими слонами, конями, колесницами, пѣхотой, и рѣшительно затмившими день безостановочнымъ метаніемъ стрѣлъ, которыя, необыкновеннымъ обиліемъ своимъ уподобляясь проливному дождю, падали по всѣмъ концамъ ратнаго поля. Тогда потекли обильными клокочущими волнами цѣлыя рѣки пролитой крови; безчисленное множество утонувшихъ въ нихъ труповъ представляло собою какъ бы какіе-то наносы кровоноснаго ила; тощіе вороны (*), огромными станицами слетѣвшись со всѣхъ концевъ міра, затемняли теченіе этѣхъ рѣкъ, посреди коихъ выказывались по разнымъ мѣстамъ распростертые, пронзенные стрѣлами, высокіе на подобіе огромныхъ горъ, слоны, лишенные ретивой своей силы, далеко отряхнувшіе отъ себя въ предсмертномъ своемъ боренія и роскошные тѣнники (**) и украшенія своихъ

(*) काङ्क, a heron. *Вильс.*; ardea, *Бопп.*

(**) छत्र, a parasol, an umbrella, the *Indian ch'hattah*. *Вильс.*

головъ, вмѣсто коихъ видно было, какъ перелетные гуси, ошибкой низпустясь на этѣ рѣки, скользили по ихъ опрокинутымъ головамъ, представляя какъ бы движущіяся большія серги на помертвѣвшихъ, неподвижныхъ щекахъ этѣхъ головъ.

Въ этой великой, роковой схваткѣ, когда та и другая сторона исчерпывала весь запасъ своихъ силъ для того, чтобы побороть одна другую, Лёкаятъ (*система Чарвака*; *см. стр. 32.*), поставленный главнымъ предводителемъ всѣхъ нечестивыхъ ученій и нечестивыхъ философскихъ системъ, палъ наконецъ, и наши истребили его до основанія среди упорной, стремительной свалки тѣхъ и другихъ, сражавшихся одинъ противъ другаго съ непримиримымъ, смертельнымъ ожесточеніемъ. Какъ только палъ Лёкаятъ, другія нечестивыя ученія, не находя уже въ себѣ рѣшительно никакаго прочнаго основанія, тотчасъ же были разбиты и въ прахъ разсѣяны нахлынувшимъ на нихъ моремъ чистыхъ произведеній вдохновенія и анализа. Въ это время разбитые и разсѣянные Саугаты (*Буддисты*; *см. стр. 61.*) разбѣжались, кто въ землю Синдгусовъ (*), кто къ Гандгарамъ (**) кто къ Магадгамъ (***), кто къ Андграмъ(****),кто къ Гунамъ (*****),кто къ Бангамъ(******),

---

(*) सिन्ध the, contry along the *Indus* or *Sindh*. *Вильс.* Безъ сомнѣнія, поэтъ говоритъ здѣсь не объ этой странѣ.

(**) Объ этомъ народѣ Вильсонъ ничего не упоминаетъ.

(***) मगध, a country, *South Behar*. *Вильс.*

(****) आन्ध्र, въ смыслѣ нарицательномъ значитъ по Вильсону: a hunter, one who lives by killing game; a man of low caste, the ofspring of a *Vaideha* fother and *Karavara* mother; not allowed to reside within a village or town; въ знач. собств. им.: a country, modern *Telingana*.

(*****) हूण, a barbarian, a *Hun*.

(******) Народъ, также не объясненный Вильсономъ.

кто къ Калингамъ (*) и въ другія земли, населенныя Млеччгами (*см. стр.* 116.); нечестивыя секты Дигамбаровъ, Капаликовъ и другія, нашли тайное прибѣжище въ земляхъ изобилующихъ людьми тупоголовыми — среди Панчаловъ (**), Малявовъ (***), Абгиравартовъ (अभीरवत०) (****) и вообще по всему протяженію морскаго берега; Миманса (*****) въ сопровожденіи могущественной Нъяйческой системы (******), ворвавшись въ ряды безбожниковъ (नास्तिकः), разбили въ дребезги всѣ ихъ философскія системы (नास्तिकतर्काः), небольшіе же остатки, ускользнувшіе отъ ея меча, послѣдовали за судьбою остатковъ ученій Капалическихъ.

Поклоненіе - Вишну.

Потомъ что было?

(*) कलिङ्ग, the name of a country; the name Kalinga is applie in the Puráńas to several places, but it especieally signifies a district on the *Coromandel* coast, extending from below *Cuttac* to the vicinity of *Madas*, (in this sense, like some other names of countries, it is usually confined to the plural number (ङ्गाः) confounding the place with the people inhabiting it. *Вильс.*

(**) पाञ्चाल, the country of *Panchala*. *Вильс.*

(***) मालव, the province of *Malwa*, or m. *plur* (वाः) the people of that province.

(****) Область, безъ сомнѣнія, находившаяся въ предѣлахъ Индустана.

(*****) См. стр. 86.

(******) См. стр. 116.

Вѣра.

Потомъ Основательнымъ-Анализомъ убитъ царь Любовь; отъ руки дѣвы Терпѣнія пали Гнѣвъ, Душевная-жесткость, Обида и другіе ихъ соплеменники; богатырь Довольствіе-своимъ въ рукопашномъ бою смялъ и задушилъ Корыстолюбіе, Жадность, Малодушіе (दैन्या), Страсть-къ-клеветѣ (अनृतवाद:), Подлость (पैशुन्यं), Воровство (स्तेयं), Взяточничество (परिग्रह:); Кротостью-не-знающею-хулы (अनसूयया०) побѣждена Зависть (मात्सर्यं); Сознаніе-чужаго-превосходства (परोत्कर्षसंभावनया०) истребило Высокомѣріе; Признаніе-чужихъ-достоинствъ (परगुणाधिक्येन०) сокрушило въ дребезги Гордость.

Поклоненіе-Вишну *съ чувствомъ живѣйшей радости.*

Прекрасно! Отлично! Но куда же дѣвался Мòрокъ? съ нимъ что̀ сдѣлалось?

Вѣра.

Послѣ всего этого Мòрокъ, равно какъ и Волшебство нечистыхъ его силъ (योगोपसर्गै:सह), пропали безъ вѣсти. Сколько ни искали наши Мòрока, не нашли его нигдѣ: и слѣдъ его простылъ. Забился нечестивецъ куда нибудь въ глушь и примолкъ.

Поклоненіе-Вишну.

Ежели это такъ, то какъ ни велико торжество наше, но всего еще мы не совершили: еще во вселенной, въ

особѣ царя Морока, остается великій запасъ зла, и во что бы намъ это ни стало, непремѣнно должно сразить его и уничтожить. Ибо, «ежели торжество составляетъ «потребность твоего сердца,» говоритъ мудрое изрѣченіе, «то будучи уменъ и желая упрочить твои успѣхи, ты «не оставишь у себя ни огня, хотя бы даже въ самой «малой искрѣ, ни долга, хотя бы и въ бездѣлицѣ, ни «врага, хотя бы и безоружнаго». А Чувства (*) какова исторія? Онъ что̀ теперь дѣлаетъ?

Вѣра.

Чувство теперь, царица, потерявъ столько сыновей, внуковъ и другой родни, предался крайней скорби, и даже намѣренъ посягнуть на собственную жизнь свою.

Поклоненіе-Вишну, *улыбнувшись*.

Не посягнетъ. А какъ бы одолѣлъ онъ всѣхъ насъ, ежели бы въ самомъ дѣлѣ посягнулъ на жизнь. Духъ (पुरुष:) тогда бы только и насладился дѣйствительнымъ спокойствіемъ. Но скажи, что̀ вложило въ голову этому взбалмошному намѣреніе проститься съ жизнію?

Вѣра.

Послѣ того какъ царица положила воспроизвесть въ міръ Свѣтлую-мысль, онъ уже почитаетъ рѣшительно невыносимымъ жить долѣе въ тѣлѣ.

Поклоненіе-Вишну.

Ладно. Чтобы возбудить въ немъ расположеніе къ Без-

(*) См. стр 9.

страстію (*), мы пошлемъ къ нему Вьясову-Сарасвати (**).

Уходитъ.

ИНТЕРМЕДІЯ.

На сценѣ являются Чувство *и* Воля (संकल्प:).

Чувство (***) *со слезами на глазахъ.*

Ахъ, дѣти мои! Куда вы ушли? дайте насладиться мнѣ вашимъ милымъ лицезрѣніемъ. Придите ко мнѣ Пристрастіе, Вражда (रागद्वेष०), Высокомѣріе, Гордость, Зависть, всѣ вы, милые сыновья мои! обнимите меня! Руки у меня опустились, весь я разслабъ. Кто теперь поддержитъ меня стараго, безпомощнаго? Куда вы ушли, Хула, Злоба (असूयादय:), всѣ вы, куда вы ушли мои дочери? Куда вы ушли невѣстки мои? гдѣ ты Мечтательность (आशा)? гдѣ Обида? гдѣ Жадность? Гдѣ снохи мои? Возможно ли, что даже и онѣ у меня горемычнаго, что даже женщины и тѣ всѣ до одной не пощажены бездушникомъ Рокомъ (दैवहतक:)?

Теряя совершенно возможность владѣть собою:
Жжетъ всѣ животы мои, жгучій ядъ расходится по всей внутренности моей, исторгаетъ изъ меня тяжелые вопли,

---

(*) См. стр. 85.

(**) См. стр. 119. Вьясу почитаютъ Индусы собирателемъ и устроителемъ Ведъ, творцемъ Магабгараты, Гаривансы и 18-ти Пуранъ. Равно въ Магабгаратѣ, какъ и въ Пуранахъ, видно высочайшее благоговѣніе къ Ведамъ. Вьясова Сарасвати въ слѣдующей сценѣ (стр. 129) представляетъ, такъ сказать, исповѣдь вѣры нашего поэта, которою напитало его чтеніе твореній Вьясовыхъ. Въ этой сценѣ выразился, едва ли не по преимуществу, духъ Ведантической школы, коей принадлежалъ поэтъ.

(***) См. стр. 9.

истязуетъ всѣми истязаніями плоть мою; пришла ко мнѣ немочь моя, грозная тоска моя, смутила разумъ мой, развернула омраченіе въ умѣ моемъ, увы! она пересиливаетъ меня, пожираетъ жизнь мою!

Лишенный присутствія духа падаетъ на землю.

Воля.

Царь вселенной! утѣшься! утѣшься!

Чувство, *пришедши въ себя*:

Неужели и царица Побѣгуша (*) позабыла обо мнѣ? Какимъ образомъ не приходитъ ей въ мысль, по крайней мѣрѣ, показать мнѣ свое участіе, чтобы хоть этимъ меня утѣшить, меня доведеннаго до такого положенія безутѣшнаго.

Воля, *со слезами на глазахъ.*

Государь! гдѣ тутъ теперь думать о Побѣгушахъ? Царица Побѣгуша едва услышала о несчастной долѣ своей родни, пожаръ скорби вспыхнулъ у нея въ груди и тутъ же сердце ея разорвалось съ горя: такъ и умерла она.

Чувство.

Ахъ! милая, гдѣ ты? гдѣ ты? откликнись! подай мнѣ отъ себя хоть голосъ, хоть милый отголосокъ. Супруга моя! царица моя! Бывало тебѣ и сонъ не въ сонъ безъ меня, и

(*) См. стр. 9.

сонъ не въ удовольствіе; бывало ты и спишь, а душа твоя все бесѣдуетъ со мною, все думаетъ обо мнѣ! А я? вкушалъ-ли я? безъ тебя было ли мнѣ по сердцу какое нибудь наслажденіе? И для меня сонъ безъ тебя не былъ сномъ, а смертію: разставаться съ тобою даже и во снѣ для меня было одно и тоже, что не жить, что умереть заживо. Теперь злая насмѣшка рока разлучила насъ, ты удалена отъ меня; а я живу для того, чтобы страдать по тебѣ. Пусть, по крайней мѣрѣ, этотъ мой вопль дойдетъ до тебя! Я живу! живетъ, увы, живетъ убитое сердце мое! Жизнь моя, жизнь моя! за чѣмъ ты сильна? за чѣмъ не прекратилась ты доселѣ?

Опять впадаетъ въ безпамятство.

Воля.

Царь! утѣшься! утѣшься!

Чувство.

Полно теперь мнѣ жить! полно! будетъ уже съ меня! Другъ Воля! приготовь мою душу: пусть очистительное пламя костра потушитъ это яростное пламя скорбей моихъ! Пожирая меня, вмѣстѣ со мною оно пожретъ, по крайней мѣрѣ, и всѣ эти невыносимыя мои мученія. Воля! примись, братецъ, за свое дѣло.

На сценѣ является Вѣясова Сарасвати (*).

Сарасвати.

Всесовершенною царицею Поклоненіемъ-Вишну дано

(*) См. стр. 119.

мнѣ порученіе: «Другъ Сарасвати, сказала она, ступай, «пробуди ты умъ въ головѣ этого несчастнаго Чувства, ко«торый, потерявъ родню, не можетъ до сихъ поръ угомо«ниться: то и дѣло, что стонетъ, да охаетъ; весь раскисъ; «потомъ постарайся, моя милая, чтобы сроднить его не«премѣнно съ Безстрастіемъ. Ступай, мой другъ: на«дѣлъ онъ своими воплями». Подойду же я къ нему. *Подошедши ближе.* Что ты, государь, такъ черезъ мѣру печаленъ? Безъ сомнѣнія, тебѣ давно уже извѣстно, что вѣчное не раждается въ предѣлахъ этой вселенной. Ты читывалъ, милый мой государь, повѣствованія о быломъ, слѣдовательно знаешь, что жизнь лотосороднаго Брагмы (*) продолжается цѣлыя сотни кальпъ (**). Теперь въ промежуткѣ этой Брагмовой жизни ты имѣешь понятіе, сколько переживаетъ Дэвовъ *(боговъ)* и Асуровъ *(непріятелей боговъ)* съ ихъ Индрами, сколько Манусовъ (***), сколько другихъ

(*) Пураническія сказанія говорятъ о безбрежномъ хаотическомъ океанѣ, на волнахъ коего носится змѣй Сэша (शेष:), на спинѣ коего возлегаетъ богъ Вишну. Изъ пупка этого бога вырастаетъ огромный лотосъ, въ цвѣточной же чашечкѣ онаго зараждается творецъ органической природы—Брагма.

(**) Одна кальпа 4,320,000,000 лѣтъ; слѣдовательно сто кальпъ: 432,000,000,000 лѣтъ.

(***) Подъ именемъ *Мануса* (*Ману*) Санскритская литература обладаетъ древнѣйшимъ Уложеніемъ законовъ Брагманической Индіи. Это имя и это Уложеніе, ежели сообразить съ одной стороны все, что намъ извѣстно о цивилизаціи древняго Египта, съ другой древнѣйшія узаконенія Грековъ, въ отдаленные уже вѣка были первообразомъ для Египтянъ въ первомъ ихъ царѣ-организаторѣ, Менесѣ, для Грековъ въ царѣ Миносѣ. Благодаря религіозному во всѣ времена благоговѣнію Индусовъ къ этой книгѣ, она—исконный родникъ столькихъ узаконеній человѣческаго рода! — дошла до насъ, не потерпѣвъ въ продолженіе тысячелѣтій никакого искаженія, скажу даже въ

мудрецовъ, строителей и законодателей вселенной, сколько переживаетъ, наконецъ, въ промежуткѣ этой Брагмовой жизни земель, океановъ; а между тѣмъ несмѣтное количество цѣлыхъ милліоновъ лотосородныхъ Брагмъ исчезло уже на свѣтѣ. Послѣ всего этого не совершенное ли омраченіе разума, не одно ли только оно можетъ заставлять печалиться о потерѣ родныхъ, которые въ цѣпи существъ все равно, что какія нибудь двѣ три струйки воды среди безчисленныхъ вспѣнившихся волнъ безбрежнаго океана, — печалиться о томъ, что пяти-стихійное тѣло моего роднаго перешло въ эти же пять стихій, расторгнувъ цѣпи условій, связывавшихъ оныя?

Обрати же вниманіе, мой милый государь, на то, что ничего вѣчнаго не проявляется никогда въ этомъ мірѣ. Умъ, умѣющій дѣлать различіе между тѣмъ, что̀ дѣйствительно вѣчно существуетъ по своему содержанію, и тѣмъ, что̀ не заключаетъ въ себѣ вѣковой прочности,

---

первобытной своей формѣ, за исключеніемъ немногихъ интерполяцій, которыя легко замѣтны для свѣдущаго глаза, и отпадаютъ сами собою, нисколько не нарушая гармоніи цѣлаго. Вильсонъ объясняетъ слово मनु слѣдующимъ образомъ: MENU, the legislator and saint, the son of BRAHMA, or a personification of BRAHMA himself, the creator of the world, and progenitor of mankind; the name is however a generic term, and in every *Kalpa* or interval from creation to creation, there are fourteen successive MENUS presiding over the universe for the period of a *Manwantara*, respectively: in the present creation there have been the six following MENUS: MENU called also SWAYAMBHUVA, the supposed revealer of the code of law possessed by the *Hindus*, SWAROCHISHA, UTTAMA, TAMASA, RAIVATA, and CHAKCHUSHA; the seventh or the present MENU is VAIVASVATA, or RAIVATA the second.

такой умъ совершенно безопасенъ отъ всякихъ нападеній со стороны этѣхъ презрительныхъ скорбей, ибо такой умъ зритъ «единое»; единое же не раздробитъ, не смутитъ его. «Ежели въ одномъ Брагмѣ (*), » говоритъ изрѣченіе, « только и есть существенность, все же иное « подлежитъ перемѣнамъ, то какое омраченіе, какая « скорбь, могутъ смутить созерцающаго это единство»!

Чувство.

Всесовершенная! Въ то время, какъ сердце сокрушено у меня скорбію, никакъ не приложу я разума къ твоимъ словамъ, никакъ не можетъ проясниться во мнѣ мой помраченный разумъ.

Сарасвати.

Милый мой! Виною этому не иное что, какъ твоя нѣжность. (स्नेह:) Отъ нея, мой милый, отъ нѣжности вся бѣда, все твое горе; отъ нея все зло на свѣтѣ. Ибо въ неблагодарныхъ бороздахъ, въ бороздахъ, удобренныхъ орошеніемъ яда, доселѣ все сѣютъ люди сѣмена своего горя; эти сѣмена носятъ у нихъ названія родственности, связей, дружества. Изъ сѣмянъ въ скоромъ времени прозябаютъ ростки этой нѣжности, нѣжности, въ лепесткахъ которой, по всѣмъ ея фибрамъ, незамѣтнымъ зародышемъ играетъ уже молнія погибели. Наконецъ, изъ ростковъ поднимается неискоренимый уже лѣсъ душевнаго горя.

(*) Этого Брагму (ब्रह्म), имѣющаго въ Санскритскомъ яз. флексію средняго рода, не должно смѣшивать съ Брагмою творящимъ, обозначеннымъ въ языкѣ флексіей рода мужескаго (ब्रह्मा). Объ этомъ безличномъ Брагмѣ говоритъ Вильсонъ: the divine cause, and essence of the world, from which all created things are supposed to emanate, and to which they return; the unknown God.

медленно, но вѣрнымъ тлѣніемъ разрушенія, горятъ его деревья; не по одному, по всѣмъ направленіямъ распространяется его пламя; легкими переливами словно пытаетъ стебельки сухаго растенія, обвиваетъ оно собою всего человѣка. Приглядись: ужасны эти деревья душевныхъ скорбей; тысяча острыхъ вершинъ на каждомъ изъ нихъ; каждая вершина — острый языкъ пламени душегубнаго.

Чувство.

Хотя все это правда, но, сожженному уже пламенемъ скорби, не наслаждаться мнѣ жизнію; не для чего, да и не въ силахъ я уже сберегать ее. Благодарю судьбу за то, что она озарила, по крайней мѣрѣ, мои послѣднія минуты твоимъ свѣтозарнымъ посѣщеніемъ.

Сарасвати.

Послушай, милый государь! Во всякомъ случаѣ: убить самого себя — дѣло самое неправое; но, чтобы убивать себя изъ за этихъ нарушителей спокойствія и порядка, это уже совершенно необъяснимо. Помилуй, любезный государь! ужели что либо можетъ тебя столь сильно къ тому понуждать, чтобы праху ихъ приносить въ жертву твою жизнь? Посмотри только на это дѣло повнимательнѣе: самъ скажешь, что не стоютъ они этой жертвы. Положимъ, они живы: какого же существеннаго добра могъ бы ты для себя ожидать отъ нихъ? Скажи пожалуйста: чѣмъ они тебя одолжили? что сдѣлали они для тебя? чѣмъ ты имъ обязанъ? Положимъ, они живы: что же они для тебя дѣлаютъ?—Ахъ, мой милый государь! ни тебѣ, ни людямъ, рѣшительно не легко отъ этихъ такъ называемыхъ близкихъ сердцу; а все таки, хотя предметъ, котораго сознаешь всю пустоту, и разди-

раетъ сердце во время неизбѣжной съ нимъ разлуки, а несчастные смертные, увы непрестанно окружаютъ они себя подобными предметами и изнываютъ подъ страшнымъ гнетомъ ими же накликанныхъ тяжелыхъ мученій ихъ сердца. Теперь посмотримъ на это дѣло поближе, взглянемъ, каковы именно тѣ, изъза которыхъ ты, несчастный, хочешь добровольно наложить на себя руку. Скажи пожалуйста: выступившія изъ береговъ своихъ рѣки останавливали-ли ихъ, когда они посягали на что-либо? Вершины горъ, укрывшіяся въ высотахъ эфира, не укрылись отъ пытливости ихъ взора; молитва, возносившаяся съ высотъ этѣхъ горъ о благоденствіи юдолей, отлетѣла, встревоженная неистовыми воплями и кличемъ святотатцевъ; дремучіе вѣковые лѣса, оглашаемые по всѣмъ концамъ страшнымъ ревомъ своихъ плотоядныхъ обитателей, окликающихъ себя этимъ окликомъ въ недосягаемой пустынѣ, эти лѣса останавливали-ли роковое шествіе нечестивцевъ? (*) Скажу еще: чего они не дѣлали съ тобою самимъ, какъ только открывалась имъ къ этому возможность? какихъ золъ не испыталъ ты отъ нихъ? есть-ли истязанія, которымъ они не подвергали тебя, они, своевольные, самоуправные, не внимающіе ничьему убѣжденію, дѣти твои! Этѣ гнусныя, костлявыя физіогноміи, эти блѣдныя, зачахшія алчностью и высокомѣріемъ, лица, на коихъ отвратительное себялюбіе положило свою гнусную печать, — скажи, самый ихъ видъ приносилъ-ли когда тебѣ истинное удовольствіе? судорожный ихъ хохотъ веселилъли тебя? Несчастный! мученіе, одно мученіе они доставляли тебѣ даже взглядомъ своимъ, даже своимъ присутствіемъ.

Чувство.

Да, это такъ, царица. Все это правда, все правда

(*) Въ словахъ этихъ нельзя не подозрѣвать намека на рел

при всемъ этомъ я любилъ ихъ, они моя кровь, дѣти мои; ихъ носилъ, ихъ лелѣялъ я въ моемъ сердцѣ, потому отторженіе ихъ отъ меня то же, что̀ отторженіе отъ меня жизни, о! мучительнѣе, тяжелѣе, чѣмъ ежели бы отторгнули отъ меня мое сердце.

Сарасвати.

Милый мой! все таки сбиваетъ тебя эта безсмысленная родственность. Неужели ты не можешь понять, что корень ея заключается не далѣе, какъ въ твоей нелѣпой, другъ ты мой, самости (ममता), что эта самость и есть виною всего твоего настоящаго омраченія? Да, не даромъ говорятъ: «жалче, ежели кошка задавитъ «доморощенаго пѣтуха, нежели воробушко (*) или ласточ«ку (**): ни къ ласточкѣ, ни къ воробушку не прикасает«ся наша самость.» Долженъ же ты сознать наконецъ, что самость — нелѣпость. И такъ, ты долженъ, во что̀ бы то ни стало, отторгнуть и бросить прочь отъ себя свою самость, это сущее сѣмя всего негоднаго и несущественнаго на свѣтѣ. Потомъ, послушай милый: развѣ черви не зараждаются въ тѣлѣ человѣка, и развѣ человѣкъ со всею тщательностію не освобождаетъ и не долженъ освобождать себя отъ нихъ? Теперь, здраво ли поступаетъ тотъ, кто оплакиваетъ потерю подобныхъ же червей, и изсушаетъ себя изъ за нихъ потому только, что они носятъ у него имя его дѣтей?

гіозныя преслѣдованія Брагманизма со стороны усиливавшихся въ Индіи другихъ сектъ.

(*) कलविङ्क, a sparrow. *Вилъс.*

(**) मषक, a mouse, a rat. *Вилъс.*

Чувство.

Ты совершенно права, царица: противъ того, что ты сказала, не возможно дѣлать возраженій. Но все таки крѣпки, невыразимо крѣпки, эти пагубныя узы нашей самости. Внемли моленію моему, добрая царица, скажи, не знаешь-ли средства, какъ разорвать эти узы, особенно же когда они уже крѣпко на крѣпко затянуты долгимъ и постояннымъ обращеніемъ съ такъ называемыми «своими», привычкою къ нимъ, когда въ этихъ узахъ вьется и скрѣпляетъ ихъ жгучая живая нитка нѣжности, скажи, не знаешь-ли, царица, какого нибудь средства противъ этѣхъ связей? какъ разорвать ихъ? какъ освободиться отъ самости?

Сарасвати.

Самое первое средство къ тому, чтобы сокрушить на себѣ оковы самости и быть совершенно свободнымъ, давно уже высказанное мною тебѣ, мой милый, состоитъ въ живомъ сознаніи непрочности всего, что ни раждается въ этомъ мірѣ. Въ добавокъ къ этому, скажу тебѣ еще вотъ что: сообрази, мой милый, что въ этомъ необъятномъ протяженіи треволненій сей жизни цѣлые милліоны такихъ твоихъ родныхъ, безъ которыхъ самъ ты не существовалъ бы на свѣтѣ, давно уже пропали во вселенной: всѣ они имѣли въ свое время имена отцевъ, матерей, женъ, дядей, дѣдушекъ; все это было твое, и все давно уже умерло; а развѣ этотъ безконечный рядъ умершихъ твоихъ предковъ хуже баловниковъ, погибшихъ за дѣло? Изъ этого слѣдуетъ, что, живя въ этомъ мірѣ, ты долженъ смотрѣть на всѣхъ близкихъ твоему сердцу не иначе, какъ на блескъ веселой молніи и не болѣе Лови мгновенія, утѣшай свое сердце, да веселятъ тебя ближніе твои; но все это,

хорошо помня и всегда сознавая для себя, что нѣтъ въ нихъ прочности, что не вѣчны они: тогда, никакая потеря тебя не поразитъ, не омрачитъ, и спокойствіе не будетъ оставлять души твоей.

Чувство.

Благодарю тебя, всесовершенная! Тебѣ обязанъ я тѣмъ, что омраченіе наконецъ отошло отъ моего разума; но, хотя нектаромъ наставленій, серебристыми лучами мѣсяца истекающимъ изъ устъ твоихъ, и очищенъ мой разумъ, все таки волны печали, подплывая къ нему, не перестаютъ мутить его, и тяжеле бываетъ эта скорбь, когда сознаешь, что она неосновательна, а между тѣмъ не можешь не скорбѣть. И такъ противъ этихъ волнъ грусти, противъ стремительныхъ, вопреки свѣтлому уже сіянію разума, нападеній ея, благоволи, всесовершенная, показать мнѣ такое же лекарство.

Сарасвати.

Милый мой! говоритъ же изрѣченіе мудрецовъ: «про«тиву стремительныхъ нападеній всякой родящейся не«ожиданно скорби, живой, терзающей сердце, лучшее «средство не думать о предметѣ, объ источникѣ, от«куда скорбь исходитъ.»

Чувство.

Это такъ: средство хорошее; но не легко сладить, всесовершенная, съ нашимъ мышленіемъ; ибо — еще не успѣлъ ты унять свою думу, а уже къ тебѣ толпится цѣлый рядъ новыхъ думъ, подобно тому, какъ къ плавающему въ пространствѣ свѣтозарному мѣсяцу прилетаютъ все новыя полосы тучъ, хотя неутомимый вѣтеръ и успѣваетъ уносить ихъ одну за другою.

Сарасвати.

Слушай, мой милый! Это ничто иное, какъ разстройство мышленія И такъ, чтобы возсоздать гармонію онаго, для этого ты долженъ найти предметъ отличающійся такимъ спокойствіемъ, котораго ничто возмутить не можетъ, и на этомъ предметѣ утвердить мысль твою.

Чувство.

Царица! будь уже до конца милостива ко мнѣ. Укажи ты мнѣ на этотъ предметъ, на которомъ утвердившись, воспроизведенное мышленіе наше можетъ найти для себя успокоеніе.

Сарасвати.

Этотъ предметъ—тайна, другъ мой. Но «не грѣхъ, ко«гда нарушаешь тайну для того, чтобы просвѣтить не«счастнаго» Слушай:

Для того, чтобы обрѣсти незыблемое спокойствіе просвѣтленія, ты долженъ устремить мысль свою на одно, ты долженъ вѣчно помнить о томъ существѣ, темная синева плоти коего уподоблена синевѣ темныхъ тучъ, о богѣ Вишну, съ его поручнями, серьгами, діадимою; вотъ тебѣ одна сторона успокоенія;— или: подобно путнику, съ радостью погружающему себя въ освѣжительныхъ струяхъ прохладнаго, встрѣтившагося ему на знойномъ его пути, чистаго прекраснаго озера, погрузись въ это единое, безпредѣльное море, коего гармоническія волны не соприкасаются ни съ какими треволненіями души, въ это море невозмущаемаго успокоенія, именуемое «Брагма» (*),

(*) См. стр. 131.

и несокрушимою крѣпостію мысли твоей будь такимъ образомъ независимъ отъ ея распаденій и горя. (*).

Послѣ этихъ словъ Чувство *погружается въ спокойное раздуміе, начинаетъ дышать свободнѣе и съ удовольствіемъ потомъ говоритъ*

Все таки, съ какой стороны не смотри, а все всесовершенной обязанъ я моимъ спасеніемъ.

Кланяется ей въ ноги.

САРАСВАТИ.

Ну, теперь твое сердце окрѣпло и сдѣлалось наконецъ способнымъ легко воспринимать открываемую ему истину. Слушай, еще кое что̀ скажу тебѣ. Обыкновенные, темные люди невыразимыми мученіями терзаютъ душу свою, тоскуютъ, изнываютъ, бьютъ себя безпощадно въ животъ, когда пасть смерти коснется ихъ отца, ребенка,

---

(*) Вотъ сущность того что̀, говорила Сарасвати: «Видя всеобщую измѣняемость, которой подвержено все зависящее отъ условій видимой природы, человѣкъ не долженъ сокрушаться, когда посѣщаетъ его собственное его, условленное необходимостью здѣшняго быта, горе. Но такое спокойствіе еще не утѣшеніе: оно—апатія, живое распаденіе, мертвенность души. Что же, при этой независимости отъ чувствъ, скрѣпитъ человѣческую душу, дастъ ей истинно духовную, не тревожимую никакими возмущеніями, жизнь? Отвѣтъ на это — религія, истинное религіозное-ли чувство, чтущее божество въ видимомъ представленіи, или возвысившееся до созерцанія невидимаго. Въ томъ и другомъ случаѣ, одно только оно можетъ окончательно успокоить душу человѣка.»

друга; но разлука съ своими въ этомъ мірѣ треволненій, который не заключаетъ въ себѣ никакой существенности, въ плодахъ котораго вкушается одна горечь, разлука съ своими, говорю, *для* ума просвѣтленнаго, не только не можетъ его смущать, но даже радуетъ его за участь умершихъ. Только при такомъ незыблемомъ настроеніи ума видно, что съ этимъ умомъ сроднилось *безстрастіе*, и что блаженство высокаго покоя образуетъ дѣйствительную сферу, въ которой онъ живетъ.

На сценѣ является Безстрастіе (वैराग्यं).

Безстрастіе, *послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья.*

Да! куда какъ завиденъ, какъ крѣпокъ этотъ оплотъ, противопоставляемый человѣкомъ всѣмъ неистовствамъ окружающей его природы! Ежели бы Праотецъ существъ *(Брагма)* не далъ ему этого тѣла, въ коемъ мясо его прикрыто не болѣе, какъ кожею, которая нѣжностью своею можетъ быть сравнена съ оконечностью листковъ молодаго голубаго лотоса, ежели бы онъ не далъ ему этого единственнаго прикрытія: то возмогъ-ли бы человѣкъ отразить отъ себя коршуновъ, вороновъ (*), волковъ, собакъ, галокъ (**), всю эту стаю враждебной ему дичи (***), алчущей схватить и сожрать просякшее и облитое теплою кровью его мясо? Куда какъ завидна и какъ крѣпка плоть

(*) ध्वाङ्क्ष, a crow. *Вильс.*; corvix. *Боппъ.*

(**) क्रौञ्च, a kind of heron (Ardea jaculator, BUCH). *Вильс.*

(***) Духомъ, по Брагманическому ученію, человѣкъ не обязанъ Брагмѣ-творящему; обязанъ же ему одною только плотію. Надъ слабостію этой-то плоти подшучиваетъ Безстрастіе.

человѣка! Да! нечего сказать: можетъ гордиться человѣкъ прикрытіемъ, даннымъ ему Брагмою.

Но, положимъ, онъ безопасенъ, положимъ; онъ даже могущественъ съ этой стороны. Посмотримъ, каково онъ живетъ самъ по себѣ, независимо отъ внѣшней природы.

Счастье его непостоянно; сладости, имъ вкушаемыя, содержатъ въ себѣ горечь; построеніе его тѣла — домъ всякой разладицы; богатства, даже самыя огромныя — запасъ уничтоженія; другіе люди—разсадникъ его мученій; женщина — постоянное вмѣстилище всего несущественнаго, и что же? о! слѣпые люди, для нихъ утѣшителенъ этотъ грозный путь, его любятъ они, а души своей — не любятъ.

Сарасвати.

Мой другъ! Вотъ Безстрастіе пришло къ тебѣ. Встрѣть его твоимъ ласковымъ привѣтомъ.

Чувство.

Гдѣ ты? гдѣ сынъ мой?

Безстрастіе.

Я здѣсь. Привѣтствую родителя моего.

Чувство.

Сынъ мой! Со времени твоего рожденія я былъ разлученъ съ тобою. Обними меня.

Безстрастіе *обнимаетъ своего отца*
Чувство.

Чувство.

Милое дитя мое! одинъ твой взглядъ успокоилъ весь этотъ напоръ скорби, меня одолѣвающей.

Безстрастіе.

Про какую скорбь ты говоришь, родитель? гдѣ она? что такое она?—Что встрѣча путниковъ на большей дорогѣ, встрѣча деревьевъ, опрокинутыхъ теченіемъ потока, встрѣча облаковъ на небосклонѣ, корабельщиковъ на волнахъ океана, то взаимная встрѣча всѣхъ этихъ отцевъ, матерей, всѣхъ родственниковъ, дѣтей, друзей, всѣхъ этихъ, такъ называемыхъ «своихъ» въ нашемъ мірѣ. Эта пестрая, безпрестанная встрѣча, это соединеніе вѣчно сопряжено съ разъединеніемъ, съ далекою разлукою. Сошлись и разошлись: всѣ они таковы по своей природѣ, и не заставишь ихъ сдѣлаться для тебя иными. И такъ, какой же тутъ смыслъ, какую существенную послѣдовательность имѣетъ скорбь, которою сопровождаютъ обыкновенно люди всякую подобную разлуку?

Чувство, *голосомъ, въ которомъ замѣтно выражающееся удовольствіе.*

Царица! дѣйствительно это такъ, какъ говоритъ мое милое дитя. Только теперь моя душа, съ которой благородство разума стряхнуло наконецъ мрачную нечистоту накопившихся вокругъ нея превратностей, только теперь вполнѣ сознаетъ она, что всѣ женщины, дышащія свѣжею молодостію, всѣ рощи, по коимъ раздается бренчащая бесѣда цвѣточныхъ обитателей (*пчелъ*), что всѣ эти тихіе безвредные вѣтры, разносящіе благовоніе разцвѣтающихъ павамальликъ (*), что все это проникнуто

(*) См. стр. 6.

влагою изъ моря призраковъ, что все это не заслуживаетъ никакого сочувствія.

Сарасвати.

Мой милый! Хотя это и такъ, но все таки хозяину дома (गृहिन्) не подобаетъ ни единаго даже мгновенія жить несоотвѣтственно обычаямъ, налагаемымъ на него законами его званія. По этому-то, мой милый, отъ нынѣшняго дня навсегда Домосѣдка (*) будетъ твоею законною супругою.

Чувство, *съ примѣтною краскою на лицѣ.*

Быть такъ, какъ указываетъ царица.

Сарасвати.

Душевное-спокойствіе, Смиреніе, Довольствіе-своимъ и другіе ихъ братья, твои дѣти, отнынѣ должны быть у тебя всегда подъ рукою; Сила-души-внѣшняя, Сила-души-внутренняя и другіе ихъ союзники будутъ у тебя всегдашніе твои министры; Разумъ же съ царицею Упанишадою, (**) ты долженъ вѣнчать себѣ въ преемники со всею искреннею къ нимъ съ твоей стороны благосклонностью: этихъ же четырехъ сестеръ: Пріязнь, Состраданіе, Отвращеніе-отъ-дурнаго и Восторженность-ко-всему высокому (***), отправленныхъ къ тебѣ всесовершенною Поклоненіемъ-Вишну для того, чтобы тебя успокоить, при-

---

(*) См. стр. 9.

(**) См. стр. 12.

(***) См. стр. 85 и 86.

ми сообразно съ тѣмъ, какъ онѣ заслуживаютъ, т. е. вполнѣ благосклонно и привѣтливо.

Чувство.

Быть всему, какъ указываетъ мнѣ царица. Всѣ ея приказанія незыблемо утверждены въ моей памяти и будутъ исполнены мною во всей точности.

Послѣ этихъ словъ, съ чувствомъ живѣйшей радости, кланяется ей въ ноги.

Сарасвати.

Сила-души-внѣшняя, Сила-души-внутренняя, Созерцательность, Покореніе чувствъ и другіе ихъ братья, должны встрѣчать во взорѣ милаго моего государя всегдашній привѣтъ и почтеніе къ себѣ. Съ ними за одно, и не иначе, благоволитъ государь мой всегда отнынѣ управлять кормиломъ своего самодержавія. — Теперь, мой другъ, когда ты совершенно уже спокоенъ и на своемъ мѣстѣ, и Духъ (क्षेत्रज्ञो०) восприметъ также свою чистую, ему подобающую, природу; ибо будучи вѣченъ и единъ, но, съ одной стороны стѣсненный условіями рожденія, смерти, старости, съ другой соприкасаясь съ тобою, въ полетахъ твоего разстроеннаго мышленія, это божество имѣло видъ нелѣпаго разъединенія и было доселѣ какъ будто бы многообразно, такъ точно, какъ многообразно лице свѣтлаго солнца, когда оно упадетъ на зыбкія волны колеблющагося моря; но, какъ только ты, мой милый, дѣйствительно утверждая все твое мышленіе на единомъ и неизмѣнномъ, пріемлешь спокойствіе, то, независимо отъ стѣснительныхъ условій здѣшняго, чуждаго существенности быта, Духъ возсіяетъ обиліемъ своего природнаго блаженства подобно тому, какъ это-же солнце сіяетъ лицемъ своимъ

на чистомъ, ровномъ зеркалѣ, отъ котораго устранено всякое, хотя малѣйшее, сотрясеніе.

Ну, все это хорошо. Теперь пойдемъ къ рѣкѣ, чтобы сотворить обрядъ приношенія воды (उदकदानाय०) умершимъ (*).

Всѣ.

Быть такъ, какъ повелѣваетъ царица.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО АКТА.

(*) т. е. дѣтямъ Чувства, убитымъ въ войнѣ съ Разумомъ. И въ этомъ мѣстѣ замѣчательна спиритуальная кротость, заставляющая Вѣру оплакивать этихъ же дѣтей Чувства (см. стр. 111).

АКТЪ ШЕСТОЙ.

На сцену является два ПОКОЙ-ДУШИ.

Покой-души.

Великій царь государь Разумъ сдѣлалъ мнѣ порученіе; вотъ оно: «извѣстно тебѣ, милая моя государыня, что теперь, когда въ душѣ Чувства, потерявшаго своихъ дѣтей, уничтожилось омраченіе, и когда онъ, сдружившись съ Безстрастіемъ, совершенно успокоился и вмѣстѣ съ этимъ всѣ бѣдствія и всѣ тревоги прекратились во вселенной, то и Духъ-Праотецъ (प्रभव:), могуществомъ своей воли, вызываетъ уже къ бытію лучезарнаго отрока Свѣтлую-мысль. И такъ, милая моя государыня, поспѣши отправиться къ царицѣ Упанишадѣ (*): ты уговоришь ее, сблизиться со мною. Я буду нетерпѣливо ожидать васъ обѣихъ.» Вотъ какое порученіе сдѣлалъ мнѣ нашъ государь. *Поднимая глаза.* Ба! сюда идетъ моя матушка. Примѣтно, что родимая разсуждаетъ сама съ собою о чемъ-то необыкновенно веселомъ.

Входитъ Вѣра.

Вѣра.

Очи мои словно упоены теперь нектаромъ, когда я

(*) См. стр. 12.

вижу наконецъ домъ нашего царя (*) совершенно безопаснымъ, вижу, что никакая язва не прикасается къ нему; этотъ домъ, въ которомъ истреблена неправда, въ которомъ красуется скромная дѣятельность души, покореніе чувствъ, созерцательность, въ которомъ воздана честь хозяину вселенной тѣмъ, что здѣсь живутъ божественнымъ.

Покой-души, *подошедши.*

Матушка! о чемъ ты это разсуждаешь такъ мило?

Вѣра, *съ восторгомъ.*

Очи мои словно упоены нектаромъ, когда я вижу наконецъ домъ нашего царя уже невредимымъ, уже сіяющимъ красою чуждою уязвленій, домъ, гдѣ истреблена неправда, домъ, гдѣ цвѣтетъ дѣятельность души: покореніе чувствъ, созерцательность, гдѣ воздана честь хозяину вселенной тѣмъ, что въ немъ живутъ божественнымъ.

Покой-души.

Но скажи, моя милая матушка, каковы отношенія Духа-Праотца къ Чувству?

Вѣра.

Считай, моя милая, что Чувства уже нѣтъ. Царь Чувство, относительно къ Духу, все равно, что убитъ.

Покой-души.

И такъ, послѣ всего этого, безъ сомнѣнія, Духъ-Праотецъ вѣнчаетъ себя на царство.

(*) См. стр. 14.

Вѣра.

Остается устроить еще кое-что; когда же все у него будетъ наконецъ на своемъ мѣстѣ, мы и увидимъ въ немъ безграничнаго властелина существъ и нашего самодержца.

Покой-души.

Ну что? а каково расположенъ теперь Духъ-Праотецъ къ Призрачности (*).

Вѣра.

Какъ «расположенъ»? Скажи: «отвращенъ отъ нея,» а не расположенъ къ ней. «Она сѣмя всему негодному: «всячески, во всякомъ своемъ движеніи да встрѣтитъ она «препону; никакая ея затѣя да не найдетъ осуществле«нія!» Вотъ какія слова произнесъ объ ней Духъ-Праотецъ.

Покой-души.

Скажи же теперь, матушка, послѣ всего этого, изъ кого собственно будетъ состоять дворъ нашего государя? Устроено-ли это?

Вѣра.

Какъ же нѣтъ? Отъ того-то и въ восторгъ приходитъ мое сердце. Слушай, моя милая: дѣва Отличительница-существеннаго-отъ-несущественнаго (नित्यानित्यविचारणा), ближайшая наперсница нашего царя; Безстрастіе ближайшій его повѣренный и другъ; Сила-души, Созерцательность и другіе ихъ братья—вѣрные его пріятели; Кротость, Покореніе-чувствъ и другіе ихъ союзники—верховные его помощни-

(*) См. стр. 15.

ки; Пріязнь и три ея сестры (*) услуживаютъ у него въ домѣ; неотступная же спутница его —Пламенная ревность о свободѣ-духа (ममत्ता); заклятые же враги, противъ которыхъ воюя, никогда не положитъ онъ оружія, это царь Мо̀рокъ, доколѣ онъ существуетъ, Самость, Себялюбивая-воля, Пристрастіе (सङ्ग:), и прочая подобная имъ сволочь.

Покой-души.

Но объясни мнѣ, маменька, какъ расположенъ къ Закону (धर्म:) верховный нашъ властелинъ, Духъ-Праотецъ?

Вѣра.

Послѣ сближенія съ Безстрастіемъ Духъ-Праотецъ совершенно не думаетъ ни о какихъ для себя возмездіяхъ ни въ здѣшней, ни въ другой жизни (**); никакое вкушеніе плодовъ, какіе бы они ни были, уже не привлекаетъ его; какъ ужасовъ преисподней, онъ страшится плодовъ зла, но и о плодахъ добра онъ не помышляетъ нисколько. Не имѣя ни какихъ столкновеній съ Любовью (***), онъ такъ высокъ, что не можетъ помышлять о какомъ бы то ни было возмездіи, и въ сокровищницѣ его словъ нѣтъ уже безсмысленнаго слова «доброе дѣло.» При таковомъ положеніи верховнаго властелина нашего, Духа, Закону совершенно нечего уже дѣлать: созерцая безмятежное блаженство Духа-Праотца, онъ, въ чистой своей совѣсти, успокоился, какъ на лаврахъ.

(*) См. стр. 85.

(**) Это потому, что добродушный Вишнуитъ страшится и тѣни корыстолюбія; блаженствомъ даже будущей жизни онъ долженъ обладать безкорыстно, т. е. совершенно не помышляя о ней.

(***) См. стр. 5 и 80.

Покой-души.

Ну, а Мòрокъ, который съ своими нечистыми силами гдѣ-то укрывался, онъ что-же? Присмирѣлъ-ли онъ?

Вѣра.

Мòрокъ сыгралъ было такую шутку, что чуть чуть было не уничтожилъ всѣхъ плодовъ заботъ нашихъ. Ушедши на край свѣта, онъ, бездушникъ, не забылъ однако ни того, что царство его уничтожено, ни того, что сокрушена его власть. И такъ, рѣшившись во что бы ни стало омрачить Духа-Праотца, онъ подослалъ къ нему одну изъ хитрыхъ своихъ вѣдьмъ, спасшихся вмѣстѣ съ нимъ, Мадгумати, которой сладостное имя было еще украшено усвоенными ею пріемами чуждой ей личности, ибо она назвала себя Мадгумати-Видъя *(сладостное знаніе — наука)*; съ нею же, подъ ея вѣденіемъ, выслалъ онъ и все волшебство нечистыхъ своихъ силъ. Онъ соображалъ: «все это должно занять и увлечь верховнаго нашего властелина; сжели же Духъ-Праотецъ увлечется этимъ, то и Разумъ не подумаетъ объ Упанишадѣ.»

Покой-души.

Матушка, что же вышло изъ этого? Что дѣлала эта Мадгумати-Видъя?

Вѣра.

Волшебница подстерегла удобное мгновеніе и незамѣтнымъ образомъ навела на свѣтлыя очи верховнаго нашего властелина *(Духа)* очаровательнѣйшее, созданное нечистыми ея силами, зрѣлище призраковъ. До слуха его, уже увлеченнаго ея волшебствомъ, долетаютъ стройные, нѣжные зву-

ня: они лелѣютъ, колышутъ его напряженное сердце, прилетѣвъ къ нему изъ за разстоянія цѣлой сотни ёджанъ (*). Неслыханныя дотолѣ, выступаютъ предъ нимъ важною и торжественною поступью, съ вдохновенною стройностію рѣчей, Веды, Пураны, цѣлый міръ возвышенныхъ героевъ драмы, цѣлый міръ философскихъ системъ, все это новое трехміріе одушевленнаго слова. Вслушиваясь во всѣ эти волшебные звуки, нашъ властелинъ ощущаетъ и въ себѣ огонь творчества, и у него уже самого, въ звонкихъ стопахъ, по волѣ льются вдохновенные законы (**), гремитъ вдохновенная пѣсня, разоблачается, одухотворенное поэзіей, сказаніе. Властитель вдохновенныхъ звуковъ, высоко возлетаетъ онъ на ихъ вол-

---

(*) योजन, a measure of distance equal to four *Krósas*, which at 8000 cubits or 4000 yards to the *Krósa* or *Kós*, will be exactly nine miles; other computations make the *Yójana* but about five miles, or even no more than four miles and a half. *Вильс.*

(**) Всѣ уложенія законовъ древней Индіи изложены стихами: стихи законовъ Ману стройностію и звучностію не уступаютъ стихамъ эпоса. Неподражаемая гибкость Санскритскаго языка и его богатство не представляли никакихъ трудностей изложенію Индійскихъ законовъ въ подобной формѣ. Стихотворная форма Индійскими законодателями употреблялась для того, чтобы каждый могъ не только знать, но даже выучить наизусть относящіеся до своего званія законы. Эта изящная форма законовъ имѣла еще и то удобство, что она защищала ихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, отъ вставокъ и отъ подлога. Я уже замѣтилъ на стр. 130-й, что интерполяціи сами собою бросаются въ глаза въ Санскритскомъ Уложеніи законовъ Ману и по этому уже не могутъ вредить стройности цѣлаго. Извѣстно также, что въ стихотворную форму были облечены законы Солона, а также и древнѣйшіе Римскіе законы. См. стр. 139.

шебныхъ гармоническихъ крыльяхъ: онъ уже объемлетъ всѣ сферы сущаго, всѣ области недосягаемаго. И внизу, подъ нимъ—и тамъ нѣтъ для него пропастей: все принадлежитъ ему, все его добыча. Передъ проницательнымъ взоромъ его раздвинулось сердце земли: вотще Брагма завалилъ громаднымъ Меру (*) отчизну самоцвѣтныхъ камней и многоцѣнныхъ алмазовъ: она красуется предъ очами его; о каждомъ изъ нихъ онъ знаетъ, видитъ достоинство каждаго, считаетъ, перебираетъ драгоцѣнности своими перстами. Послѣ того какъ Мадгумати успѣла сманить его на землю, здѣсь слышитъ онъ звуки еще очаровательнѣе: божества земли со всѣхъ сторонъ говорятъ ему: «къ «намъ, царь нашъ, къ намъ! между нами поселись! по-

---

(*) मेरु, the sacred mountain *Méru*, in the centre of the seven continents, compared to the cup or seed-vessel of the lotus, the leaves of which are formed by the different *Dwipas*: its height is said by the *Hindus* to be 84,000 *Yojanas* (см. стр. 155.), sixteen thousand of which are below the surface of the earth: the shape is variously described, as square, conical, columnar, spherical, or spiral; and the four faces of it are of various colours, or white towards the east, yellow to the south, back to the west, and red towards the north; the river *Ganges* falls from heaven on its summit, and flows thence to the surrounding worlds in four streams; the southern branch is the *Ganges* of *India*, the northern running into *Tartary* is the *Bhadrasóma*, the eastern is the *Sita*, and the western the *Chacshu* or *Oxus*: on the summit of Méru Вялима resides, attended and worshipped by the *Rishis*, *Gandharbas*, et c.; the regents of the points of the compass occupy the corresponding faces of the mountain, the whole of which consists of gold and gems; considered in any but a fabulous light, mount *Méru* appears to mean the high land of *Tartary*, immediately to the north of the *Himalaya* mountains. *Вильс.*

« смотри, какая здѣсь неподдѣльная роскошь, какая кра-
« сота! посмотри, что за чудо мѣстности! Мы тебѣ здѣсь
« служить будемъ, мы къ тебѣ на встрѣчу вышли — мы
« окрыленныя дѣвы Видъядгаровъ (*): въ рукѣ у каждой
« изъ насъ цвѣтъ красы и счастія, въ рукѣ у каждой изъ
« насъ вѣнокъ удачи. Творящій Брагма, еще при рожде-
« ніи, далъ намъ три даянія: далъ взоры чарующіе, дви-
« женія эѳирныя, рѣчи заповѣдныя. Мы очарусмъ тебя
« звѣзднымъ блистаніемъ нашего взора, мы тебя растро-
« гаемъ игривою рѣзвостью эѳирныхъ нашихъ движеній,
« и мы же — сладостнымъ созвучіемъ заповѣднаго слова,
« отвѣтною нѣгою, волненіемъ чувства, утѣшимъ тебя,
« царь нашъ.» И еще тутъ же онъ слышитъ другіе голо-
са: «къ намъ, къ намъ, царь! здѣсь все твое; все тебѣ
« въ удовольствіе, все тебѣ въ наслажденіе. Приди къ намъ,
« царь, приди! все здѣсь твое, и рѣки, коихъ игривая
« волна оставляетъ на обоихъ берегахъ своихъ цѣлыя гру-
« ды песка самороднаго золота, и этѣ дѣвы съ полными
« чреслами, съ лицемъ, подобнымъ свѣжему лотосу, съ грудью
« высокою,— и этѣ изящно расположенныя рощи, которыя
« издали уже зовутъ тебя своею богатою изумрудною зе-
« ленью. Къ намъ царь, къ намъ! вкушай всѣ эти блага,
« вкушай все это, какъ завѣтное твое достояніе, какъ
« стяжаніе твоихъ доблестей!»

Покой-души.

Что же послѣ этого Духъ? что онъ послѣ этого?

Вѣра.

Когда эти голоса были имъ услышаны, «Чудо! чудо!
« какія блага! вотъ какія блага посылаетъ случай! пре-
« лесть!» воскликнула Призрачность; взбалмошный
Чувство вслѣдъ за этимъ просто вышелъ изъ себя отъ
восторга; совѣтникъ Воля скрѣпилъ все это рѣшимостью

(*) См. стр. 79.

и верховный нашъ властелинъ уже ступилъ было ногою на путь къ согласію на это.

Покой-Души, *съ чувствомъ живѣйшаго огорченія.*

И такъ опять властелина нашего увлекло треволненіе? опять коварная ихъ сѣть опутала его?

Вѣра.

Не опутала, не опутала. Утѣшься, дочь моя!

Покой-души.

Что же? какъ же это было? чѣмъ это кончилось?

Вѣра.

Только что этѣ нечистыя силы стали склонять къ себѣ Праотца, какъ стоящій при немъ Чувство-здраваго-смысла (तर्क:) взглянулъ на всѣхъ ихъ побагровѣвшимъ отъ негодованія окомъ, и потомъ съ силою сознающаго достоинство увлекаемаго ими Духа, сказалъ ему: «властелинъ нашъ! не ужели ты не замѣчаешь, что это сборище шакаловъ, алчущихъ упитаться кровью и мясомъ дѣйствительнаго быта (*чувственной жизни*), опять повергаетъ тебя на грозный путь пламенѣющаго угля треволненій (*вещественной жизни*)? Обрати вниманіе на слова мои, властелинъ нашъ! Давно-ли было, что ты вступилъ на корабль душевной свободы? Давно-ли на вѣтрилахъ его мчался ты по дикимъ волнамъ жизни къ пристани успокоенія? Теперь, оставивъ твой надежный корабль, не ужели ты въ самомъ дѣлѣ намѣренъ повергнуть себя въ этѣ волны горящаго угля?

Покой-души.

Что же? эти слова имѣли-ли успѣхъ? подѣйствовали они на Духа?

Вѣра,

Слова эти быстрѣе молніи подѣйствовали на нашего

властелина. Лишь только онъ ихъ услышалъ, въ тоже мгновеніе отвергъ онъ отъ себя весь чувственный бытъ: и съ этимъ неизмѣннымъ уже настроеніемъ своей души, онъ прогналъ отъ себя прочь Мадгумати (*).

(*) Это мѣсто указываетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, на отголосокъ о *паденіи человѣка* въ религіи Индусовъ: оно тѣмъ замѣчательнѣе, что во всѣхъ религіозныхъ преданіяхъ древней Индіи до сихъ поръ почти не видно еще ни одного яснаго слѣда, который бы указывалъ на это преданіе. Недовольный вещественнымъ бытомъ Индусъ хоронитъ себя заживо, старается всѣми силами освободить себя отъ него, доходитъ до изступленія, истязуя свою плоть; но не видно, чтобы онъ сознавалъ причину, которая подвигаетъ его возставать такъ грозно противъ самого себя. Міръ здѣшній постоянно называется у него океаномъ нескладицы, треволненій, хаоса (संसरण); но какъ попалъ человѣкъ въ эту нескладицу, объ этомъ Индусъ молчитъ. Правда, есть брагманическое преданіе о двухъ Асурасахъ (объ одномъ изъ нихъ см. стрр. 108 и 109), которые бывши прежде привратниками во дворцѣ Вишну, за гордость были исключены изъ этого міра блаженства, заключены въ плоть кровожадныхъ Дайтіевъ и наконецъ освобождены отъ нея самимъ Вишну, сразившимъ ихъ въ образѣ мужа—льва (नृसिंह:) и опять воспринявшимъ ихъ къ себѣ. Въ этомъ преданіи нельзя не видѣть нѣкоторыхъ соотношеній съ повѣствованіемъ нашего поэта о *паденіи духа;* но оно не имѣетъ ничего общаго съ *паденіемъ человѣка* уже потому, что объ этомъ паденіи ничего не говорятъ брагманическія религіозныя книги, въ то время какъ онѣ же наполнены возгласами противъ бѣдствій земнаго быта. Есть еще преданіе объ огромныхъ эпохахъ первобытнаго блаженства человѣка на землѣ; современная же эпоха, Кали-юга, (कलियुगं) долженствующая, по вѣрованіямъ Индусовъ, продолжаться 432,000 лѣтъ, есть у нихъ правда эпоха деградаціи человѣка, но эта деградація возникаетъ въ огромномъ періодѣ Брагмовой эпохи *(кальпы, см. стр. 8.)*, не вслѣдствіе свободныхъ дѣйствій человѣка, а по неизмѣняемымъ законамъ судебъ,

Прекрасно! прекрасно! Но куда же изволитъ идти царица мать моя?

Вѣра.

Мнѣ предстоитъ выполнить порученіе верховнаго нашего властелина. «Я имѣю кое-что переговорить съ Разу-«момъ. По этому, прошу васъ, государыня, поспѣшать.» Вотъ что сказалъ мнѣ Праотецъ Духъ: съ этимъ я иду къ государю нашему.

Рока (दैवं), который и у Индусовъ, также какъ у Грековъ и Римлянъ, не имѣетъ никакой физіономіи, а потому и никакого особеннаго поклоненія. Религіозныя книги, въ глазахъ увлеченнаго спиритуализмомъ Индійца, обнаруживаютъ духовную слабость человѣка, ибо онѣ *поучаютъ* его; поэтическое восхищеніе прекраснымъ и высокимъ, по мнѣнію горделиваго *ёгина* также неумѣстно, ибо высокое и прекрасное должны быть дѣломъ обыкновеннымъ для души возвышенной; къ тому же всякое чувство, судя по этому спиритуальному взгляду, есть разслабленіе человѣческой природы; при томъ всякое благородное чувство, всякое чувство любви къ добру и отвращенія ко злу, предполагаетъ въ человѣкѣ способность не только къ добру, но и ко злу, а это также по взгляду Индійца-спиритуалиста, противно законамъ возвышенной чистоты. Въ разсказѣ Вѣры дѣвѣ Покою-Души объ искушеніяхъ Духа, поэтъ хотѣлъ представить естественнымъ переходъ отъ чувствъ невинныхъ (вкушаемыхъ изъ Ведъ, Пураиъ и т. д.) до огрубѣнія матеріальнаго. Впрочемъ не должно упускать изъ виду, что подобныя мнѣнія противъ религіозныхъ книгъ проповѣдывались въ Индіи тѣмъ кастамъ, которыя по своему званію должны были сперва изучить этѣ книги, а потомъ уже доходить, кому это было угодно, до подобныхъ мнѣній. Впослѣдствіи, эти мнѣнія, принявъ характеръ публичный, переродились въ безсмысленнѣйшій фанатизмъ, въ тупоумное изступленіе *ёгинизма*, огрубѣвшаго въ буквальномъ смыслѣ до безчувственности.

Покой-души.

А я иду съ порученіемъ отъ государя *(Разума)*: онъ поручилъ мнѣ склонить царицу Упанишаду, чтобы она благоволила удостоить его своимъ къ нему прибытіемъ.

ИНТЕРМЕДІЯ.

На сценѣ является ДУХЪ-ПРАОТЕЦЪ.

Духъ-Праотецъ, *въ избыткѣ радости.*

Какъ высока, какъ великодушна царица Поклоненіе-Вишну! Вотще океанъ бѣдствій подымалъ грозные валы свои: по его же волнамъ надежный корабль мчится и уже доходитъ до своей пристани, а она — вожатый ему. Его не касается, руководимаго ею, ни грозная самость, которая, отнявъ зрѣніе, повергаетъ въ пропасть, ни чудовищныя пасти такъ называемыхъ отношеній: усмирены зубастыя челюсти этихъ мокоевъ (*) и удавовъ (**), именуемыхъ

(*) По Санскритски मकर, слово имѣющеее обыкновенно значеніе огромной рыбы. Вотъ истолкованіе его изъ словаря Вильсона: a marine monster, confounded usually with the crocodile and shark, but properly a fabulous animal: as a fish it might be conjectured to be the horned shark, or the unicorn fish; but is often drawn, as in the pictured signs of the zodiac, with the head and forelegs of an antelope, and the body and tail of a fish: it is the emblem of the god of love.

(**) ग्राह, a shark; according to some, the Gangetic alligator (Lacerta Gangetica); according to others, the water elephant, (the hippotamus?) — any large fish or marine animal. *Вил.*

обольстительными именами друга, жены, родственниковъ; сдавлено, потушено подземное пламя Гнѣва; повсюду прочищена, обезопасена дорога: дикія сплетенія алчности, эти кустарники жадности уже расторгнуты и вырваны съ корнемъ, — вездѣ путь прочищенъ, вездѣ онъ просторенъ для стремленій духа и пристань, за бѣшеной волной океана треволненій, уже красуется предъ созерцательнымъ окомъ.

Входитъ на сцену УПАНИШАДА (*) и ПОКОЙ-ДУШИ.

Упанишада.

Ты говоришь, мой другъ, что мы найдемъ царя (*Разума*) у Духа-Праотца; могу-ли я видѣть его? могу-ли я смотрѣть въ лицо Духу-Праотцу? Онъ такъ безжалостенъ: онъ оставилъ меня на произволъ судьбы одну, безъ защиты, и даже не думалъ обо мнѣ столь долго, словно я у него не своя, словно я въ его домѣ какая нибудь пришлая дѣва.

Покой-Души.

Царица! возможно-ли такъ укорять нашего верховнаго властелина, котораго и самого обуревала невзгода? Вѣдь ты имѣешь понятіе о всѣхъ ужасахъ треволненій, которымъ еще недавно Праотецъ нашъ былъ подвергнутъ.

Упанишада.

Не видала ты, другъ мой, того положенія, въ которое я была повергнута, а то не говорила бы ты этого. Слушай, другъ мой: сорванъ былъ съ рукъ моихъ, измятъ,

---

(*) См. стр. 19.

изломанъ самоцвѣтный камень моихъ поручней (*); расторгли, обезобразили головной уборъ косъ моихъ, посягнули на похищеніе алмаза вѣнца моего; какой нечестивецъ, какой бездушникъ, силою злаго рока, не заноситъ рукъ своихъ, чтобы тотчасъ же поработить меня, чтобы включить меня въ число рабынь своихъ?

Покой-души.

Во всемъ этомъ, царица моя, изволилъ вѣдь забавляться царь Мòрокъ; что же касается до Духа-Праотца нашего, онъ рѣшительно ничему этому не причиненъ. Мòрокъ, посредствомъ Любви и другихъ своихъ союзниковъ, поддѣлавшись къ Чувству, сдѣлалъ то, что Разумъ былъ разъединенъ съ тобою: вотъ гдѣ, царица моя, корень всѣхъ твоихъ страданій. Но благороднымъ женщинамъ врожденна эта доблесть, у нихъ это врождено, что, ежели облака невзгоды омрачатъ кого либо изъ близкихъ ихъ сердцу, то, вмѣстѣ съ этимъ, онѣ не бѣгутъ возлюбленныхъ своему сердцу, хотя бы даже это облако живо прикасалось и къ нимъ самимъ: голосъ упованія, въ подобныхъ случаяхъ, неискоренимъ въ сердцѣ благородной женщины; «придетъ, придетъ время истины,» вотъ что гласитъ сердце благородное подъ омракомъ невзгоды. Но пойдемъ, царица. Твоею милою рѣчью и твоимъ лицезрѣніемъ подари ты нашего верховнаго властелина: уничтожены уже теперь всѣ наши враги и всѣ завѣтныя твои желанія уже исполнены.

Упанишада.

Другъ мой! когда я уходила съ тобою, дочь моя Пѣс-

(*) कङ्कण, a bracelet or ornament of the wrist;—a string or ribband tied round the wrist. *Вильс.*

ня (*) шепнула мнѣ на ухо: «лишь только ты, матушка, «побесѣдуешь съ нимъ, съ законнымъ твоимъ мужемъ «(*Разумомъ*), и съ верховнымъ нашимъ властелиномъ «(*Духомъ*), то тутъ же и воспослѣдуетъ рожденіе отъ-«рока Свѣтлая-мысль.» Не знаю, другъ мой, какъ же это будетъ? будетъ-ли это сообразно, съ моей стороны, съ достоинствомъ моихъ *гуру* (**)?

Покой-души.

Царица! слова всесовершенной Пѣсни должны быть исполнены тобою безъ всякаго раздумья: это же знаменательное слово было сказано всесовершенною Поклоненіемъ-Вишну и Духу-Праотцу. И такъ не медли, царица, подари лицезрѣніемъ твоимъ и твоего супруга и нашего начальнаго властелина!

На сценѣ являются Царь и Вѣра.

Царь.

Милая моя! Но увидитъ-ли дѣва Покой-Души возлюбленную Упанишаду?

(*) गित, *пѣсня*, одинъ изъ возвышеннѣйшихъ и прекраснѣйшихъ эпизодовъ Магабараты, въ которомъ, въ стройномъ поэтическомъ изложеніи, представлена сущность идеальныхъ вѣрованій древняго Индуса. Упанишада, олицетворенная часть Ведъ философскаго содержанія (см. стр. 15), потому называетъ *Пѣснью* своею дочерью, что этотъ эпизодъ основанъ на ея ученіи, и даже повторяетъ большею частію ея слова, но только языкомъ новой относительно къ Ведамъ эпической эпохи. Этотъ эпизодъ давно уже извѣстенъ въ Европѣ, хотя и въ плохихъ переводахъ, подъ именемъ: *Бгагавадъ-гита*.

(**) См. стр. 7.

Вѣра.

Какъ же она не увидитъ ея, царь? Получивъ твое повелѣніе и отправившись къ ней, можетъ-ли она не увидать ея?

Царь.

Но какъ найдетъ она ее?

Вѣра.

Царицею Поклоненіемъ-Вишну давно уже намъ было сказано: «она ушла на гору, именуемую Мандаромъ (*), «въ храмъ бога Вишну, къ дочери своей Пѣсни: у нея скры«лась она, преслѣдуемая яростью разныхъ философскихъ «системъ.» Вотъ, что намъ сказывала царица.

Царь.

Какъ? Ее преслѣдовали философскія системы. Что это такое? объясни мнѣ, моя милая.

Вѣра.

Она лучше сама объяснитъ царю, въ чемъ было дѣло: скоро собственными своими очами увидитъ ее нашъ государь. Но благоволи же идти, государь. Вонъ властелинъ нашъ Духъ-Праотецъ: уединенный, онъ думаетъ о томъ времени, когда ты придешь къ нему, государь.

(*) См. стрр. 6. и 113. मन्दर, the mountain *Mandara*, with which the ocean was churned by the *Surs* and *Asurs*, after the deluge, for the purpose of recovering the sacred things lost in it during that period;—the *Mandara* tree, one of the trees of paradise; — *Swerga* or the paradise of the *Hindus*. *Вильс.*

Царь *подошедши* къ Духу-Прародцу.

Властелинъ мой и отецъ мой! привѣтствую тебя

Духъ-Прародецъ.

Эти скромныя твои отношенія ко мнѣ, другъ мой, противны тому, чего требуетъ говорящее само за себя великое дѣло твое. Ты, государь мой, послѣ того какъ ты прояснилъ мой разумъ—сдѣлалъ же ты это по возрасту не многолѣтія, а знанія—ты усвоилъ себѣ, относительно ко мнѣ, достоинство отца. Да не приводятъ тебя въ недоумѣніе эти слова мои: тебѣ вѣдь извѣстны сказанія о минувшемъ. «Было время, гласятъ Пураны, когда боги утра-«тили было мудрость: не обладая уже разумѣніемъ закона, «по пути котораго они шествовали, они обратились къ сво-«имъ дѣтямъ и дѣтей своихъ спрашивали истолковать имъ «оный. Дѣти же ихъ, мудростію своею дѣйствительно «ставъ выше своихъ отцевъ, говорили имъ: «дѣтушки! вне-«млите намъ.» Вотъ какъ относились они къ богамъ, своимъ родителямъ. Такъ и вы, государь мой, почитайте себя отцемъ моимъ. Да! это дѣйствительно такъ: самъ законъ говоритъ это (*).

Покой-души.

Царица! Вотъ нашъ царь: онъ уединился съ верховнымъ властелиномъ нашимъ. Взойди къ нимъ, царица.

Упанишада *входитъ*.

(*) По законамъ Ману, человѣкъ изъ высшихъ кастъ, не изучавшій Ведъ, долженъ былъ обходиться со всякимъ юношей, какъ съ своимъ отцемъ: незнаніе Ведъ лишало отца правъ уваженія къ нему его сына, и дѣйствительно поставляло родителя въ отношенія сыновнія къ своему ребенку, въ случаѣ ежели ребенокъ былъ образованнѣе отца.

Покой-души.

Властелинъ нашъ! Царица Упанишада пришла поклониться тебѣ въ ноги.

Духъ-Праотецъ.

Нѣтъ, друзья мои, нѣтъ. Какъ онъ отецъ мой, такъ она мнѣ мать. Она мать мнѣ по торжеству уразумѣнія истины, по этому лучезарному мѣсяцу мысли, который восходитъ отъ нея, послѣ того какъ ложь истреблена во вселенной. По этому намъ подобаетъ склонить главу нашу предъ нею. Въ ея материнской нѣжности только одна, но великая разница, противу нѣжности всякой другой матери: крѣпкими узами связываетъ мать всякое существо, выступающее на поприще жизни, мать даритъ узы всякому существу этого міра, крѣпко затягиваетъ она на немъ эти узы, чтобы они сопутствовали ему во всю жизнь; царица же, она разрываетъ узы на своихъ дѣтяхъ, даритъ имъ свободу.

Упанишада, *увидавъ* Царя (*Разума*), *дѣлаетъ ему поклонъ, и потомъ садится поодаль отъ него.*

Духъ-Праотецъ.

Скажи-же, матушка моя, гдѣ провела ты эти дни?

Упанишада.

Властелинъ! эти дни большею частію проведены мною въ храмахъ, которые воздвигнуты были въ честь боговъ, но, въ которыхъ нѣтъ уже ни жрецовъ, ни жертвенниковъ; въ такихъ-то храмахъ проводила я дни мои въ сообществѣ крикуновъ, которые лишили себя разума.

Духъ-Праотецъ.

Но эти уничтожители жертвы, — понимали-ли они, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь твое достоинство, — твою истину, государыня моя?

Упанишада.

Они мою истину? Нѣтъ! нисколько, нисколько они ея не понимаютъ. Рѣчь моя для нихъ тоже, что слова, произносимыя какою нибудь бездомною женщиною (*); звуки долетаютъ до нихъ, но не имъ уразумѣть смысла этихъ звуковъ, не имъ приложить къ нимъ разумъ свой. Каждое слово мое растолковываютъ они по собственному своему произволу, каждому слову моему навязываютъ они смыслъ превратный. По этому рѣшительно не меня они ищутъ, хоть и повторяютъ мое, и находятъ они, подъ моимъ именемъ, со всѣмъ не меня.

Духъ-Прародитель.

Что-же? какъ-же ты кончила съ ними?

Упанишада.

Я ушла отъ нихъ. И что-же? На пути моемъ вижу: шествуетъ окруженная кожами черныхъ сернъ, жертвеннымъ огнемъ, жертвеннымъ древомъ, освященнымъ елеемъ, жертвенными сосудами, чашами, тазами и всякою жертвенною утварью, а также и съ самимъ содержаніемъ жертвы: съ жертвою полномѣсячья (**), жертвою скота, жертвою сомы (***), съ Уложеніемъ о жертвоприношеніи-

---

(*) द्रविडाङ्गना, собственно женщина изъ смѣшанной касты: द्रविड, a man of an outcaste tribe, descended from a degraded *Kshetriya*.

(**) इष्टि, въ этомъ мѣстѣ, по Рамадасу: दर्शपूर्णमासेष्टि; पूर्णमास, a monthly sacrifice performed on the day of full moon.

(***) सोम, the moon-plant (Asclepias acida or Sarcostema viminalis); the acid juice of the Sarcostema. *Вилъс.*

нхъ въ рукѣ, Уложеніемъ, которое основано на жертвенныхъ законахъ, объявленныхъ человѣчеству Ведами — Теорія-жертвовѣденія (यज्ञविद्या).

Духъ-Прародитель.

Что-же эта Теорія-жертвовѣденія?

Упанишада.

Увидѣвши ее, я подумала: «сколько она тащитъ «книгъ: для нея, безъ сомнѣнія будетъ понятною моя «истина. Проведу у нея нѣсколько дней.»

Духъ-Прародитель.

Что-же? ты и осталась у нея?

Упанишада.

Подумавъ это, я вышла къ ней на встрѣчу и подошла къ ней. Она-же, увидя меня стоящую передъ собою, вопросила меня слѣдующимъ образомъ: «милая! чего-ты «ищешь? Что тебѣ надобно?» На этотъ вопросъ я отвѣчала ей: «достопочтенная! во мнѣ ты видишь женщину, не имѣющую заступника: позволь мнѣ пожить нѣсколько времени подъ твоимъ кровомъ.»

Духъ-Прародитель.

Что-же она?

Упанишада.

Тогда она спросила меня: «Милая моя, скажи-же мнѣ, «чѣмъ ты занимаешься? какое ремесло твое?»

Духъ-Праотецъ.

Что̀-же ты?

Упанишада.

Тогда вотъ что̀ я ей сказала: «Того, кѣмъ все суще-
«ствующее восходитъ къ бытію, въ комъ все ли-
«куетъ жизнію и въ комъ разрѣшается все, коего от-
«блескомъ озарена вселенная, коего умъ пламенѣетъ не-
«заимствованнымъ ни отъ кого, собственнымъ своимъ
«природнымъ блескомъ, блескомъ блаженства своей му-
«дрости,—это спокойное вѣковое существо, которое пре-
«выше всякаго совершаемаго дѣла и всякой жертвы, его
«прославляю я, этого властелина существъ, къ которому
«придутъ всѣ доблестные, свергнувъ съ себя мракъ
«двойства (*), придутъ для того, чтобы не возраждаться
«уже никогда въ этомъ быту треволненій, его—этого все-
«объемлющаго духа, я прославляю.» Выслушавъ эти сло-
ва мои, вотъ, что̀ она отвѣтила мнѣ: «Духъ, который пре-
«выше всего совершаемаго, всякой жертвы,—такой духъ
«можетъ-ли быть названъ властелиномъ? Жертва ума,
«жертва несовершаемая, не запечатлѣнная символомъ
«освобожденія отъ узъ земнаго быта—не ведетъ къ осво-
«божденію. Только тотъ, кто совершаетъ жертвы, запе-
«чатлѣнныя символомъ уничтоженія земнаго быта, только
«тотъ въ правѣ желать прожить здѣсь сто лѣтъ съ спо-
«койнымъ сердцемъ, въ независимости отъ условій зем-
«ли (शतंसमःशान्तमनाजिजीविषेत्). Изъ собствен-
«ныхъ словъ твоихъ, милая государыня моя, выходитъ,
«что это будетъ не согласно съ настоящимъ ходомъ
«моихъ дѣлъ, чтобы мнѣ дать тебѣ, моя милая, у себя
«прибѣжище. Одно только скажу, если ты, прославляя
«такого духа, который не внѣ сферы дѣйствія, т. е. ко-
«торый дѣйствуетъ и страждетъ (*совершаетъ и вку-
«шаетъ*: कर्तारंभोक्तार), желаешь пожить у меня

(*) См. стр. 23.

нѣкоторое время, то, въ одномъ только такомъ случаѣ, пожалуй, отъ чего не пожить тебѣ у меня?

Царь, *улыбаясь.*

Точно какъ тьмою непроницаемаго дыма омрачены у нея глаза, у этой Теоріи-жертвовѣденія. Что за уродливое тупоуміе ея головы, ежели ее могли уже сбить съ пути такіе пустые толки! «Желѣзо, будучи безсо-«знательно и неподвижно по своей природѣ, движет-«ся по неволѣ въ близи магнита; такъ точно и приз-«рачность, толкнутая взоромъ всевидящаго, дѣйствуетъ «и развиваетъ всѣ эти образы мірозданія.» Вотъ и весь атрибутъ властелина вселенной. Такой взглядъ, какъ у Теоріи-жертвовѣденія, все равно, что мракъ въ глазахъ слѣпаго. Усмирять-же треволненія земнаго быта, порождаемыя отсутствіемъ мудрости, посредствомъ жертвъ, приписывая имъ какую бы то ни было цѣнность, значило-бы одно и тоже, что уничтожать н. п. темноту слѣпаго—темнотою почи. «Только тотъ, въ зрящихъ очахъ «коего всѣ семь міровъ, погруженныхъ въ омутъ разру-«шенія и мрака, сіяютъ въ надлежащемъ ихъ свѣтѣ, одинъ «только тотъ силенъ перешагнуть смерть: нѣтъ другаго «пути, чтобы перешагнуть земное (*).»

(*) भुवनानिसप्त, семь міровъ, начиная съ совершеннѣйшаго міра Брамы (ब्रह्मलोकः) и оканчиваясь преисподнею (पातालं), представляютъ семь степеней безконечнаго возрожденія, доколѣ не будетъ все очищено и не перейдетъ въ міръ, не подлежащій никакому представленію, т. е. въ міръ бездбразнаго Брагмы (см. стр. 132). «Разумѣющій семь міровъ» значитъ— разумѣющій всю безпредѣльность условій очищенія, всю безпредѣльность искушеній, останавляющую существа живыя на пути къ ихъ окончательному успокоенію, и слѣдовательно стремящійся всѣми силами къ тому, чтобы достигнуть скорѣе до этого окончательнаго успокоенія.

Духъ-Прaотецъ.

Скажи-же, царица, какъ ты кончила съ Жертвовѣдѣніемъ?

Упанишада.

Теорія-жертвовѣдѣнія подумала еще немного и потомъ сказала мнѣ: «милая моя! Нѣтъ. Я сообразила, что твое опасное сосѣдство не можетъ не собла«знить моихъ послѣдователей: отъ обращенія съ тобою «они не могутъ не сдѣлаться хладнокровными къ жерт«вамъ и къ плодамъ дѣятельности. И такъ благоволи, ми«лая моя государыня, уйти отъ насъ куда тебѣ угодно. «Добрый путь тебѣ.»

Духъ-Прaотецъ.

Что-же послѣ этого?

Упанишада.

Я оставила ее и ушла отъ нея прочь.

Духъ-Прaотецъ.

Что-же послѣ этого было съ тобою?

Упанишада.

Послѣ того встрѣтила я спутницу Кармаканды (*), Мимансу (**). Строгая система распредѣлила у нея всѣ отрасли жертвъ, всѣ отрасли дѣйствій: все у нея

(*) कर्मकाण्ड, отрасль Ведъ, трактующая о жертвахъ.

(**) См. стр. 86.

несбивчиво, прочно; всякому совершаемому дѣлу (*) свой томъ, своя глава. Кругомъ около нея надежное охраненіе: куда ни взглянешь—авторитетъ Ведъ, авторитетъ книгъ священныхъ; у каждаго же тома свои приложенія съ надлежащими указаніями, съ дополненіями.

Духъ-Праотецъ.

Что же Мимансa?

Упанишада.

И къ ней я подошла, прося у нея также убѣжища, и она также вопросила меня: «почтенная моя! въ чемъ состо-«итъ твое занятіе?» На этотъ ея вопросъ я сказала и ей: «занятіе мое состоитъ въ томъ, что я славлю того, «кѣмъ все существующее восходитъ къ бытію, въ комъ «все ликуетъ жизнію и въ комъ разрѣшается все,—того, «отблескомъ свѣта коего озарена вселенная, коего умъ «пламенѣетъ не заимствованнымъ ни отъ кого, собствен-«нымъ свѣтозарнымъ огнемъ блаженства его премудро-«сти,—прославляю то спокойное, вѣковое существо, ко-«торое превыше всего совершаемаго, всякой жертвы, про-«славляю того властелина существъ, къ коему придутъ «всѣ доблестные, свергнувъ съ очей своихъ тьму омра-«чительнаго двойства (**), придутъ для того, чтобы не воз-«раждаться уже въ быту треволненій, его — этого все-«объемлющаго духа прославляю я:» вотъ мои занятія.

Духъ-Праотецъ.

Что же она на это?

(*) Замѣчательно, что по представленіямъ Индуса, *жертва* и *дѣятельность человѣка* въ самомъ языкѣ его — синонимы (कर्म=क्रिया).

(**) См. стр. 23.

Мимансa, выслушавъ эти слова мои, взглянула въ лице особъ, окружающихъ ее, и потомъ произнесла слѣдующія слова: « Властелинъ имѣетъ у нея соотношенія со вкушеніемъ плодовъ въ другомъ мірѣ. Съ этимъ, приводимымъ «ею къ намъ, властелиномъ мы не можемъ имѣть ничего «общаго. Должно считать, что она поклонница *совершаемаго* (कर्मापयुक्ता).» Когда она произнесла эти слова, кто-то отозвался въ серединѣ толпы ея послѣдователей: « Преисходно, царица наша! такъ, а не иначе: она дѣйствительно поклонница *совершаемаго.* » Но въ это же время отозвался другой изъ ея послѣдователей, знаменитый непомрачаемою извѣстностію, носящій въ глубинѣ сердца свою богиню, какъ какое нибудь покровительное божество, Кумарила-Свaминъ (*); онъ воскликнулъ: « Царица! Она не приводитъ къ намъ властелина, «зависящаго отъ *производимаго* во вселенной; напротивъ, «ея властелинъ превыше дѣйствія и страданія (*не дѣлатель и не вкуситель* अकर्तारमभोक्तारमीश्वरं०), и «по этому уже не зависитъ онъ отъ *совершаемаго.*» Когда эти слова были произнесены Кумарилою-Свaминомъ, кто-то другой, также изъ числа стоявшихъ возлѣ нея, воскликнулъ:

(*) О Кумарила-Свaминѣ (कुमारिलस्वामिन्) въ Европѣ ничего еще положительнаго до сихъ поръ неизвѣстно. Быть можетъ, это имя тождественно съ именемъ Бгатта-Свaмина. Въ такомъ случаѣ творецъ нашей драмы долженъ быть отнесенъ гораздо позднѣе, нежели предполагалъ переводчикъ (см. предисл. стр. V). Во всякомъ случаѣ, обстоятельства того времени, которому принадлежалъ поэтъ, и духъ этого времени всегда останутся такими, какими изображены они у переводчика въ предисловіи къ драмѣ.

« Такъ значитъ, у нея два властелина: властитель міро-
« вой, котораго мы ощущаемъ въ ея словахъ, и еще другой
« властитель. » На это восклицаніе, Кумарила-Сваминъ,
улыбнувшись, отвѣчалъ: « ихъ и есть два. Оба эти
« могущества понятны для наблюдающаго взора: одно
« могущество слѣдитъ и смотритъ за движеніемъ міровъ;
« другое въ своихъ движеніяхъ слѣпо и чуждо сознатель-
« ности; одинъ изъ нихъ печется о плодахъ, о возмез-
« діи производимаго; во власти другаго эти плоды, ко-
« торымъ самъ онъ чуждъ, — другой раздаетъ ихъ пеку-
« щемуся объ нихъ; одинъ постепенно научается тому,
« какъ должно дѣйствовать, постепенно узнаетъ законы
« внѣшнихъ дѣйствій: другой властелинъ не научается,
« ибо знаетъ все; самъ учитъ, проливаетъ свѣтъ въ без-
« сознательную душу, и этотъ Духъ-прародитель, призна-
« ваемый Упанишадою, будучи независимъ отъ произво-
« димаго, будучи превыше всего *совершаемаго*, можетъ-ли
« быть названъ *совершителемъ* (कर्ता)? »

Царь, *въ избыткѣ радости.*

Браво, Кумарила-Сваминъ, браво! душа твоя озарена премудростію, благородный Кшатрія! « Это двѣ птицы,
« которыя по союзу общихъ условій и дружбы, владѣютъ
« общимъ древомъ: одинъ изъ нихъ вкушаетъ зрѣлый
« плодъ, другой не вкушаетъ, а сіяетъ на немъ свѣтомъ
« своихъ крыльевъ ».

Духъ-Прародецъ.

Продолжай, продолжай, милая моя, что же съ тобой было послѣ этого?

Упанишада.

Я поклонилась Мимансѣ и ушла.

Царь.

Ахъ, какъ глупы эти философскія системы! Онѣ не знаютъ того даже, что все возникающее имѣетъ свою причину, что все подлежаще соизмѣренію, независимо отъ своихъ составныхъ частей, подобно составнымъ частямъ горшка, дома и т. д., создано на основаніи законовъ, проявившихся въ *соизмѣряемомъ*. Кто же начертываетъ законъ этому соизмѣренію?—Да и составныя части, имѣя также свою причину, отъ кого же получаютъ онѣ свое образованіе? Развѣ эти философіи не разумѣютъ уже и того, что и въ ихъ недѣлимыхъ (*атомахъ*), и въ ихъ природѣ, и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ, во всемъ видна мысль, которою соизмѣряется все это — и природа и атомы. «Подобно тому, какъ во снѣ, или при какомъ бы «то ни было обманѣ чувствъ, ты видишь такую воду, та«кой мѣсяцъ, такую атмосферу, такіе города и т. д., ко«торыя не существуютъ нигдѣ, — такъ точно и этотъ «міръ возникающій, разрушающійся, цвѣтущій, не суще«ствуетъ самъ по себѣ. Подобно тому, какъ жемчужная «улитка, въ которой ты думаешь видѣть серебро, цвѣ«точная гирлянда, которую ты принялъ за змѣя, продол«жаютъ быть въ твоемъ воображеніи, одна—кускомъ се«ребра, другая—змѣемъ, пока ты не приложилъ къ нимъ «ближайшаго твоего вниманія, такъ и сей міръ видимый— «самобытенъ въ глазахъ твоихъ только до тѣхъ поръ, «покуда подъ этой завѣсой ты не уразумѣлъ сознающаго «себя *Гариса* (*); съ того же времени, какъ ты уразумѣ«ешь *присущаго* во всемъ этомъ, вмѣстѣ съ уразумѣні«емъ истины, исчезнетъ предъ твоимъ взоромъ и ложная «самобытность сего міра, исчезнетъ и никогда уже къ «тебѣ не воротится.» А это опасеніе, этотъ страхъ фило-

(*) हरि, одно изъ названій Вишну.

софскихъ системъ, страхъ, чтобы не встрѣтить *измѣненій* (विकार:) въ существующемъ—этотъ страхъ похожъ, просто, на причуды глупыхъ старыхъ женщинъ, которыя сами для себя создаютъ разныя привидѣнія, сами же въ своемъ воображеніи измѣняютъ законы существующаго, и потомъ—неразумныя, ихъ же онѣ и боятся. «Этотъ свѣтъ, чуж-«дый тревогамъ, чуждый восхожденіямъ и захожденіямъ, исполненный мира, вѣчный, можетъ-ли онъ, отъ «того, что родятся во вселенной явленія, быть причастенъ «измѣненіямъ, онъ не состоящій изъ частей, нераздѣль-«ный, непомрачимый? По небу, вѣчно какъ цвѣточный «листъ лотоса, свѣжей синевой красуются тучки; онѣ «вѣчно измѣняются, вѣчно смѣняются: развѣ отъ этого «измѣняется небо?»

Духъ-Праотецъ.

Прекрасно, прекрасно. Подобное разсужденіе разумнаго веселитъ сердце мое. *Обращаясь къ Упанишадѣ.* Что же сдѣлали съ тобою эти системы?

Упанишада.

Потомъ всѣ онѣ закричали: «Ахъ она негодная! она «проповѣдуетъ свободу для души — разрушеніемъ всего! «ахъ, она нечестивая! — она просто одна изъ бездушницъ «(*атеистка*). Взять ее, схватить! схватить!» Послѣ этого крика, всѣ онѣ яростно бросились на меня, чтобы поймать меня.

Духъ-Праотецъ, *съ трепетомъ.*

Что же онѣ? что сдѣлали онѣ съ тобой?

Упанишада.

Быстро удалилась я отъ нихъ, и ушла отъ нихъ въ Дандакову рощу (*), но онѣ все преслѣдовали меня, и наконецъ на горѣ Мандарѣ (**), вблизи храма убійцы Мадгуса (***) (*Вишну*), сорвали онѣ съ рукъ моихъ, расторгли, изломали самоцвѣтный камень моихъ поручней, обезобразили, растерзали, измяли уборъ моихъ косъ, посягнули на алмазъ вѣнца моего. Вотъ начало того, что дѣлали они со мною!

Духъ - Прародитель.

Но что же вышло изъ этого всего? Чѣмъ кончались эти нападенія на тебя?

Упанишада.

Услыша мой вопль, вышли изъ храма бога Вишну мужи, вооруженные палицами; они избили ихъ своими огромными палицами, не оказывая ни къ одной изъ нихъ ни малѣйшаго сострадания, послѣ чего всѣ гнавшія меня философскія системы, избитыя и пристыженныя, ушли прочь отъ меня и убѣжали за край свѣта.

(*) दण्डका, the peninsula of India, from between the *Nermada* and *Godaveri* rivers to the south, the whole of which, in the days of RAMA, was a large forest. *Вильс.*

(**) См. стр. 161.

(***) मधु, the name of a *Daitya* or demon, slain by VISHNU. *Вильс.*

Царь, *съ радостью.*

Да! всесовершенный Свидѣтель-всему (विप्रवसाक्षा), онъ никогда не потерпитъ нарушителей твоего достоинства.

Упанишада.

Было расторгнуто, разсыпано мое ожерелье, было изорвано въ лоскутья, упало на землю съ моего тѣла платье мое. Испуганная, безъ драгоцѣннаго украшенія ногъ моихъ, упавшаго на землю, направила я послѣ этого стопы мои въ обитель моей дочери: къ ней, къ возлюбленной моей Пѣсни, (*) пришла я. Дочь моя, когда увидѣла меня пришедшую къ ней въ такомъ жалостномъ положеніи, поражена была ужасомъ: «мать моя! мать моя!» горестно воскликнула она ко мнѣ, обнимая меня, «ты-ли «это? Тебя-ли это вижу я?» Я сѣла у нея, и, когда она узнала отъ меня обо всемъ, что происходило со мною, она сказала мнѣ: «эти поступки нечестивцевъ да не сокрушатъ тебя: у кого сердце не смягчилось при встрѣчѣ съ тобою, кто не узналъ въ тебѣ сво«его вожатаго, тотъ самого себя, милая моя, отвергнулъ;— «тотъ, какъ пожелалъ, такъ онъ и пребудетъ съ характе«ромъ Асура. Не ты уже, а самъ Властитель судія ему. «Объ нихъ-то сказалъ Всесовершенный: «ихъ, жесто««косердыхъ, враговъ моихъ, ихъ — это исчадіе человѣче««ства,— этихъ нечестивцевъ, вѣчно буду я повергать въ ««море треволненій; тамъ, въ утробахъ Асуранокъ (*женъ ««нечистыхъ, кровожадныхъ существъ*) возраждать«««ся они будутъ вѣчно. (**)» Вотъ, что изрекъ объ нихъ «Всесовершеннѣйшій.»

(*) См. стр. 160.

(**) Слова изъ Бхагавадъ-гиты.

Духъ-Прародитель, *съ улыбкою удовольствія.*

Царица! вотъ что хотѣлось бы мнѣ узнать отъ тебя: благоволи сказать мнѣ — знаешь-ли ты, кто всесовершенный, кто властелинъ существъ?

Упанишада, *какъ будто пораженная непріятнымъ впечатлѣніемъ.*

Есть-ли отвѣтъ для того неразумія, которое не подлежитъ прояснѣнію, есть-ли свѣтъ для той тьмы, которая въ глазахъ у слѣпаго?

Духъ-Прародитель, *съ чувствомъ удовольствія.*

Слѣдовательно, ты меня знаешь, какъ верховное божество, какъ духа, какъ живое начало, какъ верховнаго властителя.

Упанишада.

Я-ли не знаю тебя? ты точно — онъ: въ тебѣ заключается все это. Этотъ властелинъ, этотъ духъ верховный, не иной кто, какъ ты; ты же, властелинъ мой, не иной кто, какъ богъ, какъ верховный духъ (*Вишну*) (*); это ты, котораго безначальная призрачность представляетъ будто раздѣльнымъ, такъ точно, какъ и кругъ солнца представляется раздѣльнымъ, когда онъ плаваетъ по зыбямъ океана.

Духъ-Прародитель, *къ* Разуму.

Государь мой! Можно-ли найти, какъ должно, соразмѣрность въ словахъ, сказанныхъ всесовершенною царицею? Вникая въ смыслъ ея словъ, узнаешь вотъ что:

(*) Читатели наши не могли не замѣтить, что каж-

« тотъ, у кого растерзана плоть, тотъ, у кого растерзана « душа, подверженный неизмѣннымъ условіямъ старости и

дое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ нашей драмѣ, представляетъ собою олицетвореніе одной изъ сторонъ души человѣческой. И Духъ, выведенный поэтомъ на сцену, также какъ Разумъ, Чувство и т. д., въ сущности—не иное что, какъ олицетвореніе человѣческаго духа, орудіями дѣятельности котораго суть всѣ способности души человѣческой. Молитва очеловѣченнаго Разума въ концѣ 4-го акта нашей драмы (стрр. 107—110), слова Упанишады въ 6-мъ актѣ (стрр. 166 и др.), произносимыя равно самою Упанишадою, какъ и заимствованныя Разумомъ изъ ея книгъ, все это достаточно убѣждаетъ въ томъ, что богъ Вишну есть для поэта божество превыше творенія, независимое, безпредѣльное, и такое, къ которому человѣкъ можетъ приблизиться, очистивъ и возвысивъ свою душу; слѣдовательно Духъ-Вишну, въ ученіи поэта, не смѣшивается съ Духомъ-Праотцемъ, съ олицетвореніемъ человѣческаго духа (см. стрр. 150—156). Можетъ однако родиться вопросъ: къ чему же поэтъ, послѣ всего этого, устами Упанишады, называетъ Духа-Праотца богомъ Вишну?—Это потому, что древніе Индусы, также какъ и Греки, которыхъ вѣрованія и философемы образовались частію непосредственно, частію же черезъ Египетъ и Финикію, по первообразу Индійскому,—понимали *человѣка*, какъ особую вселенную въ небольшомъ видѣ, какъ микрокосмъ. Понимая такъ человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ созерцая, независимо отъ человѣка и природы, хозяина вселенной, творящаго, разрушающаго и содержащаго вселенную (см. стр. 121 и предисл. стр. 8—11), они нашли и въ человѣкѣ подобіе этого же хозяина; это подобіе — Духъ. Послѣ этого замѣчанія, я думаю, что недоумѣніе, почему Духъ названъ у поэта въ этомъ мѣстѣ и еще на стр. 184-й богомъ Вишну, должно исчезнуть. Къ этимъ словамъ прибавлю еще, что понятія о постепенномъ возникновеніи космическихъ явленій у Индусовъ совершенно отвѣчаютъ понятіямъ нашимъ. Такъ однимъ изъ первыхъ моментовъ въ мірозданіи являются у нихъ грубыя стихіи (महाभूतानि), за симъ слѣдуетъ эпоха Чувства (मनः)—эпоха органической

«смерти, тотъ, по ея словамъ, вмѣстѣ съ симъ и есть «духъ безконечный, исполненный безконечнаго блаженства, «безпредѣльной истины, безпредѣльной мудрости.»

растительной жизни, за эпохою Чувства — эпоха Самости (अहंकार:), эпоха органической движущейся природы, наконецъ — эпоха Разума (विवेक:). Все это состоитъ во власти испытуемаго *духа*, который, ежели не увлечется соблазномъ своего новаго быта, торжествуя надъ нимъ, восходитъ въ отчизну духовъ къ воспріемлющему его праотцу всѣхъ духовъ (पुरुषोपुरातन:), къ хозяину вселенной; увлекшись же вещественностію, снова повергается въ вещественность, снова рождается въ сферахъ видимаго міра, доколѣ не восторжествуетъ наконецъ надъ этимъ бытомъ и не взойдетъ опять туда, откуда вышелъ (см. стрр. 155—156). Очень естественно, что безукоризненная вѣра, свѣтлый разумъ, спокойствіе души, порождаемое чистотою совѣсти, что все это независимо отъ своего земнаго быта, должно способствовать духу къ этой возвышенной его эмансипаціи (मोक्ष:); съ другой же стороны, страсти и эгоизмъ должны приковывать его къ земному, погружать его глубже и глубже въ этотъ омутъ превратностей (संसार:), усыплять его и пріучать къ нему Но при всемъ томъ, по Индійскому вѣрованію, такова природа *духа*, что не смотря на всю игривость призраковъ здѣшняго быта (माया), не смотря на все могущество омраченія наводимаго ими на него, духъ, самъ по себѣ, будучи независимъ отъ условій *рожденія* и *смерти*, не подлежа *разложенію*, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ и исказиться самъ въ себѣ; отъ призрачности же видимаго міра страждетъ не онъ, а его внѣшнее достоинство. (см. н. п. стр. 15). Я считалъ нужнымъ это замѣтить, надѣясь тѣмъ бросить нѣкоторый свѣтъ въ особенности на сцену Разума съ Разсужденіемъ въ 1 мъ актѣ (стрр. 14—17). Не смотря на все сказанное мною о *духѣ*, поэтъ могъ однако разумѣть въ этомъ мѣстѣ и самого Вишну; въ такомъ случаѣ Вишну играетъ въ этой драмѣ новую роль, роль, такъ сказать, *воплощенія его въ духѣ человѣческомъ*. Извѣстно, что, по Пураническимъ сказаніямъ, когда мѣра зла пре-

Разумъ.

Властелинъ нашъ! «чтобы разумѣть смыслъ предло-«женія, для этого непремѣнно должно разумѣть и смыслъ «каждаго слова порознь»: эти слова, сказанныя однимъ изъ наставниковъ (*гуру*), совершенно справедливы.

Духъ-Праотецъ.

Если ты увѣренъ въ истинѣ словъ царицы, объясни же это, чтобъ ея слова имѣли такой же смыслъ единства, какъ имѣютъ единство смысла разнородныя слова въ цѣльномъ предложеніи. Помоги же уразумѣть ихъ!

Разумъ.

Довольно только сознавать о властелинѣ, что «онъ есть;» при этомъ сознаніи: «онъ есть», довольно обратить сосредоточенное вниманіе своего ума на имъ же допускаемое разрушеніе существъ, довольно отдѣлить по-

---

исполняется на свѣтѣ, когда законъ (धर्म:), представляемый символически Вишнуитами въ образѣ быка, лишается трехъ ногъ и страждетъ, имѣя одну только ногу, тогда богъ Вишну, чтобы спасти вселенную отъ погибели, нисходитъ на землю, и воплощается на ней (см. стр. 3, 112—113). Такихъ воплощеній считаютъ Вишнуиты слишкомъ 50, изъ коихъ самыхъ замѣчательныхъ два; это — воплощенія въ образѣ человѣческомъ: воплощеніе Рамы, воспѣтое въ Рамаянѣ, и Кришны—въ Магабгаратѣ. Можетъ быть, поэтъ и имѣлъ фантазію представить Вишну воплощеннымъ въ *духа*; но это противорѣчило бы условіямъ природы духа, какимъ понимаютъ его Индусы. Передавъ подлинникъ съ совершенною вѣрностью и безъ субъективнаго направленія, предоставляю самимъ читателямъ рѣшить это.

томъ всѣми способностями всеобъемлющей своей мысли неизмѣнное « есть » отъ этого производимаго разрушеніемъ « нѣтъ. » Осмотрѣвъ то и другое хорошенько, ты услышишь во глубинѣ души твоей : « это ты (तत्वम् *истина*) (*), сущее » и тогда возможна-ли мысль объ измѣнности неизмѣннаго ? Тогда этотъ свѣтъ, который въ очахъ твоихъ былъ связанъ и окутанъ мракомъ вещественнаго быта, возсіяетъ предъ тобою своимъ самобытнымъ, лучезарнымъ блескомъ, этотъ свѣтъ, не знающій тревоги, не знающій границъ, красующійся блаженствомъ, цвѣтъ коего никогда не увядаетъ въ немъ. Вотъ смыслъ « единаго предложенія », которое только по разнородности словъ казалось чуждымъ единства !

Духъ - Праотецъ, *исполненный радости, мысленно соображаетъ то, что говорилъ* Разумъ.

На сценѣ появляется РАЗМЫШЛЕНІЕ (**).

Всесовершенная царица Поклоненіе – Вишну дала мнѣ слѣдующее порученіе: « Должно, чтобы Упанишада и Ра« зумъ были извѣщены о тайномъ моемъ намѣреніи на счетъ « ихъ. И такъ отправься къ нимъ: отнынѣ поселишься « при Духѣ-Праотцѣ.» *Поднимая глаза.* Вотъ царица Упа-

---

(*) तत्वम्, по Санскритски значитъ *существенность, истина,* и вмѣстѣ съ тѣмъ также можетъ значить: *это ты.*

(**) निदिध्यासनं, deep and repeated consideration, thinking of or recalling repeatedly. *Вильс.*

ншада: это она — не далеко отъ Разума и отъ Духа Праотца. *Подходитъ къ Упанишадѣ и потомъ говоритъ ей въ слухъ.* Царицею Поклоненіемъ-Вишну сказано: «Стремле-
«нію возвышенной воли всѣ боги обязаны своимъ существо-
«ваніемъ (संकल्पयोनयो०); что же касается до тебя, цари-
«ца, то, силою моего созерцанія, говорила мнѣ всесовершен-
«ная Поклоненіе-Вишну, я знаю, что ты уже восприняла,
«въ твоихъ нѣдрахъ уже зачата (*) необузданная дѣва, по
«имени Наука (विद्या) и отрокъ— Взошедшій-мѣсяцъ-ра-
«зумѣнія-истины (*Свѣтлая-мысль*): — дочь свою науку
«пусть она отправитъ на молніеносныхъ крыльяхъ ея ув-
«леченія, — такъ говорила мнѣ Всесовершенная, — къ Чувству,
«сынка же, Свѣтлую мысль, воздавъ Духу-Праотцу, вмѣс-
«тѣ съ Разумомъ сама пусть придетъ ко мнѣ».

Упанишада.

Исполню, какъ повелѣваетъ мнѣ царица.

Беретъ за руку Разумъ *и уходитъ вмѣстѣ съ нимъ.*

Размышленіе *идетъ къ Духу-Праотцу.*

Духъ-Праотецъ *прісмлетъ видъ погруженнаго въ раздумье.*

(*) Разумъ въ разговорѣ Упанишады съ Духомъ-Праотцемъ приводилъ слова изъ *Упанишады* (см. стр. 19.): въ этомъ-то и состояло соединеніе его съ нею. Вотъ какъ давно уже на земномъ шарѣ рѣшалось то, чего не могутъ рѣшить современные мыслители. Религія оправдывается разумомъ, и отъ этого дружескаго ихъ соединенія, отъ этого примиренія философіи съ религіей, возникаютъ мудрость и Свѣтлая мысль.

Слышны голоса за сценой.

Чудо! Чудо! Смотрите, какимъ заревомъ освѣщено все небо: это дѣва — она летитъ полосою неудержимой молніи—прямо летитъ она къ Чувству: смотрите—вонъ забѣлѣлись огромныя кости: словно стрѣлою перуна уже раскроила она на двое широкую его грудь, — уже мчится далѣе—смотрите какъ быстро—вонъ уже она пожираетъ Мòрока и его свиту—и нѣтъ ихъ болѣе—и ея нѣтъ болѣе (*) — Смотрите, смотрите, каковъ новорожденный отрокъ: что́ за красота! что́ за могущество! Это отрокъ Свѣтлая мысль: онъ шествуетъ къ единому, къ Духу-Праотцу.

На сценѣ является отрокъ СВѢТЛАЯ-МЫСЛЬ.

Свѣтлая-мысль.

« Воспользовался-ли я этимъ? ушло-ли это отъ меня?— « пріобрѣлъ-ли я? утратилъ-ли?—устроилъ-ли? растро- « илъ-ли?—значитъ-ли это что́? ничего-ли не значитъ?»— Я тотъ отрокъ Свѣтлая мысль, вмѣстѣ съ появленіемъ котораго, трехміріе не вступаетъ уже на подобный путь ртеволненій расчетовъ, державшихъ его въ цѣпяхъ.

Идетъ далѣе.

Вотъ Духъ Праотецъ: подойду къ нему. *Подошедши:* Всесовершенный! преклоняетъ голову къ твоимъ стопамъ отрокъ Свѣтлая-мысль.

(*) Естественно исчезнуть *Наукѣ*, послѣ того какъ истребит-

Духъ Прaотецъ, *радостно.*

Приближься ко мнѣ, дитя мое; обними меня.

Отрокъ Свѣтлая-мысль *обнимаетъ* Духа-Прaотца.

Духъ-Прaотецъ, *въ восторгѣ.*

Какое блаженство! Бездна тьмы разсѣяна: возсіяло радостное утро. Возсіялъ торжественно отрокъ несказанной красоты—мысль моя: онъ—этотъ юный мѣсяцъ прохладныхъ лучей разумѣнія, блескомъ чуднаго своего свѣта разсѣялъ омраченіе лжи, стряхнулъ съ меня сонныя привидѣнія недоумѣній; имъ-то цвѣтетъ теперь во вселенной душа, вмѣстѣ же съ нею — цвѣтетъ и Вѣра, и Разумъ, и чистое Разсужденіе, и Покой-Души, и Покореніе-Чувствъ, и все возвышенное, все благородное цвѣтетъ имъ, имъ наконецъ и самъ я—Вишну. Но всѣмъ этимъ торжествомъ спокойствія я обязанъ всесовершенной Поклоненію-Вишну. Теперь я уже внѣ привязанностей (*отвергаемыхъ Духомъ потому, что онѣ предполагаютъ отвращеніе*), внѣ изслѣдованій (*предполагающихъ незнаніе*), внѣ того, чтобы задумывать плоды своимъ дѣйствіямъ (*мысль о плодахъ дѣйствій заставляетъ предполагать недостатокъ*) и искать ихъ по всѣмъ концамъ свѣта; исполненный мира, чуждый страха, чуждый скорби, угрызеній, обмановъ, теперь я наконецъ дѣйствительный мудрецъ, дѣйствительный отшельникъ (सायंगृहोमुनिरहंभवितास्मिसत्य:).

ся мракъ незнанія; точно также, послѣ всеобщаго истребленія неправды долженъ былъ исчезнуть и *Законъ*. (см. стр. 149.).

Входитъ ПОКЛОНЕНІЕ-ВИШНУ.

Поклоненіе-Вишну, *подходя съ чувствомъ радости къ* Духу-Праотцу.

Исполнены наконецъ всѣ завѣтныя желанія моего сердца, когда я могу видѣть всесовершеннаго такъ, что нѣтъ уже враговъ, посягающихъ на его сіяніе.

Духъ-Праотецъ.

Есть-ли что̀ неисполнимое для той ревности къ прекрасному и къ высокому, которая тебя одушевляетъ, царица? При расположеніи со стороны царицы Поклоненія-Вишну— нѣтъ невозможнаго.

Духъ-Праотецъ, *чтитъ царицу* Поклоненіе-Вишну *поклономъ въ ноги.*

Поклоненіе-Вишну, *удерживая* Духа-Праотца.

Возлюбленный Праотецъ! слишкомъ много награждена тобою. Не тебѣ преклонять передо мною главу твою. Скажи, властелинъ нашъ, могу-ли еще служить тебѣ?

Духъ-Праотецъ.

Что̀-же еще можетъ быть угоднымъ для меня? Разумъ, коего враги усмирены уже, восторжествовалъ и возобладалъ совершенствомъ, и я, царица моя, блещущая свѣтлыми очами, подобными цвѣтку лотоса, возстановленъ на пути невозмущаемаго блаженства. Да будетъ однако слѣдующее:

« Благодатное облако да удѣляетъ обильный, желанный « дождь этому міру! Кшатріи да оберегаютъ землю, сіяя

«свѣтомъ благодѣяній, чуждые бѣдствіямъ! Люди муд-
«рые да переплываютъ, милостію твоею, этотъ океанъ
«треволненій, океанъ вязкой грязи вещественности, са-
«мости, унынія — независимыми отъ всякаго омраченія:
«бодрое око истины да прогонитъ отъ нихъ омра-
«ченіе! »

Всѣ уходятъ.

Конецъ шестаго акта.

Конецъ драмы, сочиненной достопочтеннымъ Кришна-Мисрою, подъ названіемъ: Торжество Мѣсяца-Мысли.

ЕГИПЕТСКАЯ ТМА.

(Опытъ подражанія Библейской поэзіи).

Великъ, неизглаголанно великъ
Твой судъ, Господь!
Онъ въ помѣшательство ввергаетъ нечестивыхъ.
Святой народъ возмнили притѣснить
Они, безумцы, связанные тмою,
Опутанные долгой ночью!
Какъ бѣглецы подъ кровлею, они
Таились, мня укрыться
Отъ вѣчной мудрости; подъ мрачной пеленою
Забвенія они укрыться мнили
Съ своими темными грѣхами. . .
И были вдругъ великимъ трепетаньемъ
Проникнуты; отвсюду
Ихъ несказанныя видѣнья обступили;
Въ вертепахъ ихъ все стало страшно,
Имъ слышались невѣдомые шумы;
И дряхлые призраки съ грустнымъ ликомъ
Смотрѣли имъ въ глаза;
И былъ огонь безсиленъ
Давать имъ свѣтъ; и звѣзды не могли
Разсѣять мглу густой ихъ ночи;

И лишь одинъ невыразимый,
Самогорящій, страха полный огнь
Предъ ними вдругъ воспламенялся,
И, ввергенные въ трепетъ
Страшилищемъ, которое и было
И не было, они за нимъ
Страшнѣйшее живое мнили видѣть.
И были ихъ волхвы не властны
Подать имъ помощь; ктожъ изъ нихъ пытался
Болящую ихъ душу изцѣлить,
Былъ самъ объятъ болѣзнью страха,
И трепеталъ, и слышались ему
Звѣриный бѣгъ, змѣиный свистъ,
И въ воздухъ онъ, которымъ тягостно дышалъ,
Боялся очи устремить. . .
Въ своемъ свидѣтельствѣ сама
Свое пріемлетъ осужденье злоба;
И страхъ двойной раждаетъ совѣсть,
Томимая виною сокровенной.
Тревожно все тому, кто вѣру потерялъ
Въ спасенье, чье неутѣшимо сердце;
Ему гроза грядущія бѣды
Ужаснѣе самой бѣды наставшей.
И тѣмъ, которые въ ту ночь
(Изъ адовыхъ изшедшую вертеповъ)
Смятеннымъ сномъ объяты были,
Мечталися бѣгущія за ними
Страшилища; и силились напрасно
Они уйти:
На нихъ лежалъ тяжелый ужасъ;
И тотъ, на комъ лежалъ тотъ ужасъ,
Какъ брошенный въ темницу узникъ,
Былъ скованъ безъ желѣзъ;
И ктобъ онъ ни былъ, пахарь, иль пастухъ,
Иль дѣлатель трудовъ пустынныхъ,

От неизбѣжнаго не могъ онъ убѣжать:
Всѣ были вдругъ
Опутаны одною цѣпью тьмы.
Свисталъ ли вѣтеръ, мимо пролетая,
Былъ слышанъ ли въ густыхъ
Древесныхъ сѣняхъ говоръ птицъ,
Шумѣлиль быстро-льющіяся воды,
Иль громъ отъ падающихъ камней былъ,
Или играющихъ животныхъ
Теченіе, невидимое оку,
До слуха достигало,
Иль рыкъ звѣрей пустынныхъ раздавался,
Или изъ дебрей горныхъ
Отзывный голосъ говорилъ —
Все въ трепетъ ихъ ввергало несказанный.
Небесный свѣтъ по всей землѣ сіялъ,
И каждый могъ повсюду невозбранно
Свой трудъ дневной обычно совершать:
На нихъ лишь темная лежала ночь,
Преобразитель той великой ночи,
Которой нѣтъ конца;
Но сами для себя они
Тяжелѣ тьмы, на нихъ лежавшей, были.
. . . . . .

Жуковскій.

ANDANTE.

Когда съ боязнью и тревогой,
Съ сознаньемъ робкимъ тайныхъ силъ,
Впервые жизненной дорогой
Я самобытно поспѣшилъ,
Тогда надеждъ и вѣры сладкой,
И многихъ юности прикрасъ
Чуждался я, — хотя украдкой
И мнѣ мечталося не разъ!
И мысль таилась одиноко
И ободрительно въ груди,
Что молодъ я, что такъ далеко,
Такъ много, много впереди!

За днями дни промчались мимо,
И годы — быстрой чередой;
Давно отвергъ я, что̀ любимо
Такъ прежде пылко было мной.
Хвалой — не разъ смѣнился ропотъ,
Тоской — веселья шумный часъ...
Чѣмъ дальше въ жизнь, тѣмъ строже опытъ,
Тѣмъ онъ суровѣй учитъ насъ;
Такъ, много мнѣ, въ борьбѣ и дѣлѣ,
Не въ очарованномъ кругу,
Повѣдалъ онъ... Но я доселѣ
Привыкнуть къ жизни не могу.

Когда, смиривъ огонь кичливый
И гордость пылкую въ крови,
Направишь взоръ не торопливый,
Вниманье, полное любви,
На все, что̀ такъ Творцомъ обильно
Тебя кругомъ расточено,

Что дышетъ пламенно и сильно,
Что жизнью медленной полно,
Что тихимъ здѣсь согрѣто жаромъ,
Чѣмъ жизнь богата и бѣдна. . .
Тогда въ душѣ твоей не даромъ
Напечатлѣется она!

Тогда душа послышитъ звуки,
Досель неслыханные ей;
Подастъ отвѣтъ на скорбь и муки
И радость всякую людей,
На зовъ и кличь во имя братства;
Провидитъ мыслей глубину,
Свои безвѣстныя богатства,
Чужаго сердца тишину!..

Такъ пусть душа не унываетъ
И лѣни вкрадчивой бѣжитъ,
Повсюду взоромъ вопрошаетъ,
Пытливымъ слухомъ сторожитъ
Тѣ вѣковѣчныя явленья,
Тѣ жизни тайныя черты,
Недостижимой высоты,
Неистощимаго значенья,
Непреходящей красоты!

И. Аксаковъ.

2 Мая,
1836.
Калуга.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПИСЕМЪ

ИЗЪ ВѢНЪ.

Н. РИГЕЛЬМАНА.

ПИСЬМО III.

Для меня пребываніе въ Вѣнѣ памятно не по веселостямъ и забавамъ, не по наблюденіямъ надъ явленіями Австрійской жизни; а по сближенію съ возникающимъ міромъ Славянства, съ которымъ я до того былъ знакомъ только по слухамъ и книгамъ. Вы также принадлежите къ числу сомнительно качающихъ головой, когда говорятъ о блестящихъ надеждахъ, о возрожденіи нашихъ западныхъ и южныхъ братій, о великомъ назначеніи, будто бы ихъ ожидающемъ. Не знаю, какъ далеко простираются ваши сомнѣнія, знаю только, что вы поборникъ истины убѣжденія, а не личности мнѣній, что, видя начинаніе, вы бы хотѣли логически оправдать его причину и благой успѣхъ. Вы не изъ числа тѣхъ, которые остаются слѣпы и глухи, хотя бы что̀ *въ очію совершалось*, хотя бы сама истина глаголала къ нимъ; ни изъ тѣхъ, которые по ложному самолюбію не откажутся отъ разъ принятаго мнѣнія, хотя бы сами дѣйствительно видѣли, что оно несправедливо, а скорѣе прибѣгнутъ ко всѣмъ возможнымъ софизмамъ,

скорѣе употребятъ недобросовѣстныя увертки, чтобы удержать за собою видъ права.

Я буду говорить простыми словами собственнаго убѣжденія, предоставляя вашему безпристрастію оцѣнить истину этихъ словъ.

Конечно никто не будетъ оспаривать, что Славяне коренные жители Европы, что они существовали съ незапамятныхъ временъ и существуютъ до нынѣ, составляя около 80 млн. населенія. Такое долгое существованіе, записанное въ исторіи, въ продолженіи болѣе ста пятидесяти вѣковъ, то славное владычествомъ, то бѣдственное по внутреннимъ раздорамъ и угнетенію чужеземцевъ, показываетъ, что племена Славянскія получили отъ Провидѣнія всѣ задатки духовной природы для составленія своего самостоятельнаго цѣлаго; что если это цѣлое давно уже раздроблено, то все таки части принадлежатъ ему, и не могутъ отказаться отъ взаимнаго родства. Иначе, если бы Провидѣніе не вложило особеннаго духовнаго организма въ Славянское племя, оно бы давно стерлось съ лица земли, было бы поглощено наплывами матеріяльной силы и нравственнаго насилія, осаждавшими и осаждающими его со всѣхъ сторонъ. Нѣтъ, этотъ духовный организмъ Славянства, эта идея народа воплотилась въ огромномъ государственномъ тѣлѣ; она выходила до сихъ поръ торжествующею изъ самыхъ тяжкихъ испытаній; въ наше время она продолжаетъ нравственную борьбу съ идеею чуждаго образованія, и безъ сомнѣнія, останется побѣдительницею. У западныхъ и южныхъ Славянъ, хотя политически подавленная, она не менѣе того присуща; доказа-

тельствомъ служатъ: сохраненіе языка, который въ своей чистотѣ есть, безъ сомнѣнія, лучшій признакъ жизни народнаго организма; умственное движеніе, выразившееся въ многочисленныхъ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени; касательно Сербовъ, борьба ихъ съ Турками и утвержденіе независимости.—Слѣдовательно душа не отлетѣла, она живетъ и движется, слѣдовательно должна жить и двигаться сообразно мысли, сообразно направленію, данному ей свыше. А она можетъ это выполнить, только оставаясь вѣрною самой себѣ, разработывая данные народу зародыши. Не будемъ покамѣстъ разсуждать, какіе именно эти зародыши, въ чемъ ихъ отличіе, въ чемъ ихъ преимущество надъ другими народами; довольно того, что они есть, потому что есть многочисленнѣйшее племя, ихъ хранящее, которое не можетъ же быть создано Премудрымъ Промысломъ для празднаго существованія, для того только, чтобы представлять мертвую массу, способную принять форму извнѣ, а не органически произвести ее изнутри, какъ всякое существо живущее. Довольно указать на Славянскую рѣчь вообще, на ея коренное отличіе отъ рѣчи другихъ народовъ, какъ на доказательство того, что Славянскому племени дѣйствительно предназначено рѣшить одну изъ тѣхъ всемірныхъ задачъ, которыя обыкновенно предлагаются Провидѣніемъ великимъ народамъ при вступленіи ихъ въ свѣтъ; или лучше — предназначено перерѣшить ее послѣ другихъ народовъ, своихъ предшественниковъ.

Какъ скоро мы получаемъ право перерѣшить не разъ уже прежде рѣшенное, (а это есть право

преемства потомковъ послѣ своихъ предковъ), то конечно получаемъ его не иначе, какъ съ условіемъ и въ надеждѣ, что мы придемъ къ выводу болѣе удовлетворительному, болѣе истинному, полному и всеобъемлющему. Отдѣльные люди, предпочитая спокойствіе нравственнаго подчиненія чуждому образованію, могутъ отказываться отъ этой задачи: но народъ не можетъ: онъ, въ своей идеальной совокупности, есть по истинѣ созданіе по образу и подобію Божію; а потому ни отречься отъ своихъ даровъ, ни изгубить ихъ онъ не въ состояніи дотолѣ, пока существуетъ. Онъ созданъ Богомъ для нравственной борьбы, для завоеваній на пути человѣческаго совершенствованія; орудіе Великаго Художника, онъ не измѣнитъ Ему, не распадется и не погибнетъ прежде времени, пока не выполнитъ своего назначенія.—Конечно, не путемъ безусловнаго подражанія, не путемъ насильственнаго подчиненія себя чуждому образованію и отреченія отъ своего духовнаго образа, какъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ братій, можемъ мы выполнить назначеніе, данное намъ свыше и составляющее условіе существованія Славянскихъ племенъ; ибо Предвѣчное Опредѣленіе сотворило наше племя, какъ творитъ человѣка, съ особенною наружностію, умомъ, сердцемъ, чтобы изъ всего этого вытекала совокупность нравственной жизни, ему одному только свойственной. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза будетъ человѣчеству, если мы даже сравнимся съ самыми образованными народами, если только усвоимъ себѣ то, что они пріобрѣли самаго истиннаго и хорошаго? Многіе мечтаютъ объ этомъ, какъ о высшей цѣли, къ которой нашъ

надо стремиться; если бы даже это было возможно, мы бы сдѣлались двойникомъ того или другаго народа, или какимъ-то мертвымъ отвлеченіемъ всѣхъ ихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Что же бы вышло изъ этого? Существованіе совершенно лишнее въ пространствѣ и во времени.—Нѣтъ, Богъ не даромъ создаетъ народы, не даромъ напечатлѣваетъ каждому его духовный и физическій образъ. Онъ не создаетъ ихъ также для нихъ самихъ, для того, чтобы они спокойно прозябали на клочкѣ земнаго шара, доставшемся имъ въ удѣлъ; Онъ создаетъ ихъ для человѣчества. Народы неспособные, лѣнивые, зарывающіе свой талантъ въ землю, Онъ уничтожаетъ и отдаетъ во власть другимъ; тѣ, которые домогаются славы быть его орудіями, тѣ становятся сильны, могущественны на земли, множатся и преуспѣваютъ. Всякій, исполнивъ свое назначеніе, сходитъ съ поприща, умираетъ, завѣщавъ пріобрѣтенное имъ достояніе своимъ преемникамъ. Но вѣчно живетъ человѣчество и человѣкъ: для нихъ вѣковыя судьбы народовъ только различные возрасты жизни; въ этѣхъ судьбахъ проявляется и развивается жизнь человѣчества, какъ развивается жизненное начало растенія, сначала пуская корни, образуя потомъ траву на поверхности земли, стволъ, почки, листья, вѣтки, цвѣтокъ и наконецъ плодъ. Время, когда народы сольются въ одно семейство, въ одинъ языкъ, въ одно нравственное лице, не будетъ ли послѣднимъ днемъ существованія человѣческаго рода, потому что оно наступитъ только тогда, когда всѣ племена преемственно внесутъ въ сокровищницу человѣческаго образованія плодъ всѣхъ благихъ зачатковъ, вложенныхъ въ нихъ

Провидѣніемъ и развитыхъ по Его предвѣчнымъ законамъ; когда такимъ образомъ человѣчество достигнетъ совершенства нравственнаго, которое непремѣнно отразится и въ совершенствѣ его жизни общественной; когда человѣкъ успѣетъ согласить эту жизнь, привесть ее къ тожественному знаменателю съ жизнію духа, преподанною ему Богочеловѣкомъ?

Никто не станетъ отрицать, что это время еще скрыто отъ насъ въ вѣчности; и мечты тѣхъ, которые думаютъ распространить единство образованія простымъ заимствованіемъ отъ народовъ, предшествовавшихъ намъ на пути просвѣщенія, такія мечты жалкое заблужденіе. Подражать (въ тѣсномъ смыслѣ слова) тому, что намъ предшествовало, значитъ подражать ошибочному и недостаточному. Потому уже, что оно явилось прежде насъ, оно стоитъ наканунѣ разрушенія; не того безплоднаго разрушенія, послѣ котораго надо строить съизнова отъ основанія, а разрушенія формы, для того, чтобы духъ, въ ней живущій, создалъ себѣ новую обитель. Такъ и система западнаго образованія обречена разрушенію потому, что не смотря на свою зрѣлость, она еще неизмѣримо далека отъ того, чтобы удовлетворить требованіямъ духа человѣческаго. Она высказываетъ уже свое завѣщаніе, и ограниченнымъ человѣческимъ взоромъ можно видѣть предѣлъ ея владычества, предѣлъ ея жизни.—Нѣкоторые скажутъ: дѣйствительно, можетъ быть, западное образованіе несовершенно, оно заключаетъ въ себѣ много вопросовъ, которые надо рѣшить; но оно рѣшитъ ихъ собственными силами, путемъ послѣдовательнаго

совершенствованія. Нѣтъ: есть вопросы, которые не разрѣшимы по его началамъ, хотя оно болѣзненно чувствуетъ потребность рѣшить ихъ; есть другіе, о которыхъ оно даже не знаетъ; такъ они далеки отъ его пониманія! Слѣдовательно, надо искать иной среды, гдѣ бы могли храниться эти начала, надо искать иной сокровищницы народнаго духа, откуда могли бы явиться новыя силы на земное поприще. Откуда же могутъ онѣ явиться, какъ не изъ Славянскаго міра, какъ не изъ этого міра дѣвственнаго, непочатаго, до сихъ поръ заключеннаго въ себя самаго гнетомъ суровой и бережливой судьбы, которая, казалось, боялась, чтобы онъ не вышелъ на свѣтъ прежде урочнаго времени, и для того поставила его подъ давленіемъ тяжелой внѣшней атмосферы?

Вы спросите меня: что же новаго и совершеннѣйшаго можетъ внести Славянскій міръ въ общее образованіе? — Вопросъ, естественно представляющійся каждому; но, согласитесь, слишкомъ преждевременный. Отвѣчать на него — значило бы почти взять на себя опредѣленіе грядущихъ историческихъ судебъ человѣчества. Указать начала, дѣйствующія въ жизни того или другаго народа, можно только тогда, когда этотъ народъ достигъ возраста зрѣлости, когда онъ уже совершилъ бо́льшую половину своего поприща, и обозначилъ свою дѣятельность опредѣлительными выводами. Разложеніе должно быть плодомъ глубокаго изученія всѣхъ сторонъ жизни народа, и отношеній его къ дѣятельности народовъ предшествовавшихъ и современныхъ. Но когда зародышъ начинаетъ только двигаться, когда почка еще только образовалась,

всѣ гаданія на счетъ грядущаго будутъ болѣе или менѣе удачною игрою воображенія. Довольно того, что въ Славянскомъ начинающемся образованіи мы замѣчаемъ много Хрістіянской любви, много самопожертвованія, отсутствіе эгоизма, этого камня преткновенія западнаго міра. Это образованіе имѣетъ точкою отправленія и цѣлію нашу меньшую братію во Христѣ, народъ въ тѣсномъ смыслѣ, тѣхъ смиренныхъ тружениковъ жизни, которые подготовляютъ черную работу для ея проявленій. На нихъ образованіе привыкло смотрѣть, какъ на массу, требующую переработки, какъ на матеріялъ, который надо обтесывать, чистить, лощить, чтобы сдѣлать годнымъ къ употребленію. Разумъ Славянства обращается напротивъ къ нимъ за наставленіемъ, отъ нихъ ожидаетъ онъ себѣ помощи, ими одними живетъ онъ и можетъ дѣйствовать. И естественно, потому что только этѣ простыя души сохранили начала, вложенныя въ нихъ Провидѣніемъ; бѣдность, нищета и презрѣніе защитили ихъ отъ порчи, не дозволили имъ сдѣлаться участниками чужаго образованія. Горькими испытаніями пріобрѣли эти отверженные свое значеніе; множествомъ лишеній сберегли завѣщанное имъ сокровище. Всякій, кто не хотѣлъ испить горькой чаши, кто дѣлался богатъ, знатенъ, переставалъ быть Славяниномъ, отрекался отъ своихъ братій, съ сожалѣніемъ и насмѣшкою смотрѣлъ на нихъ. Также поступалъ и тотъ, кто считалъ себя образованнымъ, какъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ образованіе приходитъ извнѣ, гдѣ оно составляетъ достояніе иноплеменныхъ обладателей?—Но наступаетъ въ Европѣ время, *когда и послѣдніе будутъ первыми*,—дивное

кресченіе, исполняющееся надъ Славянскимъ племенемъ, внутри его самого и въ отношеніи къ другимъ. Классъ образованныхъ чувствуетъ свое безсиліе и прибѣгаетъ къ дѣтямъ простаго быта, чтобы выпытать у нихъ тайну завѣщанныхъ имъ преданій; чувствуетъ ничтожество своего дѣйствованія, безъ основаній Хрістіянской любви, и со слезами раскаянія открываетъ угнетенной братіи свои объятія. Отселѣ всѣ труды его будутъ посвящены разработкѣ того, чѣмъ она обладаетъ въ зародышахъ, или лучше, вызову ее къ разумной, сознательной дѣятельности.

И у насъ, какъ у западныхъ Славянъ, народъ, въ тѣсномъ смыслѣ, остался единственнымъ хранителемъ Славяно-Русскихъ началъ, слѣдовательно и мы должны обратиться къ нему съ вопросами о нашей нравственной жизни; только онъ дастъ намъ возможность уразумѣть исторію нашего прошедшаго и связать ее съ будущимъ развитіемъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ составъ нашихъ народныхъ стихій, тѣмъ болѣе откроемъ сродства между собою и Славянами другихъ племенъ. Теперь не многіе еще поняли это; но многіе непредубѣжденные чувствуютъ потребность, необходимость сближенія. Такъ всегда чувство предшествуетъ сознанію. — Впрочемъ и въ настоящее время достаточно логики здраваго смысла, чтобы видѣть необходимость общаго труда, общей работы для того, чтобы мы, Русскіе, могли занять по праву мѣсто, назначенное намъ въ исторіи человѣчества. Возьмемъ, какой угодно, отдѣлъ жизни: на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ, намъ неизбѣжно необходимо родство духа съ Славян-

скими племенами, какое существуетъ въ крови, текущей въ нашихъ жилахъ. Начну съ ближайшаго. Смотря на наше свѣтское общество, нельзя не сознаться (даже отдавая справедливость нѣкоторымъ успѣхамъ его въ общемъ образованіи), что оно нарушаетъ основный законъ всякой жизни, законъ органическаго развитія; нарушеніе его не можетъ быть безнаказанно: оно мертвитъ, убиваетъ и дѣятельность и даже безотчетное наслажденіе жизнію. Не много найдется такихъ людей, которые бы, предаваясь свѣтскимъ удовольствіямъ, имѣя даже полный запасъ средствъ не отказывать себѣ ни въ какихъ прихотяхъ моды и условныхъ требованій свѣтскаго быта, не жаловались на какую-то пустоту и скуку, невольно одолѣвающую. Это недужное расположеніе (malaise) охватываетъ большинство; отъ него не могутъ уйти самые записные послѣдователи чужеземства; можно сказать, что они-то всего болѣе ему подвержены.—Всѣ жалуются на иныя требованія, на иныя условія, къ которымъ пріучаешься только продолжительнымъ принужденіемъ самого себя, въ которыхъ не видишь ничего разумнаго, которыя всякій разъ бранишь, исполняя, которыя часто противорѣчатъ лучшимъ человѣческимъ влеченіямъ. А между тѣмъ нѣтъ силъ сбросить эти условія. Если разсмотрѣть ихъ поближе, въ нихъ бо̀льшею частію проявляется несвойственный намъ эгоизмъ, несвойственное намъ презрѣніе къ тому, что одною ступенью стоитъ ниже насъ по внѣшности, вынужденное презрѣніе къ условно дурному, бо̀льшею частію, своему народному, часто оправдываемому и разумомъ и сердцемъ.

Какъ же составились эти условія, откуда взялись они? — Кто имѣлъ случай видѣть сколько нибудь составъ общества въ Германіи, особенно въ Австріи, гдѣ оно менѣе измѣнилось отъ дыханія современности, тотъ вѣроятно замѣтилъ тамъ много близкихъ къ намъ явленій. Но, что тамъ оправдывается исторіею, умѣряется разумомъ, проникается народнымъ духомъ, то у насъ является въ своей формальной односторонности, и, какъ обыкновенно подражаніе, со всею исключительностію, нетерпимостію. Подражатели прежде всего хватаются за внѣшность, за частности, и слѣдуютъ имъ съ гораздо бо́льшимъ упорствомъ, нежели самъ изобрѣтатель, воображая, что въ нихъ-то заключается вся сущность, или лучше, не понимая послѣдней. — На невѣрной основѣ не можетъ выйти правильная ткань; и чѣмъ далѣе, тѣмъ неправильность дѣлается безобразнѣе; такъ и у насъ постепенно долженъ былъ усиливаться разладъ свѣтскаго общества съ жизнію народа, заданною ему природнымъ составомъ и предшествовавшими вѣками историческаго существованія. Всякій человѣкъ, тѣмъ болѣе народъ, одаренъ задаткомъ творческихъ силъ: низвести его на степень постояннаго подражателя во всемъ, значитъ сдѣлать изъ него по возможности неодушевленную машину. Удивительно-ли послѣ того, что общество, подвергшее себя подобному насилію, чувствуетъ постоянную неловкость? Нельзя безъ тайной грусти и тоски, безъ оскорбляющаго ощущенія, отказываться отъ собственнаго ума, отъ своей воли, чувства, взрослому безпрестанно нисходить къ роли ребенка и нести вериги чужаго попечительства.

Таковы условія, налагаемыя на насъ поклонничествомъ западному образованію. Не того можемъ мы ожидать отъ Славянскаго міра. Если мы породнимся съ нимъ, то многое явится намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ; многимъ объяснится, что тоска ихъ есть тоска человѣческаго чувства, которое проситъ себѣ доли въ жизни; многія преграды, положенныя этому влеченію, теперь кажущіяся неодолимыми, падутъ сами собою. Мы увидимъ, какъ смѣшно и жалко быть умнымъ и образованнымъ, заднимъ числомъ; вмѣстѣ съ полученіемъ свѣжаго транспорта иностранныхъ книгъ отказываться отъ того, что̀ мы вчера считали истиннымъ и добрымъ; увидимъ, что достоинство человѣка стоитъ выше всякихъ круговъ общества, что оно должно быть первымъ условіемъ въ опредѣленіи его значенія; что понятія: appartenir à la société, les personnes de la société, основаны на самомъ ложномъ эгоизмѣ, на самой дурной сторонѣ человѣческой природы — на исключительномъ себялюбіи; что они отрицаютъ нравственное значеніе человѣка. Самостоятельность ума, чистота чувства и благородство національнаго стремленія уничтожатъ матеріяльныя наклонности нашего общества; мы почувствуемъ, что не шелковые обои и шелковыя ткани, не модная вычурность мебели и платья, покупаемая нами безумною цѣною (часто цѣною совѣсти и безчестія), не заморскія диковины, не роскошный столъ, составляютъ то, что̀ необходимо человѣку для свѣтлой, веселой жизни, не говорю уже, для счастія. А если мы чувствуемъ это и теперь, то увидимъ тогда причину этого явленія, узнаемъ, какъ помочь горю; узнаемъ, что мы дѣ-

лаемъ себѣ величайшее насиліе, налагая на себя формы жизни, которыя противорѣчатъ нашей природѣ; что притомъ мы обманываемъ себя, принимая исполненіе формальности за самую жизнь, что для того, чтобы быть счастливу, надо пользоваться полнотою жизни; а для того, чтобы не скучать, надо составлять по крайней мѣрѣ часть цѣлаго, насъ окружающаго, изъ котораго мы бы могли черпать пищу на потребу нашего нравственнаго существованія и пользоваться выводами, вырабатываемыми вокругъ насъ, а не быть обществомъ, висящимъ въ воздухѣ и отрѣшенномъ отъ всѣхъ ближайшихъ интересовъ. Тогда мы узнаемъ удовольствія другаго рода, болѣе человѣческія, болѣе братскія, которыя не будутъ отравляемы безпрерывными притязаніями самолюбивой личности, болѣе будутъ соотвѣтствовать потребностямъ души, а не основываться на чисто матеріяльныхъ наклонностяхъ, жалкихъ въ самомъ утонченіи.

Въ жизни искусства необходима намъ таже связь съ западными и южными Славянами. Необходимость эта здѣсь еще очевиднѣе, хотя должно сознаться, общеніе будетъ возможно только тогда, когда мы сдѣлаемся болѣе Русскими, когда наше общество возвратится къ болѣе естественнымъ началамъ образованія.—Поэзія наша въ самыхъ блестящихъ своихъ явленіяхъ заключаетъ только попытки на самостоятельность, но врядъ-ли когда ее достигала, если мы сообразимъ требованія съ неизмѣримымъ поприщемъ, ей по праву принадлежащимъ и предназначеннымъ, съ міромъ Славянскимъ, со всѣми его преданіями, вѣрованіями, народною поэзіею, прошедшею жизнію и настоящимъ бытомъ.

Пройдите воображеніемъ весь этотъ кругъ, на сколько онъ намъ доступенъ при нашихъ ничтожныхъ свѣдѣніяхъ, перелетите отъ береговъ Адріятики и стараго Евксинскаго Понта до ледяныхъ скалъ Лапландіи, остановитесь хотя на мгновеніе у каждаго изъ десяти племенъ, составляющихъ великую семью, чтобы припомнить вѣковыя судьбы ихъ прошедшей жизни, прислушайтесь мыслію и чувствомъ къ ихъ пѣсни, и вы, потомокъ этихъ славныхъ предковъ, членъ этой семьи, — осмѣльтесь сказать, что тутъ нѣтъ задатковъ поэзіи, нѣтъ достаточно стихій, чтобы создать ей великое, самостоятельное царство на цѣлое тысящелѣтіе. Пробывши нѣсколько мгновеній въ этомъ чудномъ мірѣ, знакомомъ вамъ, безъ изученія, по какимъ-то врожденнымъ понятіямъ, связаннымъ съ сновидѣніями младенчества, испытавши чувство старика, волшебствомъ перенесеннаго въ свѣтлую пору его юности, вы воздохнете, возвратясь къ дѣйствительности нашихъ поэтическихъ произведеній, и, сознавая все ихъ достоинство, скажете, какъ все въ нихъ поверхностно, слабо и не глубоко, въ сравненіи съ тѣмъ идеальнымъ міромъ. Здѣсь всему вы находите образецъ иноземный, затемняющій копію, находите чужое внушеніе (*); тамъ видите возможность созданія самобытныхъ образцевъ, такихъ, которые должны стать не какъ второстепенное явленіе, а какъ равное всему, что имѣетъ лучшаго Западъ, а можетъ быть,

(*) Въ этомъ смыслѣ правы тѣ русскіе (ихъ можно считать тысячами), которые очень серьезно и добросовѣстно утверждаютъ, что на русскомъ языкѣ нечего читать, что все очень слабо, въ сравненіи съ иностранными литературами.

и превысить его самыя гордыя вершины. Я не дерзну обвинять нашихъ великихъ поэтовъ въ недостаткѣ народности Русской, тѣмъ менѣе Славянской: въ нихъ, какъ и всегда бываетъ, высказывалось само общество; они только угадывали, предчувствовали, изображали его влеченія; слѣдовательно причина заключалась въ направленіи, въ жизни сего послѣдняго, условленныхъ историческими обстоятельствами; общество далеко расходилось съ цѣлостію народа, и едва имѣло темное гаданіе о Славянскомъ родствѣ. Но вотъ, что я осмѣлюсь утверждать: что эта жизнь уже изсякла, слѣдовательно, что она была ложна, или по крайней мѣрѣ, односторонна, потому что жизнь полная, органическая воспроизводится безконечно до тѣхъ поръ, пока существуютъ ея стихіи. Этимъ объясняется рановременная смерть нашей поэзіи, отчего великія ея явленія остались по духу почти безплодны для нашей современности; отчего съ кончиною Пушкина мы какъ будто лишились способности и воспринимать и воспроизводить что нибудь поэтическое, такъ что общее равнодушіе можетъ равняться только нищетѣ творчества, и на оборотъ. Еще это не многіе понимаютъ, еще есть отчаянные пловцы, которые борются съ волнами, или подбираютъ брошенныя колосья послѣ жатвы; но безсиліе этѣхъ попытокъ всего лучше доказываетъ мою мысль. Мы еще точно въ летаргическомъ снѣ: чувствуемъ, что живемъ, слышимъ голоса, понимаемъ рѣчи вокругъ насъ, слышимъ, что дѣлается на далекомъ западѣ и югѣ; но нѣтъ силъ пошевелиться, какая-то невидимая тяжесть гнететъ всѣ члены. И мы, опять скажу, не выйдемъ изъ этого

сна, пока не пробудятъ насъ голоса нашихъ соплеменниковъ; пока мы не свяжемъ своей жизни духовной съ ихъ жизнію, такъ, чтобы зданіе нашего искусства, нашей поэзіи, стояло на общей почвѣ, чтобы въ немъ вѣялъ родовой Славянскій духъ.

Нужно-ли вамъ, послѣ всего сказаннаго, повторять тѣ же доказательства въ отношеніи ко всѣмъ отдѣламъ искусствъ? — Возьмемъ самое народное, прямѣе другихъ дѣйствующее на толпу, нашъ театръ. Кто не согласится, что онъ на ложномъ пути? Доказательства: его посредственность, не смотря на самыя богатыя матеріяльныя пособія, и общее къ нему равнодушіе. Отсутствіе всякаго живаго, народнаго и художественнаго интереса причиною тому и другому. Только тогда будетъ возможно явленіе замѣчательныхъ драматическихъ дарованій, совершенствованіе исполнителей и участіе общества, когда первыхъ будетъ руководить мысль, согрѣтая и хранимая въ душѣ послѣдняго. Смѣшно требовать участія, выводя предъ глазами зрителей небывалыя у нихъ страсти, незнакомыя имъ увлеченія и характеры. Есть-ли здѣсь мѣсто сознательному наслажденію? Не удивительно, что большинство предпочитаетъ любоваться шпруэтами плясуновъ, эфектными декораціями и мнимо волшебными превращеніями: это, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ притязаній на мысль и чувство, которыя оскорбляются, когда на нихъ посягаютъ недостойнымъ образомъ. Странно, какъ наша драматическая литература отстала отъ письменной, даже въ обыкновенныхъ, насущныхъ явленіяхъ: мы имѣемъ нѣсколько романовъ, много повѣстей, взятыхъ изъ

нашей жизни, которыя читаются съ удовольствіемъ; но на сценѣ у насъ до сихъ поръ подчиваютъ похожденіями французскихъ маркизовъ, торговцевъ en gros и en détail, продѣлками дамъ двора Людовиковъ, треволненіями современныхъ невинно-страждущихъ купчихъ и виновно-торжествующихъ гризетокъ. Пора бы понять нашему театру, что все это привлекаетъ такъ называемое общество во Французскіе спектакли, не по скольку въ подобныхъ піэсахъ есть человѣческаго, а по скольку это общество само офранцузилось; и что дѣйствительно общество не можетъ сочувствовать, и къ счастію не сочувствуетъ той средѣ, въ которой вращаются герои Французскихъ піэсъ. Не будемъ унижать слово «человѣческое», употребивъ его въ защиту этихъ явленій; въ нихъ его капля, гомеопатически разведенная нѣсколькими стаканами воды.

Если же мы хотимъ достигнуть истинно человѣчески прекраснаго въ художественномъ произведеніи, то должны знать, что это возможно не иначе, какъ посредствомъ народнаго (національнаго). Самыя великія явленія въ мірѣ искусства, пережившія вѣка, слѣдовательно исполненныя человѣческихъ красотъ, національны въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Вникнувши, вы видите на нихъ яркій отпечатокъ мѣстности и времени. Что можетъ быть всемірнѣе твореній Гомера? Вы видите въ нихъ Грековъ и Грецію того времени со всѣми оттѣнками; въ Софоклѣ, Эврипидѣ, Грековъ другаго періода; драмы Шекспира не могли быть написаны никѣмъ, кромѣ Британца, именно въ концѣ XVI вѣка; съ первыхъ монологовъ Донъ-

Карлоса и Маркиза Позы, вы узнаете въ сочинителѣ Нѣмца. Даже безцвѣтныя произведенія Расина, не смотря на классическій колоритъ, тотчасъ изобличаютъ Француза. Чѣмъ глубже, чѣмъ цѣльнѣе національное чувство автора, тѣмъ возможнѣе дѣлается ему достиженіе красотъ человѣческихъ, тѣмъ болѣе облегчается ему путь къ этому цвѣту творчества; потому что Великій Творецъ подвергнулъ нашу духовную природу такому же закону органическаго развитія, какъ и вещественную, и вслѣдствіе этого закона достиженіе высшаго совершается только исполненіемъ всѣхъ степеней жизни. Въ художественномъ произведеніи повторяется сомкнутымъ весь процессъ этого внутренняго развитія, отъ того его называютъ воспроизведеніемъ созданія.

Наша драма должна быть національною, слѣдовательно племенною, чтобы она получила художественное значеніе. Для этого намъ надо знать свою жизнь, свое прошедшее, что̀ не возможно, пока мы не будемъ знать жизни нашихъ соплеменниковъ, которыхъ права на духовное общеніе съ нами гораздо древнѣе и существеннѣе, нежели права Запада. Наша исторія еще не представила полной картины древней жизни; намъ до сихъ поръ остается невидимою сѣть, сплетавшая нѣкогда историческія судьбы Славянскаго рода, точно такъ, какъ до Карамзина мы не знали о жизни нашихъ ближайшихъ предковъ, и не могли связать настоящаго Русскаго Государства съ прежнимъ Московскимъ Царствомъ. Естественно, что при недостаткѣ полнаго историческаго самопознанія, не можетъ возникнуть у насъ самобытная драма, которая всег-

да была самымъ зрѣлымъ плодомъ, самымъ гармоническимъ выраженіемъ творческихъ силъ народа. Комическій отдѣлъ ея для насъ возможнѣе, во первыхъ потому, что наше общество и его условія изобилуютъ самыми странными противорѣчіями; во вторыхъ, что этѣ искусственныя формы съ ихъ неумѣстностію и нелѣпостями въ полной мѣрѣ достойны подвергнуться разрушительному молоту насмѣшки. Но и здѣсь, чтобы опредѣлить отрицательную сторону, чтобы замѣтить ея оттѣнки, чтобы они получили для насъ значеніе смѣшнаго, надо стать сочинителю на точку, откуда онъ увидитъ окружающее его не въ томъ свѣтѣ, какъ видятъ его обыкновенно; на ту точку, куда бы слѣдовало возвыситься нашему обществу, какъ я замѣтилъ прежде, и куда оно вѣроятно взойдетъ, если будетъ сочувствовать движеніямъ Славянскаго міра. До сихъ поръ наши комики, иногда съ замѣчательнымъ искусствомъ (какъ Гоголь), схватывали только самыя вопіющія противорѣчія, самыя рѣзкія крайности, болѣе внѣшнія и принадлежащія низшимъ слоямъ общества (*); но глазамъ ихъ откроется зрѣлище многозначительнѣе, а дѣятельности обширное и достойнѣйшее поприще, если они ознакомятся со взглядомъ нашихъ соплеменниковъ на общественныя условія; тогда они увидятъ странныя явленія внутренней жизни общества, вытекающія изъ противорѣчія привитыхъ понятій, изъ ложнаго положенія и мнимаго образованія, увидятъ насиліе самыхъ лучшихъ побужденій для исполненія самыхъ пустыхъ условій,

(*) Здѣсь надо исключить Грибоѣдова.

порокъ изъ приличія, проступки, вынужденные общепринятыми мнѣніями. Въ подобныхъ явленіяхъ трудно отличить достояніе насмѣшки отъ достоянія слезъ и негодованія.

Нѣтъ сомнѣнія, что если суждено образовательнымъ искусствамъ, зодчеству, живописи, пластикѣ, разцвѣсть къ новой жизни, то это возможно только въ Русско-Славянскомъ мірѣ, гдѣ столько свѣжихъ, неизвѣданныхъ стихій, должны выступить на поприще. Въ зодчествѣ мы имѣемъ старый стиль нашихъ храмовъ, который въ сѣверной Россіи вездѣ встрѣчается обличителемъ современной безхарактерности; въ живописи преданіе Византійское, доставшееся намъ по прямой линіи, и до сихъ поръ остававшееся совершенно чуждымъ для нашихъ академическихъ художниковъ. Фрески старыхъ Сербскихъ церквей, какими по древности и чистотѣ не обладаетъ Италія, составляютъ для насъ драгоцѣнное сокровище. Слѣдовательно живопись и зодчество имѣютъ у насъ основу, къ которой должно возвратиться искусство, чтобы создать явленія самобытныя, и вѣроятно, возвратится, если наша жизнь захватитъ всѣ начала и стихіи, въ ней кроющіяся.

О музыкѣ Славянской я говорилъ уже во второмъ письмѣ; многое можно бы прибавить и развить; но боюсь утомить васъ посланіемъ, безъ того очень длиннымъ.

Что касается до науки, то вы, я думаю, сами видите, что здѣсь всѣ доводы дѣлаются лишними. Какой отдѣлъ ея ни возьмемъ: исторія, право, языкознаніе, все это не можетъ сдѣлать ни одного шага далѣе, безъ самого тѣснаго знакомства и

общенія съ матеріялами Славянскаго міра и съ трудами его ученыхъ мужей. И не только въ приложеніи этѣхъ наукъ къ жизни нашего отечества, но также точно и въ отношеніи всемірномъ, для повѣрки и уразумѣнія науки Запада. Въ ней откроются тогда большіе пропуски, искаженія, заблужденія, потому именно, что она иногда съ умысломъ, иногда по незнанію, обходила Славянскій міръ въ своихъ розысканіяхъ; а иногда слишкомъ близоруко смотрѣла на всемірныя событія. Когда такимъ образомъ обновятся всѣ отдѣлы знанія, когда жизнь народная потечетъ новымъ русломъ; тогда возникнутъ новыя стихіи и для философіи, не отвлеченной и только формальной, какова она теперь, науки не однѣхъ наукъ, но и жизни, какова она была нѣкогда въ Елладѣ, вытекая прямо изъ явленій общественнаго и частнаго быта.

ПИСЬМО IV.

Постараюсь теперь разсказать вамъ, въ краткихъ очеркахъ, мою поѣздку по Славянскимъ землямъ Венгріи. Не ожидайте ни полноты, ни отчетливости. Имѣя очень мало времени въ своемъ распоряженіи, я долженъ былъ довольствоваться однимъ бѣглымъ взглядомъ на предметы, которые стоили бы конечно внимательнѣйшаго разсмотрѣнія. Не могу не упомянуть здѣсь о насмѣшливомъ удивленіи моихъ

знакомыхъ земляковъ, когда я объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Венгрію, въ эту terra incognita et inculta, гдѣ нѣтъ ни искусственныхъ дорогъ, ни почтовыхъ каретъ, гдѣ гостинницы въ патріархальномъ состояніи нашихъ уѣздныхъ, т. е., нерѣдко и въ совершенномъ отсутствіи, а главное — куда совсѣмъ не лежитъ дорога порядочному путешественнику, направляющему стопы свои къ берегамъ Тибра, Сены или Темзы. Даже въ извѣстныхъ дорожникахъ о Венгріи почти не упоминается; и что тамъ дѣлать? развѣ посмотрѣть породы Венгерскаго скота, или запастись настоящимъ Токайскимъ? Ужъ если ѣхать, не лучше-ли отправиться на воды, гдѣ стекается общество порядочныхъ людей, гдѣ придуманы всѣ удобства для конфортабельной жизни, даже водочерпіи и прислужницы въ трактирахъ набраны изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ околодка; или наконецъ въ Тироль, въ Швейцарію, если вамъ нужно движеніе: по крайней мѣрѣ, вы поѣдете туда не на телѣгѣ, а по желѣзной дорогѣ или въ приличной почтовой каретѣ? Напрасно я старался объяснить значеніе моей поѣздки, говоря, что тутъ дѣло идетъ не о гостинницахъ, каретахъ, кофейныхъ, театрахъ и т. п., а о живомъ народѣ, о его характерѣ, физіономіи, дѣятельности умственной, хотя молодой и неопытной, но замѣчательной по силѣ и энергіи; что тамъ я найду людей, которые сами пойдутъ мнѣ на встрѣчу и откроютъ свою внутреннюю жизнь; между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ путешествіи мы видимъ только наружность жизни, и рѣдко можемъ и заботимся проникнуть въ живую дѣятельность общества. Для этого надо много

усилій, да притомъ еще выгодное положеніе или удачу. Что наконецъ это все особенно занимательно по нашему взаимному родству и сочувствію, и по особенному значенію, о которомъ долго бы было имъ разсказывать. Увлекшись, я даже увѣрялъ, что для нихъ самихъ подобная поѣздка была бы несравненно полезнѣе многихъ другихъ, а главное было бы полезнѣе вообще для Русскихъ, если бы они заглядывали почаще къ нашимъ братьямъ, западнымъ и южнымъ Славянамъ, разсѣивали ихъ предубѣжденія и давали бы пищу желанію узнать короче другъ друга.

Немногихъ я убѣдилъ подобными доводами; по крайней мѣрѣ, самъ укрѣпился ими въ своемъ намѣреніи, и 30 Апр. (1845), на разсвѣтѣ, засѣлъ въ омнибусъ на Judenplatz, доставляющій пассажировъ къ Дунайскому пароходу. Улицы, которыя я видѣлъ наканунѣ шумными, еще были пусты, населеніе отдыхало послѣ своихъ обычныхъ забавъ. Картины вывѣсокъ и выставленные товары, которыхъ иногда бываетъ гораздо болѣе на улицѣ, нежели внутри магазина, еще не покрывали нижняго жилья домовъ, выставлявшихся во всей своей непривлекательной наготѣ, съ рядами оконъ на гладкихъ стѣнахъ и съ крышами въ родѣ сахарной головы. Безхарактерность, матеріяльность жителей видна была въ наружности зданій. Я разставался съ Вѣною, со всѣми ея соблазнами, безъ сожалѣнія. Послѣ медленнаго переѣзда черезъ безконечный Пратеръ, съ этой стороны покрытый кустарникомъ и лозою, между которыми спокойно паслись стада оленей, мы наконецъ достигли пристани. Пароходъ былъ, какъ и всѣ хорошіе паро-

ходы. Вошедши въ главную каюту, я засталъ тамъ много ходящихъ, сидящихъ и лежащихъ въ пріятной дремотѣ спутниковъ, большею частію, имѣвшихъ плотную, дюжую натуру венгерскихъ помѣщиковъ, мало отличающихся отъ нашихъ отечественныхъ. Тутъ же я замѣтилъ Вука Стефановича Караджича, товарища моего путешествія. Завязался разговоръ съ однимъ Новосадскимъ купцомъ, Сербомъ, о мадьяризаціи Сербовъ въ Венгріи.

Здѣсь надо васъ познакомить съ событіями послѣдняго времени. На сеймѣ 1835 года Мадьяры, въ противность древнему постановленію, вмѣсто Латинскаго языка, бывшаго посредствующимъ между разными племенами Венгріи, опредѣлили ввести Мадьярскій, не только для общаго управленія, но и для внутренняго распорядка Славянскихъ комитатовъ. Такая насильственная мѣра, еслибы она относилась только къ дѣлопроизводству, касающемуся общаго состава королевства, не смотря на то, что лишена всякаго основанія права, могла бы быть оправдана желаніемъ воспользоваться преимуществами живаго слова, способнаго придать болѣе единства и силы народному духу, и сдѣлаться дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для народнаго образованія. Но этого казалось не достаточно; заклятые мадьяроманы вообразили, что нѣтъ спасенія Венгріи до тѣхъ поръ, пока всѣ жители въ ней, какому бы они племени ни принадлежали, не позабудутъ своихъ природныхъ языковъ, и не заговорятъ по Мадьярски (*). Къ насилію присоединили без-

(*) Извѣстно, что Мадьяры составляютъ менѣе четвертой части всего населенія Венгріи, а Славяне бо́льшую половину.

разсудство: постановили, чтобы всѣ дѣла уголовныя и гражданскія производились по-Мадьярски; отъ чего въ Славянскихъ комитатахъ подсудимый или истецъ обыкновенно не понимаютъ ни слова изъ того, какъ рѣшается ихъ личная участь или участь ихъ достоянія; они безотвѣтны передъ судомъ и адвокатами. Въ чисто Славянскихъ городахъ (какъ на пр. Новый Садъ) магистратъ долженъ судить и рядить по-Мадьярски, тамъ, гдѣ очень немногимъ извѣстно это нарѣчіе. Преподаваніе въ школахъ низшихъ и высшихъ измѣнено такимъ же образомъ въ пользу Мадьярскаго языка. Этого мало: стараются втѣснить его въ религію; священники должны на немъ вести метрическія книги и говорить проповѣди; а въ Лютеранскомъ исповѣданіи отправлять по-Мадьярски все служеніе. Тѣ, которые, видя, что вслѣдствіе этого пустѣютъ церкви и народъ охладѣваетъ къ обязанностямъ вѣры, отступаютъ отъ этого правила, изгоняются изъ своихъ приходовъ и замѣняются другими. Приносители жалобъ высшему правительству подвергаются тѣлесному наказанію и заключенію въ тюрьму (*).

(*) Это случилось въ Лаіомъ-Комарамѣ, селеніи, населенномъ Славянами Лютеранскаго исповѣданія. Въ Междумурьѣ (пространство между Муромъ и Дравою), населенномъ сплошь Хорватами, дѣти учатся по-Мадьярски; опредѣлено также отдѣлить его отъ Загребской Епископіи, потому что молодые духовные, назначаемые изъ Загреба, не хотятъ омадьяривать прихожанъ. Одинъ Загребскій каноникъ (въ 1842) пожертвовалъ даже около 11 тысячь руб. ассигнаціями на учрежденіе Мадьярской школы въ Междумурьѣ.

Такъ поступаетъ народъ, кричащій о своемъ либерализмѣ, о своихъ человѣческихъ понятіяхъ, не имѣя даже возможности оправдать несправедливость средствъ пользою цѣли. Необходимое слѣдствіе всего этого — нравственный упадокъ и огрубѣніе. Дѣти не выносятъ ничего изъ школъ, гдѣ большая часть времени употреблена на изученіе непонятнаго языка, который забывается по возвращеніи домой; взрослые лишены поученій и руководства религіи. Славяне необходимо должны отставать въ образованіи; они оттѣсняются отъ участія въ общественной жизни; должности и правительственныя мѣста переходятъ въ руки Мадьяровъ. — Трудно себѣ представить, какъ пагубно для народа подобное нравственное утѣсненіе; разрушительное его вліяніе простирается даже на физическую сторону. Я бы не повѣрилъ, если-бы нашъ собесѣдникъ изъ Новаго-Сада не разсказывалъ, какъ очевидецъ, что въ поселеніяхъ смѣшанныхъ Мадьяровъ и Сербовъ семейства послѣднихъ замѣтно уменьшаются въ числѣ; одни выселяются по причинѣ утѣсненій; другіе исчезаютъ, потому что раждается очень мало дѣтей мужескаго пола, а дѣвочки выходятъ замужъ за Мадьяровъ. Въ доказательство онъ наименовалъ нѣсколько такихъ мѣстъ, названіе которыхъ я къ сожалѣнію не помню. Въ Новомъ Садѣ за 10 лѣтъ не было слышно ни одного Мадьярскаго слова; языкомъ посредствующимъ для Мадьяра и Нѣмца служилъ Сербскій: теперь его замѣнилъ Мадьярскій, начинающій возникать съ силою.

Мы предались печальнымъ размышленіямъ, которыя были прерваны извѣстіемъ, что пароходъ

достигъ мѣста, называемаго Швехатъ, гдѣ стоитъ каменный столбъ въ воспоминаніе свиданія Императора Леопольда съ Собіесскимъ въ 1683 г. Этотъ памятникъ безславной неблагодарности, не оправдываемой даже политикою, возобновилъ во мнѣ воспоминаніе о томъ времени, когда Оттоманскій полумѣсяцъ горделиво блисталъ надъ Вѣною, на тѣхъ самыхъ берегахъ, мимо которыхъ мы спокойно неслися на пароходѣ. Кто знаетъ, если бы судьбѣ не угодно было послать Собіесскаго избавителемъ, можетъ быть, до сихъ поръ разгуливали бы чалмы на этихъ берегахъ и Паши правили бы свое кровавое право надъ бѣднымъ раіею, — какъ еще недавно было нѣсколько ниже на Дунаѣ, въ Бѣлградѣ, и какъ еще теперь продолжается въ Видинѣ. — Какую-же награду получилъ избавитель за свой подвигъ; чѣмъ заплатили ему спасенные, тѣ, которые должны бы вдвойнѣ благодарить его — за себя и за цѣлое Хрістіянство, избавленное отъ вѣроятной гибели? Между тѣмъ какъ извѣстіе о его побѣдѣ праздновалось во всѣхъ государствахъ западной Европы, торжествовали во храмахъ, на площадяхъ, во дворцахъ, при восторженныхъ восклицаніяхъ народа; между тѣмъ какъ Папа дѣлалъ великолѣпныя иллюминаціи въ Римѣ, и въ торжественныхъ ходахъ носили по Италіи знамя невѣрныхъ, присланное Собіесскимъ, — Императоръ Леопольдъ старался всячески избѣгнуть встрѣчи съ нимъ; когда же возникло опасеніе, чтобы обиженный Король не оставилъ союзниковъ и не удалился въ Польшу, онъ созвалъ совѣтъ для опредѣленія правилъ этикета при предстоящемъ свиданіи. Совѣтники не могли согласиться

въ мнѣніяхъ, и Собіесскій, потерявъ терпѣніе, снялъ свои палатки для преслѣдованія непріятеля въ Венгріи. Императору оставалось отправиться въ его станъ — новыя затрудненія. — Вотъ какъ описываетъ это свиданіе самъ Собіесскій въ письмѣ къ женѣ, Маріи Казимірѣ: «Я имѣлъ свиданіе съ Императоромъ третьяго дня, т. е. 15-го Сентября. Онъ прибылъ въ Вѣну, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего выѣзда. Я послалъ Вице-Канцлера поздравить его и вручить ему одно знамя Визиря, на память побѣды... Въ полночь объявляютъ, что пріѣхалъ Шафготисъ съ порученіемъ отъ Императора; онъ увѣряетъ, что Его Величество не желалъ бы сноситься со мною чрезъ Вице-Канцлера, что онъ хочетъ видѣть меня самого и не приметъ посланнаго; а потому, чтобы я написалъ Вице-Канцлеру не требовать аудіенціи. Я сажусь писать, какъ часа черезъ два опять является Шафготисъ и говоритъ: «вышло недоразумѣніе; вниною тому Галецкій.» Видя, что меня хотятъ дразнить, я объявилъ, что если я намѣренъ говорить съ Государями, то дѣлаю это лично, а мой Канцлеръ сносится обыкновенно съ придворными чинами и другими сановниками. «Слѣдовательно, говорю, вы заботитесь изъ пустаго; скажите лучше откровенно, чего вы хотите; вѣрно все затрудненіе состоитъ въ важномъ вопросѣ, кто будетъ имѣть правую руку; но это можно уладить: стоитъ согласиться.» Шафготисъ отвѣчалъ, что дѣйствительно это затрудняетъ Императора, что онъ не можетъ уступить первенства, особенно теперь, будучи окруженъ Курфюрстами и представляя, такъ сказать, главу Имперіи. Я предложилъ слѣдующій способъ:

« Когда Императоръ приблизится къ моему стану, я выѣду къ нему на встрѣчу, мы поклонимся, сидя на лошади, и остановимся другъ противъ друга, я на сторонѣ моего войска, онъ на сторонѣ своего и столицы; я буду въ сопровожденіи моего сына, гетмановъ и сенаторовъ; онъ — своихъ курфирстовъ.» — Шафготпсъ принялъ предложеніе; такъ все и происходило. Императора сопровождалъ только курфирстъ Баварскій; Саксонскій уже уѣхалъ. Его свиту составляли человѣкъ пятьдесятъ придворныхъ, чиновниковъ и министровъ. Впереди ѣхали трубачи; позади слѣдовали Лейбъ-гвардейцы и десятокъ ливрейныхъ лакеевъ. Не стану описывать наружности Императора; она вамъ извѣстна. Подъ нимъ была гнѣдая лошадь испанской породы; на немъ надѣто богато вышитое полукафтанье; на головѣ шляпа французскаго фасона, съ аграфомъ и перьями красными и бѣлыми; поясъ и шпага, осыпанная сапфирами и алмазами. Мы поклонились другъ другу довольно вѣжливо; я сказалъ ему привѣтствіе по латыни въ нѣсколькихъ словахъ; онъ отвѣчалъ мнѣ въ изысканныхъ выраженіяхъ на томъ же языкѣ. Мы стояли другъ противъ друга; я представилъ ему сына, который подъѣхалъ и поклонился: Императоръ даже не дотронулся рукой до шляпы; это меня поразило. Онъ также точно обошелся съ сенаторами и гетманами, даже съ родственникомъ своимъ Княземъ Палатиномъ Бельцкимъ. Для избѣжанія огласки и толкованій, я сказалъ еще нѣсколько словъ Императору и поворотилъ лошадь. Мы взаимно поклонились; я поѣхалъ къ лагерю. Палатинъ Русскій, показывалъ наше войско Императору, по его же-

ланію; но солдаты были очень обижены и громко жаловались, что Императоръ за столько трудовъ и лишеній не удостоилъ поблагодарить ихъ, даже не поднесъ руки къ шляпѣ. Какъ скоро мы разстались — все измѣнилось; насъ будто не узнаютъ. Шафготисъ и Легатъ насъ покинули.... намъ не даютъ ни фуража, ни продовольствія. Святой Отецъ (Папа) прислалъ на это деньги аббату Буонвизи; но аббатъ остался въ Линцѣ.»

Въ этомъ описаніи нѣтъ ничего преувеличеннаго. Свиданіе полу-нѣмое не продолжалось и четверти часа. При представленіи сына, Собіесскій, желая прикрыть непостижимое молчаніе Леопольда, сказалъ, что взялъ его съ собою, не смотря на юность, для того, чтобы онъ научился, какъ должно поступать съ союзниками. Въ другомъ письмѣ, Собіесскій описываетъ слѣдствія дружественнаго свиданія: «наши больные лежатъ на навозѣ,» говоритъ онъ, «для раненыхъ, которыхъ очень много, не даютъ даже лодокъ, чтобы спустить ихъ по рѣкѣ къ Пресбургу, гдѣ мнѣ легче было бы содержать ихъ на свой счетъ... Наши обозы подвергаются грабежу; силою отнимаютъ у насъ лошадей, которыя отстали за горами, и не могутъ скоро соединиться. Иные лейбъ гвардейцы, поставленные мною при Турецкихъ орудіяхъ, пока ихъ раздѣлятъ по ровну... лишились своихъ плащей, одежды и лошадей... По истинѣ можно сказать, что мы никогда не были въ столь дурномъ положеніи. Если бы не овесъ, взятый въ Турецкомъ станѣ, то мы бы уже потеряли всѣхъ своихъ лошадей.... Много нашихъ ходило въ городъ (Вѣну) доставать пищи, потому что къ окрестностяхъ умираютъ съ

голоду; комендантъ запретилъ ихъ пускать, и велѣлъ стрѣлять по нихъ: будто бы за то, что одинъ Полякъ выстрѣлилъ въ Нѣмцевъ, которые хотѣли отнять у него лошадь..... Послѣ такого сраженія, гдѣ мы лишились столькихъ людей и изъ знаменитѣйшихъ домовъ, мы потеряемъ еще нашихъ лошадей и пожитки... Что будетъ прибыли отъ нашей побѣды, если мы не воспользуемся ею и не вступимъ въ непріятельскую землю, и если дадутъ намъ погибнуть отъ нужды? Теперь мы точно чумные, которыхъ всѣ обходятъ; а передъ сраженіемъ мои палатки, слава Богу довольно просторныя, не могли вмѣстить всѣхъ посѣтителей.»—Къ этому описанію прибавлять нечего; по истинѣ, нельзя было придумать лучшаго укора, какъ Швехатскій памятникъ, предназначенный увѣковѣчить благородный, геройскій подвигъ съ одной стороны, и постыдно-нелѣпую, суетную неблагодарность съ другой.

О слѣдующихъ мѣстахъ на Дунаѣ къ Пресбургу, я упомяну вкратцѣ. *Петронель* (на правомъ берегу) лежитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, на мѣстѣ древняго Римскаго *Carnuntum*, разореннаго Аттилою. Думаютъ, что готическая часовня, примыкающая къ церкви, построена Карломъ Великимъ; другіе приписываютъ ее храмовникамъ. Версты полторы на югъ отъ Петронеля видны развалины тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ Августомъ въ честь Тиверія, на память завоеванія Панноніи; и теперь они носятъ названіе *языческихъ воротъ*. Отсюда начинается валъ, идущій до Неузидлерзе, принадлежащій также Римлянамъ. — *Нѣмецкій*

Альтенбургъ (на правомъ берегу) небольшое мѣстечко съ 900 жителей. Здѣшніе теплые ключи Римляне называли *Aquæ Pannonicæ*. Не подалеку, на возвышеніи, стоитъ красивая готическая церковь Св. Іоанна; а въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда видѣнъ холмъ, называемый Hûtelberg (шляпная гора): преданіе говоритъ, что онъ насыпанъ окрестными жителями въ память освобожденія отъ Турокъ, и что многіе носили для него землю въ шляпахъ. — Городокъ *Гайнбургъ* замѣчателенъ большою казенною фабрикою, на которой ежегодно выдѣлываются многія тысячи центнеровъ самого скверная табаку, извѣстнаго всѣмъ, имѣвшимъ удовольствіе курить въ Австріи. — Напротивъ Гайнбурга лежитъ на живописномъ утесѣ старый замокъ *Дѣвинъ*, у подножія котораго впадаетъ Маркъ въ Дунай.

Наконецъ, черезъ три часа послѣ нашего отплытія показалась на лѣвомъ берегу гора, возвышающаяся надъ Пожуномъ (Пресбургомъ), увѣнчанная обгорѣвшимъ, большимъ зданіемъ, въ которомъ помѣщались прежде казармы. Солдаты, недовольные удаленіемъ отъ города, или крутизною мѣста, куда должны были взбираться, нѣсколько разъ поджигали строеніе и достигли того, что оно было брошено. Пристань и въѣздъ въ городъ съ этой стороны не представляетъ ничего живописнаго; улицы расположены по отлогому берегу и на покатости горы; онѣ показались мнѣ довольно не опрятными, можетъ быть, потому, что я пріѣхалъ изъ Вѣны. Мѣлочныя лавочки, магазины съ неуклюжими вывѣсками, песокъ, вздымаемый вѣтромъ и

засыпающій глаза пѣшеходцевъ, все это напомнило мнѣ нѣсколько наши губернскіе города. Но самое замѣчательное явленіе были надписи — *hony* — отечественное, выставленныя надъ товарами въ бо́льшей части лавокъ. Въ послѣднее время Венгерцы какъ будто замѣтили, что, не смотря на ихъ вопли, до охриплости, о безпредѣльной любви къ отечеству, о богатствѣ его средствъ, это отечество очень тупо подвигается во всѣхъ отрасляхъ нравственнаго и вещественнаго благосостоянія и образованія. Имъ пришлось повторить слова нашихъ праотцевъ — *земля наша богата и обильна, а порядка въ ней нѣтъ*. Но, какъ безпорядокъ происходилъ именно отъ этѣхъ вопіющихъ головъ, а признаться въ этомъ мѣшало имъ самолюбіе, то они сказали сами себѣ: земля наша богата и обильна всякими естественными произведеніями, отчего же мы производимъ ихъ такъ мало относительно пространства и средствъ, отчего у насъ промышленность въ такомъ младенчествѣ, отчего у насъ нѣтъ своихъ фабрикъ, такъ что суконныя и шелковыя издѣлія, изъ нашей же шерсти и шелку, мы получаемъ отъ Австрійцевъ, свекловичный сахаръ отъ нихъ же, между тѣмъ какъ у насъ превосходныя поля для свекловицы, и такъ далѣе — всѣ издѣлія искусственнаго производства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ найденъ былъ очень легко: потому дескать, что мы покупаемъ все чужеземное; не станемъ покупать, дадимъ обѣтъ употреблять только все отечественное, тогда по неволѣ перестанутъ къ намъ возить иностранные товары и явятся промышленники, которые заведутъ у насъ фабрики. Не вступая въ разбирательство, въ какой степени

справедливо подобное соображеніе, можно только замѣтить, что здѣсь упущено изъ виду очень важное обстоятельство, то, что Венгрія не составляетъ самостоятельнаго государства, что она часть Австріи, которая держится самой строгой охранительной системы, слѣдовательно сбытъ Венгерскихъ сырыхъ произведеній на Австрійскія фабрики вполнѣ обезпеченъ и долженъ возрастать по мѣрѣ того, какъ послѣднія приходятъ въ болѣе цвѣтущее состояніе, что̀ дѣйствительно обнаруживается съ нѣкотораго времени. Не то, на примѣръ, у насъ, гдѣ при совершенномъ недостаткѣ фабричнаго производства, всѣ первыя произведенія должны бы искать себѣ сбыта за моремъ, слѣдственно богатство цѣлой страны, процвѣтаніе хлѣбопашества, скотоводства и проч. зависѣло бы отъ торговаго тарифа иностранныхъ державъ, измѣняемаго часто отъ политическихъ причинъ, или открытія болѣе дешеваго мѣста ихъ добыванія, или отъ пріобрѣтенія какой-нибудь колоніи. Далѣе: составляя часть государства, имѣющаго много потребителей, Венгрія, при правильнѣйшемъ внутреннемъ устройствѣ, вмѣстѣ съ улучшеніемъ путей сообщенія, по естественному ходу вещей привлекла бы въ непродолжительномъ времени фабричныхъ промышленниковъ дешевизною первоначальныхъ произведеній и выгодою переработывать ихъ на мѣстѣ, не подвергаясь издержкамъ перевоза. Слѣдовательно, для возвышенія промышленности и торговли Венгерцамъ надо бы заботиться во-первыхъ объ улучшеніи общаго управленія, исполненнаго произвола, объ охраненіи собственности и личности лучшими гражданскими и уголовными законами; потомъ объ

устройствѣ шоссе, желѣзныхъ дорогъ (*), пароходныхъ сообщеній. Вмѣсто всего этого, Венгерцы, въ похвальномъ впрочемъ увлеченіи, придумали составить общество, для поощренія отечественной промышленности, члены котораго обязались не употреблять никакихъ произведеній чужестранныхъ фабрикъ, включая въ это число Австрійскія. Тысячи пристали къ союзу; купцы во многихъ мѣстахъ не иначе могли продавать товаръ, какъ выставивъ на немъ надпись — hony — отечественное; двѣ или три Австрійскія фабрики, имѣвшія свой сбытъ въ Венгріи, лопнули; столько же, съ пожертвованіями, было основано въ ея предѣлахъ. Но подобныя средства, лишенныя разумности, не могутъ имѣть прочнаго успѣха. Торговцы, какъ извѣстно, не отличаются патріотическими восторгами, а предпочитаютъ существенное. Стали выставлять надписи и на томъ, что̀ произведено за чертою благодатной Венгріи; половина самого союза почувствовала, что надо возвратиться къ патріархальной жизни дѣтей природы, чтобы остаться вѣрнымъ своему обѣту, и мало по малу злоумышленіе, измѣна и коварство противниковъ, разстроили вдохновенный союзъ, надѣлавшій сначала много тревоги въ Вѣнѣ. Бѣдное *hony* сдѣлалось общимъ предметомъ насмѣшекъ. Разсказывали, что Венгерцы не иначе соглашаются покупать говядину,

(*) Извѣстно, какъ медленно подвигаются подобныя предпріятія въ Венгріи. Шоссе до сихъ поръ тамъ рѣдкость; желѣзная дорога, предполагаемая изъ Вѣны въ Пестъ, строится уже, кажется, болѣе 10 лѣтъ и вѣроятно пройдетъ еще столько же до окончанія.

какъ съ этимъ клеймомъ; что мужскіе галстухи изъ французской ткани продаются за отечественныя произведенія, потому что они сшиты въ Венгріи, и т. п. — Сколько бы однакожъ предпріятіе по несообразности своихъ надеждъ съ слѣдствіями ни заслуживало насмѣшки, надо сознаться, что оно обнаруживаетъ сильное патріотическое чувство въ народѣ, способномъ увлечься подобною мыслію, и, съ этой стороны взятое, достойно всякаго уваженія и подражанія. Намъ, наоборотъ, надо часто свое называть иностраннымъ, чтобы оно было охотнѣе куплено.

Сознаюсь вамъ: обо всемъ этомъ я очень мало думалъ, идучи по улицамъ Пресбурга; я думалъ о предстоявшемъ мнѣ свиданіи со Штуромъ, и нетерпѣливо отыскивалъ Nonnenbahngasse — мѣсто его жилища. Штуръ, представитель народности Словаковъ, племени многочисленнаго, населяющаго сѣверо-западную Венгрію, о которомъ я буду имѣть случай говорить въ послѣдствіи. Съ молодыхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя служенію народной Славянской идеи. Ни пожертвованія, ни преграды его не останавливали. Постояннымъ трудомъ обогативъ себя свѣдѣніями въ языкознаніи и исторіи Славянскихъ племенъ, онъ сдѣлался преподавателемъ этихъ предметовъ, какъ помощникъ престарѣлаго Палъковича, профессора въ Пожунской (Пресбургской) Академіи. Славянское юношество стало ревностно посѣщать чтенія даровитаго преподавателя, проникнутыя сознаніемъ народности и согрѣтыя любовію; число слушателей значительно возрастало, не смотря на то, что населеніе Пожуна не есть собственно Славянское, и молодые люди приходятъ

туда учиться изъ другихъ частей Венгріи. Но скоро безпокойство овладѣло Мадьярами, при видѣ этихъ успѣховъ; начались притѣсненія, кончившіяся тѣмъ, что въ противность постановленіямъ и правамъ Академіи, Штуръ былъ удаленъ отъ преподаванія, и Славянскія чтенія прекратились. Палькovичь не могъ продолжать ихъ по преклонности лѣтъ; студенты не считали никого достойнымъ замѣнить Штура и отказались принять преподавателя, котораго имъ навязывали; всѣ почти оставили Академію, жертвуя своею будущностію любви народной. Штуръ, обладая способами создать себѣ независимое существованіе, не устрашился лишеній; его ожидавшихъ, и остался вѣренъ своему призванію. Въ тиши уединенія онъ еще болѣе предался изученію всего, относящагося до своего племени, и сдѣлался средоточіемъ надеждъ, руководителемъ нравственнаго пробужденія Словаковъ.

Зная все это, я съ уваженіемъ переступилъ черезъ порогъ его жилища, почти съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на прекрасное чело мужа, жертвовавшаго всѣми матеріяльными выгодами жизни для блага, для нравственнаго возвышенія своего племени. Мы провели цѣлый день въ откровенной, дружеской бесѣдѣ, оставившей мнѣ драгоцѣнныя воспоминанія. Много свѣдѣній сообщилъ мнѣ Штуръ о Словакахъ; я перескажу ихъ вамъ послѣ, при описаніи моей поѣздки по ихъ землямъ. Отъ частной жизни Словаковъ разговоръ перешелъ къ Славянамъ вообще. Мнѣ показались замѣчательными слова Штура о значеніи Славянъ въ исторіи человѣчества. Вотъ его мысли: каждому народу предназначено было выразить какую нибудь идею въ

своей жизни, жить этою идеею, составлявшею выводъ его существованія. У Грековъ это было прекрасное въ формахъ и въ духѣ; все существованіе народа, во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ, казалось, направлено было къ этой цѣли, и служило подножіемъ для цвѣта красоты. Римляне, какъ всякій народъ, выходящій позднѣе на поприще, по закону преемства, стремились усвоить себѣ характеръ Греческій, но вмѣстѣ съ тѣмъ развили характеръ силы, и, сходя съ позорища, завѣщали новому міру античное понятіе о правѣ, сдѣлавшееся въ послѣдствіи юридическою догмою. Явились Германцы. Послѣ многихъ вѣковъ разрушенія и варварства они поддались наконецъ обще-человѣческому образованію, и въ своей жизни общественной и умственной выразили стремленіе къ системѣ, логику ума, силящагося подвести все подъ извѣстныя правила и найти во всѣхъ явленіяхъ основные законы. Духомъ системы они создали науку, которая, безъ сомнѣнія, есть лучшее достояніе Германской жизни. Но прекраснѣйшая сторона человѣка осталась еще не тронутою въ этомъ поступательномъ движеніи человѣчества; то, что онъ имѣетъ наиболѣе божественнаго, не получило міроваго развитія. Начало благое, начало добра, обнимающее весь міръ своею благодатною теплотою, предназначено развить Славянамъ. Настоящій характеръ Славянина исполненъ чувства, и, можно сказать, это отличаетъ его отъ другихъ народовъ: ни въ комъ не встрѣтите вы столько нѣжныхъ движеній, часто неумѣренныхъ, переходящихъ черту холоднаго разума. Вся народная поэзія Славянъ, исполненная сердечныхъ изліяній, можетъ слу-

жить тому доказательствомъ. Очищенное, это чувство возвышается до Хрістіянской любви, до высокой любви къ ближнему, преимущественно бѣдному, страждущему, угнетенному. Славяне призваны осуществить, сколько доступно человѣку, божественныя истины Хрістіянскаго ученія, и положить ихъ въ основаніе своему общественному устройству. Съ помощію ихъ человѣчество сдѣлаетъ великій шагъ; оно откажется отъ эгоистическаго начала, доселѣ имъ руководствовавшаго, которое проникаетъ западное общество, ведетъ къ столькимъ вопіющимъ, мнимо-законнымъ несправедливостямъ и есть настоящая причина неизлечимыхъ его язвъ. Но для созданія самостоятельной жизни необходимо изученіе проявленій Славянскаго духа, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ его развѣтвленіяхъ; познаніе прошедшаго, изъ котораго мы должны черпать уроки и искать въ немъ защиты отъ искаженій пагубныхъ, втѣсняющихся въ настоящую жизнь.

Далѣе мы говорили о государственномъ устройствѣ Венгріи. Безъ всякаго сомнѣнія, происхожденіе его принадлежитъ Славянамъ. Собранія въ комитатахъ, потомъ общій сеймъ подъ предсѣдательствомъ короля, чисто Славянскія учрежденія. Въ послѣдствіи введены нѣкоторыя произвольныя измѣненія, но основа та же. Замѣчательно сходство государственнаго учрежденія нашихъ древнихъ княжествъ съ другими Словянскими: вездѣ это была семья въ большомъ размѣрѣ; вездѣ отецъ дѣлилъ наслѣдство между сыновьями, независимыми другъ отъ друга, обязанными только въ необыкновенныхъ случаяхъ повиновеніемъ старшему.

Излишняя независимость и самостоятельность частей, даже неограниченныя права свободы отдѣльныхъ лицъ, влекли вездѣ за собою внутренее неустройство и были причиною гибели Славянскихъ обществъ. Не послѣднимъ предметомъ нашего разговора было разсужденіе объ отечественной словесности. У Штура я нашелъ порядочный запасъ Русскихъ книгъ, не смотря на трудность доставать ихъ, на что мнѣ многіе жаловались прежде и послѣ. Между прочимъ много нумеровъ Москвитянина, котораго здѣсь очень цѣнятъ, обращая особенное вниманіе на критическія статьи Шевырева. Штуръ свободно читаетъ по Русски и пишетъ довольно правильно; но это совсѣмъ не рѣдкость между здѣшними Славянами; молодые люди, прежніе его ученики, теперь часто сотрудники, всѣ болѣе или менѣе знакомы съ замѣчательнѣйшими произведеніями нашей Словесности, нѣкоторые въ такой степени, что восхищаются красотами Пушкина и знаютъ изъ него многое наизусть. Я не могъ однакожъ порадовать своихъ племенныхъ братьевъ пріятными вѣстями о современной литературѣ, хотя и зналъ, сколь многаго они отъ нея ожидаютъ, и хотя моя національная гордость очень страдала при этомъ. Поставленные на точку, откуда легче обнимать истинный смыслъ умственныхъ движеній, вразумленные опытомъ и сознаніемъ, они одного желаютъ и требуютъ отъ насъ: развитія въ духѣ народности, образованія, вытекающаго изъ элементовъ самостоятельныхъ, сохраненія въ возможной чистотѣ и, если можно, приращенія къ наслѣдію, доставшемуся отъ предковъ Славянъ. Они не могутъ по справедливости

цѣнить въ нашей литературѣ того, что не болѣе какъ переложеніе чужеземныхъ идей, направленій, самихъ образовъ и оборотовъ рѣчи, на Русскій языкъ. Естественно, что имъ, стоящимъ близко къ образцамъ, подражаніе кажется блѣдно и недостойно. А надо согласиться, что наша современная литература чужда самостоятельной жизни: въ этомъ настоящая причина ея упадка и равнодушія общества. То, что у насъ печатается, не затрогиваетъ нисколько жизненныхъ интересовъ; не говоритъ ни чувству, ни даже логическому уму, потому что это есть безсвязный наборъ предметовъ, схваченныхъ неизвѣстно почему, безъ разумнаго конца и начала. Если бы даже подобная литература могла процвѣтать, если бы подобныя книги выходили и расходились тысячами, то это было бы прискорбнѣе самого равнодушія, это бы только развило предпріимчивость литераторовъ ремесленниковъ, уничтожило бы всякое чувство и здоровое понятіе общества, и служило бы доказательствомъ его нравственнаго упадка. Всего прискорбнѣе смотрѣть на наши журналы, которые вмѣсто того, чтобъ направлять и просвѣщать, какъ-бы съ умысломъ стараются, совращать и уничтожать. Одни изъ нихъ объявили во всеуслышаніе, что не руководствуются никакою мыслію, другіе толкуя безпрестанно объ идеяхъ, принципѣ, тенденціи, навязываютъ читателямъ такую заморскую разнобоярщину, въ которой лучше не искать никакого принципа, иначе можно подумать, что это дѣлается умышленно. Если бы, чего Боже сохрани, кто нибудь вмѣсто того, чтобы засыпать надъ косноязычнымъ полу-нѣмецкимъ разглагольствіемъ, вздумалъ вникнуть въ его смыслъ,

то нашелъ бы одно только, что такъ можетъ писать человѣкъ, желающій подточить и уничтожить всѣ лучшія проявленія народнаго духа, начиная съ языка, самого драгоцѣннаго, вѣрнаго зеркала его внутреннихъ движеній. Штуръ простосердечно удивлялся, какимъ образомъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, не находящемся подъ гнетомъ тѣхъ Нѣмцевъ, которые для нихъ такъ страшны, могла завестись эта заморская паутина, и какъ она находитъ темные углы для своей основы, и какъ мы не порвемъ ее однимъ дуновеніемъ? На это я отвѣчалъ, что онъ смѣшиваетъ матеріяльную силу съ умственною (другаго слова я не могъ прибрать, потому что отказать намъ въ нравственной силѣ никакъ нельзя), что и т. п.

Но оставимъ эти неутѣшительныя явленія: время распорядится съ ними лучше насъ. Передъ вечеромъ Штуръ повелъ меня за городъ на возвышеніе, покрытое виноградникомъ; время было дождливое; стоя подъ зонтиками, мы въ раздумьи любовались окрестностями, и вдругъ раздалась заунывная, исполненная тоски пѣсня:

Нитра, мила Нитра, ты высока Нитра! (*)
Кде-же су тѣ часы, въ ктерыхъ ты си квитла?
Нитра, мила Нитра, ты Словенска мати,
Чо позрѣмъ на теба, мусимъ заплакати.

(*) Нитра городъ въ Сѣверной Венгріи, и теперь существующій, хотя не въ прежнемъ видѣ, былъ нѣкогда мѣстопребываніемъ знаменитаго Святополка, короля Моравскаго.

Ты си бола нѣкди шетнихъ краинъ глава,
Въ которыхъ течѣ Дунай, Висла и Морава;
Ты си бола бидло краля Сватоплука,
Кед' ту пановала моцна его рука;
Ты си бола свате место Методово,
Кед' ту нашимъ отцомъ казавъ Божье слово
Вчилекъ твоя слава въ праху скрыта лежи
Такъ се часи менья, такъ тенто светъ бежи.

Я еще не слышалъ напѣва, выражающаго такую безотрадную грусть. Его повторяли потомки того самого племени, дѣти той страны, утратившей нѣкогда блистательную независимость. Печальное небо, наше собственное расположеніе, придавали ему столько истины, что онъ звучалъ, какъ дѣйствительный плачъ о блаженномъ времени, давно, невозвратно исчезнувшемъ. Чтобы утѣшить себя въ грустныхъ воспоминаніяхъ о прошедшемъ, мы обратились къ зачаткамъ надеждъ на будущее и пошли въ такъ называемую читавницу, т. е. комнату для чтенія, гдѣ собраны журналы и книги, разумѣется, Славянскія. По истинѣ нельзя отчаяваться въ будущемъ, смотря на эту укромную келью, гдѣ горсть благородныхъ юношей приноситъ въ жертву послѣднюю лепту, для того, чтобы дать пищу любви своей къ братьямъ, говорящимъ сходными нарѣчіями, и этимъ сочувствіемъ укрѣпить себя на предстоящее поприще. Я, пришедшій изъ края самого отдаленнаго, не имѣющаго съ ними никакихъ связей, безъ всякихъ другихъ правъ, кромѣ имени Русскаго, я съ первой минуты встрѣчи былъ принятъ, какъ давно знакомый, какъ родной, и въ собственной семьѣ не могъ бы чувствовать себя пріютнѣе, нежели въ этомъ обществѣ одно-

дневныхъ знакомыхъ, которые знали, что черезъ нѣсколько часовъ я долженъ съ ними разстаться, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не увидѣться. Что за необыкновенное, невиданное доселѣ явленіе: люди, совершенно чужіе другъ другу, перестаютъ быть такими, какъ скоро услышатъ звуки сходной рѣчи; тотчасъ вступаютъ въ связь, роднятся нравственно, и нѣтъ услуги, которой не сдѣлали бы одинъ другому потому только, что они Славяне. Врядъ-ли можно найти что нибудь подобное, обшаривъ всѣ углы земнаго шара! Не есть ли это высокое торжество самосознанія и зачатокъ той братской, Христіянской любви, которая должна составить новую эпоху жизни человѣчества!

Мнѣ остается сказать вамъ что нибудь о городѣ Вратиславѣ, или Вратиславургѣ, Бреславургѣ, откуда произошло настоящее Нѣмецкое названіе Пресбургъ. Belius въ Notitia Hungariæ (*) выводитъ его отъ имени Славянскаго вождя Брацлава, шедшаго на помощь Нѣмецкому Арнульфу, и вѣроятно послѣ переправы черезъ Дунай расположившаго здѣсь свой станъ. Какъ-бы то ни было, Пресбургъ (по Сербски Пожунъ) не носитъ теперь никакихъ особенныхъ признаковъ древности, имѣетъ не болѣе 35 т. жителей, и оживляется только во время Венгерскихъ сеймовъ, назначаемыхъ королемъ. Тогда съѣзжаются сюда представители всѣхъ 52 Венгерскихъ Комитатовъ, по два съ каждаго, также Магнаты, Бароны и высшее духовенство. Засѣданія происходятъ въ особомъ строеніи, довольно незавидной наружности, гдѣ помѣщаются

(*) Т. 1, стр. 100.

въ отдѣльныхъ залахъ такъ называемый столъ Магнатовъ и столъ представителей. Всѣ являются въ національномъ нарядѣ, препоясанные саблями, и говорятъ рѣчи съ своихъ мѣстъ, между тѣмъ какъ присутствующіе на галереяхъ воплями выражаютъ свое удовольствіе или неудовольствіе. Здѣсь-то произошло памятное для Венгерцевъ событіе 1741 года, когда Марія Терезія, тѣснимая Фридрихомъ, видя крайнее истощеніе государственныхъ способовъ, явилась въ собраніе въ траурной Венгерской одеждѣ, увѣнчанная короною Св. Стефана, съ малолѣтнымъ сыномъ, въ послѣдствіи Іосифомъ II, на рукахъ, и произнесла Латинскую рѣчь, изображая бѣдственное положеніе отечества, и требуя отъ дворянства посильныхъ пожертвованій для его спасенія. Увлеченные Магнаты воскликнули единодушно: moriamur pro rege nostro Maria Theresia! Умремъ за нашего короля Марію Терезію! Молодая, прекрасная королева залилась слезами, видя такую преданность, и собраніе, не выходя изъ залы, опредѣлило всѣ возможныя пособія людьми и деньгами.

Пресбургъ выказывается всего великолѣпнѣе во время вѣнчанія Венгерскихъ королей. Тогда торжественно, подъ охраненіемъ почетныхъ стражей, приносится сюда изъ Буды вѣнецъ Св. Стефана и выставляется на показъ народу въ теченіи трехъ дней. Всѣ бароны, магнаты, богатѣйшее дворянство, присутствуютъ при торжествахъ, сопровождающихъ вѣнчаніе, въ своихъ великолѣпныхъ одеждахъ, во время шествій верхомъ на отличныхъ коняхъ. Самое блистательное зрѣлище представляетъ эта свита, когда въ послѣдній день но-

вый король идетъ на холмъ, называемый Кралева гора; все дворянство и гвардія, на коняхъ, становятся вокругъ; король, тоже верхомъ, скачетъ на возвышеніе, и мечемъ Св. Стефана машетъ на четыре страны свѣта, въ знакъ того, что будетъ отовсюду храбро защищать отечество.

ПИСЬМО V.

1-го Мая, въ 8 часовъ утра, я былъ уже снова на пароходѣ, уносимый парами и теченіемъ внизъ по Дунаю къ Пешту. Берега здѣсь не представляютъ ничего живописнаго, плоски и однообразны. Мы скоро минули Коморнъ, городъ съ сильнымъ укрѣпленіемъ, основанный Матѳеемъ Корвиномъ при впаденіи Вага въ Дунай, имѣющій теперь до 17 тыс. жит. Жители гордятся тѣмъ, что крѣпость ихъ никогда не была взята. На одной изъ улицъ стоитъ каменная статуя, съ надписью—Komm morn, т. е. приходи завтра (а сегодня не возмешь).— Городокъ Гранъ (съ 12 тыс. жит.), Славянскій Остригомъ, обращаетъ вниманіе строющеюся церковію, большаго размѣра, основанною еще Венгерскимъ Примасомъ Руднайемъ за 25 лѣтъ предъ симъ. Постройка было остановилась за неимѣніемъ средствъ, теперь снова начата. Это огромное зданіе Итальянскаго стиля, съ куполомъ и портикомъ о 38 колонахъ, внутри поддерживается 54-мя стол-

бами и выложено полированнымъ краснымъ мраморомъ. Остригомъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь принялъ святое крещеніе Кор. Стефанъ св. отъ рукъ Славянина Войтѣха, для котораго въ 1001 г. учредилъ Остригошскую эпархію. Бонфиній въ своей Исторіи говоритъ, что Король Стефанъ никогда не разлучался съ Войтѣхомъ, во всемъ слѣдовалъ наставленіямъ и примѣру святаго мужа и самъ объявлялъ, что имѣетъ въ немъ единственнаго руководителя, которому обязанъ своими добрыми дѣлами. Въ послѣдствіи Войтѣхъ (извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ Адальберта) оставилъ свою Епископію и погибъ мученическою смертію въ Пруссіи, проповѣдуя Слово Божіе язычникамъ. Такимъ образомъ Венгрія облзана Славянину еще однимъ изъ величайшихъ благъ – окончательнымъ торжествомъ Христіянской вѣры. Меѳодій помощію Славянскаго языка сдѣлалъ ее доступною для обитателей велико-Моравскаго царства, занимавшаго до конца IX ст. почти всю нынѣшнюю Венгрію. Войтѣхъ (въ 995) обратилъ въ ея лоно главу новыхъ пришельцевъ, Мадьяровъ, сына Гейзы, Стефана, знаменитаго въ лѣтописяхъ страны.

Отъ *Вышеграда*, нѣкогда славнаго, осталось нѣсколько бастіоновъ и башенъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна одна, въ шесть ярусовъ, на верхушкѣ крутаго утеса, называемая Соломоновою; въ ней былъ заключенъ Король Соломонъ своимъ родственникомъ Владиславомъ, въ концѣ XI стол. Въ ней же лишился жизни Фелиціанъ Цахъ, покушавшійся на жизнь королевскаго семейства. – Вышеградъ достигъ наибольшаго блеска при Матѳеѣ Корвинѣ, употреблявшемъ значительныя сум-

мы на украшеніе города; окружные голые утесы были имъ превращены въ прелестныя гулѣбища, такъ что одинъ Папскій легатъ, посѣтивъ это мѣсто, назвалъ его *земнымъ раемъ*. Но отъ всего этого не осталось теперь слѣда. Въ 1529 году Турки разорили Вышеградъ, предводимые Солиманомъ; съ ихъ легкой руки Мусульмане и Хрістіяне наперерывъ старались уничтожить всѣ остатки прежняго величія. Наконецъ Императоръ Леопольдъ приказалъ срыть укрѣпленія. Упомянутая башня, отличающаяся живописнымъ видомъ, цистерна и комната, гдѣ прежде хранились королевскія драгоцѣнности — вотъ все, что̀ показываютъ любопытствующему путнику.

Минуя Вайценъ, я имѣлъ случай видѣть образчикъ венгерской реставраціи, т. е. собранія дворянъ для выбора новыхъ чиновниковъ мѣстнаго правленія. Это не болѣе, какъ толпа мужиковъ въ свиткахъ, или просто въ бѣлыхъ сорочкахъ, подпоясанныхъ иногда заржавленными саблями, (такъ называемыхъ кортешовъ), которые сошлись въ корчму, и кричатъ во все горло *пьемъ*— да здравствуетъ, или осыпаютъ ругательствами предлагаемаго кандидата, смотря по желанію заплатившаго имъ предводителя. Это полупьяное общество напомнило мнѣ шумныя кампаніи, собирающіяся въ нашихъ Малороссійскихъ шинкахъ при возвращеніи крестьянъ съ торгу.

Подъ вечеръ раздались выстрѣлы съ парохода, возвѣстившіе наше прибытіе въ Пештъ, расположенный на лѣвомъ плоскомъ берегу Дуная. На возвышенностяхъ праваго берега лежитъ Буда,

соединенная съ Пештомъ деревяннымъ мостомъ (*). Положеніе ея самое живописное: домы возвышаются амфитеатромъ по крутымъ скатамъ, нисходящимъ къ рѣкѣ; въ другихъ мѣстахъ эти скаты украшены зеленью садовъ. На вершинѣ крутизны, называемой Шлосбергъ, стоитъ дворецъ Палатина Рѣдко можно найти видъ, какой представляется съ терасы дворца, которую я посѣтилъ на другой день: внизу свѣтлѣетъ широкою полосою рѣка, обнимая лѣвѣе островъ Маргариты и другія, подобныя огромнымъ ловучимъ корзинамъ земли; на другой сторонѣ отражались въ ея зеркалѣ величественныя строенія набережной Пешта; на право вы видите крутизны Буды, усѣянныя бѣлыми домами. Этотъ очаровательный видъ можетъ стать на ряду съ лучшими въ мірѣ; любуясь имъ, я думалъ о влеченіи къ изящной природѣ у Славянъ, выбиравшихъ почти всегда для своихъ поселеній живописное мѣстоположеніе.

Въ послѣднее время Пештъ далеко превзошелъ Буду людностію, числомъ и красотою зданій; можно сказать: вся жизненная дѣятельность перешла туда, тамъ движется мелочная торговля, тамъ живетъ современное поколѣніе, котораго характеръ соотвѣтствуетъ самой мѣстности — плоской, однообразной, прозаической.

(*) Въ старину то и другое называлось по Славянски безъ различія Пещь и Буда. — Пришедшіе Нѣмцы сдѣлали изъ Пещи — Пестъ, а названіе Буды удержалось для другой части города.

Въ Пештѣ,— столицѣ Венгріи, этомъ палладіумѣ Мадьяроманіи, которому она въ своихъ восторгахъ пророчитъ будущность Парижа и Лондона, — самый замѣчательный человѣкъ для каждаго Славянина есть, безъ сомнѣнія, Янъ Колларъ, поэтъ, проповѣдникъ, разыскатель Славянскихъ древностей и корнесловъ (*). Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мужей, которые постигли умомъ и сердцемъ, что пришло для Славянъ время снова напомнить Европѣ о своемъ существованіи, и отдали всю свою жизнь служенію этой мысли. — Я провелъ съ Колларомъ всего одинъ вечеръ; но его образъ и разговоръ врѣзались въ моей памяти. Съ перваго взгляда я не узналъ пылкаго поэта и ученаго, всегда увлекающагося, въ человѣкѣ преклонныхъ лѣтъ, почти дряхломъ, маленькаго роста; но когда изъ подъ зеленаго зонтика, надѣтаго на глаза, сверкнулъ его живой взглядъ, когда разговоръ, послѣ обычныхъ привѣтствій, затронулъ чувствительныя струны, тогда старикъ преобразился,

---

(*) Колларъ родомъ Словакъ, изъ Турчанскаго комитата; но всѣ его произведенія за исключеніемъ проповѣдей писаны на Чешскомъ нарѣчіи, которое еще со времени Гуситскихъ выходцевъ въ Венгрію сдѣлалось почти исключительнымъ книжнымъ языкомъ Словаковъ реформатскаго исповѣданія; между тѣмъ какъ поклонники латинства удержали свое народное Словацкое. Это раздвоеніе сдѣлалось чувствительнѣе съ тѣхъ поръ, какъ Штуръ сталъ издавать Словацкую газету, за что подвергся сильному порицанію Коллара, стремящагося сгладить по возможности различія. На которой сторонѣ право, это вопросъ важный; его рѣшитъ со временемъ духовная сила обоихъ племенъ — Чеховъ и Словаковъ.

голосъ его сдѣлался звучнымъ и сильнымъ и все существо вполнѣ соотвѣтствовало умной и энергической рѣчи. — Колларъ всего болѣе говорилъ о путешествіи своемъ въ среднюю Италію, составляющемъ какъ бы продолженіе его поѣздки по Италіи Сѣверной (*); онъ съ одушевленіемъ убѣжденія исчислялъ мнѣ слѣды, найденные имъ на Римской и Этруской почвѣ, убѣждающіе въ сродствѣ древнихъ Этрусковъ, Вольсковъ, Сабинцевъ, съ предками Славянъ. Теперь онъ занимается историческими и археологическими изслѣдованіями для разъясненія своихъ наблюденій, и самыя убѣдительныя доказательства выводитъ изъ необыкновеннаго сходства религіозныхъ вѣрованій тѣхъ племенъ съ Славянскими. Нѣкоторыя изъ этихъ доказательствъ дѣйствительно поразительны, но я не смѣю привести ихъ здѣсь: трудъ столь обширный, подкрѣпленный огромною начитанностію и рѣдкими свѣдѣніями, долженъ быть судимъ только въ своей полнотѣ и зрѣлости, тѣмъ болѣе, когда онъ проявляетъ мысль совершенно новую, — иные, можетъ быть, скажутъ несбыточную; но многое, что̀ казалось несбыточнымъ, признавалось въ послѣдствіи за истинное, а пользовавшееся признаннымъ правомъ гражданства оказывалось нелѣпостію.

Въ настоящее время изъ произведеній Коллара наибольшею и заслуженною славою пользуются его проповѣди (два толстые тома) и поэма *Дочь Славы* (Slavy Dcera). Здѣсь не надо разумѣть про-

---

(*) См. Cestopis obsahujici cestu do horni Italie etc., od Iana Kollára, w Pešti, 1843.

повѣдь въ смыслѣ духовнаго слова Православной Церкви: Колларъ, какъ пасторъ реформатскій, употребилъ проповѣдь орудіемъ народно-нравственнаго поученія; въ ней онъ связалъ наставленіе съ цѣлію національною; онъ часто говоритъ съ церковной каѳедры о прежнихъ судьбахъ Славянъ, о великихъ и замѣчательныхъ мужахъ ихъ исторіи, о священной обязанности каждаго хранить завѣтъ своихъ предковъ, хранить свой языкъ и духовный составъ, какъ даръ Бога, Который въ разумной Своей волѣ распредѣляетъ его народамъ. Колларъ приложилъ къ изданію своихъ проповѣдей даже портреты Славянскихъ знаменитостей, чтобы сдѣлать наглядным образъ ихъ для своихъ слушателей. Полный успѣхъ увѣнчалъ усилія проповѣдника; его паства, хотя немногочисленная, проникнута сознаніемъ народнаго духа, и, что не менѣе важно, этотъ характеръ народности особенно способствовалъ къ утвержденію началъ доброй нравственности и хорошихъ правилъ, потому что проповѣдникъ говорилъ отъ сердца, съ глубокимъ чувствомъ двоякаго братства съ предстоящими—по духу и по плоти.

Какъ дѣятель Славянскій, Колларъ произвелъ эпоху изданіемъ своей поэмы — *Дочь Славы*. Шафарикъ своимъ превосходнымъ историческимъ сочиненіемъ (Славянскія Древности) положилъ прочное, широкое основаніе Славянской взаимности, въ ея племенномъ корнѣ; Колларъ одушевилъ, воспламенилъ разрозненные члены великаго семейства къ одной общей любви, къ общему сочувствію. Онъ вызвалъ всѣ историческія воспоминанія Славянскаго міра, большею частію, грустные плоды разъединенія, и, опираясь на нихъ, провозгласилъ лю-

бовь и миръ единственнымъ Фаросомъ спасенія. Не для возбужденія вражды и ненависти къ иноплеменникамъ исчисляетъ онъ бѣдствія, претерпѣнныя роднымъ племенемъ отъ сосѣднихъ народовъ; а для урока потомкамъ. Его сонеты вылились въ первую, юную пору всеславянскаго увлеченія, когда поклонникамъ идеи возрожденія казалось возможнымъ совлечься мѣстнаго характера своего отечества, для того, чтобы стать идеальными Славянами. Обаяніе было такъ сильно, что многіе забывали свою ближайшую родину, создавая въ своемъ воображеніи идеальный міръ Славянства, долженствующій поглотить всѣ частности. Лирическія изліянія Коллара носятъ на себѣ вездѣ слѣдъ этого поэтическаго заблужденія, которое, имѣя основаніемъ глубокое пламенное чувство, принесло самый благодѣтельный плодъ: стремясь быть Славяниномъ, каждый обратился къ своему народному духу.

Чтобы ближе познакомить васъ съ произведеніемъ Коллара, я изложу его содержаніе. Названное поэмою, оно состоитъ изъ собранія сонетовъ (числомъ 615) и раздѣлено на пять частей; первыя три носятъ названія рѣкъ Западныхъ Славянскихъ племенъ: I. Сала, II. Лабь (Эльба), Ренъ (Рейнъ), Влтава (Молдау), III. Дунай. Послѣднія двѣ названы именами миѳологическихъ потоковъ древности: IV. Лета, V. Акеронъ. — По разнообразію, которымъ изобилуетъ содержаніе поэмы, по богатству лицъ и происшествій, описаній и изліяній личнаго чувства, которыя соединены въ ней, несправедливо было бы требовать отъ поэта строгаго единства, которое по классическому преданію мы привыкли

связывать съ названіемъ Поэмы. Вообще складъ Славянскаго воображенія не можетъ безъ усилія подчинить себя тѣмъ размѣреннымъ, симетричнымъ формамъ, въ которыхъ вылился характеръ народовъ классическихъ. Вдохновеніе Славянина уносится даже своенравнѣе и прихотливѣе, нежели романтическая фантазія Германца и Британца. Ему нужны безпрестанныя отступленія, безпрерывныя обращенія внутрь себя и къ самымъ дальнимъ предѣламъ видимаго и невидимаго міра. Такъ и у Коллара нерѣдко съ трудомъ слѣдишь за быстрыми переходами: это, по видимому, произвольный полетъ мысли, которой ткань связывается иногда незамѣтными нитями, но вездѣ господствуетъ одно чувство. Первая пѣснь почти вся посвящена идеальной любви поэта къ своей героинѣ, въ которой олицетворилось для него все прелестное, очаровательное, заключающееся въ Славянской женщинѣ, преемницѣ патріархальнаго быта предковъ. Въ самыхъ разнообразныхъ, то игривыхъ, то грустныхъ выраженіяхъ высказывается эта любовь, какъ очаровательное радужное воспомнпаніе юности. Въ этомъ отдѣлѣ Колларъ часто напоминаетъ грацію Петрарки, и заставляетъ извинить непрочную связь, соединяющую эти сонеты съ остальнымъ содержаніемъ стихотворенія. Наконецъ онъ самъ чувствуетъ, что надо покинуть возлюбленную, чтобы отдать всего себя любви къ милой родинѣ, и, посвятивъ нѣсколько прелестныхъ сонетовъ грустнымъ чувствамъ разставанія, отправляется въ путь, въ сопровожденіи Милка, олицетворяющаго его любовь.

II. Пѣснь Лабь, Ренъ, Влтава. Поэтъ перено-

сится въ страну Полабскую, въ страну Лужицкихъ Сербовъ, Вильцевъ, Кашубовъ, Славянъ Поморскихъ, населявшихъ нѣкогда нынѣшнюю Пруссію. Этѣ земли, нѣкогда бывшія поприщемъ безчеловѣчныхъ войнъ, коварствъ, насилія Нѣмецкихъ предводителей и гибели племенъ Славянскихъ, представляютъ на каждомъ шагу горестныя и ужасающія воспоминанія. Тутъ являются мучители Славянъ— Геро, Маркграфъ въ Лужицахъ, убившій измѣнническими многихъ Князей и завладѣвшій страною до Одера, Конрадъ, Генрихъ Птицеловъ (*). Далѣе вызываются изъ мрака забвенія старые начальники Славянъ Полабскихъ, большею частію, погибшіе въ борьбѣ съ Саксонцами и Франками. Поэтъ переносится на Поморье, вспоминаетъ склонность Славянъ къ земледѣлію, тѣ счастливыя времена, когда они, въ тишинѣ своего семейнаго быта, не знали и орудій насилія; когда собственность охранялась одною честностію и вѣрность однимъ словомъ; когда жизнь ихъ текла въ изобиліи и довольствѣ (**). Онъ посѣщаетъ знаменитую Винету, (Юлинъ

(*) Эти страшныя событія продолжались нѣсколько вѣковъ, начиная съ IX стол., и кончились совершеннымъ уничтоженіемъ и онѣмеченіемъ Славянъ Полабскихъ и Поморскихъ, составлявшихъ до того самостоятельный и многочисленный народъ. Вотъ, что говоритъ Нѣмецкій Историкъ Гебгарди: «Владѣльцы часто поступали очень жестоко съ поселянами, своими рабами; они выгоняли ихъ изъ домовъ нагихъ, какъ существа презрѣнныя, или продавали по одиначкѣ и цѣлыми семействами торговцамъ невольниками, приходившимъ съ Востока.» Gesch. d. Wenden, T. II. c. 324.

(**) Gebhardi, Gesch. d. Wenden, T. I. c. 43. «Земледѣліе такъ процвѣтало у Вендовъ, что ихъ начали считать въ Гер-

или Іомсбургъ, по новѣйшему розысканію Шафарика) нѣкогда средоточіе обширнѣйшей торговли, лежавшую на островѣ въ устьѣ Одера и разрушенную Датчанами въ началѣ IX стол. Переносится на Рюгенъ, въ Аркону, въ этотъ палладіумъ Славянскаго языческаго вѣрованія, гдѣ ему предстаютъ образы Святовида, обладателя всѣхъ благъ земныхъ, Руѣвита, бога войны, седмнобразнаго,

---

маніи искуснѣйшими людьми для обработки песчаныхъ земель. Владѣльцы изъ Фульда, Вюрцбурга, Магдебурга, Люнебурга, Байреута, Пфальца и Гогенлое, переселяли на свои пустыри большое число Вендскихъ колонистовъ, или старались привлечь ихъ разными выгодами.» — Herders Ideen, etc. Carlsruhe, 1792. T. 4. c. 37: «Славяне селились и на земляхъ, оставленныхъ другими, воздѣлывая ихъ, какъ колонисты и земледѣльцы; или пользуясь ими, какъ пастухи. Ихъ тихая, трудолюбивая жизнь была благодѣтельна для странъ, опустошенныхъ завоеваніемъ или переселеніями народовъ. Они были преданы сельскому хозяйству, имѣли стада и запасы хлѣба, ткали холстъ, сажали плодовыя деревья.» — Lutzow, Gesch. v. Mecklenburg, Berlin. 1827, c. 15. «Между тѣмъ какъ народы Германскіе кровавыми, опустошительными войнами распространяли рабство, смерть и гибель, трудолюбивые Венды довольствовались новоприобрѣтенными землями, занимаясь ихъ воздѣлываніемъ и обработкою.» — Колларъ въ своихъ примѣчаніяхъ приводитъ множество свидѣтельствъ разныхъ писателей въ пользу того, что Славяне были основатели хлѣбопашества въ Европѣ; но одинъ авторитетъ Гердера долженъ быть достаточенъ тому, кто бы не хотѣлъ вникнуть въ подробности. Въ жизни Св. Оттона говорится, что Славяне Поморскіе до того отличались честностію, что никогда не запирали ни денегъ, ни что имѣли драгоцѣннаго, и очень удивились, увидя замки на ящикахъ у Епископа. *Гельмольдъ* пишетъ, что у нихъ не встрѣчалось нищихъ и прошаковъ, и что присяга почти не допускалась, потому что клятву считали признакомъ лжи.

вооруженнаго восьмью мечами. Воспоминаніе о Ретрѣ (*) внушило поэту одинъ изъ лучшихъ сонетовъ (185):

« Пустынное пепелище славной Ретры! я сижу на твоихъ заросшихъ развалинахъ, какъ Марій на печальныхъ обломкахъ Карѳагена. — Девять воротъ, мостъ, островъ, озеро, покрытое судами, и твой Радогостъ, и въ капищахъ идолы, какъ мнѣ все это живо рисуетъ воображеніе! О еслибъ я былъ Амфіономъ Ѳивскимъ — мгновенно воздвигъ бы твои обломки зиждительною силой! И если бы я былъ Девкаліономъ, изъ всѣхъ этихъ камней быстро родились бы Славяне! »

Поэтъ посѣщаетъ Старгородъ (нынѣ Нѣмецкій Ольденбургъ), нѣкогда столицу Оботритовъ, и Мекленбургъ, покинутый Нѣмцами и занятый Вендами (Славянами), впослѣдствіи онѣмечившимися, котораго Герцогскій родъ, древнѣйшій въ Германіи, несомнѣнно ведетъ начало свое отъ Славянскаго Прибислава, въ 1170 г. объявленнаго Имперскимъ Княземъ.

Послѣ кровавыхъ, возмутительныхъ воспоминаній, обступившихъ поэта въ этѣхъ странахъ, которыя можно назвать Славянскимъ кладбищемъ, онъ говоритъ слово примиренія (сон. 202).

« Еслибы Небо внимало всѣмъ добрымъ желаніямъ своихъ дѣтей и осуществляло ихъ на нашей дольней землѣ, не убійствъ, подобно Ироду, и не господ-

---

(*) Городъ этотъ находился на Голлензе на девяти островахъ. Первый разъ сожженъ Импер. Оттономъ I въ 955 г., возобновленный разоренъ снова Генрихомъ Львомъ въ 1150.

ства надъ дальними краями жаждалъ бы я, я бы желалъ вычеркнуть четыре столѣтія изъ жизни Нѣмцевъ — то печальное для человѣка время, когда длилось истребленіе Вендовъ отъ Карла и до Генриха Льва. Одинъ началъ, другой покончилъ, и наше племя почти пол-тысячелѣтіе стонало въ мукахъ.»

* * *

(сон. 204): «По истинѣ великимъ несчастіемъ было онѣмеченіе Славянъ: оно подавило нравственныя силы Нѣмцевъ, а намъ навлекло невозвратимыя потери. Но да не будутъ наши жалобы строптивымъ воплемъ противъ законовъ Провидѣнія: не намъ судиться съ Небомъ. Горькія событія печальнаго времени пусть служатъ намъ не для мести надъ другими, а вящшимъ побужденіемъ къ развитію. Ихъ употребляетъ иногда Всевышній, чтобы возбудить народы къ новой жизни.»

Поэтъ приходитъ на берега Рейна, котораго волны, кроваваго цвѣта, багрятъ Нѣмецкое море. Онъ спрашиваетъ, что̀ это значитъ? Ему отвѣчаютъ, что это съ тѣхъ поръ, какъ прахъ сожженнаго Гуся брошенъ въ Рейнъ. Съ приближеніемъ къ Костницу (Констанцу) его поразилъ огромный огненный столбъ, возвышавшійся до неба на мѣстѣ бывшаго Гусева костра: вода окрестныхъ источниковъ, озеръ и всего Рейна не можетъ загасить пламени.— Со слезами радости и горя онъ вступаетъ въ Чешскую землю; изображаетъ ее въ видѣ прекрасной женщины, одѣтой въ рубище, съ разноцвѣтными заплатами чужихъ племенъ, ее населяющихъ. Мѣстамъ, знаменитымъ своими воспоминаніями, посвящены прекрасные сонеты; въ числѣ первыхъ Нюрембергъ, гдѣ Имп. Карлъ IV на сеймѣ 1356 года издалъ Золотую Буллу (собраніе

главныхъ законовъ Имперіи), которою между прочимъ поставлено Курфирстамъ въ обязанность учить дѣтей своихъ по Славянски. *Будечь*, гдѣ находилась еще во времена язычества знаменитая школа, привлекавшая все юношество Чехіи; *Стадица*, отечество Пршемысла, гдѣ послы Любуши, избравшей его себѣ мужемъ и Княземъ народу, застали его за плугомъ на полѣ. Завидѣвъ Бѣлую гору (*), поэтъ бѣжитъ отъ нея съ ужасомъ и переносится въ Прагу, гдѣ гробы Оттокара, Войтѣха и Тихо-де-Браге «Уже померкъ твой золотой скипетръ», говоритъ онъ, «и ущербленный мечь, отъ котораго дрожали Татры, Бальтъ и Римъ, лежитъ отупѣлый; но вѣчно ты будешь храмомъ славы, красиво-брегая соперница Нѣмцевъ, побѣдившая въ самомъ униженіи.» — Близь мосту Пражскаго является златорогій олень, хочетъ вскочить на мостъ, но Милекъ, спутникъ поэта, преобразившись въ ловчаго, убиваетъ его изъ лука. Было преданіе, что придетъ время, когда настоящій Чехъ будетъ такою же диковинною на мосту Пражскомъ, какъ и олень съ золотыми рогами. — Милекъ предлагаетъ вести поэта по всей Чехіи, къ его друзьямъ, показать ему все, что̀ есть замѣчательнаго, но онъ

(*) Извѣстно, что Бѣлогорская битва (1620 г.) была одною изъ тѣхъ, которыя рѣшаютъ судьбу государствъ; на ней былъ уничтоженъ на нѣсколько столѣтій цѣлый народъ. Вслѣдъ за этимъ несчастнымъ сраженіемъ 36,000 семействъ выселились изъ Богеміи, между ними 1088 дворянскихъ. Эти выходцы развезли по Сѣверной Германіи знанія, ремесла и промышленность, которыя отъ того времени ведутъ начало своего процвѣтанія у Нѣмцевъ. —

отказывается: «neb zde basniti ne smim, a jak smim tak nechci.» — Поэтъ переносится въ Моравію, на гору Радоштъ; оттуда взоръ его устремляется къ *Ольмюцу*, на поле, гдѣ нѣкогда Ярославъ Звѣздогорскій (25 Іюня 1241 г) уничтожилъ съ малочисленною ратью страшную силу Татаръ, грозившую порабощеніемъ Европѣ: въ *Брнѣ*, на могилу мужа, славнаго въ Славянской наукѣ: «рожденный въ Угріи, онъ жилъ у Чеховъ, посѣтилъ Россію и Польшу, умеръ на Моравѣ—чтобы сдружить наши племена. На этомъ алтарѣ *Добровскаго* клянитесь, потомки, въ вѣчной любви къ Славѣ!» Надъ развалинами замка Кралицы поэтъ видитъ семь звѣздъ вокругъ яснаго мѣсяца, на которомъ блестятъ слова *Жеротинъ*: это благочестивые мужи, посвятившіе четырнадцать лѣтъ на переводъ Священнаго Писанія, Ветхаго и Новаго Завѣта, на Чешскій языкъ и выполнившіе это дѣло съ рѣдкимъ совершенствомъ. Во все время они жили въ замкѣ Жеротина, который устроилъ у себя типографію и на свой счетъ великолѣпно издалъ Священныя Книги (1579—1693). Взоръ поэта проникаетъ до береговъ Вислы, потомъ еще далѣе (сон. 255):

«Какъ величественно блещетъ твой златобашенный Кремль, святая Москва! Дивно и ярко сіяетъ весь снѣжный Сѣверъ твоею красою! Но вотъ, Слава бросаетъ огонь на роскошный дворецъ Растопчина; сыплетъ искры, развѣваетъ пламя по необъятному городу. Молю, свѣтлая Матн! скажи, что побудило тебя къ такому страшному дѣлу? «Я зажгла свѣточь, чтобъ и слѣпцы наконецъ узнали меня и моихъ дѣтей!»

Вторая пѣснь заключается призывомъ къ общеславянскому сочувствію и возбужденіемъ надеждъ на будущее : »

« Конечно другіе идутъ путемъ удобнѣйшимъ, мы подвигаемся съ большимъ трудомъ и позади отъ нихъ; но за то мы моложе. Намъ извѣстно, что̀ совершили другіе, а отъ нихъ сокрыты страницы, гдѣ написано наше будущее. »

«Пѣснь III — *Дунай.* — Поэтъ въ сопровожденіи Милка и Ратгоста плыветъ по Дунаю: ему предстаютъ — памятникъ Собіескому, близь Вѣны, утесистый Девинъ, мѣстопробываніе несчастнаго Ростислава; онъ посѣщаетъ Татранскій Вратиславъ (Пресбургъ), Нитру, гдѣ на горѣ *Соборъ* приноситъ жертву богамъ, по обычаю предковъ, и наконецъ родину свою, мѣстечко Мошовцы, въ Турчанскомъ комитатѣ. Чувство любви еще сильнѣе разгарается въ немъ при видѣ давно знакомыхъ мѣстъ, но онъ посвящаетъ и Славянству нѣсколько прекрасныхъ сонетовъ (269):

« Народъ Славянскій, мнѣ кажется, подобенъ тихой рѣкѣ, медленно, но мощно стремящейся къ своей цѣли. Преградятъ-ли горы ей путь, она обходитъ ихъ и течетъ равниною, превращаетъ въ вертоградъ пустыню, приноситъ тихую благодать городамъ. Другіе же народы, какъ потокъ стремительный, съ шумомъ и плескомъ, прокладываютъ себѣ дорогу; когда же спадутъ ихъ мутныя волны — луга обращены въ трясину, села въ развалины печальныя, и люди бродятъ въ нищетѣ »

* * *

(сон. 271). Когда мой духъ смущали эти мысли, я вос-

кликнулъ: О, еслибъ наши разныя племена были золото, сребро, металлы, я бы вылилъ изъ всѣхъ одно изваяніе: Русскіе были бы его головою, Ляхи грудью, Чехи рамена и руки, изъ Сербовъ я бы сдѣлалъ двѣ ноги; меньшія вѣтви Виндовъ, Лужичь, Слезанъ, Хорватовъ, Словаковъ, я растопилъ бы на вооруженіе и одежду; предъ моимъ великаномъ Европа преклонила бы колѣна, челомъ возносился бы онъ выше облакъ, и земля бы дрожала подъ его стопами!»

Поэтъ съ благоговѣніемъ минуетъ Остригомъ (Гранъ), гдѣ Войтѣхъ крестилъ будущаго Короля Венгерскаго, Стефана, и посѣщаетъ въ Будинѣ развалины храма Сигизмундова, гдѣ нѣкогда отправлялась служба на Чешскомъ языкѣ Іеронимомъ. Въ Веспримѣ, еще до прихода Мадьяровъ столицѣ Славянскихъ Князей, въ недавнее время бывшемъ свидѣтелемъ варварства Мадьяровъ надъ Славянами (*), онъ не можетъ удержать своего негодованія:

(сон. 287) «Вы говорите: законъ повелѣваетъ Славянину отречься отъ своего языка въ Венгріи!» Но кто выдумалъ этотъ законъ? Люди! Или это важнѣе, нежели воля Божія?—Законъ Божескій обѣтовалъ всѣмъ народамъ миръ и справедливость, и внушилъ каждому цѣнить свое слово дороже всего. Неужели воля человѣческая, временная, конечная, напыщенная незаслуженною гордостію, можетъ отмѣнить волю безконечную, вѣчную, Божескую? И что должно болѣе лю-

(*) Здѣсь нѣсколько человѣкъ Словаковъ были схвачены, посажены въ тюрьму и подвержены тѣлесному наказанію за то, что не хотѣли присутствовать на Мадьярскомъ богослуженіи, котораго они не понимали.

бить существо разумное: мертвую-ли, малую, неодушевленную родину, или народъ великій, живой, надѣленный высокимъ духомъ?»

Поэтъ переносится на берега Блатона, въ область, нѣкогда принадлежавшую Привину и Гезилу, въ замокъ Мозбургъ, ознаменованный пребываніемъ Меѳодія; потомъ въ Корутанію (Каринтію), гдѣ ему открывается необыкновенное зрѣлище: тамъ въ открытомъ полѣ, съ торжествомъ, какъ подобаетъ Королю, былъ привѣтствуемъ поселянинъ, сидящій на огромномъ камнѣ; онъ предписывалъ правила Князю, одѣтому простолюдиномъ и стоявшему предъ нимъ въ кругу блестящей свиты; приказывалъ ему быть защитникомъ Хрістіянской вѣры, заботиться о благѣ отечества, оберегать права каждаго, словомъ, быть достойнымъ своего званія. Получивъ на все утвердительное обѣщаніе, поселянинъ уступилъ ему свой тронъ (*).

Поэтъ посѣщаетъ Бѣлградъ, Пештъ, страну Словаковъ, наконецъ разстается съ своимъ вожатымъ и отправляетъ его къ возлюбленной. Онъ предается своимъ любовнымъ воспоминаніямъ, которымъ посвящена почти вся вторая половина этой пѣсни, и заключаетъ изліяніями грусти и намеками на переселеніе милой въ лучшій край, на небо Эти мечтанія влюбленнаго, въ своей отрывочности, имѣютъ много истины, много высоко-поэтическаго, они не ограничиваются однимъ предметомъ, ихъ

(*) Обычай этотъ дѣйствительно наблюдался въ Каринтіи при вступленіи на престолъ новаго Герцога, даже до конца XVII в.

внушающимъ, но обхватываютъ цѣлый міръ, приводятъ къ самымъ разнообразнымъ настроеніямъ, которыя гармонически совпадаютъ въ одномъ чувствѣ — любви къ Славянству:

(сон. 322). «Я самъ иногда думалъ, что не буду уже противиться своей судьбѣ, ни бороться съ могучимъ рокомъ, гнетущимъ мое племя. Вѣрно я создалъ себѣ обманчивый призракъ, которому не хочетъ подчиниться ходъ земныхъ событій; и кто дерзнетъ сказать премудрому Богу — сдѣлай то-то? Но, у кого есть благородное сердце, берегись, какъ змія, этой недостойной увертки низкихъ мудрователей: Всевышній, назначивъ судьбы міру, сдѣлалъ людей ихъ дѣтьми.

* * *

(сон. 374). «Что-то будетъ изъ насъ Славянъ, черезъ сто лѣтъ? Что-то станется съ цѣлой Европой? Славянская жизнь, подобно разливу, наводнитъ всѣ страны; и эта рѣчь, которую Нѣмецкіе мудрецы считали приличною рабамъ, будетъ звучать подъ сводами дворцовъ изъ устъ самихъ враговъ ея. Науки также потекутъ Славянскимъ русломъ; одежда, пѣсни, обычаи народа нашего сдѣлаются модными на Сенѣ и Лабѣ (Эльбѣ). О! зачѣмъ я не родился въ то время Славянскаго господства! но я встану тогда еще разъ изъ гроба!»

IV и V Пѣсни заключаютъ описаніе Славянскаго, разумѣется, поэтическаго, рая и ада.

Вотъ вамъ бѣглый обзоръ поэмы Коллара; я могъ представить въ немъ одинъ оставъ, одни существенныя черты; подробности же картинъ и

образовъ и самый колоритъ его кисти вы можете узнать только изъ подлинника (*). Здѣсь столько разнообразія, что врядъ-ли общее изложеніе можетъ совокупить все въ одинъ очеркъ; и столько оригинальности, что для насъ, воспитанныхъ произведеніями классическихъ и западныхъ поэтовъ, вращающихся въ кругозорѣ ихъ вдохновенія, трудно составить себѣ о ней ясное понятіе безъ наглядnаго знакомства съ самимъ твореніемъ. Не буду подготовлять вашего мнѣнія какимъ бы то ни было разсужденіемъ о немъ; скажу только, что подъ своею наружною отрывочностью оно заключаетъ въ себѣ самый полный очеркъ древней Славянской жизни, который дѣлается доступенъ только, когда усвоишь себѣ всѣ, по видимому, бѣглыя черты. Эта картина древняго Славянскаго міра, вызванная изъ мрака невѣдѣнія и забвенія, прекрасно и тепло освѣщена лучами современнаго Славянскаго возрожденія, пробудившаго въ душѣ поэта всѣ завѣтныя его думы, всю завѣтную любовь. — Откликаясь на всѣ жизненные вопросы своихъ соплеменниковъ, Колларъ рѣшаетъ ихъ со страстію поэтическаго и братскаго увлеченія; но несправедливо было бы требовать строгаго отчета въ этихъ рѣшеніяхъ: поэзія не есть ученіе, она не выводъ, а радужное преломленіе лучей жизни. Поэтъ можетъ вдохно-

(*) Кромѣ того, всѣ любопытныя черты, замѣчанія, факты изъ древнѣйшей и современной исторіи, искусства, быта Славянъ, которыми наполнены двѣ послѣднія пѣсни Колларовой поэмы, пропали въ нашемъ извлеченіи: этѣ двѣ пѣсни исключены ради формы, въ какую онѣ облечены, какъ описаніе рая и ада. Наше извлеченіе представляется такимъ образомъ слишкомъ отрывочнымъ.

вляться явленіемъ, а не слѣдствіемъ: пу
онъ плачетъ надъ явленіемъ, необходимымъ
неизбѣжнымъ, пусть радуется маловажно
или скоропреходящему; въ его воплѣ и въ
радости вѣрно слышится глубокій человѣческій
лосъ, на который отзовутся самыя благород
струны нашей души.

ЗАТВОРНИЦА.

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ,
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ.

Тамъ огонекъ, какъ звѣздочка,
До полночи свѣтилъ; —
И вѣтеръ занавѣскою
Тихонько шевелилъ.

Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла;

Какая чудо-дѣвушка,
Въ завѣтный часъ ночной,
Меня встрѣчала — блѣдная,
Съ распущенной косой;

Какія рѣчи дѣтскія
Она твердила мнѣ,
Объ обществѣ, объ музыкѣ,
Объ дальней сторонѣ;

Какъ не по дѣтски, пламенно,
Прильнувъ къ устамъ моимъ,
Она, дрожа, шепнула мнѣ:
Послушай, убѣжимъ. . .

Теперь мы птицы вольныя. . .
Меня — не стерегутъ;
А ты? Вѣдь ты не женщина —
Тебя не проклянутъ. . .

Я. Полонскій.

Тифлисъ.
1846 г., Іюля 20.

М. Е. Г.....Ъ.

Въ краю, гдѣ я страдалъ такъ тайно,
Въ странѣ безвѣстной и чужой,
Куда и брошенъ такъ случайно
Неумолимою тоской, —

Не благодатный вѣтеръ южный,
Не злаго моря бурный валъ,
Остепенялъ мой жаръ недужный,
Мнѣ раны сердца врачевалъ;—

Нѣтъ! — я нашелъ людей съ душою,
Счастливыхъ, добрыхъ и простыхъ,
И помирился я съ судьбою
Не за себя, — такъ за другихъ!

И если, странникъ безпріютный,
Я въ мірѣ доли не найду,
Или въ борьбѣ ежеминутной
Изнемогу и упаду, —

Авось прибѣгну къ теплой вѣрѣ,
Что есть на свѣтѣ благодать, —
И буду знать, по крайней мѣрѣ,
Чего желать, чего искать. . .

Я. Полонскій.

5 Іюня 1846.
Одесса.

О

МѢСТНИЧЕСТВѢ.

СОЧИНЕНІЕ

С. Соловьева.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ

Дмитрія Александровича Волуева.

О МѢСТНИЧЕСТВѢ.

Вопросъ о мѣстничествѣ имѣетъ уже свою исторію въ нашей исторической литературѣ. Сначала мѣстничество являлось какимъ-то безсвязнымъ, отрѣшеннымъ явленіемъ въ нашей исторіи; происхожденіе его приписывали произволу Іоанна III, учредившаго разряды. Изданіе подлинныхъ мѣстническихъ дѣлъ, собранныхъ Г. Ивановымъ, и напечатанныхъ въ Сборникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сдѣлало эпоху въ исторіи вопроса о мѣстничествѣ, и тотчасъ же явилось новое мнѣніе объ этомъ предметѣ, высказанное Г. Погодинымъ такъ:

«... Гдѣ же было начало мѣстничеству? *А начаться изъ ничего оно не могло.* Мѣстничество было Московскимъ продолженіемъ удѣльной системы, точно какъ во всей Европѣ изъ феодализма образовалась преимущественно придворная аристократія.» — «Удѣльные Князья, потерявъ, уступивъ свои княжества, вступивъ во дворъ Московскаго Князя, принесли свои взаимныя отношенія и свои понятія о старшинствѣ, согласныя впрочемъ, или одинакія, что̀ касается до родства, съ понятіями знатнѣйшихъ родовъ какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи.»

— « . . . . Мѣстничество есть удѣльная система, приложенная, вмѣсто городовъ, къ мѣстамъ служебнымъ, къ службѣ,—удѣльная система, принявшая по необходимости эту новую, впрочемъ готовую форму, службу, когда изъ удѣльныхъ княжествъ составилось единое государство.»

Очевидно, что такое мнѣніе показываетъ шагъ впередъ въ развитіи вопроса о мѣстничествѣ; здѣсь явно стремленіе связать явленіе мѣстничества съ другими явленіями, ввести его въ общій организмъ древней Русской жизни, указать ему въ этомъ организмѣ надлежащее мѣсто; слова: «а начаться изъ ничего оно не могло», обнаруживаютъ вполнѣ это стремленіе. Но важные вопросы въ наукѣ рѣшаются не вдругъ: самъ Г. Погодинъ въ томъ же изслѣдованіи уже подкопалъ основу своего взгляда на мѣстничество: «удѣльные Князья,» говоритъ онъ, «уступивъ свои княжества, вступивъ во дворъ Московскаго Князя, принесли свои взаимныя отношенія и свои понятія о старшинствѣ, согласныя впрочемъ или одинакія, что̀ касается до родства, съ понятіями знатнѣйшихъ родовъ, какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи.» Но если взаимныя отношенія удѣльныхъ Князей и понятія ихъ о старшинствѣ были согласны съ понятіями знатнѣйшихъ родовъ во всей Россіи, то на какомъ основаніи предполагать, что мѣстничество есть продолженіе удѣльной системы, что оно явилось только тогда, когда удѣльные Князья вступили во дворъ Московскаго Князя; почему же знатнѣйшіе роды во всей Россіи, руководствуясь одинакими понятіями о старшинствѣ, не могли мѣстничать гораздо прежде появленія удѣльныхъ Князей при дворѣ Московскомъ? Наконецъ Г. Погодинъ окончательно нис-

провергъ свое мнѣніе, высказанъ, по поводу вновь найденныхъ дѣлъ по мѣстничеству, слѣдующее: «Ясно, что мѣстничество, основанное на службѣ и родовомъ старшинствѣ, велось между знатнѣйшими родами въ продолженіи удѣльнаго періода, точно какъ и между княжескими; между послѣдними оно было источникомъ удѣльныхъ войнъ, какъ между первыми искони источникомъ споровъ» (*).

Ясно, слѣд., что мѣстничество не можетъ быть продолженіемъ удѣльной системы, не могло быть принесено удѣльными Князьями ко двору Московскому, если оно «искони велось между знатнѣйшими родами въ продолженіи удѣльнаго періода, точно какъ и между княжескими.» И такъ въ то время, когда Князья вели между собою свои родовые счеты, ихъ дружинники, бояре, дворяне, вели также свои родовые счеты; мѣстничество существовало одновременно съ удѣльною системою, это суть близнецы, порожденіе одного и тогоже родоваго быта, родовыхъ понятій, господствовавшихъ въ древней Руси.

Попытка Г. Погодина связать мѣстничество съ другими явленіями древней Русской жизни знаменуетъ второй періодъ въ исторіи вопроса о мѣстничествѣ. Но для безошибочнаго приговора объ этомъ важномъ явленіи, надобно было совершить трудъ тяжелый, утомительный, разсмотрѣть отчетливо, добросовѣстно всѣ извѣстные случаи мѣстничества, и тогда уже произнести приговоръ о природѣ этого явленія. Такой трудъ, знаменующій третій пе-

(*) Москвитянинъ 1843 г. N. 1.

ріодъ въ исторіи вопроса о мѣстничествѣ, не усумнился принять на себя благородный молодой человѣкъ, котораго недавно потеряла наука и общество, — Д. А. Волуевъ.

Въ прошедшемъ 1845 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ Симбирскаго Сборника. Здѣсь, въ введеніи къ разрядной книгѣ, Волуевъ помѣстилъ свое изслѣдованіе о мѣстничествѣ, въ видѣ коментарія на разрядную. Съ своею высокою добросовѣстностію, которая руководила его при всѣхъ ученыхъ занятіяхъ, Волуевъ понялъ, что въ такомъ предметѣ, какъ мѣстничество, гдѣ наука еще не имѣетъ никакихъ предшествующихъ, уже выработанныхъ ею данныхъ, повѣркою могутъ служить лишь факты, взятые въ той случайности, въ коей представляетъ ихъ всякій современный памятникъ, а не въ той намѣренной разстановкѣ, въ какой передаетъ ихъ прямое систематическое изложеніе предмета. Вотъ почему онъ занялся прежде подробнымъ экзегетическимъ коментаріемъ на одинъ изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ мѣстничества, и уже послѣ такого предварительнаго труда, который не позволяетъ обойти молчаніемъ ни одной частности, ни одного, по видимому, мелкаго и незначущаго явленія, не объяснивъ его и не указавъ ему мѣста, Волуевъ намѣревался приступить къ объясненію общаго значенія мѣстничества, изложенію самой системы мѣстническихъ отношеній, его значенія въ государствѣ, его развитія Смерть помѣшала ему исполнить послѣднее, но главное совершено имъ: подробный коментарій на разрядную съ предпосланнымъ исчисленіемъ источниковъ для мѣстничества, останутся на всегда настольною книгою для

каждаго занимающагося Русскою Исторіею. Этотъ коментарій лежитъ въ основаніи предлагаемаго изслѣдованія о мѣстничествѣ, авторъ котораго льститъ себя надеждою, что восполнилъ хотя сколько нибудь неоконченный трудъ незабвеннаго товарища.

Всѣ Европейскія государства обязаны началомъ своимъ великому движенію дружинъ, которое неправильно называютъ переселеніемъ народовъ. На Западѣ дружины встрѣтили колосальную имперію Рима съ ея великими государственными учрежденіями: изъ взаимнаго столкновенія, изъ борьбы началъ дружинныхъ съ началами, завѣщаннымп имперіею, изъ этой борьбы, при могущественномъ воздѣйствіи Хрістіянства, развилась исторія Западныхъ Европейскихъ народовъ. На Востокѣ Европы также явилась дружина, но она нашла здѣсь не имперію, но многочисленныя племена, живущія подъ формою родоваго быта, слѣд. здѣсь начало дружинное пришло въ столкновеніе, вступило въ борьбу не съ началомъ государственнымъ, какъ на Западѣ, но съ началомъ родовымъ. Одно изъ явленій, происшедшихъ отъ этого столкновенія дружиннаго начала съ родовымъ, есть мѣстничество. Вождь дружины, или Князь, скоро подчинился вліянію родоваго быта племенъ, которыя признали его своею главою: скоро вмѣсто одного властителя, мы видимъ въ челѣ народа цѣлый владѣтельный родъ, который считаетъ всю землю, добытую дѣдовскимъ оружіемъ, своею нераздѣльною собственностію; между Князьями господствуютъ чисто родовыя отношенія. Если вождь дружины подчинился родовому быту, то неужели храбрые товарищи его, дружинники, не заразились тоже родовыми по-

нятіями? Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ на первоначальный, чистый характеръ дружины; послѣ чего намъ уже легко будетъ увидать тѣ измѣненія, которыя произошли въ ея характерѣ среди Славянскихъ племенъ. Дружина, которая появляется во всѣхъ краяхъ Европы въ началѣ среднихъ вѣковъ, представляетъ намъ сбродную толпу пришлецовъ изъ разныхъ странъ и народовъ; не ищите въ ней исключительной національности: всякій храбрецъ, изъ какого бы народа ни былъ, принимался радушно; какое же мѣсто занималъ всякій пришлецъ среди старыхъ дружинниковъ? Это мѣсто зависѣло отъ назначенія вождя: gradus quin etiam et ipse comitatus habet, iudicio ejus quem sectantur (*). Въ извѣстной сагѣ Ніала разсказывается, что когда Рутъ (одинъ изъ героевъ саги) явился ко двору одного Скандинавскаго Князя и былъ принятъ въ дружину, то спросилъ его: какое же мѣсто буду я занимать? На это Князь, находившійся подъ вліяніемъ матери, отвѣчалъ: «назначеніе мѣста дружин-«никамъ зависитъ отъ моей матери (**)». Такъ было вездѣ, такъ было и у насъ, не потому, чтобы дружина нашихъ первыхъ Князей состояла изъ Скандинавовъ; но потому, что была дружина, и, начиная съ первыхъ временъ до послѣднихъ, дружина, или дворъ нашихъ Князей наполнялись пришлецами изо всѣхъ странъ и народовъ съ востока и запада,

---

(*) Taciti Germ. 13. 14.

(**) Nials-Saga, p. 10. Rutusqve mox in satellitium adoptatus, quamnam, inquit, sessionem obtinebo? Cui Rex: hoc penes matrem meam esto.

которымъ Князья назначали мѣсто, давали кормленіе, смотря по ихъ происхожденію, по мѣсту, которое они занимали въ прежнемъ отечествѣ и по личнымъ доблестямъ. Знаменитому пришлецу часто давали почетнѣйшее мѣсто, часто отстранялъ онъ старыхъ, дѣдовскихъ сподвижниковъ и думцевъ Князя. Но если отъ Князя зависѣло назначеніе мѣста для пришлецовъ, то ясно, что онъ могъ по произволу назначать мѣста военныя и гражданскія своимъ старымъ дружинникамъ и вступающимъ въ дружину ихъ сыновьямъ и родичамъ. Это-то право Князя, которымъ онъ пользовался въ дружинѣ, встрѣтило препятствіе въ родовомъ бытѣ и понятіяхъ того племени, котораго онъ былъ главою. Легко склониться предъ пришлецомъ, легко уступить на время мѣсто другому, зная, что воля Князя можетъ перемѣнить отношенія, зная, что если не самъ, то сынъ или внукъ могутъ опять возвыситься и превзойти соперника. Но не такъ легко это сдѣлать при господствѣ родовыхъ понятій, ибо родъ составлялъ одно цѣлое, и когда одинъ членъ рода терялъ честное мѣсто, то съ нимъ терялъ цѣлый родъ, понижался передъ родомъ того, которому было уступлено: отношеніе, допущенное разъ однимъ членомъ рода къ чужому роду, тяготѣло надъ всѣми членами рода для настоящаго времени и надо всѣми потомками ихъ для будущаго. Это-то господствовавшее въ древней Руси понятіе о нераздѣльности рода стало въ противоположность съ дружиннымъ правомъ Князя назначать мѣста для своихъ дружинниковъ и легло въ основаніе мѣстничеству. И Князь, подчинившійся родовому быту, родовымъ понятіямъ, Князь, кото-

рый самъ понималъ только родовые счеты со старшими и младшими братьями, проводившій всю жизнь въ этихъ счетахъ, не могъ не признать господства родовыхъ понятій, родовыхъ счетовъ межму дружинниками своими, не могъ не признать мѣстничества. Но, признавъ мѣстничество, Князь не могъ однако отказаться отъ права наполнять свою дружину какъ можно большимъ числомъ храбрыхъ мужей, потому что храбрая и многочисленная дружина давала ему значеніе и силу, она давала ему богатство, давала побѣду въ родовыхъ распряхъ, отворяла ворота къ старшему столу. Отсюда необходимость для Князя принимать людей извѣстныхъ своею доблестію; но эти люди соглашались вступить въ службу Князя только при условіи мѣста, соотвѣтствующаго ихъ достоинству, и потому они непремѣнно должны были оттѣснять старыхъ дружинниковъ, старыхъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ, *заѣзжали* ихъ, по мѣстническому выраженію (*). Еще хорошо, если пришлецъ былъ издалека, изъ чужаго народа, Угринъ, Чудинъ, Нѣмецъ, Ляхъ; тѣмъ, которыхъ онъ заѣзжалъ, нельзя было выставить противъ него ни родовыхъ счетовъ по лѣствицѣ, ни служебныхъ по разряду; оставалось повѣрить Князю, что заѣзжикъ *человѣкъ честный* и уступить мѣсто, или самимъ отъѣхать къ другому Князю. Вотъ почему дружина, послѣ дворъ Князей нашихъ, такъ легко наполнялись пришлецами изъ чужихъ народовъ. Но если пришлецъ былъ изъ Русскаго же Княжества, если

(*) См. Изслѣд. Волуева, стр. 106.—Москвит. 1843 г. N. 1.

степень его въ лѣствицѣ и служебное мѣсто въ дружинѣ прежняго Князя были извѣстны, тогда уже нельзя было избѣжать мѣстническихъ столкновеній, какъ на пр. въ слѣдующемъ дѣлѣ: (*).

«Государю Квязю Ивану Васильевичу Московскому бьетъ челомъ холопъ твой Васюкъ Зюзинъ: сказали, Государь, быти у твоего государева дѣла передъ тобою, Государемъ, въ Окольничихъ Ѳедору Нагому, да мнѣ, холопу твоему, Милостивый Государь, покажи милость, пощади холопа твоего: *ни дѣдъ, ни прадѣдъ мой въ Твери меньши дѣда и прадѣда Ѳедорова николи не бывалъ;* сыщи, Государь, милосердіемъ твоимъ, какъ тебя, Государя, Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты, Государь, какъ велишь холопу твоему; надежда вся на Бога, да на тебя, Государя. Милостивый Государь, покажи милость, смилуйся!» Да тутъ же Василій подалъ родства своего списокъ, и въ родствѣ его пишетъ: «Пріѣхалъ изъ Чернигова во Тверь Борисъ Ѳедоровичь, прозвище ему было Половой; а былъ въ Твери Бояринъ; у Бориса сынъ Ѳедоръ и тотъ въ Твери Бояринъ же былъ, у Ѳедора сынъ Михайла Шетенъ, а въ Твери былъ Тысяцкой, у Михаила сынъ Константинъ Шеткевъ, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же, а другой сынъ у Константина Михайло Гнѣздовскій. У Ивана у Шетнева дѣтей: Ондрей Зуза, прадѣдъ мой, да Ѳонасей Шетневъ. У Андрея у Зузы дѣтей: дѣдъ мой Василей, да Григорей Страднинъ, да Олексѣй, да Карпъ, Василей меньшой, Андрей въ Черпцахъ былъ, Антоній у Чюда, у дѣда большой, мой отецъ Григорій да Иванъ».

Но кромѣ заѣздовъ, частый случай къ мѣстническимъ столкновеніямъ подавалъ безпрестанный переходъ Князей изъ одной волости въ другую,

(*) Москвит. 1843 г. *N.* 1.

при чемъ они приводили изъ стараго княжества въ новое своихъ собственныхъ дружинниковъ, къ которымъ, разумѣется, питали большую любовь и довѣренность, въ слѣдствіе чего давали имъ высшія мѣста передъ дружинниками, которыхъ находили въ новомъ княжествѣ и которые были имъ неизвѣстны. Отсюда ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришлецамъ, стараніе первыхъ сбыть, во что бы то ни стало, послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ было завести крамолу противъ Князя и призвать на его мѣсто другаго. Смуты и неудовольствія въ слѣдствіе означенной причины появляются очень рано. Уже о Всеволодѣ I-мъ, отцѣ Мономаха, говорится: «нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створя съ ними; сиже начаша заводити и негодовати дружины своея первыя, и людемъ не доходити Княже правды» (*). Здѣсь подъ именемъ *уныхъ* разумѣются не молодые люди, но люди новые для Кіевлянъ, пришлецы, которыхъ Всеволодъ привелъ изъ прежнихъ областей своихъ, Переяславля и Чернигова; ибо странно предположить, что Всеволодъ, на старости лѣтъ, покинулъ своихъ ровесниковъ и прилѣпился къ юношамъ. О Святополкѣ Изяславичѣ лѣтописецъ также съ негодованіемъ говоритъ, что онъ больше слушался тѣхъ, которыхъ привелъ съ собою, нежели старой Кіевской дружины: «Святополкъ же, не здумавъ съ большею дружиною отнею и стрыя своего, совѣтъ сотвори со пришедшими съ нимъ» (**). Но всего рѣзче обнаружилась нелюбовь старыхъ

(*) Лавр. 93. (**) Кенигсб. стр. 135.

дружинниковъ къ пришлецамъ, во время борьбы Мономаховичей и Святославичей: Кіевляне, убѣждая Изяслава Мстиславича смѣнить Ольговичей, говорили: «Ты нашъ Князь, поиди, Ольговичь не хочетъ быти акы въ задничи (*).»

Единственнымъ средствомъ для старыхъ дружинниковъ, заѣханныхъ пришлецами, оставалось отъѣзжать въ другія княжества; вотъ почему право отъѣзда было самымъ драгоцѣннымъ правомъ для бояръ нашихъ, вотъ почему они такъ горячо за него стояли, и упорствомъ своимъ въ его сохраненіи вызвали такія страшныя мѣры со стороны Московскихъ Государей. Тотъ самый Зюзинъ, о которомъ мы уже упоминали, говоритъ намъ, почему онъ отъѣхалъ отъ Великаго Князя Литовскаго къ Вел. Князю Московскому:

«Да Василей же подалъ память, и въ памяти пишетъ: Дѣдъ, Господине, мой Василей Ондреевичь Зюзинъ з' братьею поѣхалъ съ своимъ Государемъ съ Вел. Княземъ Михайломъ Борисовичемъ Тверскимъ въ Литву, а во Твери, Господине, да и въ Литвѣ былъ дѣдъ мой у своего Государя бояринъ, а дядя, Господине, мой Ѳедоръ Зюзинъ, меньшой братъ батьку, въ Литвѣ былъ на Щитово мѣсто справца Гетманства Дворнаго, а съ нимъ былъ въ меньшихъ товарищехъ Князь Ондрей Озерецкой, а язъ, Господине, былъ въ Литвѣ да Остафій Воловичь у одного дѣла со мною, и меня Остафьемъ учали отводити, и язъ, не хотя Остафья меньши быть, того для и къ Государю отъѣхалъ, о томъ вѣдаетъ Богъ да Государь.» (**).

Эти отъѣзды въ слѣдствіе мѣстничества играютъ иногда важную роль въ событіяхъ. Такъ

(*) Ипатьев. стр. 93. (**) Москвит. 1843 г. N° 1.

по смерти Велик. Кн. Андрея Городецкаго, умершаго бездѣтнымъ, бояре его, изъ которыхъ главнымъ былъ нѣкто Акинѳъ, перешли на службу къ Московскимъ Князьямъ, Юрію и Ивану Калитѣ Даниловичамъ; но въ Москву пришелъ въ тоже время на службу знаменитый Кіевскій боярин Родіонъ Несторовичь съ сыномъ, и привелъ собственный дворъ, состоявшій изъ 1700 человѣкъ. Ясно, какъ должны были обрадоваться Московскіе Князья такому служебнику: они дали ему первое мѣсто между Московскими боярами, и послѣ Калита, ставши Велик. Княземъ, ввелъ его въ свою половину Волока (*). Этимъ оскорбился Городецкій боярин Акинѳъ, и отъѣхалъ къ сопернику Московскихъ Князей, Михаилу Тверскому; но онъ не довольствовался отъѣздомъ, и хотѣлъ мести. Когда Юрій ушелъ въ Орду, поручивъ свое княжество Ивану, Тверичи, наученные Акинѳомъ, захватили одну изъ Переяславскихъ волостей, и когда Калита, опасаясь за самый Переяславль, засѣлъ въ этомъ городѣ, Акинѳъ съ многочисленною ратью явился самъ подъ стѣнами его, и три дня держалъ Князя въ осадѣ; но на четвертый явился на выручку Родіонъ, зашелъ Тверичамъ въ тылъ, Калита сдѣлалъ вылазку изъ города: Акинѳъ, потерпѣвшій пораженіе, былъ убитъ собственноручно Родіономъ, который, воткнувъ голову его на копье, представилъ Калитѣ съ слѣдующими словами: «Се, Господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава!»—Еще примѣръ: Александръ Михайловичь Тверской, ли-

(*) Другая половина принадлежала Новгороду.

шенный Твери, и живя долго во Псковѣ, набралъ себѣ новыхъ дружинниковъ (*); когда Александръ, помирившись съ Ханомъ, пріѣхалъ въ Тверь, то мы видимъ, что Тверскіе бояре отъѣзжаютъ въ Москву, при чемъ Карамзинъ (**) справедливо догадался, что они не хотѣли уступить новымъ любимцамъ. Когда Дмитрій Донской, по смерти Тысяцкаго Василья Вельяминова, уничтожилъ этотъ санъ въ своемъ княжествѣ, то сынъ послѣдняго Тысяцкаго, Иванъ, которому уже съ другими боярами у одного дѣла быть не приходилось, отъѣхалъ въ Тверь (***). Наконецъ во время борьбы Вел. Князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, когда знаменитый Московскій бояринъ Иванъ Дмитріевичь отъѣхалъ къ Юрію, и побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго, то другой бояринъ Юрія, Морозовъ, вопреки Ивану Дмитріевичу и сыновьямъ Юрія, вступился за плѣннаго Василія Васильевича и выхлопоталъ ему у дяди выгодныя условія, явно въ ущербъ своего Князя. Этого явленія нельзя иначе объяснить, какъ мѣстничествомъ, именно тѣмъ, что Иванъ Дмитріевичь заѣхалъ Морозова, который и началъ стараться возстановить Василія, дабы послѣ имѣть возможность отъѣхать къ нему. Но когда Московскіе Князья, собравъ сѣверовосточную Русь въ одно государство, положили конецъ отъѣздамъ изъ одного княжества въ другое, а отъѣзды къ

(*) Карамз. IV. примѣч. 324. (**) Карамз. IV. прим. 304.

(***) Что Иванъ Вельяминовъ могъ имѣть притязаніе на отцовское достоинство, доказательствомъ служитъ дѣло тогоже Зюзина, изъ котораго видно, что санъ Тысяцкаго въ Твери сохранялся въ одномъ родѣ, и переходилъ отъ отца къ сыну.

Великому Князю Литовско-Русскому получили значеніе измѣны въ слѣдствіе преобладанія государственныхъ понятій и различія вѣроисповѣданій; тогда-то мѣстническіе споры должны были усилиться при Московскомъ дворѣ до чрезвычайности. Московскіе Великіе Князья и потомъ Цари, которыхъ главною задачею было уничтоженіе родовыхъ отношеній между Князьями и замѣненіе ихъ государственными, ставши слѣд. въ разладъ со старою Русью, которой мѣстничество было порожденіемъ, по этому одному должны были враждебно смотрѣть на него, не говоря уже о страшномъ вредѣ, проистекавшемъ отъ мѣстничества для службы (*).

Не смотря однако на стремленіе Московскихъ Государей противоборствовать мѣстничеству, это исчадіе стараго порядка вещей было еще такъ сильно, что Государи должны были терпѣть его, даже уступать ему. Когда Князю нужно было принять въ свою дружину знаменитаго пришлеца (**) и дать

(*) См. Изслѣд. Волуева, стр. 33. Подъ 1570 годомъ снова рядъ челобитій одного воеводы на другаго, во время похода, и писано было отъ Царя, чтобы списки взяли и были по росписи; «но воеводы опять замшились и къ Кесю не пошли, и Царь, кручинясь, прислалъ къ нимъ съ Москвы Посольскаго Дьяка Андрея Щелкалова, а изъ слободы послалъ Дворянина Салтыкова, и велѣлъ имъ итти къ Кесю промышлять своимъ дѣломъ *мимо воеводъ*.» Но окончательнымъ слѣдствіемъ всего этого замѣшательства было, что войско было разбито, нарядъ взятъ, «а иные воеводы тогды съ дѣла побѣжали, а товарищей своихъ бояръ и воеводъ выдали» разумѣется, въ слѣдствіе того же, «что быть имъ вмѣстѣ на службѣ не приходилось.»

(**) Здѣсь я не могу согласиться съ мнѣніемъ Волуева, кото-

ему высшее мѣсто предъ старыми боярами, то для возстановленія мѣстническихъ отношеній, нарушенныхъ пріѣздомъ новаго дружинника, необходимо было сдѣлать новый рядъ, что̀ означалось словомъ *мѣнить*, т. е. перемѣнять мѣстническія отношенія.

рый думалъ, что такіе новопринятые бояре назывались *введенными*, для означенія, что такой-то и его родъ *введенъ* въ общій родовой распорядокъ государства (Синбир. Сбор. во введеніи къ бумагамъ Кикиныхъ, и въ изслѣдованіи о мѣстнич. стр. 106). Введеннымъ бояриномъ назывался боярин, котораго Князь вводилъ не въ общій родовой распорядокъ, (ибо тогда всѣ бояре были бы введенные), но во владѣніе извѣстнымъ городомъ, извѣстною областію; такъ назывался онъ въ отличіе отъ бояръ, оставшихся при Князѣ безъ особой правительственной должности. Такъ о Логинѣ Михайловичѣ Кикинѣ говорится (см. Синб. Сбор.), что онъ былъ «у В. Кн. Дмитрія Ивановича боярин введенный и города-державецъ, держалъ городы Волокъ и Торжокъ безъ отнимки.» Ясно, что боярин введенный не могъ итти въ походъ съ воеводою Князя, ибо долженъ былъ остаться въ городѣ, ему ввѣренномъ, въ управленіе которымъ онъ былъ введенъ, равно во время осады онъ не могъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ случайно жилъ, имѣя тамъ собственность, но долженъ былъ спѣшить въ свой городъ. Вотъ почему въ договорахъ между Велик. Князьями и Удѣльными встрѣчаемъ постоянно условіе: «А гдѣ язъ В. Князь пошлю своего воеводу котораго города, а которые люди тебѣ служатъ того города, и тѣмъ людемъ итьти подъ твоимъ воеводою, а твоему воеводѣ итьти съ моимъ воеводою, опрочь бояръ *введенныхъ*.» — «А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому тутъ и сидѣти, опрочь бояръ *введенныхъ*.» — Если бы Логинъ Кикинъ называлъ себя введеннымъ въ смыслѣ принятаго въ общій родовой распорядокъ, то зачѣмъ же сыну его Тимофею величать себя также введеннымъ бояриномъ? (Смотр. Синбир. Сборн.) Если отецъ одинъ разъ введенъ въ общій родовой распорядокъ, то разумѣется, вмѣстѣ съ нимъ введено и все его потомство, и сына не зачѣмъ вводить вторично.

До насъ дошло извѣстіе объ этой мѣнѣ (*), изъ котораго видно, съ какою торжественностію производилась она, какую слѣд. важность полагали въ ней:

«Какъ Князь Юрій Патрикѣевичь пріѣхалъ, а заѣхалъ бояръ Константина Шею, да Ивана Дмитріевича, Володимера Даниловича, Димитрія Васильевича, Ѳедора Кошкина Голтяя, мѣнилъ дѣдъ мой Князь Великій Василей Дмитріевичь своимъ отцемъ, съ Кипріаномъ Митрополитомъ, своими бояры: Дмитріемъ Александровичемъ, Степаномъ Васильевичемъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ, Ѳедоромъ другимъ Андреевичемъ, Даніломъ Ѳеофановичемъ; Кипріанъ Митрополитъ мѣнилъ моимъ дѣдомъ съ Великимъ Княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, своими бояры: черпцомъ Андреемъ Ослобятемъ, Дмитріемъ Ефимьевичемъ, Степаномъ Ѳеофановичемъ, Демьяномъ Романовичемъ, Михайломъ Раемъ »

Если иногда правительство для пользы службы нарушало обычное право мѣстничества, то люди, оскорбленные этимъ нарушеніемъ, не думали исполнять воли правительства, и оно уступало наконецъ ихъ требованіямъ. Такъ напр. (**) А. Голицынъ на службу не поѣхалъ для Б. Трубецкаго; ибо передъ тѣмъ ему недано было счету на Трубецкаго, и Царь велѣлъ отвезти его на службу приставу, который его на службу и привезъ; но онъ списковъ не взялъ, и за то посаженъ въ тюрьму нарошную, сидѣлъ въ тюрмѣ двѣ недѣли и списковъ все таки не взялъ; наконецъ Царь велѣлъ его изъ тюрьмы выпустить и со службы отпустить, и назначить на его мѣсто другаго. На стр. 103

(*) Москвит. 1843 г. № 1. (**) Изслѣд. Вол. стр. 84. 85.

снова искалъ А. Голицынъ на Т. Трубецкомъ и, какъ видно, судъ былъ на этотъ разъ данъ ему, ибо сказано, что судилъ ихъ и пр. Такъ мы видимъ, что правительсгво уступило наконецъ требованію Голицына, не смотря на свой первый отказъ ему, и учиненное наказаніе (*).

Какъ было сильно мѣстничество въ началѣ Московскаго единодержавія, показываетъ невмѣшательство правительства касательно распредѣленія мѣстъ въ войскѣ: «Мѣста въ войскѣ (**) вообще не подлежали распредѣленію исполнительной власти; каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицемъ или лицами, по извѣстнымъ обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою, и по напередъ даннымъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, мѣстническимъ отношеніямъ всѣхъ служилыхъ лицъ государства. — Верховная власть, особливо же въ началѣ единодержавія Московскаго, когда всѣ отношенія жизни, а слѣд. и мѣстничества, какъ главной пружины этой жизни, были еще простѣе и непосредственнѣе, и не получали послѣдующей сложности государственнаго механизма, — рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ, или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то; войско же само собой собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ росписаніяхъ, кому, гдѣ и какъ быть и пр. Каждый уже зналъ напередъ свое мѣсто въ немъ, отдѣльныя дружины располагались въ полки, полки размѣщались въ

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 71. (**) Тамъ же стр. 45.

ополченія на 3, или на 5 полковъ, воеводы принимали начальство надъ полками, кому съ кѣмъ вмѣстно и т. д., и все это двигалось и слагалось по извѣстному, внутреннему, обычному закону и отношеніямъ жизни,—которая по тому самому и не нуждалась ни въ какомъ внѣшнемъ двигателѣ, ею распоряжающемъ. Правительству же оставался одинъ только высшій, общій надзоръ за правильнымъ сборомъ и размѣщеніемъ войска и мѣстъ въ немъ, и самъ Царь (или его разрядъ), не принимая на себя труда рѣшать, кому съ кѣмъ и гдѣ быть вмѣстно, высказывалъ иногда въ своихъ грамотахъ, что предоставляется самимъ воеводамъ знать или разсудить, гдѣ кому съ кѣмъ быть пригоже и что *пригоже*. Такъ въ Арх. разр. *N*. 5-й лист. 2-й подъ 1493 годомъ, послѣ обыкновеннаго разряда воеводъ на 6-ть полковъ, сказано:

«Къ Воротынскимъ Княземъ и Одоевскимъ Князю Михайлу Мезецкому велѣлъ на правой быти подлѣ передовой полкъ В. Князя—Кн. Велик. сторонѣ и на лѣвой, *гдѣ похотятъ*. *А не похочетъ* быти Князь Дмитрій з братомъ своимъ, со Кн. Семеномъ вмѣстѣ, и Кн. Дмитрію быти своимъ полкомъ подлѣ большой полкъ гдѣ пригоже, и Кн. Семену и брату его, Кн. Ивану Перемышльскому, быти подлѣ передовой полкъ, *на правѣ или на лѣвѣ, гдѣ похотятъ*. А Одоевскимъ Княземъ и Бѣлевскимъ и Мезецкому, гдѣ *будетъ пригоже*, а Княземъ быти въ полку, и *имъ тутo быти, или гдѣ похотятъ*.»

Въ *N*. 13. 812 подъ 1536 год. стр. 367-я.

«Кн. Великій послалъ Кн. Александру Васильев. Кашину, что не съѣзжаются съ Михаиломъ Тучковымъ, и наше бы дѣло у васъ не терялося, съѣзжалися бы еста къ Дмитр. Полуектову, то вамъ намѣстникъ; а *не похо-*

вите съѣзжатися къ Дмитрію, и вамъ бы съѣзжатися, гдѣ пригоже.»

Иногда воеводы, прежде чѣмъ принимали на себя службу, какъ бы торговались съ правительствомъ, и напередъ вступали съ нимъ въ условія, на которыхъ служить ему готовы, на пр. Кн. А. Хилковъ, М. Кашинъ и М. Салтыковъ били челомъ объ указѣ, что если грамоты будутъ приходить къ одному Кн. Трубецкому, то мы на службу готовы, а если къ Трубецкому и Хворостинину вмѣстѣ, то имъ быть не вмѣстно (*).

Не рѣдко мѣстничество прямо оспоривало письменные акты и Царскія грамоты, потому только, что они противорѣчили ему, такъ на пр., при Годуновѣ подлинная невмѣстная грамота, данная Грознымъ, была обвинена воровскою, не смотря на скрѣпы и дьячью подпись, и дьякъ Щелкаловъ, вызванный рѣшить подлинность ея, отвѣчалъ справедливо или нѣтъ: «что такой не довелось дати, а поднесъ который подъячій во многихъ дѣлахъ и подписалъ де онъ за невѣды (**).» Мы уже упоминали о неповиновеніи воеводъ указамъ Царскимъ, и о вредѣ, проистекавшемъ отъ этого неповиновенія; но мѣстническіе счеты происходили не въ однихъ полкахъ, а также и при дворѣ, гдѣ, разумѣется, упорство мѣстниковъ имѣло слѣдствія больше смѣшныя, чѣмъ вредныя. Такъ Котошихинъ описываетъ упрямство мѣстниковъ: «Царь велитъ посадить за столъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ за стола вонъ,... и кричитъ: хотя де Царь велитъ ему голову отсѣчь,

(*) Изслѣд. Волуева стр. 75. (**) Тамъ же стр. 19.

а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ, и пр.» Всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи дѣло Кн. Козловскаго, который уже послѣ уничтоженія мѣстничества, при Царѣ Петрѣ, не хотѣлъ сидѣть подъ Нарышкинымъ и отговаривался болѣзнію отъ царскаго стола.

«Велѣно было быть къ Царскому столу Кн. Козловскому и два раза посыланъ за нимъ дьякъ, но онъ не поѣхалъ, а въ третій разъ пославъ дьякъ и велѣно, взявъ у него карету, привезть неволею. Но Козловскій вновь отказался болѣзнію и былъ въ черномъ платьѣ и на дворѣ у него кареты и лошадей не отыскано, и тогда велѣно было за непослушаніе привести его въ простой телѣгѣ. И привезенъ онъ былъ къ красному крыльцу и говорено ему было, чтобъ онъ шелъ вверхъ, но онъ не пошелъ и снова два раза посыланъ былъ за нимъ разрядный дьякъ, онъ же на верхъ идти за болѣзнію вновь отказался и чернаго платья съ себя не сложилъ. И тогда, по Государеву указу, изъ телѣги былъ взятъ и отнесенъ въ Патріаршу Крестовую и лежалъ на полу многое время и у стола не сидѣлъ, и велѣно было его за столъ посадить неволею, и онъ за столомъ о себѣ не сидѣлъ, а держали его разрядные подъячіе (*).

Бывали примѣры, что бояре, проигравшіе свое дѣло по мѣстничеству, хотѣли постричься, и Царь принужденъ былъ давать имъ правую грамоту (**).

Какъ же могли противодѣйствовать В. Князья и Цари такой могущественной формѣ отношеній? Любопытно взглянуть на средства, употребляемыя Государями для нарушенія мѣстническаго порядка въ пользу лицъ, которыя они хотѣли возвысить. Въ дворцовыхъ запискахъ читаемъ слѣдующій слу-

---

(*) Изсл. Волуева стр. 139. (**) Тамъ же стр. 36.

чай (*): при Василье Ив. Шуйскомъ Иванъ Пушкинъ, меньшой въ родѣ, билъ челомъ на Д. М. Пожарскаго, но судъ не былъ вершенъ. Царь Михаилъ Ѳед. велѣлъ, при своемъ вѣнцѣ, Гаврилѣ Пушкину, высшему родичу, сказать боярство Д. М. Пожарскому, но Гаврила отвѣчалъ ему: «что ему не вмѣстно, что ихъ родители меньши Пожарскихъ не бывали, и что доселѣ еще судъ не вершонъ съ меньшимъ его родичемъ.» Но Государь указалъ для своего Царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, и тогда Гаврило боярство сказывалъ. 15 лѣтъ спустя Борисъ Пушкинъ, племянникъ Гаврилы билъ снова челомъ на Д. М. Пожарскаго, но былъ за безчестье посланъ въ тюрьму «потому, что при Ц. Вас. Ив. Пушкинъ былъ меньше Д. Пожарскаго, да и дѣдъ твой сказывалъ боярство Пожарскому, а былъ безъ мѣста для Царскаго вѣнца, а не для его челобитья.» Обыкновенно же Царь, повышая своихъ любимцевъ, употреблялъ слѣдующія средства: или не давалъ вершенія суду, или отставлялъ противника, или объявлялъ службу не вмѣстною.

Волуевъ, разсмотрѣвъ каждое царствованіе отдѣльно, далъ намъ возможность видѣть поведеніе каждаго изъ Московскихъ Государей относительно мѣстничества. Прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе царствованіе Іоанна IV. Въ 1550 г. Царь уничтожилъ мѣстническіе счеты Князей, дѣтей боярскихъ и большихъ дворянъ съ воеводами; объявлено, что служба ихъ не будетъ порукою для ихъ будущихъ счетовъ въ отечествѣ,

(*) Изслѣд. Волуева стр. 108.

когда они сами будутъ въ санѣ воеводъ- и случится имъ быть вмѣстѣ съ тѣми же воеводами, подъ которыми прежде служили.

« Царь и В. Князь Иванъ Васильевичь всея Руси приговорилъ съ отцемъ своимъ Макаріемъ Митрополитомъ, и съ братомъ своимъ со Княземъ Юрьемъ Васильев., и со К. Володимер. Андреевичемъ и. своими бояры, да і в нарядъ служебной велѣлъ написати, гдѣ быти на Царевѣ и В. Князя службѣ бояромъ і воеводамъ по полкамъ ... А Княземъ и дворяномъ болшимъ и детемъ боярскимъ на Царевѣ и В. Князя службѣ з бояры и с воеводами, или с лехкими воеводами Царева и В. Князя для дѣла быть безъ мѣстъ; і в нарядъ служебной Ц. і В. К. велѣлъ записать, что боярскимъ дѣтемъ и дворяномъ большимъ лучитца на Ц. і В. К. службѣ быть с воеводами, не по ихъ отечеству, і в томъ ихъ отечествѣ порухи ни которые нѣтъ. А которые дворяне болшіе нынѣ будутъ с меншими воеводами (здѣсь большой и меньшой принимаются въ мѣстническомъ смыслѣ), где на Ц. і В. К. службѣ, не по своему отечеству, а впередъ изъ нихъ лучитца кому из тѣхъ дворянъ болшихъ самимъ быть в воеводахъ съ тѣмижъ воеводами вместе, съ которыми они были, или имъ лучитца где быть на́ каковѣ посылкѣ и с тѣми имъ воеводами, с которыми онѣ бывали, тогды счетъ дать и быть имъ тогды в воеводахъ по своему отечеству; а напередъ того, хотя и бывали с которыми воеводами съ меншими на службѣ, и темъ дворяномъ с теми воеводами въ счетѣ въ своемъ отечества порухи нѣтъ, по Государеву и В. К. приговору (с. Г. г. и д. т. II, N° 38. Никон. Лѣт. VII, стр. 258.).

Ища выхода изъ ненавистнаго ему порядка вещей, Грозный учредилъ Опричнину, которая была не иное что, какъ древняя дружина, знавшая только своего вождя, покорная только его велѣнію, долженствовавшая забыть преданія прошедшаго, забыть настоящія

отношенія къ родной странѣ, къ роднымъ людямъ. Изъ такого значенія Опричнины ясно, что въ ней мѣстническіе счеты не могли имѣть мѣста, что воля вождя рѣшала здѣсь все; и точно мы видимъ, что Опричнина спутала мѣстническіе счеты, и въ послѣдующихъ случаяхъ на нее указываютъ, какъ на случайное нарушеніе обычнаго права мѣстничества, котораго не должно принимать въ расчетъ: «то дѣялось въ Опричнинѣ», говорятъ челобитчики, «а хотя и будетъ таковъ разрядъ и былъ, а та была Государева воля въ Опричнинѣ, а въ томъ Государь воленъ» (*). Но и здѣсь, въ этой Опричнинѣ, въ этой Александровской слободѣ, притонѣ страшной дружины, Царя смущали мѣстническія челобитныя: «быть безъ мѣстъ!» было на нихъ отвѣтомъ (**). Когда полкамъ опричнымъ нужно было соединяться съ земскими, тогда воеводы земскіе бывали въ одномъ полку съ опричными и мѣстами не считались (***).

Вообще Царствованіе Грознаго не богато мѣстническими случаями: цѣлые годы, какъ кажется,

---

(*) Изслѣд. Волуева стр. 16 и 17. (**) И. В. стр. 16.

(***) Тамъ же: А гдѣ случится воеводѣ Кн. И. П. Шуйскому съ товарищи сойтися съ опричниными воеводами и сшедшися быти по полкомъ, Большому полку въ Бол. п., передовому полку въ пер. п., Сторожевому полку въ ст. п., а люди съ ними по ихъ спискамъ. А какъ сойдутся съ Вяземскими и со Ржевскимъ воеводами Холмскіе бояре и воеводы и тогда быти бояромъ и воеводамъ Кн. И. Ѳ. Мстиславскому съ товарищи по росписи, по полкамъ, съ Бояр. съ Кн. И. Д. Бѣльскимъ. Большому пол. въ больш. п., Правой рукѣ въ пр. р. Передовому п. въ пер. Сторожевому п. въ ст. п. Лѣвой рукѣ въ лѣв. и быти у Государева дѣла Боярамъ и Воеводамъ безъ мѣстъ.

проходили безъ споровъ; споры эти происходили преимущественно между военными чинами; Царь рѣшалъ ихъ скоро, благоразумно и милостиво; всего чаще встрѣчается слѣдующее рѣшеніе: «Служить и какъ служба минетъ, тогда и счетъ будетъ данъ». Почти половина всѣхъ споровъ рѣшалась такою невмѣстностію службы, что было самымъ прямымъ и вѣрнымъ исходомъ изъ тѣхъ препятствій и невыгодъ, которыя мѣстничество могло представлять для государственной службы. Для рѣшенія споровъ назначаемы были одинъ или два боярина и при нихъ дьякъ, да записывалъ подъячій. Но иногда самъ Грозный, охотникъ до историческихъ розысканій и критики вообще, бралъ на себя трудъ разбирать челобитчиковъ, и самъ выводилъ ихъ поколѣнныя росписи, вычислялъ службы ихъ предковъ и давнія, многостороннія отношенія этой службы къ другимъ родамъ и лицамъ, судилъ и рядилъ, но всегда болѣе или менѣе соображаясь съ обычнымъ правомъ и ссылаясь на его положенія; иногда отставлялъ отъ дѣла случаи, представленные челобитчиками, и самъ придумывалъ новое замысловатое отношеніе по службѣ, по которому и приказывалъ рѣшать. Замѣчательно, что съ 1572 г., т. е. со времени уничтоженія Опричнины, число мѣстническихъ случаевъ удвоется и возрастаетъ съ каждымъ годомъ почти въ геометрической пропорціи; это легко объясняется тѣмъ, что Опричнина необходимо должна была спутать всѣ отношенія (*). Любопытно также прослѣдить, какъ постепенно возвышались

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 14, 15, 42.

Годуновы, покровительствуемые Грознымъ Царемъ. Ни на кого не встрѣчается столько челобитій, сколько на Годуновыхъ, но они однако вездѣ были оправлены (*).

Грозный, видя, что мѣстничество еще сильно, что открыто дѣйствовать противу него не возможно, употреблялъ самое лучшее средство для обхода его вредныхъ слѣдствій, именно объявленіе службы невмѣстною, и съ неправыми челобитчиками поступалъ вообще очень милостиво. Объявляя походы безъ мѣстъ, отстраняя споры невмѣстными граматами, правительство незамѣтно отучало такимъ образомъ воеводъ отъ мѣстничества, что и случилось при Романовыхъ, когда всѣ почти походы бывали безъ мѣстъ. Но этой благоразумной мѣрѣ Грознаго и его кротости въ отношеніи къ мѣстничеству, не подражали въ царствованіе сына его Ѳеодора, т. е. въ правленіе Годунова. Годуновъ, при всемъ его умѣ и талантахъ, былъ не въ уровень своему положенію потому самому, что постоянно ставилъ интересъ личный и интересъ своей семьи выше интереса государственнаго: такъ поступилъ онъ и въ отношеніи къ мѣстничеству. Годунову нужно было возвысить свой родъ передъ другими, а невмѣстность службы не могла содѣйствовать этому возвышенію, ибо оставляла всѣ отношенія по прежнему, тогда какъ Годунову нужно было не временное, но постоянное возвышеніе его рода передъ другими родами боярскими, чего онъ могъ достигнуть только рѣшительнымъ опредѣленіемъ отношеній въ слѣдствіе приговора цар-

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 34.

скаго: если, на пр., Сицкій билъ челомъ на Годунова, и ему дана невмѣстная грамата, это значитъ, что отношенія между ними остались прежнія, что Сицкій въ правѣ считать себя выше Годунова и впередъ бить на него челомъ: Годунову нужно было, чтобы дѣло было рѣшено окончательно, чтобы окончательно, навсегда Годуновы были поставлены выше Сицкихъ. И такъ несправедливы слова Волуева (*):

«Государственный умъ Годунова не могъ не понять, что родовой распорядокъ уже не отвѣчалъ долѣе на новыя, постоянно возрастающія требованія государственной жизни; онъ предвидѣлъ его близкую кончину и побѣду государства и не могъ не желать ея.»

Годуновъ постоянно забывалъ государственную мудрость, когда дѣло шло о его личныхъ выгодахъ; еслибы онъ предвидѣлъ близкую кончину мѣстничества, то ему не нужно было бы употреблять крутыхъ мѣръ противъ него, а продолжать только отрицательныя мѣры Грознаго, обходя вредныя слѣдствія мѣстничества и давая ему спокойно вымирать. Но вотъ, что совершенно справедливо говоритъ Волуевъ:

«Онъ (Годуновъ) не могъ не чувствовать себя изъ пришлыхъ передъ той высотою, на которой стоялъ въ государствѣ, и не чувствовать незаконность передъ нею имъ занимаемаго мѣста въ распорядкѣ родовой чести. Съ вступленіемъ на престолъ Ѳеодора Іоанновича никто не смѣлъ болѣе бить челомъ на шурина царскаго и безспорнаго правителя государствомъ, и даже на его сродниковъ. Напротивъ того, мы видимъ, что Ѳеодоръ Іоан.

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 44, 45.

вершаетъ и, разумѣется, въ пользу Годуновыхъ, споры нерѣшенные самимъ Іоанномъ. Сверхъ того, хотя прямыхъ челобитій на Годуновыхъ и не было больше, и вѣроятно не смѣли даже *утягивать* Годуновыми въ другихъ спорахъ; но всякое дѣло, въ которомъ счетъ доходилъ до родовъ, равныхъ съ ними, или высшихъ, должно было напоминать всему служебному распорядку и самому Годунову о незаконно занимаемой имъ высотѣ; такъ, что Годуновъ, для поддержанія и утвержденія своей собственной чести, долженъ былъ стараться заглушить всякія такія дѣла и споры по мѣстничеству.»

Вотъ почему вмѣсто кротости Іоанновой, мы видимъ при Ѳеодорѣ необыкновенную строгость, и вмѣсто объявленій службы невмѣстною, даже произволъ правительства въ дѣлахъ по мѣстничеству: когда обычное право было разъ нарушено для Годунова, то онъ хотѣлъ освятить это нарушеніе и для другихъ родовъ; всего ненавистнѣе ему было оставленіе прежнихъ отношеній, и потому объявленіе службы безмѣстною при немъ вышло изъ употребленія; во все царствованіе Ѳеодора, при учетверившемся числѣ споровъ и челобитій, мы находимъ собственно не болѣе пяти невмѣстныхъ граматъ, или рѣшеній: что служба невмѣстна; но за то заключеній въ тюрьму и другихъ наказаній за челобитья по мѣстничеству мы находимъ въ эти 15 лѣтъ до 15 (*).

Какъ же скоро Годуновъ достигъ своей цѣли, сталъ Царемъ, выдѣлился слѣд. изъ прежней среды и возвысился надъ всѣми прежними отношеніями, такъ тотчасъ же перемѣнилъ свое поведеніе

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 45.

касательно мѣстничества: теперь уже мѣстничество не могло быть для него опасно, не могло его затронуть, и потому Борисъ въ отношеніи къ нему является необыкновенно кроткимъ (*), ибо суровыя мѣры тамъ, гдѣ дѣло не шло о личныхъ выгодахъ, не входили въ планы Бориса, желавшаго на оборотъ милостями привлечь къ себѣ всѣ сословія. Ставши Царемъ, Борисъ хотѣлъ показать, что онъ не оставилъ за собою никакихъ изъ прежнихъ отношеній, и потому явился совершенно безпристрастнымъ къ своимъ родичамъ, Годуновымъ, оставилъ ихъ при прежнихъ отношеніяхъ въ мѣстническомъ распорядкѣ, какъ оставались обыкновенно царскіе родственники по женѣ. Но, оставаясь равнодушнымъ къ повышенію своихъ родичей, Борисъ постепенно повышалъ своего любимца и будущаго измѣнника, Петра Басманова, точно такъ какъ Ц. Ив. Грозный повышалъ самого Годунова: какъ при Грозномъ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ челобитій на Годунова, такъ въ царствованіе послѣдняго мы находимъ безпрестанныя челобитья на Басманова, отъ которыхъ отстаивалъ его Ц. Борисъ.

Но любопытно взглянуть на поведеніе правительства относительно мѣстничества въ періодъ времени отъ смерти Ц. Ѳеодора Іоан. до избранія Бориса. Временное правительство обнаружило особенную строгость въ мѣстническихъ случаяхъ, и даже не допускало челобитчиковъ до судебнаго разбирательства, потому что въ такое страшное время, когда престолъ спротствовалъ, оно не могло

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 149.

позволить себѣ заниматься мѣстническимъ разбирательствомъ и требовало, чтобы для чрезвычайнаго случая бояре и воеводы были безъ мѣстъ. Для насъ важна здѣсь роль, которую играетъ Патріархъ: когда получалась челобитная, то, по указу Царицы Ирины, Бояре сказывали Патріарху и тотъ писалъ отъ себя къ ослушному воеводѣ, «чтобъ списки взялъ и всякія дѣла дѣлалъ; а не учнетъ дѣлать и Патр. Іовъ со всѣмъ соборомъ и со всѣми бояры приговорили его послать противнику головою (*) »

При новой династіи Романовыхъ мѣстничество обнаруживаетъ явные признаки вымиранія. Такъ мы встрѣчаемъ теперь примѣры, что соперники ссылаются на царскіе уставы и приговоры, противорѣчившіе мѣстническимъ понятіямъ и обычаю, тогда какъ прежде мы находимъ ссылки на эти уставы и приговоры въ однихъ отвѣтахъ Царя или разряда: знакъ, что мѣстничество стало уже терять всю свою прежнюю крѣпость обычая (**). Правительство слѣдуетъ благоразумной мѣрѣ Грознаго: почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что и привело постепенно и естественно къ мысли объ уничтоженіи мѣстничества, совершенномъ при Ц. Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ: здѣсь вѣчное: «быть безъ мѣстъ» замѣнило только повтореніе этого выраженія при каждомъ походѣ. По видимому, въ XVII вѣкѣ мѣстничество достигло своего окончательнаго результата, а именно сдѣлало извѣстные степени въ государственныхъ должностяхъ принадлежностію немногихъ родовъ; такъ встрѣ-

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 147. (**) Тамъ же, стр. 63.

чаемъ у Котошихина слѣдующее раздѣленіе родовъ: «1) роды, которые бываютъ въ боярехъ, а въ окольничихъ не бываютъ; 2) роды меньше тѣхъ, которые бываютъ въ окольничихъ и боярехъ; а бывъ въ спальникахъ, бываютъ пожалованы большихъ бояръ дѣти въ бояре, а иныхъ меньшихъ родовъ дѣти въ окольничіе. Родыжъ, которые бываютъ въ думныхъ дворянѣхъ, окольничихъ, изъ честныхъ родовъ и изъ среднихъ, и изъ дворянъ, и тѣ роды болши тое чести не доходятъ.» Но съ другой стороны, въ XVII вѣкѣ, мы видимъ въ мѣстничествѣ уже чуждыя ему понятія, которыя свидѣтельствуютъ о сильномъ ударѣ, ему нанесенномъ, а именно мы встрѣчаемъ новое понятіе о высотѣ своею степенью; такъ Кн. Вяземскій говоритъ: «да и по степени мы больше Вельяминовыхъ, отъ Мономахова большова сына Мстислава пошли, а Вельяминовыхъ степень прежде изъ орды къ В. К. Калитѣ, а не отъ Великихъ и не Удѣльныхъ Князей пошли, а потому мы и больше Вельяминовыхъ (*).» Но въ древнѣйшую эпоху, когда еще были живы всѣ преданія удѣльной Россіи и владѣтельнаго княжества, когда въ Москвѣ мѣстничалось второе или третье поколѣніе бывшихъ владѣтельныхъ Князей, въ это время мы не находимъ ни разу, чтобъ потомокъ Великаго или Удѣльнаго Князя указывалъ на свое княжеское происхожденіе и на немъ думалъ опереть права своей чести. Какъ же объяснить такую новость? Волуевъ думалъ (**), что здѣсь видны аристократическія замашки, вѣроятно пришлыя изъ Польши

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 156. (**) Тамъ же, стр. 156.

и обнаруживающія болѣе или менѣе Польское вліяніе. Но зачѣмъ намъ Польское вліяніе, когда дѣло можно объяснить гораздо легче, естественнѣе. Мы видѣли, что первые государи наши, противодѣйствуя мѣстничеству, вводили въ свою дружину пришлецовъ изъ разныхъ странъ и народовъ, такъ что за исключеніемъ изъ общаго счета 163 княжескихъ родовъ Рюриковичей и 96 родовъ, не извѣстно откуда пришедшихъ, оказывается, что на 36 родовъ не пришлыхъ приходится 351 выѣхавшихъ въ Россію со всѣхъ концевъ міра, въ томъ числѣ изъ Франціи, Италіи, Англіи, Цесаріи, Венгріи и пр. 65; изъ Пруссіи 65; изъ Польши и Литвы, считая и Гедиминовичей 214; изъ Нѣмцевъ и Варягъ 56; изъ Грековъ, Сербовъ и пр. 17; изъ разныхъ Татарскихъ Ордъ, Сарацынъ, Кафы, Персіи, Грузіи 143; слѣд. отношеніе какъ 1 къ 15 (*). Всѣ эти пришлые роды были знатные, честные, или, по крайней мѣрѣ, такъ называли себя: уличить ихъ въ обманѣ было не возможно. Князь вѣрилъ для собственной выгоды, бояре вѣрили по невозможности не вѣрить, и потому послушно раздвигали ряды свои для принятія пришлеца: аристократическое чувство ихъ не могло быть оскорблено. Но въ позднѣйшее время пріѣздъ новыхъ дружинниковъ, новыхъ слугъ царскихъ изъ чуждыхъ земель прекращается, или, по крайней мѣрѣ, становится очень рѣдкимъ; а вмѣсто того пробиваются до первыхъ степеней въ государствѣ люди извѣстнаго низкаго происхожденія. Іоаннъ Грозный первый нанесъ сильный ударъ

(*) Изсл. Волуева, стр. 30.

аристократическому чувству, подаривъ своею довѣренностію людей низкаго происхожденія, по крайней мѣрѣ относительно низкаго, поставивъ ближе всѣхъ къ себѣ Адашева, учредивъ санъ думныхъ дворянъ, сильно возвысивъ вліяніе дьяковъ на дѣла, «которыхъ отцы, пишетъ Тетеринъ къ Морозову, вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ.» (*). Правда, дьяки оставались дьяками, не шли впередъ; но ихъ сила, ихъ вліяніе на дѣла не могли не оскорбить аристократическаго чувства родовъ, не могли не возбудить этого чувства, прежде не высказавшагося, ибо не тронутаго, не оскорбленнаго; Грозный первый задѣлъ аристократическое чувство, и при Грозномъ впервые оно высказалось, именно въ Курбскомъ (**). Послѣ это чувство не переставало быть оскорбляемо: во время междоцарствія Болотниковъ сталъ воеводою, Андроновъ спорилъ съ Салтыковымъ о довѣренности Сигизмунда, о вліяніи на дѣла Москвы; наконецъ при новой династіи Языковы, Милославскіе, Матвѣевы, Хитровы, могли достигнуть первыхъ степеней въ государствѣ. Слѣд. понятіе о высотѣ своею степенью не было занесено изъ Польши, но обнаруживаетъ естественную, необходимую аристократическую реакцію, вызванную втѣсненіемъ худородныхъ людей на высшія ступени, ближайшія къ трону. На какихъ основаніяхъ древніе знатные роды могли мѣстничаться съ Языковыми и Матвѣевыми? Ихъ нельзя было

(*) Курб. изд. Устрял. стр. 374.

(**) Тамъ же стр. 49.

утянуть ни лѣствицею, ни разрядомъ, противъ нихъ можно было выставить только свое знатное происхожденіе; но какъ скоро понятіе о высокости происхожденія разъ было возбуждено естественнымъ образомъ чрезъ противоположеніе, то уже и древніе знатные роды начали считаться другъ съ другомъ высотою своей степени, и Вяземскій выставляетъ свое происхожденіе отъ Мстислава В. предъ Татарскимъ происхожденіемъ Вельяминовыхъ, точно такъ какъ Салтыковъ выставляетъ свое знатное происхожденіе предъ Сулешевымъ, который былъ иноземецъ и на Москвѣ новый (*).

Изложивъ происхожденіе и судьбу мѣстничества въ различныя эпохи Русской Исторіи, мы приступимъ теперь къ обзору его основныхъ началъ, какъ они добыты наукою въ послѣднее время.

Мы видѣли, что мѣстничество явилось у насъ вслѣдствіе столкновенія начала дружиннаго съ началомъ родовымъ. Въ какомъ же смыслѣ принимался родъ при мѣстническихъ счетахъ? Родовой кругъ въ мѣстничествѣ является чрезвычайно обширнымъ: такъ встрѣчаемъ примѣры, что бьютъ челомъ за родича въ осьмомъ колѣнѣ (**), и всякій членъ рода, когда онъ являлся истцемъ или челобитчикомъ на чужой родъ, одинаково былъ представителемъ всего рода, во сколько всѣмъ прочимъ родичамъ доставало до отношеній, имъ вызванныхъ къ судебному разбирательству, являлся исполнителемъ общей, лежавшей на каждомъ изъ родичей обязанности защищать и оберегать не только свою

(*) Изсл. Волуева, стр. 129. (**) Тамъ же 77.

честь, но, въ свою мѣру, и честь всего рода (*). Притомъ мѣстническіе счеты касались не только всѣхъ живыхъ членовъ рода, во всей его обширности, но часто даже и умершихъ; ибо для мѣстничества и его соотношеній выбывшій или дѣйствительный членъ рода, имѣли совершенно одинакое значеніе (**). *При всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ*, всякая потеря одного члена рода должна была въ соотвѣтствіи, понижать и всѣхъ остальныхъ родичей. Я сказалъ: при всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ, ибо въ слѣдствіе милости царской, личныхъ достоинствъ и т. под. случайныхъ обстоятельствъ могло произойти, что при потерѣ высшихъ родичей нѣсколькими мѣстами противъ чужихъ родовъ, отдаленнѣйшіе меньшіе оставались при прежней чести, и такимъ образомъ могли сравняться съ своими большими и даже опередить ихъ: ясно, что въ такомъ случаѣ уже нарушалось общее взаимное соотвѣтствіе всѣхъ родовыхъ отношеній между собою. Впрочемъ остальные родичи могли всегда оградить себя отъ потери одного изъ своихъ братій немедленнымъ челобитьемъ, протестующимъ противъ этой потери, такъ напр., встрѣчаемъ челобитье Ноготкова, во всѣхъ Оболенскихъ Князей мѣсто, протестующее противъ потери Репнина, и рѣшено было, что Репнинъ виноватъ одинъ, а прочему роду порухи чести никакой нѣтъ (***). Очевидно, что и на оборотъ всѣ повышенія по службѣ тѣхъ или другихъ родичей являлись новою благопріобрѣтенною собственностію

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 80. (**) Тамъ же, стр. 83. 85.
(***) Тамъ же, стр. 103.

всего рода, которою всякій членъ его могъ въ свою мѣру пользоваться, на случай своего вступленія въ разряды государевы. При этомъ надобно обратить вниманіе на отношенія высшихъ и нисшихъ родичей, въ случаѣ повышенія родовой чести послѣдними; эти отношенія выведены Волуевымъ (*) a priori, однако вполнѣ подтверждаются значеніемъ царской опалы въ мѣстническомъ распорядкѣ. Старшіе въ родѣ, при господствѣ родоваго быта, вездѣ пользовались высшею родовою честію и всѣмъ достояніемъ, которое купили роду трудъ и подвиги ихъ младшей братьи. Если во время войны и было ихъ обязанностію предводить своимъ родомъ; но когда болѣзнь, старость, или завѣдываніе домашними дѣлами заставляло ихъ оставаться дома, то они пользовались однако тою же родовою честью и плодами побѣды, и даже наибольшимъ участкомъ въ добычѣ. И потому, заключая отъ первобытныхъ родовыхъ отношеній къ мѣстническимъ, имѣемъ право положить, что нисшій родичь, ставши высоко на службѣ въ разрядѣ, не въ мѣру своему высшему, являлся только представителемъ его родовыхъ отношеній въ обществѣ, если однако старшій не былъ самъ на службѣ; въ противномъ случаѣ, если старшій самъ находился въ разрядѣ, то нисшій, ставши высоко предъ высшимъ, необходимо являлся нарушителемъ его правъ; точно такъ какъ въ первоначальной родовой жизни старшій родичь могъ вовсе не участвовать въ походѣ, или общемъ совѣщаніи, но если онъ разъ участвовалъ въ немъ, то необходимо

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 124—126 и слѣд.

долженъ былъ находиться въ соотвѣтствующей его старшинству чести и на соотвѣтствующемъ ей мѣстѣ, на пр. въ первыхъ рядахъ и тому под. Въ противномъ случаѣ прочіе родичи являлись невольными нарушителями его правъ и чести. Это отношеніе, выведенное a priori, оправдывается, какъ мы сказали, значеніемъ царской опалы въ мѣстничествѣ, которая была однозначительна временному отсутствію одного, или нѣсколькихъ поколѣній рода изъ общаго разряднаго распорядка, и давала положительное право считаться своими меньшими, которые, продолжая бывать въ разрядахъ и подвигаться на поприщѣ служебной чести, необходимо опережывали своихъ родовыхъ высшихъ, по опалѣ не участвовавшихъ въ разрядахъ, ибо опала, хотя и принуждала быть въ разрядахъ, однако вмѣстѣ съ тѣмъ исключала изъ разряднаго распорядка и его законнаго движенія, приковывая опальнаго къ тому мѣсту, на которое онъ былъ сосланъ (*).

Родъ необходимо слагается изъ старшихъ и младшихъ членовъ. Я уже въ другомъ мѣстѣ (**) старался показать различныя представленія о старшинствѣ между членами рода, изъ которыхъ одно основывалось на старшинствѣ физическомъ, при чемъ всѣ дядья считались старше племянниковъ. Другое исходило изъ отношенія старшаго брата къ младшимъ, который былъ къ нимъ въ отца мѣсто, при чемъ сыновья старшаго брата считались братьями дядьямъ своимъ, и послѣ даже братьями

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 126. 127. 128.

(**) Въ статьѣ объ родовыхъ отношеніяхъ между Князьями древней Руси, въ Московскомъ Сборникѣ, Т. I.

старшими. Но отношенія во всѣхъ родахъ долженствовали быть одинакія, слѣд. оба означенныя представленія о старшинствѣ имѣли мѣсто не въ одномъ княжескомъ родѣ, но и въ родахъ дружинниковъ княжескихъ, или дворянъ; во всѣхъ родахъ оба эти представленія должны были вступить въ борьбу между собою: которое же одержало верхъ? Мы видѣли, что въ родѣ княжескомъ сначала беретъ верхъ представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей безъ исключенія надъ всѣми племянниками; потомъ пересиливаетъ представленіе о старшинствѣ сына отъ старшаго брата надъ дядьми, при чемъ однако, до самаго пресѣченія Рюрикова рода на престолѣ Московскомъ, дядья самые младшіе не хотятъ уступить старшинства сыну отъ старшаго брата, такъ что оба представленія остаются при своихъ крайностяхъ, не уступаютъ другъ другу, не допускаютъ ничего средняго. На пр. когда Василій Димитріевичь требуетъ отъ братьевъ, чтобъ они признали старшинство его сына Василія, 5-й и самый младшій изъ братьевъ, Константинъ вооружается противъ этого требованія; Владиміръ Андреевичь Старицкій домогается престола мимо племянника Димитрія Іоанновича. Но въ другихъ родахъ, кромѣ княжескаго, мы видимъ, что оба представленія мирятся, а именно первый племянникъ уравнивается въ старшинствѣ съ дядьми, но только съ младшими, начиная съ 4-го. Отъ чего же произошло такое различіе? Во первыхъ отъ того, что въ борьбу различныхъ представленій о старшинствѣ въ родѣ княжескомъ скоро вмѣшалось понятіе объ отдѣльной собственности, явившееся на сѣверовостокѣ вслѣдствіе господства городовъ

новыхъ. Преобладаніе отдѣльной собственности, разрушивъ родовую связь, заставило старшаго брата воспользоваться своимъ положеніемъ для усиленія собственной семьи на счетъ младшихъ братьевъ; это пріобрѣтенное могущество, силу матеріяльную, онъ передавалъ своему старшему сыну, который, въ свою очередь, пользовался наслѣдственнымъ могуществомъ для того, чтобы стать старше дядей, подчинить ихъ себѣ; и такимъ образомъ естественно и не замѣтно, чрезъ посредство понятія объ отдѣльной собственности, родовыя отношенія переходили въ государственныя. Во вторыхъ, въ родѣ княжескомъ подчиненіе младшихъ братьевъ старшему гораздо сильнѣе, нежели въ другихъ родахъ по той самой причинѣ, что для нихъ нѣтъ болѣе высшей власти въ обществѣ, старшій братъ для нихъ вмѣстѣ отецъ и государь, значеніе старшаго въ родѣ княжескомъ слѣд. гораздо выше значенія старшаго въ другихъ родахъ, и естественно, необходимо усиливаетъ значеніе собственной семьи В. Князя, особенно его старшаго сына: младшій братъ, чтя въ В. Князѣ отца и государя, необходимо переноситъ это уваженіе и на сына его, на своего племянника; тогда какъ въ другихъ родахъ значеніе старшаго брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствіемъ высшей власти, правительства, государя, къ которому и старшіе и младшіе находятся въ одинаковыхъ подданническихъ отношеніяхъ, слѣд. здѣсь разница между старшими и младшими братьями вовсе незначительна, они почти равны другъ съ другомъ, а это равенство и помогло старшимъ дядьямъ выиграть въ борьбѣ [illegible] представленій, и остаться старше пле-

мянниковъ отъ перваго брата. Теперь остается вопросъ: какое основаніе тому, что именно четвертый братъ теряетъ старшинство передъ племянникомъ отъ перваго брата? Волуевъ думалъ, «что точкой отправленія для всего мѣстническаго распорядка и всѣхъ его счетовъ было понятіе о семьѣ, какъ единицѣ и трехъ, т. е. отцѣ и трехъ сыновьяхъ, восходящее, можетъ быть, до языческихъ представленій народа. На этомъ счетѣ крестьянинъ доселѣ основываетъ во многихъ мѣстахъ раскладку податей между собою, дѣлежъ земли и пр. Каждый лишній 4-й сынъ присчитывается къ другой семьѣ, такъ и въ мѣстничествѣ 4-й братъ равенъ своему первому племяннику» (*). Но посмотримъ, нельзя ли найти объясненіе такому счету въ самомъ физическомъ старшинствѣ между членами семьи, ибо почти всегда въ многочисленной семьѣ только три старшіе брата сохраняютъ нѣкоторое равенство между собою касательно возраста, разница же между первымъ и остальными младшими, начиная съ 4-го, такъ обыкновенно велика, что послѣдніе находятся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, когда первый уже совершенно возмужалъ; притомъ обыкновенно случалось и случается, что при жизни отца только трое первыхъ сыновей достигаютъ зрѣлаго возраста, тогда какъ младшіе остаются по смерти отца еще дѣтьми, и, какъ несовершеннолѣтніе, вступаютъ подъ надзоръ старшаго брата, который дѣйствительно заступаетъ для нихъ мѣсто отца; мало того, въ первоначальномъ обществѣ, когда браки заключались очень рано, обыкновенно случалось, что

(*) Изсл. Волуева, стр. 152, 153.

первый сынъ уже былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, тогда какъ младшіе еще не родились, или были въ пеленкахъ, слѣд. старшій сынъ отъ перваго брата приходился физически старшимъ, или, по крайней мѣрѣ, равнымъ младшимъ дядьямъ своимъ. Подкрѣпимъ сказанное примѣрами изъ Исторіи. У Святополка Изяславича было 4 сыновей: Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ и Брячиславъ: послѣдній по смерти отца остался малолѣтнымъ, именно 10 л., не могъ слѣд. быть самостоятельнымъ, не могъ получить волости и долженъ былъ находиться подъ надзоромъ старшаго брата Ярослава, ибо Мстиславъ уже умеръ, который заступилъ для него мѣсто отца. У Мономаха было 8 сыновей, изъ нихъ Вячеславъ, 3-й, если не считать умершихъ Изяслава и Святослава, и 5-й, если считать ихъ, говоритъ Юрію (4-му или 6-му): «я былъ уже бородатъ, когда ты родился:» но если онъ былъ бородатъ, то могъ быть въ то время и женатъ, слѣд. его дѣти могли быть ровесниками Юрію: но самъ Вячеславъ былъ 5-й братъ, слѣд. какова разница между старшимъ братомъ Мстиславомъ и Юріемъ! Но у Мономаха былъ младшій сынъ Андрей, родившійся въ 1102 году, а черезъ 5 лѣтъ, въ 1107 г. Юрій уже былъ женатъ: теперь какова должна быть разница между самымъ младшимъ Мономаховичемъ, Андреемъ и самымъ старшимъ, Мстиславомъ! Ясно, что старшіе сыновья послѣдняго должны быть старше дяди своего, Андрея. У Мстислава было 4 сыновей: 4-й Владиміръ родился за годъ до отцовской смерти (*), и долженъ

(*) Платьев. 12.

былъ слѣд. остаться младенцемъ на рукахъ старшаго брата - отца. У Димитрія Донскаго было 6 сыновей: младшій Константинъ родился въ годъ отцовой кончины, слѣд. остался на рукахъ старшаго брата Василія. И такъ равенство 4-го брата съ первымъ племянникомъ основывается на старшинствѣ физическомъ, потому что обыкновенно 4-й братъ уже слишкомъ разнится возрастомъ отъ старшаго брата и подходитъ къ нему въ сыновнія отношенія, и слѣд. становится братомъ своему племяннику. Тоже основаніе руководствуетъ и расчетомъ крестьянина: предполагается, судя по опыту, что только три сына при жизни отца достигаютъ зрѣлаго возраста, могутъ нести тягость работъ, потому, если есть 4-й совершеннолѣтній, то онъ, чтобъ не нарушить порядка, отсчитывается къ другой семьѣ.

Показавъ отношенія между старшими и младшими членами рода, какъ утвердились они въ мѣстничествѣ, мы должны обратиться теперь къ самымъ счетамъ и спорамъ мѣстническимъ. Эти споры и счеты могли происходить между ближними родичами, на пр. между дядьми и племянниками; такіе споры, случавшіеся очень рѣдко, рѣшались по всѣмъ вѣроятностямъ полюбовно, семейнымъ, домашнимъ разбирательствомъ: такъ мы видимъ въ одномъ дѣлѣ, что Государь велитъ рѣшить споръ между дядею и племянникомъ ихъ старымъ родителямъ (*). Если же мѣстническіе споры бывали между однородцами, т. е. между такими, которые происходили отъ одного родоначальника, но уже не были въ кровномъ родствѣ между собою, тогда

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 25.

счетъ между ними былъ по отношеніямъ родовымъ, т. е. лѣствицею, или по отношеніямъ служебнымъ, т. е. разрядами, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Если подобный споръ возникъ вслѣдствіе однихъ неясныхъ и спорныхъ родовыхъ отношеній, тогда могъ имѣть мѣсто одинъ только счетъ лѣствицею; если же споръ произошелъ вслѣдствіе нарушенія родовыхъ отношеній отношеніями служебными, тогда счетъ необходимо былъ и лѣствицею и разрядомъ.

Всего чаще и почти исключительно представляются одни споры и дѣла между чужеродцами. Здѣсь, разумѣется, могли имѣть мѣсто только счеты разрядами, или службою; но, при означенномъ единствѣ родовъ, родовыя отношенія играютъ здѣсь посредствующую роль для опредѣленія служебныхъ отношеній между чужеродцами, а именно: каждый противникъ старался найти въ своемъ родѣ члена, высокаго по разряду, которымъ могъ возвысить самого себя, или въ родѣ противника отыскивалъ высшаго, или, по крайней мѣрѣ, равнаго послѣднему члена по лѣствицѣ, на пр. дядю противника, котораго могъ унизить предъ собой разрядомъ, и такимъ образомъ унизить и непосредственнаго своего противника. Это называлось, на мѣстническомъ языкѣ, *утягивать* кого нибудь кѣмъ нибудь. Я сказалъ, что старались отыскать въ родѣ противника высшаго, или, по крайней мѣрѣ, равнаго родича; ибо низшимъ, разумѣется, нечего было утягивать; вотъ почему встрѣчаемъ въ отвѣтахъ противниковъ, что утягиваніе несправедливо, ибо родичь, которымъ утягиваютъ, *у насъ малъ къ чужому роду*, на пр. племянникъ, котораго утягиваютъ дядею, старается доказать, что этотъ дядя, но о-

значеннымъ выше понятіямъ о старшинствѣ извѣстныхъ племянниковъ предъ дядьми, меньше его по лѣствицѣ. Часто даже челобитчикъ, считая того, съ кѣмъ мѣстничается, безспорно ниже себя многими мѣстами, бьетъ челомъ прямо на высшаго родича своего противника; на пр. въ 1577 г. «Государь велѣлъ стоять у своего стола съ Кравчимъ Б. Ѳ. Годуновымъ Ив. Вас. Сицкому, и Кн. Иванъ сказалъ, что ему невмѣстно и билъ челомъ на большаго брата Борисова, а Б. Ѳ. Годуновъ билъ челомъ на отца Иванова.» Иногда же случалось на оборотъ: отвѣтчикъ, считая низкимъ для себя бить челомъ самому, посылалъ вмѣсто себя бить челомъ, или отвѣчать за себя младшаго родича, на пр. «билъ челомъ Ѳедоръ Ласкаревъ на Ст. Годунова, но въ Степаново мѣсто билъ челомъ 6-й братъ его меньшой и Ласкаревъ былъ обвиненъ пятью мѣсты передъ Андреемъ.» (*).

Теперь обратимся къ случаямъ, въ которыхъ мѣстничество допускалось. Мы сказали, что дружинное право Князя назначать мѣста дружинникамъ, нашло себѣ препятствіе въ родовомъ бытѣ племенъ, средь которыхъ дружина поселилась; но съ понятіемъ дружины мы необходимо соединяемъ понятіе о войскѣ, слѣд. прежде всего мѣстничество должно было обнаруживаться при назначеніи мѣстъ военныхъ. Тацитъ говоритъ, что въ дружинѣ мѣсто тѣмъ было честнѣе, чѣмъ ближе къ вождю, а мѣсто вождя было напереди всѣхъ. Въ нашей Русской дружинѣ мы видимъ тоже самое: старшій вождь или старшій Князь предводительствовалъ

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 33. 34.

въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ибо долженъ былъ «ѣздити напереди полкомъ своимъ,» такъ дружина Даніила Галицкаго говорила однажды этому Князю: «Ты еси Король, голова всимъ полкомъ; аще насъ послеши напередъ кого, не послушно есть, вѣси бо ты воинскій чинъ, на ратехъ обычай ти есть, и всякый ся тебе усрамитъ и убоится; изъиди самъ напередъ» (*) Но до самаго образованія Московскаго государства мы не имѣемъ свидѣтельствъ о мѣстахъ воеводъ въ войскѣ, потому что по смерти Ярослава 1-го, при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, мѣста воеводъ на войнѣ занимали сами Князья, при чемъ старшіе занимали мѣста переднія или болѣе честныя, а младшіе отдаленнѣйшія, менѣе честныя. Такъ право рядить полки принадлежало старшему между братьями, на пр. «идущимъ же имъ биться, Андрей поча рядити полкъ отца своего, зане бѣ старѣй тогда въ братьѣ» (**) Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ также извѣстіе, что за мѣсто напереди, какъ самое честное, происходили споры между Князьями: такъ, когда Мономахъ пришелъ съ своимъ полкомъ на помощь къ В. К. Святополку, сказано: «и взяста межи собою распря и которы; и уладившася (***).» Другіе примѣры: «Володимѣръ же Глѣбовичь пріѣха къ нимъ изъ Переяславля съ дружиною своею; испросися у Святослава и во Рюрика ѣздити напереди съ Чернымъ Клобукомъ. Святославу же не любо бяшеть пустити Володимера напередъ передъ сыны своими: но Рюрикъ и иніи вси улюбиша, зане бѣ мужъ бодръ и дер-

(*) Ипатьев. 192. (**) Тамъ же 63. (***) Лавр. 93.

зокъ и крѣпокъ на рати» (*). Или: «Володимеръ же Глѣбовичь посла ко Игореви, прося у него ѣздити напереди полкомъ своимъ, Князи бо Русціи далѣ (удали) бяхуть напередѣ ѣздити въ Русской землѣ; Игорь же не да ему того; Володимеръ же разгнѣвася и возвратися» (**). Находимъ также слѣды раздѣленія войска, сходнаго съ послѣдующимъ дѣленіемъ на большой полкъ, правую и лѣвую руку, съ одинакими степенями честности мѣстъ; на пр. при описаніи Липецкой битвы читаемъ: «Володимеръ же Смоленьской поставн полки своя съ края, а отъ него сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новогородцы, и Володимеръ Плесковскій съ Плесковичи, а отъ него ста Князь Костянтинъ съ Ростовци. Ярославъ же ста своими полкы съ Муромьскими, съ Городчаны и съ Бродники противу Володимеру и Смолняномъ, а Юрій ста противу Мьстиславу и Новгородцемъ со всею землею Суздалскою, а меншая братія его противу Князя Костянтина (***)». Здѣсь мы видимъ, что средину, мѣсто большаго полка занимаютъ старшіе Князья: съ одной стороны Мстиславъ Торопецкій, съ другой Юрій Суздальскій; правую руку слѣдующіе по старшинству: съ одной стороны Константинъ Ростовскій, съ другой Ярославъ Переяславскій; наконецъ лѣвую руку младшіе Князья.

Но ясно, что въ такихъ войскахъ, гдѣ вождями были одни Князья, нельзя искать той подчиненности младшихъ вождей старшимъ, какую мы привыкли себѣ представлять, особенно когда Князья были отдаленные родичи и равны по своимъ родо-

(*) Лавр. 134. (**) Тамъ же 127. (***) Соф. врем. I. 224.

вымъ счетамъ, какъ на пр. въ битвѣ при Калкѣ трое Мстиславовъ, которыхъ лѣтописецъ всѣхъ равно называетъ старѣйшими въ Русской землѣ; притомъ, такъ какъ каждый Князь приводилъ съ собою свой полкъ, свою дружину, то это самое всегда давало ему независимость и видъ союзника, а не вождя подчиненнаго, хотя бы онъ по своимъ родовымъ отношеніямъ и по лѣтамъ занималъ не почетное мѣсто въ войскѣ. Вотъ почему послѣ уже, въ Московскомъ государствѣ, потомки Князей, указывая на свои прежнія войсковыя отношенія, не считаютъ положенія Князя, пришедшаго съ своимъ полкомъ изъ удѣла, подчиненнымъ главному воеводѣ, хотя бы этотъ Князь и занималъ въ войскѣ нисшее мѣсто, такъ на пр. читаемъ: «и противъ тѣхъ случаевъ Кн. Ѳедоръ Лыковъ сказалъ: а въ 63 году дѣдъ мой Кн. Юрьи въ томъ разрядѣ былъ, а ни съ кѣмъ не былъ, былъ съ своимъ полкомъ изъ удѣлу: а въ 85 году въ разрядѣ дѣдъ мой Кн. Ѳедоръ былъ въ сторожевомъ полку, да не съ Ѳедоромъ съ Шереметевымъ, былъ съ своимъ полкомъ изъ удѣлу жъ, а съ Ѳедоромъ съ Шереметевымъ не бывалъ» (*). Но послѣ, когда государство стало требовать строгой подчиненности младшихъ воеводъ старшимъ, споры за мѣста въ полкахъ составляютъ главное содержаніе мѣстническихъ дѣлъ, и воеводы, имѣя въ виду одни родовыя отношенія, не хотятъ слушать увѣщаній Государя, который напоминаетъ имъ, что они служатъ не другъ другу, но государству: «Юрьи Захарьичь писалъ къ В. К., что ему въ

(*) Изслѣд. Волуева, 69.

сторожевомъ полку быть не мочно, то мнѣ стеречи Кн. Данила; и Кн. В. ему приказалъ, и гораздо ль такъ чинишь, говоришь въ сторожевомъ полку быти тебѣ не пригоже, стеречь Кн. Данилова полку, но тебѣ стеречь не Кн. Данила, стеречи тебѣ меня и моего дѣла.»

Въ первыя времена при младенчествѣ, или даже можно сказать, при отсутствіи государственныхъ отношеній, для дружинника собственно службою считалась одна военная; здѣсь онъ старался не потерять правъ своего рода на почетныя мѣста передъ другими родами. Но когда на Сѣверѣ возникли понятія государственныя, когда Князь изъ вождя дружины сталъ правителемъ государства, представителемъ этого государства, то дружинники, военные товарищи стали уже слугами его, и военное понятіе дружины замѣнилось государственнымъ понятіемъ двора, явилась слѣд. придворная служба, куда необходимо должно было перейти и мѣстничество. Даже женщины мѣстничались при дворѣ; но за нихъ, разумѣется, были челомъ мужья, или другіе родичи; такъ читаемъ:

«Билъ челомъ Государю и В. К. Борису Ѳедоровичу всея Русіи Князь Димитрій, Княжъ Михайловъ сынъ Пожарскій. По Государеву Цареву и В. К. Бориса Ѳедоровича всеа Русіи указу велѣно быть у Государыни Царицы и В. К. Марьи Григорьевны всеа Русіи Княжъ Михайловѣ Княгинѣ Лыковой, Княгинѣ Марьѣ, а у Государыни Царевны и В. Княжны Ксеніи Борисовны всеа Русіи, матери его Княгинѣ Марьѣ, и матери его Княгинѣ Марьѣ быть меньше Княжъ Михайловы Кн. Лыкова не вмѣстно, а мочно матери его К. Марьѣ больше быть Княжъ Михайловы К. Лыкова К. Марьи многими мѣсты, и Госуд.

бы Царь и В. Кн. Вс. Рус. его Князя Димитрія пожаловалъ, велѣлъ ему со Княжъ Борисовымъ отцемъ Лыкова со Кн. Михайломъ Лыковымъ въ отечествѣ дати судъ и счетъ (*)».

Очень рѣдко встрѣчаемъ мѣстническіе счеты въ гражданской службѣ (**). Грозный, посылая воеводъ или намѣстниковъ въ какой нибудь городъ, выговаривалъ имъ въ наказѣ, чтобъ быть безъ мѣстъ съ товарищами (***). Одинъ только разъ встрѣчаемъ извѣстіе о мѣстничествѣ между лицами, составлявшими свиту посольскую; такъ Иванъ III, въ наказѣ посламъ своимъ, отправленнымъ въ Литву, пишетъ: «Да что посланы съ вами дѣти боярскіе Орловъ съ товарищи, ино бы въ лавкѣ отъ Губы садился Орловъ, а противъ его въ скамьѣ Рахманинъ Тилилинъ, а инымъ бы есте дѣтемъ боярскимъ молвили, чтобъ промежъ ихъ мѣстъ не было, садили бы ся и къ руцѣ ходили и къ чашѣ всѣ перемѣняяся: о томъ бы межъ ихъ прековъ не было; а который не послушаетъ, и вы того всчюньте, про то его и ударьте» (****). Я сказалъ, что каждый старался о томъ, чтобы не потерять

(*) Дѣла по мѣстничеству, собр. Ивановымъ, и напечат. въ Русск. Историч. Сборн. т. II, стр. 271.

(**) Изслѣд. Волуева, стр. 36.

(***) Дополн. къ Акт. Историч. т. I. N° 127: И съ воеводою со Князь Григорьемъ Булгаковымъ съ товарищи да и съ дьякомъ съ Михайломъ Битяговскимъ былъ еси (Соборовъ въ Казани), по прежнему нашему наказу безъ мѣстъ, а розни бы у васъ въ вашихъ дѣлахъ однолично не было ни въ чемъ, чтобъ нашему и земскому дѣлу въ томъ порухи не было.

(****) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Росс. т. I, N° 192.

правъ своего рода на почетныя мѣста, и точно, при господствѣ родовыхъ отношеній, это было единственное стремленіе каждаго; старались не возвышаться постепенно на лѣствицѣ государственныхъ должностей: здѣсь каждый благоговѣйно и безпрекословно преклонялся предъ волею монарха и шелъ туда, куда тотъ приказывалъ. Никогда бояринъ или вообще служивый человѣкъ не говорилъ: не хочу принять этого мѣста, потому что прежде я имѣлъ болѣе честное; онъ старался только о томъ, чтобы мѣстническія отношенія его къ другимъ родамъ позволяли быть ему на этомъ мѣстѣ, принималъ мѣсто нисшее, если товарищи его были такіе, съ которыми онъ могъ быть вмѣстѣ, и не соглашался принять мѣсто высшее, но гдѣ онъ долженъ былъ находиться вмѣстѣ съ такими, съ которыми быть ему не приходилось; такъ на пр. встрѣчаемъ, что одинъ человѣкъ былъ сначала воеводою въ большомъ полку, черезъ 2 года вторымъ въ томъ же полку, и еще черезъ 8 лѣтъ третьимъ. Значило-ли это, что онъ все понижался на своей службѣ? Нисколько: это значило только то, что въ 1-й разъ по мѣстническимъ отношеніямъ его къ другимъ воеводамъ ему было вмѣстно быть первымъ, въ другой разъ вторымъ и т. д. (*).

Но какъ скоро разрядъ назначалъ быть вмѣстѣ двумъ лицамъ, которымъ по ихъ родовымъ отношеніямъ быть вмѣстѣ не приходилось, что̀ на мѣстническомъ языкѣ носило названіе *стычки*, то немедленно являлось челобитье со стороны того, который считалъ себя униженнымъ; ибо, въ про-

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 98.

тивномъ случаѣ, если онъ замедлялъ челобитьемъ, то этимъ самымъ отказывался отъ своихъ правъ, уступалъ чужому роду права своего рода, становился измѣнникомъ въ глазахъ послѣдняго. Но если должно было спѣшить челобитьемъ тотчасъ послѣ стычки, то, съ другой стороны, челобитья, поданныя безо всякаго повода, безо всякой стычки, не имѣли никакого значенія (*). Челобитныя разсматривались или самимъ Царемъ, или боярами; если находили, что назначеннымъ прежде лицамъ точно быть вмѣстѣ не приходилось, то ихъ учиняли мѣстниками, т. е. объявляли, что они имѣютъ право считаться между собою и не быть вмѣстѣ; слѣд. если боярин Родіонъ говоритъ Калитѣ: вотъ голова твоего изменника, а моего мѣстника, то это значитъ: «вотъ голова Акинѳа, который думалъ, что имѣетъ право считаться со мною, имѣетъ право не быть со мною вмѣстѣ при дворѣ твоемъ.» Послѣ учиненія мѣстниками слѣдовала отставка или разводъ лицамъ, не могшимъ быть вмѣстѣ, или, если польза службы требовала, чтобъ они были вмѣстѣ, то имъ давались грамоты невмѣстныя, по которымъ ихъ служба вмѣстѣ не считалась нарушеніемъ ихъ правъ, ихъ равенства, и по окончаніи ея, они являлись также мѣстниками относительно къ будущимъ назначеніямъ по службѣ. Мѣстниками оставались извѣстныя лица еще въ томъ случаѣ, когда дѣло по челобитью еще не вершено (**). Иногда прави-

(*) Такъ Лыковъ обвиняетъ Пожарскаго, что онъ билъ на него челомъ не по стычкѣ. Изслѣд. Волуева, стр. 137.

(**) Изслѣд. Волуева, стр. 40., судъ былъ третьяго сына М. Пушкина съ третьимъ сыномъ О. Плещѣева и судъ не вершонъ, и потому О. Плещѣевъ М. П-ну мѣстникъ сталъ.

тельство, зная напередъ мѣстническія отношенія извѣстныхъ лицъ, по которымъ вмѣстѣ имъ быть не приходилось, предписывало заранѣе не назначать ихъ вмѣстѣ, или не стыкать (*). Если въ слѣдствіе стычки одно лице било челомъ въ отечествѣ, доказывая, что по родовымъ и служебнымъ счетамъ ему съ назначеннымъ товарищемъ вмѣстѣ быть нельзя, то часто послѣдній, не признавая справедливости иска противника, тѣмъ самымъ уже признавалъ себя обезчещеннымъ и просилъ о безчестьи и оборонѣ, билъ челомъ въ безчестьи, и тѣмъ начиналъ, въ отвѣтъ иску перваго истца въ отечествѣ, о счетѣ, совершенно различный отъ перваго искъ въ безчестьи. Первый искъ въ отечествѣ и счетѣ одинъ только и былъ мѣстническимъ искомъ въ его настоящемъ, строгомъ значеніи; искъ же въ безчестьи былъ всегда только побочнымъ искомъ, не касался самъ по себѣ разбора и опредѣленія мѣстническихъ отношеній; почему мы и находимъ, что искъ въ отечествѣ о счетѣ происходилъ всегда между тѣми, которымъ доставало другъ до друга, а искъ въ безчестьи былъ всегда обращаемъ на прямаго противника; такъ иногда въ искѣ на одинъ и тотъ же родъ, одно и тоже лице бьетъ челомъ въ отечествѣ о счетѣ на высшихъ, до которыхъ ему доставало, а о безчестьи на томъ или другомъ нисшемъ, вѣроятно прямомъ противникѣ (**). Также различны были оба иска

(*) Изслѣд. Волуева, стр. 137. Чтобъ Бутурлина съ Плещеевымъ не стыкали, чтобы имъ въ томъ ссоры не было.

(**) Тамъ же, стр. 100. Своево бесчестья на Кн. Васильѣ Ростовскомъ, а отечества своево искалъ Іванъ на Кн.

въ своихъ юридическихъ послѣдствіяхъ. Искъ въ отечествѣ, кромѣ не многихъ случаевъ прямаго и упорнаго неповиновенія царской волѣ, оканчивался однимъ судебнымъ опредѣленіемъ отношеній одного рода къ другому, и иногда только такое опредѣленіе высоты одного лица передъ другимъ выражаемо было въ символическомъ дѣйствіи *выдачи головою*; и потому самому въ выдачѣ головою хотя и представляется намъ какъ бы родъ наказанія, но то было лишь самымъ крѣпкимъ утвержденіемъ меньшинства одного лица передъ другимъ. Искъ же въ безчестьи имѣлъ всегда своимъ послѣдствіемъ, если только справедливость его признавалась, прямое наказаніе, на пр. битье батоги, тюрьму, также имѣло мѣсто денежное вознагражденіе роду, обезчещенному челобитьемъ (*).

Здѣсь мы оканчиваемъ нашъ краткій обзоръ исторіи и основныхъ положеній мѣстничества, добытыхъ въ настоящее время наукою, которая ждетъ новыхъ открытій для окончательнаго приговора надъ этимъ важнымъ явленіемъ древней Русской жизни.

Дмитріе Александ. Ростовскомъ, да на дѣда Князъ Васильевѣ, а отвѣчалъ за дѣда своего за Кн. Дмитр. Алекс. Кн. Вас. Ростовскій. Или: Бутурлинъ билъ челомъ на Курлятева и Туренина въ отечествѣ, а на Тюфякина въ безчестьи.

(*) Изслѣд. Волуева стр. 100. Ц. и В. К. Романа Бутурлина пожаловалъ, велѣлъ В. Кузмина бити батоги за Романова безчестья в Болхове передъ разрядною избою. А за отечество велѣлъ ево выдати головою Роману Бутурлину.

О

ВОЗМОЖНОСТИ

РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ.

А. С. ХОМЯКОВА.

О ВОЗМОЖНОСТИ

РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ.

Въ письмѣ, напечатанномъ мною въ Московскомъ Сборникѣ, я сказалъ, что преобладаніе и одностороннее развитіе разсудка составляютъ характеристику нашего мнимаго просвѣщенія. Никто не опровергалъ этой истины: она такъ очевидна, что ея и оспоривать невозможно. Но съ другой стороны, многіе допуская ее, не видятъ въ ней бѣды. Иначе и быть не можетъ. Общество, которое лишилось полноты разумнаго развитія, должно было отчасти лишиться способности понимать и цѣнить эту полноту. Оно должно быть склонно презирать утраченное, или еще недостигнутое, и утѣшаться скудными пріобрѣтеніями, купленными цѣною великихъ потерь. Это состояніе общества не случайно. Полнота и цѣлость разума во всѣхъ его отправленіяхъ требуетъ полноты въ жизни; и тамъ, гдѣ знаніе оторвалось отъ жизни, гдѣ общество, хранящее это знаніе, оторвалось отъ своей родной основы, тамъ можетъ развиваться и преобладать только разсудокъ, — сила разлагающая, а не живитель-

ная, сила скудная потому, что она можетъ только пользоваться данными, получаемыми ею извнѣ, сила одинокая и разъединяющая. Всѣ прочія животворныя способности разума живутъ и крѣпнутъ только въ дружескомъ общеніи мыслящихъ существъ: разсудокъ же въ своихъ низшихъ отправленіяхъ (въ поверхностномъ анализѣ) не требуетъ ни сочувствія, ни общенія, ни братства и дѣлается единственнымъ представителемъ мыслящей способности въ оскудѣвшей и эгоистической душѣ. Впрочемъ это преобладаніе односторонней разсудочности не есть дѣйствительное укрѣпленіе разсудка. Онъ самъ приходитъ въ упадокъ и лишается высшихъ аналитическихъ способностей, но кажется только преобладающимъ и крѣпнущимъ потому, что всѣ прочія способности подавлены. Я почелъ необходимымъ прибавить это объясненіе для читателей, которые могли полагать (иные дѣйствительно полагали), что я позволилъ себѣ нѣкоторую произвольность въ оцѣнкѣ нашего общественнаго мышленія, и надѣюсь, что они согласятся въ необходимости сдѣланныхъ мною выводовъ.

Очевидно, что такое состояніе мысли не допускаетъ даже и возможности Русской народной школы.

Конечно, найдутся люди (я такихъ и встрѣчалъ и знаю), которые скажутъ: «почему же школа художествъ должна быть народною? прекрасное вездѣ прекрасно. Надобно искать художества, а не народности въ художествѣ. Этотъ тѣсный и, такъ сказать, славянофильскій взглядъ на прекраснѣйшее явленіе духа человѣческаго, убиваетъ силы духовныя, или увлекаетъ ихъ по ложнымъ безъисход-

нымъ путямъ: онъ недостоинъ ни просвѣщеннаго 19-го вѣка, ни просвѣщенной земли». Такое сужденіе, какъ извѣстно, сопровождается всегда легкимъ пожатіемъ плечъ, знакомъ добродушнаго сожалѣнія объ ограниченности славянофильской и нѣсколько гордою улыбкою, выраженіемъ внутренняго довольства своимъ собственнымъ просвѣщеніемъ и своею гуманностію. Я согласился бы съ нимъ охотно, если бы меня не останавливали двѣ преграды — факты и ихъ аналогія, разумъ и его законы.

До сихъ поръ сколько ни было въ мірѣ замѣчательныхъ художественныхъ явленій, всѣ они носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли; всѣ они были полны тою жизнію, которая дала имъ начало и содержаніе. Египетъ и Индія, Эллада и Римъ, Италія, Гишпанія и Голландія, каждый изъ нихъ дали образовательнымъ художествамъ свой особый характеръ. Памятникъ въ глазахъ историка-критика возстановляетъ исторію (разумѣется умственную, а не фактическую) исчезнувшаго народа также ясно, какъ и письменное свидѣтельство. Характеръ торговый, любовь къ роскоши, къ вещественному довольству, къ осязаемой природѣ и, такъ сказать, къ тѣлесности человѣческой, сближаютъ школу венеціянскую съ фламандскою, не смотря на различіе племенъ, вѣрованій и государственныхъ формъ, хотя и эти различія также ярко отпечатаны въ Рембрантѣ и Рубенсѣ съ одной стороны, въ Тиціянѣ или Тинторетѣ съ другой. Римское монашество и ужасъ инквизиціи запечатлѣны въ живописцахъ Гишпаніи, не смотря на ясное солнце, которое сдѣлало

ихъ колористами, и на чистыя начала Христіанства, которымъ они не вполнѣ измѣняли, хотя и давали имъ тѣсное и одностороннее значеніе. Сухое протестантство, строгая дума, склонность къ анализу и въ то же время любовь къ явленіямъ земнымъ въ ихъ неблагороднѣйшей формѣ, могутъ легко быть замѣчены въ школѣ Нѣмецкой. Такія же явленія можно замѣтить и во всѣхъ школахъ; такія же явленія и во всѣхъ искусствахъ, будь они искусствами формы, звука, или слова. Выводъ одинъ и тотъ же: вездѣ и во всѣ времена искусства были народными. Уже по одной аналогіи нельзя думать, чтобы этотъ законъ измѣнился для Россіи. Я знаю, что намъ, ожидающимъ возврата своенародности, часто ставится въ попрекъ то, что мы ожидаемъ отъ этого возврата много новаго и необычайнаго. Въ силу этого правила скажутъ намъ: «вы должны вполнѣ отвергать аналогію фактовъ, или, по крайней мѣрѣ, не основываться на ней». Разумѣется, такое заключеніе было бы ложно. Законъ отношеній между началами и ихъ проявленіями останется всегда неизмѣннымъ. Новыя начала мысленныя вызываются къ жизни: изъ нихъ по необходимости должны проистекать новыя явленія, отличныя отъ всего прошедшаго. Это не только не противно аналогіи фактовъ, но могло бы быть доказано эмпирически посредствомъ ея. Впрочемъ въ этомъ случаѣ смыслъ самихъ фактовъ объясняется чистыми законами разума.

Не изъ ума одного возникаетъ искусство. Оно не есть произведеніе одинокой личности и ея эгоистической разсудочности. Въ немъ сосредоточивается и выражается полнота человѣческой жизни съ ея

просвѣщеніемъ, волею и вѣрованіемъ. Художникъ не творитъ собственною своею силою; — духовная сила народа творитъ въ художникѣ. По этому очевидно, всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ. Оно есть цвѣтъ духа живаго, восходящаго до сознанія, или, какъ я уже сказалъ, — образъ самосознающейся жизни. У насъ при разрывѣ между жизнію и знаніемъ — оно невозможно. Конечно, по видимому, можно бы обойтись и безъ искусствъ: найдутся многіе, которые или не дорожатъ ими, или не видятъ въ нихъ никакой необходимости, хотя могутъ и умѣютъ ими наслаждаться по-своему, какъ хорошимъ столомъ, устерсами и другими отрадами роскошнаго комфорта. Эта черта (довольно общая во Франціи, всегда готовой возводить всякое ремесло до художества потому, что она всегда низводитъ художество до ремесла) не слишкомъ рѣдка и у насъ. Спорить не объ чемъ: всякой воленъ въ своихъ вкусахъ и желаніяхъ. Быть можетъ, жаль бы было лишить всякой художественной будущности народъ, который далъ такіе прекрасные задатки искусству въ звукѣ и словѣ, и который даже въ живописи и зодчествѣ давалъ великія обѣщанія, понятныя всякому истинному художнику, изучавшему наши старыя иконы и строенія; но тутъ еще бѣда не велика. Важно то, что народъ, способный къ художествамъ, не можетъ лишиться иначе ихъ развитія, какъ утративъ цѣлость и здравіе своей внутренней жизни. Онъ обреченъ на безсиліе въ наукѣ, также какъ и въ искусствѣ; ибо наука, какъ я уже сказалъ, тѣсно связана съ жизнію. Часто случается слышать и читать высокопарные возгласы о

томъ, что наука вездѣ одна, также какъ истина, и насмѣшки надъ тѣми, которые этого какъ будто не понимаютъ. Прекрасное одно, но выраженіе его различно по условіямъ мѣста и времени; точно тоже должно сказать и о наукѣ въ отношеніи къ истинѣ. Истина есть или должна быть окончательнымъ выводомъ науки; но наука положительная, или историческая, не есть и не можетъ быть самою истиною, а только путемъ къ достиженію ея. Этотъ путь и его направленія зависятъ вполнѣ, также какъ выраженіе красоты, отъ мѣста и времени. «Анализъ и его законы вездѣ одинаковы». Во первыхъ, приложенія ихъ могутъ быть многоразличны; во вторыхъ, анализъ существовать не можетъ безъ данныхъ, а данныя для него заключаются не въ самихъ фактахъ, а въ непосредственномъ знаніи фактовъ. Это первое непосредственное знаніе опредѣляетъ почти во всѣхъ случаяхъ (за исключеніемъ, можетъ быть, одной математики) весь характеръ аналитическаго труда, который сверхъ того, какъ я уже сказалъ, всегда сопровождается скрытымъ синтезомъ, вполнѣ зависящимъ отъ внутренней жизни народовъ. Отъ того-то, хотя Италія сдѣлала много для науки, хотя не мало сдѣлала и Франція (особенно въ наукахъ опыта), хотя безконечны заслуги Англіи и Германіи; но во всѣхъ этѣхъ странахъ наука является съ инымъ значеніемъ, въ иномъ видѣ и съ своебытнымъ характеромъ. Очевидно, не можетъ быть тождества между наукою въ Англіи,— странѣ, которая никогда не умѣла еще отдѣлять законовъ факта отъ его случайностей, и въ Германіи, которая довела себя до состоянія чисто-аналитической машины, утра-

тившей всякое живое сознаніе фактовъ. Достиженіе истины сопряжено съ безконечными ошибками и заблужденіями, и нелѣпа бы была надежда народа, который бы обѣщалъ себѣ науку совершенно свободную отъ односторонности и отъ всякаго самообольщенія. Я уже показалъ всю ложность, произвольность и недостаточность большей части такъ называемыхъ наукъ. Надѣюсь, что многія ошибки исправитъ Россія; но я очень далекъ отъ мысли, чтобы мы достигли до полнаго и безъошибочнаго знанія истины. Такими надеждами тѣшатъ себя и читателей только тѣ, которые предпочитаютъ тяжелому труду изысканій — легкое и дешевое пользованіе трудами Запада, и лѣнивое упованіе въ выводы, на которыхъ онъ остановился: сомнѣніе потребовало бы повѣрки, повѣрка труда — легче вѣрить; но эти люди не принадлежатъ нисколько наукѣ. Она для нихъ недоступна, какъ и самое художество потому, что она растетъ только на жизненномъ корнѣ живаго человѣческаго общенія; а они отрицаютъ это общеніе, отрицая живую личность народа, черезъ которую единственно дѣлается намъ доступнымъ человѣчество: ибо, помимо ея, человѣчество есть только идея отвлеченная, или числительное скопленіе безсвязныхъ личностей.

Сказанное о наукѣ относится, можетъ быть, яснѣе къ быту. Тамъ, гдѣ общество раздвоилось, гдѣ жизненныя силы приведены въ оцѣпенѣніе разрывомъ между жизнію и знаніемъ, и вѣчною, даже нескрытою, враждою самобытнаго начала и чужеземнаго наплыва, — тамъ духовныя побужденія теряютъ свое значеніе, и мѣсто ихъ, какъ я уже

сказалъ, заступаетъ мертвый и мертвящій формализмъ. Безполезно бы было прослѣдить эту язву во всѣхъ подробностяхъ ея явленій,—они извѣстны: но должно замѣтить, что изъ западныхъ странъ та, въ которой я уже показалъ особенное преобладаніе формализма,—Франція начинаетъ сознавать его бѣдственное послѣдствіе, называя его то формализмомъ, то машинизмомъ. Еще недавно одинъ изъ мыслителей ея говорилъ: «формализму часто достаются видимые успѣхи, но эти успѣхи безплодны: имъ недостаетъ жизненнаго начала. Успѣхъ формализма — потеря для общества» (*). Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «формализмъ пользуется всѣми вещественными силами, но самъ онъ безсиленъ. Душа не покоряется ему: она слишкомъ горда и благородна, чтобы унизиться до состоянія механическаго дѣйствователя. Она боится и бѣжитъ формализма» (**). Замѣчательны еще и слѣдующія его слова: «Случается, что какое нибудь благородное существо соглашается сдѣлаться орудіемъ формализма съ надеждою сохранить свое внутреннее достоинство; но этотъ обманъ не проходитъ даромъ. Послѣ немногихъ лѣтъ слѣпой механической дѣятельности обольщеніе исчезаетъ и душа очнется, изумляясь сама своему обезсиленію и униженію» (***). Я не

(*) Le formalisme parait souvent prospérer; mais ses succès sont stériles. Le principe vital leur manque... Les succès du formalisme sont des revers pour la société.

(**) Le formalisme tire parti de toutes les forces matérielles; mais lui-même est sans force. L'âme ne lui obéit pas: elle est chose trop haute et trop fière pour se plier au rôle de moteur mécanique: elle fuit les entraves du formalisme.

(***) Il arrive parfois que quelque noble intelligence se sou-

люблю авторитетовъ и цитатовъ, и привожу эти слова только въ доказательство, что я не даромъ обвинялъ Францію въ формализмѣ, что она его сама въ себѣ сознаетъ, и что вездѣ, гдѣ формализмъ преобладаетъ, тамъ глохнутъ жизненныя силы. — Впрочемъ Францію обвинять нельзя: ея формализмъ есть необходимый результатъ ея прошедшей жизни. Вся исторія Франціи была тяжбою между желѣзомъ феодальнаго тирана-барона и золотомъ феодальной общины городовъ. Тяжба выиграна городами: но бѣдному Якову (Jacques Bonhomme) никогда не было мѣста въ общественной жизни, да и быть не могло. Въ немъ самомъ нѣтъ ни внѣшней цѣльности, ни внутреннихъ началъ жизни. Со временемъ фактъ этотъ, до сихъ поръ не понятой, будетъ понятъ анализомъ науки; но покуда прошу читателей моихъ не пенять на меня за то, что я предполагаю въ нихъ не только знаніе, но и пониманіе историческихъ фактовъ (*).

---

mette à devenir un instrument du formalisme avec l'espoir de garder sa dignité et son indépendance: mais pareille erreur ne reste jamais impunie. Après quelques années de ce labeur de cheval aveugle l'illusion disparait et l'âme se réveille étonnée de sa propre dégradation.

(*) Это предположеніе, разумѣется, не относится къ такимъ читателямъ, каковъ рецензентъ, написавшій въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ разборъ Сборника Историческихъ и Статистическихъ свѣдѣній и пр. Этотъ рецензентъ, по видимому, очень добродушно увѣряетъ меня, что Гунны не могли подвинуть Бургундовъ на западъ, потому де, что Бургунды жили давно уже на Рейнѣ. Ему неизвѣстно, что въ началѣ 5-го вѣка часть Бургундовъ жила еще на верховьяхъ Дуная у Римскаго вала, и что отдѣленіе Бургундовъ при-Балтійскихъ было увлечено общимъ движеніемъ племенъ даже въ Гишпанію. Ему так-

И такъ, какъ бы ни пренебрегалъ человѣкъ искусствомъ, онъ долженъ дорожить его возможностію потому, что съ нею соединяется возможность науки и разумнаго быта, которыми конечно никто пренебрегать не можетъ. Условія одинаковы во

же, по видимому, совсѣмъ неизвѣстны критическіе труды Нѣмцевъ объ Сагахъ и старыхъ пѣсняхъ Германіи. Тамъ могъ бы онъ сколько нибудь узнать про отношенія Гунновъ къ Бургундамъ. Рецензентъ увѣряетъ публику, что я подшучиваю надъ нею, говоря о развратѣ Франковъ: видно онъ много читалъ писателей 4 и 5-го столѣтій. Что сказать о такой учености? Мой деревенскій сосѣдъ называетъ ее первокласною въ томъ смыслѣ, что она годна только для 1-го класса Гимназіи, а и такіе рецензенты ратуютъ за просвѣщеніе на западный ладъ! Впрочемъ, можетъ быть, Г. Критикъ пожелаетъ когда нибудь узнать что нибудь о тѣхъ вещахъ, о которыхъ онъ писалъ, ничего объ нихъ не зная, на пр. что нибудь объ исторіи Бургундовъ, о томъ, какъ они сражались съ Гепидами на нижнемъ Дунаѣ, какъ бѣжали на западъ и поселились около верховьевъ Майна, гдѣ жили при Валентиніянѣ; какъ потомъ въ началѣ 6-го вѣка подались на самые берега Рейна вслѣдъ за народами, бѣгущими отъ Гунновъ (Аланами, Свевами и Вандалами); какъ потомъ были на берегахъ Рейна разбиты Гуннами и, потерявъ царя своего Гундихара, бѣжали подъ предводительствомъ новаго царя Гундіоха (отца Гундебальдова) на юго-западъ, прося убѣжища и покровительства у Римлянъ, и пр. и пр. На этотъ случай я могу ему рекомендовать на память (такъ какъ книгъ при мнѣ нѣтъ) Тюрка (розыски въ области исторіи, тетрадь 2.), Цейса (Нѣмцы) и Миллера (Нѣмецкія племена и ихъ Князья). Со временемъ можно будетъ дойти и до древнихъ памятниковъ западныхъ или Византійскихъ. Полагая, что я такимъ образомъ уже получилъ нѣкоторыя права на благодарность моего рецензента, осмѣливаюсь прибавить маленькій совѣтъ. Если онъ когда нибудь вздумаетъ опять на меня нападать, ему выгоднѣе будетъ стрѣлять въ меня изъ непроходимой чащи пустыхъ словъ и теорій, чѣмъ отваживаться на открытое поле историческихъ фактовъ.

всѣхъ трехъ случаяхъ, и во всѣхъ трехъ они для насъ неисполнимы потому, что мы утратили свою народную личность, т. е. самихъ себя.

Всякое народное просвѣщеніе опредѣляется народною личностію, т. е. живою сущностію народной мысли: болѣе же всего опредѣляется она тою вѣрою, которая въ немъ является предѣломъ его разумѣнія. Въ современной Европѣ, является стремленіе къ примиренію разрозненныхъ началъ просвѣщенія и жизни въ единствѣ религіозной мысли: но это стремленіе, которое въ глазахъ слишкомъ добродушныхъ судей кажется торжествомъ религіи, не достигаетъ нигдѣ своей цѣли и свидѣтельствуетъ только о внутренней враждѣ непримиримыхъ началъ и о неутоленной и неутолимой жаждѣ единства. Впрочемъ оно иначе и быть не могло. Когда раздвоеніе не случайно, а лежитъ въ самой основѣ духовнаго и общественнаго міра, когда борющіяся начала, возникшія изъ жизни и управляющія ею, прямо противоположны другъ другу, они уже не могутъ примириться ни собственными силами, ни бѣднымъ миротворствомъ односторонняго разсудка: они могутъ найти свое примиреніе только въ другомъ высшемъ началѣ, возникшемъ изъ другой менѣе односторонней жизни. Этотъ законъ не подлѣжитъ никакому сомнѣнію: онъ засвидѣтельствованъ исторіею во всѣхъ ея періодахъ. Впрочемъ такъ какъ теоретическія положенія не для всѣхъ удовлетворительны, взглянемъ на факты. Южная Европа (Италія и Гишпанія) не имѣетъ никакаго современнаго значенія: по этому довольно упомянуть о тѣхъ трехъ земляхъ, которыя въ различныхъ отношеніяхъ счи-

таются главными дѣйствователями просвѣщенія. Первый изъ современныхъ поэтовъ Франціи и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ея историковъ-мыслителей объявили недавно, одинъ въ торжественной рѣчи, другой въ книгѣ, заслужившей огромный успѣхъ, что вѣры во Франціи уже нѣтъ, и показаніе ихъ подтверждается всѣми явленіями высшей умственной жизни въ ихъ отечествѣ. Правда, что въ замѣнъ утраченной вѣры они предлагаютъ съ дюжину другихъ: вѣру въ художество, вѣру въ славу, въ прекрасное, въ усовершенствованіе, въ народъ и пр. и пр. Каждый могъ бы выбрать по своему вкусу, и странно только то, что Франція не пользуется такимъ выгоднымъ предложеніемъ, и что даже остроумный Жоржъ-Зандъ смѣется печатно надъ этою мелочною лавочкою.

Между тѣмъ какъ за Рейномъ отсутствіе религіи является въ формахъ вѣтренной и самодовольной мелочности; оно является по сю сторону Рейна, въ Германіи, съ видомъ степеннымъ, размышляющимъ и достойнымъ многоученыхъ Нѣмцевъ. Я не говорю объ изданіяхъ, слишкомъ высоко оцѣненныхъ, а дѣйствительно довольно ничтожныхъ, какого-нибудь Страуса, или Брунебаура; я не говорю объ ихъ временномъ успѣхѣ, свидѣтельствующемъ о потребностяхъ читающей публики, ни о цѣлыхъ приходахъ, признавшихъ себя Страусіянцами, ни о журналахъ, выходившихъ въ томъ же духѣ и едва прекращенныхъ усиліями правительствъ, ни обо многихъ другихъ доказательствахъ. Я упомяну только объ одномъ письмѣ лучшаго представителя Протестантскихъ религіозныхъ школъ, ученѣйшаго преподавателя-историка и

весьма прямодушнаго человѣка Неандера къ Англичанину Дюару: «Разница (говоритъ онъ) между нами и вами та, что вы вѣрите въ возможность объективной истины въ религіи, а мы нѣтъ: мы пережили эту младенческую эпоху и знаемъ, что истинная вѣра можетъ быть только субъективною для каждаго человѣка». Мнѣніе ученаго Неандера въ этомъ дѣлѣ рѣшительно; оно доказываетъ полное отсутствіе религіи въ Германіи; ибо сила всякаго ученія измѣряется крѣпостію и внутреннею самоувѣренностію его высшихъ представителей. Въ Россіи мы еще часто слышимъ, или, лучше сказать, читаемъ про набожность и религіозность Германіи. Не знаю, для чего, или для кого это пишется: впрочемъ, можетъ быть, со стороны самихъ писателей это не обманъ, а добродушная ошибка, основанная на преданіи о прежней Нѣмецкой Frömmigkeit (особеннаго рода набожности) и поддержанная картинами сельскихъ пасторовъ у Августа Лафонтена.

Въ Англіи является намъ совсѣмъ другое. Ея внутренняя жизнь крѣпче и не столько потрясена, какъ жизнь Германіи и Франціи, самонадѣянными притязаніями частнаго разсудка. Тамъ происходитъ великая борьба, которая, какъ ни важенъ споръ о хлѣбныхъ законахъ, гораздо важнѣе его въ глазахъ просвѣщеннаго наблюдателя. Эта борьба опредѣляется просто и легко. Церковная реформа Англіи имѣла особый характеръ. Отреченіе отъ Римскаго Католицизма было сопровождаемо желаніемъ удержать въ предѣлахъ произволъ разсудочной критики, и сохранить, сколько возможно, живую цѣпь старины и преданія. Изъ этого желанія возникло

устройство, очевидно произвольное, Англиканской церкви, не увѣренной въ самой себѣ, но сохраняющей внѣшніе знаки живаго преданія и исторической послѣдовательности. Такой особый характеръ Англійской реформы происходилъ изъ характера народа, и обратно, характеръ народа поддерживался имъ до нашего времени. Но требованія критики неотвратимы и неизбѣжны. Произвольность, лежащая въ основѣ Англиканизма, повела многихъ къ требованію бо̀льшей Протестантской свободы, многихъ къ требованію бо̀льшей вѣрности Католической старинѣ. Вопросъ надѣлалъ сперва много шума подъ именемъ Пузеизма, а теперь, по видимому, пересталъ обращать на себя общественное вниманіе: но разрѣшеніе необходимо и наступаетъ съ каждымъ днемъ явно, или незамѣтно. Не трудно сказать, какъ этотъ вопросъ разрѣшится, если Англиканизмъ будетъ предоставленъ собственнымъ силамъ и не подпадетъ вліянію другаго внѣшняго начала. Возвратъ къ Римскому Католицизму не возможенъ потому, что отрицаніе, разъ совершенное сознательно и разумно, не можетъ пропасть безъ слѣда. Торжество начала критическаго, или Протестантства, неизбѣжно. Торжество же Протестантства, какъ начала критическаго и чисто-разсудочнаго, сводитъ Англиканизмъ, и слѣд. вмѣстѣ съ нимъ жизнь Англіи, на уровень безжизненнаго Протестантства Германскаго.

Таково общее состояніе Европейскаго просвѣщенія, опредѣленнаго его крайними духовными предѣлами въ вѣрѣ. Я никого не обвиняю въ безвѣріи и не пугаю безвѣріемъ, хотя, можетъ быть, найдутся добрые люди, которые это предположатъ и

скажутъ, что я вмѣшиваю вѣру въ вопросы науки. Я знаю, что совершаемое и совершенное на Западѣ было необходимо; но изъ того самаго, что оно было необходимо на Западѣ при его началахъ, слѣдуетъ, что оно не возможно у насъ при нашихъ. Началомъ Запада была двойственность въ жизни народной (завоеванные и завоеватели), и двойственность въ понятіи духовномъ: ибо односторонность Римскаго опредѣленія единства въ покорности (слѣд. единства внѣшняго) вызывала необходимо и вызвала отрицательную односторонность свободы въ разномысліи (слѣд. внѣшней, ибо свобода разумная едина). Обѣ односторонности должны были оказаться неудовлетворительными и слѣд. произвести общее отрицаніе. Въ нашемъ же духовномъ началѣ тождество свободы и единства (свободы въ единствѣ и единства въ свободѣ) и наше народное начало, которое могло принять и сохранить такое духовное начало вслѣдствіе своего внутренняго единства, не могутъ никогда ни подчиниться выводамъ исторически-возникшимъ изъ западной двойственности, ни принять ихъ въ себя. Я не говорю: «лучше не принимать», но говорю: нельзя принять, если бы даже и хотѣли. По этому очевидна вся ограниченность тѣхъ, которые думаютъ перенести въ Россію не одни только положительныя, или такъ сказать, математическія знанія Запада, но и весь строй его просвѣщенія. Мнѣнія ихъ опровергаются малѣйшимъ употребленіемъ человѣческаго разума. Есть другое мнѣніе, возникшее, можетъ быть, давно, но выражающееся съ особенною ясностію недавно. «Надобно де принимать все доброе съ Запада и усердно учиться у старшей

братіи, опередившей насъ въ просвѣщеніи; но и своимъ брезгать не должно. И у насъ хорошаго было много. Мы изучимъ де Россію въ ея исторіи, въ ея стародавней письменности и законахъ; познакомимся вполнѣ съ ея статистикой (вѣроятно съ источниками ея богатствъ) и такъ всё хорошо приладимъ, что лучшаго и желать нельзя. Будемъ вполнѣ просвѣщенными людьми, ибо примемъ все современное просвѣщеніе и останемся совершенно Русскими, узнавши до ноготка исторію, статистику и письменность Россіи». Это мнѣніе возникло, по видимому, не въ ученомъ мірѣ, а въ общественныхъ кругахъ, образованныхъ безъ строгой учености, благонамѣренныхъ безъ истинной рѣшимости на добро и любящихъ Россію безъ всякаго желанія жертвовать самолюбивою личностію своей для Святой Руси. Органы его въ словесности люди добрые, миротворящіе, мирволющіе, враги всякаго крайняго мнѣнія, всякаго крутаго приговора и всякой неприличной ссоры съ бытомъ и мнѣніемъ такъ называемаго общества. На первый взглядъ мнѣніе это имѣетъ нѣкоторыя достоинства; но всѣ они исчезаютъ при самомъ легкомъ прикосновеніи критики. По видимому, въ немъ менѣе гордости и пренебреженія къ Россіи, чѣмъ въ мнѣніи чистыхъ приверженцевъ Запада:—это обманъ. Какъ бы ни были велики и вредны ошибки нашей западной братіи, она потрудилась много, потрудилась со славой и пользой на поприщѣ просвѣщенія, она своею тревожною жизнію и ненасытимою жаждою истиннаго и прекраснаго создала въ наукѣ, бытѣ и художествахъ много великаго, много достойнаго безсмертной похвалы; и для насъ менѣе унизи-

тельно жертвовать своею самостоятельностію западному міру, чѣмъ частной мудрости полупросвѣщенныхъ и полумертвыхъ представителей нашего прививнаго знанія Въ этомъ мнѣніи, по видимому, есть также любовь къ Русскому и своенародному: —опять обманъ. Тутъ дѣйствительно исчезаетъ народность своя, какъ и всякая другая. Все Русское является, также какъ Французское, Китайское, Индѣйское и пр., не какъ жизненное начало, подчиняющее себѣ своею силою всякую другую мысль и всякую личность, но какъ безхарактерный матеріялъ, годный только для передѣлыванія и перелаживанія согласно съ высшими соображеніями такъ называемаго общества. Наконецъ это мнѣніе, по крайней мѣрѣ, имѣетъ притязаніе быть разсудительнымъ и требовать отъ Руси только того, что̀ съ нею можетъ согласоваться; но на повѣрку выходитъ, что оно едва-ли не безразсуднѣе мнѣній чистыхъ поклонниковъ Запада, (хотя въ этомъ дѣлѣ трудно рѣшить, кому принадлежитъ первенство безразсудности). Общая же черта обоихъ мнѣній та, что поклонники ихъ ставятъ себя внѣ Россіи, стараясь ее передѣлать по своему: но кажется, все еще возможнѣе привить ей жизнь чужую, но сильную и богатую, чѣмъ подчинить ее бездушной мертвенности личнаго эклектизма. Вообще должно помнить, что для того, чтобы быть Русскимъ, не достаточно ни граматическаго знанія Русскаго языка, ни знанія статистики, ни изученія письменныхъ памятниковъ. На такомъ основаніи многіе Нѣмецкіе профессора могли бы себя считать отличными Римлянами, или Греками. При всѣхъ этихъ знаніяхъ будешь только порядочнымъ русистомъ (какъ эллинистъ,

эллинистъ, латинистъ и т. д.), но живымъ Русскимъ человѣкомъ не будешь.

Вопросъ, къ которому привели насъ требованія художественной Русской школы, очень важенъ: — это для насъ вопросъ о жизни и смерти въ самомъ высшемъ значеніи умственномъ и духовномъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Русская народная стихія разовьется и принесетъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и дѣятельности человѣческой огромный вкладъ, которымъ пополнится большая часть прежнихъ недостатковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что то высокое начало единства, которое лежитъ основою всей нашей мысли и всей нашей народной силы, восторжествуетъ надъ нашимъ мысленнымъ и бытовымъ раздвоеніемъ. Быть можетъ даже, отъ этого живаго единства получитъ начало исцѣленія рано призванная на поприще просвѣщенія, много для него потрудившаяся, но неисцѣлимая своими собственными силами, и въ началахъ своихъ раздвоенная западная наша братія. Мало по малу положительныя знанія принимаются тою частію Русской земли, которая сохранила въ себѣ жизненное начало. Это можно было предвидѣть, и это совершилось бы вѣроятно давно, если бы знаніе не явилось у насъ сначала въ видѣ принужденія, отрицающаго жизнь. Слѣд. въ этомъ отношеніи нашему времени гордиться нечѣмъ; но можно съ радостію предсказать, что знаніе, принятое въ жизненное единство, принесетъ богатые и новые плоды въ художествѣ, въ наукахъ и въ бытѣ. Такъ будетъ для святой Руси. Но вопросъ не объ ней, а объ насъ, получившихъ знаніе по ложному пути, оторвавшихся отъ своей жизнен-

ной основы и принявшихъ въ себя чуждое намъ раздвоеніе съ его умственною мертвенностію. Вопросъ въ томъ, будемъ-ли мы—въ то время, когда жизненное начало Руси будетъ крѣпнуть и процвѣтать, только сухимъ и безплоднымъ хворостомъ, мѣшающимъ новому прозябенію?

Это сомнѣніе въ самихъ себѣ, это тайное чувство своей мертвенности давно уже высказывалось во многихъ и лучшихъ представителяхъ нашего просвѣщенія. Скорбя о себѣ и о всемъ, что̀ ихъ окружало въ обществѣ, они часто оглядывались съ утѣшительною, но неясною надеждою на ту великую Русь, отъ которой они чувствовали себя оторванными. Я могъ бы это показать въ послѣднихъ твореніяхъ Пушкина; но ни въ комъ болѣзненное сознаніе своего одиночества и своего безсилія не высказалось такъ ясно, какъ въ Лермонтовѣ, къ несчастію или не дожившемъ до сознанія, что безжизненность есть принадлежность общества, а не Русской земли, или отвергавшемъ сознаніе по личной гордости, свойственной его молодости и обществу, окружавшему его. Эта черта въ немъ гораздо важнѣе, чѣмъ мнимый демонизмъ, принятый имъ заднимъ числомъ съ Запада и восхищавшій близорукую публику и безглазую критику. Время яснаго сознанія нашей внутренней болѣзни наступило.

Въ прежнихъ статьяхъ я говорилъ о ничтожествѣ всего, что̀ сдѣлано нами въ наукѣ и художествахъ, и о безсмысленномъ нашемъ незнаніи нашего быта и его началъ. — Очевидная истина не требуетъ доказательствъ. Конечно, любопытно бы было прослѣдить всѣ, или многіе факты нашей ум-

ственной дѣятельности, и показать въ нихъ, до какой степени мы лишены живыхъ началъ, до какой степени взглядъ нашъ ограниченъ и стѣсненъ тѣсными границами нашей школьнической подражательности. Но это дѣло не мое, и я прибавлю только два-три примѣра, чтобы яснѣе показать, какъ наша школьническая подражательность (необходимое слѣдствіе отчужденія отъ своей родной почвы) убиваетъ въ насъ ясность разума и даже изобрѣтательность въ дѣлахъ самаго простаго быта. Въ недавнемъ времени происходили жаркіе и пустые споры о перемѣнѣ правописанія и о согласованіи его съ произношеніемъ. Толки оказались пустыми и миновали безъ слѣда; но въ этомъ дѣлѣ замѣчательно одно важное обстоятельство. Никому изъ спорящихъ въ голову не пришло, что избраніе правописанія по произношенію, т. е. учрежденіе литературно-аристократическаго произношенія, удалитъ отъ чтенія Русской книги едва-ли не половину Велико-Русскаго народа (говорящаго на *о*) и сдѣлаетъ Русскую книгу совершенно недоступною нашимъ братьямъ Славянамъ. Тѣснота салоннаго взгляда отнимала у писателей понятіе даже о собственныхъ ихъ выгодахъ, уже не говорю объ умственномъ общеніи земли и народовъ, намъ единокровныхъ. — Далѣе: тогда какъ изобрѣтеніе Макадама обѣщаетъ намъ доставить удобные лѣтніе пути, никому въ голову не пришло, что лѣтній путь доступенъ только едва-ли двадцатой части Россіи, а что зимній путь, который нуженъ всей Россіи — остается безъ усовершенствованія. Наша изобрѣтательность не подумала даже о возможности постройки зимнихъ дорогъ изъ того покорнаго

матеріяла, которымъ Россія покрыта ежегодно въ теченіи пяти мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ уплотненіе снѣга, начиная съ первыхъ порошъ, должно бы намъ доставить и со временемъ доставитъ зимніе пути, не уступающіе лучшимъ лѣтнимъ и безъ сомнѣнія съ гораздо меньшимъ расходомъ. Мысль эта не пришла потому, что за границею почти нѣтъ зимы (*). —

Точно также агрономы наши толкуютъ о Гуано и Либиховыхъ компостахъ и не могли придумать, что барда, весьма часто пропадающая даромъ при сильныхъ винокуреніяхъ въ Октябрѣ, Маѣ и Іюнѣ, когда она скоту не нужна, могла бы служить

(*) Я не называю опытами ни треугольника (кажется Шведскаго), который, раскидывая снѣгъ, производитъ только безвременную весну, когда еще всѣ поля покрыты снѣгомъ; ни предложенія о саняхъ съ длинными полозьями, предложенія неисполнимаго и явно недостаточнаго. Опытъ ежедневнаго прокатыванія 30-ю пудовымъ каткомъ, къ которому спереди укрѣплена была треугольная борона съ зубьями, не достигающими до нижняго уровня катка и только сбивающими случайныя косицы, имѣлъ въ продолженіи почти цѣлой зимы, какъ мнѣ извѣстно, великій успѣхъ. Но этотъ опытъ былъ произведенъ на весьма маломъ пространствѣ деревенскимъ жителемъ и не былъ никому сообщенъ. Считаю полезнымъ объявить объ немъ, въ надеждѣ обратить на этотъ предметъ вниманіе читателей, изъ которыхъ, можетъ быть, иной вздумаетъ повторить его или придумаетъ лучшее средство. Если бы ежедневное прокатываніе дорогъ (полагая ширину ихъ отъ 2 до 6 саженей) дало дѣйствительно твердую основу снѣжному пути, то средняя стоимость катка была бы около $7\frac{1}{2}$ верстъ, средній расходъ около 100 р. на версту, и расходъ на 30-ть тыс. верстъ былъ бы около 3 милліоновъ ассигнаціями. Расходъ совершенно ничтожный и легко покрываемый копѣечнымъ сборомъ съ пуда на 100 верстъ. Опытъ этотъ, по видимому, заслуживаетъ повѣрки.

весьма сильнымъ и полезнымъ удобреніемъ. Кажется, можно прибавить (если память меня не обманываетъ) и то обстоятельство, что въ сравнительныхъ таблицахъ питательности, издаваемыхъ въ Россіи, найдешь сарачинское пшено и едва-ли не саго, а не найдешь гречихи, которою питается почти вся Россія. —Далѣе: медицина аллопатическая не позаботится узнать хоть что нибудь о безконечномъ множествѣ лекарствъ, извѣстныхъ народу и передаваемыхъ наслѣдственно изъ рода въ родъ, противъ многихъ болѣзней, съ которыми справиться не умѣетъ ученость медицинскихъ факультетовъ (напр. противъ водобоязни). Съ другой стороны медицина омеопатическая не замѣтила, что въ ея симптоматикѣ не достаетъ болѣзненныхъ симптомовъ отъ меда и что при этомъ недостаткѣ, по основнымъ же правиламъ омеопатіи, успѣшное леченіе золотушной болѣзни (самой обыкновенной и самой важной въ Россіи) совершенно невозможно. Я съ намѣреніемъ взялъ примѣры изъ самаго простаго быта, или изъ самыхъ простыхъ приложеній науки, чтобы показать, до какой степени наши понятія, почерпнутыя изъ чужой мудрости, и наши мозги, такъ сказать, заграничной фабрики, мало способны не только разрѣшать задачи Русской жизни, но даже и догадываться, что онѣ существуютъ. Иначе и быть не можетъ. Ибо отрѣшенный отъ жизненнаго общенія единичный умъ безплоденъ и безсиленъ, и только отъ общенія жизненнаго можетъ онъ получить силу и плодотворное развитіе.

Всякое замѣчательное явленіе, будь оно въ добрѣ или злѣ, будь оно признакомъ многосторонности, или односторонности умственной, подтверждаетъ

высказанный мною законъ. Газеты недавно дразнили зависть читателей перечнемъ Ротшильдовыхъ милліоновъ; но Ротшильдъ явленіе не одинокое въ своемъ народѣ: онъ только глава много-милліонныхъ банкировъ Еврейскихъ. Своими семью-стами милліонами, своимъ правомъ, быть, такъ сказать, денежною державою, обязанъ онъ, безъ сомнѣнія, не случайнымъ обстоятельствамъ и не случайной организаціи своей головы: въ его денежномъ могуществѣ отзывается цѣлая исторія и вѣра его племени. Это народъ безъ отечества, это потомственное преемство торговаго духа древней Палестины, и въ особенности эта любовь къ земнымъ выгодамъ, которая и въ древности не могла узнать Мессію въ нищетѣ и уничиженіи. Ротшильдъ фактъ жизненный.—Имена многихъ великихъ музыкантовъ принадлежатъ къ роду Еврейскому: къ нему же принадлежатъ многіе литераторы, замѣчательные по остроумію, граціи, или силѣ ума и выраженія (хотя всѣ представляютъ что-то ложное въ чувствѣ и мысли). Отъ чего же нѣтъ ни скульптора, ни живописца? Пластическія художества процвѣтали у Эллина, поклонника человѣческой красоты. Они процвѣтали и у Хрістіянъ потому, что земной образъ человѣка получилъ для Хрістіянина освященіе и благословеніе свыше. Они не существовали никогда у Еврея потому, что мысль его была свыше поклоненія земной красотѣ; они не могутъ у него существовать потому, что для него земной образъ человѣка не принялъ еще высшаго значенія; —это опять фактъ жизни. Можетъ быть, величайшій изъ мыслителей новаго времени, человѣкъ, котораго геній управляетъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ со-

кровеннымъ синтезомъ современной философіи (хотя анализомъ своимъ она обязана Бакону и Канту), основатель наукообразнаго пантеизма, и, если можно такъ сказать, безвѣрной религіозности — Спиноза, былъ Еврей и это фактъ не случайный: — Спиноза долженъ былъ быть Евреемъ. Отвергнувъ Новый Завѣтъ, единственное разрѣшеніе прежнихъ обѣщаній, Евреи остались при неопредѣленномъ понятіи о единобожіи, переходящемъ по необходимости или къ заключенію Божества въ антропоморфизмъ (духовный, или тѣлесный, все равно) или въ пантеистическую безличность — аморфизмъ. Таковъ былъ смыслъ Еврейства, отвергающаго Новый Завѣтъ. Въ древности преобладало первое стремленіе, подъ вліяніемъ еще не ослабѣвшихъ надеждъ на пришествіе Мессіи; при ослабленіи этой вѣры должна была возникнуть другая крайность — и явился Спиноза, котораго можно отчасти угадывать напередъ въ пантеизмѣ Еврейской кабалы, не смотря на ея мистическія оболочки. Нѣтъ сомнѣнія, что философскія школы дѣйствовали на Спинозу, какъ и на всѣхъ современныхъ ему мыслителей. Я знаю, и могъ бы показать это вліяніе,—но это дѣло постороннее. Важно то, что ни въ комъ, кромѣ его, это вліяніе не дошло и не могло дойти до тѣхъ результатовъ, до которыхъ оно дошло въ немъ. Современные ему философы были Христіяне; начало же спинозизма лежало въ томъ Еврействѣ, въ которомъ взросъ Спиноза, и отъ того-то его пантеизмъ (въ сущности атеистическій) сохранилъ для него характеръ религіозный и могъ даже дѣйствовать благодѣтельно на нѣкоторыя благородныя природы (какъ на пр. на Стефенса).

Эти три факта, взятые мною изъ одного народа, но изъ трехъ разныхъ сферъ умственной дѣятельности — изъ быта, художества и науки, поясняютъ, я надѣюсь, для многихъ изъ моихъ читателей понятіе мое объ исторіи и понятіе объ отношеніяхъ жизни и просвѣщенія. Одинокость человѣка — есть его безсиліе. И тотъ, кто оторвался отъ своего народа, тотъ создалъ кругомъ себя пустыню, какъ бы онъ ни былъ окруженъ множествомъ людей, и какъ бы онъ ни считалъ себя членомъ общества.

Такого-то наше положеніе, и потому-то я уже сказалъ, что вопросъ, къ которому насъ привело изслѣдованіе о возможности художественной школы, есть для насъ вопросъ о жизни и смерти въ смыслѣ дѣятельности умственной и духовной. Пріобрѣсти жизненныя силы посредствомъ полнаго внутренняго соединенія съ живымъ просвѣщеніемъ Запада невозможно и по распаденію западной жизни, и потому, что ея начала, совершенно чуждыя Русской землѣ, возросшей на началѣ высшемъ, хотя до сихъ поръ еще не развитомъ, не могутъ быть ни приняты ею, ни привиты къ ней. Создать для своего обихода какое-то эклектическое Русско-Западное существованіе, бѣдными силами своего частнаго разсудка, и потомъ наложить это существованіе на величіе Русской земли, какъ мечтаютъ благонамѣренные эклектики, утратившіе въ безсвязномъ обществѣ и въ мертвой книжности всякое здравое понятіе о жизни въ ея не частномъ, но общественномъ значеніи, есть, какъ я уже показалъ, несбыточная, безразсудная мечта, осуждающая насъ на самопроизвольное ничтожество. По этому очевидно, что мы не имѣемъ никакой возможности

выйти изъ своего болѣзненнаго безсилія и создать въ себѣ, или принять извнѣ въ себя плодотворное, жизненное начало. Это истина, въ которой надобно убѣдиться глубоко, не оставляя въ себѣ ни тѣни сомнѣнія, или гордаго самообольщенія. Тогда только, когда мы вполнѣ поймемъ свою болѣзнь, поймемъ и возможность леченія, которая къ счастію и доступна и близка къ намъ.

Жизненное начало утрачено нами, но оно утрачено только нами, принявшими ложное полузнаніе по ложнымъ путямъ. Это жизненное начало существуетъ еще цѣло, крѣпко и неприкосновенно въ нашей великой Руси (т. е. Великой, Малой и Бѣлой), не смотря на наши долгія заблужденія и на наши, къ счастію, безполезныя усилія привить свою мертвенность къ ея живому тѣлу. То, что было — поросло быльемъ, и если бы намъ приходилось отъискивать свою жизнь въ прошедшемъ, конечно мы бы ее никогда не отъискали и не возсоздали, ибо созданіе или возсозданіе жизни ничтожными силами одиночныхъ разсудковъ было бы явленіемъ, противнымъ всѣмъ законамъ духовнаго міра. Ему могли вѣрить нѣсколько дѣтей-студентовъ въ Германіи и нѣсколько дѣтей-старпковъ во Франціи, да могутъ въ иномъ видѣ вѣрить нѣсколько дѣтей-соціялистовъ всякаго возраста по всей Европѣ; но не повѣритъ никто, кто сколько нибудь изучилъ исторію человѣчества, или не утратилъ въ душѣ своей хотя темное чутье человѣческихъ истинъ. Жизнь наша цѣла и крѣпка. Она сохранена какъ неприкосновенный залогъ тою многострадавшею Русью, которая не приняла еще въ себя нашего скуднаго полупросвѣщенія. Эту жизнь мы можемъ

возстановить въ себѣ: стоитъ только ее полюбить искреннею любовію. Разумъ и наука приводятъ насъ къ ясному сознанію необходимости этого внутренняго преобразованія; но я не считаю его слишкомъ легкимъ ни для каждаго изъ насъ, ни для всѣхъ. Гордыя привычки нашей разсыпной, единичной жизни держатъ каждаго изъ насъ въ своихъ оковахъ. Нравственное обновленіе не легкое дѣло. Конечно каждый не только согласенъ полюбить тѣ свѣтлыя жизненныя стихіи, которыя сохранились на Руси, и ту Русь, которая ихъ сохранила; но даже готовъ думать и увѣрять, что онъ любитъ ихъ всею душею. Можетъ быть даже, эта любовь дѣйствительно существуетъ въ насъ; но она существуетъ какъ любовь къ Неграмъ, къ Готтентотамъ и Индѣйцамъ существуетъ въ добромъ Англичанинѣ — вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ и съ надеждою на ролю, если не настоящихъ, то будущихъ благодѣтелей. Такая любовь ничтожна, скажу болѣе, она отчасти пагубна. Отъ этого самообольщенія трудно, но необходимо должно отказаться; ибо не мы приносимъ высшее Русской землѣ, но высшее должны отъ нея принять. Мы приносимъ только кой-какія знанія, легко пріобрѣтаемыя личнымъ трудомъ каждаго не совсѣмъ тупоумнаго человѣка; принять же должны жизненную силу, плодъ вѣковъ, исторіи и цѣльности народнаго духа. Таковъ голосъ добросовѣстнаго анализа. По этому, чтобы любовь была истинною, она должна быть смиренною. Точно также, какъ въ наукѣ человѣкъ поступаетъ сперва въ нижніе разряды учениковъ и подвигается мало по малу впередъ, все болѣе

и болѣе отстраняя отъ себя прихоти своего личнаго произвола и подчиняясь общимъ законамъ человѣческаго разума, такъ и человѣку, желающему усвоить себѣ, или развить въ себѣ скрытую жизненную силу, должно принести въ жертву самолюбіе своей личности для того, чтобы проникнуть въ тайну жизни общей и соединиться съ нею живымъ органическимъ соединеніемъ. Это дѣло не мгновенія и не дня, а цѣлаго существованія; ибо, какъ великій Шиллеръ сказалъ въ другомъ смыслѣ: «жизнь покупается только жизнію».

Denn ſetzet Ihr nicht das Leben ein,
Nie wird Euch das Leben gewonnen ſeyn.

Нашъ возвратъ къ этой утраченной жизни не легокъ. Мы оторвались отъ нея съ начала отчасти безсознательно, отчасти по неволѣ: мы измѣнили себѣ, измѣняя ей; потомъ замкнулись въ гордости своего мелкаго знанія, какъ колонія Европейскихъ эклектиковъ, брошенная въ страну дикарей; потомъ, какъ всякая Европейская колонія во всѣхъ частяхъ свѣта, мы приняли на себя характеръ завоевательный, конечно съ самыми благодѣтельными намѣреніями, но безъ возможности исполнить ихъ, безъ сознанія ясной цѣли, къ которой стремились, и безъ того превосходства духа, который, по крайней мѣрѣ, часто служитъ нѣкоторымъ оправданіемъ завоеванію. Слѣдствіемъ этихъ отношеній была, какъ я сказалъ, борьба и полускрытая вражда: съ одной стороны подозрѣніе, слишкомъ оправданное, съ другой ничѣмъ не оправданное презрѣніе. Эти чувства могутъ исчезнуть только при нравственномъ измѣненіи въ насъ самихъ. Жизнь,

нами долго оскорбляемая, не легко и не скоро можетъ свыкнуться съ нами. Обмануть ее мнимымъ примиреніемъ невозможно потому, что она не имѣетъ и не можетъ имѣть личныхъ представителей; да и во всякомъ случаѣ цѣль не могла бы быть достигнута обманомъ. Дѣло наше, возрожденіе жизненныхъ началъ въ самихъ себѣ, слѣдовательно оно можетъ быть исполнено только искреннею перемѣною нашего внутренняго существованія. Но, не скрывая отъ себя препятствій, которыя мы должны по необходимости встрѣтить въ своемъ подвигѣ, мы можемъ съ радостію и съ надеждою сказать себѣ, что намъ однимъ онъ возможенъ изо всѣхъ современныхъ народовъ. Раздвоеніе, подавляющее въ насъ духовную силу, есть дѣло исторической случайности и отчасти слѣдствіе недоразумѣнія: оно не лежитъ ни въ основѣ нашихъ началъ духовныхъ, ни въ характерѣ нашего народнаго состава какъ въ Романо-Германской Европѣ: оно было слѣдствіемъ, такъ сказать, невольнаго соблазна при первой нашей встрѣчѣ съ богатствами знанія, до тѣхъ поръ намъ чуждаго; оно должно исчезнуть и исчезнетъ при полномъ знакомствѣ съ этимъ знаніемъ. Остальные народы Европы, возвращаясь къ прошедшему, если бы такой возвратъ былъ возможенъ, нашли бы только раздвоеніе и борьбу; въ современномъ находятъ и могутъ найти только то же раздвоеніе и ту же борьбу, но дошедшую уже до крайности, до окончательнаго разслабленія народной жизни и до безграничнаго преобладанія эгоистической и разсудочной личности. (Англія въ этомъ случаѣ составляетъ исключеніе потому, что имѣла народную

жизнь, которою объясняются постоянныя побѣды ея надъ Франціею въ среднихъ вѣкахъ; но я уже сказалъ, что и она не можетъ найти въ себѣ разрѣшенія своихъ внутреннихъ задачъ). Правда, не разъ намъ случалось слышать отъ невѣжественной критики, вооруженной безсмысленными, но звучными возгласами, что внутреннее раздвоеніе есть необходимый моментъ въ развитіи каждаго лица, или каждаго народа. Въ доказательство этого произвольнаго положенія не найдется конечно ни одного разумнаго довода: оно возникло изъ поверхностнаго знанія фактовъ историческихъ и изъ поверхностнаго наблюденія надъ современнымъ просвѣщеніемъ. Между тѣмъ оно совершенно ложно (если только подъ словомъ *раздвоеніе* не принимать гармоническаго процесса всякаго мышленія). Здравое единство не нуждается въ моментѣ раздвоенія, котораго дѣйствительное разрѣшеніе есть смерть (точно также, какъ двойственность Гегелизма не разрѣшается ни во что, кромѣ Буддгаистическаго Нигилизма). Тамъ, гдѣ этотъ моментъ дѣйствительно наступаетъ, или наступилъ, разумная критика указываетъ на односторонность или раздвоеніе началъ жизненныхъ и духовныхъ, предшествовавшее явному разрыву и необходимо приводившее къ нему. Одностороннее знакомство съ Западомъ и признаніе его за норму человѣческой дѣятельности привело къ произвольной теоріи, выдаваемой за законъ развитія человѣческаго. Тѣ же самыя причины привели къ ложнымъ понятіямъ о ходѣ просвѣщенія и художества: такъ, на пр., заграничные теоретики, а вслѣдъ за ними многіе изъ нашихъ, въ просвѣщеніи, особенно же въ ху-

дожествѣ, признаютъ необходимость двухъ эпохъ — народной, безличной, и личной, отрѣшенной отъ народности. Эта теорія принадлежитъ въ особенности Франціи и Германіи. Въ этѣхъ двухъ странахъ она имѣетъ нѣкоторый смыслъ, какъ наблюденіе надъ домашними явленіями; но она становится ложною, какъ скоро является съ притязаніями быть закономъ общимъ. Высшее художественное явленіе Греческой и, можетъ быть, всемірной словесности — творенія, носящія имя Гомера, были пѣснію народною. Въ тѣсной области Аѳинъ вся безконечно богатая литература и чудная пластика были явленіемъ чисто народнымъ. Поэзія Аравитянъ принадлежитъ къ тому же разряду, и конечно ученая критика не скоро найдетъ страну, которая превзошла бы красотою своего художественнаго развитія этѣ двѣ страны. Въ новѣйшія времена, какъ я уже сказалъ, такія явленія не могли повторяться въ областяхъ, въ которыхъ все носило характеръ основнаго раздвоенія. За всѣмъ тѣмъ многія и даже лучшія художественныя явленія не подлежатъ мнимому закону, выдуманному досужею критикою. Такъ на пр.: въ Италіи идетъ постоянный размѣнъ музыкальнаго вдохновенія между народомъ и маэстрами; такъ живопись Италіянская есть столько же собственность народа, понимающаго и глубоко чувствующаго ея красоту, сколько и высшихъ сословій; такъ поэма Тассо отчасти усвоена и принята Венеціянскими гондольерами; такъ въ Англіи Шекспиръ принадлежитъ почти всѣмъ сословіямъ, и Бернсъ есть поэтъ народный не потому, что изъ народа вышелъ, а потому, что принятъ народомъ, какъ свой. За всѣмъ тѣмъ вну-

треннее раздвоеніе всей организаціи на Западѣ безспорно мѣшало развитію истинно народныхъ художествъ и мѣшало тѣмъ болѣе, чѣмъ это раздвоеніе сильнѣе. Явленія художества народнаго возможны отчасти въ Англіи, гдѣ существовала народная Саксонская стихія, подавленная, но не уничтоженная Норманскимъ наплывомъ; еще болѣе возможны въ низменной Шотландіи, гдѣ этотъ наплывъ былъ почти ничтоженъ; до нѣкоторой степени возможны въ Италіи, или Гишпаніи, гдѣ отъ древности до нашего времени внутренній разрывъ состава народнаго былъ далеко не такъ силенъ, какъ въ средней Европѣ; въ полнотѣ своей невозможны нигдѣ и совершенно невозможны во Франціи, гдѣ никогда не было ни языка, ни народа, ни истинной жизни. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ художество народное дѣлается менѣе возможнымъ, такъ оскудѣваетъ художество и вообще, и Франція по необходимости всегда была въ высшей степени страною анти-художественною, т. е. не только неспособною производить, но неспособною понимать прекрасное, въ какой бы то ни было области искусства. Такъ на пр. въ наше время Франція и офранцузившаяся публика встрѣчала съ слѣпымъ благоговѣніемъ произведенія Жоржъ-Занда, которыя совершенно ничтожны въ смыслѣ художественномъ (какое бы они ни имѣли значеніе въ отношеніи движенія общественной мысли), и не нашла ни похвалъ, ни удивленія, когда таже Жоржъ-Зандъ почерпнула изъ скуднаго, но уцѣлѣвшаго источника простаго человѣческаго быта прелестный и почти художественный расказъ *Чортовой лужи*, подъ которымъ Диккенсъ и едва-ли не самъ Гоголь могли

бы подписать свои имена. Художество, какъ я уже сказалъ, не есть произведеніе единичнаго духа, но произведеніе духа народнаго въ одномъ какомъ нибудь лицѣ. Сохраненіе же именъ въ памяти народной или ихъ забвеніе есть чистая случайность, не составляющая дѣйствительно никакой разницы въ исторіи искусства. Менѣе ли народны пѣсни Аравитянъ потому, что Аравитяне помнятъ имена ихъ сочинителей, умершихъ за нѣсколько тому вѣковъ?

Что сказано объ искусствѣ, относится и къ просвѣщенію вообще: но просвѣщеніе истинное, которое есть достояніе всѣхъ и ничѣмъ инымъ быть не можетъ, доступно только тѣмъ странамъ, которыхъ внутренній составъ основанъ на единствѣ стихій племенныхъ и умственныхъ; на Западѣ же, особенно въ тѣхъ земляхъ, которыя, по видимому, идутъ передовыми вожатыми науки, оно невозможно потому, что разница между богатствами лорда, питающагося въ Англіи тропическими фруктами, и бѣднаго поденщика на угольныхъ копяхъ, съ трудомъ достающаго насущный хлѣбъ, не такъ велика, какъ разница между ихъ умственными развитіями, или между образованіемъ такъ называемыхъ общественныхъ вершинъ въ Парижѣ и бѣдныхъ пастуховъ, бѣгающихъ на ходуляхъ за стадами своими по прибережью Бискайскаго залива. Язва духовнаго пролетарства ужаснѣе язвы пролетарства вещественнаго. Объ неисцѣлимы вездѣ, гдѣ слабость и скудость личная не восполняется и не укрѣпляется плодотворнымъ общеніемъ любви и духа народнаго. Но то, что теперь недоступно Западу, доступно намъ и нашимъ единокровцамъ, особенно же единовѣрцамъ Славянамъ.

Кстати о Славянахъ. Нѣкоторые журналы называютъ насъ насмѣшливо славянофилами; именемъ составленнымъ на иностранный ладъ, но которое въ Русскомъ переводѣ значило бы *Славянолюбцевъ*. Я съ своей стороны готовъ принять это названіе, и признаюсь охотно: люблю Славянъ. Я не скажу, что я ихъ люблю потому, что въ ранней молодости за границами Россіи, принятой равнодушно, какъ всякій путешественникъ въ земляхъ не Славянскихъ, я былъ въ Славянскихъ земляхъ принятъ, какъ любимый родственникъ, посѣщающій свою семью; или потому, что во время военное, проѣзжая по мѣстамъ, куда еще не доходило Русское войско, я былъ привѣтствуемъ Болгарами, не только какъ вѣстникъ лучшаго будущаго, но какъ другъ и братъ; или потому, что, живучи въ ихъ деревняхъ, я нашелъ семейный бытъ своей родной земли; или потому, что въ ихъ числѣ находится наиболѣе племенъ православныхъ, слѣд. связанныхъ съ нами единствомъ высшаго духовнаго начала; или даже потому, что въ ихъ простыхъ нравахъ, особенно въ областяхъ православныхъ, таятся добродѣтели и дѣятельность жизни, которыя внушили любовь и благоговѣніе просвѣщеннымъ иностранцамъ, каковы Бланки и Буэ. Я этого не скажу, хотя тутъ было бы довольно разумныхъ причинъ, но скажу одно: я ихъ люблю потому, что нѣтъ Русскаго человѣка, который бы ихъ не любилъ; нѣтъ такого, который не сознавалъ бы своего братства съ Славянщиной и особенно съ православнымъ Славянщиной. Объ этомъ, кому угодно, можно учинить справку хоть у Русскихъ солдатъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, или хоть въ Московскомъ Гостинномъ дворѣ, гдѣ

Французъ, Нѣмецъ и Италіянецъ принимаются какъ иностранцы; а Сербъ, Далматинецъ и Болгаринъ, какъ свои братья. По этому насмѣшку надъ нашей любовію къ Славянамъ принимаю я также охотно, какъ и насмѣшку надъ тѣмъ, что мы Русскіе. Такія насмѣшки свидѣтельствуютъ только объ одномъ: о скудости мысли и тѣснотѣ взгляда людей, утратившихъ свою умственную и духовную жизнь и всякое естественное или разумное сочувствіе въ щеголеватой мертвенности салоновъ, или въ односторонней книжности современнаго Запада.

Возстановленіе нашихъ частныхъ умственныхъ силъ зависитъ вполнѣ отъ живаго соединенія съ стародавнею и всё таки намъ современною Русскою жизнію, и это соединеніе возможно только посредствомъ искренней любви. Иные твердятъ о своихъ патріотическихъ чувствахъ, а «людей въ Кіевѣ ничѣмъ зовутъ», какъ царь Калинъ въ сказкѣ, или ругаются надъ неученою Русью, какъ чиновникъ въ повѣсти Достоевскаго, высказавшаго (не знаю сознательно, или нѣтъ) въ этомъ презрѣніи Дѣвушкина къ мужику и бабѣ страшное оправданіе его собственныхъ страданій. Иные увѣряютъ, что вся будущность Русская заключается въ грамматическомъ знаніи Русскаго языка, какъ будто бы языкъ, а не вся духовная сила Русскаго человѣка, создалъ нашу великую родину. Она приняла многихъ: ей служили многіе; но ея корни живутъ и питаются только въ душѣ Русскихъ людей. Всѣ этѣ мнимыя формы любви не любовь. Въ нихъ сужденіе самое доброжелательное можетъ признать только холодное благоволеніе, или ту гордую благотворитель-

ность, которой лучшимъ выраженіемъ считаю я статью въ Земледѣльческой Газетѣ прошлаго года 12 Февраля, начинающуюся снисходительными похвалами смышленности и толку Русскихъ крестьянъ, а оканчивающуюся тѣмъ, что авторъ разсказываетъ съ одобреніемъ, какъ староста вылечилъ *клинкуша* посредствомъ чего-то въ родѣ рекрутскаго осмотра. Не такъ понимаю я любовь и общеніе.

Общеніе заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву, всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ; но въ живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной. Только такого рода общеніе можетъ возвратить насъ къ началамъ жизни нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участію въ особенностяхъ, характерѣ и физіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку, внеся въ нее великія и до сихъ поръ ей чуждыя начала, отличающія насъ отъ западнаго міра съ его латино-протестантскою односторонностію, съ его историческимъ раздвоеніемъ. Въ нашемъ бытѣ отозвалось бы то единство, которое лежало искони въ понятіи Славянской общины и которое заключается не въ идеѣ дружиннаго договора Германскаго, или формальнаго права Римскаго (т. е. правды внѣшней), но въ понятіи естественнаго и нрав-

ственнаго братства и внутренней правды (*). Въ художествѣ наступила бы новая эпоха, и оно перестало бы влачиться безсильно по стезѣ рабскаго подражанія, а стало бы выражать свободно и искренно (посредствомъ звука, или слова, или формы) идеалы красоты, таящіеся въ душѣ народной; ибо корень искусства есть любовь, формальное же изученіе его есть ничто иное, какъ пріобрѣтеніе матеріяльныхъ средствъ для успѣшнѣйшаго выраженія любимаго идеала; но безъ этого идеала и безъ любви къ нему искусство есть только ремесло. Профессоръ можетъ сказать ученику, или богачь своему подрядчику: «напиши побѣду Александра Невскаго надъ Шведами», и ученикъ или подрядчикъ напишетъ русаго молодца въ завиткахъ, который бьетъ и рубитъ болѣе или менѣе рыжихъ или русыхъ молодцевъ. Онъ можетъ сказать: «напиши побѣду Пожарскаго надъ Литвою», и опять ученикъ или подрядчикъ напишетъ такого же русаго молодца въ завиткахъ, который бьетъ и рубитъ болѣе или менѣе русыхъ или черноволосыхъ молодцовъ: но во всемъ этомъ нѣтъ и признака художества, ото всего этого вѣетъ могильнымъ холодомъ. Только въ живомъ общеніи народа мо-

(*) Въ исторіи нашей Руси идея единства общиннаго лежала всегда какъ основный камень всѣхъ общественныхъ понятій, но долго происходила борьба мелкихъ общинъ съ идеею великой общины. Наконецъ идея единства великой общины восторжествовала послѣ кровавыхъ смутъ ополченіемъ всей Руси за Москву, и избраніемъ царя—молодаго Михаила. Тогда обнаружилось, что единство, казавшееся слѣдствіемъ исторической случайности при царяхъ Рюриковичахъ, было дѣйствительно дѣломъ Русской земли.

гутъ проясниться его любимые идеалы и выразиться въ образахъ и формахъ, имъ соотвѣтственныхъ; но для того, чтобы оживилась наука, быть и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны, сознавая собственное свое безсиліе и собственныя нужды, слиться съ жизнію Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обрядныхъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго и еще болѣе, какъ видимымъ его образомъ.

Я знаю, что многіе говорятъ съ пренебреженіемъ объ этихъ мелочахъ и что Петербургскіе журналы объявляютъ во всеуслышаніе, что народность не въ бородѣ и не въ зипунѣ. Я не спорю. Не имѣю притязаній на монополію любви къ Россіи и не изъявляю сомнѣнія насчетъ чувствъ нашихъ критиковъ. Я готовъ не только признать въ нихъ любовь къ нашей святой Руси, но готовъ признаться и въ томъ, что это чувство похвальнѣе во многихъ изъ нихъ, чѣмъ во мнѣ: во мнѣ оно невольно и прирожденно; во многихъ изъ нихъ оно чувство, пріобрѣтенное волею и разсудкомъ и, такъ сказать, наживное. Но съ другой стороны отъ этой разницы въ началѣ чувства происходятъ, можетъ быть, разныя понятія о предметахъ и разные взгляды на народность. Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу Русскаго человѣка съ его землею и народомъ, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть, нельзя доказать, чтобы Русская пѣсня была лучше Италіянской баркароллы или тарентеллы; но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаетъ Русское сердце. Точно так-

же для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дѣтство и встрѣчавшіе его взглядъ на свободѣ сельскаго простора. Нападеніе на Русское платье есть нападеніе на свободу вкуса и чувства, нисколько не посягающую на чужой вкусъ и чужое чувство; оно будетъ разумно только тогда, когда будетъ доказано, что фракъ разумнѣе или удобнѣе зипуна, или когда художники произнесутъ приговоръ о сравнительномъ изяществѣ нарядовъ. До тѣхъ поръ отверженіе одежды только потому, что она Русская одежда, должно казаться нѣсколько страннымъ, чтобы не сказать нѣсколько оскорбительнымъ.

Конечно, о такихъ мелкихъ подробностяхъ не стоило бы упоминать, но не мѣшаетъ и упомянуть, чтобы привести мысль и чувство такъ называемой образованной публики къ большей простотѣ (необходимому условію того жизненнаго общенія, о которомъ я уже говорилъ). Только въ этой безъискуственной простотѣ можетъ пробудиться возможность искусства, науки и разумнаго быта; ибо только въ живомъ общеніи съ народомъ выходитъ человѣкъ изъ мертвеннаго одиночества эгоистическаго существованія и получаетъ значеніе живаго органа въ великомъ организмѣ; только при немъ можетъ всякая здравая мысль и всякое теплое чувство, возникшее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, сдѣлаться достояніемъ общимъ и получить вліяніе и важность, не изъявляя и не имѣя притязаній на важность и вліяніе; только при немъ возможно то просвѣщеніе, къ которому Западъ стремится безнадежно и котораго достигнуть не можетъ вслѣдствіе своего внутренняго раздвоенія. Конечно, для

каждаго изъ насъ перевоспитаніе самого себя сопряжено съ немалымъ трудомъ; но труда жалѣть не должно, когда предположенная цѣль есть возрожденіе жизненныхъ началъ въ насъ и развитіе истиннаго просвѣщенія въ святой Руси. Что до меня касается, то, приглядываясь къ безплоднымъ усиліямъ многихъ къ добру и пользѣ, прислушиваясь къ общимъ жалобамъ Европы на безжизненность, на безсвязность, на безплодность общества, я не могу не считать отраднымъ такого состоянія, въ которомъ каждое частное лице, какъ бы ни было низко или высоко его званіе, какъ бы ни были скромны или блистательны его способности, чувствуетъ, что уже однимъ нравственнымъ достоинствомъ своей жизни оно взноситъ значительный вкладъ въ общую сокровищницу, и что съ другой стороны, сколько бы оно ни вносило въ нее, оно всегда получаетъ изъ нея во сто кратъ болѣе, чѣмъ можетъ принести.

Что мой свѣтикъ луна,
Что-жъ ты все такъ одна,
Одинешинька?
Подъ парчою, въ вѣнцѣ,
Но съ раздумьемъ въ лицѣ
И блѣднешенька!

* * *

Ты невѣстой глядишь,
Но подъ блескомъ таишь
Скорбь завѣтную;
Словно строгій отецъ
Снарядилъ подъ вѣнецъ
Безотвѣтную.

* * *

Грустенъ путь предъ тобой,
Путь въ степи голубой
Безъ сердечнаго;
Столько ходишь ты лѣтъ,
А попутчика нѣтъ
И нѣтъ встрѣчнаго!

* * *

Мнѣ тебя сердцемъ жаль,
Что зашла въ эту даль,
Свѣтикъ-душечька,
Для сердецъ и для глазъ
Несравненный алмазъ,
Жаръ-игрушечька!

* * *

Для чего по пути
Къ намъ тебѣ не сойти
Звѣздной лѣстницей,
Погулять по росѣ,
Показаться въ красѣ
Райской вѣстницей?

* * *

Мы-бы горе твое,
Бѣдовое житье
Поразсѣяли;
Мы-бъ тебя всей душой
Съ сладострастной тоской
Прилелѣяли!

* * *

Въ нашу зыбь-зеркала
Посмотрись какъ мила,
Пенаглядная!
Въ темный лѣсъ заверни:
Улыбнется въ тѣни
Мгла прохладная.

* * *

Слушай: въ чащѣ вѣтвей,
Молодой соловей
Въ тишь полношную,
Кроткій свѣтъ твой любя,
Все поетъ про тебя
Пѣснь роскошную.

Кн. Вяземскій.

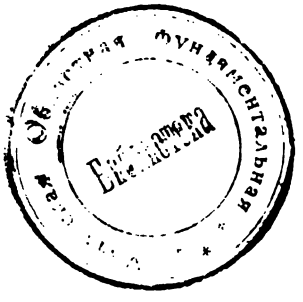
ВЫПИСКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ

Исторіографа Зик. Мих. Карамзина

КЪ БРАТУ ЕГО ВАС. МИХ. КАРАМЗИНУ,

И ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА ЕГО ЖЕ

къ Александру Ивановичу Тургеневу.



ВЫПИСКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ

КЪ

В. М. КАРАМЗИНУ (*).

1796 г. Генв. 9. Москва. — О себѣ скажу вамъ, что я живу по прежнему, ѣзжу изъ дома въ домъ, играю въ бостонъ и пр. Ни въ какую зиму не бывало въ Москвѣ такого множества баловъ, какъ нынѣ; всѣ жалуются на недостатки въ деньгахъ, но между тѣмъ вездѣ видна роскошь.

(*) Эти выписки доставлены намъ однимъ Симбирякомъ, имѣвшимъ въ рукахъ оригинальныя письма нашего исторіографа къ его брату, которыя онъ получилъ отъ родственниковъ сего послѣдняго. Онѣ кажутся намъ особенно любопытными потому, что представляютъ въ непрерывной связи черты изъ жизни Карамзина съ 1796 года по 1826-й, т. е. по самый годъ его кончины. Тамъ, гдѣ слышится голосъ сердца, гдѣ выражаются частности жизни, въ общеніи съ родными, часто высказывается жизнь и особенно характеръ человѣка гораздо полнѣе, нежели въ его отношеніяхъ съ людьми, съ которыми онъ, соединенный однимъ иногда случайнымъ или условнымъ единствомъ занятій, соприкасается только своимъ разсудкомъ. Чѣмъ болѣе человѣкъ замѣчателенъ своею общественною дѣятельностію, тѣмъ любопытнѣе для насъ его отношенія частныя. — Намъ доставлены одѣ вы-

1796 г. Февр. 13. М. — Здѣсь новаго то, что на всѣхъ отъ мала до велика пишутъ пасквили; хотя они глупы и скверны, однакожъ Москва читаетъ ихъ съ жадностію.

1796 г. Ноябр. 12. М. — Поздравляю васъ съ Императоромъ Павломъ I. Императрица Екатерина скончалась 6-го числа. Теперь будутъ многія перемѣны въ чиновникахъ. Императоръ взялъ къ себѣ въ адъютанты Ростопчина и Шувалова; мѣсто

писки изъ писемъ Карамзина къ его брату; однакожъ и изъ этихъ выписокъ мы должны были нѣкоторыя исключить, хотя въ нихъ, можетъ быть, особенно высказывалась прекрасная душа Карамзина и онѣ бы могли служить доказательствомъ, что ученыя занятія въ немъ никогда не подавляли полноты его сердечной жизни. Но онѣ заключаютъ именно частности, составляющія принадлежность человѣка и его семьи, и которыя не могутъ быть обнародуемы, пока существуютъ тотъ или другая.—Въ краткихъ словахъ замѣнимъ сдѣланный нами пропускъ. Въ письмѣ отъ 24 Апрѣля 1801 г. изъ Москвы, Ник. Мих. извѣщаетъ своего брата о женитьбѣ своей съ *Л. И. П.*, тогда какъ еще въ 97 году онъ писалъ, что по всѣмъ вѣроятностямъ ему умереть холостымъ. Потомъ письма его представляютъ быстрый переходъ отъ описаній семейнаго счастія къ выраженію горести, которою онъ былъ пораженъ; ибо еще до году скончалась его первая супруга, оставивъ ему дочь. Живя въ деревнѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Москвы, онъ находилъ единственное утѣшеніе въ заботахъ объ этой дочери и въ ученыхъ трудахъ своихъ, обратившихся тогда къ отечественной исторіи. Наконецъ въ письмѣ отъ 2-го Декабря, 1803 года, онъ сообщаетъ своему брату двѣ новости: во первыхъ, что Императоръ сдѣлалъ его исторіографомъ; во вторыхъ, что онъ вступаетъ въ бракъ съ дѣвицею Е. А. К. Отсюда въ его жизни не прерывается уже внутреннее спокойствіе и счастіе въ семьѣ, и не прерывается, но постоянно усиливается дѣятельность на поприщѣ ученомъ и общественномъ. — Ред.

оберъ-гофмаршала Барятинскаго заступилъ Графъ Н. П. Шереметевъ. Кн. А. Б. Куракинъ будетъ важнымъ человѣкомъ. — Императоръ любитъ очень фельдмаршала Румянцова и Князя Рѣпнина. Говорятъ, что Зубовъ болѣнъ и что его бумаги запечатаны. Нынѣшній день мы всѣ присягали. — Народъ кричитъ отъ добраго сердца: да здравствуетъ Императоръ! Дай Богъ ему счастія и славы! —

1796 г. Декаб. 17. М. — Вы мнѣ пеняете, что не пишу къ вамъ объ новостяхъ; но, *читая Русскія газеты, знаете все.* Новости наши состоятъ въ пожалованныхъ, о которыхъ всегда пишутъ въ вѣдомостяхъ; о другихъ же, невѣрныхъ, писать по слуху не ловко; давно говорятъ въ Петербургѣ о Москвѣ, что она *лжива.* Вѣрно то, что Государь хочетъ царствовать съ правдою и милосердіемъ, и обѣщаетъ подданнымъ своимъ благополучіе; намѣренъ удаляться отъ войны и соблюдать неутралитетъ въ разсужденіи воюющихъ державъ. — Трубецкіе, И. В. Лопухинъ, Новиковъ, награждены за претерпѣніе; первые пожалованы сенаторами, Лопухинъ сдѣланъ секретаремъ при Императорѣ, а Новиковъ, какъ слышно, будетъ университетскимъ директоромъ. Вѣроятно И. П. Тургеневъ будетъ также предметомъ Государевой милости, когда пріѣдетъ въ Петербургъ.

1797 г. Марта 17. М. — Императоръ уже три дни въ Москвѣ, и живетъ за городомъ въ Петровскомъ дворцѣ; всякій день раза по три бываетъ въ городѣ, но не прежде какъ черезъ три недѣли торжественно въѣдетъ въ Москву. Экзерциціею здѣшнихъ полковъ былъ онъ не очень доволенъ и

сдѣлалъ, какъ сказываютъ, сильный выговоръ Кн. Долгорукову, Московскому военному начальнику. *Народъ не можетъ нарадоваться Государемъ.*

1797 г. Іюля 29. М. — Посылаю къ вамъ вторую книжку Аонидъ, которая только что публикована. Желаю, чтобы въ ней многое вамъ полюбилось. Мнѣ очень пріятно будетъ знать, какія піэсы найдете вы лучше другихъ. —

1797 г. Авг. 26. М. — Новость здѣсь та, что намъ опять позволено носить фраки; но круглыя шляпы остаются подъ строгимъ запрещеніемъ.

1797 г. Нояб. 17. М. — Нѣсколько изъ новѣйшихъ книгъ я послалъ къ вамъ, и еще пошлю. Мало выходитъ хорошаго. Нынѣ даже и всѣ иностранныя книги отдаются въ цензуру.

1798 г. Генв. 28. М. — Читая ваше письмо, я мысленно представлялъ себѣ заволжскія вьюги и метели. Хотя темно, однакожъ помню тамошнія мѣста; помню, какъ мы съ вами возвращались оттуда въ началѣ зимы. Старыя воспоминанія бываютъ пріятнѣе! Новостей у насъ не много. Съ мѣсяцъ говорили все о банкѣ, а теперь говорятъ о запрещеніи фраковъ. Лѣтомъ по улицѣ надобно будетъ ходить во французскомъ кафтанѣ и въ кошелькѣ, или въ мундирѣ со шпагою.

1798 г. Апр. 7. М. — Я очень радъ, что *почта учреждена теперь прямо въ Симбирскъ*, и что мы скорѣе можемъ получать другъ отъ друга письма.

1800 г. Мая 22 Кунцово. — Съ того времени, какъ стало у насъ ясно и тепло, живу я въ шести верстахъ отъ города, на высокомъ берегу Москвы

рѣки и вижу такія прекрасныя мѣста, какихъ не много въ Россіи.

1803 г. Іюня 6. Свирлово. — Я нанялъ прекрасный сельскій домикъ, и въ прекрасныхъ мѣстахъ близъ Москвы; бываю по большой части одинъ, и когда здорова С....., то, не смотря на свою меланхолію, еще благодарю Бога. Сердце мое совсѣмъ почти отстало отъ свѣта. Занимаюсь трудами, во первыхъ для своего утѣшенія, а во вторыхъ и для того, чтобъ было чѣмъ жить и воспитывать малютку. Мнѣ хочется до того времени выдавать журналъ, пока будетъ у меня столько денегъ, чтобы жить безъ нужды; а тамъ хотѣлось бы мнѣ приняться за труды важнѣйшія: за Русскую Исторію, чтобы оставить по себѣ отечеству не дурной монументъ. Но все зависитъ отъ Провидѣнія! Будущее не наше!

1803 г. Окт. 13. М. — Не могу вообще жаловаться на свое здоровье, но зрѣніе мое слабѣетъ; это заставляетъ меня отказаться отъ журнала; но примусь за Исторію, которая не требуетъ срочной работы.

1804 г. Іюня 8. Остафьево. — Я самъ, любезный братъ, не могу хвалиться здоровьемъ, которое мнѣ нужно и для того, чтобы живо чувствовать счастіе моего супружества и для моей пріятной, но трудной работы. Вы, по вашей дружбѣ ко мнѣ, берете участіе въ ея успѣхахъ: и такъ скажу вамъ, что я тружусь усердно, и если не совершу этой работы, то, по крайней мѣрѣ, не отъ лѣни. Можетъ быть, Богъ и наградитъ меня успѣхомъ. Пишу

теперь вступленіе, т. е. краткую исторію Россіи и Славянъ до самаго того времени, съ котораго начинаются собственныя наши лѣтописи. Этотъ первый шагъ всего труднѣе; мнѣ надобно много читать и соображать. А тамъ опишу нравы, правленіе и религію Славянъ; послѣ сего начну обрабатывать Русскія лѣтописи.

1804 г. Сентяб. 13. Остафьево. — Упражненія мои вамъ извѣстны. Все идетъ медленно, и на всякомъ шагу впередъ надобно оглядываться назадъ. Цѣль такъ далека, что боюсь даже и мыслить о концѣ. Здоровье мое теперь, кажется, получше, но все еще не очень хорошо, и я не смѣю работать по вечерамъ, хотя бы это и нужно было для успѣха трудовъ моихъ.

1804 г. Декаб. 20. М. — . . . . А я, любезный братъ, работаю изо всей силы и мочи, пока Богъ даетъ мнѣ довольно здоровья и спокойствія для успѣха въ трудѣ моемъ. Теперь пишу о нравахъ, правленіи и вѣрѣ древнихъ Славянъ, и надѣюсь это кончить около Февраля, чтобы приняться уже за нашу Исторію съ Рюрика. Я дѣлаю все, что могу, и совершенно почти отказался отъ свѣта; даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не ранѣе пятаго часа, и не рѣдко лишаю себя удовольствія быть съ моею любезною женою. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхами.

1805 г. Сент. 21. М. — По отъѣздѣ К. А. я скоро занемогъ дурною лихорадкою, и былъ болѣнъ пять недѣль; совсѣмъ было высохъ и походилъ на скелета; но, слава Богу! дней черезъ 10 по возвращеніи моей жены натура взяла верхъ

и я началъ выздоравливать. Теперь осталась только слабость. Во всю жизнь свою я не имѣлъ еще такой долговременной и изнурительной болѣзни. Дней въ пять она отняла у меня всѣ силы, и могла обратиться въ опасную; но возвращеніе К. А. подѣйствовало не менѣе лекарствъ. Вообразите, что съ исхода Іюля по сей часъ я не принимался за перо для продолженія своей Исторіи! и теперь еще не пишу. Это мнѣ скорбно; но я радуюсь своему выздоровленію, какъ ребенокъ. Въ нѣкоторыя минуты болѣзни казалось мнѣ, что я умру, и для того, не смотря на слабость, разобралъ всѣ книги и бумаги государственныя, взятыя мною изъ разныхъ мѣстъ, и подписалъ, что̀ куда возвратить. Нынѣ гораздо пріятнѣе для меня снова разбирать ихъ! Жизнь мила, когда человѣкъ счастливъ домашними и умѣетъ заниматься безъ скуки.

1805 г. Генв. 21. М. — Я продолжаю работать и думаю, что мнѣ не отдѣлаться отъ Кіева: надобно будетъ туда съѣздить.

1805 г. Марта 26. М. — Работа моя идетъ медленно. Пишу второй томъ, еще о временахъ Рюрика. Если Богъ продолжитъ на мнѣ Свою милость, то къ зимѣ могу начать третій. Не смотря на то, что многими книгами пользуюсь даромъ, я долженъ еще издерживать не мало денегъ на покупку иностранныхъ книгъ.

1806 г. Авг. 14. Остафьево. — Работа моя подвигается впередъ, хотя и медленно. Ежели буду живъ и здоровъ съ моимъ семействомъ, то надѣюсь зимою дойти до временъ Татарскаго ига.

Жаль, что я не моложе десятью годами! Едва ли дастъ мнѣ Богъ довершить мой трудъ: такъ много еще впереди!

1807 г. Авг. 20. Елисаветино. — Работа моя была нынѣшній годъ неспора отъ безпокойства душевнаго.

1808 г. Іюня 6. Остафьево. — Въ трудѣ моемъ бреду впередъ шагъ за шагомъ и теперь, описавъ ужасное нашествіе Татаръ, перешелъ въ четвертый-надесять вѣкъ. Хотѣлось бы мнѣ до возвращенія въ Москву добраться до временъ Димитрія, побѣдителя Мамаева. Иду голою степью; но отъ времени до времени удается мнѣ находить и мѣста живописныя. Исторія не романъ; ложь всегда можетъ быть красива, а истина въ простомъ своемъ одѣяніи нравится только нѣкоторымъ умамъ опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо или мнѣ, или моему праху.

Воображаю живо моего любезнаго брата, сидящаго подъ окномъ и смотрящаго на величественную Волгу, столь знакомую мнѣ изъ дѣтства! — Симбирскіе виды уступаютъ въ красотѣ не многимъ въ Европѣ. Вы живете въ древнемъ отечествѣ Болгаровъ, народа давно образованнаго и торговаго, порабощеннаго Татарами. Близъ Симбирска въ лѣтніе мѣсяцы кочевалъ иногда и славный Батый, завоеватель Россіи. Я теперь живу въ прошедшемъ, и старина для меня всего любезнѣе.

1808 г. Авг. 22. Остафьево. — Если всѣ будемъ здоровы, то мы намѣрены прожить въ деревнѣ до Октября. Тихая сельская жизнь мнѣ гораздо

пріятнѣе городской. Кто любитъ жену, дѣтей, и занятъ дѣломъ, тому люди болѣе мѣшаютъ, нежели помогаютъ наслаждаться жизнію.

1809 г. Іюня 21. Остафьево. — Мы живемъ въ подмосковной и наслаждаемся тишиною. Я по обыкновенію работаю, и кончилъ описаніе временъ Димитрія Донскаго; но теперь долженъ еще многое поправить назади.

1809 г. Авг. 15. Остафьво. — Мы, слава Богу, здоровы, и наслаждаемся сельскою тишиною, стараемся какъ можно рѣже заглядывать въ Москву, гдѣ въ три мѣсяца я былъ только одинъ разъ на нѣсколько часовъ. Милыя душѣ семейственныя удовольствія и работа занимаютъ пріятнымъ образомъ всѣ мои часы, кромѣ тѣхъ, въ которые думаю о бѣдствіяхъ нашего времени, дѣйствительныхъ и вѣроятныхъ. Часто хотѣлось бы мнѣ укрыться въ какомъ нибудь непроницаемомъ уединеніи, чтобы ничего не слыхать о пропсшествіяхъ Европейскихъ. Какъ счастливы были наши отцы! Мы не умѣли цѣнить прежняго спокойствія Европы, и теперь осуждены видѣть гибель имперій и ждать будущаго со страхомъ, или запасаться добродѣтелями стоиковъ, не весьма легкими для того, кто имѣетъ семейство.

1809 г. Окт. 16. М. — Издателямъ Вѣстника Европы не велѣно, какъ я слышалъ, писать о политикѣ: ибо они изъ разныхъ газетъ иностранныхъ сообщали многія ложныя извѣстія, противныя осторожному благоразумію.

1810 г. Февр. 15. М. — Государь, находясь въ Москвѣ, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько привѣт-

ливыхъ словъ; а еще болѣе Великая Княгиня, къ которой, исполняя волю Ея, нарочно ѣздилъ я послѣ въ Тверь: жилъ тамъ шесть дней, всякой день обѣдалъ во дворцѣ и читалъ по вечерамъ мою Исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. Они плѣнили меня своею милостію. За это кратковременное удовольствіе заплатилъ я послѣ слезами о кончинѣ нашей незабвенной сестры и моею жестокою болѣзнію.

1810 г. Марта 28. М. — Милость ко мнѣ Великой Княгини, Великаго Князя Константина Павловича и вдовствующей Императрицы служитъ для меня немалымъ одобреніемъ въ моихъ трудахъ. Отъ первой я недавно получилъ весьма лестное письмо. Императрица приказала сказать мнѣ, что она брала участіе въ моей болѣзни и завидуетъ Великой Княгинѣ, которой я читаю свою Исторію. Константинъ Павловичъ также отзывается обо мнѣ съ отличнымъ благоволеніемъ.

1810 г. Іюля 19. Остафьево. — На сихъ дняхъ удостоился я получить высочайшую грамату съ знакомъ 3-й степени Св. Владиміра. . . . Милость добраго Государя мнѣ любезна, хотя лѣта и печальная опытность прохладили во мнѣ всѣ чувства мірской суетности.

1810 г. Сентяб. 19. Остафьево. — Совсѣмъ нечаянно встрѣтилась мнѣ необходимость съѣздить въ деревню жены моей, откуда я возвратился съ разстроеннымъ здоровьемъ и съ глазною болью, которая мѣшаетъ мнѣ писать къ вамъ своею рукою... Мнѣ надлежало защитить наше имѣніе отъ межевщика и Капитана-исправника; но важ-

наго я ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что видѣлъ собственными глазами наше имѣніе, за что заплатилъ я слишкомъ дорого — поврежденіемъ своихъ глазъ въ холодныя ночи. Уже три недѣли тому, какъ мы возвратились, а я не могу ни писать, ни читать.

Вы желаете, любезный братъ, знать объ успѣхѣ моихъ трудовъ: въ нынѣшній годъ я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Димитріевича, сына Донскаго; болѣзнь моя, нещастныя потери и грусть отняли у меня не малую часть моихъ способностей. Трудъ столь необъятный требуетъ спокойствія и здоровья; не имѣю ни того, ни другаго, и дѣлаюсь къ несчастію меланхоликомъ. Жаль, если Богъ не дастъ мнѣ совершить начатаго къ чести и пользѣ общей. Оставивъ за собою дичь и пустыни, вижу впереди прекрасное и великое: боюсь, чтобы я, какъ второй Моисей, не умеръ прежде, нежели войду туда. Княженія двухъ Іоанновъ Васильевичей и слѣдующія времена наградили бы меня за скудость прежней матеріи.

1810 г. Дек. 13. М. — Недавно былъ я въ Твери и осыпанъ новыми знаками милости со стороны Великой Княгини. Она рѣдкая женщина: умна и любезна необыкновенно. Мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякой день были у нея. Она хотѣла даже, чтобы мы въ другой разъ пріѣхали туда и съ дѣтьми.

1811 г. Февраля 28. М. — Я съ женою былъ опять въ Твери и жилъ тамъ двѣ недѣли, совершенно въ гостяхъ у Великой Княгини и у Принца. Они осыпали насъ ласками, и мы всякой день бы-

вали у нихъ по нѣскольку часовъ. Любезность и милость Великой Княгини трогаютъ мою душу. Принцъ имѣетъ ангельское сердце и знанія. Часы, проведенные мною въ ихъ кабинетѣ, причисляю къ счастливѣйшимъ въ жизни. Теперь я возвратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ.

1811 г. Апрѣля 12. М. — Исполняя волю любезнѣйшей Великой Княгини, я ѣздилъ опять въ Тверь, чтобы быть тамъ представленнымъ Государю, который и самъ приказалъ И. И. Дмитріеву написать ко мнѣ о желаніи своемъ видѣть меня въ этомъ городѣ. Осыпанный милостивыми привѣтствіями Императора, я читалъ ему нѣкоторыя мѣста изъ моей Исторіи; Онъ былъ доволенъ. Четыре раза обѣдали мы съ нимъ у Великой Княгини. Онъ звалъ меня и жену мою въ Петербургъ, и простился съ нами особенно въ кабинетѣ; даже предлагалъ намъ жить въ Аничковскомъ дворцѣ, который отданъ Великой Княгинѣ. Милость велика; однакожъ, я совсѣмъ не думаю ѣхать въ Петербургъ.—Привязанность моя къ Императорской фамиліи должна быть безкорыстна: не хочу ни чиновъ, ни денегъ отъ Государя. Молодость моя прошла, а съ нею и любовь къ мірской суетности.

30 Мая. 1811 г. М.— Мы съ дѣтьми прожили въ деревнѣ только двѣ недѣли и возвратились въ Москву, съ тѣмъ, чтобы завтра ѣхать въ Тверь дней на восемь. Какъ ни пріятно намъ пользоваться милостію прелестной Великой Княгини, однакожъ грустно разставаться съ малютками; да и моя Исторія отъ того терпитъ. Впрочемъ, любя искренно Великую Княгиню, не могу не исполнить ея воли. Она пишетъ ко мнѣ самыя ласковыя письма и

желаетъ познакомить меня съ отцемъ Принца, который теперь у нихъ гоститъ: человѣкъ рѣдко умный и добродѣтельный. Наполеонъ отнялъ у него Ольденбургское Герцогство.

1811 г. Августъ. 1. Остафьево. Что̀ касается до моихъ упражненій, то иду впередъ съ нетерпѣніемъ быть какъ можно далѣе. Старость приближается и глаза тупѣютъ: худо, если года въ три не дойду до Романовыхъ! Тутъ могъ бы я остановиться. Но да будетъ, какъ Богу угодно.

1811 г. Авг. 20. Остафьево. Я мѣсяца два хлопоталъ о дѣлѣ нашего молодаго Князя, у котораго экономическіе крестьяне, подкупивъ Гражданскую Палату, самымъ наглымъ образомъ отняли было землю. Это испортило у меня не мало крови. Странное время! взяткобрательство сдѣлалось общимъ, и справедливость, не подкрѣпленная деньгами, слаба какъ соломенка. Мнѣ надобно было дѣйствовать всѣми батареями, чтобы одержать верхъ надъ самыми глупыми плутами. Вотъ чѣмъ занимался нынѣшнимъ лѣтомъ Исторіографъ Россійскій! Не смотря на всѣ мои связи, я право ни въ чемъ не увѣренъ, кромѣ того, что люблю добро и честь.

1811 г. Нояб. 11. М. — Будучи въ Твери, мы пользовались, какъ и прежде, отмѣнною милостію Великой Княгини: всякой день у нея обѣдали и бывали по вечерамъ.

1812 г. Мая 28. М. Исторія С. есть для насъ тайна: публика ничего не знаетъ. Думаютъ, что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ. Его всѣ бранили: теперь забываютъ. Ссылка похожа на смерть.

1812 г. Авг. 27. М.—Наконецъ я рѣшился силою отправить жену мою съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остаюсь здѣсь и живу въ домѣ у Главнокомандующаго Гр. Ѳ. В. Ростопчина, но безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ: для того не выѣду изъ Москвы, пока все не рѣшится.—Я довольно здоровъ и твердъ: многіе кажутся мнѣ малодушными. Вѣрю, что есть Богъ! Участь моя остается въ неизвѣстности. Буду ли еще писать къ Вамъ, не знаю; но благодарю Бога за свое доселѣ хладнокровіе, не весьма обыкновенное для моего характера. Чѣмъ ближе опасность, тѣмъ менѣе во мнѣ страха. Опытъ знакомитъ насъ съ самими нами.

1812 г. Сентяб. 19. Нижній.—1. Сент. выѣхалъ я изъ Москвы, куда на другой день вошли Французы.

1812 г. Ноября 12. Нижній. — Кажется, что Богъ за насъ. Между тѣмъ Москвы почти нѣтъ. Вся моя библіотека сгорѣла. — Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни. Поѣхалъ бы въ Петербургъ, но чѣмъ тамъ жить? и проч.

1812 г. Дек. 10. Нижній. — Вообще мнѣ очень грустно. Не знаю, гдѣ проведу остатокъ жизни, какъ буду существовать и что дѣлать. Библіотека моя обратилась въ пепелъ; не имѣю способовъ заниматься обыкновеннымъ дѣломъ моимъ и не вижу, когда могу выѣхать отсюда, не получая доходовъ отъ разоренія крестьянъ. Дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобы спаслось любезное отечество!

1813 г. Іюля 1. М.—Съ грустью и тоскою въѣхали мы въ развалины Москвы.—Думаемъ около половины Августа ѣхать въ Петербургъ, чтобы пе-

чатать написанные мною томы Исторіи. Едва-ли могу продолжать ее. Лучше выдать, пока я живъ. Никакихъ плановъ для будущаго не дѣлаю. Да будетъ, что̀ угодно Всевышнему. Еще неизвѣстно, когда Государь возвратится въ Петербургъ; а безъ него мнѣ нельзя печатать Исторіи. Слѣдовательно мы и не увѣрены, когда точно поѣдемъ туда.

1813 г. Октяб. 6. *Остафьево.* — Вы уже знаете, что мы рѣшились нынѣшнюю зиму провести въ Москвѣ, не смотря на милость вдовствующей Императрицы, которая мнѣ предлагала жилище и въ Петербургѣ и въ Павловскомъ.—Теперь отказываемся до весны.

1814 г. Іюля 5. Остафьево. — А я дописываю Василія Ивановича, чтобы скорѣе приняться за грознаго Царя Ивана.

1814 г. Окт. 20. М. — И я не знаю, поѣдемъ ли въ Петербургъ, куда влечетъ меня намѣреніе издать написанные мною томы Исторіи. Пишу Царя Ивана Васильевича; но не думаю, чтобы я могъ продолжать далѣе: слабѣютъ силы и охота. Хотѣлось мнѣ въ прибавокъ описать Исторію нашего времени, т. е., нашествіе Французовъ; но едва-ли эта мысль исполнится по разнымъ обстоятельствамъ.

1815 г. Іюля 24. Остафьево. — А если Богъ дастъ намъ миръ, и будемъ здоровы, то зимою опять начну помышлять о Петербургѣ, чтобы издать свою Исторію и тѣмъ доставить себѣ возможность къ воспитанію дѣтей и къ заплатѣ долга, если Богъ поможетъ. Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани; а въ девятомъ надобно описывать владычество Царя Ивана Васильевича.

1816 г. Мая 16. М. — Думаемъ послѣ завтра ѣхать въ Петербургъ, или, лучше сказать, Царское Село, гдѣ Государь приказалъ отвести мнѣ домъ на лѣто. Еще не знаю, останусь ли въ Петербургѣ, или въ Августѣ возвращусь въ Москву печатать свою Исторію. Петербургскіе типографщики требуютъ слишкомъ дорого за тисненіе; да и жить тамъ весьма не дешево.

1816 г. Генвар. 19. М. — Имѣю намѣреніе чрезъ двѣ недѣли ѣхать въ Петербургъ, чтобы представить Государю 8 томовъ моей Исторіи. Великой Княгини уже не могу тамъ застать къ сожалѣнію. Впрочемъ, чему быть, то будетъ. Императрица Марія нѣсколько разъ милостиво звала меня въ Петербургъ; самъ Государь нѣкогда изъявлялъ желаніе видѣть меня тамъ; но все это не обольщаетъ меня: знаю, что могу съѣздить и возвратиться ни съ чѣмъ. По крайней мѣрѣ, надобно, кажется, это испытать; уже не время откладывать печатаніе Исторіи; старѣюсь и слабѣю, не столько отъ лѣтъ, сколько отъ грусти.

1816 г. Іюня 12. Царское Село. — Уже третію недѣлю живемъ здѣсь, и довольно пріятно. Я былъ у Государя и видѣлъ его въ другой разъ на балѣ въ Павловскѣ у Императрицы. Онъ такъ милостивъ, что два раза присылалъ спрашивать о здоровьѣ жены моей, которая было занемогла отъ простуды. Впрочемъ еще не знаю, останусь-ли здѣсь для печатанія моей Исторіи, или возвращусь въ Москву. Жить въ Петербургѣ очень дорого; могу много задолжать въ два года.—Царское Село есть прекрасное мѣсто и, безъ сомнѣнія, лучшее вокругъ Петербурга. Здѣсь все напоминаетъ Ека-

терину. Какъ перемѣнились времена и обстоятельства! Часто въ задумчивости смотрю на памятники Чесмы и Кагула.

1817 г. Февр. 18. С. П. Б. — Давно я не писалъ къ вамъ, и винюсь предъ собою. Часто бываю нездоровъ, безпокоюсь о дѣтяхъ, часто нездоровыхъ; хлопочу съ типографіями; съ утра до вечера занимаюсь корректурами—и время проходитъ. Веселья для меня уже нѣтъ на свѣтѣ: благодарю Бога за нѣкоторыя минуты тихія и пріятныя. Ѣздить лѣнюсь. По праздникамъ бываю во дворцѣ, съ поздравленіемъ, или на балѣ; въ двѣ недѣли разъ обѣдаю у вдовствующей Императрицы. Государя вижу только издали. Только одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; но на сихъ дняхъ изъявилъ мнѣ большую милость тѣмъ, что по моей просьбѣ велѣлъ причислить къ герольдіи одного Д. Ст. Совѣтника, удаленнаго отъ дѣлъ. Будучи связанъ пріязнію съ этимъ человѣкомъ, я осмѣлился написать къ Императору письмо, которое имѣло счастливое дѣйствіе. Это обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Буду любить его, пока живу на свѣтѣ. Люди здѣсь довольно привѣтливы; но я уже старѣюсь и не имѣю охоты таскаться изъ дому въ домъ. Иногда посѣщаютъ насъ пріятели, и мы проводимъ вечера нескучно. Думаемъ, напечатавъ Исторію, возвратиться въ Москву, чтобы тамъ кончить жизнь... Не знаю, будемъ-ли въ Царскомъ Селѣ. Корректуры также привязываютъ меня къ городу.

1817 г. Марта 27. С. П. Б. — Живемъ, какъ и прежде, болѣе семейственно, нежели въ свѣтѣ. Иногда заглядываю во дворецъ; бываю у мило-

ствой ко мнѣ Императрицы вдовствующей, а Государя вижу мелькомъ; однакожъ онъ изъявляетъ милостивое къ намъ вниманіе, когда встрѣтится съ нами.

Впрочемъ съ утра до вечера занимаюсь изданіемъ моей Исторіи, т. е. печатаніемъ. Это еще продолжится около года. Тогда, если будемъ живы, возвратимся въ Москву, чтобы кончить жизнь въ тишинѣ.

1817 г. Мая 22. Царское Село.—На сихъ дняхъ мы переѣхали въ Царское Село въ тотъ же домикъ. Наслаждаемся прекрасными мѣстами и прекраснымъ временемъ. Императрицы обошлись съ нами милостиво: мы у нихъ были съ поклономъ и обѣдали въ Павловскѣ; а Государя видѣли въ саду: онъ также милостиво разговаривалъ съ нами. Впрочемъ думаемъ жить уединенно. И здѣсь главнымъ дѣломъ моимъ будетъ печатаніе Исторіи: изъ города присылаютъ ко мнѣ корректуры; теперь печатаютъ 2-й, 3-й, 4-й, 5 и 6-й томы; готовъ одинъ первой; надѣюсь однакожъ, что все кончится къ Декабрю—и тогда немедленно отправлю къ вамъ, любезный братъ, всѣ восемь томовъ. Въ послѣднемъ дошелъ я только до 1560 года и остановился на злодѣйствахъ Іоанна Грознаго. Богъ знаетъ, буду-ли продолжать! По крайней мѣрѣ, теперь занимаюсь единственно печатаніемъ. Боюсь отвыкнуть отъ сочиненія. Впрочемъ я довольно потрудился. Да будетъ, что̀ угодно Богу!—

У насъ, слава Богу! все тихо, а въ Европѣ южной и голодно и мрачно. Во многихъ земляхъ свирѣпствуютъ болѣзни отъ худой пищи. Между тѣмъ шумятъ о конституціяхъ. Сапожники, портные

хотятъ быть законодателями, особенно въ ученой Нѣмецкой землѣ. Покойная Французская революція оставила сѣмя какъ саранча: изъ него выползаютъ гадкія насѣкомыя. Такъ кажется. Впрочемъ будетъ, чему быть надобно по закону Вышней Премудрости. Если бы у меня былъ веселый характеръ, то я сталъ бы смѣяться; но будучи меланхоликомъ, хмурю брови на дерзкую глупость, на безстыдное шарлатанство, на подлое лицемѣріе, въ то же время смиряясь душею передъ Богомъ. Жизнь моя склоняется къ западу!

1817 г. Авг. 14. Царское Село.—И нынѣшнее лѣто, любезный братъ, насъ очень ласкаютъ и въ Царскомъ Селѣ и въ Павловскомъ: за то мы умѣемъ быть признательными въ глубинѣ души и къ доброму милостивому Государю и къ добрымъ Императрицамъ. Однакожъ вслѣдъ за Дворомъ не поѣдемъ въ Москву: зимою съ малолѣтными ѣхать тяжело; а Исторія моя не отпечатается прежде Декабря. И такъ, если будемъ живы, встрѣтимъ Государя весною въ Царскомъ Селѣ; проживемъ здѣсь до Августа, а тамъ отправимся въ старушку Москву доживать вѣкъ, хотя милостивый Императоръ и говоритъ, что намъ лучше остаться здѣсь. Я уже старѣюсь: неизвинительно быть суетнымъ, когда могила передъ глазами; а польза сомнительна: способности мои уже не цвѣтутъ, а вянутъ, какъ думаю. Остальное надобно посвятить продолженію Исторіи.

1817 г. Октяб. 26. С. П. Б.—Винюсь предъ вами и предъ собою, не писавъ такъ давно. Типографскія хлопоты отнимаютъ у меня время и свободу духа. Къ новому году авось отдѣлаюсь. Между

тѣмъ пришлю къ вамъ на той почтѣ 1-й томъ, а зимою и остальные семь, если Богъ дастъ. . . . . Мы разстались со Дворомъ какъ нельзя лучше. Государь въ Царскомъ Селѣ заѣзжалъ къ намъ прощаться. Императрицы также до самаго отъѣзда были милостивы. Теперь живемъ уединенно въ пустомъ Петербургѣ, хотя и великолѣпномъ. Если спросите, кого здѣсь люблю болѣе? то скажу въ отвѣтъ: Государя, Императрицъ и — Неву! Въ самомъ дѣлѣ, никто насъ здѣсь столько не ласкалъ, не поилъ и не кормилъ, какъ Дворъ, особенно въ лѣтніе мѣсяцы. Дай Богъ только, чтобы хорошо раздѣлаться съ Исторіею, и чтобы хотя въ старости зажить въ своемъ домикѣ. . . . Денегъ проживаемъ много, хотя во всемъ роскошномъ себѣ отказываемъ. Худо, если Исторія не поправитъ нашего состоянія.

1817 г. Дек. 27. С. П. Б.—Давно уже послалъ я къ вамъ 1-й томъ Исторіи: надѣюсь, что вы его получили. Въ исходѣ Генваря, какъ думаю, выдамъ наконецъ всѣ 8 томовъ. —

Мы, благодаря Бога, почти совсѣмъ здоровы. Утѣшаемся дѣтьми, живемъ тихо и видимъ мало людей. Говорятъ, что Дворъ не возвратится сюда прежде Іюня. Располагаемся прожить здѣсь до Августа, не далѣе; хорошо, еслибъ къ тому времени хотя половина книги моей сошла съ рукъ, и съ честію для автора. — Коротко ли вы познакомились съ вашимъ Губернаторомъ? Такъ ли онъ молодъ духомъ, какъ прежде? — Еще не знаю, буду ли продолжать Исторію по изданіи осьми томовъ. Все въ рукѣ Божіей: и моя судьба и моя Исторія.

1818 г. Фев. 12. С. П. Б. — Между тѣмъ Исто-рія моя вышла: я поднесъ ее Государю, обѣдалъ у него, былъ въ кабинетѣ. . . . По сію пору Исторія расходится хорошо: осталась только половина экземпляровъ. Весьма желаю сбыть ее съ рукъ до отъѣзда въ Москву, чтобы не тащить обоза книжнаго за собою. . . . А мы, любезный братъ, останемся при своемъ твердомъ планѣ ѣхать въ Москву около Августа: тамъ я жилъ, тамъ мнѣ и умереть. Люблю Государя, Императрицъ, а смотрю въ свою нору.

1818 г. Апрѣл. 8. С. П. Б. — Исторія моя вся разошлась еще въ концѣ Февраля: теперь здѣшніе книгопродавцы торгуютъ у меня второе изданіе и соглашаются дать мнѣ 50000 въ пять лѣтъ; это не много, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія.— На сихъ дняхъ я читалъ библейскую рѣчь вашего Губернатора: молодецъ! я слышалъ, что она полюбилась Императору и Кн. Голицыну: это главное!

1818 г. Іюня 10. С. П. Б — О возвращеніи нашемъ въ Москву не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго прежде Іюня: тогда начнется второе тисненіе моей Исторіи, и если увижу, что оно можетъ итти безъ меня, то въ Августѣ поѣдемъ; а если увижу противное, то останемся здѣсь еще на годъ: чего мнѣ не хочется; но будетъ, какъ Богу угодно. 8 мѣсяцевъ жили мы въ Петербургѣ какъ въ деревнѣ; мало выѣзжали, мало людей видѣли, и я спокойно продолжалъ свою Исторію. Переѣдемъ ли въ Царское Село, не знаю. Слышу стороною, что Государь приказалъ очистить для насъ прежній домикъ; но между тѣмъ не дано мнѣ знать о томъ

отъ царскосельскаго начальника, а лѣто уже въ срединѣ.

1818 г. Авг. 27. Царское Село. — Нынѣшній день добрый Государь нашъ уѣхалъ за границу на 4 мѣсяца. Вчера былъ у насъ въ смиренномъ домикѣ, чтобы проститься съ К. А. и со мною. Всякую недѣлю мы обѣдали у него раза два. Онъ изъявляетъ ко мнѣ даже и нѣкоторую милостивую довѣренность въ разговорахъ. Нельзя не любить его всею душею, когда видишь его вблизи и слышишь разсужденія прекрасныя.

1818 г. Декаб. 19. С. П. Б. — Мы привязаны теперь къ Петербургу вторымъ изданіемъ Исторіи. Это мнѣ грустно. Люблю быть свободнымъ. Не перестаю думать о Москвѣ. Впрочемъ отдаю себя во власть Божію. Если мнѣ опредѣлено не умереть въ Петербургѣ, то, безъ сомнѣнія, выѣду изъ него. —

Не работа для меня опасна, а всякое внутреннее волненіе: нервы у меня такъ раздражены, какъ у женщины въ родахъ. —

Черезъ три дня ожидаютъ Государя. Люблю его всею душею, но не позволяю себѣ мечтать о продолженіи его милостей. Я уже старъ для Двора. Ни съ кѣмъ изъ ближнихъ людей Государевыхъ у меня нѣтъ ни малѣйшей связи. Одинъ добрый, умный Гр. Каподистрія доказывалъ мнѣ пріязнь свою: и тотъ ѣдетъ, какъ слышно, лечиться теплымъ климатомъ въ свое отечество.

1819 г. Декабря 24. С. П. Б. — Живемъ болѣе уединенно. Второе изданіе моей Исторіи приходитъ къ концу. Желаю, если можно, дописать 9-й томъ лѣтомъ, издать его въ Петербургѣ и ждать смерти, гдѣ Богъ велитъ.

1820 г. Мая 25. Царское Село.— Нынѣшній годъ думаемъ провести въ Петербургѣ. Если Богъ дастъ мнѣ зимою кончить и напечатать 9-й томъ Исторіи, то можемъ въ слѣдующее лѣто отправиться въ Москву. Впрочемъ не дѣлаю плановъ: живу день за день.

1823 г. Генваря 16. С. П. Б. — Работаю довольно и хожу пѣшкомъ. 10-й томъ моей Исторіи готовъ, но я отложилъ печатать его до будущей осени, чтобы кончить всю исторію Лжедимитрія.

1823 г. Августъ. 6. Царс. Село.— Я былъ дѣйствительно при дверяхъ гроба отъ моей горячки, которая, видно давно во мнѣ готовилась, хотя и не чувствительно; ибо я въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ хвалился своимъ здоровьемъ. Я умеръ бы легко, не чувствуя смерти; но Богъ услышалъ молитву жены моей и оставилъ меня еще жить до времени. Государь и Императрицы оказали въ этомъ случаѣ трогательное ко мнѣ благорасположеніе. Ихъ медики лечили меня съ особенною ревностію. Теперь я оправляюсь, но все еще имѣю нѣкоторую слабость.

1823 г. Декаб. 1. С. П. Б. — Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей Исторіи, 10 и 11-го. Хорошо, если они также разойдутся, какъ 9-й томъ. Кромѣ авторскаго честолюбія, это могло бы поправить наши экономическія обстоятельства.— По своимъ лѣтамъ и меланхолическимъ мыслямъ я уже совсѣмъ непраздничный человѣкъ. Люблю сидѣть дома, или бродить пѣшкомъ по улицамъ. Сердце мое охладѣло и къ удовольствіямъ общества.

1824 г. Марта 17. С. П. Б. — Помышляю иногда о Москвѣ; но не хотѣлось бы на старости перемѣнять мѣста, тѣмъ болѣе, что и сыновья подростаютъ.

1824 г. Августъ. 17. Цар. Село. — Спѣшу извѣстить васъ, что Государь будетъ въ Симбирскѣ 5 Сент. и что Онъ желаетъ васъ видѣть; прощаясь со мною, сказалъ: «что приказываешь къ своему брату? Вѣроятно, что я увижу его въ Симбирскѣ, гдѣ пробуду три дня.» Увидите, какъ онъ милостивъ и въ сердцѣ вашемъ останется пріятное воспоминаніе.

1824 г. Окт. 24. Цар. Село. — По обыкновенію еще занимаюсь своею работою, описываю мятежное царствованіе Шуйскаго, но 12 томъ долженъ быть уже послѣднимъ. Если Богъ дастъ мнѣ описать воцареніе Михаила Ѳедоровича, то заключу мою Исторію обозрѣніемъ новѣйшей до самыхъ нашихъ временъ.

1825 г. Іюня 22. Цар. Село. — К. А. хотѣла взять меня въ Ревель, чтобы купаться въ морѣ, но я поупрямился, желая посвятить нынѣшній годъ работѣ. Кажется однакожъ, что немного напишу, часто не домогая. Хотѣлось бы скорѣе кончить, прежде охлажденія душевнаго. Впрочемъ, какъ Богу угодно!

Государь возвратился изъ Варшавы съ прежнимъ добрымъ къ намъ расположеніемъ, а мы встрѣтили Его съ прежнею любовію. Въ искреннѣйшей привязанности къ Нему и къ обѣимъ Императрицамъ нахожу сердечное услажденіе.

1826 г. Генв. 10 С. П. Б. — Простите мнѣ мое долговременное молчаніе. Все лѣто былъ я хилъ здоровьемъ; осенью поправился и хотѣлъ писать

къ вамъ уже изъ города; переѣхалъ сюда изъ Ц. С. 15 Нояб.: но черезъ два дня узнали мы о болѣзни Государя и съ той минуты я уже не могъ ничѣмъ спокойно заниматься.

Александра любилъ я какъ человѣка, какъ искренняго, добраго, милаго пріятеля, если смѣю такъ сказать: Онъ самъ называлъ меня своимъ *искреннимъ*. Его величіе и слава конечно давали этой связи еще особенную для меня прелесть. Не думалъ я пережить Его и надѣялся оставить въ Немъ покровителя моимъ дѣтямъ. Да будетъ воля Божія! Привязанность моя къ Нему осталась безкорыстною. Новый достойный Государь Россіи не можетъ знать и цѣнить моихъ чувствъ, какъ зналъ и цѣнилъ ихъ Александръ (*). Я слишкомъ старъ, и думаю только кончить, если дастъ Богъ, 12 томъ Исторіи, чтобы куда нибудь удалиться отъ Двора, въ Москву ли, или въ Нѣмецкую землю для воспитанія сыновей; здѣсь ученье дорого и не такъ легко. Впрочемъ предаюсь и тутъ въ волю Божію. Нынѣ мы живы, а завтра гдѣ будемъ? Если не Александръ, то небесный Отецъ нашъ не покинетъ моего семейства, какъ надѣюсь.

(*) Это письмо есть послѣднее, по кр. м. въ нашемъ собраніи, изъ писемъ Исторіографа къ его брату; иначе мы бы узнали отъ него самого, что Наслѣдникъ Александра умѣлъ его цѣнить и доказалъ ему свое уваженіе по кр. м. не менѣе Александра. Всѣмъ извѣстно трогательное попеченіе Государя о здоровьи Карамзина, объ отправленіи его за границу, наконецъ объ его семействѣ и его памяти.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА

КЪ

АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ТУРГЕНЕВУ.

Нижній Новгородъ. Генваря 21, 1813 года. — Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичь! Давно я не писалъ къ вамъ, но всегда помнилъ и любилъ васъ. Сколько происшествій! Какъ не хотѣлось мнѣ бѣжать изъ Москвы! Отпустивъ жену и дѣтей, я жилъ тамъ до 1-го Сентября, когда наша армія оставила Москву въ жертву непріятелю. — Что̀ мы видѣли, слышали и чувствовали въ это время! Сколько разъ въ день спрашиваю у судьбы, на что̀ она велѣла мнѣ быть современникомъ Наполеона съ товарищи? Добрый, добрый народъ Русской! Я не сомнѣвался въ твоемъ великодушіи, но хотѣлъ бы лучше писать древнюю твою Исторію въ иной вѣкъ, и не на пепелищѣ Москвы. Библіотека моя имѣла честь обратиться въ пепелъ вмѣстѣ съ Грановитою Палатою; однакожъ рукописи мои уцѣлѣли въ Остафьевѣ. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ; они всѣ сгорѣли, кромѣ бывшихъ у меня. Потеря невозвратимая для нашей Исторіи! Университетъ также всего лишился: библіотеки, кабинета.

По крайней мѣрѣ, дай намъ Богъ славнаго мира, и поскорѣе! Между тѣмъ сижу какъ ракъ на мели: безъ дѣла, безъ матеріяловъ, безъ книгъ, въ несносной праздности, и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь, и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ.

Просторно будетъ въ Европѣ и у насъ. Но вы, Петербургскіе господа, сіяя въ лучахъ славы, думаете только о великихъ дѣлахъ! Извините меланхолію бѣдныхъ изгнанниковъ Московскихъ. Оставимъ шутку невеселую и поговоримъ о другомъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, исполните ваше обѣщаніе и пришлите *Льва Діякона*. С. С. также обѣщалъ доставить его мнѣ: скажите ему мой усердный поклонъ. Я и здѣсь нашелъ нѣчто любопытное: *Степенную Книгу* съ прибавленіями неизвѣстными касательно временъ Царя Ивана Васильевича. — Не можете ли прислать мнѣ еще *Архангелогородскаго* печатнаго *лѣтописца*. Вы его, думаю, знаете: маленькая книжка въ четвертку. Обрадуюсь вашему письму...—Вотъ вамъ множество порученій! а главное то, чтобы вы любили меня по старому.— Очень хотѣлось бы ѣхать въ Петербургъ, и тамъ поработать; но съ крестьянъ нечего взять, а безъ денегъ не ѣздятъ въ резиденцію. Простите, будьте здоровы и благополучны. Обнимаю васъ мысленно. На вѣки преданный вамъ *Н. К.*

Село Остафьево. 17 Ноября, 1815 г. — Любезнѣйшій Александръ Ивановичь! Десять дней тому, какъ мы погребли милую нашу дочь Наташу, а другія дѣти въ той же болѣзни, въ скарлатинѣ. Не скажу ничего болѣе. Вы и добрый Жуковскій объ насъ пожалѣете. — Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать цѣну и знаки вашей дружбы. Только не легко говорить. Отвѣчаю на главное, на ваше omnis morior. *Жить*, есть не писать исторію, не писать трагедіи, или комедіи; а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро,

возвышаться душею къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха,—не исключаю и моихъ осьми или девяти томовъ. Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и совершенство ея. Страсти должны не счастливить, а разработывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ, въ минуту невольнаго живаго чувства, написалъ: *douce paix de l'ame, résignée aux ordres de la Providence!* Даже Спиноза говоритъ о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему для нашего благоденствія!—Мало разницы между *мелочными* и такъ называемыми *важными* занятіями; одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что̀ и какъ можете: только любите добро; а что̀ есть добро—спрашивайте у совѣсти. Быть статсъ-секретаремъ, министромъ, или автороиъ, ученымъ: все одно!

Обнимаю васъ въ заключеніе. Пока живу и движусь, присылайте мнѣ относящееся къ Русской Исторіи: Византійцевъ, Лерберга, Круга. Прошу васъ изъявить мою душевную признательность Аделунгу: умѣю цѣнить достоинство труда его.—Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться въ Москву, посмотрю на купленное Алексѣемъ Ѳедор. М. *Слово о полку Игоревѣ*: это любопытный подлогъ. Простите. Еще разъ обнимаю васъ съ искренностію дружбы. На вѣки преданный вамъ *Н. К.*

Москва. 13 Апрѣля 1816 г. Любезнѣйшій мой Александръ Ивановичъ! Дружеское письмо ваше, отъ 3 Апрѣля, тронуло меня до глубины сердца. *Знаю*, что вы меня любите; но когда это *чувствую*, тогда въ сердцѣ моемъ дѣлается какое-то особен-

ное движеніе. Мы, *два Симбиряка*, платимъ и даемъ въ займы другъ другу; расчитаемся вѣрно въ день послѣдней земной разлуки. Однако же могу посмѣяться надъ вами: надъ вашею въ меня *вѣрою!* Она не обманетъ васъ только въ одномъ смыслѣ: вѣрьте моей искренности и дружбѣ; остальное не важно. Я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ, хочу любить какъ можно болѣе, не мечтаю даже и *о возрожденіи* нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ середу, не много получше того, какъ мы были во вторникъ, и довольно для насъ лѣнивыхъ! Жуковскій есть истинный нашъ братъ. Съ такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствуетъ Арзамасъ! — Я видѣлъ вашу матушку и поѣду къ ней на сихъ дняхъ, чтобы поговорить объ васъ. Очень желаю свѣдать что нибудь навѣрное о Царскомъ Селѣ; мнѣ хотѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не въ Петербургъ, гдѣ у меня нѣтъ пристанища. Вамъ все поручаю; можете напомнить и доброму, обязательному Князю. Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это мирная гавань! Не говорю о людяхъ: говорю только о своемъ спокойствіи. Да будетъ, что угодно Всевышнему! — Простите. Обнимаю васъ крѣпко. Навѣки преданный вамъ *Н. К.*

Ц. С. 6 Сент. 1825 год. Любезный другъ! Сердечно благодаримъ васъ за три истинно дружескія письма, скоро одно за другимъ полученныя: изъ Берлина, Дрездена и Карлсбада. Вы объ насъ думаете, а мы объ васъ, съ живѣйшимъ участіемъ, радуясь всѣмъ пріятностямъ вашего путешествія, которое должно освѣжить васъ для будущей по-

стоянной, будишней жизни въ отечествѣ: вотъ польза, душа пріятностей! Все чужое есть для насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не забывай. Вы еще въ долгу у Россіи. То есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи, и даю срокъ не весьма дальній: годъ, полтора, не болѣе; или надобно идти въ отставку: чего крайне ни для государства, ни для васъ не желаю. «Въ дому отца моего многи обители суть». Не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ найдется для васъ дѣятельность полезная; чѣмъ менѣе другіе требуютъ ее отъ насъ, тѣмъ болѣе мы должны требовать ее отъ себя, какъ существа нравственныя. Для насъ, Русскихъ съ душею, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. Мыслить, мечтать, можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать, единственно въ Россіи; или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка; есть только двуножное животное, съ брюхомъ. Такъ мы съ вами давно разсуждали: значитъ, что я не перемѣнилъ понятій въ ваше отсутствіе; съ нимъ, вѣроятно, и закрою глаза, для здѣшняго свѣта, pour voir plus clair. Будьте вы здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и съ нами!

Вашъ

Н. Карамзинъ.

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

Ю. В. Жадовской.

I. ВЗГЛЯДЪ.

Я помню взглядъ, — мнѣ не забыть тотъ взглядъ! —
Онъ предо мной горитъ неотразимо:
Въ немъ счастья блескъ, въ немъ чудной страсти ядъ,
Огонь тоски, любви невыразимой!
Онъ душу мнѣ такъ сильно взволновалъ,
Онъ новыхъ чувствъ родилъ во мнѣ такъ много...
Онъ сердце мнѣ, надолго оковалъ
Невѣдомой и сладостной тревогой!

* * *

Я вновь полна чудесныхъ звуковъ
И сладкихъ пѣсенъ старины;
Какъ прежде, душу мнѣ объемлютъ
Любви, надеждъ святые сны!

Что-жъ? Сердце ихъ принять готово...
Готово въ прошломъ погостить,
И въ области мечты волшебной
Все горе жизни позабыть.

ОБЛАКА.

Гляжу на облака, безъ мысли и безъ цѣли.
Опять вы, легкія, съ весною прилетѣли,
Опять вы, вольныя, по выси голубой
Воздушно-свѣтлою гуляете грядой!
Опять смотрю на васъ печальными очами,
И, — какъ желала бы умчаться вслѣдъ за вами!

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Во мглѣ печальныхъ заблужденій,
Въ тяжеломъ снѣ душа была,
Полна обманчивыхъ видѣній...
Ее тоска сомнѣнья жгла.

Но ты явился мнѣ: сурово
Съ очей души завѣсу снялъ,
И вѣщее промолвилъ слово,
И мракъ сомнѣнія прогналъ!

Явился ты, мой геній грозный,
Разоблачилъ добро и зло, —
И стало на душѣ свѣтло,
Какъ въ ясный день зимы морозной...

Ю. Жадовская.

ШЛЯЦЕРЪ.

РАЗСУЖДЕНІЕ О РУССКОЙ ИСТОРІОГРАФІИ.

Соч. А. Попова.

Cizinské ruky pracowali posawad na poli našich dĕgin, a káždy cizinec pracowal, chtě nechtě, ke slave swého, ne našého naroda.

Jan Kollar. Rozprawy o Gmenach. 382.

Obcy pisarze więcey o nas pisali aneżeli my sami. Nie możémy zupełnie na wielu ich domyślnich zdaniach polegać, one dictowane są miłością swego, a nie naszego naroda.

Rakowiecky. Prawda. R. I. 252.

ШЛЕЦЕРЪ.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ имя Шлецера безпрерывно повторяется почти въ каждомъ сочиненіи по Русской исторіи. Его вліяніе такъ велико, что не только безусловные послѣдователи его направленія, но и тѣ, которые дерзаютъ возставать противъ него, на немъ же, бо̀льшею частію, основываютъ свои изслѣдованія. Уваженіе къ его трудамъ достигло до такой степени, что его смѣло величаютъ *отцемъ Русской исторіи*. Названіе такъ громко, что каждому новому изслѣдователю на поприщѣ Русской исторіи само собою приходитъ на мысль, въ чемъ же состоитъ направленіе Шлецера, что̀ сдѣлалъ онъ для Русской исторіи? Одни отвѣчаютъ: все! Безъ него Русская исторія не сдѣлала бы шагу впередъ; онъ первый внушилъ мысль о необходимости изданія лѣтописей и другихъ памятниковъ; онъ первый далъ исторической критикѣ ученое значеніе; онъ сдѣлалъ первый шагъ въ ученой обработкѣ Русской исторіи и указалъ дальнѣйшій путь своимъ послѣдователямъ.

Заслуги Шлецера не такъ велики, возражаютъ другіе. «Рѣзкій и полемическій тонъ, сарказмы при

обширной начитанности и весьма часто при справедливыхъ замѣчаніяхъ, пріобрѣли ему тотъ авторитетъ, которому не легко рѣшаются противоборствовать юные, еще неопытные умы» (*). «Его критика основана на предположеніяхъ, подкрѣпляемыхъ часто насильственными толкованіями лѣтописи (**).» «Онъ не отецъ, но *злой вотчимъ* Русской исторіи (***).»

Изъ такихъ противоположныхъ мнѣній выходятъ два столь же противоположныя заключенія о заслугахъ Шлецера и его направленіи. Наука не можетъ остановиться на подобномъ противорѣчіи и должна вновь спросить: въ чемъ же заключается направленіе, данное Шлецеромъ изученію Русской исторіи? Настоящее изслѣдованіе и будетъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но прежде, нежели приступимъ къ самому изложенію, считаемъ долгомъ замѣтить, что разборъ частныхъ мнѣній Шлецера не будетъ имѣть цѣлію доказать справедливо или ложно каждое изъ этихъ мнѣній порознь. Мы намѣрены представить во взаимной послѣдовательности и связи между собою и объяснить ихъ происхожденіе; потому разбору каждаго частнаго положенія Шлецера въ предлагаемомъ разсужденіи будетъ предшествовать вопросъ: на чемъ основывается то или другое его мнѣніе, на историческихъ ли данныхъ, или на принятомъ напередъ предположеніи; представляютъ ли они выводы изъ лѣтописей, или только ступени послѣдовательно развиваемаго основ-

(*) Вѣсѣлинъ. Скандинавоманія. Москов. Наблюд. 1836 г. Окт. 1. 286.

(**) Ibid.

(***) Максимовичъ. Москвит. 1841.

наго предположенія? Положительное рѣшеніе сего вопроса само собою приведетъ къ надлежащему опредѣленію Шлецерова направленія и оцѣнитъ важность и значеніе его мнѣній въ наукѣ Русской Исторіи. Если каждое его мнѣніе основано на показаніяхъ лѣтописей, соображенныхъ между собою и оцѣненныхъ критически, въ такомъ случаѣ они имѣютъ важность *историческую*; если же они представятся только выводами изъ принятой напередъ гипотезы, то важность каждаго изъ этихъ мнѣній порознь будетъ только *логическою*, основанною на болѣе или менѣе строгой послѣдовательности съ первою гипотезою; дѣйствительное же ихъ достоинство будетъ измѣряться степенью основательности, вѣроятности, или справедливости самаго перваго предположенія. Кромѣ того, отдѣльныя мнѣнія Шлецера разобраны послѣдующими писателями и большею частію опровергнуты; между тѣмъ какъ вопросъ объ его направленіи, сколько намъ кажется, до сихъ поръ не былъ рѣшенъ окончательно.

II.

Въ нашихъ лѣтописяхъ, кромѣ простаго, историческаго разсказа о происшествіяхъ, встрѣчаемъ личныя мнѣнія лѣтописателей, которыя указываютъ на нѣкотораго рода критическія соображенія (*). Въ

(*) Венелинъ указалъ на это въ отношеніи къ частному вопросу о переселеніи Славянъ (Скандинавоманія. Моск. Наб. 1836

первомъ нашемъ лѣтописцѣ, Несторѣ, встрѣчаемъ подобныя мнѣнія. Такъ утверждаетъ онъ, что съ царствованія Михаила *начася прозывати Русска земля* (*); объ этомъ, онъ продолжаетъ, мы знаемъ потому, что при Михаилѣ Русь приходила на Царьградъ, какъ это пишется въ Греческомъ лѣтописцѣ; *тѣмь же отселѣ почнемь и числа положимь*. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Несторъ различаетъ преданіе отъ письменныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался при составленіи лѣтописи. Говоря *отселѣ почнемь*, выражаетъ то мнѣніе, что письменные источники онъ цѣнитъ болѣе, нежели простое преданіе, на основаніи котораго онъ повѣствовалъ до сихъ поръ о Славянскихъ племенахъ. Онъ отыскиваетъ причины явленій и на нихъ основываетъ свои мнѣнія (**), оцѣниваетъ достоинство преданій и отличаетъ истинныя отъ ложныхъ (***). Въ такомъ видѣ продолжается лѣтопись до 2-й половины 11 столѣтія. Съ этого времени лѣтописецъ начинаетъ записывать современныя ему происшествія, и характеръ лѣтописи совершенно измѣняется. Просто, безъ всякихъ изслѣдованій, онъ повѣствуетъ о происшествіяхъ, которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ, или слышалъ отъ

Окт. 1. 297 стр.); за нимъ Г. Максимовичъ высказалъ это, какъ общую мысль, въ отношеніи ко всѣмъ лѣтописцамъ и переписчикамъ (Откуда идетъ Русская земля, Кіевъ. 1837—57 и д.).

(*) Лавр. Полное собраніе Рус. лѣтописцевъ. I. стр. 7.

(**) Отъ Руси нача прозватися Руска земля. Лавр. 9.

(***) Несвѣдуще рекоша, яко Кій есть перевощикъ былъ у Кыева, бо бяше перевозъ тогда с оныя стороны Днѣпра. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ къ Царюграду, но и Кій княжаше въ родѣ своемъ.

самовидцевъ. Такого рода современныя записки продолжаются почти до половины 17-го столѣтія, до Алексѣя Михайловича; «а онаго Государя дѣла,» говоритъ Татищевъ (*), и по немъ многія нужнѣйшія и особливо военныя остались въ забвеніи; не безъ такихъ хотя людей было, чтобы его дѣла описывали; но погибели оной причина учрежденная Тайная Канцелярія, которой опасаясь, писать не смѣли, или написанное истребляли.» Нельзя согласиться съ Татищевымъ, чтобы единственно эта причина остановила ходъ нашей исторіографіи; внѣшнія средства не останавливаютъ и не могутъ остановить внутренней потребности просвѣщенія идти впередъ. Сочиненіе Котошихина можетъ служить тому доказательствомъ. Нельзя было писать въ Россіи; оно написалось въ Швеціи и, не смотря на то, въ Исторіи Русской исторіографіи заняло мѣсто вслѣдъ за послѣдними лѣтописями царствованія Михаила Ѳеодоровича.

Прекращеніе лѣтописей и видимая пріостановка въ Русской исторіографіи зависѣла отъ того переворота, который совершался въ это время во всей жизни Русскаго народа, государственной, общественной и духовной.

Наши лѣтописи были искони выраженіемъ мысли всего Русскаго народа; потому въ исторіи лѣтописей видимъ измѣненія, соотвѣтствующія измѣненіямъ общественной жизни Россіи. Земля Русская выражается первоначально въ одномъ Кіевскомъ княженіи, все сходится къ одному средоточію, къ

(*) Татищ. Истор. Рос. 1 гл. 6—60. Истор. Шлец. введ. 1 отд. въ концѣ.

матери Русскихъ городовъ, въ одно общественное цѣлое. И одна лѣтопись соотвѣтствуетъ этому времени, лѣтопись Нестора. Съ 12 столѣтія Русь распалась на удѣлы; мысль объ единствѣ земли Русской пребывала въ народномъ убѣжденіи или какъ воспоминаніе прошлаго, или какъ надежда на будущее, поддерживаемая духовнымъ единствомъ вѣры. Лѣтопись раздробилась на многія мѣстныя; явились особенныя лѣтописи Новгорода, Пскова, Волыни, Суздаля и другихъ городовъ и земель. Но всѣ онѣ начинаются Несторомъ, всѣ сходятся въ единствѣ первоначальныхъ преданій. Съ единодержавія Московскаго разрозненныя части древней Руси вновь соединились въ одно цѣлое. Лѣтопись изъ разныхъ и мѣстныхъ превращается въ одну *сводную;* таковы на пр. Степенныя Книги. Со временъ Алексѣя Михайловича прекращаются лѣтописи. *Въ это время*, съ одной стороны, *они начинаютъ принимать* придворный характеръ: таковы дворцовыя записки царей Михаила и Алексѣя Михаиловича; съ другой личный характеръ сочинителей, какъ Никоновская лѣтопись. Появленіе личнаго начала въ это время объясняетъ возможность такого рода сочиненій въ Русской исторіографіи того времени, какъ сочиненіе Котошихина. Шлецеръ говоритъ, что у Русскихъ сильно развито участіе къ своей исторіи, даже у полуобразованныхъ всегда найдешь лѣтопись, не говоря уже о монастыряхъ и частныхъ библіотекахъ. Отъ того такое множество списковъ лѣтописей. Если такъ было во время Шлецера, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ древней Россіи участіе къ своей исторіи было еще сильнѣе. Въ этомъ всеоб-

щемъ познаніи, въ этомъ согласіи съ жизнію дѣйствительною, лѣтопись находила свое оправданіе. Она не была наукою, объясняющею жизнь, будучи однимъ изъ ея выраженій. Въ эпоху переворота лѣтопись перестала быть голосомъ народа, не сдѣлавшись еще исторіею; она колебалась между личными мнѣніями и простымъ сборомъ фактовъ.

Привести въ согласіе частныя мнѣнія съ фактами, съ преданіемъ; возвести личное мнѣніе на общую ученую степень и оцѣнить преданія: такова была задача новаго времени, стало быть и задача Академіи въ отношеніи къ Русской Исторіи. Петръ Великій уже думалъ объ учрежденіи Академіи. Она была учреждена въ 1724 году, 20 Января, и 22 числа того же мѣсяца утвержденъ для нея уставъ, написанный Блюментростомъ. Цѣль Академіи, какъ сказано въ самомъ указѣ, состояла въ томъ, *чтобы науки производить и совершать.* При Академіи была учреждена каѳедра Русской Исторіи и ученый Байеръ занялъ ее первый, за нимъ Миллеръ и наконецъ Шлецеръ, въ своихъ ученыхъ трудахъ довершившій и выразившій вполнѣ направленіе своихъ предшественниковъ.

Положеніе Шлецера въ Академіи, сдѣлавшагося первоначально адъюнктомъ каѳедры Миллера, условливало его значеніе въ отношеніи къ Русской Исторіи; но еще болѣе это отношеніе *опредѣлилось* его личнымъ характеромъ. Чтобы *опредѣлить* этотъ характеръ, обратимъ вниманіе на жизнь Шлецера.

II.

Августъ Людвигъ Шлецеръ родился 5-го Іюля 1735 года въ Гогенлоэ-Кирхенбергѣ; его отецъ былъ протестантскимъ священникомъ. Окончивъ ученіе въ городской школѣ, онъ поступилъ въ аптеку, потомъ на 16 году, перешелъ въ Виттенбергскій Университетъ, и наконецъ Геттингенскій (1754), гдѣ занимался Богословіемъ и защищалъ диссертацію de vita Dei. «Будучи еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, говоритъ его біографъ (*), онъ велъ свой дневникъ, собиралъ всѣ получаемыя имъ письма, анекдоты, пословицы и составлялъ реэстры книгамъ.» Въ Университетѣ Мозгеймъ, преподававшій церковную Исторію, и особенно Михаэлисъ привлекли его вниманіе. Въ это время въ Германіи усиливалось то раціональное направленіе, которое въ концѣ прошлаго столѣтія дошло до своей крайности. Послѣ прекращенія войнъ Фридриха Великаго, для Германіи наступилъ долголѣтній миръ. Внѣшнее броженіе остановилось и внутреннія силы пришли въ движеніе. Съ одной стороны вырабатывались начала, для новаго блестящаго періода Германіи въ литературномъ и ученомъ отношеніи; съ другой, отживало и разрушалось старое: и схоластическая неподвижность науки и разрозненность общественной жизни. Мозеръ столько же возставалъ противу закоренѣлыхъ политическихъ привычекъ, унижавшихъ человѣка, сколько и противъ «породы

(*) Schloezer v. Bock. Hann. 1844. 16.

людей, называемыхъ профессорами,» какъ онъ выражается, ремесленною неподвижностію унижавшихъ науку. Клопштокъ, Фоссъ и Бюргеръ приготовляли будущее развитіе поэзіи; критическое направленіе Лессинга пробуждало народное сознаніе, а раціонализмъ отрывалъ науку отъ старыхъ преданій и погружалъ въ новыя изслѣдованія. Труды Гесснера уже начинали предвѣщать новое движеніе филологіи; Винкельманъ издалъ археологію и исторію искусства. Мысль о Германской народности сильно пробудилась въ это время и предвѣщала другую мысль объ единствѣ въ Германіи. «Михаэлисъ,» какъ говоритъ біографъ Шлецера (*), библейскія древности очищалъ отъ Іудейскихъ и Іезуитскихъ затѣй, и объяснялъ посредствомъ филологіи и естественныхъ наукъ Моисеево право.» Михаэлисъ любилъ Шлецера и, заботясь о немъ, доставилъ ему мѣсто учителя въ Швеціи.

Въ Упсалѣ и потомъ въ Штокгольмѣ (1755—59) Шлецеръ занимался естественными науками, восточными языками, исторіею и политикою, къ которой его привлекли современныя ему происшествія въ Швеціи. Оттуда онъ отправился въ Любекъ съ цѣлію найти средства ѣхать на Востокъ. Въ Любекѣ онъ пробылъ около двухъ лѣтъ, продолжая свои прежнія занятія и сверхъ того изучая науки математическія и торговлю. Онъ думалъ войти въ сношеніе съ какимъ-нибудь торговымъ домомъ и устроить поѣздку на Востокъ; между тѣмъ получилъ приглашеніе ѣхать въ Россію. До сихъ поръ труды

(*) Ibid. 17.

Шлецера состояли въ многосложныхъ приготовленіяхъ; разнообразные предметы входили въ составъ его ученой дѣятельности, ни на чемъ еще не успѣвшей сосредоточиться. «Многосторонность даетъ самостоятельность,» говоритъ его біографъ: «разнородныя занятія пробуждаютъ и сохраняютъ особенность таланта; между тѣмъ какъ раннее погруженіе въ одинъ предметъ сокращаетъ кругъ зрѣнія и уничтожаетъ плодовитость даже лучшихъ умовъ» (*). Въ Россіи нѣсколько сосредоточилась дѣятельность Шлецера; исторія сдѣлалась, если и не исключительнымъ, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ предметомъ его занятій. Но его дѣятельность выразилась вполнѣ только въ Геттингенѣ, куда онъ возвратился изъ Петербурга и провелъ остальное время жизни (1769 — 1809), занимая каѳедру исторіи и статистики въ тамошнемъ Университетѣ. Къ этому времени принадлежатъ важнѣйшія сочиненія Шлецера. Вся его дѣятельность была непрерывно посвящена преподаванію, литературѣ и журналистикѣ, исключая двухъ кратковременныхъ путешествій въ Парижъ и Италію.

Шлецеръ думалъ черезъ Францію проѣхать только въ сѣверную Италію и Испанію; но Парижъ такъ сильно привлекъ его вниманіе, что онъ прожилъ тамъ все время, предназначенное для путешествія. Онъ не только помирился съ Французами, но призналъ ихъ первымъ народомъ въ мірѣ. Практическое направленіе Парижанъ, къ которому отъ природы Шлецеръ имѣлъ наклонность, увлекло его совершенно.

(*) Ibid. 18.

Италія произвела на него впечатлѣнія другаго рода. Съ восторгомъ онъ въѣхалъ въ Ломбардію; но этотъ восторгъ зависѣлъ отъ перемѣны мѣста, быстраго перехода изъ одного города въ другой, отъ самаго путешествія, всегда пріятнаго для живаго, дѣятельнаго характера. О видахъ прекрасной природы онъ заботился мало и еще менѣе о произведеніяхъ искусства (*). Они надоѣли ему послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія его въ Римѣ. И между тѣмъ какъ другіе, не замѣтно увлеченные прелестію искусства, посвящаютъ годы на изученіе памятниковъ, собранныхъ въ вѣчномъ городѣ, Шлецеръ занимался статистикою Папской области и внимательно замѣчалъ за всѣми мелочами одеждъ Римскихъ жителей и за погодой. Такой недостатокъ художественнаго чувства Шлецеръ выразилъ въ своемъ взглядѣ на исторію древней Греціи. Онъ ничего не находилъ въ ней достойнаго вниманія историка: «ея государства были слабы и безсильны, ея просвѣщеніе касалось предметовъ ничтожныхъ, любовь ко внѣшней красотѣ и искусствамъ преувеличена, религія глупа и не могла дѣйствовать на сердце,» (**) и т. п.; не перечислишь всѣхъ браней, которыми осыпаетъ Шлецеръ непонятую имъ Грецію. Въ исторіи Италіи онъ также

(*) Pompôs fuhren, wir geſtern in Italien ein.... Doch ich mache mir nichts aus Gegenden, aber die Leuten ſind ſcharmant... Geſtern Abend holten wir friſche Citronen aus des H. Guiſti-Garten; auch bekamen wir Abendmuſik auf der Straſſe; bezahlten wir nichts, ſonſt wäre des Ding kein Ende worden. Письмо изъ Вероны 29 Нояб. 1791. Böck. стр. 37.

(**) Ibid. 69.

не замѣчаетъ ничего, кромѣ папизма и браннтъ его какъ протестантъ и раціоналистъ.

Путешествія должны были доставить Шлецеру познаніе дѣйствительнаго состоянія всей Европы, развить въ немъ тотъ смыслъ къ дѣйствительной жизни, котораго такъ мало у Нѣмецкихъ ученыхъ. Но это вліяніе на Шлецера, какъ ученаго, условливалось его отношеніемъ къ наукѣ и тѣмъ состояніемъ самой науки въ Германіи, въ какомъ она находилась въ его время. Въ общемъ направленіи она далеко не достигала до общечеловѣческихъ началъ, которыя могутъ развить въ человѣкѣ сочувствіе съ происшествіями различныхъ странъ и народовъ, и пробудить то глубокое чувство истины, которое независимо отъ временныхъ и случайныхъ явленій. Только предчувствіе этихъ началъ руководило наукой, обремененной дробными изслѣдованіями частныхъ явленій, едва начинавшихъ строиться въ цѣлое. Изъ Россіи Шлецеръ вывезъ многочисленные матеріялы для своихъ ученыхъ трудовъ; послѣ путешествія во Францію написалъ книгу о томъ, какъ слѣдуетъ вести себя путешественнику; въ Италіи собралъ нѣсколко рукописей и данныхъ для статистики. Онъ не имѣлъ даже ни одной готовой общей мысли, которую развивая, можно бы логически построить, про свой обиходъ, систему и подъ ея угломъ смотрѣть на явленія, какъ дѣлали многіе изъ его современниковъ. Безсвязно онъ принималъ разнородныя впечатлѣнія со всею силою ихъ разнородности, одно изъ нихъ закрывало другое и общимъ слѣдствіемъ всѣхъ оставался одинъ безразличный взглядъ, хладнокровное nil admirari, какъ говоритъ самъ Шлецеръ, вотъ что доставили

ему путешествія. Не смотря на это безразличное отношеніе ко всему, опредѣляющее особенность Шлецерова взгляда, его отъ природы практическій умъ долженъ былъ еще сильнѣе развиться вслѣдствіе путешествій.

Самая сильная сторона Шлецера заключалась въ его практическомъ вліяніи на современниковъ. «Никто не дѣйствовалъ такъ сильно на свое время, какъ Шлецеръ; съ полною справедливостію о немъ, какъ объ ученомъ журналистѣ, можно сказать, въ отношеніи къ Германіи, то же, что̀ говорили о Вольтерѣ: er ſey auf eine Maſt»; такъ говоритъ объ немъ Геереиъ (*). «Сильная энергія заставила Шлецера всѣмъ вопросамъ науки придавать практическое значеніе. Въ область отвлеченныхъ изслѣдованій онъ удалялся только тогда, когда обстоятельства прекращали его практическую дѣятельность. Вліяніе Шлецера было такъ сильно, что Марія Терезія, выслушавши однажды рѣшеніе Государственнаго Совѣта, отвѣчала: нѣтъ, это не годится, что̀ скажетъ объ этомъ Шлецеръ! Такое значеніе Шлецера зависѣло отъ того, что онъ явился первымъ вполнѣ народнымъ писателемъ, котораго дѣятельность постоянно имѣла практическое направленіе. Каждый, болѣе или менѣе замѣчательный случай былъ описанъ Шлецеромъ, обсужденъ, саркастически осмѣянъ, или поощренъ. Свобода книгопечатанія, которою пользовался Геттингенъ, давала ему возможность высказывать вполнѣ свои мысли; неутомимая постоянная дѣятельность,

(*) Hiſtoriſche Werke. VI. 498. — Böck, 512.

всегда рѣзкій, повелительный строй рѣчи, украшенной ѣдкою насмѣшкою, придавалъ силу его словамъ(*).

Въ это время просвѣщеніе въ Германіи не было распространено равномѣрно во всемъ народѣ; одни высшіе слои общества считались образованными и по праву образованности презирали низшихъ, лишенныхъ всякаго участія въ общественной и государственной жизни. Литература не имѣла общаго народнаго значенія, наука удалилась отъ всякаго участія въ дѣйствительной жизни. Шлецеръ первый высказалъ значеніе писателя и литературы, какъ выраженія мысли самого народа, стремился образовать общественное мнѣніе и гналъ старые предразсудки, мѣшавшіе осуществленію этой мысли. Строго и послѣдовательно онъ проводилъ свою мысль по всѣмъ ступенямъ ему современной общественной жизни Германіи. Статистика и политика составляли любимые предметы его занятій. Многочисленныя данныя для статистики, собранныя Шлецеромъ въ его сочиненіяхъ, никогда не были имъ построены въ одно цѣлое, заслуживающее названія науки. Въ теоріи этой науки онъ слѣдовалъ Ахенвалю, и его статистика представляетъ простое собраніе данныхъ, разсмотрѣнныхъ съ практической точки зрѣнія. Политика въ изслѣдованіяхъ Шлецера точно также не достигаетъ до степени науки. Безъ условной системы, безъ ученой полноты, онъ разсматриваетъ историческія

(*) Въ 1775 г. Шлецеръ издалъ Verſuch eines Briefwechſel; въ 1777 по 1782 издавалъ журналъ съ 1783 по 93 Staatsanzeigen; статистика и современная политика составляли главнѣйшее содержаніе сихъ изданій.

данныя; разлагаетъ и обсуживаетъ. Сама исторія представляется ему собраніемъ данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія политическихъ вопросовъ. Въ его историческихъ разсказахъ вездѣ замѣтна то одна, то другая личная мысль, которую онъ постепенно преслѣдуетъ,—мысль, имѣющая непремѣнно практическое значеніе.

Но кромѣ практической стороны, въ ученикѣ Михаэлиса и Гесснера была другая, которая придавала высшее значеніе и силу его практическому вліянію. У него были общія начала, коренныя мысли, которымъ онъ оставался вѣрнымъ во все продолженіе своей ученой дѣятельности. Исторія представлялась ему, какъ одно стройное цѣлое, и къ открытію этого цѣлаго стремились всѣ его изслѣдованія. Первоначально онъ занимался исторіями отдѣльныхъ народовъ, писалъ исторію Брауншвейга, Турціи, Молдавіи, Саксоніи и Индіи, думая, какъ говоритъ его біографъ (*), посредствомъ исторій отдѣльныхъ народовъ придти къ всеобщей. Но это намѣреніе, какъ невозможное, скоро оставилъ Шлецеръ и написалъ свой идеалъ всеобщей исторіи, гдѣ выразилъ ту мысль, что единство всеобщей исторіи, какъ науки, вовсе не заключается въ простомъ соединеніи разсказовъ о жизни отдѣльныхъ народовъ, но въ общей мысли, управляющей всѣмъ повѣствованіемъ. Прошедшее соединить съ настоящимъ и опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, вотъ основное начало Шлецера, какъ историка. Однако оно осталось безъ приложенія; Шлецеръ не написалъ исторіи и только ограничился простымъ обо-

(*) Ibid. 54.

зрѣніемъ, въ которомъ разсуждаетъ о внѣшнемъ порядкѣ повѣствованія, о тѣхъ главахъ и отдѣлахъ, на которые оно должно распадаться, и о томъ порядкѣ, въ которомъ одна глава должна слѣдовать за другою. Точно также какъ, разсуждая о различныхъ предметахъ статистики, онъ не создалъ науки, но начертилъ для ней планъ; такъ обозрѣвая разрозненные политическіе вопросы, разсуждалъ о тѣхъ началахъ, на которыхъ должна быть основана наука политики. Общія начала науки не были вполнѣ сознаваемы Шлецеромъ, и руководили болѣе, какъ простое предчувствіе его ученою дѣятельностію, направленною на отдѣльные вопросы, всегда имѣвшіе практическое значеніе. Иногда они выражались въ отдѣльныхъ мысляхъ и замѣчаніяхъ, но всегда разрозненныхъ, и потому сознанныхъ и высказанныхъ односторонно, не въ связи съ другими, не въ общемъ единствѣ науки, умѣряющемъ строптивость отдѣльной мысли.

Эта борьба двухъ противоположныхъ направленій, ученаго и практическаго, въ характерѣ Шлецера, положила свой отпечатокъ на всѣ его произведенія. Въ нихъ нѣтъ той художественной оконченности, которая необходимо предполагаетъ полное соединеніе мысли и факта; онъ стоитъ въ срединѣ между тѣмъ и другимъ и только приготовляетъ ихъ будущее соединеніе. Недостатокъ художественности отражался даже и въ языкѣ Шлецера; онъ не понимаетъ, что̀ такое слогъ, говорилъ о немъ Іоаннъ Миллеръ. Онъ представляетъ факты въ чернѣ, какъ ихъ предлагаетъ преданіе, и потомъ обработываетъ при свѣтѣ, рядомъ съ ними поставленной и вовсе отъ нихъ не зависящей,

мысли. Потому его точка зрѣнія критическая. Шлецеръ критикъ въ самомъ исключительномъ смыслѣ этого слова. Въ своихъ трудахъ онъ только вырабатываетъ матеріялы и чертитъ планъ для будущаго зданія науки. Самъ Шлецеръ говоритъ объ исторіи Сѣвера, важнѣйшемъ изъ своихъ произведеній, что это только приготовленіе для будущей исторіи, которую онъ оставляетъ своимъ преемникамъ (*). То же можно сказать и объ его трудахъ по части Русской исторіи.

Въ трудахъ Шлецера отразился его личный характеръ, который въ свой чередъ былъ отраженіемъ характера его времени. Это время было переходомъ къ эпохѣ самостоятельнаго народнаго развитія Германіи. Остатки стараго еще боролись съ началами новаго времени, выражавшимися въ школѣ поэтовъ и еще немногихъ ученыхъ. Нужно было очистить поле отъ старыхъ предразсудковъ, чтобы новое могло развиться во всей полнотѣ; выдвинуть отжившее прошлое изъ жизни настоящаго. Этотъ подвигъ и предпринялъ Шлецеръ. Его дѣятельность была направлена на это прошлое или, лучше сказать, на остатки прошедшаго, которые существовали въ томъ настоящемъ, въ которомъ онъ жилъ. Любовь къ родинѣ, проникавшая все существо Шлецера, давала ему возможность предчувствовать, даже предвидѣть начала будущей эпохи, но не выразить.

Таковъ былъ человѣкъ, призванный въ Россію обработывать ея исторію.

(*) Hall. allg. Weltg. XXXI. 262. Heeren упом. сочиненіе 504.

VIII.

Передъ пріѣздомъ Шлецера въ Россію, каѳедра Русской исторіи въ Академіи наукъ была занята Миллеромъ. Но Миллеръ профессоромъ отправился путешествовать въ Сибирь, а возвратился исторіографомъ имперіи. Во время его отсутствія и даже по возвращеніи, когда его академическая дѣятельность была развлечена другими занятіями, Нѣмецкая партія въ Академіи обезсилѣла и Русская начинала торжествовать. Ломоносовъ принялся обрабатывать Русскую исторію. Начальникъ академической канцеляріи и библіотекарь Таубертъ непріязненно смотрѣлъ на паденіе Нѣмецкой партіи и желалъ ей дать снова перевѣсъ. Скоро представился удобный для этого случай (*).

Профессоръ Русской исторіи Миллеръ, ученый мужъ своего времени, но, къ несчастію, какъ говоритъ Шлецеръ, мало знавшій Русскій языкъ (**), нуждался въ помощникѣ при своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Этому помощнику слѣдовало быть знакомымъ съ современнымъ состояніемъ наукъ въ Германіи (стало быть для этого не годился ни одинъ изъ Русскихъ) и особенно онъ обязывался — пріобрѣсти ученыя познанія въ Русскомъ языкѣ. Таковы были требованія Академіи. Миллеръ, напечатавъ объ этомъ въ Кёнигсбергской газетѣ, потомъ

(*) Schlözer's Leben von ihm selbst beschrieb. Göting. 1802. (Съ 1761—65.).

(**) Ibid. стр. 3.

обратился съ просьбою къ Бюшингу; Бюшингъ къ Михаэлису, и выборъ Михаэлиса палъ на Шлецера.

Въ это время въ Европѣ распространился кругъ всеобщей исторіи; ожилъ давно забытый Востокъ, и его чудная исторія на необработанное, но великое поприще призывала новыхъ дѣятелей. Многіе молодые ученые заранѣе посвящали себя на изученіе Востока и готовились къ этому. Изъ числа такихъ былъ Шлецеръ (*). Онъ собирался ѣхать въ Аравію и Индію въ то время, какъ получилъ приглашеніе изъ Россіи. Незадолго передъ тѣмъ въ Европѣ прошелъ слухъ о лѣтописяхъ Китайскихъ и Русскихъ. Познаніе и обработка тѣхъ и другихъ должны были наполнить огромный пробѣлъ во всемірной исторіи. Шлецеръ, живо ощущавшій мысль о всеобщей исторіи, которая не могла осуществиться безъ познанія Русской, не могъ не согласиться на это призваніе. Въ 1761 году онъ отправился въ Россію. Его привлекала неизвѣстность ея исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся въ академической библіотекѣ найти богатые запасы для исторіи Востока. Не покидая своего намѣренія, въ Россіи онъ думалъ скорѣе найти случай отправиться въ Индію. Только на перепутьи онъ думалъ заняться Русскою исторіею; но это перепутье окончило его путь, и Русская исторія въ лицѣ Шлецера пріобрѣла великаго дѣятеля.

Миллеру нуженъ былъ безсмысленный труженникъ, простой ремесленникъ на ученомъ поприщѣ. Самостоятельная сила Шлецера не сжилась съ раб-

(*) Ibid. I-er Abschn.

скою покорностію. Помощникъ Миллера выступилъ самостоятельнымъ дѣятелемъ въ Академіи, сначала какъ адъюнктъ исторической каѳедры, а потомъ съ 1765 года, какъ ординарный профессоръ. Миллеръ думалъ быть его покровителемъ и сдѣлался врагомъ. Таубертъ помогъ Шлецеру получить ординарную каѳедру и въ его лицѣ торжествовалъ побѣду Нѣмецкой партіи въ Академіи.

Такимъ образомъ положеніе Шлецера въ Россіи совпало съ его характеромъ. Практическія волненія, совершавшіяся подъ знаменемъ науки, вполнѣ сродпились съ Шлецеромъ и опредѣлили его ученую дѣятельность. Онъ сталъ поборникомъ Нѣмецкой партіи и врагомъ Русской, которой главою въ это время былъ Ломоносовъ. Но это практическое значеніе Шлецера, по видимому, очищалось отъ личнаго пристрастія его ученымъ направленіемъ; онъ сдѣлался представителемъ науки и упрекалъ всѣхъ Русскихъ въ недостаткѣ ученаго направленія. Вотъ, что онъ говоритъ о всѣхъ трудахъ, ему предшествовавшихъ: «правда, давно стали печатать въ Россіи краткія и пространныя сочиненія о Русской исторіи, начиная съ Синопсиса до Краткаго Лѣтописца; но нѣтъ ни одного изъ нихъ, изданнаго настоящимъ *ученымъ историкомъ*, который, по крайней мѣрѣ, долженъ знать Латинскій, Нѣмецкій и Французскій языки и иностранную литературу. Татищевъ, Ломоносовъ, Эминъ и Щербатовъ не могли издать ничего *полезнаго*; потому уже, что сами не имѣли *очищеннаго источника*, изъ котораго могли бы черпать. А при Русскихъ лѣтописяхъ болѣе *нежели при другихъ*, нужно критическое очищеніе. Но если бы все до сихъ

поръ въ Россіи напечатанное и не было ощутительно *дурно*, недостаточно и невѣрно; если бы не было никакихъ *доказательствъ невѣжества*, которыя отвращаютъ ученаго историка, то и въ такомъ случаѣ публика желаетъ все видѣть своими глазами. Она не повѣритъ тому, что̀ скажетъ ей читатель лѣтописей, она захочетъ удостовѣриться сама» (*). Изъ послѣднихъ словъ Шлецера можно было бы заключить, что въ Россіи не было издано ни одной лѣтописи, и читатели принуждены были вѣрить на слово своимъ историкамъ, не имѣя возможности сличать ихъ разсказы съ источниками; но въ это время уже были изданы лѣтописи Никоновская, Радзивиловская, Архангелогородская и Новгородская. Самъ Шлецеръ, говоря (**) далѣе объ изданіи лѣтописей, считаетъ число изданныхъ достаточнымъ и совѣтуетъ приступить къ критическому изданію лѣтописи. И такъ Русскимъ писателямъ, ему предшествовавшимъ, не доставало практическаго изданія лѣтописи, или, лучше сказать, недоставало въ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ критическаго взгляда на лѣтописи, которыми они пользовались. Если отдѣлить все пристрастное отъ словъ Шлецера, то мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что критическій взглядъ и пріемы его Русскихъ предшественниковъ не соотвѣтствуютъ требованіямъ науки, ему современной. Но этотъ упрекъ, который Шлецеръ только дѣлаетъ Русскимъ, еще съ бо̀льшею силою относится къ Нѣмцамъ. Единственно учеными писателями по части Русской

(*) Несторъ. I. введ. ркз. ркп.

(**) Ibid. I. приб. 409 и 10.

исторіи онъ называетъ Байера и Миллера; Байеръ, который будучи профессоромъ Русской исторіи, не зналъ по-Русски, и во все время своей профессуры трудился надъ составленіемъ Китайскаго словаря, котораго сочиненія едва соприкасались съ самыми неважными вопросами собственно Русской исторіи, могъ ли быть ученымъ писателемъ въ отношеніи къ ней? О Миллерѣ, котораго заслуги не могутъ быть неуважены, вотъ, что говоритъ далѣе самъ Шлецеръ: (*) «онъ на 30 лѣтъ отсталъ отъ современнаго состоянія науки въ Германіи, не зналъ Шведскихъ писателей, необходимыхъ при его направленіи и тоже мало зналъ по-Русски.» Почтенны труды Русскихъ писателей, предшествовавшихъ Шлецеру, и преимущественно Татищева, до сихъ поръ еще мало оцѣненнаго; Русская исторіографія замѣтитъ и сочиненія нѣкоторыхъ Нѣмцевъ и особенно Миллера; а строгій и пристрастный приговоръ Шлецера вынуждаетъ ученую критику столь же строго, но безпристрастно взглянуть на его собственные труды.

Шлецеръ самъ опредѣляетъ свое отношеніе къ Русской исторіи. Высказавъ свое мнѣніе о трудахъ ему предшествовавшихъ, онъ говоритъ: «тогда я вознамѣрился памятники Русской древности обработать такъ, какъ это *до сихъ поръ дѣлалось у всѣхъ просвѣщенныхъ* народовъ. (*)» Онъ хотѣлъ возвести Русскую исторію на степень науки; профессоръ Академіи желалъ оправдать ея призваніе. Возвести на степень науки исторію, которой, по

(*) Автобіогр. Шлец. 39. Müller.

(**) Несторъ. I. введ. V. prin.

словамъ самого Шлецера: «нѣтъ равной въ лѣтописяхъ всѣхъ временъ и земель (*)»—дѣло великое; его-то предпринялъ Шлецеръ.

Черезъ три года послѣ пріѣзда въ Россію (1764), онъ подалъ въ Академію записку о томъ, какъ слѣдуетъ обработывать Русскую исторію. Правила имъ предложенныя были повторены въ предисловіи къ Кенигсбергскому списку (1767), въ Probe der russischen Annalen (1768), и наконецъ осуществились въ его Несторѣ. «Все, до сихъ поръ мною сдѣланное,» говоритъ Шлецеръ: (**) «состояло только въ предначертаніи и теоріи, въ Несторѣ я привожу свою теорію въ исполненіе.» Это произведеніе представляетъ послѣдній и полный итогъ его многолѣтнихъ трудовъ; оно имѣло огромное вліяніе на всю нашу историческую литературу. Шлецеръ называетъ его первымъ опытомъ, (***) но такимъ, который долженъ служить основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ (****), какъ опытъ ученый. Онъ не только приготовляетъ появленіе ученаго направленія въ Русской исторіи, но начинаетъ его самъ; не только вырабатываетъ одни факты, но чертитъ самый планъ науки и высказываетъ ея начала. Разсмотрѣть эти начала, повѣрить планъ и обработку фактовъ, таково дѣло критики въ отношеніи къ Шлецеру.

(*) Ibid. I. предуч. XXXV.

(**) Ibid. I. 394 прим. 2.

(***) Ibid. Предч. I. XIII.

(****) Ibid. IX.

IV.

Изданіе лѣтописей и другихъ памятниковъ и критическая обработка оныхъ составляютъ условія, при которыхъ только исторія каждаго народа можетъ взойти на степень науки.

Мысль объ изданіи Русскихъ лѣтописей принадлежитъ великому преобразователю Россіи, Петру. Въ 1716 году, проѣзжая черезъ Кенигсбергъ, онъ осматривалъ тамошнюю библіотеку. Ему показали Радзивиловскаго Нестора, и онъ приказалъ сдѣлать съ него самый вѣрный противень и отослалъ его въ Россію. «Онъ не зналъ,» говоритъ Шлецеръ, «что дома у него были списки гораздо лучше этого (*)». Слава Петра, неожиданно поразившая Европу, возбудила желаніе познакомиться поближе съ Россіею и узнать ея исторію. Петръ Великій открылъ свободный доступъ всѣмъ чужеземцамъ, а иностранные ученые нашли постоянный пріютъ въ новоучрежденной Академіи. Мысль объ ученой Русской исторіи съ первымъ спискомъ лѣтописи, предназначеннымъ для печати, пришла къ намъ изъ за границы. Въ 1722 году, 16 Февраля, Высочайшимъ указомъ повелѣно было всѣмъ монастырямъ и епархіямъ присылать въ Синодъ находящіяся у нихъ лѣтописи. Миллеръ, первый иностранный профессоръ, знавшій немного по-Русски, требовалъ изданія лѣтописей. Болтинъ усилилъ это требованіе и желалъ не только изданія и сличенія

(*) Несторъ Введ. отд. V. §03.

лѣтописей, но и открытія государственнаго архива для обнародыванія другихъ памятниковъ. Академія приступила къ изданію Кенигсберскаго списка, а Синодъ, вслѣдствіе указа 1780 года, къ изданію Новгородскаго, Архангелогородскаго и друг. Къ своимъ предшественникамъ Шлецеръ присоединилъ громкій голосъ; но онъ уже измѣнилъ характеръ первоначальныхъ требованій. Онъ считалъ необходимымъ издать *Нестора*, принимая его лѣтопись за *первый и единственный* источникъ нашей древней исторіи (*). «Я не думаю,» говоритъ онъ, «чтобы теперь нужно было издавать болѣе списки *порознь*, какъ это понялъ св. Синодъ, получа указъ 1780 года. Для общаго познанія сихъ рукописей довольно уже Никоновскаго, Радзивиловскаго, Архангелогородскаго, Новгородскаго и изданныхъ Татищевымъ (**).»

Такимъ образомъ требованія Шлецера существенно отличаются отъ предшествовавшихъ ему. Онъ не считалъ нужнымъ отдѣльныхъ изданій каждой лѣтописи, но желалъ общаго *своднаго изданія* Нестора. Такое мнѣніе согласно съ общимъ взглядомъ Шлецера на Русскія лѣтописи и еще болѣе съ его личнымъ намѣреніемъ: обработать *древнюю* Русскую исторію.

Шлецеръ говоритъ, что онъ «никогда не слыхалъ о настоящемъ древнемъ, или не такъ древнемъ, но подлинникѣ лѣтописи. Вездѣ одни списки, слѣд. всѣ разнословія и различія зависятъ отъ

(*) Несторъ. I. прил. II. 394. § 3.
(**) Ibid. 409 и 10.

однихъ переписчиковъ (*). Они, по видимому, составляли отдѣльный классъ, и переписываніе было ремесломъ, поденьщиною этихъ обыкновенныхъ и необразованныхъ людей. Чего же добраго ожидать отъ такихъ переписчиковъ? ихъ трудъ былъ бѣдственнымъ для времянниковъ. Они дѣлаютъ пропуски, разнообразятъ орѳографію (**), перемѣняютъ слогъ почтеннаго Нестора, выкидываютъ слова, прибавляютъ, сокращаютъ, толкуютъ, вводятъ свое, прекрасную простоту уродуютъ и разнорѣчіемъ вводятъ разсужденія въ простое повѣствованіе, начиняютъ выписками изъ Византійцевъ и глупыми бреднями, пришедшими въ Москву въ XV вѣкѣ. Короче, нѣтъ примѣра, чтобы съ государственными лѣтописями у какого-нибудь другаго народа поступали такъ странно, какъ въ Россіи. И эти жалко искаженные времянники называютъ Несторовымъ.» (***). На этой мысли о переписчикахъ основывается Шлецеровъ планъ критическаго изданія Нестора (****). Цѣлію такого изданія должно быть возстановленіе первоначальныхъ словъ лѣтописца. Для того, чтобы можно было возстановить слова Нестора необходимо сличить всѣ списки. Такимъ образомъ трудъ изданія распадается на двѣ части, на сличеніе всѣхъ списковъ, *сводъ* и на возстановленіе текста первоначальной лѣтописи (*****); такого изданія лѣтописей требовалъ Шлецеръ, и его Не-

---

(*) Несторъ. I. введ. пд.

(**) Ibid. I. введ. пд.

(***) Ibid. пд, пг и пѕ.

(****) Ibid. I. прил. II. 394. (*****) Ibid. 410—13.

сторъ представляетъ опытъ *очищенной* лѣтописи, въ которую и *сводная* входитъ, какъ составная часть.

Не нужно опровергать достаточно опровергнутаго мнѣнія Шлецера о переписчикахъ. Приведу только слова Г. Погодина, которыми онъ заключаетъ критическое изслѣдованіе объ этомъ предметѣ: (*) «нельзя ссылаться съ Шлецеромъ на переписчиковъ, нельзя обвинять вставщиковъ со всѣми нашими изслѣдователями: лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ, что̀ касается до происшествій и ихъ послѣдовательности.»

Всѣ наши лѣтописи не суть только простые списки Нестора, но продолженія, въ которыя его лѣтопись входитъ какъ начало. Онѣ бо̀льшею частію мѣстныя и существенно различаются другъ отъ друга полнотою повѣствованія о той или другой части земли Русской. Слѣд. писатели лѣтописей съ половины 12 столѣтія изъ простыхъ *переписчиковъ* становятся *сочинителями*. Сводная лѣтопись можетъ продолжиться только до половины 11 столѣтія (**). Стало быть всѣ дальнѣйшія происшествія, всѣ списки, начинающіеся позднѣе этого времени, не могутъ войти въ составъ такого изданія. И такъ мысль Шлецера о сводной лѣтописи, будучи приложена, какъ общая мысль къ изданію

(*) Разсужденіе о Несторѣ. 80.

(**) До 1074 года. См. Разсужд. о Русск. лѣтописяхъ Профес. Перевощикова; статья 29.—Карамз., Ист. Г. Р. пр. 213, 1110 годъ принимаетъ за время окончанія Несторовой лѣтописи. См. также Нестора Г. Кубарева V.—Русск. Истор. Сборникъ том. 18.—М. П. Погодина Несторъ, стр. 23.

нашихъ лѣтописей, за какую и принимаетъ ее Шлецеръ, становится совершенно неприложимою. Не это мнѣніе, но дѣйствіе св. Синода, который такъ понялъ указъ 1780 года, что надо печатать списки порознь, и требованія Болтина, остаются вполнѣ справедливыми.

Мнѣніе Шлецера только тогда получитъ нѣкотораго рода основаніе, когда примемъ подобное изданіе лѣтописи не за приготовительное дѣло для всей Русской исторіи, но только для одного личнаго труда, который предпринималъ на себя Шлецеръ. «Прежде, восхищенный Русскою исторіею,» говоритъ онъ, «я обнималъ всю исторію до Романовыхъ, дѣлалъ обширныя предначертанія, которыя должны были обнять все (*). Теперь я сдѣлался хладнокровнѣе и воздержнѣе въ своихъ предположеніяхъ и ограничиваюсь только Несторомъ и его ближайшими продолжателями до 1200 года» (**). Прежде онъ предполагалъ издать и обработать критически лѣтописи для изданія науки Русской исторіи, теперь ограничиваетъ предположеніе частнымъ намѣреніемъ обработать одну древнюю исторію Россіи. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ могла возникнуть мысль о сводномъ Несторѣ; но еще остается вопросъ: могла-ли она быть исполнена?

Если бы сохранился подлинникъ Несторовой лѣтописи, или древнѣйшій и лучше другихъ сохранившійся списокъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, сличеніе его со всѣми остальными списками было бы

(*) Несторъ. Предув. I. XXXIV и V.

(**) Ibid. XXXVI и VII.

однимъ изъ необходимыхъ условій при его изданіи. Но нѣтъ ни подлиннаго, ни подобнаго списка; разнословія лѣтописей не зависятъ только отъ однѣхъ ошибокъ переписчиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ извѣстныхъ мнѣній сочинителей времянниковъ. Потому бо́льшая часть разнословій въ лѣтописяхъ и различныя формы языка могутъ составить предметъ ученой обработки времянниковъ, но не могутъ быть приложены, какъ варіянты, при сводномъ изданіи. Говоря о такомъ изданіи, Шлецеръ приводитъ въ примѣръ Гризбахово изданіе Новаго Завѣта (*), слѣд. требуетъ, чтобы Несторъ былъ изданъ въ томъ же видѣ, какъ издаются древніе писатели. «Пока не сдѣлано подобнаго своднаго изданія,» говоритъ Шлецеръ, «до тѣхъ поръ нельзя и помышлять объ очищенномъ: одно необходимо условливается другимъ». Основнымъ правиломъ при сводномъ изданіи лѣтописи полагаетъ Шлецеръ слѣдующее: должно выбрать древнѣйшій списокъ и принять его за текстъ. Всѣ разнословія, пропуски и прибавленія прочихъ списковъ должны быть внесены въ примѣчанія (**) (какъ варіянты). Описывая же производство своей работы надъ лѣтописью, онъ говоритъ: (***) «правило: чѣмъ древнѣе рукопись, тѣмъ лучше, не есть общее въ классической критикѣ и того менѣе въ Русской. Часто я находилъ настоящее чтеніе въ какомъ-нибудь одномъ спискѣ, который впрочемъ принадлежитъ къ *самымъ худшимъ*. Одно чрезвычайно важное происшествіе, котораго нѣтъ въ древнихъ спискахъ,

(*) Нест. I. прил. 394. (**) Ibid. 410 и 11.
(***) Ibid. I. Предисл. XIII и XIV.

отыскалось въ новомъ, переписанномъ ужаснымъ образомъ.» Такимъ образомъ самъ Шлецеръ увидалъ на дѣлѣ неприложимость этого правила и отступилъ отъ него. «Изъ десяти чтеній надо было выбрать одно настоящее, или *отгадать*, если *избирать* было невозможно. Надо было вставлять выпущенныя мѣста, настоящія Несторовы слова отдѣлить отъ посторонних вставокъ, толкованій и разсужденій (*).» Часто случалось, что во *всѣхъ* спискахъ были пустыя слова, но одно соединеніе ихъ между собою наводило на настоящій смыслъ. Но это случалось рѣдко; если въ девяти спискахъ слово было не такъ написано, за то въ десятомъ, *хотя и въ самомъ дурномъ*, стояло какъ *надобно*. Такимъ образомъ составлялся мой Славянскій коренной текстъ, *очищенный Несторъ* (**).» Не имѣя ни одного списка лѣтописи, который можно бы принять было за текстъ, не было возможности издавать лѣтописи въ томъ же видѣ, какъ издаются древніе писатели. Текстъ, составленный изъ мѣстъ, взятыхъ изъ различныхъ списковъ, иногда основанный на простой догадкѣ и случайномъ соединеніи непонятныхъ словъ, не могъ назваться своднымъ Несторомъ, но уже очищеннымъ. Шлецеръ по необходимости приступилъ къ изданію очищеннаго Нестора, составляющаго важнѣйшую часть его сочиненія, гдѣ *сводъ* лѣтописей занимаетъ только мѣсто простой, приготовительной работы. «Если можно въ моемъ Несторѣ,» говоритъ онъ, «назвать что-нибудь важнымъ, то это возстановленіе

(*) Нест. I. Прав. II. 412.
(**) Ibid. XVIII, XIX, XX.

первоначальныхъ Несторовыхъ словъ (*).» Шлецеръ говоритъ, что лѣтописи недоставало только ученой обработки (**). « Да не скажетъ никто, чтобы я похитилъ себѣ честь,» говоритъ онъ, « быть первымъ издателемъ Нестора; мнѣ принадлежитъ только критическое, искусное, ученое, истолковательное изданіе, которое должно представить сочинителя *въ настоящемъ видѣ*, очистить его отъ глупѣйшихъ описокъ, объяснить гдѣ онъ теменъ, *исправить* гдѣ онъ ошибается (***).» Не признавая за общее правило ни древность рукописи, ни большинство чтеній, на чемъ же основывалъ Шлецеръ возстановленіе и даже отгадываніе настоящихъ словъ Нестора, какія начала его руководили при очищеніи, объясненіи и *исправленіи* лѣтописи?

Общія начала критики. Всю историческую критику Шлецеръ раздѣляетъ на *низшую*, или критику словъ, и на *высшую*, или критику дѣлъ. Первая рѣшаетъ вопросъ: что̀ дѣйствительно писалъ Несторъ, ему ли принадлежатъ тѣ или другія слова и выраженія, или суть только ошибки переписчика (****)? « Бо̀льшую часть глупыхъ описокъ,» говоритъ Шлецеръ, « открыть и исправить нельзя безъ познанія иностранной исторіи. Какъ этого познанія не существовало, то и составили на грубыхъ ошибкахъ цѣлую ложную систему, особливо о началѣ государства, и заставили сего монаха говорить такія вещи, которыя ему никогда не приходили въ голову (*****).»

(*) Общ предв. напом. стр. 7. (**) Введ. рос.
(***) Общ. предв. введ. 4. (****) I. Приб. II. 395.
(*****) I Общ. предув. введ. 5.

Высшая критика разрѣшаетъ вопросъ: правильна-ли мысль лѣтописателя, историческое-ли происшествіе онъ повѣствуетъ, или сказку (*)? Если на вопросы низшей критики нельзя отвѣчать безъ познанія иностранной исторіи, то, безъ сомнѣнія, еще менѣе можно отвѣчать на вопросы высшей, которая у Шлецера условливаетъ низшую. За общія начала критики онъ принимаетъ тѣ, которыя въ его время были прилагаемы къ исторіи Германской. «Это начертаніе,» говоритъ Шлецеръ о своемъ Несторѣ, «принадлежитъ не мнѣ, не я изобрѣлъ его; но научился отъ другихъ и *приноровилъ* только къ Русской исторіи. Всѣ упражнявшіеся въ исторіи народы такъ дѣлали и должны были дѣлать, чтобы имѣть достойную себя исторію (**).»

Такимъ образомъ Шлецеръ приложилъ къ Русской исторіи общія начала критики, признаваемыя въ его время необходимыми въ Германской исторіи. Ихъ не могли и не должны были избѣгнуть западные историки; Шлецеръ думаетъ, что ихъ не можетъ и не долженъ избѣгнуть и ни одинъ историкъ въ мірѣ. Онъ приводитъ о себѣ мнѣніе Шпиттлера, который говоритъ: «какъ должно обработывать и критически употреблять Русскія лѣтописи, первый Шлецеръ показалъ настоящимъ образомъ. Его приложеніе *испытаемыхъ* и *давно* уже въ южной Европейской исторіи *употребляемыхъ* правилъ, къ Русской и общей Сѣверной исторіи, можетъ наконецъ поставить ее на должное основаніе.»

Мы не думаемъ, чтобы начала критики, выведенныя изъ ученыхъ изслѣдованій иностранной исто-

(*) I. Прибл. II. 396. (**) I. предув. XXXIX.

ріи и послужившія въ свой чередъ для нея, какъ науки, основаніемъ, не могли быть приложены къ исторіи Русской. Какъ часть общаго цѣлаго, исторіи всего человѣчества, она не можетъ и не должна быть псключена изъ подъ вліянія общихъ законовъ, правящихъ его жизнію. Но начала критики слѣдятъ за развитіемъ человѣческаго сознанія, за движеніемъ философіи, на основахъ которой сознательно или безсознательно, но всегда зиждется зданіе другихъ наукъ. При этомъ сознаніи человѣчества, какъ общаго единаго цѣлаго, при полномъ изслѣдованіи всѣхъ сторонъ, всѣхъ отраслей и видовъ его исторіи, какъ составныхъ частей этого цѣлаго, безспорно историческая критика сознастъ и выразитъ тѣ начала, которыя могутъ смѣло руководить обработкою частной исторіи того или другаго народа. Но во времена Шлецера еще и́здали и темно представлялась общему сознанію мысль о человѣчествѣ и его исторіи, распадавшейся на безчисленныя, только внѣшнимъ образомъ соединенныя части. Въ это время понятіе о человѣчествѣ служило только цѣлію исторіи, которая не восходила выше мысли о Германскомъ единствѣ. Начала исторической критики еще вращались въ кругѣ частной народности, выведенныя изъ Германской исторіи и только къ ней приложенныя. Шлецеръ и по своему практическому характеру и вслѣдствіе состоянія науки его времени, лпчною сплою не могъ изъ тѣснаго круга Германской національности начала исторической критики возвести до общечеловѣческаго безпристрастія. Мы показали, какъ эти правила не приложимы были къ сводному Нестору въ смыслѣ Шлецера; остается взглянуть,

могутъ-ли они быть приложимы къ Нестору очищенному? Прежде нежели станемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, опредѣлимъ яснѣе, что̀ такое значитъ у Шлецера очищенный Несторъ?

Цѣль его труда, по собственному его сознанію, состоитъ въ томъ, чтобы возстановить искаженный переписчиками *подлинный* текстъ лѣтописи. Это возстановленіе совершается на основаніи общихъ началъ высшей критики, которая не только судитъ о словахъ и выраженіяхъ: принадлежатъ-ли они переписчику или сочинителю, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отчета отъ лѣтописателя въ его словахъ и происшествіяхъ, о которыхъ онъ повѣствуетъ. «Несторъ монахъ XI-го вѣка, подобный всѣмъ Европейскимъ монахамъ своего времени,» говоритъ Шлецеръ, «неученъ, какъ и всѣ тогдашніе его Византійскіе учители, наполненъ предразсудками и монашескимъ легковѣріемъ, противными здравому разсудку 18-го столѣтія; жившій на Днѣпрѣ, въ уголку земли, который мало имѣлъ сношеній съ прочимъ міромъ, не зналъ ничего, относящагося къ познанію людей и свѣта. Потому лѣтописателю, не смотря на все признанное его безпристрастіе, можно сказать: ты обманываешься, ты слишкомъ простъ, ты разсказываешь сказку! (*)» Такимъ образомъ очищенный Несторъ перестаетъ быть лѣтописью и превращается въ науку Русской исторіи; каждое его положеніе повѣряется критически и становится выводомъ науки, а не разсказомъ лѣтописи. Очищеніе лѣтописи могло быть совершено только подъ условіями низшей критики

(*) I. Прибав. II. 397.

въ смыслѣ Шлецера, но она оказалась неприложимою. Шлецеръ вырабатываетъ списки подъ условіями критики высшей, и потому окончательные выводы его труда представляютъ не очищенную лѣтопись, но опытъ Русской исторіи, какъ науки. Въ такомъ случаѣ за чѣмъ же онъ вноситъ въ свое сочиненіе текстъ лѣтописи и притомъ считаетъ его главнымъ содержаніемъ своего труда? — За тѣмъ, что онъ обработываетъ Русскую исторію для Нѣмцевъ. Шлецеръ не возвелъ Русской исторіи на степень науки, но возводитъ, какъ критикъ, и потому описываетъ весь ходъ своей работы, начиная отъ первыхъ пріемовъ до окончательныхъ выводовъ; представляя съ одной стороны рядъ выводовъ, онъ долженъ былъ съ другой представить источники, изъ которыхъ они сдѣланы. Источники суть всѣ списки Нестора, выводы — наука Русской исторіи. Мысль о сводѣ и очищеніи лѣтописей представляется тѣмъ среднимъ, не самостоятельнымъ, но условнымъ явленіемъ въ области ученаго труда, которое необходимо предшествуетъ окончательному, ученому исполненію дѣла. Это способъ пониманія и пользованія лѣтописью историкомъ. Но этотъ способъ пониманія у Шлецера не былъ личнымъ; онъ основывалъ его на общихъ началахъ современной ему исторической критики въ Германіи; потому очищеніе лѣтописи и представлялось ему трудомъ самостоятельнымъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ намъ сохранила древность наши лѣтописи, онѣ не подходятъ подъ тѣ начала критики, которыя Шлецеръ признавалъ за безусловныя. Онъ же не понималъ ихъ иначе, какъ подъ условіями этихъ началъ. Потому объяснить смыслъ, *перевести* онъ

могъ только очищеннаго Нестора. «Очень пон
говоритъ Шлецеръ, «что нельзя было пер
Нестора, не очистивъ его прежде» (*). На
нужно переводить Нестора; Шлецеръ перев
его только для Нѣмцевъ.

Мысль объ очищенномъ Несторѣ представ
плодомъ того направленія, которое хочетъ,
Русская исторія была обработана Нѣмцами
Нѣмцевъ. Мысль, необходимая у Шлецера, н
чайная и несправедливая въ области Русской
рін. Нѣмцы могутъ обработывать Русскую
рію, но для этого должны знать языкъ и не
даться въ переводъ лѣтописей, какъ думаетъ
церъ. «Я совѣтую,» говоритъ онъ, «сдѣлать и
сличеннаго и очищеннаго Нестора на коре
Славянскомъ языкѣ, но съ Латинскимъ перев
дабы иностранцы, и особливо трудолюбивые Н
могли быть сподвижниками и сотрудниками в
пашкѣ сего дикаго поля» (**).

И такъ трудъ Шлецера, какъ предварит
сводное и критическое изданіе лѣтописи, въ
слѣ самостоятельнаго явленія, представляет
вершенно случайнымъ въ области Русской ис
Онъ важенъ, какъ личное дѣло Шлецера, и с
его важности опредѣляется тѣми выводам
которымъ посредствомъ его пришелъ Шл
Эти выводы составляютъ вторую существ
часть Шлецерова Нестора — опытъ науки Р
исторіи. Слѣдуетъ разсмотрѣть и повѣрит
трудъ въ этомъ смыслѣ.

(*) I пред. XX.—(**) Ibid. XXXVI.

V.

Мы сказали, что начала Шлецеровой критики, посредствомъ которыхъ онъ возводитъ Русскую исторію на степень науки, суть тѣ начала, которыя существовали въ это время въ исторической критикѣ Германіи. Въ слѣдъ за мыслію объ исторической самостоятельности Германіи, утвержденной реформаціей, важнѣйшею была мысль объ единствѣ Германіи, пробуждавшаяся во времена Шлецера. Она имѣла большое вліяніе на науку исторіи. На Германскія государства начали смотрѣть, какъ на одно цѣлое, родственное со всѣми другими народами Запада по общимъ стихіямъ, вошедшимъ въ составъ ихъ жизни, и по историческому развитію, условленному сими стихіями. Всѣ государства западной Европы основаны *завоеваніемъ*; исторія каждаго условлена разнороднымъ составомъ ихъ быта. Потому каждое явленіе жизни одного народа непремѣнно находитъ себѣ соотвѣтствующее *исходное* въ жизни другаго; каждое явленіе, необъяснимое изъ самостоятельныхъ началъ одного племени, объясняется изъ началъ другаго, вошедшихъ въ составъ государства. Вслѣдствіе сего, начала *сходства* (аналогіи) и *заимствованія* необходимо служатъ при историческихъ изслѣдованіяхъ о государствахъ западной Европы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія такъ называемая историческая школа въ Германіи блистательно ихъ приложила къ дѣлу. Шлецеръ пытался тѣ же начала приложить къ Русской исторіи и на основаніи оныхъ, построить ея науку.

Пріѣхавши въ Россію, Шлецеръ засталъ въ наукѣ Русской исторіи борьбу двухъ противуположныхъ мнѣній о происхожденіи Русскаго народа. Этотъ вопросъ былъ живымъ вопросомъ его времени и волновалъ страсти академическихъ партій. Послѣдователи Байера утверждали, что Руссы были Нѣмцы, именно Шведы; послѣдователи Ломоносова принимали ихъ за Славянъ. Но этотъ вопросъ еще не былъ возведенъ на степень ученую. Не смотря на то, что эти мнѣнія еще задолго до этого времени существовали въ Россіи, происхожденіе перваго приписывалось личному пристрастію. Русскіе почитали его оскорбительнымъ для народной чести; не думая о наукѣ, подозрѣвали въ пристрастіи Нѣмецкихъ ученыхъ, которые вводили это мнѣніе, и потому противодѣйствовали ихъ стремленію. Шлецеру предоставлено было сему вопросу дать ученое значеніе, поставивъ его на твердое основаніе общихъ началъ исторической критики. Но Шлецеръ, вызванный Миллеромъ въ Россію, подъ рукою Тауберта вошедшій на академическую каѳедру, подъ вліяніемъ современной ему исторической критики въ Германіи начавшій заниматься Русскою исторіею, сдѣлавшійся главою Нѣмецкой партіи въ Академіи, Нѣмецъ Шлецеръ не могъ возвыситься до полнаго безпристрастія въ отношеніи къ этому вопросу, одинаково возвести оба мнѣнія въ область науки и отъ ней ожидать имъ общаго разрѣшенія. Характеръ Шлецера и его ученое направленіе за-одно съ внѣшними условіями, принудили его увлечься практическою стороною вопроса и принять одно изъ мнѣній. Онъ принялъ мнѣніе Байера. Подъ Руссами, пришедшими въ

Россію, разумѣются Шведы, говоритъ утвердительно и доказываетъ Шлецеръ (*); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далѣе замѣчаетъ: «хотя многіе считаютъ очень *вѣроятнымъ*, что Руссы означаютъ Шведовъ; однако если они и обманываются, то еще не за что считать ихъ государственными преступниками» (**). Это мнѣніе казалось Шлецеру только вѣроятнымъ; слѣдовательно не въ этомъ видѣ онъ считалъ его важнымъ въ наукѣ Русской исторіи. Исчисляя ту выгоду, которую получила Русская исторія отъ его Нестора, онъ говоритъ: «начало Руси не теперь отыскано, ибо эта слава принадлежитъ Байеру; но теперь выведено изъ всякаго сомнѣнія» (***). Мнѣніе Байера, только что вѣроятное, еще могло возбуждать сомнѣніе и потому не могло быть принятымъ за главную мысль науки. Въ какомъ же видѣ оно становится несомнѣннымъ? Шлецеръ продолжаетъ: «никто, что-нибудь читавшій о Норманнахъ, не можетъ принять Варяговъ ни за кого болѣе, кромѣ сихъ Норманновъ. Самъ Болтинъ убѣдился бы, что Рюрикъ былъ *Нѣмецъ*». И такъ для Шлецера было важно не то, что Варяги Шведы, или Датчане, но то, что они были Нѣмцы, племя разнородное съ туземцами, къ которымъ они пришли. Если это мнѣніе вѣрно, то само собою возникаетъ слѣдующее предположеніе въ наукѣ Русской исторіи:

Въ составъ Русскаго государства, какъ и всѣхъ Европейскихъ, вошли два разнородныхъ элемента, — Нѣмецкій и Славянскій.

(*) I. глав. XIX. 316.

(**) I. предув. XXVII.

(***) I. предув. XXVII и VIII.

Изъ этого предположенія необходимо вытекаютъ слѣдующія положенія:

Государство Русское основано одинаково со всѣми западно-Европейскими; слѣдовательно между ихъ исторіями должна существовать взаимная *аналогія*.

Въ составъ Русской жизни вошелъ Нѣмецкій элементъ; слѣд. многое въ Русской жизни *заимствовано* отъ Нѣмцевъ.

На основаніи этихъ двухъ положеній для изслѣдованія Русской исторіи, само собою составляется слѣдующее правило:

Русской исторіи нельзя обработывать безъ познанія Германской; она развивается вмѣстѣ съ нею подъ условіями однѣхъ и тѣхъ же началъ; потому общія правила критики, выведенныя изъ обработки Германской исторіи и въ ней испытанныя, вполнѣ могутъ быть приложены и къ Русской исторіи. Это правило, какъ мы видѣли, вполнѣ выговариваетъ Шлецеръ, и его трудъ есть опытъ построенія Русской исторіи подъ условіями этихъ началъ.

Поставивъ напередъ то предположеніе, что въ Русскую жизнь вошли два составныя начала — племя Германское и Славянское, во главу угла зданія науки Русской исторіи, Шлецеръ подъ условіями правилъ современной ему исторической критики въ Германіи, правилъ аналогіи и заимствованія, такъ развиваетъ свою первую гипотезу:

Вездѣ въ исторіи западныхъ государствъ это совмѣщеніе двухъ племенъ совершается слѣдующимъ образомъ: къ племени дикому приходитъ другое, болѣе образованное. Взаимное воздѣйствіе

двухъ противоположныхъ началъ служитъ основою для историческаго развитія; на этомъ положеніи Шлецеръ строитъ общее правило и наконецъ прилагаетъ его къ Россіи. «Что люди сначала жили *наравнѣ со скотами* на нашей планетѣ — это извѣстно,» говоритъ онъ, и потомъ, описывая, какъ просвѣщеніе проникло на Сѣверъ Европы, продолжаетъ: «для того, чтобы просвѣщеніе развилось, нуженъ былъ *ударъ снаружи*, и Провидѣніе начало его приготовлять для Европы только за 2000 лѣтъ до нашего времени; Римляне, завоевавъ южную треть Европы, разнесли его до Рейна; наконецъ Германцы распространили на дальній Сѣверъ (*). Изъ этого мы видимъ, что общее мнѣніе Шлецера объ историческомъ развитіи каждаго народа, основывается на слѣдующихъ положеніяхъ: каждый народъ первоначально представляется въ грубомъ и дикомъ *состояніи*; въ каждомъ народѣ общественность и просвѣщеніе начинаютъ развиваться вслѣдствіе *внѣшняго побужденія*. Если эти общія правила примѣнить къ Россіи, то выйдутъ слѣдующія положенія:

1. Племена, къ которымъ пришли Варяги, находились въ дикомъ состояніи. «На верхнемъ Сѣверѣ,» говоритъ Шлецеръ, «обитали люди, походившіе на жителей Сибири, Калифорніи и Мадагаскара, раздѣленные на малыя орды, люди, неимѣвшіе политическаго устройства, сношеній съ иноплеменниками, письма, искусствъ, религіи, или только *глупую* религію» (слово, недостойное исто-

(*) Несторъ II. стр. 176—8.

рика) (*)! Далѣе, говоря о призваніи, онъ ихъ называетъ: «людьми дикими, подобными Далекарлійскимъ крестьянамъ при Сверрѣ» (**). Вслѣдствіе такого мнѣнія о племенахъ, обитавшихъ въ Россіи, Шлецеръ отвергаетъ принимаемую Шторхомъ восточную торговлю Россіи до пришествія Рюрика и называетъ эту мысль не только не ученою, но уродливою, говоря, что люди, «жившіе подобно Пруссамъ и Альгонкинцамъ, не могли имѣть торговыхъ путей и производить этой торговли» (***). Уже Ломоносовъ говорилъ, что мы «не мало имѣемъ свидѣтельствъ, что въ Россіи толь великой тьмы невѣжества не было, какую представляютъ многіе *внѣшніе* писатели» (****). Несторъ описываетъ нѣкоторыя одичалыя племена, но онъ отличаетъ ихъ отъ другихъ. Это различіе со множествомъ другихъ показаній въ наше время утвердило ту мысль, что племена Славянскія до призванія имѣли общественное устройство, торговыя сношенія и религію. Мысль Шлецера не только не подтверждается фактами, но прямо имъ противорѣчитъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она вполнѣ послѣдовательна съ первоначальною его гипотезою и представляется однимъ изъ ея частныхъ выводовъ.

2-е Положеніе состоитъ въ томъ, что эти дикари сами изъ себя не могли развиться исторически, и это развитіе должно зависѣть отъ внѣшняго *побуж-*

(*) Несторъ I. изд. Нд. — (**) Ibid. I. глав. XVIII. 306. — (***) Ibid. I 1-е прибав. 388 и 9. — (****) Древ. Рос. Исторіи, стр. 2.

денія, новаго элемента, внесеннаго другимъ племенемъ. Шлецеръ говоритъ: «люди, обитавшіе въ Россіи, были способны къ образованію, котораго однако же сами себѣ дать не могли, а должны были ожидать отъ внѣшняго побужденія» (*). Первый шагъ къ образованію сдѣлали Новгородцы съ сосѣдственною Чудью; онъ состоялъ въ томъ, что тѣ и другіе, *хотя противъ воли*, поставили у себя Государя (**). «Кто знаетъ,» далѣе говоритъ Шлецеръ (***), «долго-ли бы еще пробыли въ этомъ состояніи блаженной *для получеловѣка* безчувственности, если бы около этого времени не напала на нихъ шайка разбойниковъ, ворвавшихся въ ихъ мирное жилище. Тутъ только они стали *разсуждать* и приняли лучшія мѣры, *для* доставленія себѣ внѣшней защиты и внутренняго спокойствія.»

3. Соединеніе двухъ разнородныхъ племенъ во всѣхъ исторіяхъ Запада произошло посредствомъ *завоеванія*. Чтобы поддержать вѣрность аналогіи, необходимо было предположить, что и государство Русское основано завоеваніемъ. Между тѣмъ какъ первоначальная гипотеза необходимо условливала это новое предположеніе, разсказъ лѣтописи совершенно ему противорѣчилъ. Дѣло *призванія* столь ясно описано лѣтописцемъ, что нельзя было отрицать его прямо, не отрицая вообще всякаго авторитета лѣтописи. Это понималъ Шлецеръ и потому, не отрицая прямо, пытается ослабить его слѣдующимъ, новымъ предположеніемъ:

(*) Несторъ I. Введ. отд. II. НД. — (**) Ibid. Нес. — (***) Несг. II. 180.

рика) (*)! Далѣе, говоря о призваніи, онъ ихъ называетъ: «людьми дикими, подобными Далекарлійскимъ крестьянамъ при Сверрѣ» (**). Вслѣдствіе такого мнѣнія о племенахъ, обитавшихъ въ Россіи, Шлецеръ отвергаетъ принимаемую Шторхомъ восточную торговлю Россіи до пришествія Рюрика и называетъ эту мысль не только не ученою, но уродливою, говоря, что люди, «жившіе подобно Ирокезцамъ и Альгонхинцамъ, не могли имѣть торговыхъ путей и производить этой торговли» (***). Уже Ломоносовъ говорилъ, что мы «не мало имѣемъ свидѣтельствъ, что въ Россіи толь великой тьмы невѣжества не было, какую представляютъ многіе *внѣшніе* писатели» (****). Несторъ описываетъ нѣкоторыя одичалыя племена, но онъ отличаетъ ихъ отъ другихъ. Это различіе со множествомъ другихъ показаній въ наше время утвердило ту мысль, что племена Славянскія до призванія имѣли общественное устройство, торговыя сношенія и религію. Мысль Шлецера не только не подтверждается фактами, но прямо имъ противорѣчитъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она вполнѣ послѣдовательна съ первоначальною его гипотезою и представляется однимъ изъ ея частныхъ выводовъ.

2-е Положеніе состоитъ въ томъ, что эти дикари сами изъ себя не могли развиться исторически, и это развитіе должно зависѣть отъ внѣшняго *побуж-*

(*) Несторъ I. введ. XIX. — (**) Ibid. I. глав. XVIII. 306. — (***) Ibid. I 1-е прибав. 388 и 9. — (****) Древ. Рос. Исторіи, стр. 2.

денія, новаго элемента, внесеннаго другимъ племенемъ. Шлецеръ говоритъ: «*люди*, обитавшіе въ Россіи, были способны къ образованію, котораго однако же сами себѣ дать не могли, а должны были ожидать отъ внѣшняго побужденія» (*). Первый шагъ къ образованію сдѣлали Новгородцы съ сосѣдственною Чудью; онъ состоялъ въ томъ, что тѣ и другіе, *хотя противъ воли*, поставили у себя Государя (**). «Кто знаетъ,» далѣе говоритъ Шлецеръ (***), «долго-ли бы еще пробыли въ этомъ состояніи блаженной *для получеловѣка* безчувственности, если бы около этого времени не напала на нихъ шайка разбойниковъ, ворвавшихся въ ихъ мирное жилище. Тутъ только они стали *разсуждать* и приняли лучшія мѣры, для доставленія себѣ внѣшней защиты и внутренняго спокойствія.»

3. Соединеніе двухъ разнородныхъ племенъ во всѣхъ исторіяхъ Запада произошло посредствомъ *завоеванія*. Чтобы поддержать вѣрность аналогіи, необходимо было предположить, что и государство Русское основано завоеваніемъ. Между тѣмъ какъ первоначальная гипотеза необходимо условливала это новое предположеніе, разсказъ лѣтописи совершенно ему противорѣчилъ. Дѣло *призванія* столь ясно описано лѣтописцемъ, что нельзя было отрицать его прямо, не отрицая вообще всякаго авторитета лѣтописи. Это понималъ Шлецеръ и потому, не отрицая прямо, пытается ослабить его слѣдующимъ, новымъ предположеніемъ:

(*) Несторъ I. Введ. отд. II. НД. — (**) Ibid. Нес. — (***) Нест. II. 180.

Соединенныя племена призвали тѣхъ же самыхъ Варяговъ, которыми были завоеваны прежде и которыхъ прогнали назадъ тому три года. «Хотя,» говоритъ Шлецеръ, «намѣреніе призвать защитниковъ отъ прежнихъ жестокихъ грабителей было *странно* и опасно; однако же 400 лѣтъ тому назадъ Британцы сдѣлали такую же неосторожность, (*) призвавъ Генгиста и Горзу въ 499 году и то же самое сдѣлало въ 911 году Французское правительство съ Рольфомъ.» И такъ аналогія позволяла Шлецеру сдѣлать такое *странное* предположеніе, не смотря на то, что лѣтопись ясно различаетъ изгнанныхъ Варяговъ отъ призванныхъ впослѣдствіи, называя послѣднихъ Варягами-Русью. Эту странность чувствовалъ самъ Шлецеръ; но потомъ, сравнивая призваніе Варяговъ съ призваніемъ Генгиста и Горзы и Рольфа, восклицаетъ: «какъ все это естественно!» Далѣе замѣчаетъ Шлецеръ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи сказано о Славянахъ, что они рѣшились призвать *опять* Варяговъ (**). «Но ни въ одномъ» замѣчаетъ Эверсъ, «изъ доселѣ извѣстныхъ списковъ нѣтъ этого словца *опять*, хотя на немъ одномъ и не можетъ основаться достовѣрность событія, самого по себѣ невѣроятнаго» (***). Аналогія съ Британцами и Французами представляется Эверсу тоже неосновательною: первые призвали Саксонцевъ, на *помощь* противъ Пиктовъ и Скоттовъ, а вторые не призывали Рольфа, но уступи-

---

(*) 1. XVIII. 305. II. 187.— (**) II. 2.—(***) Предвар. Кр. изслѣд. 1. 60.

ли ему по нуждѣ то, чѣмъ онъ уже владѣлъ, что говоритъ и самъ Шлецеръ (*). Для чего же онъ строитъ такую неестественную гипотезу? Для того, чтобы хотя нѣсколько сдѣлать естественнымъ свой послѣдній выводъ, какъ мы увидимъ ниже, — *завоеваніе*; они призвали тѣхъ же Варяговъ, слѣд. свопхъ прежнихъ завоевателей.

Это предположеніе даетъ нѣкоторую естественность — второму.

Въ Никоновскомъ Сборникѣ находится слѣдующее извѣстіе:

Въ лѣто 6372 оскорбишася Новгородцы, глаголюще: яко быти намъ рабамъ и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ Новгородцевъ, совѣтниковъ его (**). «Два отмѣнно важныя происшествія,» восклицаетъ Шлецеръ; «трехъ братьевъ призвали только для того, чтобы быть предводителями; дикіе же Норманны стали брать на себя видъ повелителей. Это удивило Новгородцевъ и они начали роптать, даже дошло до вторичнаго возмущенія противъ Варяговъ. Одинъ Новгородецъ, по имени Вадимъ храбрый, сдѣлался начальникомъ угнетенныхъ; однако же былъ побѣжденъ. Три брата привели съ собою столько людей, что могли все преодолѣть» (***). Изъ послѣднихъ словъ мы видимъ, почему Шлецеръ долженъ былъ принять въ своего очищеннаго Нестора то чтеніе немногихъ позднѣйшихъ

(*) I. 272. — (**) Ник. 1 стр.

(***) 1. XXII. 356 и 7.

временниковъ, что три брата *поляша* съ собою *всю Русь*. Гипотеза руководила и въ этомъ случаѣ, при возстановленіи текста лѣтописи. Такимъ образомъ, истолковывая повѣствованіе Никоновскаго Сборника, Шлецеръ заключаетъ: «такъ началось Русское царство, Русская монархія, *какъ и всѣ другія, насиліемъ и кровопролитіемъ*. Рюрикъ наложилъ узы на свободную державу, онъ призванъ былъ для защищенія свободы и онъ же истребилъ ее» (*). Эверсъ удивляется, почему Шлецеръ начинаетъ Русскую исторію съ Рюрикова единодержавія и говоритъ: «что оно было не важно и не заслуживало того, чтобы начинать съ него Русскую исторію. Русское государство образовалось при Ильменѣ озерѣ и словомъ и дѣломъ до Рюрикова единовластія. Призванные Князья пришли уже въ государство, какую бы форму оно ни имѣло; ибо какъ иначе назвать то соединеніе, въ которомъ жили упомянутые народы и управлялись по изгнаніи Варяговъ? Почему же Шлецеръ все это время называетъ вступленіемъ въ Русскую исторію; развѣ непремѣнно она должна начаться единодержавіемъ? Почему же не тріумвиратомъ?» (**) Отвѣчаю словами Шлецера: «въ слѣдующій годъ, послѣ Вадимова возстанія, оба братья Рюриковы померли и онъ остался единодержавнымъ» (***). И такъ, съ этого времени Русская исторія начинается потому, что время единодержавія совпадаетъ съ усмиреніемъ Вадимова возстанія, съ *завоеваніемъ*.

(*) Büſching. Mag. 337.

(**) Предув. кр. изслѣд 84. § 9.

(***) t. XXII. 357.

Русская же исторія должна была начаться завоеваніемъ, какъ начались всѣ Западно-Европейскія исторіи, послѣдовательно съ первою гипотезою Шлецера. Ему нужно было доказать завоеваніе; въ противномъ случаѣ, дѣло *призванія* возстало бы явнымъ противорѣчіемъ съ его предположеніемъ. «Удивительно,» говоритъ Шлецеръ, «что сіи столь важныя происшествія, т. е. возстаніе Вадима и его усмиреніе сохранились въ одномъ только Никоновскомъ Сборникѣ и Степенной Книгѣ. Очень легко можетъ статься, что *трусливые переписчики* съ умысломъ это выпустили» (*). Такъ обыкновенно поступаетъ Шлецеръ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, сваливая всю вину на переписчиковъ. Но эта причина не можетъ считаться удовлетворительною и необходимо возникаетъ вопросъ: могъ ли Шлецеръ, не отступая отъ принятыхъ имъ началъ критики, принять извѣстіе о возстаніи Вадима исторически достовѣрнымъ и, если могъ, то въ такомъ ли видѣ, въ какомъ онъ его принимаетъ? Это извѣстіе сохранилось только въ Никоновскомъ Сборникѣ; объ немъ же вотъ что говоритъ Шлецеръ: «въ немъ кое-гдѣ сокращены извѣстія, а еще болѣе перемѣшаны съ баснями Степенныхъ Книгъ и выписками изъ Византійцевъ, совсѣмъ не принадлежащими къ Русской исторіи» (**). Кромѣ Никоновскаго Сборника, извѣстіе о Вадимовомъ возстаніи сохранилось въ Степенныхъ Книгахъ, которыя имѣли вліяніе на его составленіе; потому со всею вѣроятностію можно предполагать, что это извѣстіе въ

(*) 1. XXII. 357 и 8.

(**) 1. Введ. АГ. в184.

Никоновскій Сборникъ вошло изъ Степенныхъ Книгъ. Степенныя же Книги въ его глазахъ не имѣютъ авторитета. И такъ по началамъ критики Шлецеру не слѣдовало повѣрить этому происшествію, не повѣривъ на прим. извѣстіямъ о Гостомыслѣ, сохранившемся въ двухъ спискахъ лѣтописи (*). Только гипотеза могла принудить Шлецера не только повѣрить этому извѣстію, но построить на немъ новую гипотезу о завоеваніи, на которой, въ свою очередь, строится все зданіе Русской исторіи.

Кромѣ этихъ двухъ событій, поддерживающихъ предположеніе Шлецера о завоеваніи, оно предполагаетъ необходимо признаніе исторической достовѣрности разсказа о Рюрикѣ и его братьяхъ. Могъли Шлецеръ признать его такимъ, если бы строго слѣдовалъ законамъ постоянно имъ защищаемой ученой критики, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее понималъ? У всѣхъ лѣтописцевъ этого времени распространилось обыкновеніе, по примѣру сыновъ Ноевыхъ, повторять сказанія о трехъ братьяхъ. Такъ образовалась сказка о Лехѣ, Чехѣ и Руссѣ; Кіѣ, Шекѣ, и Хорывѣ; трехъ дочеряхъ Крока и въ Ирландіи о братьяхъ Амелаусѣ, Ситаракусѣ и Ивору. Эти три брата около 855 года пришли въ Ирландію, были ласково приняты жителями, заложили три города и начали управлять ими, сначала человѣколюбиво, а потомъ сдѣлались тиранами. «Какъ бы то ни было,» говоритъ Шлецеръ, «а сходство съ Рюрикомъ и его братьями чрезвы-

(*) t. XVI. 277.

чайно.» И такъ, по общимъ началамъ критики, что бы долженъ сдѣлать Шлецеръ съ этимъ преданіемъ? Объявить его точно такою же сказкою, какъ объявляетъ всѣ ему подобныя, и притомъ по сходству ея съ Ирландскою, принесенною къ намъ изъ Скандинавіи. Но въ этомъ случаѣ разрушилась бы Шлецерова гипотеза, и потому онъ говоритъ: «въ разсужденіи Рюрикова существованія не можетъ быть никакого подобнаго сомнѣнія и все, что ни говорится въ древнихъ, *чистыхъ* лѣтописяхъ о его приключеніяхъ до самой смерти, отличается простотою и историческою истиною. Слѣд. Ирландецъ, кажется, заимствовалъ эту сказку у Россіянина, а не на оборотъ.» Такъ была сильна мысль о заимствованіи! Но послѣднія слова поразили странностію самого Шлецера и онъ прибавляетъ: «однако же какъ можно предположить, чтобы въ XII или XIII вѣкѣ было ученое сношеніе между Кіевомъ и Дублиномъ! (*)

Утвердивъ по его мнѣнію гипотезу о завоеваніи, Шлецеръ приступаетъ къ дальнѣйшимъ выводамъ, непосредственно изъ ней вытекающимъ. Общія слѣдствія завоеванія были слѣдующія:

I. Названіе страны по имени завоевателей. Галлія прозвалась Франціею, говоритъ Шлецеръ, отъ своихъ побѣдителей, Германскихъ Франковъ... такимъ точно образомъ и Новгородскіе Славяне получили названіе отъ своихъ побѣдителей, Руссовъ, т. е. Шведскихъ Норманновъ (**). «Теперь уже ни-

(*) 1. XXI. 349—54.

(**) 1. XXI. 343.

кто не можетъ печатать, что Русь называлась Русью за долго до пришествія Рюрика» (*). Въ этомъ полагаетъ Шлецеръ одну изъ заслугъ своего Нестора. Такимъ образомъ аналогія принуждаетъ Шлецера принять это положеніе; но одна аналогія еще не доказываетъ его исторической достовѣрности; нужно было согласить его съ показаніями лѣтописи. Такъ подводитъ Шлецеръ мѣста лѣтописи для подтвержденія этой гипотезы.

Лѣтописецъ говоритъ: «наченьшю Михаилу царствовати, начася прозывати Русска земля. О семъ бо увѣдохомъ, яко при семъ Цари приходиша Русь на Царьгородъ» (**). Эти Руссы, примѣчаетъ Шлецеръ, были Понтійскіе (***). «Отсюда ясно», говоритъ профессоръ Максимовичъ, «что названіе Русской земли лѣтописецъ производитъ отъ Руси въ 866 году, приходившей на Царьгородъ съ Аскольдомъ и Диромъ» (****). Отъ Руси приходившей съ Аскольдомъ и Диромъ, или отъ Понтійской получила названіе Русская земля, во всякомъ случаѣ, это названіе относитъ лѣтописецъ къ южной, а не къ сѣверной Россіи.

Далѣе лѣтописецъ, говоря о пришествіи Варяговъ, заключаетъ: отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новогородьци (*****). Многіе списки прибавляютъ: отъ тѣхъ Варягъ *находницъхъ* (Арх. Полет. 1 и 2. Ник. Воскр. Алатыр.). Если сообразимъ это мѣсто

(*) Пред. XXVIII.

(**) Полн. соб. лѣт. 7.—Шлец. 1. XV.

(***) Ibid. 258 пр. 2.

(****) Откуда идетъ Рус. земля, стр. 16.

(*****) Пол. соб. лѣт. 1. 9.—Шлец. 1. XXI.

лѣтописи съ предыдущимъ, то можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: отъ Варяговъ начала называться Русская земля Русскою и притомъ сѣверная и южная въ одно и то же время.

Теперь возникаетъ самъ собою вопросъ: названіе Русь существовало-ли до пришествія Варяговъ и съ ихъ пришествія только вошло въ общее употребленіе, или оно вошло въ употребленіе и пришло вмѣстѣ съ ними? Если этотъ вопросъ рѣшить отвлеченно отъ фактовъ, то могутъ родиться два слѣдующія предположенія:

I. Имя Русь принадлежало пришедшимъ Варягамъ, потому названіе Русской земли и принесено и вошло въ употребленіе съ ихъ пришествія. Это новое предположеніе послѣдовательно вытекаетъ изъ первой гипотезы Шлецера; потому онъ, приводя послѣднее мѣсто лѣтописи, вставляетъ въ текстъ новыя слова, не находящіяся ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ временниковъ: и *отъ сихъ* новопришедшихъ Варяговъ и *съ сего времени* Русская земля прозвалась Русскою (*).

2. Рядомъ съ такимъ предположеніемъ можетъ быть поставлено другое, совершенно ему равносильное и точно также построенное a priori: имя Русь искони принадлежало всей землѣ Русской, какъ названіе страны; рядомъ съ этимъ именемъ существовало другое, также общее названіе племени — Славяне.—Но какъ страна была населена мѣстами, племя раздроблено на мелкія семьи, потому ни одно изъ этихъ общихъ именъ не было въ упо-

(*) Ibid. 342.

требленія; ихъ замѣнили частныя племенныя названія. Новгородцы называются именемъ Славянъ, какъ представители цѣлаго племени въ отношеніи къ племенамъ чуждымъ, Финнскимъ, съ которыми они входятъ въ общественный союзъ. Съ пришествія Варяговъ, когда частныя племена начинаютъ соединяться въ одно цѣлое, и общее имя страны входитъ въ употребленіе.

Вотъ два предположенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть принято безусловно, но оба должны быть приведены передъ судилище исторіи и оцѣнены по достоинству.

Что предположенія такого рода естественно могутъ возникнуть изъ приведенныхъ словъ лѣтописи, достаточно доказывается слѣдующимъ: въ Воскресенской и Алатырской лѣтописяхъ говорится: *отъ тѣхъ Варяговъ находницѣхъ прозвалась Русь и отъ тѣхъ временъ словетъ Русская земля* (*). Съ этимъ, по видимому, соглашается и Никоновскій Сборникъ: *се нынѣ*, говоритъ онъ, *Русь отъ тѣхъ Варяговъ прозвася*. Но въ тѣхъ же самыхъ лѣтописяхъ (въ Воскр. и Алатыр.) и въ отрывкѣ, присоединенномъ къ Патріаршей, встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, при описаніи разселенія Славянъ: *и сѣдоша около озера Ильменя и прозвашася именемъ и нарѣкошася Русь рѣки ради Руссы, иже впадаетъ въ озеро Ильмень* (**). Шлецеръ называетъ эти слова грубѣйшими вставками поддѣльщиковъ (***), ибо они противорѣчатъ его гипотезѣ; но почему же нельзя назвать такою же

(*) Ibid. 341. (**) Ibid. V. 146. (***) Ibid. 150.

вставкою словъ: «и отъ тѣхъ временъ словетъ Русская земля», встрѣчаемыхъ только въ тѣхъ же самыхъ лѣтописяхъ? Послѣднее мѣсто лѣтописи показываетъ мысль лѣтописца, который думаетъ, что имя Русь существовало до пришествія Варяговъ, но придаетъ ему частный, племенной характеръ, сходный съ другими названіями племенъ (Поляне, Древляне и т. п.). Происхожденіе названія Руси, предлагаемое лѣтописцемъ, не касается до нашего вопроса; важно только въ этомъ случаѣ то, что существованіе этого названія онъ предполагаетъ до Варяговъ и независимо отъ нихъ. И такъ приведенныя нами слова Нестора могутъ служить поводомъ, не подтверждая исключительно одной, къ развитію обоихъ предположеній вмѣстѣ, построенныхъ нами a priori; доказательствомъ этому и служитъ то, что оба предположенія развились въ его продолжателяхъ и переписчикахъ.

Исчисляя племена, обитавшія первоначально въ Россіи, Несторъ говоритъ: *въ Афетовѣ же части сѣдятъ: Русь, Чудь и вси языци: Меря, Мурома* и т. д.; и далѣе: *Афетово бо и то колѣно: Варязи: Свея, Урмане, Русь, Англяне* и проч. (*). «Здѣсь прекращается», говоритъ Шлецеръ (**), «древняя Византійская космографія, на мѣсто которой Несторъ съ 1100 года начинаетъ вѣрное описаніе земель и народовъ Европейскаго Сѣвера, дотолѣ почти совсѣмъ непзвѣстнаго.» «Но по какому праву,» спрашиваетъ Эверсъ, «Шлецеръ отдѣляетъ описаніе Афетова удѣла отъ предыдущаго и относитъ его

(*) Пол. Собр. лѣт. 1. 2.

(**) I. II. 98.

къ XI столѣтію?» и вѣрно отвѣчаетъ: «по праву напередъ принятой гипотезы о происхожденіи Руссовъ» (*).

Изъ первыхъ словъ Нестора мы видимъ, что древнѣйшими обитателями Россіи онъ почитаетъ Руссовъ, Чудь и прочіе перечисляемые имъ народы. «Слово Русь употреблено здѣсь въ смыслѣ собирательномъ», говоритъ Г. Погодинъ (**). Чудь есть тоже собирательное имя и означаетъ всѣ Финнскія племена; остальныя перечисляются порознь Несторомъ.

Изъ втораго мѣста Нестора видимъ, что въ числѣ Варяговъ онъ ставитъ Русь (***). «Здѣсь это имя очевидно означаетъ отдѣльное племя,» говоритъ Г. Погодинъ (****).

И такъ если соединимъ оба мѣста лѣтописи, то само собою выйдетъ слѣдующее заключеніе: Русь раздѣлялась на два отдѣла; одна состояла изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи; другая жила за моремъ. Слѣд. Славянскіе старожилы въ Россіи назывались исконн Русью и это имя не вновь принесено при-Балтійскими Руссами. Такое заключеніе явно противорѣчитъ Шлецеровой гипотезѣ; «но первое названіе Руси», говоритъ онъ, «не должно входить въ исчисленіе и *вставлено сюда переписчикомъ*». Онъ это доказываетъ слѣдующимъ образомъ:

(*) О жилищ. др. Рус. перев. Погодина, 9 и 10.

(**) Ibid. 68.

(***) Слово: Варягъ здѣсь въ собир. смыслѣ, ibid. 67. О происхожденіи Руси проф. Погодина 28.

(****) О жилищахъ др. Рус. 69.

1. «Хотя слово *Русь* находится *во всѣхъ спискахъ*, но вотъ почему я осмѣливаюсь его выбросить: очевидно, что Несторъ исчисляетъ здѣсь древнѣйшіе народы, обитавшіе въ Россіи, и нельзя спорить, что Руссы пришли въ нее гораздо позже». — Безспорно, Варяги пришли гораздо позже, но Несторъ разумѣетъ здѣсь не ихъ, а Славянскихъ старожиловъ, искони называвшихся Русью.

2. «Онъ исчисляетъ здѣсь одни Финнскія и Летскія племена, а Руссовъ не причисляетъ ни къ которому изъ оныхъ». — Но именно потому онъ и обозначаетъ ихъ особеннымъ именемъ Русь и говоритъ объ нихъ рядомъ съ Финнскими и Летскими племенами, какъ о старожилахъ Россіи.

3. «Въ Степенной книгѣ нѣтъ слова Русь». — Но о Степенной Книгѣ вотъ что говоритъ самъ Шлецеръ: «гдѣ повѣствуется о древнихъ временахъ, тамъ онѣ неполны и наполнены баснями» (*). — Слѣд. Степенная Книга для Шлецера не могла бы служить доказательствомъ; но между тѣмъ и въ ней слово Русь замѣнено названіемъ Славяне (**); изъ чего видно, что она считаетъ оба названія однозначительными, чего также не долженъ бы допустить Шлецеръ.

4. Есть слѣдующее мѣсто въ Несторѣ: *се суть языци, иже даютъ дань Руси: Чудь, Меря* и проч. (***).—«Объ этомъ мѣстѣ вспомнилъ переписчикъ», говоритъ Шлецеръ, «переписывая первое, приведен-

(*) Нестор. Шлец. введ. 1 Ч4.
(**) Стр. 82.
(***) Лавр.-XI. Шлец. I. глав. IX.

ное выше, и поспѣшилъ вписать своихъ Руссовъ; но вмѣсто дательнаго падежа *Руси* поставилъ именительный *Русь*». — Чтобы объяснять какъ и почему сдѣлана вставка, слѣдовало доказать прежде: вставка-ли это? Вотъ какъ читается вполнѣ то мѣсто, которое, думаетъ Шлецеръ, смутило переписчика. *Се бо въ Руси токмо Словенскъ языкъ, Поляне и проч. И се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси: Чудь* и проч. (*). — Какой же Руси даютъ дань эти племена? Варягамъ? но о дани Варягамъ лѣтописецъ говоритъ гораздо позднѣе (**); Русь заморская еще не приходила. Очевидно, что, развивая свою мысль послѣдовательно, Шлецеръ и здѣсь долженъ бы допустить вставку или смѣшеніе позднѣйшихъ преданій съ древними. Здѣсь слово Русь точно также означаетъ Славянъ, какъ и въ прежнемъ мѣстѣ, и потому не могло смутить переписчика. «Въ этомъ мѣстѣ», говоритъ Г. Погодинъ», Несторъ означаетъ не племя, а что-нибудь другое» (***)! — Но что же другое? Славянъ, отвѣчаетъ онъ далѣе, т. е. всѣ племена Славянскія, обитавшія въ Россіи.

И такъ изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи можетъ быть сдѣланъ слѣдующій общій выводъ: имя Русь было исконн общимъ названіемъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ въ Россіи, и не принесено въ нее Варягами-Русью. Но кромѣ Славянскихъ племенъ, называвшихся Русью, было другое племя Русь, жившее за моремъ и потому

(*) Полное соб. лѣт. 1. 5.

(**) Шлец. 1. IX. 186.

(***) О жил. др. Рус. 69.

называвшееся общимъ въ нашей древности именемъ заморскихъ племенъ—Варягами (*). Далѣе Несторъ говоритъ: *и седѣ Олегъ княжа въ Кіевѣ... и бѣша у него Варязи и Словене и прочіе прозвашась Русью* (**). При этомъ Шлецеръ замѣчаетъ: «съ пришествія Варяговъ Новгородскіе Славяне начали называться Руссами; когда же Кіевъ сдѣлался престольнымъ городомъ, названіе Руси распространилось и на Славянъ Кіевскихъ и такимъ образомъ сдѣлалось общимъ названіемъ всего народа» (***). Соображая показанія лѣтописи, мы приходимъ къ тому заключенію, что имя Русь входило въ употребленіе въ то время, когда Славяне начинали соединяться въ одно государственное цѣлое; что это имя родовое и притомъ относится къ странѣ; Русь и Русская земля – названія тождественныя. Въ то время, когда на Сѣверѣ Россіи, въ Новѣгородѣ, съ призванія Рюрика образуется государственный союзъ и почти современно съ нимъ въ Кіевѣ при Аскольдѣ и Дирѣ замѣчается стремленіе къ образованію государства, это имя столько же относится и къ сѣверной, сколько и къ южной Россіи. Впослѣдствіи, когда государственное средоточіе передвигается и устанавливается въ

(*) Идоша за море къ Варягомъ къ Руси, сице бо ся звахуть тіи Варязи Русь, яко се друзіи зовутъ Свеи, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи же Гьте. Лавр. лѣт. стр. 12. Это мѣсто находится во всѣхъ спискахъ. Шлец. Несторъ I. глав. XIX. «Между Варягами (общее названіе племени жителей Нѣмецкаго и Балтійскаго моря) былъ народъ, особенно называвшійся Руссами. Это положеніе ясно означено въ лѣтописяхъ,» говоритъ Шлецеръ (ibid. стр. 316 и 330).

(**) Шлец. Нестор. II. глав. V. 252. (***) – Ibid. 266.

Кіевѣ, это названіе, слѣдя за его движеніемъ, преимущественно соединяется съ южною Кіевскою Россіею. И такъ Варягами-Русью не было принесено это, искони принадлежавшее землѣ Русской, имя, которымъ назывались и они въ отличіе отъ другихъ племенъ Варяжскихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ ихъ пришествія это имя входитъ въ общее употребленіе и, какъ родовое, мало по малу вытѣсняетъ частныя племенныя названія. Причина тому заключается собственно не въ пришествіи Варяговъ, но въ томъ, что съ ихъ пришествія земля начинаетъ соединяться въ одно цѣлое и потому принимаетъ свое исконное общее названіе. До пришествія Варяговъ въ землѣ Русской, раздробленной на отдѣльныя области и общины, и не могло быть въ употребленіи это общее имя, но оно было извѣстно и употреблялось иностранцами, съ которыми Русскіе входили въ сношеніе не какъ члены какого-либо племени, но какъ представители всѣхъ племенъ, всей земли Русской (*). Такое значеніе сего названія могло породить противоположныя мнѣнія при рѣшеніи вопроса: когда Русская земля начала называться Русскою? Этотъ вопросъ страненъ самъ по себѣ (**); но его происхожденіе объяснить легко, если предположимъ, что слово Русь, какъ общее имя страны, искони существовало, но только съ пришествія Варяговъ вошло въ исключительное употребленіе. Несторъ съ одной стороны прямо говоритъ, что Русская земля отъ Варяговъ прозвалась Русью; съ другой

(*) Эверсъ. Крит. изслѣд. 201 и примѣч.

(**) Ю. И. Венелинъ. Скандинавом. стр. 72 и 56.

различныя его же повѣствованія, гдѣ упоминается имя Русь, приводятъ къ совершенно другому заключенію. Такого рода противорѣчіе въ первомъ лѣтописателѣ, противорѣчіе его личнаго мнѣнія съ фактами, имъ же предлагаемыми, произвело два противоположныхъ мнѣнія въ его продолжателяхъ. Мы указали уже на одно мѣсто, обличающее присутствіе этихъ мнѣній въ нашихъ лѣтописателяхъ. Приведемъ, для примѣра, еще разнословіе, встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ: *послаша за море къ Варягомъ къ Руси*, сказано въ нѣкоторыхъ спискахъ о призваніи; въ другихъ же: *къ Варягомъ изъ Руси* и пріидоша *на Русь* (*). Подобнаго рода систематическое исправленіе текста не можетъ быть принято за простую ошибку, какъ это дѣлаетъ Шлецеръ, но прямо указываетъ на особое мнѣніе.

Къ такимъ заключеніямъ приводятъ показанія лѣтописи, и Шлецеръ принимаетъ одно изъ предположеній только на основаніи прежде положенной гипотезы, для доказательства которой онъ выбираетъ одни мѣста лѣтописи и исправляетъ другія.

2. Во всѣхъ государствахъ Европы, начавшихся завоеваніемъ, развился феодализмъ; на основаніи аналогіи это явленіе должно было повториться и въ Россіи.

Лѣтопись говоритъ: «Рюрикъ по смерти братьевъ *раздая волости мужемъ своимъ* (**); такъ объясняетъ Шлецеръ это мѣсто: «Норманны, подобно

(*) Шлец. Несторъ. I. глав. XIX.

(**) Полн Собран. лѣт. 1. 9. Шлец. I. 1. 8.

всѣмъ древнимъ Германцамъ, не могли терпѣть самовластительства; Рюрикъ могъ думать, что его снесутъ слабые жители, къ которымъ онъ пришелъ, но не его соратники, которыхъ для собственной же своей безопасности онъ долженъ былъ привлекать къ себѣ. Они не захотѣли бы быть простыми, ему подчиненными предводителями; потому и роздалъ имъ области и города. Это очень ясно показываетъ введеніе помѣстнаго правленія; слѣд. оно и здѣсь введено при такихъ же обстоятельствахъ и при такой же необходимости, *какъ и во всей прочей Европѣ со времени переселенія народовъ* (*). Введеніемъ *феодальнаго правленія* Рюрикъ еще болѣе укрѣпилъ свою власть» (**). Далѣе Шлецеръ говоритъ: «симъ своимъ вассаламъ повелѣлъ заложить укрѣпленія». Это находимъ только въ Радзивиловскомъ и Ипатьевскомъ спискѣ. Но слова «вассаламъ», замѣчаетъ Эверсъ, нѣтъ въ подлинникѣ, тамъ употреблены наименованія мужи и люди, и прибавляетъ далѣе: «не потому ли Шлецеръ эти названія переводитъ такъ, что вассалы часто въ средніе вѣка въ варварской Латинѣ назывались homines. Шлецеръ продолжаетъ свои историческія предположенія за предѣлы даннаго основанія. Ни одна лѣтопись не говоритъ, чтобы Князь своимъ мужамъ отдалъ ввѣренныя мѣста въ пожизненное и даже наслѣдственное владѣніе, съ особыми правами; потому въ этомъ случаѣ невозможно и думать о ленахъ» (***). Безспорно, въ лѣтописи нѣтъ ни одного указанія, изъ кото-

(*) II. 1. 7. (**) I. XXII. 357.

(***) Предв. крит. изслѣд. I. VIII. 79—83.

раго можно бы заключать было о значеніи сихъ областей и городовъ, розданныхъ Княземъ мужамъ своимъ. Чтобы сказать, было-ли въ этомъ нѣчто похожее или ровное феодальному устройству, или что-либо особое, необходимо было сообразить съ послѣдующими явленіями того же рода. Но Шлецеръ не имѣетъ въ виду послѣдующихъ фактовъ и только предшествующая всѣмъ его изысканіямъ гипотеза принуждаетъ его къ положительному заключенію.

3. Общимъ слѣдствіемъ въ земляхъ завоеванныхъ было вторженіе новыхъ началъ, внесенныхъ племенемъ-завоевателемъ въ общественную жизнь туземцевъ. Это вторженіе замѣчается въ языкѣ, въ самой жизни и въ законахъ. Такъ было вездѣ, такъ было и въ Россіи, по предположенію Шлецера.

Галлія назвалась Франціею, говоритъ Шлецеръ, отъ своихъ побѣдителей, однако побѣжденные удержали свой языкъ, который только что смѣшался съ языкомъ побѣдителей. Такъ и Россія назвалась отъ своихъ побѣдителей (*). Дальнѣйшій выводъ, котораго однако же не дѣлаетъ Шлецеръ, долженъ быть слѣдующій: «языкъ побѣжденныхъ Славянъ смѣшался съ языкомъ побѣдителей Нѣмцовъ». Однако же, не смотря на то, что онъ прямо не выговариваетъ такого вывода, онъ писалъ Русскую граматику, гдѣ, послѣдовательно съ этою мыслію, всѣ корни Русскихъ словъ выводитъ изъ языковъ Германскихъ (**),—граматику, противъ которой такъ

(*) I. 343.

(**) Schlözers Leben Abſchnitt IX. 167–69. Такъ онъ самъ описываетъ свое предпріятіе, говоря Тауберту о недостаткахъ

сильно вооружался Ломоносовъ (*). Но большее знакомство съ Русскимъ языкомъ принудило Шлецера отказаться отъ своего мнѣнія; потому, хотя онъ и говоритъ, что языкъ Варяговъ остался въ преимущественномъ употребленіи въ Новѣгородѣ; однако же прибавляетъ далѣе: «надо полагать, что Руссовъ, т. е. Шведскихъ Норманновъ *было очень не много* по соразмѣрности съ туземцами, что изъ смѣшенія обоихъ языковъ, различныхъ между собою, не произошло никакого новаго нарѣчія» (**); хотя прежде онъ и говорилъ, что ихъ было такъ много, что они могли *завоевать* многочисленныхъ туземцевъ. Послѣднее мнѣніе Шлецера о языкѣ представляется не послѣдовательнымъ съ первымъ предположеніемъ; въ этомъ случаѣ фактъ собственною своею силою отстоялъ себя отъ насилія гипотезы.

Далѣе въ лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: съ пришествія Варяговъ, *отъ тѣхъ прозвася Русская земля, Новгородци: ти*

граматики Ломоносова. Тауберть сказалъ ему: Schreiben ſie ſelbſt eine rußiſche Grammatik, die Academie ſoll ſie drucken laſſen. Ich nehme den Auftrag an. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы сравнить Русскій языкъ mit ſeinen vielen verwandten Dialekten. Ich handelte die Verwandtſchaft des rußiſchen mit dem deutſchen, lateiniſchen und griechiſchen u. ſ. w.

(*) Ломоносовъ приводитъ слѣдующій примѣръ производства словъ изъ этой граматики: бояринъ отъ барана, дурака; дѣва отъ dieb, tief и tiffe, сука; Князь отъ knecht и т. п. «Изъ сего заключить должно, какихъ глупыхъ пакостей не наколобродитъ въ Рос. древностяхъ такая въ нихъ допущенная скотина!» восклицаетъ вспыльчивый Ломоносовъ. Очерки Россіи В. Пассека. Кн. II. 1840 стр. 46.—(**) I. 343.

суть людіе Новогородци отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словени (*). Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: *и до днешняго дни отъ рода Варяжска* (**); въ другихъ (***) это объясняется такъ: *иже суть Новгородскіе люди и до днешняго дни, преже бо нарицахуся Словене, и нынѣ Русь отъ тѣхъ Варяговъ прозвашася.* И такъ изъ указанія древнѣйшихъ списковъ можно заключать, что Новгородцы потомки пришлыхъ Варяговъ; позднѣйшіе, напротивъ, говорятъ только, что отъ нихъ они назвались Руссами, вмѣсто прежняго своего имени Славяне. Возникаетъ вопросъ, какое принять мнѣніе? Шлецеръ, не построивая вопроса и не замѣчая разнорѣчія, отвѣчаетъ утвердительно: « Варяги долгое время составляли бо́льшую часть жителей Новгородскихъ, почему и языкъ ихъ (древне-Шведскій) остался здѣсь въ преимущественномъ употребленіи. Сильная привязанность Новогородцевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе средняго вѣка часто выказывается сверхъ мѣры, заставляетъ также заключать, что они Варяжскаго происхожденія (****).» Вслѣдствіе сего основныхъ началъ Новогородскаго устройства искали между Германскими народами и преимущественно въ устройствѣ городовъ Ганзеатическихъ (*****). Но подобныя попытки не могли удаться. Уже Карамзинъ говоритъ: « не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ, но въ первобытномъ составѣ всѣхъ державъ народ-

---

(*) Лавр. 12. (**) Арханг. Полет. 1 и 2. Шлец. Нест. I. XXI. (***) Никон. и Алат. Шлец. Ibid.

(****) Шлец. Нест. I. XX. стр 342—3.

(*****) Напр. Müllers Saml. 12. Geſch. V. 565—6.

ныхъ, надлежитъ искать образцовъ Новогородской политической системы (*)»; и еще болѣе можно прибавить, въ устройствѣ древнихъ Русскихъ и Славянскихъ городовъ.

Если въ устройствѣ Новагорода видны слѣды Германскаго вліянія, то, безъ сомнѣнія, подобные слѣды должны быть видимы и въ ихъ законахъ. Одно предположеніе необходимо условливаетъ другое. Шлецеръ считалъ Русскую Правду законами, Ярославомъ данными Новугороду, какъ думали многіе (**); потому и долженъ былъ предположить въ ней не только сходство, но даже заимствованіе нѣкоторыхъ постановленій изъ законовъ Скандинавскихъ. Но онъ самъ не сдѣлалъ никакихъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ и потому свое предположеніе считаетъ доказаннымъ рѣчью Струве. «Коллежскій Совѣтникъ Струве», говоритъ онъ, «доказалъ сходство Русской Правды съ древнѣйшими Шведскими и Датскими законами» (***). Мнѣніе Струве уже достаточно опровергнуто Эверсомъ (****). Онъ говоритъ: «Ютскіе законы введены уже въ 1240 году, 223-мя годами спустя послѣ Русской Правды и потому не могли служить ей основаніемъ. При ихъ сочиненіи употреблено было Шонское уложеніе, изданное Ерикомъ (ум. 1103.), которое моложе 100 годами Правды.» Сходство Правды съ Германскими законами среднихъ вѣковъ никакъ не можетъ быть объяснено заимствованіемъ, которое предполагаетъ Шлецеръ на основаніи своего перваго предположенія.

(*) VI. 124. (**) О Русс. Правд. А. Попова. Введен.
(***) Несторъ. I. 324 (****) Критич. изслѣд. стр. 91 и 2.

Въ такомъ видѣ и такъ послѣдовательно развивается первоначальная гипотеза Шлецера, заключающаяся въ томъ, чтобы объяснить лѣтописныя данныя и создать науку Русской исторіи по образцу исторій народовъ западной Европы. Существенными положеніями, которыя ему слѣдовало утвердить и оградить всѣми доводами исторической критики, ибо на нихъ зиждилось зданіе науки, были слѣдующія: доказать разнородность въ отношеніи къ Славянамъ, не Славянское происхожденіе пришлаго племени Варяго-Руссовъ и то, что они завоевали туземцевъ. Въ такомъ видѣ строгость науки требовала построить первое положеніе, но мы видѣли, что Шлецеръ иногда жертвовалъ ею вслѣдствіе своего практическаго характера, часто увлекавшагося временными движеніями ученыхъ вопросовъ. Потому это положеніе у него превратилось изъ общаго въ частное, и онъ хотѣлъ доказать не только разнородное въ отношеніи къ Славянамъ происхожденіе Варяговъ-Руси, но непремѣнно Германское, и еще частнѣе, защищая своихъ предшественниковъ, Шведское. Вслѣдствіе такого предположенія утвердилось одно изъ началъ, имъ положенныхъ въ основу науки Русской исторіи: она также условливалась, какъ и всѣ другія, взаимнымъ совмѣщеніемъ и воздѣйствіемъ двухъ разнородныхъ началъ. Но это предположеніе еще не имѣло достаточной силы, чтобы утвердить постоянную аналогію Русской исторіи съ исторіями племенъ Германскихъ. Она могла развиваться иначе, если соотношеніе разнородныхъ племенъ было иное, нежели въ другихъ государствахъ. Чтобы весь ходъ Исторіи совершался по однимъ и тѣмъ же зако-

намъ и въ томъ же видѣ, необходимо было доказать не только разнородность составныхъ частей, но и то же самое соотношеніе между ними, какое существовало между разнородными стихіями, вошедшими въ составъ жизни Европейскихъ народовъ. Это соотношеніе вездѣ выражалось *завоеваніемъ*; для того, чтобы построить по принятому образцу науку Русской исторіи, Шлецеру слѣдовало и предположить и доказать у насъ завоеваніе. И онъ доказываетъ это; но нигдѣ разноголосица между гипотезою и разсказомъ лѣтописи не была такъ сильна, какъ въ этомъ случаѣ. Гипотеза принуждаетъ Русскую исторію начаться завоеваніемъ, лѣтопись разсказываетъ о мирномъ призваніи. Противорѣчіе разительное: имъ могъ пожертвовать Шлецеръ въ пользу гипотезы, но не могъ его не замѣтить. Вслѣдствіе сего въ немъ самомъ образовалось противорѣчіе и высказалось въ то время, когда трудъ его уже былъ доведенъ до половины. Шлецеръ началъ издавать своего Нестора для Нѣмцевъ, не думая, какъ самъ говоритъ, чтобы онъ проникъ и имѣлъ какое-нибудь дѣйствіе въ Россіи (*). Изданіе уже было доведено до княженія Олега, какъ онъ получилъ извѣстіе о переводѣ и томъ лестномъ пріемѣ, который заслужилъ его трудъ у насъ. «Только съ этихъ поръ я начинаю писать и для Русскихъ», замѣчаетъ Шлецеръ; и далѣе, въ новомъ введеніи, говоря объ основаніи государства, перечисляетъ шесть племенъ: «которымъ принадлежитъ славное названіе *свободныхъ основателей Русскаго государства* (**).» Въ этихъ

(*) Нест. Шлец. II. 167. — (**) Ibid. II. 166.

словахъ уже высказывается мнѣніе, противоположное первому. Наконецъ въ другомъ мѣстѣ Шлецеръ говоритъ прямо: «бо́льшая часть великихъ державъ въ свѣтѣ составилась завоеваніемъ или невольно, а немногіе, какъ на прим. Римъ, случайнымъ стеченіемъ. Но Русская держава возникла *совсѣмъ иначе:* пять народовъ или, лучше сказать, народцевъ, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ земли и различающихся одинъ отъ другаго даже языкомъ, каждый *добровольно*, правда, понуждаясь необходимостію и опасностію, однакожъ не какимъ-нибудь Немвродомъ, вступаютъ между собою въ союзъ и по *взаимному согласію избираютъ* себѣ начальниковъ изъ шестаго народа (*).» Если Русское государство основано не такъ, какъ были основаны другія государства Европы, не завоеваніемъ, но добровольнымъ призваніемъ, то самъ собою уже возникаетъ вопросъ: могутъ-ли быть приложены къ Русской исторіи основныя начала Шлецеровой критики, начала заимствованія и аналогіи съ племенами Германскими? Если Русская исторія началась иначе, нежели всѣ другія, то по какому же праву можно ихъ сравнивать между собою и одну объяснять другими? Безъ всякаго сомнѣнія, на эти вопросы долженъ бы Шлецеръ отвѣчать отрицательно, если бы въ замѣну одной части имъ уже самимъ разрушенной гипотезы не оставалась другая; во всякомъ случаѣ, въ составъ Русской жизни вошли разнородные элементы и одинъ изъ нихъ былъ элементъ Германскій. Это послѣднее предположеніе давало возможность продолжаться далѣе

(*) Несторъ Шлец. II. 166.

Шлецерову труду на основаніи тѣхъ же, хотя и ослабленныхъ, началъ критики. Но между тѣмъ паденіе основной мысли не могло не имѣть вліянія на общій характеръ его труда. И точно съ этого времени, т. е. начиная съ княженія Олега, или съ тѣхъ поръ, какъ говоритъ Шлецеръ, когда онъ началъ писать и для Русскихъ, совершенно измѣнился видъ его изслѣдованій. Для того, чтобы опредѣлить отношеніе послѣднихъ томовъ его Нестора къ первымъ, первоначальнаго характера его воззрѣнія на Русскую исторію къ послѣдующему, соберемъ въ одно цѣлое все, что до сихъ поръ было нами сказано о первой половинѣ Шлецерова труда.

VII.

«Замѣчательнѣе всего», говоритъ Венелинъ, «что ни одинъ изъ Европейскихъ, не-Славянскихъ народовъ не задавалъ себѣ вопроса о происхожденіи своего племени» (*). Ни одинъ народъ, у котораго правильно, изъ своеземной жизни развилась наука, и не могъ задать себѣ такого вопроса. Но дѣло шло о племени пришломъ, о которомъ существовали разнорѣчія въ сказаніяхъ лѣтописи. Не станемъ предполагать, чтобы только незнаніе языка первыми нашими профессорами Русской исторіи, которые не могли читать источниковъ и

(*) Скандинав. Москов. Наблюд. Окт. 1836 г. кн. 2. 411.

потому остановились на первыхъ строкахъ времянника, заставило такой вопросъ сдѣлаться основнымъ въ то время въ наукѣ Русской исторіи. Безъ сомнѣнія, этотъ вопросъ если не случайный, то во всякомъ случаѣ второстепенный (*) въ области науки; но въ историческомъ отношеніи онъ имѣетъ свою цѣну и значеніе. Направленіе жизни и науки того времени условливало его происхожденіе и исключительное господство на счетъ всѣхъ другихъ, болѣе важныхъ и существенныхъ вопросовъ нашей исторіи.

Переворотъ, произведенный Петромъ Великимъ, вывелъ Россію изъ того исключительнаго круга, въ которомъ вращалась ея жизнь до его времени. Оторвавшись отъ вѣковыхъ преданій, поставивъ внѣ себя свою же исторію, освободивъ свое сознаніе отъ всякаго содержанія, доставшагося ей въ наслѣдіе отъ прошедшаго, нужно было чѣмъ-нибудь наполнить его настоящую пустоту. И жаждущему взгляду вдругъ открылась и Европейская жизнь со всѣми ея удобствами и Европейская наука, вѣками опыта возведенная на высокую степень образованія. Не испытавъ уроковъ жизни, не трудясь долго и неутомимо для выводовъ науки, мы вдругъ хотѣли воспользоваться плодами долгой и трудной Европейской жизни. Возникло новое образованіе, основанное на простомъ подражаніи; съ безпримѣрною быстротою мы усвоили всѣ пріемы и образы Европейскаго просвѣщенія; съ безпримѣрною ловкостію поняли его значеніе и силу. Та

(*) Г. Максимовичъ, Москвит. 1845 г. Письмо къ редактору о Словѣ о полку Игоревѣ.

часть Русскихъ, которую увлекло за собою новое направленіе, ушла далеко впередъ, или, лучше сказать, только ушла далеко и отъ своей прошлой исторіи и отъ той части Русскихъ, которая не такъ легко мѣняетъ убѣжденія и живетъ неразлучно съ прошедшимъ, не смотря на то, что принадлежитъ столько же ему, сколько настоящему и будущему, — отъ народа. Ученая дѣятельность, возникшая въ новой Россіи, тѣсно связалась съ историческимъ ходомъ Европейской науки, и потому отошла въ сторону отъ народной жизни. Какимъ же образомъ она могла дѣйствовать на Русскую исторію? Она должна была ввести ее въ тотъ кругъ, къ которому сама принадлежала, должна была подчиниться общему ходу историческихъ наукъ въ Европѣ, выработать при свѣтѣ тамъ существовавшихъ правилъ и законовъ, отыскать въ ней тѣ же начала и тотъ же ходъ развитія. Такое направленіе главнѣйшимъ, средоточнымъ образомъ выразилось въ трудахъ Шлецера. Для того, чтобы Русская исторія вошла въ общій кругъ съ исторіями Европейскихъ народовъ, необходимо было доказать ея сродство съ ними. Предположеніемъ, что пришельцы Варяги были Германскаго происхожденія, это сродство доказывалось непреложно. Если отношеніе племени пришлаго къ туземцамъ было то же самое, какъ и въ другихъ странахъ, то, безъ сомнѣнія, и ходъ историческій въ Россіи, условленный симъ отношеніемъ, долженъ быть сходенъ съ историческимъ ходомъ народовъ Германскихъ. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ появленія науки Русской исторіи, независимо отъ фактовъ, рядомъ съ ними образовались два предположенія, которыя нужно было

согласить съ фактами, съ разсказомъ лѣтописей. При самомъ началѣ наука Русской исторіи рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ; нигдѣ не было такого разрыва и противорѣчія между наукою исторіи, ученымъ сознаніемъ народной жизни и самою народною жизнію прошлою, въ преданіяхъ сохраняемою, и настоящею жизнію народа, хранящаго преданіе. Вездѣ изъ глубины самой народной жизни, полной хотя и безсознательнаго, но живаго содержанія, возникало сознаніе и создавалась наука. Наука же Русской исторіи своимъ происхожденіемъ обязана чуждому вліянію и при самомъ рожденіи получила въ даръ принесенныя изъ чужа и готовыя начала и готовые законы историческаго развитія, которые оставалось только приложить къ роднымъ преданіямъ, къ разсказамъ своихъ лѣтописей.

Какія же изъ того произошли послѣдствія?

Исторія каждаго народа имѣетъ свои темныя времена, которыя могутъ быть объяснены только временами послѣдующими и общимъ характеромъ народа; свѣтлыя времена нашей исторіи были темны для нашихъ первыхъ ученыхъ, большею частію иностранцевъ, не понимавшихъ языка лѣтописей. Внутренній характеръ народа, съ которымъ они не могли имѣть никакого сочувствія, былъ для нихъ еще темнѣе. Потому насъ поражаетъ невольно неестественное явленіе: древнія времена Россіи отдѣляются отъ всей исторіи и составляютъ отдѣльное цѣлое. Всѣ требованія, всѣ задачи, которыя Шлецеръ задавалъ всей Русской исторіи, относились только, какъ мы видѣли выше, къ его личному предпріятію — обработать древнюю Русскую

исторію. Эта исторія сомкнулась въ отдѣльную область, независимую, не повѣряемую и не объясняемую остальною исторіею того же народа, но напротивъ исторіями другихъ, чуждыхъ ему племенъ. Область темная сама по себѣ, и еще болѣе затемненная личными мнѣніями, набросанными въ нее безъ всякаго порядка, даже въ самыхъ лѣтописяхъ. Шлецеръ хотѣлъ создать новый міръ изъ этого хаоса. Но въ немъ заключались два элемента: самой жизни Русскаго народа и личныхъ мнѣній. Первый элементъ не могъ составить отдѣльнаго цѣлаго; его смыслъ и объясненіе заключались въ общемъ зданіи Русской исторіи, отброшенной въ сторону новымъ направленіемъ. И такъ Шлецеръ могъ только разсѣять хаосъ мнѣній, очистить ихъ отъ всякой случайности, и умозрительно, по общимъ началамъ критики, построить въ одно цѣлое и назвать его именемъ науки Русской исторіи. Такимъ образомъ, въ смыслѣ Шлецера, наука Русской исторіи не вытекала изъ фактовъ, но независимо отъ нихъ создавалась умозрительно изъ частныхъ мнѣній, очищенныхъ силою ученой критики. Любопытны въ этомъ отношеніи собственныя слова Шлецера въ его автобіографіи: таковъ былъ планъ его труда надъ Русской исторіею: das Erſte: Gedanken über die Art die alte ruſſiſche Geſchichte zu behandeln. Hauptthema: ſie könne noch nicht ſtudirt, ſondern müſſe erſt erſchaffen werden (*). И въ 20 лѣтъ обѣщаетъ созданіе этой исторіи. Слѣдствіемъ такого направленія было то, что вся внутренняя сторона исторіи построилась отвлеченно и независимо отъ фак-

(*) Schlözers Leben. Ab. X. (67) ст. 206.

товъ, на основаніи общихъ началъ критики. Потому всякая мысль историческая превратилась въ гипотезу, которая не вытекала изъ фактовъ историческихъ, но должна была къ нимъ прилагаться. Наука Русской исторіи сдѣлалась рядомъ такихъ гипотезъ, послѣдовательно вытекавшихъ одна изъ другой. Вся обработка фактовъ состояла въ томъ, чтобы пригнать ихъ подъ общую мѣрку гипотезы. Самый способъ пониманія лѣтописи и ея объясненія совершался подъ симъ условіемъ: что противорѣчитъ гипотезѣ, то ложно въ лѣтописцѣ, не принадлежитъ ему, но писцу, и *вставлено безтолковыми переписчиками*. Таковы общія правила Шлецеровой критики. Первая половина его Нестора въ отношеніи къ наукѣ Русской исторіи представляетъ: рядъ послѣдовательно развивающихся гипотезъ, и въ отношеніи къ обработкѣ фактовъ для зданія науки: очищеніе сказаній лѣтописи подъ условіемъ гипотезы. Но весь рядъ гипотезъ, составлявшихъ содержаніе древней Русской исторіи, условливался первоначальною гипотезою о завоеваніи; потому въ слѣдъ за ея разрушеніемъ, разрушился самъ собою. Обломками основнаго предположенія оставались еще два: о дикости туземныхъ племенъ и о Германскомъ происхожденіи пришельцевъ. Но если взаимное соотношеніе сихъ элементовъ Русской жизни было иное, нежели въ племенахъ Германскихъ, то и самый ходъ историческаго развитія, имъ обусловливаемый, долженъ былъ измѣниться. Прерванный рядъ Шлецеровыхъ гипотезъ уже не могъ изъ тѣхъ же началъ возникнуть снова; могла продолжаться только критика источниковъ, очищеніе внѣшней стороны источниковъ; внутренняя

же сторона исторіи, ея смыслъ и содержаніе оставались необъясненными. Чтобы понять и то и другое, требовались новыя начала. Это требованіе выразилъ Шлецеръ, но не выразилъ самыхъ началъ и не могъ выразить; иначе разрушилъ бы до основанія все зданіе, имъ же построенное. Говоря и утверждая въ началѣ, что все развитіе внутренней жизни, все просвѣщеніе земли Русской условливалось Германскими пришельцами, онъ въ предисловіи ко второй половинѣ своего труда уже прибавляетъ: «не смотря однако же на это, люди сіи, все еще отдѣленные отъ просвѣщенныхъ народовъ, могли долго оставаться въ глубокомъ невѣжествѣ; ибо просвѣщеніе, занесенное въ сіи пустыни Норманнами, было *не лучше того*, какое лѣтъ 120 тому назадъ Европейскіе казаки принесли къ Камчадаламъ. Но тутъ Олегъ перешелъ въ Кіевъ и подвинулся къ пріятному югу. Тутъ сильныя побужденія къ просвѣщенію возникли отъ Царьграда; сильнѣйшимъ же было введеніе Хрістіянской вѣры» (*). И такъ Шлецеръ чувствовалъ, что обломки первой, имъ же самимъ разрушенной гипотезы, не могли лечь въ основу науки Русской исторіи; что на ихъ основаніи нельзя ни понять внутреннихъ началъ Русской жизни, ни провести ихъ послѣдовательнаго развитія по всѣмъ даннымъ сказаніямъ лѣтописи. Принявши первоначально за основное начало историческаго развитія и просвѣщенія Россіи вліяніе Германскаго племени, онъ вдругъ отказывается отъ своей мысли, и все просвѣщеніе, всѣ историческія преданія древней Руси соединяетъ съ Византіею.

(*) Нест. II. стр. 180 и 81.

Необходимымъ выводомъ изъ сего новаго положенія могъ быть слѣдующій: до введенія Хрістіянства и вмѣстѣ съ тѣмъ до начала Византійскаго вліянія жизнь Русскаго народа не заключаетъ въ себѣ данныхъ, на которыя могла бы опереться наука; она вся выходитъ изъ ея области и представляетъ одно введеніе въ исторію, какъ представляли прежде, съ точки зрѣнія первоначальной Шлецеровой гипотезы, разсказы лѣтописи о происшествіяхъ до пришествія Варяговъ. Но этотъ выводъ разрушилъ бы еще одну часть гипотезы: значеніе пришлаго племени и стало быть вопросъ о его происхожденіи потерялъ бы всю историческую важность. Можетъ быть, логически послѣдовательный Шлецеръ и пришелъ бы къ такому заключенію; но смерть прервала его трудъ и онъ остановился, не достигнувъ конца перваго періода Русской исторіи, введенія Хрістіянства.

Такимъ образомъ, вторая половина Шлецерова Нестора уже не представляетъ новыхъ выводовъ изъ прежнихъ гипотезъ; она состоитъ только изъ критической оцѣнки лѣтописныхъ сказаній. Шлецеръ, по прежнему, возстановляетъ текстъ лѣтописи, оцѣниваетъ достовѣрность преданій, очищаетъ внѣшнюю сторону исторіи, факты, не замѣчая въ нихъ и не внося никакой мысли. Вся внутренняя сторона исторіи осталась въ сторонѣ; каждое явленіе, свидѣтельствующее о нѣкоторой степени просвѣщенія народа, ему представляется сомнительнымъ. Такъ онъ, не отрицая прямо подлинности договоровъ съ Греками, вмѣстѣ съ тѣмъ и не принимаетъ, а только сомнѣвается. Этотъ сомнѣвающійся, скептическій характеръ принимаетъ вся критика Шле-

цера. Уже нѣтъ прежняго смѣлаго хода мысли, которая прямо, разрушая сказанія лѣтописи, полагаетъ на ихъ мѣсто выводы изъ гипотезы; уничтожая дѣйствительную Русскую исторію, строитъ воображаемую. Самъ Шлецеръ еще колеблется между утвержденіемъ и отрицаніемъ; но если свести въ общій итогъ всѣ его изслѣдованія и спросить, что-же положительно достовѣрнымъ признаетъ ученая критика въ древней Русской исторіи, то окажется только нѣсколько хронологическихъ данныхъ, извѣстій о войнахъ и набѣгахъ и нѣкоторыя имена; все остальное или прямо сказка, или дѣло сомнительное. Такимъ образомъ скептическое направленіе представляется необходимымъ выводомъ изъ трудовъ самого Шлецера.

Отодвинувъ до введенія Хрістіянства начала внутренняго развитія Русской жизни и тѣмъ разрушивъ весь ходъ исторіи до этого времени, Шлецеръ той же участи обрекалъ и послѣдующій періодъ. Не было причинъ остановиться разъ начавшемуся отрицанію, и если Шлецеръ самъ не пришелъ къ такому заключенію, то къ нему должны были придти его послѣдователи, строго слѣдуя данному направленію. Церковные уставы, Русская Правда, и наконецъ всѣ свидѣтельства лѣтописи въ пользу нѣкоторой степени просвѣщенія, и даже самая лѣтопись, должны были показаться сомнительными. Если время до самаго крещенія Россіи не входитъ въ науку исторіи и объясняется только единственнымъ предположеніемъ о дикости племенъ, въ ней обитавшихъ, послѣднимъ остаткомъ первоначальной Шлецеровой гипотезы; то какъ могло вдругъ, безъ постепенности и приготовленія, начаться просвѣ-

щеніе. Начало Русской исторіи должно было отодвинуть еще далѣе, и весь періодъ до 12-го и даже 13-го вѣка уничтожить для науки. Это и сдѣлалъ Профессоръ М. Т. Каченовскій. Продолжая послѣдовательно отрицательное направленіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ непослѣдовательно полагаетъ предѣлъ, — извѣстный вѣкъ, далѣе котораго оно продолжаться не можетъ.

Происхожденіе отрицательнаго направленія въ наукѣ Русской исторіи зависѣло отъ того, что въ ней хотѣли найти повтореніе одной изъ исторій западныхъ народовъ. Основныя начала, тамъ выразившіяся, явленія жизни дѣйствительной и правила науки, хотѣли найти и приложить къ Русской исторіи. Но этотъ опытъ не удался Шлецеру въ отношеніи къ первымъ вѣкамъ; почему же онъ могъ быть удачнѣе въ отношеніи къ вѣкамъ послѣдующимъ? Если призваніе не похоже на завоеваніе и раздача областей Рюрикомъ своимъ мужамъ на Феодализмъ, то удѣльная система еще менѣе похожа на него, равно и вліяніе Византіи— на власть Папъ, служилое сословіе на аристократію и т. п. Отрицаніе не могло остановиться и должно было выразиться въ одномъ изъ двухъ положеній.

Или основная мысль направленія, стремившагося къ Русской исторіи приложить начала исторической науки, выведенныя изъ изслѣдованій исторіи западныхъ народовъ, вовсе неприложима къ исторіи Русской;

Или она должна была весь періодъ Русской жизни, не похожій на жизнь Европы, уничтожить для науки и сказать, что исторія Россіи начинается

только съ того времени, когда она пришла въ непосредственную связь съ Западомъ.

Послѣднее положеніе, уничтожая исторію народа, должно было уничтожить и возможность самой науки, потому и не могло быть принято ею. Наукѣ извѣстны были и рядъ прошедшихъ событій и рядъ памятниковъ, сохранившихъ воспоминаніе о нихъ, и наконецъ логическая невозможность настоящаго безъ связи съ преданіями прошлаго. Но то, что̀ должно быть извѣстнымъ наукѣ, могло не быть извѣстнымъ личному мнѣнію, и ничто не мѣшало ему высказать мысль, ею отвергнутую. Исторія Россіи начинается только съ эпохи преобразованія. Этотъ послѣдній выводъ скептическаго направленія слышится у насъ; эта мысль однако же не принадлежитъ наукѣ; на ней такъ ярко отпечатаны слѣды невѣжества, что опровергать ее не слѣдуетъ.

Какъ первое положеніе не могло выразиться въ строго-логической полнотѣ, не будучи отвергнуто наукою, такъ и второе не могло развиться до послѣдней крайности, не отринувши совершенно Шлецерова направленія. Самъ Шлецеръ еще колебался между отрицаніемъ факта и признаніемъ гипотезы. Въ слѣдъ за симъ, съ одной стороны началось направленіе, постоянно отрицавшее одинъ за другимъ отдѣльныя явленія и эпохи нашей исторіи; ему противоборствуя, могло съ другой стороны возникнуть движеніе мысли, признавшей гипотезу и отдѣльныя историческія явленія, которыми можно было доказывать гипотезу. Но гипотеза, какъ основное начало науки Русской исторіи, была уже разрушена самимъ Шлецеромъ; оставались отдѣльные ея обломки, изъ которыхъ одинъ:

о дикости племенъ, населявшихъ Россію, достался въ наслѣдство скептическому направленію; другой: о Германскомъ происхожденіи пришлаго племени, взяло на свою долю направленіе, ему противоположное. Наслѣдники Шлецера получили раздробленныя части гипотезы, которыя уже не могли сдѣлаться основаніемъ науки Русской исторіи, но превратились въ личныя мнѣнія. Потому послѣднее движеніе мысли, защищая отдѣльные факты, или развивая личныя предположенія и мнѣнія, не могло образовать стройнаго направленія и создать науку Русской исторіи. Для того нужно было замѣтить новыя начала въ жизни Русскаго народа, съ новой точки зрѣнія обработать факты и, не придавая имъ насильственно смысла, вывесть и обнаружить тотъ, который въ нихъ заключался; между тѣмъ какъ ихъ начала и точка зрѣнія не восходили выше остатковъ Шлецерова взгляда, а обработка фактовъ происходила съ одностороннею цѣлію—только защитить ихъ отъ нападенія скептиковъ. Такимъ образомъ скептицизмъ и отрицаніе, вытекая послѣдовательно изъ началъ науки Русской исторіи, созданной Шлецеромъ, могли образовать и образовали особое направленіе; между тѣмъ какъ ихъ противники, придерживаясь случайно сохранившихся остатковъ Шлецерова взгляда и вооружаясь противъ послѣдовательнаго развитія его направленія, не могли и не составили никакого направленія. Они высказали свои мнѣнія и изслѣдованія въ многочисленныхъ трудахъ, изъ которыхъ многіе занимаютъ важное мѣсто въ области историческихъ изслѣдованій, приготовительной въ отношеніи къ наукѣ; но не высказываютъ ни одного

общаго начала, не строютъ, даже и не предлагаютъ ни одного общаго историческаго вопроса. Многіе изъ нихъ особенно замѣчательны изслѣдованіями объ отдѣльныхъ явленіяхъ Русской исторіи, и этою стороною они уже выходятъ изъ своего круга и входятъ въ область другаго направленія, постоянно существовавшаго рядомъ съ тѣмъ, которое по преимуществу отразилось въ Шлецерѣ, и которое въ отношеніи къ нему можетъ быть названо *положительнымъ*. Въ то время, когда Шлецерово направленіе одно за другимъ разрушало отдѣльныя явленія Русской жизни и наконецъ угрожало разрушеніемъ цѣлой исторіи, оно въ свой чередъ тщательно открывало, хранило и обнародывало все, что могло напомнить новой Россіи о забытой ею ея же прежней исторіи. Это направленіе выражалось въ многочисленныхъ изданіяхъ древнихъ граматъ и документовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ попыткахъ возсоздать цѣлый обликъ Русской исторіи. Довольно упомянуть объ изданіяхъ Новикова, Гр. Румянцова и въ послѣднее время Археографической Коммиссіи и отдѣльныхъ Обществъ, чтобы увидѣть, какъ важно это направленіе. Стоитъ вспомнить, что попытка Щербатова и Татищева повторена Карамзинымъ въ его Исторіи Государства Россійскаго. Этотъ послѣдній трудъ, рядомъ съ собраніями древнихъ документовъ и нѣкоторыми отдѣльными изслѣдованіями, служитъ основнымъ выраженіемъ положительнаго направленія. Не имѣя возможности по самой задачѣ нашего разсужденія говорить подробно объ Исторіи Карамзина, мы не позволимъ себѣ въ немногихъ словахъ произнести судъ произведенію значительному. Скажемъ только,

что онъ прямо противоположенъ отрицательному направленію. (*)

(*) Приведу отрывокъ изъ письма А. И. Тургенева ($^{20}/_{8}$ Октяб. 1844), въ которомъ онъ выписываетъ мѣста изъ писемъ къ нему Н. М. Карамзина, объясняющія взглядъ исторіографа на труды Шлецера. «Взявши изъ моего литературнаго запаса (говоритъ А. И. Тургеневъ) письма Карамзина, въ первомъ попавшемся на глаза читаю слѣдующее: (отъ 1808. 26 Сентября) «очень благодарю васъ за обѣщаніе доставить мнѣ Шлецера»; а 15 Октября 1809 г., вотъ что писалъ мнѣ Карамзинъ изъ Москвы въ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я извѣщалъ его о кончинѣ Шлецера: «истинно сожалѣю о Шлецерѣ не только въ отношеніи къ наукамъ, какъ собственно ко мнѣ, или къ моему труду. Онъ такъ усердно занимался Русскою исторіею. Если получите продолженіе его Нестора, то дайте мнѣ взглянуть на это послѣднее произведеніе знаменитаго критика».—Я послалъ ему листы, по кончинѣ Шлецеровой мною изъ Геттингена полученные, и 3-го Апр. 1810 г. Карамзинъ мнѣ писалъ: «благодарю за Шлецерова Нестора;—старикъ оживился передъ смертію, отвѣчая нашему Буле и браня Эверса; остальное не важно. Напрасно онъ такъ возвышаетъ сказанія Льва Діакона. Кедрины и Зонарины подробнѣе, а въ основаніи тѣ-же. Левъ только означаетъ вездѣ число,—едва-ли не изъ воображенія». Если бы я писалъ комментаріи на ученые труды Шлецеровы, то при всей моей къ нему почтительной привязанности, я бы осмѣлился объяснить, почему Шлецеръ не всегда справедливо оцѣниваетъ Византійскіе источники, изъ коихъ почерпалъ онъ свѣдѣнія о Россіи. Шлецеръ пользовался только однѣми выписками изъ Византійцевъ Штриттера и едва-ли перебиралъ самихъ Византійцевъ, подобно вашему неутомимому Кругу.»—А. И. Тургеневъ (вмѣстѣ съ Кайсаровымъ) былъ ученикомъ Шлецера и находился въ Геттингенѣ въ то время, когда Шлецеръ приступилъ къ изданію Нестора. Въ письмѣ отъ 3-го Апрѣля 1810 г. Н. М. Карамзинъ писалъ къ Тургеневу вообще о Шлецеровомъ Несторѣ: «для кого его трудъ? для семи или осьми любопытныхъ; да и пользы не много. Изъясненіе и переводъ текста

VII.

Такимъ образомъ направленіе Шлецера въ его послѣдователяхъ развилось до возможныхъ для него крайностей, уничтожило само себя и чрезъ то уничтожилось и въ наукѣ Русской исторіи.

Да не подумаетъ кто-либо, чтобы, говоря это, мы хотѣли унизить заслуги Шлецера. Нѣтъ; несмотря на то, что его направленіе не соотвѣтствуетъ наукѣ Русской исторіи въ томъ видѣ, какъ ее слѣдуетъ теперь понимать; не смотря на то, что оно прошло и не можетъ быть возобновлено, оно было важно въ свое время и соотвѣтствовало ему.

Если обратимъ вниманіе на состояніе науки въ Германіи во времена Шлецера, то замѣтимъ, что незадолго передъ нимъ отрицательный характеръ протестантизма, обращенный прежде на жизнь дѣйствительную и отдѣльныя отрасли знанія, вошелъ окончательно въ область науки и образовалъ полное направленіе. Разрушая старое, историческія преданія, онъ мнилъ по однимъ законамъ отвлеченнаго разума создать новое. Если съ этой точки зрѣнія взглянемъ на Шлецера, то увидимъ, что онъ представляетъ типическій характеръ протестанта и раціоналиста, доведенный до крайности, во сколько онъ въ его время могъ быть доведенъ до крайности. Въ это время самъ критицизмъ еще

весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія далѣе Нестора; а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новость для ученыхъ».

заключалъ въ себѣ увлеченіе; отрицаніе и разрушеніе всего стараго не творило никакихъ новыхъ началъ, которыя хотя бы временно могли утолить въ человѣкѣ жажду познанія истины; но все таки увлекало личность человѣка все-сокрушающею силою самого отрицанія. Оно не сознавало еще, что одною своею силой не можетъ привести ни къ какимъ положительнымъ началамъ, ни къ какому вѣрованію, ни къ какому знанію; кругъ его еще не былъ совершенъ, еще не вся жизнь, не вся дѣйствительность настоящаго и прошедшаго была имъ взвѣшена, оцѣнена и отринута. Оно не сознавало себя какъ отрицаніе, но только какъ постоянно отрицающую силу, которая при каждомъ дѣлѣ отрицанія предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что существуютъ еще предметы, на которые можетъ распространиться ея дѣятельность. Такое противорѣчіе постоянно увлекало это направленіе впередъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло возможность временнаго успокоенія ему преданнымъ лицамъ.—Это было время развитія личныхъ мнѣній, личныхъ системъ. Мысль о человѣческой личности, развитая по преимуществу Германскими племенами, (въ противоположность началамъ общимъ, единящимъ и жизнь общественную и разнородныя знанія и вѣрованія отдѣльныхъ лицъ, полученныя католическимъ Римомъ еще отъ Рима древняго и имъ внесенныя въ исторію просвѣщенія новой Европы), въ это время сильно выразилась въ области религіи и знанія. То истинно, во что̀ вѣритъ и что̀ знаетъ человѣкъ; если такое вѣрованіе или знаніе онъ согласуетъ съ дѣйствительною жизнію, то въ этомъ случаѣ достигается высшій идеалъ

общественной жизни. На этомъ началѣ основалась мысль о протестантской нравственности, сильно развившаяся во времена Шлецера. Это высшая религіозная мысль, до которой могъ дойти протестантизмъ и, дойдя, остановился. Съ этого времени вопросъ религіозный покинулъ жизнь дѣйствительную и, какъ предметъ знанія, перешелъ въ область науки. На чемъ остановился протестантизмъ, какъ религія, на томъ не могла остановиться протестантская наука. Но между тѣмъ, какъ отрицательное направленіе въ области наукй сосредоточивалось въ полное отвлеченное отрицаніе, съ нимъ боролись еще въ это время личныя мнѣнія, личныя системы; которыя однакоже, не будучи въ силахъ противоборствовать общему направленію, разрушались прежде, нежели могли построиться въ полное цѣлое. Такую участь испытала и попытка Шлецера построить науку Русской исторіи. Не развившись до послѣднихъ крайностей, она была имъ же самимъ разрушена. Наконецъ личныя мнѣнія уступили общему направленію и разрушились всѣ. Въ области отвлеченной мысли кругъ отрицанія совершился и личность человѣка очутилась въ безсмысленной пустотѣ, лишенная настоящаго содержанія, оторванная отъ прошлаго и фантастически увѣренная въ силу будущаго. Таковъ былъ послѣдній выводъ отрицательнаго направленія, теперь уступающаго мѣсто новому.

Безъ сомнѣнія, отрицательное направленіе вообще, уничтожающее науку исторіи, не должно бы было въ отношеніи Русской исторіи, даже на время удасться Шлецеру, если бы общее направленіе Русскаго просвѣщенія того времени не совпадало съ отрица-

тельнымъ хартактеромъ Европейской науки. Это было время, которое давно уже обвиняютъ въ безусловномъ стремленіи къ подражанію всему чуждому и нашимъ преданіямъ и нашимъ естественнымъ потребностямъ. Съ тѣхъ поръ какъ совершился великій переломъ въ жизни Русскаго народа, возникло направленіе одностороннее, отрицавшее всякое преданіе, всю прошлую исторію, все свое. Можетъ быть, оно и было необходимо для полнаго развитія народнаго сознанія; но оно уже прошло въ своихъ основныхъ началахъ, и только кое-гдѣ мѣлочные обломки запоздалыхъ мнѣній и дѣлъ ещѣ свидѣтельствуютъ, что мы живемъ во время перехода и новая органическая эпоха еще впереди.

ПРОЩАНІЕ СЪ ФРАНЦІЕЮ
и
ЖИВА.

О. Чижова.

Венеція. 1844.

ПРОЩАНІЕ СЪ ФРАНЦІЕЮ
и
ЖЕНЕВА.

«Прощай Франція! еще два три дня и, слава Богу, я болыше не въ твоихъ предѣлахъ.» Вотъ, что было у меня на умѣ и на языкѣ, когда я въ послѣдній день моего пребыванія въ Парижѣ пробѣгалъ по многолюднымъ Парижскимъ улицамъ, въ неумолкаемомъ ихъ шумѣ, окруженный всѣмъ блескомъ и изяществомъ Парижской жизни. Языкъ говорилъ то, что всего громче слышалось внутри меня, и именно слышалось на эту минуту. Но и то правда, что не все внутри меня было противъ роскошной, щегольской, блестящей столицы самаго блестящаго изъ народовъ.

Я съ восторгомъ оставлялъ Парижъ, считалъ дни и часы, когда я снова буду въ моей плѣнительной Италіи; мнѣ было душно, сыро, холодно; небо казалось сѣро, воздухъ пасмуренъ, солнца я почти не видалъ цѣлое лѣто. Я всѣмъ былъ недоволенъ; почему? не могу опредѣлить себѣ. Но тутъ же

мнѣ было грустно и досадно на самого себя. Какъ? Прожившп около трехъ мѣсяцевъ въ Парижѣ и вообще во Франціи, я не могъ унесть съ собою ничего, что̀ связало бы съ нею мое сердце! Умъ мой отдаетъ полную справедливость множеству прекрасныхъ сторонъ Французской общественности; я восхищался на каждомъ шагу тѣмъ понятіемъ о личномъ достоинствѣ общественнаго человѣка, которое здѣсь вошло въ нравы и отсвѣчивается безпрестанно въ самыхъ мелкихъ поступкахъ жизни. Съ восторгомъ, даже больше чѣмъ съ восторгомъ, любовался тѣми успѣхами общества, какіе вошли въ ходъ государственнаго управленія и сдѣлались опорою незыблемости правъ гражданскихъ. Съ благодарностію пользовался всѣми средствами для умственныхъ занятій, которыя здѣсь безданно, безпошлинно и безпросьбенно доставлены каждому: библіотеки, галлереи, чтенія наукъ, больницы, все это открыто, все одинаково доступно какъ иностранцу, такъ и туземцу.

Все прекрасно, все восхищаетъ, особенно когда это видимъ посреди кипучей жизни, въ народѣ, не поступившемъ еще въ архивъ исторіи, а наполняющемъ настоящія ея страницы; все прекрасно, все восхищаетъ, и не знаю почему ни Франція, ни средоточіе ея, Парижъ, къ себѣ не привязываютъ; по крайней мѣрѣ, я долженъ сказать откровенно, меня къ себѣ нисколько не привязали.

«Быть можетъ, огромныя притязанія Французовъ на высшую образованность, на первое мѣсто въ умственномъ, художественномъ, гражданскомъ и политическомъ отношеніи», говорилъ я самъ себѣ, «готовятъ умъ и сердце къ чему-то необыкновен-

ному ; а на дѣлѣ, какъ многое ни прекрасно, встрѣчаешь все, какъ и долженъ встрѣтить, не выходящимъ изъ общаго порядка вещей. Посмотрю, быть можетъ, пройдетъ это ожиданіе и я полюблю Парижъ и Францію.» Но время идетъ и проходитъ, а моя упрямая Русская природа не гнется подъ Французскій складъ, и все что-то грустно, чего-то не достаетъ и не достаетъ сильно. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе хочется скорѣе разстаться съ Парижемъ и Франціею.

Теперь я внѣ ея. Мнѣ не надоѣдаетъ безпрестанный уличный стукъ и неумолкаемый шумъ; не мозолитъ глазъ безчисленное множество вывѣсокъ, отъ которыхъ едва, едва спасены три четыре дворца, да нѣсколько домовъ, когда-то знаменитаго Сентъ-Жерменскаго пригорода. Теперь я въ тишинѣ и спокойствіи могу дать себѣ отчетъ въ моемъ не охотномъ сближеніи, даже, пожалуй, въ моей внутренней разладицѣ съ столицею модъ и обиходнаго вкуса, съ рѣшителемъ задачъ настоящей образованности, съ предстателемъ за людей предъ самими людьми, съ защитникомъ не только ихъ правъ, но и минутныхъ прихотей, съ снисходительнымъ судьею ихъ ежедневныхъ проказъ; наконецъ если хотите, съ самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ общей работѣ умственныхъ и особенно опытныхъ изслѣдованій на всѣхъ поприщахъ человѣческаго знанія.

Не будь я Русскимъ, меня не удивило бы, что я не нашелъ во Франціи ничего, что могло бы сильно привязать къ себѣ. Взаимная нетерпимость никакъ не дпво въ высокообразованной Европѣ. И точно Германецъ не любитъ Франціи по совершенной

противоположности Французской и Нѣмецкой при-
роды. Англичанинъ давнишній закоренѣлый врагъ
Француза. Италіянецъ до сихъ поръ не можетъ
примириться съ настоящею политическою и ум-
ственною незначительностію своего отечества, по-
тому никакъ не въ состояніи признать превосход-
ства за-Альпійской образованности; въ душѣ своей
находитъ Францію, Германію и Англію далеко
ниже своей родины, не можетъ доказать этого
на дѣлѣ и думаетъ доказать тѣмъ, что ихъ не
терпитъ.

Русскій, вообще всякій истинный Славянинъ, отъ
природы рожденъ любящимъ. Сердце Славянина
устроено такъ, что онъ вездѣ найдетъ что̀ полюбить
со всѣми сойдется. Взглянувъ на Славянина и срав-
нивъ его со многими другими, невольно скажешь
«вотъ истинный хрістіянинъ, въ немъ нѣтъ ненави-
сти къ врагамъ своимъ.» И точно, не тронь прямо
за живую струну Славянской народности, не трони
Церкви, самаго вѣрнаго ея оплота, Славянинъ почти
съ одинакимъ радушіемъ, съ искренностію сердца и
съ почетомъ приметъ и пренебрегающаго, гнушаю-
щагося имъ Нѣмца, и подсмѣивающаго надъ нимъ
подъ-часъ Француза, и надменнаго Англичанина
и Турка, отдѣленнаго отъ него неизмѣримымъ
разстояніемъ религіозныхъ вѣрованій. И въ этомъ
онъ будетъ умѣть отдѣлить божественное начало
души отъ того, что̀ испорчено людьми, но чему
не отказано въ искупленіи, и въ томъ, уважая, что
Богъ далъ имъ прекраснаго, здравымъ чутьемъ
Славянской природной смышлености онъ отброситъ
притязанія горделиваго ихъ ума, и отдѣлитъ отъ
истинныхъ успѣховъ общества прихоти условной

образованности, которая, ища лучшаго, унесла много хорошаго въ земномъ счастіи человѣческомъ.

Принадлежа къ самому представительному колѣну, этого, по самой уже своей природѣ истинно хрістіянскаго племени, какъ Русскій, безъ капли примѣсной крови и слѣдовательно какъ прямой Славянинъ, я люблю благородныхъ сыновъ Франціи; но тутъ-то еще дѣлается для меня страннѣе: отъ чего я почти безъ вздоха оставляю ее? Какъ ни думаю, какъ ни присматриваюсь, а все мнѣ кажется, что простой, пока еще неиспорченной природѣ истаго Русскаго, требующей приволья и полноты жизни, особенно внутренней, безпрестанно ищущей согласія между внутренними и внѣшними ея явленіями, никакъ не ужиться съ односторонею, исключительно внѣшнею жизнію Франціи. Такая исключительная внѣшность бросилась мнѣ въ глаза, только что я въѣхалъ въ эту страну; въ Парижѣ она поражала меня на каждомъ шагу.

Я проѣхалъ отъ Марселя до Парижа не прямыми дорогами, а все заѣзжая въ разные города, чѣмъ нибудь привлекавшіе къ себѣ мое любопытство. Былъ я въ Марселѣ, Арлѣ, Нимѣ (Nismes), Эксѣ (Aix), Авиньонѣ, Віеннѣ, Шалонѣ, Оксерѣ,—вездѣ останавливался; послѣ ѣздилъ въ Руанъ, Аміень, Лиль, Валансіенъ, Реймсъ, Суасонъ, Бове; что же? Все это фабрики, кухни, нивы, разведенія шелковичныхъ червей, винные погреба—одного Парижа. Пріѣзжаете на примѣръ въ Нимъ, гдѣ такъ много прекрасно уцѣлѣвшихъ древностей, гдѣ знаменитый четвероугольный домъ (*maison carrée*, подъ этимъ именемъ извѣстенъ древній храмъ, одинъ изъ лучшихъ и болѣе другихъ сохранившихся остатковъ

древней Римской архитектуры), амфитеатръ, ещ
остатки одного древняго храма, и что же? Съ ве
ликимъ трудомъ найдете вы людей, которые бы
могли съ вами порядочно поговорить объ этомъ
Въ Авиньонѣ тотъ же самый главный священникъ
Авиньонской, нѣкогда Папской церкви, которы
говорилъ со мною очень умно и очень основатель
но о спорахъ между духовенствомъ и университе
томъ, сбилъ всѣ вѣка во едино, когда дошло д
древней живописи въ храмѣ, гдѣ онъ ежедневн
служитъ обѣдни, и смѣшивалъ художниковъ д
Рафаелевскихъ временъ съ теперешнимъ живопис
цемъ *Деверіа*. Въ самомъ Ліонѣ, все чѣмъ может
вполнѣ пользоваться, это свѣдѣніями въ шелковой
шалевой, бархатной и парчевой промышленности
во всемъ, что внѣ ея, васъ отсылаютъ въ Парижъ
la première ville du monde, первый городъ в
мірѣ, по выраженію и вѣрованію всѣхъ Францу
зовъ. Не говоря уже объ Италіи, гдѣ почти каж
дый городъ имѣетъ свою самостоятельную исторіи
имѣетъ своихъ представителей въ лѣтописяхъ ве
ликихъ человѣческихъ дѣяній, на которыя онъ вос
питалъ ихъ и для которыхъ онъ же самъ былъ
ихъ поприщемъ, даже въ Германіи, въ больше
части значительныхъ городовъ, можно занятьс
исключительно тѣмъ, въ которомъ находишься. В
Франціи нигдѣ не уйдете отъ Парижа. И пред
Арльскимъ водопроводомъ, и предъ Нимскимъ чет
вероугольнымъ домомъ, и предъ исполинскимъ м
стомъ *pont du Gard*, и предъ остатками средне
вѣковаго величія Папской жизни въ Авиньонѣ,
предъ тихими водами Воклюзскаго ключа, и пред
десятками прекрасныхъ готическихъ соборовъ, везд

вы слышите и чувствуете, что вы на дорогѣ къ Парижу и по этому, разумѣется, вездѣ вы мимоходомъ.

Наконецъ, вотъ и Парижъ. Неумолкаемое движеніе, вѣчный шумъ, все спѣшитъ, всѣ бѣгутъ, всѣ говорятъ наскоро; кажется, все это ужасно какъ занято. Невольно спѣшишь самъ, невольно или бѣгаешь, или принимаешь живое участіе въ вопросахъ каждаго дня и по этому вѣчно утомляешься до того, что вечеромъ съ величайшимъ удовольствіемъ бросаешься въ постель. Во весь день не найдешь минуты подумать тихо и спокойно, не найдешь уголка, чтобы укрыться отъ исключительно внѣшней Парижской жизни. Разумѣется, поселившись жить тамъ постоянно, можетъ быть, это и возможно; но тогда надобно совершенно выйти изъ среды Парижскаго житья.

Зайдете-ли въ кофейню? всѣ читаютъ. Читаютъ въ театрѣ въ продолженіи междудѣйствій, читаютъ на гуляньяхъ, читаютъ на желѣзной дорогѣ, читаютъ въ магазинахъ и лавкахъ; даже есть газеты для чтенія въ тѣхъ *кабинетахъ*, которымъ не дано нигдѣ того права общественности, какимъ они пользуются въ Парижѣ.

Уменъ долженъ быть народъ, когда онъ съ утра до вечера не пропускаетъ ни минуты, чтобы не воспользоваться ею для обогащенія себя свѣдѣніями! И точно, заговорите съ кѣмъ хотите: блестящія замѣтки, политическія сужденія, понятьицы, брызжутъ и играютъ въ разговорѣ, какъ фосфорныя искры подъ весломъ гребца на Неаполитанскомъ заливѣ. Онѣ появляются такъ же быстро, въ такомъ же множествѣ, но такъ же мгновенно и исчезаютъ; весело ими любоваться, но не зажжешь

на нихъ даже и фосфора. Все это легко и поверхностно, какъ нельзя больше, и чего инаго хотѣть отъ чтенія, которое не оставляетъ ни минуты для спокойнаго обдумыванія прочтеннаго и еще менѣе для близкаго принятія чего-либо къ сердцу?

По мнѣ, изъ двухъ крайностей я въ тысячу разъ охотнѣе выбралъ бы недостатокъ чтенія, нежели излишество. Даже право врядъ не лучше ли совсѣмъ не читать, нежели отдавать всего себя печатному. При недостаткѣ чтенія есть свобода мышленію, сохраняется его самостоятельность, и, что̀ всего важнѣе, на мышленіе не возлагается излишнихъ, часто несносимыхъ имъ тяжестей. Правда, съ этимъ не разлучно медленное развитіе, за то развитіе основательное, при которомъ постоянно поддерживается равновѣсіе между умомъ и сердцемъ, укрѣпляется взаимная ихъ дружба и взаимное ихъ уваженіе. Излишество чтенія ненавистно мнѣ уже потому, что оно все относитъ уму, все отдаетъ одному мышленію. Тутъ уже не до сердца; умъ одинъ хочетъ властвовать исключительно, покоряетъ себѣ всѣ области жизни и не даетъ пріюта чувству, даже въ мірѣ безотчетныхъ вѣрованій, источникѣ самыхъ высшихъ наслажденій въ нашей земной жизни, такихъ, безъ которыхъ она сама не больше, какъ скопище ничтожныхъ тревогъ, обитель нами же изобрѣтенныхъ несчастій. Чтеніе можетъ усилить ихъ, вводя часто насъ въ борьбу съ нашимъ положеніемъ; это мы видимъ безпрестанно; дать же противъ нихъ оружіе можетъ только то, что̀ низпослало силу души, твердость духа и покорность волѣ Всевышняго многострадальному Іову. Чтеніе не укрѣпля-

ло ума его, но за то вѣра обильно наполняла сердце. Вотъ путь, какимъ бренное тѣло достигло до овладѣнія исполинскими силами. Пускай въ исключительномъ развитіи ума укажутъ мнѣ такой богатырскій подвигъ, я съ благоговѣніемъ преклоню предъ нимъ колѣно; но до тѣхъ поръ я глубоко уважаю все, что̀ умъ принесъ въ сокровищницу человѣческаго счастія, и при всемъ этомъ не могу не поставить выше его и самое это счастіе, и то, что̀ составляетъ необходимое его условіе.

Да властвуетъ же чтеніе, какъ орудіе развитія ума, и да ниспровергнется владычество того и другаго, какъ исключительныхъ властителей жизни. Право, жизнь не требуетъ такого обилія ума, чтобъ всѣмъ ему пожертвовать; ей надобно его столько, чтобы было мѣсто всему остальному. Подъ часъ это остальное глупо, но безъ него умная жизнь будетъ еще того глупѣе и въ добавокъ несноснѣе.

Такое повсемѣстное бѣглое чтеніе; непрестанный шумъ; повсюду столпленіе народа; вѣчное празднество рядомъ съ вѣчно рабочею жизнію, — празднество для достаточныхъ, тяжкія работы, трудъ безъ отдыха — для бѣднаго; выставочность во всемъ, начиная отъ магазиновъ, гдѣ ничего уже не ищите дальше того, что̀ выставлено, до Палаты Депутатовъ, гдѣ, при самой величайшей безкорыстности мнѣній, глубина чувства, закаленнаго въ любви къ отечеству, рѣже, чѣмъ ясное солнце въ Лондонѣ; изящность, доведенная до высшей степени въ мелочахъ, въ мужскихъ и женскихъ нарядахъ, въ отдѣлкѣ комнатъ и уборкѣ блюдъ, и тутъ же, рядомъ съ нею, безвкусіе въ высокомъ искусствѣ; умѣнье прекрасно говорить ни о чемъ, и не-

умѣнье сжать разговоръ въ предѣлы, требуемы
пространствомъ мысли и дѣла; однимъ словом
всегдашняя и повседневная зрѣлищность дѣлает
изъ Парижа совершенный балъ современной жизн

Смотрите на Парижъ, какъ на балъ, — онъ уд
вителенъ, блестящъ, разнообразенъ, веселъ, и
шенъ. Разумѣется, всѣ эти достоинства съ бальн
ми ихъ условіями, все это внѣшнее. Гдѣ все
болѣе поражала меня такая внѣшность, это въ н
селіи Французовъ, и особенно Француженокъ. П
рижанка готова смѣяться, когда вамъ угодно,
при этомъ никогда улыбка губъ не бываетъ
ладу съ выраженіемъ глазъ: губы смѣются, а гл
за или смотрятъ въ зеркало, или бросаютъ въ ш
оборота взглядъ на мимондущаго. Это смѣхъ зак
ной, улыбка гостинная, бальная веселость, а
смѣхъ отъ души нашей доброй Славянки, не пр
стое раздолье пріятельской Русской бесѣды, и
сердечная улыбка Италіянки.

При такомъ бальномъ составѣ Парижа, онъ
можетъ не нравиться двоякаго рода пріѣзжимъ:
разумѣю здѣсь свободныхъ путешественнико
ѣздящихъ за границу для путешествія, а не я
опредѣленной цѣли. Во первыхъ свѣтскимъ людя
для которыхъ гостинная есть всегдашняя сре
жизни; сюда же отнесите и школьниковъ свѣ
людей съ полнымъ убѣжденіемъ, что, разъ поб
вавъ въ Парижѣ, они уже будутъ имѣть зна
мость въ томъ обществѣ, въ которое до того
имѣли свободнаго входа. Послѣ нихъ тѣмъ, ко
рые не хотятъ итти дальше внѣшности. Я не хо
сказать пустымъ людямъ; нѣтъ, кромѣ ихъ, мно
усталые путешественники, утомленные дѣльц

наконецъ часто люди, уставшіе отъ внутреннихъ бореній. Они хотятъ удалиться отъ всего, что вводитъ ихъ въ жизнь внутреннюю, и для нихъ Парижъ неоцѣненное сокровище. Тутъ можно жить, не замѣчая жизни; можно цѣлое утро проходить по бульварамъ, по магазинамъ, по Palais Royal, иногда зайти въ Палату Депутатовъ, въ уголовный судъ (palais de justice) или, послѣ завтрака, подремать въ Палатѣ Перовъ, потомъ пойти къ любимому ресторатору, особенно если еще есть для этого довольно средствъ, потому что порядочная жизнь въ Парижѣ вовсе не дешева. Послѣ обѣда десятки театровъ, гдѣ также коснутся чувства мимоходомъ, посмѣшатъ, позабавятъ, или заставятъ съ важностію послушать Италіянскую оперу, именно съ ненарушимою важностію, потому что строгіе законы общественнаго приличія не позволяютъ ни увлечься до того, чтобъ рукоплескать при превосходно пропѣтой аріи, ни высказаться негодованію. Не хотите въ театръ, сотни кабинетовъ для чтенія, потомъ балы, собранія: для молодежи— балы общественные, небольшія пріятельскія бесѣды, извѣстныя подъ именемъ дружескихъ сходокъ, дружескихъ обществъ; дружескихъ, — потому, что въ Парижѣ, какъ и вообще въ западной Европѣ, нѣтъ разницы между другомъ и пріятелемъ. Однимъ словомъ, предъ вами тысячи развлеченій, и вотъ день наполненъ до завтраго. Завтра опять тоже, но опять также разнообразно, также незамѣтно, если не особенно пріятно и не весело.

Такъ и живутъ въ Парижѣ свободные заѣзжіе, не замѣчая жизни. Мнѣ такое житье было не по нраву, по этому мнѣ все какъ-то казалось душно

и каждый день я считалъ, сколько времени остается мнѣ до возвращенія въ Италію. Разумѣется, много этому способствовало и мое очень небогатое (чтобъ не сказать больше) состояніе. Хотя я и не былъ принужденъ во всемъ себѣ отказывать, но съ десятью франками въ день и въ добавокъ съ некрѣпкимъ здоровьемъ я чувствовалъ недостатокъ, и тутъ же вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно видѣлъ кругомъ себя людей далеко бѣднѣе меня, людей въ ужасной нищетѣ, которымъ я не имѣлъ средствъ оказать помощи. Невольно при этомъ вспоминалъ я Италію: тамъ я братъ богачу и бѣдняку, потому что роскошная ея природа всѣмъ намъ даетъ общій обильный и дешевый столъ и общее обиліе наслажденій, а искусство, надпись надъ входомъ въ Италію, знаетъ одно различіе – людей съ душею и бездушныхъ.

Чтобъ ѣсть сколько нибудь сносно у ресторатора, въ Парижѣ почти нѣтъ возможности обѣдать меньше трехъ франковъ, разумѣется съ условіемъ полной увѣренности, что вы не кушаете кошки вмѣсто зайца, взбитаго мозга околѣвшей лошади, вмѣсто битыхъ сливокъ. Послѣднее не предположеніе мое: я взялъ это изъ донесенія члена Палаты Перовъ, которому было поручено изслѣдовать подѣлку сливокъ. Но и при трехъ-франковомъ обѣдѣ вы не избавлены отъ того, чтобъ не кушать помоевъ съ тарелокъ, потому что въ Парижскихъ трактирахъ умѣнье сберегать доведено до послѣдней степени совершенства; не безопасны отъ подмѣси сулемы въ хлѣбъ, и металлическихъ солей въ поваренную соль. Вамъ покажется все это преувеличеннымъ, прочтите только *Des falsifications des*

substances alimentaires, et des moyens chimiques de les reconnaitre, par Jules Garnier. Paris 1844, in 8°, и вы увѣритесь въ истинѣ словъ моихъ.

Обѣдаю я за три франка, выхожу изъ трактира, бѣднякъ роется въ сору, чтобъ заработать нѣсколько копѣекъ; хлѣбъ съ водою, вотъ вся его пища. Трехъ-франковый обѣдъ тяготитъ меня при подобной приправѣ. На Югѣ еще больше бѣдныхъ, да менѣе ихъ страданія. Въ Неаполѣ ихъ десятки тысячъ; но лазарони досталъ себѣ полкарлина, наши пять копѣекъ серебромъ, еще и того менѣе, онъ обѣдаетъ почти одно и тоже со мною: виноградъ, персики, фиги, макароны, каштаны, салатъ во всякое время года; все это у насъ съ нимъ общее. Отъ чего это происходитъ? Отвѣтъ простъ: въ Италіи сближеніе людей—дѣло природы, даръ Божій; во Франціи оно твореніе ума человѣческаго; тамъ оно вошло въ составъ человѣческой природы, здѣсь остановилось на одной внѣшности. Не могу глубоко не уважать того, что сдѣлалъ человѣкъ въ пользу своихъ бѣдныхъ собратій; но сердце зоветъ меня туда, гдѣ богатство съ бѣдностію могутъ жить во взаимномъ согласіи, гдѣ само небо, какъ нѣжная мать, братуетъ всѣхъ дѣтей своихъ и талантливаго и безталантнаго, гдѣ искусство тихо, безъ вашего вѣдома, паучаетъ страстно любить природу, гдѣ природа возвышаетъ простое, неразвитое чувство прекраснаго до умѣнья оцѣнивать изящество произведеній искусства, и въ этомъ доставляетъ новую усладу жизни.

Вотъ еще одно нравственное наслажденіе, котораго недостатокъ сильно чувствуется послѣ долгой

жизни въ Италіи; именно наслажденіе, доставляемое жизнію искусства. Во Франціи недостатокъ его ощущаешь болѣе, нежели въ какой либо другой странѣ, развѣ только за исключеніемъ Англіи; но дѣло въ томъ, что въ Англіи нѣтъ и притязанія на чувство прекраснаго, потому и не такъ замѣтно его отсутствіе; между тѣмъ какъ въ Парижѣ тысячи картинъ являются ежегодно на выставкѣ художественныхъ произведеній и, между тысячами, едва, едва забредетъ что-нибудь истинно порядочное, и то развѣ взрощенное на плодотворной почвѣ Италіи. Не могу я при этомъ не вспомнить одного нашего художника Г. . . . . Бывъ въ Парижѣ, однажды я захожу къ нему, говорю съ нимъ о Парижской жизни и о томъ, какъ она мало способствуетъ къ художественному развитію: онъ отвѣчаетъ мнѣ, что «каждому художнику непремѣнно надобно пожить въ этой столицѣ вкуса, потому что тутъ собственно можно найти и истинное соревнованіе и истинную художественную критику.» Не смотря на уваженіе къ таланту нашего истинно талантливаго живописца, или водописца, если уже надобно точно опредѣлить предметъ его кисти, я не могу не быть въ этомъ совершенно противнаго съ нимъ мнѣнія. Мнѣ кажется, что еслибы кто непремѣнно захотѣлъ потерять истинно художническое достоинство, тому надобно только подольше пожить въ Парижѣ. Исторія прошедшаго мой лучшій свидѣтель: въ Парижѣ самъ великій *Пуссень (Николай)* былъ только воспоминаніемъ Римскаго Пуссеня; украшеніе новой Французской школы — *Леопольдъ Роберъ*, воспитался, жилъ и умеръ въ Италіи. Но въ настоящую минуту еще громче исторіи вступается за

меня ходъ современнаго Французскаго искусства. Я не касаюсь имени *Горація Верпета*, весьма высоко вознесеннаго Французскими возгласами, и котораго мы знаемъ болѣе какъ сильнаго наѣздника въ мірѣ искусства, болѣе какъ великаго таланта, нежели какъ высокаго художника; но всѣ прочіе, люди съ большими способностями, каковы: Энгръ, Шеффферъ, Винтергальтеръ, Поль де ла Рошъ, Шнецъ, Цигель и другіе, живутъ памятью прошедшаго, тѣмъ, что они унесли изъ Римской жизни, и день ото дня увядаютъ болѣе и болѣе. Здѣсь я не упоминаю о живописцахъ, которыхъ все достоинство въ минутномъ обаяніи глаза, большею частію, глаза невнимательнаго, въ пораженіи его то искусно прилаженнымъ блескомъ освѣщенія, то яркимъ отраженіемъ, то введеніемъ рѣзкихъ противоположностей и тому подобными болѣе промышленными, нежели художественными средствами. Этому всему, извѣстному у Французскихъ и у нашихъ художниковъ подъ особымъ названіемъ *шикъ* (chic), этому здѣсь полное разгулье; но какъ ни ищите, а не найдете въ Парижѣ жизни истинно художественной. Да и какъ искать ея, когда все, начиная отъ природы до обычаевъ, все рѣшительно противухудожественно. Какъ на примѣръ желать, чтобы писалось тихое, свѣтлое лазоревое небо, когда оно вѣчно закопчено туманомъ городскихъ испареній? чтобъ разливалось подъ кистію широкое, полноводное море на берегу почти безводной, грязной Сены? чтобъ схватывалась изящная наброска платья тамъ, гдѣ нѣтъ иной одежды, кромѣ обтянутаго фрака и сюртука? Какъ подмѣчать красивыя положенія и изящное столкновеніе людей тамъ,

гдѣ вѣчныя толпы сбиваютъ съ ногъ каждаг
кому вздумалось бы остаться покойну посреди вс
общей суматохи? Откуда взять образцы искусств
когда, кромѣ завозныхъ произведеній, разумѣет
отрывочныхъ, не составляющихъ ничего непреры
но цѣлаго, развѣшенныхъ какъ попало по удобст
мѣста, когда, кромѣ ихъ, нѣтъ почти ничего со
ственнаго? Наконецъ, оставя всю эту внѣшность
мѣстности и искусства, здѣсь самый ходъ жиз
въ вѣчной враждѣ съ художественностію. Ка
заставите вы художника углубиться въ сказанія
прошедшемъ, тамъ, гдѣ предъ его глазами, въ е
домашнемъ быту, во всѣхъ его вседневныхъ встр
чахъ, повсюду кипитъ и бьетъ ключемъ жизнь н
стоящая? Она завладѣваетъ его понятіями и, ес
не совершенно захватываетъ всѣ его чувства,
уже непремѣнно вводитъ въ нихъ борьбу меж
любовію къ современнымъ успѣхамъ людей и н
навистію къ ихъ прошедшей, довольно крутой ж
зни, или между отвращеніемъ къ настоящей х
лодной суетѣ и любовію къ прошедшему, нево
вратному пламени чувства.

Противъ этого мнѣ могутъ возразить одно: п
чему же непремѣнно искусство должно искать вс
го въ прошедшемъ? почему оно не хочетъ сдѣла
настоящій бытъ предметомъ своихъ произведеній
Потому, сказалъ бы я, что жизнь доставляетъ
можетъ доставить искусству источникъ въ сам
себѣ только тогда, когда она живетъ съ нимъ р
ка объ руку, то есть, когда оно выходитъ изъ н
самой, и на оборотъ, когда она сама безпрестан
облекается его покровами. Такъ бывало во д
древнихъ Грековъ, которыхъ жизнь была ож

вленнымъ ваяніемъ, ваяніе лѣтописью изящныхъ сторонъ жизни. Такъ бывало у средневѣковыхъ Италіянцевъ, когда повѣствованія о вседневныхъ происшествіяхъ и еще болѣе о всегдашнихъ пламенныхъ чувствахъ, постоянно наполнявшихъ сердце каждаго, живописалось въ воображеніи при самомъ разсказѣ, и слѣд. когда картины были однимъ только видимымъ выраженіемъ того, что само жило въ душѣ народа и вмѣстѣ съ тѣмъ ее оживляло. Исторія не обѣднѣла происшествіями, народы не сдѣлались мертвеннѣе, но и та и другіе пошли путями, не подчиняющимися изобразительнымъ искусствамъ.

Это заставляетъ меня сказать еще нѣсколько словъ, чтобъ быть яснѣе и понятнѣе. Оставя уже скульптуру, какъ искусство далеко отъ насъ ушедшее, отдѣленное отъ насъ великимъ дѣломъ искупленія, самая живопись не можетъ найти въ нашемъ настоящемъ дневникѣ предметовъ истинно достойныхъ всей дѣятельности души художника. Для кисти, кромѣ важности историческаго происшествія, кромѣ поэтическаго объ немъ разсказа, вездѣ нужно личное дѣйствіе человѣка; этого еще мало, дѣйствіе внѣшнее, высказывающееся видимымъ образомъ, то есть дѣло, или чувство. Мысль тоже дѣйствіе, но она не есть уже законный источникъ для предмета картины. Всмотритесь во все, что тысячами накопили для насъ средніе вѣка, самое производительное время въ мірѣ живописи, если и встрѣтится гдѣ нибудь изображеніе мысли, то развѣ на такой ея степени, когда, овладѣвая всѣмъ существомъ человѣка, она пускаетъ въ ходъ и его чувства; въ среднихъ же ея степеняхъ, и

еще того менѣе въ переливахъ и оттѣнкахъ, она недоступна никакому внѣшнему наблюденію, по этому она не можетъ быть доступна и тому искусству, которое все сосредоточивается въ отчетливой передачѣ такихъ наблюденій.

Допустите все это и вотъ вамъ объясненіе, почему лѣтописи новой исторіи пропали для живописи. Въ ней, начиная отъ битвъ на полѣ брани до самой тихой помощи осиротѣвшему семейству, вездѣ частное движеніе уничтожилось, или лучше, вошло въ составъ движенія толпы; тамъ порохъ, здѣсь общественные пріюты отняли все значеніе у личности человѣческой; чувство стало въ ней орудіемъ мысли, а слѣдовательно тоже сосредоточась въ толпахъ и выражаясь въ исполинскихъ ихъ дѣйствіяхъ, въ каждомъ отдѣльно потеряло всю яркость самостоятельности. Остался самый тѣсный кругъ домашняго обиходнаго быта; но когда вся дѣятельная сторона человѣка вошла въ составъ труда общественнаго и въ ней потеряла всю особенность личности, тогда домъ непремѣнно долженъ сдѣлаться простымъ убѣжищемъ для успокоенія отъ трудовъ, никакъ не болѣе. Въ тихомъ, пріятномъ, даже, можетъ быть, далеко болѣе счастливомъ въ сравненіи съ прежнимъ, спокойствіи семейнаго его уголка, черезъ чуръ мало движенія. Само собою оно не можетъ уже вызвать изъ души художника такого произведенія, на которомъ бы вся она сосредоточилась, а развѣ только дастъ пріятный отдыхъ его таланту, утомленному надъ воззваніемъ къ жизни давно умершей старины, и развѣ только доставитъ рядъ тѣхъ небольшихъ картинокъ, которыя мы зовемъ Французскимъ име-

немъ *tableaux de genre*. Даже и тутъ, съ расположенія дня до состава занятій и самой одежды, мысль, въ нашъ умный вѣкъ, сдѣлалась главною распорядительницею, слѣдовательно и тутъ сама собою должна была исчезнуть картинность. Современная намъ жизнь Западной Европы, потому что здѣсь объ ней только и идетъ дѣло, передается въ ежедневныхъ политическихъ листкахъ; мнѣнія,— вотъ ея чувства; исполненія рѣшеній Палатъ—ея дѣйствія; картины ея — сотни тысячъ дневныхъ листковъ и повременныхъ изданій.

Хотите-ли вы доказательствъ на самыхъ подвигахъ искусства? Сравните живописные разсказы исторіи Италіянскихъ городовъ, пожалуй даже картинно изображенную средневѣковую Баварскую исторію въ Мюнхенѣ, съ двумя Французскими галлереями Версальскою и, еще того хуже, Орлеанскою. Въ послѣдней, не смотря на всю значимость именъ, между сотнями огромныхъ картинъ, нѣтъ ни одной, которой можно было бы дать какое нибудь, хотя ничтожное мѣсто въ искусствѣ. Нельзя же всю вину возложить на художниковъ, когда тѣ же самые привлекаютъ полное наше вниманіе изображеніемъ или давно былаго, или предметовъ священныхъ.

Я не виню за все это Парижа и еще менѣе современную намъ исторію. Жизнь выше искусства; искусство тогда на мѣстѣ, когда жизнь сама въ немъ сосредоточивается. Все это такъ; но дѣло въ томъ, что все таки Парижъ очень и очень не пріютная обитель для художника. Римъ, одинъ тихій, отжившій Римъ, въ состояніи ввести душу въ прошедшее; развалины его оживляютъ умершую исторію, самая его безотвѣтность на настоящіе

вопросы жизни, какъ гробовое молчаніе могилы заставляетъ биться сердце сильнѣе обыкновенна и высказываться яркими, живыми воспоминаніям точно также, какъ могила вызываетъ и слезу, память о дѣяніяхъ умершаго, и слова теплой м литвы надъ истлѣвшими его останками

Да проститъ меня Г. . . . . и да прости меня каждый, кто одного съ нимъ мнѣнія; но м кажется, что если художникъ, обаянный успѣхам осмѣлится произнести хулу на художественнос Римской жизни, онъ уже самъ подписываетъ себ приговоръ объ удаленіи съ истинно художестве наго поприща. Парижъ даетъ рукоплесканія т ланту, но признаніе таланта еще не рѣшаетъ су надъ именемъ художника. Римъ умѣетъ оцѣнить талантъ, и степень понятія объ искусствѣ и, стро оцѣнивая, произноситъ приговоръ на жизнь столѣтія.

Все это говорилъ я о ходѣ живописи,—искусств самомъ близкомъ къ нашему времени; что же ск зать о настоящихъ произведеніяхъ ваянія въ Пар жѣ? Стоитъ только пробѣжать Люксембургску галлерею, видѣть двѣ, три статуи во дворц Герцога Орлеанскаго, потомъ посмотрѣть на пам тники великимъ людямъ въ Руанѣ и другихъ г родахъ, чтобъ постичь, что дѣйствительно высок пластическое искусство древней Греціи въ сост яніи дойти до подобнаго искаженія. Въ Итал кажется не повѣрили бы, что могутъ существоват такія ужасныя произведенія скульптуры.

Наконецъ зодчество тоже имѣетъ самыхъ жал кихъ представителей въ столицѣ Франціи: дв дворца, кусокъ городской думы и церковь Бог

матери, *Notre-Dame*, — современники паденія и новаго возстанія искусства; вотъ все, съ чѣмъ еще можетъ быть соединено его имя. Тутъ хотя и падающее искусство, но все великое въ самомъ своемъ паденіи, громадное въ самыхъ развалинахъ. За то все теперешнее или безвкусіе до послѣдней степени, или мелочь и ничтожность, доведенная до игрушечности. Полуязыческій храмъ, названный церковію Магдалины; несчастные, общипанные фонтаны на огромной площади *place de la concorde*; тутъ же обелискъ, на подножіи котораго съ одной стороны изображено устройство парохода, перевезшаго гранитнаго пустынника изъ Египта въ Парижъ, съ другой — машина, поднявшая и поставившая его на мѣсто; Іюльская колонна, съ ея мелочными достоинствами отчетливой отдѣлки подробностей (пожалуй есть люди, и даже архитекторы, которые и этимъ восхищаются); наконецъ новые дома, съ низу до верху, въ нѣсколько ярусовъ, опоясанные балконами, какъ «золоченый домъ» (maison dorée) Лафита; все это такъ мелко, такъ жалко, если смотрѣть съ одной стороны изящнаго, что даже не возбудитъ негодованія. Разумѣется, взгляните на все это со стороны жизни, и еще болѣе, со стороны Парижской жизни, все представится въ иномъ свѣтѣ; все громко заговоритъ вамъ: «тамъ, гдѣ жизнь развивается во всей силѣ, все должно быть ея орудіемъ; высокія произведенія искусства тамъ у мѣста, гдѣ они не покупаются цѣною счастія гражданъ; наше искусство въ дѣятельныхъ успѣхахъ человѣческихъ.

На этомъ очень можно было бы помириться, но посмотрите въ отдаленные края Парижа: укрѣпленія опоясываютъ весь городъ. Гдѣ же эти великіе

успѣхи, когда впереди они не видятъ ничего, кромѣ внутреннихъ раздоровъ? Понятно было бы это въ Австріи, рукою судьбы склеенной изъ разнородныхъ племенъ; понятно было бы, еслибъ Парижъ стоялъ на предѣлахъ государства; но въ средоточіи Франціи ряды укрѣпленій наводятъ грусть и невольно вызываютъ вздохъ о странности судебъ человѣческихъ. Юное поколѣніе, новый пришлецъ въ дѣятельную исторію человѣчества, братья Славяне! Неужели и вамъ готовится такая же невѣрная, такая полная треволненій будущность? Нѣтъ, благость Провидѣнія сохранила цѣлость сердецъ вашихъ, долгими страданіями укрѣпила природную вашу мудрость, по Его велѣнію въ терпѣніи стяжали вы души ваши, по Его же велѣнію многое отпустится вамъ, потому что вы много возлюбили.

Снова жизнь и еще ближе самой жизни, братья Славяне, вывели меня изъ моего разговора объ искусствѣ. Дѣло въ томъ, что какъ ни суди, а все нѣтъ и слѣда привольнаго житья ему въ Парижѣ, и вотъ еще однимъ желаніемъ больше, чтобъ скорѣе разстаться съ этимъ городомъ и скорѣе летѣть подъ благословенное небо Италіи.

Прощай же Парижъ, съ вѣчнымъ твоимъ баломъ; прощай Франція съ твоею внѣшнею жизнію! Еще три, четыре дня, тишина Италіи снова дастъ пріютъ моимъ спокойнымъ думамъ, и своимъ свѣтлымъ, тихимъ, прекраснымъ, лазоревымъ небомъ, своею великою исторіею прошедшаго, своими высокими произведеніями искусства, наконецъ плѣнительною красотою дѣвъ своихъ, снова введетъ тишину, спокойствіе и довольство въ мою душу.

Можетъ быть, я не найду тамъ нѣкоторыхъ удобствъ; но душа не больше-ли пищи и сердце одежды?

Таково было мое разставанье съ Парижемъ! Предъ самымъ отъѣздомъ я взялъ благословеніе на дорогу отъ нашего почтеннѣйшаго протоіерея при посольской церкви Дмитрія Степановича Вершинскаго, простился съ нимъ, какъ съ роднымъ; не безъ грусти простился еще съ одною Русскою семьею, съ которою я истинно родственно сошелся въ Римѣ,—сѣлъ въ дилижансъ заведенія Лафита и Кальяра и пустился вплоть до Женевы, останавливаясь только для обѣдовъ и небольшихъ роздыховъ.

Путешествіе по Франціи, исключая самыхъ дилижансовъ, довольно плохо. Трактиры, какъ и все, блестятъ снаружи, внутри безпорядочно, довольно нечисто и вездѣ дорого. Да, во Французскихъ трактирахъ не разъ вспомянешь Италіянскіе, и еще болѣе Германскіе. Во Франціи, по дорогѣ, рѣдко встрѣтишь обѣдъ дешевле трехъ франковъ; блюдъ множество, за то все очень плохо. Въ Германіи бо́льшею частію общій столъ два франка, еще и того меньше, безъ притязанія на роскошь, но за то все свѣжо и здорово. Въ Италіи за ту же цѣну все, чѣмъ такъ щедро надѣляетъ ее богатая ея природа. Разница еще та, что во Франціи дерутъ одинаково съ своихъ и чужихъ и всѣмъ одинаково дурно служатъ; въ Германіи для всѣхъ одинаково дешево и порядочно; въ Италіи удобствами пользуются только туземцы, или кто тамъ пообжился, знаетъ языкъ и умѣетъ обходиться съ Италіянцами, подъ часъ не совсѣмъ честными, но вообще добрыми съ тѣмъ, кто съ ними умѣетъ быть доб-

рымъ, и очень снисходительнымп съ тѣмъ, кто умѣетъ быть съ ними снисходительнымъ.

Въ почтовыхъ каретахъ во Франціи ѣздятъ непмовѣрно скоро (*), въ дилижансахъ далеко не такъ, особенно между Парижемъ и Женевою. Я спрашивалъ,—отъ чего такое исключеніе для этой дороги? Смотритель за каретою сказалъ мнѣ, будто бы отъ того, что все равно, какъ ни пріѣзжайте на границу—вечеромъ или ночью, раньше шести часовъ утра никакъ не отопрутъ таможни. Можетъ быть, это и правда, потому что въ Нормандіи, и отъ Марселя до Парижа я ѣздилъ чрезвычайно скоро. Самое устройство каретъ и порядокъ въ путешествіи превосходны: минута въ минуту, какъ сказано въ объявленіи; каретные смотрители вѣжливы, услужливы и даже заботливы обо всѣхъ путешественникахъ. Въ дилижансовыхъ конторахъ вамъ не только отвѣчаютъ на всѣ ваши вопросы, но сами часто предугадываютъ и предупреждаютъ мало опытнаго. Вообще, хотя я и мало сближаюсь съ житьемъ во Франціи, однако же, говоря о Французахъ, нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что у нихъ очень развито уваженіе къ личности каждаго. Можно не сближаться, но нельзя же не любить достойнаго, и потому народъ, который такъ высоко воспиталъ въ себѣ дѣятельное уваженіе къ достоинству человѣческому, если и не полному, по

(*) Отъ Парижа до Женевы мѣста въ дилижансѣ стоятъ: напереди, т. е. въ coupé 84 франка; внутри въ шестимѣстной каретѣ (dans l'interieur) 75 франковъ; назади въ четырехмѣстной (rotonde) 63; наверху въ лѣтнее время 75, тоже, что и внутри, зимою дешевле.

крайней мѣрѣ, къ достоинству человѣка, какъ члена общества,—этотъ народъ не можетъ не быть взаимно уважаемъ сколько-нибудь чувствующимъ и мыслящимъ человѣкомъ.

Самая дорога, начиная отъ Парижа почти вплоть до Юрскаго департамента, довольно скучна; только по Юрскимъ холмамъ она начинаетъ разнообразиться богатою растительностію, развалинами старыхъ замковъ и горами Впрочемъ погода была прескверная, почти все время шелъ дождикъ, какъ и все прошедшее лѣто въ Парижѣ, такъ что въ продолженіи всей дороги сонъ былъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ.

На Швейцарской таможнѣ насъ вовсе не осматривали и само собою разумѣется, что такая неожиданная милость расположила всѣхъ насъ въ пользу страны, встрѣтившей путниковъ такою пріятною неожиданностію.

Кто много ѣзжалъ, тотъ вѣрно не разъ испытывалъ и надъ собой и надъ другими, какъ одинъ взглядъ на таможню наводитъ уныніе на путешественника, потому что одна уже таможенная вывѣска или заставляетъ ожидать непріятностей и грубостей осмотрщиковъ, или при самыхъ лучшихъ условіяхъ, соединяетъ съ собою всю ужаснѣйшую скуку развязывать и открывать чемоданы и мѣшки, и въ добавокъ къ этой не совсѣмъ пріятной обязанности, часто исповѣдываться предъ таможеннымъ чиновникомъ въ слабости имѣть много вещей полунужныхъ и даже вовсе ненужныхъ. При въѣздѣ въ Женевскія владѣнія вы избавляетесь отъ всякой исповѣди, все дѣло кончается прописскою пашпорта. Да, врядъ не одинъ ли только пу-

тешественникъ можетъ оцѣнить всю прелесть без-
таможенности, за то только онъ одинъ можетъ
вполнѣ судить о той непріятности — встрѣчать ча-
стыя таможни, съ какою надобно бываетъ напе-
редъ уже сблизиться, когда въѣзжаешь въ Италію
Тамъ случается иногда въ одинъ день два три
раза раскрывать всю поклажу. Разумѣется, все дѣло
кончается однимъ, двумя, много тремя франками
но все таки не избѣжишь самаго несноснаго, т. е
развязыванія чемодановъ, и другаго менѣе несно-
наго, но едва ли менѣе непріятнаго для чувства
именно непріятности платить противозаконную пош-
лину, т. е. совать въ руку осмотрщика двуфранко-
викъ, двупаоло, или тому подобную монету. Не зна-
какъ для другихъ, но по мнѣ, я при всей моей
безденежности охотнѣе заплатилъ бы бо́льшую пош-
лину, нежели ничтожную плату, съ которою не-
разлучно понятіе о беззаконности, и слѣд. друго
о человѣческомъ униженіи. Особенно когда еще
при этомъ, какъ это часто мнѣ встрѣчалось в
Австріи, чиновникъ, бравъ одною рукою взятку
поднимаетъ другую со всею педантскою важностію
и именемъ пользы государства, именемъ святаг
соблюденія законовъ, доказываетъ необходимост
таможенной строгости. Довольно уже долго живу
я на свѣтѣ, много ѣздилъ по свѣту, еще больш
встрѣчался съ людьми; но кажется отъ того, чт
Богъ избавилъ меня отъ столкновенія съ судами
все еще до сихъ поръ не могу привыкнуть къ это
му отвратительному лицемѣрію и никакъ не мог
заставить себя быть къ нему снисходительнымъ
Въ Италіи то хорошо, что тамъ нѣтъ лицемѣрія
тамъ взятки таможенныхъ сборщиковъ принимаютъ

видъ прошенія милостыни; къ тому же общественное мнѣніе, давняя привычка и открытость до того ввели таможенное подаяніе въ общее употребленіе, что оно какъ будто бы сдѣлалось уже законнымъ. За то такой сборъ въ пользу несчастныхъ таможенныхъ чиновниковъ дорого стоитъ Италіи въ мнѣніи иностранцевъ. Сколько иностранныхъ путешественниковъ, и всего чаще путешественниковъ-писателей, ругаютъ и народъ Италіянскій и его исторію, даже не щадятъ и искусства только за то, что хлопоты съ таможнями привели ихъ въ дурное расположеніе духа.

При въѣздѣ въ Женевскія владѣнія вы избавлены отъ всякаго рода таможенныхъ непріятностей, но за то васъ ожидаютъ другія: едва вы вышли изъ Парижскаго дилижанса, съ нимъ оканчиваются всѣ удобства дилижансоваго устройства. Впрочемъ и то сказать, какъ кто смотритъ на эти удобства. Я, на примѣръ, всегда предпочелъ бы ѣздить наверху, на каретѣ. Оттуда все превосходно видно, тамъ, какъ въ колескѣ, дышешь свѣжимъ воздухомъ, и стукъ отъ колесъ не нашумитъ въ ушахъ, —одно изъ самыхъ важныхъ неудобствъ дилижансовъ и особенно почтовыхъ каретъ. На ночь, если холодно и сыро, что довольно постоянно бываетъ во Франціи, можно закрыться; для этого очень хорошо прилажены опускныя стекла. Одно спльное неудобство — слезать и влезать; но нельзя же чѣмъ-нибудь не пожертвовать всѣмъ остальнымъ выгодамъ. Разумѣется, все это я говорю для мужчины, для молодаго, для того, кто, чтобъ лучше узнать страну, можетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ привычекъ, и, что у насъ еще важнѣе, кто можетъ пожертвовать

тѣмъ, чтобъ къ его прозванію не прибавляли *де* и не принимали бы его за барина. Однимъ словомъ все это я говорю для весьма не многихъ изъ насъ и то бо́льшею частію для тѣхъ, которымъ судьба рѣшительно отказала даже въ попыткѣ на барствованье, и слѣд. нуждою исправила отъ порока, намъ Русскимъ очень и очень не чуждаго.

Горько слушать, когда бранятъ чужіе, особенно когда ругаютъ насъ Нѣмцы, потому я прибавляю *особенно*, что у нихъ, какъ будто бы въ крови есть какое-то нерасположеніе къ Славянскому племени, мимоходомъ будь сказано, врядъ-ли не взаимное; только у Славянъ, по прирóдной ихъ добротѣ, оно не такъ рѣзко высказывается. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящую минуту, не смотря на полное спокойствіе, Россія и Русскіе, какъ бѣльмо на глазу у всей Европы: Французъ бранитъ ихъ, всегда подчиняясь какому-либо убѣжденію, которое онъ считаетъ непремѣннымъ условіемъ существованія всѣхъ и каждаго. Осужденія Англича́нина, правду сказать, довольно рѣдкія, больше относятся къ той или другой сторонѣ народности, и падаютъ также на Русскихъ, какъ и на другихъ народовъ. Нѣмцы просто ругаютъ нашъ народъ и всѣхъ Славянъ, находя въ немъ все гадкимъ, и отказывая ему рѣшительно во всякомъ самостоятельномъ развитіи. Какая причина этому, я рѣшать теперь не буду, а что такъ есть, то подтверждаютъ сотни журналовъ и брошюрокъ (*). Горько, говорю, слу-

(*) Намѣкая на причину современнаго нерасположенія западной Европы къ Россіи, я думаю, что лучше всего можно под-

шать брань враждебную; но самому не бѣда высказывать грѣхи свои. Русскій до послѣдней капли крови, со всѣми Русскими недостатками, я много подмѣчалъ за собою и за моими кровными братья-

---

твердить его словами одного изъ ея мыслителей, и потому приведу здѣсь собственныя слова *Эрнеста Шаррiера* изъ извѣстной его книги *Политика Исторіи*.

«Au fond de toutes les appréciations, qu'elles soient dictées par la sympathie, ou par la haine, on sent la présence de la Russie, et son idée se trahit là, où son nom n'est pas même prononcé. Comme ces points élevés sur l'horizon, tour bâtie par la main des hommes, ou pic sorti de celle de Dieu, que l'œil du voyageur a beau fuir en marchant, et où il revient toujours malgré lui, ainsi la Russie apparait partout en vertu de cette puissance d'avenir qu'elle apporte avec elle. Mobile de tous les actes des cabinets, comme des discussions animées de la polemique, elle touche à toutes les questions, qui ne peuvent plus se résoudre sans son intervention, et elle oppose de fait ou tacitement aux intérêts qu'elle contrarie le poids d'une négation immense.»

«D'où lui vient à cette puissance d'hier, encore toute barbare, cette force magnétique, mystérieuse, éclatante ici par la haine, ailleurs par l'enthousiasme; ce droit qu'elle s'arroge de s'immiscer dans tout, de primer ses ainées en civilisation et en autorité? N'est-ce pas qu'il y a là autre chose que la force pure et simple, qu'il ne s'agit pas seulement d'un développement matériel selon les règles ordinaires, mais encore d'une idée inappréciable pour presque toute l'Europe, quoique sensible néanmoins comme tous les grands mystères naturels qu'on pressent long-temps avant d'avoir pu les expliquer par la raison?»

(La politique de l'histoire par Ernest Charrière. Paris, 1841—1843. 2 vol. p. 158.).

«Присутствіе Россіи чувствуется въ основѣ всякой оцѣнки, чѣмъ бы она ни была вызвана, любовію или ненавистію и значеніе ея является тамъ, гдѣ даже не произносятъ ея имени.

ми , Русскими : у всѣхъ насъ , Русскихъ путеш
ственниковъ , выказаться бариномъ—одинъ изъ
мыхъ сильнѣйшихъ пороковъ. Послѣдняя копѣ
ребромъ, а нельзя не побарствовать ; особенно
рѣзко является за границею. Только стоитъ с
тися двумъ, тремъ Русскимъ, никакъ не обойде
дѣло безъ шампанскаго, безъ того , чтобъ мимо
домъ не упомянуть о своихъ отношеніяхъ , о з
комствахъ съ Европейскими знаменитостями, о п
маніи владѣтельныхъ особъ, и безъ подобныхъ т
замашекъ, вовсе не требуемыхъ ни путешествіе
ни обоюднымъ удовольствіемъ провести прія
время. Пожалуй этому много причинъ легки

Какъ возвышенная точка на горизонтѣ, башня построенная
кою человѣка, или вершина горы, воздвигнутая рукою Бож
которой тщетно избѣгаетъ глазъ путника, и къ которой
вращается онъ противъ воли , точно также Россія является
всюду въ силу того могущества въ будущемъ, которое она но
съ собою. Движитель всѣхъ кабинетовъ , точно также ка
жаркихъ споровъ полемики, она касается всѣхъ вопросовъ, и
рые не могутъ болѣе рѣшаться безъ ея участія, и молча ,
дѣломъ она противополагаетъ всю огромную тяжесть отри
всему, что ей не нравится. »

« Откуда явилась у нее, у этой едва вчера возникшей держ
еще совершенно варварской, такая обаяющая, таинственная с
которая здѣсь вспыхиваетъ ненавистію, тамъ увлеченіемъ ? С
да то право, какого требуетъ она,—вмѣшиваться во все, пер
ствовать надъ старѣйшими ея и въ образованіи и во влія
Не правда-ли, что тутъ есть нѣчто иное, кромѣ простой ,
той силы ; что дѣло идетъ не объ одномъ вещественномъ
витія , по обычнымъ законамъ , а объ идеѣ непонятой и
цѣлою Европою , хотя впрочемъ чувствуемой , подобно и
великимъ тайнамъ природы , которыя предчувствуются зад
прежде, нежели могутъ ихъ истолковать умомъ ? »

(Политика Исторіи Эрнеста Шарріера. 2 часть стр.

не важныхъ; но между многими есть одна очень и очень важная, на которую право указать не худо. Дѣло въ томъ, что, не привыкая уважать въ другихъ что-либо, кромѣ условныхъ достоинствъ богатства и происхожденія, мы, во что бы то ни стало, хотя незаконно, хотя по ломамъ съ самозванствомъ, цѣпляемся за эти жалкія права на общественное уваженіе. Если же они имѣютъ юридическую, внѣшнюю законность, тогда уже часто нѣтъ и доступу, тогда мы смотримъ на нихъ, какъ на величайшее достоинство и ставимъ ихъ выше всего въ мірѣ. Это было бы еще простительно, по крайней мѣрѣ, сносно, если бы мы точно искренно давали всему этому какую-либо цѣну, а то и того нѣтъ; мы сами смѣемся надъ всѣмъ этимъ тамъ, гдѣ насмѣшка надъ нимъ больше удовлетворяетъ нашему тщеславію, нежели хвастовство имъ.

Многіе, люди истинно благородные, принимаясь за сужденіе, то изъ горячей любви ко всему отечественному, то изъ сроднаго всѣмъ намъ снисхожденія къ собственнымъ слабостямъ, часто балуютъ собратьевъ и объясняютъ одно народною гордостію, только дурно высказанною, другое барскою спѣсью; наконецъ многое объясняютъ великодушіемъ и еще болѣе тароватостію, однимъ изъ существенныхъ принадлежностей Русскаго характера. Точно, врядъ-ли не къ одному только Русскому совершенно идетъ поговорка, *не богатъ, да тароватъ*; и то правда, что у отцевъ и дѣдовъ нашихъ барствованье выходило прямо изъ тароватости и барской спѣси. У нихъ-то можетъ быть и такъ, а у насъ тутъ примѣшались другіе грѣхи и грѣхи далеко горшіе. Нужда научила насъ жить осмотрительнѣе и бережливѣе; но

та бѣда, что если мы теперь не поднимемъ себя на ходули барина, за кого тогда примутъ насъ? за купца, за разночинца; до мѣщанина и простолюдина мы не нисходимъ даже и въ самыхъ сильныхъ припадкахъ нашего тщеславнаго страха. Во всей Европѣ подобный страхъ былъ бы, болѣе или менѣе, дѣломъ простаго тщеславія и слѣд. внѣ порока личнаго, или много уже, внѣ порока сословія, не могъ бы найти никакой законности. Точно также бывало это и у насъ въ старинные годы; теперь историческій ходъ развитія послѣднихъ почти полутора столѣтій далъ ему родъ какой-то законности человѣческой. Въ самомъ дѣлѣ, отброся даже мелкое тщеславіе, какъ намъ не ужасаться, быть простымъ Русскимъ человѣкомъ, когда съ этимъ именемъ Европа пріучила насъ соединять понятіе о самой грубой необразованности и слѣдовательно сливать съ нимъ во едино глубокое къ нему презрѣніе. Что же выходитъ изъ этого? Нѣсколько уже десятковъ лѣтъ, какъ мы, на дѣлѣ увидѣвши высокое значеніе нашего народа, бьемся изъ того, чтобъ примирить въ себѣ эту высоту съ самодержавными предписаніями Запада, именемъ науки, именемъ общественныхъ улучшеній требующаго отъ насъ полнаго къ нему презрѣнія, и посмотрите, какъ мы ни хвалимъ Русскій народъ и Россію, а изъ всѣхъ насъ, едва, едва немногіе, и то самые добрые, удостоиваютъ большинство народа своего милостиваго снисхожденія. Съ какой стороны ни смотрите на это, тутъ есть какая-то несообразность и что нибудь непонятое, или слово народъ, или значеніе образованности. Считать ли народомъ пятьсотъ, шестьсотъ тысячъ сословія, гордо называю-

щаго себя образованнымъ, и которое между тѣмъ, всегда отъ народа получало бо́льшую часть силъ своихъ? Разумѣется, всякій поймет, что такой счетъ былъ бы съ одной стороны очень не вѣренъ, съ другой весьма мало льстилъ бы народному самолюбію и далеко бы не оправдывалъ понятія Европы о Россіи, какъ о чемъ-то неизмѣримо могущественномъ и сильномъ. Потомъ считать ли образованностію рядъ тѣхъ условныхъ понятій, которыя, выросши на Европейской почвѣ, вмѣстѣ съ ростомъ туземныхъ силъ, и развившись вмѣстѣ съ ихъ естественнымъ развитіемъ, суть часто ни больше, ни меньше, какъ болѣзненныя явленія, необходимые спутники всякой органической полноты, или считать образованностію истинно полное развитіе душевныхъ силъ, данныхъ особо каждому племени въ извѣстномъ опредѣленномъ объемѣ, и въ опредѣленной ихъ соразмѣрности, что̀ и составляетъ собственно отличительный признакъ всякаго племени? Пока мы не рѣшимъ сами себѣ отчетливо этихъ вопросовъ, мы на долго останемся *межеумками*, по выраженію нашего народа; никогда не направимъ нашей нравственной дѣятельности по прямому и законному пути, и всегда два понятія объ образованности и Европейской образованности непремѣнно будутъ враждовать въ насъ и въ умѣ, и въ сердцѣ, и на дѣлѣ.

Вотъ какъ одно тянется за другимъ и одно другимъ вызывается: путешествіе навело меня на недостатки насъ — Русскихъ путешественниковъ, недостатки повели къ ихъ источнику, а источникъ, какъ дѣло чисто историческое, требуетъ историческаго объясненія.

Удѣлите же мнѣ, мои благосклонные читатели,

двѣ трп минуты: я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ передать вамъ различіе между ходомъ нашего и западно-Европейскаго развитія, и тѣмъ изъяснить странное явленіе, какимъ образомъ случилось, что самая лучшая разработка исторіи, самый чистый, густой и вмѣстѣ свѣтлый сокъ жизни человѣчества, однимъ словомъ то, что̀ на Западѣ принимаютъ за образованность, что̀ мы у себя зовемъ *образованностію Запада*, какъ оно произвело у насъ родъ какого-то нравственнаго гніенія.

Неисповѣдимыя судьбы Божіи заставили Славянъ сидѣмъ сидѣть, какъ Илью Муромца, въ то время, когда наши братья—люди, когда товарищи нашихъ битвъ съ жителями древняго міра—народы Германскіе жили полно, по тому времени, и блестяще. Битвами и рыцарствомъ; пѣснями и гимнами; бурнымъ, буйнымъ житьемъ и изступленными молитвами, которыя то лились сладкогласными звуками, то являлись въ кровавомъ бичеваніи тѣла, то передавали міру картиннымъ изображеніемъ непзобразимаго, всѣмъ они развивали *чувство* и довели его до высокой степени развитія. — Горемъ и несчастіями, терпѣніемъ въ домашнемъ быту, сожженіемъ на кострахъ своихъ собратьевъ и гнетеніемъ ума въ наукѣ, приготовляли они къ развитію мысль, двигавшуюся трудно и тихо потому, что она была сильно окована. Здѣсь она безпрестанно боролась съ чувствомъ; не находя возможности биться съ нимъ открыто, она пробивалась, то въ иносказаніи, то въ поэтическомъ мышленіи о томъ же чувствѣ, ее угнетавшемъ, и о той же средневѣковой религіи, не допускавшей ея свободнаго существованія и такимъ образомъ она

укрѣпила свои силы и приготовилась къ свободной, даже самовластной жизни въ предлежавшемъ ей періодѣ исторіи. — Войною съ сильными, предстательствомъ Церкви за права слабаго, выбивали средневѣковые дѣятели изъ рукъ неумолимой судьбы крохи гражданскаго благосостоянія, и, облекая его то въ благотворенія, предписываемыя законами того или другаго монашескаго братства, то въ обѣты, налагаемые тѣмъ или другимъ рыцарскимъ орденомъ, то наконецъ указывая на него католическому духовенству, какъ на путь къ возвесенію своего величія и распространенію своего вліянія, всѣми путями они вводили его въ дѣйствительную жизнь общества, до того съ нимъ незнакомаго и еще въ добавокъ, вводили на перекоръ властителю срединхъ вѣковъ — католической религіи, предписывавшей презрѣніе ко всякому земному благосостоянію. — Таковъ былъ нравственный бытъ и таково было положеніе всего тройственнаго состава души человѣческой, то есть чувства, ума и воли въ той школѣ Запада, которой исторія дала названіе *средневѣковаго времени*. Существенное ея отличіе то, что въ ней все было подъ исключительнымъ вліяніемъ сердца, потому и внѣшніе образы жизни, составившіеся въ этотъ періодъ и послужившіе основою дальнѣйшаго ея развитія, тоже оставили на себѣ явный отпечатокъ такой исключительности и неполноты. Она была истинно законна въ извѣстный періодъ времени, но весьма неудовлетворительна въ быту обще-человѣческомъ.

Мы въ эту школу не вступали; беззаботно мы жили на рукахъ матери родины, безпечно оставались подъ кровомъ родимаго неба; молились съ-

проста, какъ заповѣдали намъ отцы первохрістіянской Церкви, не мудрствуя; чувствовали въ простотѣ истинно дѣтской жизни, не ухищряяся. Какъ птенцы подъ крыломъ нашей матери, земли Славянской, мы росли и крѣпились духомъ, сами того не замѣчая.

Кто изъ насъ былъ ближе къ западнымъ товарищамъ, тотъ скорѣе съ ними сошелся и, не приставши вполнѣ, не могши навязать на свою природу жизнь ей чуждую, онъ только могъ увлечься ея частностями, онъ отсталъ отъ братьевъ единокровныхъ, и тутъ зародилось начало многихъ бѣдъ. Эти отступники не ужились съ Западомъ дѣльно и пристально, а отъ груди матерней оторвалися. Они не вошли въ науку основательно, но въ порывахъ своихъ порастратили много силъ и, что̀ хуже всего, потеряли цѣломудріе юности и безпечность молодости. Мы же, православно-Славянскія колѣна нашего многоколѣннаго племени, оставались въ простой нашей жизни, не украшенной ни искусствомъ, ни наукою, мы вмѣстѣ съ молитвою получали первое развитіе чувства; догматами вѣры развивали наши понятія и двигали мышленіе, а крутою жизнію сохраняли крѣпость силъ и нетлѣнность нравственности. Наши битвы были простымъ разгуломъ молодости, и тѣ врядъ ли не внесены частію пришлымъ началомъ.

Здѣсь въ исторіи всего Славянскаго міра совершилось важное событіе. Тѣмъ или другимъ путемъ, раньше или позже, Провидѣніе заставило всѣхъ насъ перенести сильныя страданія нравственныя и тѣлесныя, подчинивъ насъ игу иноплеменному. Какъ всякое иго, оно, разумѣется, многое испор-

тило въ нашей юной, неразвитой природѣ; но оно же много и сдѣлало для насъ, пріостановивъ наше развитіе. Этимъ самымъ оно сосредоточило наши силы, не допустило ихъ до разложенія, до развитія односторонняго, то есть до развитія исключительно той или другой душевной способности. Имъ, можетъ быть, ввелась въ нашу природу и та покорность Провидѣнію, сохранилось въ ней то внутреннее, непосредственное требованіе религіи, откровенія, такъ сказать, наитія благодати, безъ которыхъ въ жизни, точно также какъ даже и въ наукѣ, при самомъ лучшемъ условіи организма, человѣкъ не въ состояніи перейти за предѣлы самаго тѣснаго круга положительности. Мало этого, потерявъ эти качества души, человѣкъ и цѣлая страна впадаютъ въ такое состояніе сомнѣнія и раздумья, что съ полнымъ знаніемъ того, что̀ потребно для ихъ дальнѣйшаго хода, они никогда не будутъ въ силахъ имъ пользоваться и привести его въ исполненіе, какъ говоритъ это объ Европѣ тотъ же Ернестъ Шарріеръ, на котораго я уже ссылался (avec la connaissance de ce qui lui serait profitable, elle (l'Europe) aura toujours l'impuissance d'en jouir et celle de la réaliser. La Politique de l'histoire; t. II. p. 463. Въ общемъ выводѣ вышло то, что тогда какъ жизнь на Западѣ начала разлагаться, когда всѣмъ завладѣло исключительно одно чувство, мы удержали всю ея полноту, хотя и остались во всей простотѣ ея неразвитія.

Окончивъ блестящій ходъ ученія въ школѣ чувства, Западъ вошелъ въ другую, именно въ школу ума, школу мышленія. Кончились пѣсни и разгульныя игрища, кончились молитвы и бичеванія;

зданіе училища перестроилось и изъ легкихъ, къ небу несущихся готическихъ церквей, изъ теплыхъ согрѣтыхъ вѣрою храмовъ, изъ пріютной, украшенной заблужденіями и предразсудками вседневной средневѣковой жизни, люди Запада вошли въ огромные, безвкусные, въ глазахъ средневѣковаго человѣка, университетскіе покои, вошли въ холодныя, несогрѣтыя сердцемъ, обители науки, начали жить расчетливою, безпрекрасною жизнію ума. Ученья и системы, ломка вѣрованій и предразсудковъ, первая битва не по внутренней, безотчетной враждѣ и даже часто безъ вражды, не по требованію тѣла подраться въ чистомъ полѣ и повалять-ничать, нѣтъ, битва, чтобъ отстоять мысль, чтобъ защитить убѣжденіе, вотъ что было вступленіемъ во второе училище Запада, которое мы знаемъ подъ именемъ новой исторіи.

Какъ прежде все жило подъ вліяніемъ чувства, такъ здѣсь все начало жить по требованію ума и системы. Чувство не уничтожилось, его разработка сдѣлалась уже родовымъ достояніемъ ново-историческаго человѣка; но оно на время какъ бы пало подъ игомъ ума и мышленія, злѣйшихъ его враговъ тогда, когда они властвуютъ самовластно и исключительно. Человѣчество ушло шагомъ далѣе; но полнота его природы, пока еще нисколько не выиграла, потому что одна исключительность только лишь замѣнилась другою. До того всѣмъ бытомъ человѣческимъ владѣла средневѣковая религія, любовь, восторженность и таинственность; они требовали безусловнаго подчиненія и полнаго себѣ служенія отъ всего состава человѣка; ими и по ихъ велѣніямъ располагался весь день людской. Теперь

расчетъ ума, его требованія, его условныя совершенства и системы сдѣлались такими же деспотическими распорядителями. Тамъ восторженный монахъ велъ сотни тысячъ на берега Іордана; другой восторженный учредитель ордена Доминиканцевъ мучилъ и сожигалъ своихъ собратій на кострахъ инквизиціи; здѣсь умный человѣкъ началъ всѣми путями тѣснить и угнетать безграмотнаго. Стало немного легче, это правда, но все еще просто о человѣкѣ нѣтъ и помину; все еще уважается развитіе исключительно той или другой его способности, а полнота его природы остается въ забытьи и пренебреженіи.

Что дѣлалось тогда въ нашей Славянской исторіи? Здѣсь, собственно въ этотъ періодъ, отдѣльное иго каждаго колѣна и отдѣльныя его страданія сдѣлали сильно тѣснымъ колѣнное соединеніе и ослабили до послѣдней степени соединеніе племенное. Тутъ дѣло не во внѣшнемъ соединеніи, но во внутренней связи, основанной на единствѣ жизни, обычаевъ, языка и религіи. Отдѣльное иго на каждомъ оставило свой отпечатокъ и заставило быть однихъ Москалями, другихъ Украинцами, третьихъ Чехами, Словаками, Сербами, Хорватами и т. п., и довело до того это разъединеніе, что они совершенно забыли о своемъ старинномъ родствѣ, самомъ близкомъ. Колѣнныя различія еще болѣе усилились тѣмъ, что одни, какъ мы жители Великой и Малой Россіи, Болгаре и Сербы, т. е. колѣна православно-Славянскія, остались при своей природѣ и исторіи, другіе подчинились совершенно Западу Европы и такимъ образомъ, избавясь отъ тѣлеснаго рабства и тѣлесныхъ страданій, на-

ложили на себя другое иго, менѣе тяжелое въ жизни внѣшней, за то болѣе гибельное въ основѣ, потому что оно, посягнувъ на нравственную ихъ природу, отняло у нея всю ея самостоятельность. Здѣсь собственно, кромѣ племеннаго разъединенія, мы рѣзко раздѣлились на Славянъ западныхъ и восточныхъ. Тѣ старались принять всю внѣшность Европейскую и, предводимые знаменами западной Европы, начали защищать вѣрованія, убѣжденія и образы бытія, чуждые ихъ безъискуственной, простой природѣ. Отъ этого съ перваго шагу у нихъ явилось раздѣленіе на два сословія, одно другимъ презираемыя, одно другимъ ненавидимыя, именно на сословіе высшее, употребившее образованность орудіемъ угнетенія своихъ собратовъ, и сословіе народное, оставшееся болѣе вѣрнымъ природѣ своихъ праотцевъ. — Мы восточные Славяне врядъ-ли пріобрѣли здѣсь что-либо, кромѣ тѣхъ искаженій нашей природы, отъ которыхъ потомъ слѣдовало омываться вѣками новыхъ нравственныхъ и гражданскихъ страданій. Стоитъ только сравнить Русскую Правду, взятую изъ народныхъ обычаевъ и народной жизни, съ уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича, уложеннымъ и предписаннымъ жизни народной, чтобъ видѣть наше измѣненіе. Истиннымъ нашимъ пріобрѣтеніемъ было одно то, что принявъ внѣшнія болѣзни, привитыя къ намъ чуждымъ вліяніемъ, мы все таки, при всѣхъ преступныхъ порокахъ, сохранили силу и неразложимость нашей первобытной природы. Тѣсная связь между собою различныхъ слоевъ народа, рѣшительная неприкосновенность нашей религіи, сохраненіе языка во всей чистотѣ его и удержаніе

почти всѣхъ старинныхъ обычаевъ въ быту обиходномъ, вотъ ясные указатели сохраненія цѣлости природы отцевъ нашихъ. Введеніе въ языкъ названій предметовъ не посягаетъ на чистоту его состава и даже не вводитъ ни одного живаго понятія, которое сей часъ же обозначилось бы жизненнымъ явленіемъ, именно глаголомъ,—а мы отъ Татаръ не имѣемъ ни одного глагола, ни одного измѣненія въ словосочиненіи.

Принимая такимъ образомъ Татарское иго, то есть слѣдя за всѣмъ тѣмъ, что̀ оно наложило на нашу жизнь, мы можемъ рѣшительно сказать, что оно продолжалось далеко позднѣе тѣхъ годовъ, когда мы уничтожили политическое ихъ владычество, и потому можно положить, что оно едва-ли не захватило бо̀льшей половины ново-историческаго отдѣла человѣчества.

Между тѣмъ Западъ Европы сдѣлался истинно ученъ, всему далъ правильный ходъ и порядокъ; мы сильны, крѣпки и въ добавокъ ко всему цѣломудренны. У насъ водятся всѣ пороки и преступленія, сродныя жизни естественной; но ни разу не раздался у насъ голосъ ропота на Провидѣніе; нашъ умъ не измѣнилъ своей природной мудрости и ни разу не впалъ въ ухищреніе; въ сказаніяхъ о нашихъ проказахъ и разгулахъ, нигдѣ не найдете вы оскорбленія природы. Что̀ законно въ природѣ, то законно въ быту просто человѣческомъ; вотъ наше цѣломудріе человѣческое!

Въ это-то именно время, когда мы сбросили съ себя чужеземное иго и уже отдохнули и оправились отъ долгой борьбы со врагами, мы встрѣтились съ старыми нашими товарищами — западными Евро-

пейцами. Разница между нами и ими обоимъ нам
показалась неизмѣримою. Мы дичимся ихъ, потом
что, во всемъ слушаясь внутренняго, непосредстве
наго голоса души, хотя и видимъ у нихъ вез
умную отчетливость, за то вездѣ открываемъ и н
силіе ума надъ природою, которое никакъ не л
дитъ съ требуемою нами ея стройностію. Они пр
зираютъ насъ изъ того же начала, именно за т
что презираютъ все безотчетное, какъ бы оно в
соко и прекрасно ни было. Къ этому прибавьт
что на Западѣ долгая жизнь, мышленіе и систем
всему придали блескъ и гладкость; у насъ все
естественной простотѣ, слѣдовательно, по сужден
ума, все не обдѣланно и не стройно. Правильное во
ско, систематическое устройство гражданскаго п
рядка, служебная іерархія, все это предъ глаза
человѣка, не подчиняющагося временнымъ, преход
щимъ условіямъ жизни, никакъ не выше дружин
и ополченія, вызываемыхъ всегда необходимостію
слѣдовательно точно необходимыхъ; не выше наро
ныхъ судовъ, земскихъ рѣшеній и мірскихъ пост
новленій, соединенныхъ съ страною не системою,
тѣмъ, что они ея законныя явленія; наконецъ не вып
сановниковъ, назначаемыхъ или властію, или избир
емыхъ, но безъ всякаго значенія ихъ внѣ должност
Но все это было необходимымъ явленіемъ того пері
да исторіи, необходимымъ переходомъ къ дальнѣй
шему развитію; слѣдовательно временно оно бы
истинно законно, особенно на Западѣ Европы, г
оно само вышло изъ прямаго хода развитія. Бывш
законнымъ, все это не могло не казаться и
быть признакомъ совершенства, а слѣдовательно
образованности.

Разумѣется, мы съ одной стороны не могли не плѣниться ея блескомъ, съ другой — цѣлость природы нашихъ праотцевъ безотчетно дала намъ понять всю необходимость развитія душевныхъ силъ, то есть того, что̀ и составляетъ собственно образованность въ истинномъ, а не во временномъ значеніи этого слова. И вотъ все заговорило въ насъ, что пора и намъ съ нею ознакомиться. Перемѣна кое-какихъ обычаевъ, приглашеніе иноземцевъ, посольства къ Европейскимъ державамъ, заведеніе школъ и академій были нашими первыми столкновеніями съ Западомъ. Тутъ вопросъ важный: могла-ли западная образованность войти къ намъ тихо и постепенно, или непремѣнно должна была ворваться и переломать многое истинно прекрасное; вмѣстѣ съ внѣшностію посягнуть на бо̀льшую часть явленій нашей коренной народной жизни, раздѣлить самый народъ на чернь и образованное сословіе, однимъ словомъ сдѣлать все то, что̀ она сдѣлала по призывному гласу Петра Перваго?

Рѣшеніе этого вопроса отвело бы меня еще дальше отъ моего путешествія и ввело бы въ подробности жизни; избѣгая ихъ, я отвѣтилъ бы: нѣтъ, не могла, именно потому, что по самому характеру своего исключительнаго, односторонняго, такъ сказать, развитія, она была болѣе мѣстная, нежели обще-человѣческая и отъ того вводила въ ходъ жизни множество условнаго, что̀ непремѣнно требуетъ ломки и измѣненій вездѣ, куда ни вступаетъ. Но здѣсь лучше и громче всего отвѣчаютъ событія: Провидѣніе попустило, чтобъ оно было такъ, слѣд. иначе быть не могло.

Что̀ же вышло изъ этого? Увлекшись блескомъ

западной образованности, мы бросились на нее съ жадностію, и, какъ нѣкогда въ Мексикѣ, при первомъ пріѣздѣ туда Европейцевъ, туземцы промѣнивали свое золото и серебро на грошевыя бездѣлки новопріѣзжихъ, такъ и мы начали мѣнять богатое, нравственное достояніе нашихъ прадѣдовъ Славянъ на мишуру Запада. Виноватъ не Западъ и не его образованность. Они вѣками извлекли изъ жизни множество заповѣдныхъ ея сокровищъ; но чтобъ достать ихъ, надобно было итти тѣмъ же путемъ, то есть путемъ жизни. Намъ Провидѣніе послало иной путь; мы не могли не ослѣпиться наружнымъ блескомъ и ухватились за одну внѣшность. Посмотримъ же на то, что̀ время вывело изъ нашего столкновенія. Теперь прошло не съ большимъ сто лѣтъ и еще меньше, особенно если смотрѣтъ на всю коренную Россію, а не на одинъ пріобрѣтенный ею уголокъ земли; только сто лѣтъ, и гдѣ наши старинныя заповѣдныя, обиходныя добродѣтели? объ нашей богобоязненности, нашемъ гостепріимствѣ и той безсребренности, что̀ когда-то звали тароватостію, теперь совѣстно и сказать въ нашемъ, такъ называемомъ *порядочномъ обществѣ*, особенно въ тѣхъ городахъ, которые ни преданіями, ни образомъ жизни не соединены съ простымъ бытомъ нашихъ прадѣдовъ.

Я потому указываю на порядочное общество, что со времени внѣшняго сліянія съ Европою, оно исключительно начало считать себя цвѣтомъ и честію народа. Безъ этого объ немъ нечего было бы и заботиться. Намъ скажутъ, можетъ быть, что эти города и это общество могутъ указать на такія улучшенія въ своей жизни, которыя далеко превы-

шаютъ цѣну старинныхъ нашихъ дѣдовскихъ сокровищъ. Они могутъ произнести намъ громкія слова: уваженіе къ людямъ, или то, что Нѣмцы зовутъ *гуманитетомъ*, гражданственность, науку, личное благосостояніе каждаго, однимъ словомъ, *образованность*.

Пусть самый ревностный западолюбецъ укажетъ намъ въ дѣйствительной жизни хотя проблескъ всѣхъ этихъ сокровищъ человѣческой природы. Мы безпрестанно слышимъ имена ихъ, разумѣется, и то уже пріобрѣтеніе; но странно то, что слишкомъ во сто лѣтъ, они не могли не только слиться съ нашею природою; но даже, по видимому, какъ будто бы исказили ее. Чтобъ не ходить далеко, посмотримъ только на то, какъ у насъ съумѣли западное уваженіе къ достоинству людей сдѣлать благоговѣніемъ ко всему и ко всѣмъ, что и кто ни забредетъ съ Запада, и глубокимъ презрѣніемъ къ нашимъ собратамъ, простымъ нашимъ Русскимъ, и тогда невольно согласимся, что общество пріобрѣло имена вещей, а никакъ не самыя вещи. Западъ же научилъ насъ найти и полное этому оправданіе: мы въ человѣкѣ уважаемъ его человѣчность, а не тѣло; по тѣлу онъ животное; если онъ не имѣетъ уваженія самъ къ себѣ, если самъ не понимаетъ своего собственнаго достоинства, какъ хотите, чтобъ мы его уважали? Рядъ такихъ доводовъ, а какихъ доводовъ не придумаешь, чтобъ оправдать свои поступки? рядъ подобныхъ доводовъ, и старая любовь къ ближнему, любовь безъ системы, прежнее стремленіе сердца къ земляку, любовь спроста, по безотчетному внушенію сердца, сдѣлалась смѣшною въ глазахъ общества.

Довольно и этого, оставимъ прочее, оно не утѣшительнѣе. Избави Богъ, чтобъ, говоря это, я винилъ образованность, чтобъ желалъ прямаго возвращенія къ старому быту; но дѣло въ томъ, что пока она враждовала съ народностію, пока мы ею безусловно увлекались, мы дѣйствовали, хотя и незаконно, но насъ оправдывала собственная слѣпота наша. Теперь мы лишились и послѣдняго оправданія; все говоритъ намъ, что истинной образованности предстоптъ одинъ путь, это развитіе народныхъ силъ; а мы все держались стараго и рабскаго подражанія только потому, что, измѣнивъ ему, должны будемъ потерять все личное значеніе. Этого мало, держась его, еще не хотимъ добросовѣстно признаться, что этимъ самымъ мы дѣлаемся людьми очень отсталыми отъ успѣховъ современности, именно потому, что ухватились за отжившую ея внѣшность, тогда какъ намъ слѣдовало на нашихъ плечахъ нести впередъ внутреннее ея начало, и тѣмъ прокладывать путь къ дальнѣйшимъ ея успѣхамъ.

Чтобъ болѣе развить и яснѣе обрисовать эту послѣднюю мысль мою, я окончу мое отступленіе наблюденіемъ надъ ходомъ развитія въ природѣ внѣшней, физической. Безцвѣтенъ лучь дневнаго свѣта, а призма превращаетъ его въ семицвѣтную красивую радугу и даетъ ему всю полноту цвѣтнаго существованія, открываетъ все разнообразіе семицвѣтной красоты его. Одну простую ноту берете вы вашимъ голосомъ подъ искусно устроеннымъ сводомъ Пизанскаго крещатика, но дойдя до него, она передается всею своею полногласною гармоніей. Равно также и жизнь разовьетъ всѣ

начала народности и вызоветъ ясно, отдѣльно и вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ согласіи, все, что̀ таится въ естественномъ неразвитомъ состояніи. Ходъ здѣсь одинъ и тотъ же. Въ призмѣ прекрасное соединеніе цвѣтовъ идетъ изъ луча первоначальнаго; отъ силы его, чистоты и напряженія зависитъ степень силы и красоты радуги; отъ чистоты призмы — яркость и блескъ ея. Малѣйшая придача другаго цвѣтнаго луча посторонняго, точно также какъ въ гармонической полнотѣ звука малѣйшая примѣсь чуждаго производитъ разладицу. Чтобъ достигнуть возможнаго совершенства, послѣдней степени блеска и красоты, сохраните неутраченнымъ первый лучь, живымъ и цѣлымъ первый звукъ; остальное все дастся естественнымъ ходомъ разложенія. То же въ дѣлѣ жизни: народному развитію одинъ источникъ — сама жизнь народная; помочь его полнотѣ можно однимъ: стараться сохранить ее въ цѣлости, чистотѣ и нетлѣнности; а никакъ не пренебрегать всѣмъ, что̀ запечатлѣно священнымъ ея именемъ и ея святыми преданіями.

Простите, добрые мои читатели, что такъ далеко отъ Франціи зашелъ я, заговоря о своихъ и братскихъ недугахъ. Пора оставить отступленія и возвратиться къ покинутому мною путешествію.

И такъ дѣло шло о различной степени удобствъ въ различныхъ мѣстахъ Французскаго дилижанса. Въ нынѣшній разъ мнѣ не удалось занять мѣста наверху, потому что всѣ были уже заняты, оставаться для этого два дня не хотѣлось, по этому я поѣхалъ назади (dans la rotonde), въ томъ отдѣленіи кареты, гдѣ бо̀льшею частію ѣздитъ простой народъ и вообще рабочіе, и никакъ не раскаявался.

Правда, было не совсѣмъ легко, за то удалось мнѣ узнать много такого, что совершенно новаго по теоріи и даже по статистикѣ и политическимъ экономіямъ.

Изъ Парижа мы выѣхали въ четыре часа по полудни и только въ понедѣльникъ утромъ пріѣхали въ Женеву.

Окрестности Женевы очень милы и привлекательны. Все зелено; повсюду разбросаны дачки; отвсюду видны угрюмыя горы Швейцаріи, и такая угрюмость ихъ придаетъ еще большую цѣну прекрасному виду зеленыхъ луговъ и роскошныхъ орѣховыхъ деревьевъ, которыми усажена вся Женевская дорога. Роскошный въѣздъ заставляетъ ожидать богатаго, большаго города, особенно если кто, какъ я, поѣдетъ съ Женевцемъ. Мой спутникъ восхвалялъ мнѣ до небесъ свою Женеву, восхищался ея природою, здоровымъ ея воздухомъ, ея высокою образованностію и въ восторгѣ увлеченія называлъ ее вторымъ Парижемъ. Пріѣзжаемъ, — маленькій городокъ, прижатый къ берегу озера. Если-бы я не ожидалъ чего-то огромнаго, можетъ быть, онъ и не показался бы мнѣ такимъ крошечнымъ; но послѣ всего, что я слышалъ отъ моего спутника и, пожалуй, еще прямо послѣ Парижа, Женева—рѣшительно уѣздный городишко. Впрочемъ и дѣйствительно, она очень не велика, потому что въ ней, по исчисленію 1843 года, всего навсе считается 29,189 душъ; изъ нихъ, собственно Женевцевъ 16,928, остальные — Швейцарцы другихъ кантоновъ и иностранцы.

По нашему городъ съ двадцатью девятью тысячами жителей былъ бы очень не маленькимъ, но

здѣсь нѣтъ такого приволья жизни. Горы, озеро и еще болѣе необходимость обнести все жилье укрѣпленіями, заставили тѣсниться до нельзя и выстраивать домы въ пять, шесть ярусовъ, такъ что во всемъ городѣ считается только до 1400 домовъ. Пріѣздъ иностранцевъ такъ великъ, что здѣсь до 14 большихъ и даже очень большихъ трактировъ (*).

Хотя Женева городокъ небольшой, но въ ней много движенія, а я не знаю, такъ-ли въ самомъ дѣлѣ, только мнѣ показалось, что тутъ въ небольшомъ размѣрѣ развиты всѣ стороны жизни.

Главное занятіе города — работа золотыхъ вещей и часовъ. Она доставляетъ ему большую прибыль и очень его поддерживаетъ. Въ немъ до 25 золотыхъ и часовыхъ дѣлъ мастеровъ и, не говоря уже о Россель-Боттѣ (Rossel-Bautt), извѣстномъ во всей Европѣ, который занимаетъ почти цѣлый домъ, у многихъ другихъ преогромныя лавки. Самыя издѣлія большею частію все среднихъ и низкихъ цѣнъ; чрезвычайно дорогихъ вещей не дѣлаютъ. Есть множество мелкихъ мастерскихъ для другихъ родовъ издѣлій, между прочимъ много табачныхъ лавокъ, потому что здѣсь очень небольшая пошлина на табакъ; въ одной изъ нихъ я видѣлъ Жуковскій Русскій табакъ съ Русскою надписью.

Книжныя лавки не богаты, за то 10 кабинетовъ

(*) Лучшіе трактиры очень хороши съ виду и кажется хорошо устроены. Это именно Hotêl de Bergues, изъ него превосходный видъ на озеро и противолежащія горы; Hotêl de la Couronne и еще Hotêl de l'écu de Genève. Мой спутникъ указалъ мнѣ Hôtel du Lion d'or и я послѣ очень раскаивался, что, не посмотря его, въ немъ остановился, а переходить потомъ уже не хотѣлось.

для чтенія и во всѣхъ кофейняхъ по пяти и по шести газетъ, бо́льшею частію Женевскія, однакоже въ каждой есть и Французскія. Журналовъ въ кофейняхъ я не видалъ.

Женева издаетъ 11 своихъ собственныхъ повременныхъ изданій, именно: Le Fédéral. La Revue de Genève; Le Journal de Genève, La Feuille d'Avis, которые выходятъ два раза въ недѣлю. La Bibliothéque universelle, одинъ изъ лучшихъ ученыхъ журналовъ выходитъ ежемѣсячно, также какъ и La Revue des livres nouveaux. Потомъ еще Le Mémorial du Conseil municipal; le Recueil des Lois; Les Mémoires de la Société de Physique и Les Mémoire des la Société d'Histoire. Кромѣ этого, множество религіозныхъ книжекъ.

Пріятно видѣть въ Женевской журналистикѣ, что она не рабски слѣдуетъ за Французскими газетами, какъ Бельгійская, гдѣ цѣликомъ перепечатываются Парижскіе листки; даже, при печатаніи повѣстей со всѣмъ безстыдствомъ объявляютъ — продолженіе будетъ въ такомъ-то нумерѣ, смотря потому, какъ извѣщаетъ о томъ Парижская газета. Ужасно непріятно смотрѣть на такое литературное грабительство — явное доказательство собственной безпроизводительности. Съ какою радостію услышалъ бы я, если бы у насъ и во всей Европѣ наложили пошлину на Бельгійскія изданія. Собственно говоря, отъ этого нисколько не пострадали бы покупщики, потому что при бо́льшемъ расходѣ законныхъ изданій, они, разумѣется, сдѣлаются дешевле. Къ тому же Бельгія не имѣетъ возможности перепечатывать ничего выходящаго за предѣлы легкаго чтенія, а если и перепечатываетъ, то

всегда уродуя законное изданіе, наполняя его ошибками и издавая безъ замѣчаній, чтобъ сдѣлать какъ можно дешевле. Одно только можетъ еще нѣсколько оправдать ее, то, что не одна она похищаетъ чужую собственность: въ Парижѣ Бодри живетъ перепечатываніемъ Англійскихъ книгъ и Италіянскихъ; въ Лейпцигѣ тоже безпрестанно издаются Англійскіе классическіе писатели. Американскія типографіи тоже дѣлаютъ въ отношеніи къ Англійской литературѣ, что Бельгія въ отношеніи къ Французской. Пора бы согласиться всѣмъ уничтожить такое посягательство на право собственности.

Въ литературномъ направленіи Женевы видна тишина и спокойствіе; въ самой брани Женевскія газеты весьма умѣренны. Когда я былъ тамъ, почти во всѣхъ газетахъ сильно нападали на Іезуитовъ; тутъ только встрѣчались рѣзкія выходки, правда и за дѣло. Одна газета, разбирая составъ іезуитскаго общества или *іезуитскаго ополченія* (compagnia di Jesu), говоритъ, что въ Швейцаріи ихъ считаютъ около 200. «Странно, скажутъ намъ,» прибавляетъ она,» что 200 человѣкъ могутъ имѣть такое сильное вліяніе на нѣсколько тысячъ; а намъ удивительно, мы отвѣтимъ, что 200 искусныхъ поджигателей до сихъ поръ еще не успѣли низвергнуть порядка, тишины и спокойствія». Въ этой же газетѣ указывали на то, какъ Іезуиты стараются удержать народъ въ грубомъ невѣжествѣ и въ доказательство приводили только что вышедшую книгу, написанную однимъ Іезуитомъ: Mémoires autographes de la Sainte Vièrge Marie. *Своеручныя записки Божіей Матери.* Я читалъ изъ нея отрывки. Въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ что

нибудь безстыдно-лживѣе этого сочиненія. Вмѣсто того, чтобъ касаться земной жизни Пречистой Дѣвы столько, сколько заставляетъ необходимость Ея земнаго существованія, которое все исчезаетъ въ божественный истинѣ Матери Спасителя и въ небесной славѣ Заступницы нашей предъ престоломъ Всевышняго, Іезуитъ изображаетъ Ее намъ со всѣми вымышленными мелочами домашней жизни. Этого мало, онъ такъ передаетъ намъ жизнь Дѣвы Маріи, что земная, обиходная сторона, кажется, беретъ перевѣсъ надъ Ея божественностію, божественностію не по человѣческому произведенію, а по высокому избранію Ея въ Матери Спасителя рода человѣческаго. Между тѣмъ какъ легко изобразить Ее достойнымъ Ея образомъ! Для этого не надобно ни искусства, ни мудрости, стоитъ только слѣдовать евангельскому повѣствованію, гдѣ и Дѣва Марія и Іисусъ Христосъ не измѣняютъ природѣ человѣческой, но вездѣ являются намъ Матеріею Божіею и Богомъ воплотившимся.

Я не знаю, откуда составитель записокъ беретъ самый разсказъ; но мнѣ кажется, что врагъ католической религіи не могъ бы придумать худшаго кощунства надъ вѣрованіемъ хрістіянскимъ. Прекрасно мнѣ говорилъ объ этомъ въ Парижѣ одинъ истинный хрістіянинъ, человѣкъ—весь проникнутый религіею. Когда, говоритъ онъ, мы разсказываемъ что-нибудь о матери, о женѣ, о томъ, что священно для насъ въ земной нашей жизни, мы избѣгаемъ касаться тѣхъ сторонъ, которыя выставили бы ихъ недостатки, хотя и знаемъ, что онѣ женщины, какъ и всѣ другія. А эти торгаши вѣрованія, мелочные продавцы религіознаго чувства готовы уни-

зить все святое для вѣрующаго сердца, чтобъ только достигнуть своей цѣли : быть единственными властителями народа, чего бы ни стоило подобное властительство. Въ самомъ дѣлѣ, какую найти тутъ другую цѣль, (а безъ цѣли Іезуитъ не сдѣлаетъ ничего), какъ не стараніе огрубить святое чувство религіозное и изъ духовнаго сдѣлать его чувственнымъ, какъ не желаніе сколько можно исказить умъ и сердце народа, чтобъ такимъ образомъ было легче высокое чувство хрістіянской любви замѣнить изувѣрствомъ и изъ народа сдѣлать не ревностныхъ послѣдователей религіи, а защитниковъ ихъ іезуитскаго ополченія. На Западѣ давно уже извѣстно, что религія Іезуитовъ не есть религія католическая. Еще въ началѣ XVII вѣка, именно въ 1605 году во время споровъ между Венеціею и Римомъ, древніе Венеціянцы громогласно произнесли такого рода убѣжденіе и даже тѣ, которые держали ихъ сторону, тоже самое говорили въ собраніи (конклавѣ) кардиналовъ. Но оставя уже частныя, личныя и политическія убѣжденія, больше всего возстаетъ противъ іезуитскаго ополченія всеобщее къ нимъ презрѣніе. Имя Іезуита сдѣлалось наименованіемъ самаго безнравственнаго человѣка въ общественномъ понятіи о нравственности. Странно одно съ перваго взгляда, какъ эти воители, явные враги всего открытаго и тайные всего благороднаго, какъ они теперь снова пріобрѣли такую ужасную силу? Давно-ли? нѣтъ еще и сорока лѣтъ, какъ ихъ выгнали почти отвсюду, какъ самъ Папа, погибшій потомъ отъ рукъ Іезуитовъ, громогласно произнесъ уничтоженіе ихъ общества, теперь посмотрите на Европу. Во Франціи они борятся

съ современными успѣхами общества; въ Германіи вкрадываются всюду, и въ одеждѣ овчей, подъ видомъ пастырей католическаго стада, стараются овладѣть умами народа; въ Англіи поддерживаютъ борьбу между религіями; въ Швейцаріи раздули пламя внутреннихъ раздоровъ; Италіею завладѣваютъ ежедневно болѣе и болѣе. Только одно Славянское поколѣніе спасено отъ этой язвы, внесенной рѣзкимъ переходомъ отъ одного въ другой возрастъ человѣчества, отъ этого недуга ново-историческаго отдѣла человѣческой жизни. Какъ же объяснить настоящее ихъ усиленіе? Многіе, очень умные и очень благомыслящіе люди, бывъ свидѣтелями всѣхъ ужасовъ іезуитскаго владычества, считаютъ ихъ *зломъ людскаго существованія* и отсюда думаютъ, что въ современный намъ въ высшей степени безнравственный составъ общества, оно по порядку вещей должно дойти до высочайшаго развитія. Что точно Іезуиты повсюду несутъ съ собою *общественную безнравственность*, это можно доказать лучше и яснѣе всего ихъ собственными установленіями, гдѣ все основано на совершенно въ корень испорченной человѣческой природѣ, все на доносахъ, и уничтоженіи всякаго спокойствія и тишины душевной. Въ дѣйствіяхъ трудно подмѣтить безнравственное ихъ вліяніе, потому что дѣйствія скрытны до высочайшей степени, но и тутъ мы видимъ безпрестанно, что едва только возвысится гдѣ-либо голосъ правды и права, Іезуиты дѣлаются необходимы для его уничтоженія; съ другой стороны едва только появятся Іезуиты, кажется, они заботятся объ образованіи, а на повѣрку вездѣ является самое ужасное нравственное огру-

бѣніе. Вліяніе ихъ тѣмъ ужаснѣе, что нигдѣ самые враги ихъ не могутъ указать на ихъ *личную безнравственность*; а между тѣмъ ихъ присутствіе вливаетъ ядъ въ составъ общества и повсюду производитъ *безнравственность общественную.*

Я нѣсколько разъ употребилъ выраженіе—*развратъ общественный, безнравственность личная,* потому что я между ними полагаю неизмѣримое различіе, хотя они почти всегда идутъ рука объ руку. Мнѣ кажется, что главный, существенный и величайшій развратъ общества,—несогласіе дѣйствій его съ убѣжденіемъ. Врядъ-ли когда-либо оно бывало въ такой степени, въ какой мы его теперь находимъ на Западѣ. Всмотритесь, прислушайтесь къ голосу Европы: убѣжденіе зоветъ помочь бѣдному, безпомощному сословію народа; дѣйствія оканчиваются частными ничтожными попытками. Убѣжденіе кричитъ противъ устарѣлости и несообразности множества нравственныхъ гражданскихъ постановленій; дѣйствительность усиливаетъ бдительность наблюденія за ихъ исполненіемъ. Убѣжденіе возстаетъ противъ злоупотребленій и свѣтскаго значенія католическаго духовенства; на дѣлѣ никто не протянетъ руку, чтобъ ввести его въ жизнь и общество. Убѣжденіе не терпитъ связности и самыхъ безсмысленныхъ оковъ, налагаемыхъ на людей общественностію, и между тѣмъ съ каждымъ днемъ, начиная отъ законовъ, въ какомъ именно платьѣ выѣзжать утромъ, въ какомъ вечеромъ, до послѣднихъ мелочей жизни, все подъ самыми строгими узаконеніями приличій. Общество убѣждено въ несправедливости государственнаго состава западной Европы, а всѣ единодушно поддерживаютъ

его всѣми силами. Какой хотите при этомъ дѣятельности личной? Гдѣ найдетъ пріютъ истинное благородство сердца, когда оно должно быть или гонителемъ общественнаго спокойствія, или врагомъ убѣжденію, если не хочетъ изныть и умереть безъ дѣятельности? Разберите въ подробности всю эту борьбу убѣжденія, почти вездѣ Іезуиты первыми его врагами.

Оставя эту борьбу Женевы съ Іезуитами, вообще современная летучая Женевская литература весьма занята религіею. Что̀ касается до ученой, то она въ настоящую минуту не блистаетъ знаменитыми именами. Тамъ теперь весьма мало извѣстныхъ ученыхъ, даже я не знаю хорошенько есть ли кто либо, кромѣ Декандоля, и тотъ знаменитъ болѣе славою, пріобрѣтенною отцемъ его, нежели собственными учеными заслугами.

Прежнія лѣтописи ученаго Женевскаго міра могутъ насчитать множество великихъ людей, хотя надобно прибавить при этомъ, что всѣ они принадлежали Женевѣ только по имени, не составя ничего въ литературѣ, что̀ было бы исключительностію ихъ отечества и основало бы школу. Начиная съ Руссо, узнаннаго соотечественниками только тогда, когда уже составилась его слава въ Европѣ и болѣе чтимаго послѣ смерти, нежели при жизни, всѣ Женевскіе геніи, исключая Декандоля, пріобрѣли имя и были на поприщѣ дѣйствія внѣ отечества; хотя и то правда, что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности Женевцы имѣютъ своихъ представителей. Заговорите съ образованнымъ Женевцемъ, онъ укажетъ вамъ между языкознателями Казобона и Скалигера,—двухъ свѣтилъ языкоученія. Между

государственными людьми Неккера, неудачнаго министра несчастнаго Французскаго Короля Людовика XVI, и Лефорта, который далъ право Женевцамъ говорить, будто и они много сдѣлали для Россіи.

Между историками Женевцы указываютъ на Сисмонди, истиннаго Женевца по направленію своихъ сочиненій. Трудолюбивый, работящій, онъ написалъ десятки, едва-едва не сотни книгъ; много дѣльнаго, все очень полезно, все почти безукоризненно, и во всемъ ни одной мысли, никакого средоточія, все прочтется и ставится на полку на случай справки; между тѣмъ какъ всѣ предметы, имъ разработываемые, трогаютъ самыя живыя струны человѣческаго сердца. Красивая внѣшность, то есть пріятный языкъ, подробности изысканій, не всегда глубокихъ, и только. Дѣло идетъ вездѣ о томъ, что прямо несется къ сердцу, и сердце читающаго ни на одномъ мѣстѣ разсказа не забьется сильнѣе обыкновеннаго.

Между естествоиспытателями—Соссюра, который первый сдѣлалъ опасное путешествіе на Монбланъ, и знаменитаго Декандоля.

Послѣдній совершенно выходитъ изъ общаго счета Женевскихъ ученыхъ. У него все въ мысли и, что еще важнѣе, въ такой мысли, которую вы видите не въ системѣ, а въ дѣятельномъ ея явленіи. Онъ одинъ изъ первыхъ почувствовалъ и первый привелъ въ исполненіе, въ огромномъ размѣрѣ, то, чего давно ждала наука растительной природы. Все его стараніе устремлялось на то, чтобъ дать ботаникѣ правильный, естественный ходъ, на которомъ она подмѣчала бы природу, слушала бы ее, а не повелѣвала бы ей, и, подмѣчая, изучала бы не-

прерывную цѣпь, соединяющую весь растительный міръ въ одно общее органическое цѣлое. Здѣсь рѣшительно трудъ прямо противоположный труду Сисмонди. Этотъ оковалъ живыя лѣтописи Италіянскихъ дѣяній, и изобразилъ вамъ ходячими истуканами тѣ республики древней Италіи, которыя въ государственной жизни являлись со всѣмъ средневѣковымъ блескомъ, со всѣмъ средневѣковымъ разгуломъ быта отчаяннаго воина и влюбленнаго рыцаря, со всѣмъ изступленіемъ чувства крестоносца того времени; онъ отнялъ игру звуковъ у пѣсней трубадуровъ, тихую, таинственную мелодію у вечерней молитвы монаховъ, и, съ точностію описавши дѣянія Италіи, игриво разсказавши о сердечныхъ порывахъ всей южной Европы, представилъ вамъ разсѣченіе труповъ и химическое разложеніе бездушнаго тѣла, тамъ гдѣ вы только и просите и ждете жизни. Декандоль на оборотъ, не прибѣгая къ игривости слога, одними сухими опредѣленіями сроднивъ въ понятіи людей то, что̀ не было роднымъ до его многочтимаго *Prodromus sistematis naturalis*, и простымъ указаніемъ признаковъ вывелъ на свѣтъ всѣ степени сродства и отношенія сродненій между растѣніями.

Наконецъ въ изящной литературѣ, не говоря уже о великомъ Руссо, котораго имя не требуетъ ни поясненій, ни отчету въ томъ, что̀ онъ далъ міру, кромѣ его, въ Женевѣ были двѣ женщины: Сталь и Неккеръ де Соссюръ. Первая составила собою какъ бы отдѣльный періодъ въ ходѣ Французской литературы; вторая избрала путь менѣе блестящій, но болѣе близкій и къ ея положенію и къ требованіямъ ея согражданъ и вообще современниковъ.

Она исключительно посвятила себя наблюденіямъ и изслѣдованіямъ въ дѣлѣ воспитанія и особенно воспитанія женскаго,—самый лучшій путь, какой женщина-писательница можетъ избрать для своей дѣятельности; къ тому же этотъ предметъ всего сроднѣе настоящему направленію ея отечества.

Изъ всѣхъ этихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей только одному Руссо поставленъ памятникъ на особомъ небольшомъ островкѣ, омываемомъ синеголубыми водами Роны. Самъ по себѣ памятникъ не замѣчателенъ и столько же принадлежалъ бы онъ Руссо, какъ и всякому другому писателю, еслибъ только не мѣшало этому сходство лица съ такъ знакомымъ всѣмъ портретомъ Женевскаго философа. Обернутый въ какую-то мантію, Руссо сидитъ на креслахъ, въ правой рукѣ держитъ карандашъ, въ лѣвой книгу, подъ креслами тоже положены книги. Что за мысль положить книги подъ креслами? Этотъ памятникъ сдѣланъ скульпторомъ Прадье и поставленъ на мѣсто въ 1833 году. Выборъ мѣста очень удаченъ. Это небольшой островокъ: на немъ, около памятника, насажены кипарисы, проведены дорожки, разбросаны по мѣстамъ цвѣты;—онъ какъ будто бы самою мѣстностію назначенъ быть прибѣжищемъ грустныхъ воспоминаній, и врядъ-ли есть другое лице въ исторіи умственнаго развитія человѣчества, котораго бы жизнь болѣе наводила грусти на сердце. Человѣкъ, всю жизнь проведшій въ борьбѣ съ самимъ собою, изнылъ и сдѣлался жертвою битвы между личнымъ стремленіемъ любить и любить пламенно и стремленіемъ вѣка ломать и уничтожать всякое чувство, живя одною жизнію ума.

Кипарисы вокругъ памятника придаютъ какую-то грустную прелесть острову. Къ нему ведутъ два моста съ обѣихъ частей города. Въ одну сторону видно озеро и заозерныя горы Швейцаріи; въ другія — двѣ части города, расположеннаго по обѣимъ сторонамъ Роны. Лѣтомъ тутъ бываютъ иногда по вечерамъ концерты; но зимою и лѣтомъ, утромъ и вечеромъ не умолкаетъ ни на минуту вѣчный однообразный шумъ Роны, и, когда случается сидѣть тутъ одному, онъ дополняетъ въ душѣ то, что занесется въ нее припоминаніемъ о больномъ мыслителѣ.

Островъ, кипарисы, садокъ, Рона; все это прекрасныя украшенія памятника и, при другомъ его сочиненіи, они могли бы внести воображеніе во всю полноту болѣзненной жизни самаго замѣчательнѣйшаго изъ философовъ западно-Европейскаго Христіянскаго міра. Но странно для меня, какъ воображеніе ваятеля не могло придумать чего-нибудь менѣе классическаго для одного изъ первыхъ геніевъ противуклассическаго міра, чего-нибудь не столько холоднаго въ память человѣка, всю жизнь бывшаго подъ вліяніемъ сердца, ему обязаннаго и своею славою и своими страданіями. Изобрази онъ Руссо въ его мѣховой шапкѣ, въ его кафтанчикѣ, это было бы во сто разъ лучше и приличнѣе для памяти того, кто въ литературѣ и въ упорной тогдашней жизни, въ понятіяхъ и на дѣлѣ, былъ первымъ, заклятымъ врагомъ академическихъ правилъ науки и изысканныхъ условій общества. Жаль еще, что на подножіи памятника нѣтъ барельефовъ, безъ нихъ оно какъ-то и не красиво и сухо; а между тѣмъ какъ здѣсь они были бы очень

кстати. Стоитъ только раскрыть «Исповѣдь Руссо»: кажется, что тутъ нѣтъ недостатка въ томъ, чѣмъ можно обрисовать любившаго независимость до того, что онъ лучше рѣшался жить перепискою нотъ, нежели получать пенсію отъ короля, и вѣчно подчиненнаго до самыхъ мелочей жизни; писавшаго цѣлые томы практическаго воспитанія и отказавшагося воспитывать собственныхъ дѣтей своихъ. Каждая страница «Исповѣди» могла бы доставить самыя яркія картины внутренней битвы, безпрестанной борьбы чувства съ умомъ и недостатка воли тамъ, гдѣ все зависѣло отъ ея рѣшенія.

Женевцы, по видимому, довольны памятникомъ, и не мудрено: у нихъ вообще не замѣтно вкуса и особенно любви къ искусствамъ, не смотря на то, что они насчитываютъ между своими согражданами многихъ художниковъ. Когда мнѣ ихъ перечисляли, я не встрѣтилъ ни одного имени, которое было бы извѣстно даже по сю сторону Альповъ, а тѣмъ уже больше за Альпами. Впрочемъ, коснувшись искусства, надобно сказать правду, что не только въ Женевѣ, но и во всей Швейцаріи оно никогда не имѣло ни малѣйшей жизни и самая ихъ литература извѣстна одними именами, не составляя ничего собственнаго, самостоятельнаго.

Вотъ одна изъ причинъ, почему у меня издавна мало лежало сердце къ Швейцаріи и особенно къ Швейцарцамъ, какъ отдѣльному народу. Страна безъ искусства, безъ литературы, не смотря на всѣ свои притязанія и на всѣ возгласы своего историка Миллера, не можетъ имѣть отдѣльнаго мѣста въ исторіи человѣчества. Она можетъ ввести въ нее незначительный отдѣльный разсказъ, никакъ не болѣе.

Если бы на ея долю достался какой-нибудь удѣлъ въ исторіи, то есть, еслибы ей было суждено развить въ своихъ нѣдрахъ что-либо человѣческое, не развитое индѣ, оно непремѣнно отпечаталось бы во всѣхъ сторонахъ жизни и необходимо высказалось бы въ жизни сердечной. Швейцарія молча провела свое торгашное существованіе и исторія молча пройдетъ ее, слѣдя за успѣхами человѣческаго развитія; а люди? они восхищаются ея дивною, грозною природою, разсказываютъ о чудесахъ исполинскихъ ея горъ и кое-какія частности о Швейцарцахъ, о грубости ихъ въ отношеніи къ путешественникамъ, особенно небогатымъ, отъ которыхъ имъ нѣтъ богатой поживы, о простотѣ жизни въ отдаленныхъ уголкахъ, и только; народа какъ будто бы не существуетъ, никто не скажетъ объ немъ ничего, ни худаго, ни хорошаго. Въ самомъ дѣлѣ взгляните пристальнѣе, что дала эта страна людямъ такого, что точно было бы ея собственнымъ, принадлежало бы исключительно Швейцаріи? Что внесла она новаго, до нея небывшаго, въ бытъ человѣческій? Свобода ея городовъ, развившаяся благодаря ея горамъ, между ними и осталась, не перешагнувъ ни на ту, ни на другую сторону Альповъ, и правду говорятъ Италіянцы, что сыны Гельвеціи съ свободою на устахъ, постоянно приносили съ собою цѣпи всюду, куда ни привлекали ихъ корыстные виды.

Такая всегдашняя продажность не можетъ расположить никого въ пользу этого народа. Народъ безъ особеннаго назначенія, составившагося въ собственной его природѣ, какъ человѣкъ безъ убѣжденія, всегда производитъ во мнѣ, и, я думаю, въ каждомъ,

какое-то непріятное чувство. Какъ бы ни было мелко убѣжденіе, оно даетъ и отдѣльному человѣку и народу почетное мѣсто; степень его и согласіе съ нимъ его дѣйствій опредѣляетъ степень нравственности, слѣдовательно степень совершенства, степень общественной и частной высоты. Съ другой стороны оно даетъ наблюдателю возможность судить и оцѣнивать его поступки: это средоточіе, точка притяженія всего существа его. Что же Швейцарцы? Въ средніе вѣка, при началѣ новой исторіи и даже до послѣдней ея страницы, они продажно служили каждому, не спрашивая кому, не спрашивая какое знамя несетъ тотъ, кто ихъ нанимаетъ; прибыль была единственнымъ ихъ руководителемъ; говорятъ, они служили честно; но лѣтописи и сказанія объ Италіянскихъ войнахъ не вездѣ подтверждаютъ такую молву. Стоитъ только припомнить, какъ они переходили отъ однихъ къ другимъ, кто больше дастъ, во время походовъ Франциска I, и еще болѣе во времена частныхъ ссоръ между Папою и сѣверными Италіянскими державами, тогда честность ихъ службы подвергнется сильному сомнѣнію. Сегодня ревностные защитники всѣхъ ужасовъ западнаго духовенства, завтра вмѣстѣ съ врагами его они врываются въ первопрестольный градъ его, грабятъ, насильничаютъ, и безстыдно издѣваются надъ тѣмъ, чему вчера покланялись, что вчера только защищали силою оружія. И все это изъ одной платы, все это безъ всякаго убѣжденія, безъ всякаго личнаго политическаго участія. Вообще, если и бывали у нихъ примѣры честности, они состояли въ точномъ исполненіи подписанныхъ условій, не больше; въ заключеніи самыхъ условій она никог-

да не возвышалась до высоты убѣжденія. Но не будь этихъ примѣровъ, тогда какъ же могъ бы жить народъ, питающійся отдаваніемъ въ наймы и своихъ силъ и всѣхъ своихъ душевныхъ способностей? Не исполняй они условій, никто бы ихъ не нанялъ.

Это было тогда, когда все держалось войною, все на войнѣ строилось. Теперь, принаравливаясь къ требованію времени, они перемѣнили предметъ своей торговли; теперь они продаютъ свои свѣдѣнія и также, какъ прежде у нихъ бывали запасы наемныхъ воиновъ, такъ теперь цѣлые складочные города наемныхъ воспитателей. Здѣсь опять тоже самое: Швейцарецъ-учитель ни больше, ни меньше какъ ходячій воспитатель, уличный продавецъ правилъ нравственности и опытовъ умственнаго развитія. Кому продаетъ онъ? для какой цѣли? ему все равно, онъ требуетъ одного—платы; спрашиваетъ объ одномъ,—кто больше заплатитъ.

Правда, что ихъ тихій, спокойный нравъ, благоразумная, расчетливая честность, составляютъ весьма важныя качества для воспитателя. Все это такъ, но это добродѣтели внѣшнія; они составляютъ непремѣнныя условія для того, чтобъ быть хорошимъ воспитателемъ, однакожъ сами по себѣ не даютъ еще ни малѣйшаго права считать этихъ господъ истинно примѣрными воспитателями. Особенно не даютъ этого права тогда, когда при нихъ есть два недостатка, незамѣнимые никакими внѣшними добрыми качествами, именно, недостатокъ убѣжденія и холодный взглядъ на тѣ стороны жизни, которыя, у народа самостоятельнаго, должны сливаться съ существомъ его и быть исключитель-

нымъ и непремѣннымъ условіемъ личнаго счастія каждаго.

Хотите-ли вы знать, какія это стороны?

Привязанность къ народу, какъ къ своимъ бѣднымъ собратьямъ, и твердое вкорененіе въ сердцѣ религіи.

Опять домой, опять къ своей семьѣ многоплеменной. Да, здѣсь дѣло идетъ о такомъ вопросѣ, который переноситъ меня прямо къ намъ въ Россію.

Съ нѣкотораго времени у насъ начали быть въ чести наставники - Швейцарцы. Имѣвши случай непосредственно слѣдить за ходомъ нашего воспитанія, я, сколько могъ, старался вникнуть въ то, точно-ли по праву даютъ имъ такое преимущество? и могутъ ли они быть вполнѣ хорошими наставниками? Долгія мои наблюденія и понятія, составленныя изъ хода ихъ собственнаго воспитанія, все увѣрило меня, что Швейцарецъ можетъ быть превосходнымъ, честнымъ швейцаромъ-привратникомъ въ домѣ, рачительнымъ дядькою и никакъ не больше. Какъ бы ни возражали наши нелюбители нашего собственнаго, но все таки имъ трудно будетъ опровергнуть, что истинно хорошимъ наставникомъ, особенно хорошимъ воспитателемъ, можетъ и долженъ быть свой соотечественникъ. Только онъ въ каждомъ мелкомъ поступкѣ, при каждомъ ничтожномъ событіи, собственнымъ примѣромъ вольетъ въ воспитанниковъ не продажную любовь къ родинѣ, и только онъ будетъ умѣть во всемъ открыть прекрасныя стороны народа, особенно у насъ, гдѣ иностранцы не могутъ видѣть въ нашемъ добромъ, прямодушномъ народѣ ничего, кромѣ грубости, невѣжества и даже, по ихъ выраженію, совершеннаго скотства.

Пока наши молодые Русскіе не будутъ воспитываемы Русскими, до тѣхъ поръ порядочному изъ нихъ, я не говорю уже о прочихъ, много будетъ стоить усилія, чтобъ въ каждомъ изъ народа видѣть бѣднаго своего собрата, а не животное, не имѣющее ничего съ нимъ общаго, кромѣ человѣческаго образа. Это одно выше всякихъ знаній, предпочтительнѣе умѣнья говорить на трехъ, четырехъ языкахъ; но, рядомъ съ этимъ, и еще ступенью выше, есть другая сторона жизни—религія. Здѣсь всего важнѣе теплое развитіе вѣрованій сердца, не холоднымъ наставленіемъ, которому на каждомъ шагу противорѣчатъ дѣйствія, не видимымъ внѣшнимъ уваженіемъ, съ которымъ никакъ не роднится кальвинистское и особенно методистское презрѣніе ко всему тому въ нашей вѣрѣ, предъ святостію чего благоговѣетъ сердце безъ совѣта ума и безъ изслѣдованій, нѣтъ: развитіе собственною теплотою, собственнымъ вѣрованіемъ и собственною покорностію ума, тамъ, гдѣ послѣдняя и высшая сила его только и можетъ высказаться въ самопобѣжденіи.

Что же во всѣхъ отношеніяхъ принесутъ намъ Швейцарцы? Они плѣняютъ насъ своимъ спокойствіемъ, своимъ подчиненіемъ всякому порядку вещей, чего не найдешь ни у пламеннаго Француза, ни у непреклонно разсудительнаго Англичанина, ни у прямаго врага безотчетной теплоты сердца, Германца. Швейцарецъ не врагъ ничему; заплатите ему деньги, онъ со всѣмъ ужьется. Но какого же можно ожидать отъ него развитія юныхъ силъ? Какихъ основныхъ правилъ, когда у самого его они всѣ оканчиваются деревяннымъ исполненіемъ

подписанныхъ условій? На чемъ укрѣпитъ онъ правила общественной нравственности въ юношѣ, и какимъ средоточіемъ соберетъ всѣ частные его поступки въ одну благородную цѣль, когда у него самого вся цѣль его жизни собственное существованіе? Наконецъ въ наукѣ, менѣе, по видимому, соприкосновенной съ внутренними храминами души, какъ сольетъ онъ ее съ жизнію ума своего воспитанника, когда у него самого она простое средство, когда въ немъ самомъ она простой сборникъ свѣдѣній?

Изъ двухъ золъ—брать воспитателемъ Швейцарца, или другаго иноземца, я взялъ бы каждаго; но только избави меня Богъ отъ человѣка, торгующаго общественною совѣстію и продающаго личное свое *дѣятельное* убѣжденіе.

Далеко ушелъ я отъ моего предмета, но свое близко къ сердцу и о чемъ ни заговоришь, а все привлечетъ къ своему родному и близкому.

Если случится, что эти листы будутъ напечатаны, быть можетъ, многіе побранятъ меня за такія отступленія, которыя вѣроятно не разъ еще встрѣтятся. Напередъ винюсь, что не могу писать безъ нихъ. Разсказывать, гдѣ что видѣлъ, для этого можно взять Рейкардова путеводителя по Европѣ; разсказывать же, какъ видѣлъ, нельзя безъ того, чтобъ не сказать, что при видѣ всего подумалось и почувствовалось; а у настоящаго Русскаго, у истиннаго Славянина, на умѣ и на сердцѣ всего чаще Россія и Русское; о чемъ онъ ни заговоритъ, прямо, или непрямо, все ведетъ его къ братьямъ Славянамъ.

Въ Женевѣ вездѣ замѣтны тишина и спокойный нравъ народа. Это много зависитъ отъ того, что въ ней, какъ и во всей Женевской республикѣ, очень не многолюдно: во всемъ кантонѣ считается жителей 61,871 душа. Тихо, спокойно, довольно просторно, а все нѣтъ полнаго внутренняго согласія, и народъ, какъ его ни мало, раздѣленъ на партіи. Разумѣется, главное начало раздѣленія—неравенство состояній. Богатымъ мало выгодъ, какія доставляютъ имъ богатства; они все хотятъ захватить въ свои руки и быть исключительными членами правительства. Бѣдные не могутъ этого позволить, и вотъ внутренняя вражда и раздоры. Года два тому назадъ они обнаружились междуусобною войною, на которой бѣдные взяли перевѣсъ. Такое различіе не ограничилось однимъ бытомъ политическимъ, оно вошло даже и въ религію и въ ней богатые соединились въ особый расколъ Методистовъ. Въ ученіи онъ почти не отличается отъ Кальвинистовъ; но главное отличіе въ строгости жизни, цѣль котораго всего болѣе политическое значеніе. Онъ здѣсь замѣняетъ Англійскія права первородства (маіорат-ство) и даетъ средства перебѣсившейся молодежи поправить проказы молодости, а батюшкамъ и матушкамъ накапливать имѣніе и подъ знаменемъ религіознаго раскола легче обуздывать расточительность дѣтокъ. Съ перваго взгляда мнѣ показалось нѣсколько страннымъ, какимъ образомъ богатые добровольно отказываются отъ того, чему богатство даетъ всѣ возможныя средства,—отъ праздниковъ и увеселеній? Но послѣ очень просто объяснилъ мнѣ это одинъ Женевецъ, не принадлежащій къ расколу Методистовъ. «Хорошо,» это были слова его, «отка-

зываться имъ отъ праздниковъ, когда у нихъ нѣтъ ни одного вполнѣ рабочаго дня; а бѣдному безъ праздника пришлось бы умереть отъ вѣчной каторжной работы, отъ которой во всю недѣлю одинъ сонъ даетъ ему отдохновеніе и то въ половину. Они враги театровъ, баловъ, собраній и танцевъ; все это у насъ плохо. Они и прежде на нихъ только скучали, разъ отъ того, что точно въ праздной жизни веселье скучно, а вдвое больше потому, что тамъ надобно часто бывать вмѣстѣ съ бѣдными, что̀ имъ очень не нравится.»

Отстраняя вовсе политическія притязанія богатой части Женевскихъ гражданъ, а смотря на одну сторону религіозную, или вѣрнѣе сказать, на одно ученіе, Методисты составляютъ собственно протестантское монашество, только они ведутъ семейную жизнь и живутъ въ свѣтѣ, а не въ кельяхъ. Но какъ такое ихъ монашество не есть требованіе сердца оставить суету свѣта и посвятить всю жизнь Богу, а горделивое ученіе ума, который нашелъ, что всѣ общественныя забавы не совмѣстны съ человѣческимъ достоинствомъ, по этому первое слѣдствіе его нетерпимость, часто переходящая даже за предѣлы религіознаго изступленія (фанатизма). Изступленіе (фанатизмъ) находитъ оправданіе въ слѣпотѣ своей, начало его всегда прекрасно и благородно: это священное пламя жертвоприношеній. Не виновата религія, что люди, возжигая куренія ѳиміама, сожигаютъ города и селенія, хотя и тутъ я не могу не прибавить: пепелъ сожженныхъ городовъ оплодотворяетъ землю и на мѣстѣ уничтоженнаго тотчасъ же вырастало цвѣтущее и сильное. Изступленіе (фанатизмъ) — страсть, и, какъ всякое

другое сильное ослѣпленіе, оно не въ состояніи слышать голоса разсудка; но въ чемъ найдетъ извиненіе холодное ученіе Методистовъ, у которыхъ разсудокъ считается единственнымъ путеводителемъ? чѣмъ оправдаются его послѣдователи, когда они, проповѣдуя евангельское братство, не поднимутъ нищаго, умирающаго на улицѣ, если онъ не одного съ ними раскола? Присоедините еще къ этому горделивое презрѣніе всего, что носитъ печать безотчетнаго вѣрованія; вслѣдствіе чего Методистъ не въ состояніи смотрѣть безъ явнаго презрѣнія на молящагося предъ образомъ.

И такихъ людей мы назначаемъ наставниками нашимъ дѣтямъ! И отъ подобныхъ наставленій ждемъ мы развитія любви къ нашему народу, вѣрующему всею душею и привязанному ко всѣмъ преданіямъ вѣры отцевъ своихъ, со всею горячностію сердца! Право, даже и съ намѣреніемъ трудно было бы сдѣлать выборъ неудачнѣе этого.

Напрасно умъ беретъ на себя рѣшить все; ему не понятны и не доступны ни полнота чувства, боготворящаго не только невидимое существо, но и самый тотъ образъ, въ какомъ онъ явился на искупленіе рода человѣческаго; ни смиреніе сердца, которое не находитъ себя достойнымъ прямо предстать предъ подножіе престола Всевышняго и обращается къ тѣмъ, кого считаетъ болѣе достойнымъ Божескаго милосердія.

Согласите же теперь такое презрѣніе съ братствомъ евангельскимъ: трудно, чтобъ холодный, вѣчно себялюбивый умъ, лучше устроилъ братское общество, нежели какъ составило его сердце

первыхъ Хрістіанъ, все принявшихъ изъ устъ Спасителя, всего просившихъ у Господа.

Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ. Любите, любите и любите, а тамъ, носите себѣ какую хотите одежду, молитесь на какомъ угодно языкѣ. Но вотъ къ чему приведетъ любовь братская: съ нею мы не забудемъ, что въ простой, нисколько необдуманной молитвѣ грѣшныхъ Спаситель нашелъ больше чистоты, нежели въ умномъ, расчетливомъ сознаніи своихъ отношеній къ Богу. Она убѣдитъ насъ въ томъ, что покорное моленіе души: сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей, свѣтлѣе озаритъ ее, нежели цѣлыя разсужденія, какимъ путемъ будетъ она переходить въ свѣтлыя обители и въ какомъ видѣ принимать ей неизслѣдимаго Создателя вселенной.

Правда, что Методистъ и всѣ многоименные собраты ихъ могутъ, въ защиту ученій, порожденныхъ новою исторіею, представить много умнаго, много полезнаго для общества; но, вникая въ составъ всего, ими представляемаго, я вижу одно, что начало всего прекраснаго принадлежитъ тому же великому зданію средневѣковой религіи, противъ которой они возстаютъ со всею яростію; истинно новое—одни гордыя притязанія ума, только потому не возбуждающія противъ себя общественной ненависти, что они не являются въ томъ яркомъ цвѣтѣ, въ какомъ являются недостатки вѣковъ до-протестантскихъ; тамъ все было дѣло сердца, слѣдовательно все было рѣзко и сильно.

Но пути Божіи неизслѣдимы. Провидѣніе ведетъ міръ по неизмѣннымъ законамъ. Въ предвѣчной кни-

гѣ ихъ было написано, что придетъ время, когда умъ завладѣетъ сердцемъ и когда Германство съ своими протестантскими преобразованіями содѣлается бичемъ-очистителемъ отклонившихся отъ истины нашихъ братьевъ по религіи, западныхъ Хрістіянъ католиковъ. Намъ восточнымъ Хрістіянамъ Славянамъ остается только со всѣмъ смиреніемъ души благодарить Отца небеснаго за то, что Ему угодно было избрать наше великое Славянское поколѣніе для жизни въ періодѣ тихаго, спокойнаго величія человѣческаго, для того отдѣла исторіи назначеніе котораго спокойно смотрѣть на міръ сотворенный, въ собственномъ составѣ повторять согласіе творенія вселенныя, и въ то же время съ смиренною покорностію сердца преклонять главу предъ неизслѣдимымъ Творцемъ его. Заря этого періода уже появилася на отдаленномъ горизонтѣ исторіи и лучи ея начинаютъ освѣщать нашу жизнь сердечную.

Если только эти строки прочтетъ западный Европеецъ, законный-ли онъ сынъ западной образованности, или отчужденный Славянинъ, пріемышъ въ Европѣ, онъ непремѣнно врагъ Славянства, и потому, если только онъ прочтетъ это, первый вопросъ его: да гдѣ же доказательства такого явленія, *в какомъ сочиненіи читали вы объ этомъ* (*)?

Для меня лично вотъ одно изъ доказательствъ любовь къ людямъ и я обращаюсь къ Славянамъ любовь къ Богу и предо мною являются Славяне

(*) Послѣднія слова вопроса, слово въ слово были сказаны мнѣ въ Парижѣ, на одномъ полуученомъ, пожалуй четверть-ученомъ вечерѣ.

ближе всѣхъ прочихъ. Неужели отъ того они мнѣ являются такими, что я самъ Славянинъ душею и тѣломъ? Но десять, двадцать лѣтъ тому назадъ, мы были тѣми же Славянами, а кто изъ насъ вспоминалъ о нашемъ Славянскомъ происхожденіи?

Этого не объясните самолюбіемъ, и какое тутъ самолюбіе *для* меня Русскаго, *для* котораго въ одномъ имени Россіи неисчерпаемый источникъ народной гордости? Нѣтъ, тутъ другое объясненіе: пробилъ часъ по предвѣчному велѣнію гласа Божія и отъ южныхъ береговъ Адріятическаго моря до льдовъ Сѣвера, всѣ начинаютъ понимать внутреннее, душевное, Славянское братство.

Простой, не умѣющій ни читать, ни писать Черногорецъ, равно не подчиненный ни Австрійцу, ни Русскому, говоритъ мнѣ: *брате*, ты братъ мой, ты говоришь со мною однимъ языкомъ, ты вѣруешь вмѣстѣ со мною въ Бога истиннаго. Безотчетно, не зная самъ почему, не можетъ онъ признать роднымъ братомъ западнаго Европейца и, наморщась, говоритъ: *онъ Латынянинъ*.

Въ тоже время въ другой сторонѣ Европы, Профессоръ на каѳедрѣ Парижскаго Университета (College de France) говоритъ: «Русскій братъ мнѣ, не смотря на то, что исторія ввела раздоры въ наше братство: «Русскій мнѣ братъ, онъ, вмѣстѣ со мною, питаетъ въ себѣ истинную вѣру въ Бога Предвѣчнаго, однимъ со мною языкомъ Его исповѣдуетъ, хотя въ этомъ вѣрованіи и въ этомъ исповѣданіи, мы идемъ и различными путями.»

Тутъ вся разница въ умѣньи передавать убѣжденіе, данное не наукою, не знаніемъ, а вложенное въ душу волею Божіею, то есть самою при-

родою. Одинъ по неразвитію смѣшиваетъ внѣшность религіи съ ея сущностію; другой знаетъ, что Богъ единъ и постигъ, что люди Запада уклоняются отъ истины, не отдѣленіемъ себя во внѣшнемъ богослуженіи; эта внѣшность не была бы важна, если не было бы того, что скрывается подъ нею существеннаго: *сотворенія себѣ кумира въ самихъ себѣ.*

Такое выраженіе покажется, можетъ быть, немного рѣзко моимъ читателямъ, да позволятъ они мнѣ войти въ его историческое объясненіе.

Римъ, отдѣлясь отъ древней первоначальной Церкви Хрістіянской, не отвергъ религіи, но гордо приписалъ себѣ величіе Божіе, назвалъ себя первопрестольнымъ градомъ Хрістіянскаго царства и своего владыку–намѣстникомъ Сына Божія. Несообразность не могла не сдѣлаться понятною всѣмъ и каждому: какой первопрестольный градъ въ томъ царствѣ, у котораго одинъ престолъ—любовь Хрістіянская? Какой Владыка и повелитель тамъ, гдѣ первая основа всего–Хрістіянское братство? Какія могутъ быть притязанія на непогрѣшимость въ томъ мірѣ, въ которомъ сознаніе своихъ немощей, покорность предъ Богомъ и смиреніе предъ людьми считаются первымъ шагомъ къ возвышенію?

Но исторія не судится. Провидѣнію угодно было попустить, чтобъ вошли въ міръ всѣ такія противухрістіянскія начала, Его законы неизмѣнны. Не будемъ возставать противу нашихъ прежнихъ собратовъ; ихъ заблужденія были шагомъ къ истинѣ, той свѣтлой истинѣ, какую намъ дало Оно узрѣть открытыми очами.

Въ этотъ первый возрастъ жизни западной Церкви заблудились люди, но не оставили религіи.

Въ первомъ ихъ заблужденіи запалъ зародышъ всего дальнѣйшаго, какъ въ первомъ грѣхопаденіи человѣка составилась основа всѣхъ будущихъ золъ его и болѣзней. Въ первомъ отдѣленіи Запада отъ общей Церкви Христіянской было сокрыто начало и весь ходъ протестантства. Религія изъ чистой необходимости сердца, внѣшнее богослуженіе изъ необходимости земнаго существованія человѣка, превратились въ орудія, сначала нравственнаго и умственнаго, потомъ скоро за этимъ гражданскаго и тотчасъ же вслѣдъ политическаго порабощенія народовъ. Разумѣется, обладая вполнѣ сердцемъ, и та и другое на все простираютъ и должны простирать свое вліяніе, но вліяніе посредствомъ сердечнаго развитія.

Здѣсь, въ этомъ худо понятомъ не прямомъ вліяніи религіи найдемъ мы объясненіе той смѣшанности понятій, какую мы теперь на каждомъ шагу встрѣчаемъ у современныхъ намъ мыслителей. *Религія во всемъ, богослуженіе вездѣ*, вотъ ихъ обычные возгласы, до того разширяющіе предѣлы религіи, что она сливается съ жизнію и на повѣрку выходитъ, что жизнь остается безъ религіи. Нѣтъ, религія въ тепломъ вѣрованіи сердца, спокойномъ убѣжденіи ума, въ непоколебимой ея истинѣ, и смиренной покорности воли внѣшнимъ оболочкамъ и символамъ вѣрованія; богослуженіе въ храмѣ, въ домѣ молитвы. Но самая такая смѣшанность и сбивчивость понятій есть непремѣнное слѣдствіе заблужденій западнаго католичества, и вмѣстѣ главная и прямая причина позднѣйшихъ его преобра-

зованій. Иго, возложенное имъ на міръ, сдѣлалось несносимымъ, и люди, падая подъ его тяжестію, не могли спокойно различить утѣснителя отъ орудія утѣсненій. Они смѣшали католическое духовенство съ религіею; вмѣсто того, чтобы уничтожать одни только заблужденія и неистовства перваго, они возстали противъ самой религіи и въ пылу ярости посягнули на самое священное достояніе человѣческаго сердца.

Здѣсь начинается второе и рѣшительное самопоклоненіе Запада. Умъ человѣка, какъ духъ-возмутитель міра доземнаго, возсталъ противу Бога, онъ оставилъ одно Его имя и то приписалъ самому себѣ. Изъ религіи онъ сдѣлалъ простое ученіе, то есть другими словами, ее уничтожилъ. Не могъ не допустить Евангелія для своего академическаго проповѣдыванія нравственности, потому только, что не могъ не сознаться въ высотѣ его, ни изобрѣсти ничего ни выше, ни многообъемлемѣе евангельскихъ истинъ. Но Евангеліе сдѣлалось у него умнѣйшимъ въ мірѣ ученіемъ и перестало быть для него собственнымъ словомъ Божіимъ, высокія таинства Церкви сдѣлались однѣми напоминовеніями о жизни Великаго Учителя и слѣдовательно достояніемъ ума, потерявши все въ мірѣ вѣрованій. Такимъ образомъ богослуженіе превратилось въ систему и, разумѣется, тотчасъ же появилось сотнями различныхъ системъ, враждебныхъ между собою. Религіозное изступленіе (фанатизмъ) превратилось въ надменное презрѣніе ума, менѣе гибельное по послѣдствіямъ, но болѣе ненавистное въ своей основѣ.

При этомъ противъ меня возстанутъ всѣ защитники протестантства. Какъ? Протестантство воз-

стало противу Бога и Хріста Его, когда оно постоянно повторяетъ слова Евангелія, и даже свое исповѣданіе называетъ евангельскимъ? Существо, въ которое перестаемъ мы вѣровать съ полною покорностію ума, которое мы изслѣдуемъ холоднымъ разсудкомъ, перестаетъ быть неизслѣдимымъ и непостижимымъ Творцемъ міра, хотя языкъ и будетъ называть Его симъ именемъ. Вѣра въ Бога не на языкѣ, а въ сердцѣ; если же у сердца отняты всѣ вѣрованія, у него отнята всякая религія, то есть отнята ученіемъ, потому что дѣйствительно, къ счастію людей, ее отнять невозможно. Вообще, во всемъ, что я ни говорю, вездѣ я говорю противъ протестантскаго ученія, еще болѣе противъ того, чтобы считать это ученіе религіею, но никакъ не противу самихъ протестантовъ. Религія, не допускающая вѣрованій, не есть религія; также какъ и богослуженіе, перешедши въ простое наставленіе нравственности, перестаетъ быть богослуженіемъ.

Если бы протестантство остановилось на гоненіи людскихъ злоупотребленій и не коснулось основъ религіи, это было бы одно изъ величайшихъ созданій человѣческихъ. Но снова повторю: судьбы Божіи неизслѣдимы. Его предвѣчными законами указано быть такъ, поищемъ разумомъ уроковъ у совершившагося и будемъ надѣяться, что протестантское ученіе, какъ орудіе, дойдетъ до назначенной ему цѣли — очищенія западной религіи, и тогда великое дѣло очищенія тамъ явится великимъ дѣломъ Божіимъ и отниметъ гордыню у заносчиваго ума человѣческаго.

Современная исторія дѣйствительностію подтверж-

даетъ слова мои и на каждомъ шагу увѣряетъ насъ, что протестантство не можетъ удовлетворить многосторонней природы человѣческой. Холодный умъ видитъ въ немъ только первый шагъ къ сброшенію внѣшности въ отношеніяхъ человѣка съ Богомъ, и въ гордыхъ своихъ исканіяхъ требуетъ дальнѣйшаго. Сердце не можетъ найти тутъ рѣшительно никакого пріюта. По этому, все существо человѣка по неволѣ находитъ его неполнымъ, неудовлетворительнымъ, и посмотрите на религіозныя событія: одни, какъ Дюссельдорфскіе и многіе другіе Германцы безпрестанно возвращаются на старый путь и рабскою покорностію всему хотятъ искупить свои вѣковыя заблужденія. Другіе, какъ члены новыхъ развѣтвеній Новоангликанской Церкви, ищутъ куда бы имъ присоединиться, отдаютъ полную справедливость чистотѣ нашей восточной религіи, но еще не могутъ смиренно преклонить предъ престоломъ Божіимъ непреклонной души своей. Третьи, какъ отставшія отъ католичества многія Нѣмецкія поселенія, приняли совершенно всю внѣшность нашего исповѣданія и служеніе на общепонятномъ языкѣ и причащеніе въ двухъ образахъ, допустивши только небольшія измѣненія. Четвертые, къ которымъ я отнесу множество новыхъ Французскихъ сектъ, ищутъ религіи во всемъ и, считая безсмысленнымъ—подчиняться соборнымъ постановленіямъ первыхъ Христіянъ, изобрѣтаютъ новыя постановленія и новыя формы для жизни, видятъ ихъ односторонность и мѣняютъ ихъ почти также скоро, какъ и моду на платье.

Таковъ ходъ всей западной Церкви, какимъ же образомъ мы уцѣлѣли и спаслись отъ всѣхъ этихъ

нравственныхъ и сердечныхъ треволненій? Съ покорностію принявши религію первыхъ Хрістіанъ, мы сохранили ее нетлѣнною и неизмѣнною, — вотъ наше спасеніе! По видимому, она отстала отъ успѣховъ, какіе оказала Латинская Церковь на Западѣ; но всмотритесь ближе въ существенность, въ ней одной, и въ томъ племени, которому было назначено принять и сохранить ее, невидимая рука Божія сохранила, непонятнымъ для насъ образомъ, то, что̀ составляетъ сущность и основу Хрістіянства, остальное все само приложится намъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, чего не дѣлали люди, чтобъ быть братьями? Сколько было заботъ, сколько употреблено ума, сколько пролито кровц на устройство протестантскаго братства, а гдѣ оно? Не въ Германскомъ-ли союзѣ, связываемомъ всѣми связями выгодъ человѣческихъ? Не въ Англиканской-ли Церквп, гдѣ все соединеніе существуетъ подъ условіемъ быть членомъ одного государства, то есть подъ условіемъ самоохраненія и безнаказаннаго притѣсненія другихъ? Не въ реформатствѣ-ли Французовъ, столько же хладнокровныхъ къ своему ученію, какъ и къ защитѣ вѣрованій Галликанско-католическихъ, тамъ, гдѣ ничто не трогаетъ выгодъ каждаго? Но Богъ сказалъ—да будетъ, и свершилось: Славяне не соединены ни единствомъ выгодъ, ни единствомъ цѣльности политической, ни единствомъ своего положенія, и не смотря на все это, чувство полнаго братства наполняетъ сердца ихъ. Вотъ истинно хрістіянское соединеніе? Въ комъ изъ насъ, особенно изъ Русскихъ такъ называемаго образованнаго сословія, не пробудилось еще святое это чувство, то есть, въ комъ оно не сбросило еще ига западныхъ понятій, тому остается про-

сить Бога вразумить умъ его и очистить сердце. Только не закрывай глазъ отъ свѣта истины, не заглушай голоса любви въ сердцѣ, — стремленіе къ общему братству, желаніе внутренняго соединенія, соединенное съ полнымъ внѣшнимъ спокойствіемъ, однимъ словомъ, все то, что составляетъ послѣднюю мечтательную цѣль усилій западныхъ нововводителей, все является у насъ Славянъ само собою, по одной благости Провидѣнія и по естественному ходу непзмѣнныхъ законовъ Его.

Протестанты, вотъ вамъ примѣръ терпимости и соединенія; Методисты, вотъ вамъ примѣръ евангельскаго братства!

Но пора мнѣ перейти снова къ вашему братству умосотворенному. Оно основало въ Женевѣ одно заведеніе, по внѣшнему устройству принадлежащее чисто протестантскому періоду исторіи и даже самому послѣднему времени, — заведеніе, которымъ могло бы гордиться протестантство, если бы основаніе его принадлежало ему исключительно. Это *келейныя тюрьмы*, извѣстныя подъ именемъ *исправительныхъ домовъ*. Главная основа и существенная цѣль ихъ — спасти заблудшихъ членовъ общества отъ погибели и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ихъ возможности вредить и даже быть тягостными для согражданъ.

Во время моего пребыванія въ Парижѣ по этому предмету были сильныя пренія: бо́льшая часть мнѣній была на сторонѣ новаго устройства тюрьмъ; многіе держались противнаго, оправдывая и защищая смертную казнь и ссылку на галеры. Въ послѣднемъ выводѣ было видно, что не убѣжденіе въ

превосходствѣ смертной казни заставляло возставать противу нововводителей, а недостатокъ денегъ.

Я обращу вниманіе моихъ читателей на одну сторону, совершенно оставляемую нами при слышаніи о томъ, что произнесенъ смертный приговоръ надъ преступникомъ. Глубина души человѣческой неизмѣрима, разнообразія страстей ея неизчислимы; часто въ ней самые ужасные пороки окраиваютъ тѣ области, въ которыхъ скрываются высокія добродѣтели. Хотите-ли доказательствъ? Раскройте житія святыхъ, прочтите жизнь Маріи Египетской, прочтите только вышедшее теперь новое сочиненіе Шатобріана — жизнь Рансе (Rancé), основателя монашескаго ордена трапистовъ. Но мы ни о чемъ объ этомъ не заботимся; судя другихъ, мы не хотимъ вникать въ составъ души человѣческой. Разъ совершено преступленіе, только что открыто оно и обнародовано, оно проводитъ рѣзкую черту между преступникомъ и обществомъ; оно является на лицевой сторонѣ всей прошедшей его жизни, и заслоняетъ собою все доброе, что могла вмѣщать въ себѣ душа преступная; въ ней мы не видимъ ничего, кромѣ порока и преступленій, и что же дѣлаемъ? Уничтожая плевелы, часто истребляемъ лучшіе цвѣты въ Божіемъ вертоградѣ.

Пора Евангелію изъ частнаго ученія сдѣлаться руководителемъ общества, пора намъ начать принимать его не только однимъ сердцемъ, но и отпечатывать благодѣтельное его вліяніе на нашихъ дѣйствіяхъ.

Смотря со всѣхъ этихъ сторонъ на казнь и на

позорныя наказанія, я нахожу, что келейныя тюрьмы есть важный шагъ къ усовершенствованію.

Въ Женевѣ я посвятилъ осмотру ихъ цѣлое утро, остался бы и болѣе, но этого не позволили тюремныя правила, потому что во время прогулокъ заключенные не могутъ быть видимы рѣшительно никѣмъ, кромѣ сторожей и привратниковъ.

Зданіе тюрьмы дико и угрюмо; оно построено почти внѣ города, не велико, но можетъ содержать въ себѣ до 60 и больше заключенныхъ. Теперь строится еще другое, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, но оно еще не кончено и говорятъ, будто бы очень сыро, по этому оставлено пока для просушки.

Вся постройка настоящихъ тюрьмъ расположена въ видѣ полукружія; оно обнесено двойными стѣнами, такъ что между первою и второю небольшой промежутокъ, не шире, какъ бы рядомъ пройти двумъ человѣкамъ. Мнѣ показалось страннымъ такое устройство; я спросилъ объ его назначеніи. «Это для собакъ», отвѣчалъ мнѣ привратникъ, «до сихъ поръ опытъ намъ доказалъ, что это лучшіе сторожа, и самые неподкупные и самые бдительные. Кромѣ ихъ всегда на ночь остаются одинъ, или два сторожа, для того, чтобъ при первомъ лаѣ побѣжать посмотрѣть и въ случаѣ нужды ударить въ колоколъ; но слава Богу у насъ побѣговъ не случается.» Собаки выпускаются только на ночь, потому что вѣсь день преступники или на работѣ, или подъ безпрестаннымъ самымъ бдительнымъ надзоромъ.

Вотъ расположеніе всего зданія: въ срединѣ его домъ, гдѣ контора для управленія тюрьмами, по-

лученія и раздачи работъ, и еще домашняя церковь. Отъ него лучами идутъ три длинные дома, въ которыхъ, въ верхнемъ ярусѣ, кельи тюремныхъ затворниковъ, а въ нижнемъ ихъ рабочія. Это собственно въ двухъ изъ нихъ; въ третьемъ — жилище главнаго начальника, кухня, баня и разныя другія службы. Всѣ они, разумѣется, примыкаютъ къ средоточію и составляютъ съ нимъ одно неразрывное зданіе. Каждый, изъ двухъ первыхъ, раздѣленъ по всей длинѣ глухою стѣною, такъ что въ нихъ составляются четыре отдѣленія, между которыми рѣшительно нѣтъ никакихъ сообщеній. Во всякомъ отдѣленіи, по всей длинѣ его, идетъ длинный коридоръ и изъ него двери въ кельи заключенныхъ. Келья шага въ четыре въ длину и столько же въ ширину, если не меньше. Въ ней постель, которая на день поднимается цѣпью къ стѣнѣ и запирается на замокъ, небольшой столикъ и къ стѣнѣ прибита вѣшалка, гдѣ виситъ щетка для чистки платья и все нужное для уборки комнаты. На столѣ кружка воды, Евангеліе, и въ нѣкоторыхъ кельяхъ другія книги религіозно-нравственнаго содержанія. Вездѣ очень чисто, опрятно; но, разумѣется, очень бѣдно. Въ каждой кельѣ небольшое окно на дворъ; оно сдѣлано довольно высоко, такъ что нельзя смотрѣть въ него и въ немъ сдѣлана крѣпкая желѣзная рѣшетка.

Я не могъ понять причины, за чѣмъ запираютъ на день кровати, тогда какъ никто изъ преступниковъ не остается въ своей кельѣ; послѣ узналъ, что это дѣлается на случай слабыхъ наказаній: когда за какой-либо проступокъ противъ тюремныхъ правилъ, или за лѣность въ работѣ, заклю-

ченный осуждается на нѣсколько дней на полную келейную безрабочую жизнь, тогда поднятая постель отнимаетъ у него возможность лежать и даже сидѣть на ней, и потому онъ долженъ или стоять, или если хочетъ, лечь, или сѣсть, лежать и сидѣть на голомъ каменномъ полу.

Все это въ верхнемъ ярусѣ флигелей; совершенно такое же общее раздѣленіе и въ нижнемъ: глухія стѣны проходятъ чрезъ оба яруса, только кромѣ ея нѣтъ другихъ подотдѣленій, въ каждомъ по одной длинной, просторной рабочей комнатѣ. Окна изъ нихъ обращены на дворъ, и только въ первомъ отдѣленіи, назначенномъ для наказанія самыхъ легкихъ преступленій, или для содержанія тѣхъ, которымъ по установленію, послѣ извѣстнаго числа лѣтъ, ослабляется строгость наказаній, только у нихъ дверь на дворъ отворена и дворъ усаженъ цвѣтами. Дворы эти, или углы между высокими стѣнами, находятся въ промежуткахъ между флигелями. Они назначены для прогулокъ невольниковъ. Безмолвіе невольнической жизни не знаетъ никакихъ исключеній въ обыкновенномъ ходѣ ея, и въ прогулкахъ заключенные дѣлаются больше невольниками, нежели въ самой работѣ. Они не могутъ гулять, даже ходить по произволу. Ихъ прогулка есть только необходимый отдыхъ отъ труда, исполненіе предписанія дышать свѣжимъ воздухомъ и дѣлать движеніе. Тутъ они обязаны ходить одинъ за другимъ, въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи, также молча, какъ они проводятъ всю тюремную жизнь, за исключеніемъ *исповѣди*, минутъ свиданія съ родными и тюремными попечителями. Мѣсто прогулки мрачно,

голо и безжизненно: это, какъ я сказалъ, треугольникъ въ промежуткѣ между флигелями; въ срединѣ стулъ для надзирателя, кругомъ его утоптанная тропинка; съ двухъ сторонъ стѣны флигелей, съ третьей онъ обнесенъ высокою гладкою стѣною. Ни растѣнія, ни зелени, ни окна въ стѣнѣ, постоянно между безмолвныхъ товарищей страданій, кругомъ еще безмолвнѣе, ни откуда не достигаетъ звукъ человѣческаго голоса. Здѣсь-то эти отчужденные отъ общества, изгнанные изъ среды его преступленіями, тянутся тихо одинъ за другимъ; шаги ихъ размѣрены, строго возбранено какое бы то ни было излишнее движеніе и еще строже требуется ненарушимое молчаніе. Когда я представилъ себѣ этотъ безмолвный, мѣрно движущійся рядъ человѣческихъ образовъ, въ одну минуту ожила передо мною та страшная картина Дантова ада, гдѣ погибшія души осуждены преслѣдовать одна другую, никогда не встрѣчаясь, и знать, что это мученіе будетъ вѣчнымъ удѣломъ ихъ безсмертнаго существованія. Невольникамъ есть еще отрада въ смерти и надежда на искупленіе.

Я былъ очень доволенъ, что тюремные законы никому рѣшительно не позволяютъ быть свидѣтелемъ этихъ мрачныхъ, каторжныхъ прогулокъ; любопытство заставило бы меня посмотрѣть, между тѣмъ какъ такое зрѣлище едва-ли не ужаснѣе зрѣлища самой казни. Подумайте только то, что это, кромѣ сна, обѣда и ужина, единственный отдыхъ, единственное успокоеніе отъ трудовъ и въ этомъ отдыхѣ, бывши неразлучно съ товарищами наказанія, не смѣть никому передать своихъ страданій, не смѣть оказать состраданія, быть мерт-

вымъ между живыми трупами, ходить указаннымъ шагомъ между движущимися мертвецами, на главахъ которыхъ разразилось проклятіе общества, — иначе не могутъ представляться заключеннымъ ихъ товарищи, потому что всѣ признаки жизни остаются въ одномъ движеніи, и въ самомъ мрачномъ выраженіи горести, проникшей до глубины преступной души; наконецъ быть лишену послѣдняго утѣшенія, въ которомъ великій творецъ Божественной Комедіи не отказалъ погибшимъ душамъ, осужденнымъ на вѣчное страданіе, утѣшенія — сохранить самолюбіе въ самомъ порокѣ, сохранить увѣренность, что я не послѣдній и въ преступленіяхъ и въ равнодушіи, съ какимъ сношу наказанія; однимъ словомъ, оставаясь живымъ, со всею полнотою физическихъ силъ, быть лишену всѣхъ явленій жизни, кромѣ движенія, — какъ хотите, морозъ пробѣгаетъ по всему тѣлу, когда я представлялъ себя въ такомъ положеніи. Дополните все это тѣмъ, что здѣсь никто изъ нихъ не ищетъ уединенія, что все это большею частію такіе люди, для которыхъ внутренняя жизнь и голосъ совѣсти ужаснѣе самыхъ мучительныхъ тѣлесныхъ терзаній. Стоитъ только войти въ такое положеніе преступника и тогда трудно рѣшить, что охотнѣе можно выбрать, если бы давали на выборъ, каторжную-ли работу, или заточеніе въ подобномъ жилищѣ преступныхъ отшельниковъ отъ міра.

Посторонніе посѣтители допускаются не иначе, какъ съ позволенія одного изъ членовъ совѣта, что впрочемъ всегда легко получается; они могутъ видѣть заключенныхъ только во время работы. Для этого въ тюремной конторѣ, помѣщен-

ной въ средоточіи всего зданія, сдѣланы четыре окошечка, по одному въ каждое отдѣленіе; они закрыты желѣзными дверцами, но въ нихъ продѣланы отверстія для глаза, такъ что работающимъ не видно смотрятъ-ли на нихъ, или нѣтъ. Я нахожу, что это придумано весьма хорошо и весьма человѣколюбиво, какъ и вообще то, что нигдѣ и никто не можетъ видѣть ихъ, кромѣ приходящаго навѣстить, и тогда позволяется видѣть только одного того, къ кому именно приходятъ. Въ обыкновенныхъ тюрьмахъ и особенно на галерахъ заключенные совершенно звѣри въ отношеніи къ посѣтителямъ: ихъ показываютъ, разсказываютъ ихъ преступленія, говорятъ о настоящемъ ихъ поведеніи. Все это весьма дурно на нихъ дѣйствуетъ; однихъ оно совершенно убиваетъ, но это не многихъ; бо́льшую же часть еще болѣе озлобляетъ противу общества, противъ котораго ни одинъ самый ужасный преступникъ не можетъ себя считать безусловно виноватымъ. Онъ непремѣнно найдетъ себѣ оправданіе или въ нищетѣ, или въ нанесенной ему обидѣ, или наконецъ въ безпризрѣніи его молодости и въ допущеніи развиться въ немъ дурнымъ наклонностямъ. Стоитъ только не много повнимательнѣе всмотрѣться въ выраженія лицъ преступниковъ, когда ихъ показываютъ приходящимъ, то я увѣренъ, что самый ненаблюдательный глазъ легко прочтетъ въ нихъ клятву, какую въ эту минуту безсловесно произноситъ оскорбленное и затоптанное въ грязь его самолюбіе, клятву быть вѣчнымъ заклятымъ врагомъ обществу. Гдѣ много такихъ преступниковъ вмѣстѣ, тамъ самыя ѣдкія и, бо́льшею частію, самыя мѣткія насмѣшки надъ

посѣтителями и начальниками могутъ еще облегчить ихъ душу; но гдѣ на него одного смотрятъ какъ на лютаго звѣря, тамъ каждый такой взглядъ удвоиваетъ его лютость. Вообще здѣсь, какъ и вездѣ, можно принять себѣ за общее правило: возвысьте человѣка въ вашихъ глазахъ, окажите ему даже больше уваженія, нежели сколько онъ стоитъ, онъ самъ возвысится въ собственныхъ глазахъ своихъ; за униженіемъ же человѣческаго достоинства, право оно или не право, (собственно говоря никогда не право) всегда слѣдуетъ существенное униженіе его нравственности. Рѣдко, очень рѣдко встрѣтятся исключенія.

Всѣ заключенные въ Женевской тюрьмѣ, какъ я уже и выше слегка упомянулъ объ этомъ, раздѣлены на четыре отдѣленія, смотря по роду проступковъ. Разумѣется, нужно было бы больше оттѣнить различные степени преступленій, но въ этомъ случаѣ можно извинить Женевское общество попечительства надъ тюрьмами тѣмъ, что оно имѣетъ мало средствъ и потому не можетъ дѣлать тѣхъ издержекъ, какихъ потребовало бы подобное раздѣленіе. Самые важные преступники отдѣлены другъ отъ друга въ рабочей комнатѣ рѣшетками; во всѣхъ прочихъ отдѣленіяхъ они всѣ помѣщаются въ одной рабочей; но для всѣхъ неизмѣнно одно правило, что никогда рѣшительно они не могутъ сказать ни полслова одинъ другому. Для наблюденія за исполненіемъ такого строгаго предписанія, въ каждой рабочей сидитъ надсмотрщикъ; онъ же смотритъ и за прилежаніемъ въ работѣ.

Работа, большею частію, весьма легкая, всякій можетъ себѣ избрать ремесло, какое ему угодно;

онъ можетъ быть башмачникомъ, сапожникомъ, портнымъ, переплетчикомъ и тому подобное. Кто не знаетъ никакого ремесла, того занимаютъ переборкою и выборкою кофе, разныхъ аптечныхъ кореньевъ и травъ, толченіемъ ихъ и вообще другими такого рода работами, не требующими никакого особаго умѣнья. Мнѣ кажется, еще было бы лучше самымъ закоренѣлымъ преступникамъ или давать легкія работы, или быстро переходить отъ самой тяжелой къ самой легкой, чтобъ такимъ образомъ насильно вводить ихъ въ бесѣду съ совѣстію, принаравливаясь въ этомъ случаѣ къ природѣ каждаго. Впрочемъ вообще тутъ работы такого рода, что онѣ не доводятъ до утомленія.

Въ рабочіе часы не позволяется ни малѣйшаго отдыха; во время отдохновенія, какъ я подробно объ этомъ говорилъ выше, всѣ по отдѣленіямъ должны ходить одинъ за другимъ, тоже молча. Только, кажется, въ самомъ легкомъ отдѣленіи нѣтъ этого неизмѣннаго порядка въ ходьбѣ; дворъ усаженъ цвѣтами и благовонными травами.

Большая часть работъ производится на заказъ и дешевизна дѣлаетъ то, что не только никогда тюрьма не нуждается въ заказѣ, но даже нужно бываетъ заказывать за недѣлю и больше, потому что всегда бездна работы. Заработанныя деньги дѣлятся на двѣ части: половина идетъ въ тюремную казну, половину отдаютъ самому заключенному; только прежде вся эта послѣдняя часть сберегалась для него до его выхода; теперь же ее дѣлятъ на двѣ ровныя части, и одну изъ нихъ, то есть четверть всей суммы, выдаютъ ему самому на

мелкія его прихоти, позволенныя тюремными правилами. Мѣстное тюремное начальство нашло, что это побуждаетъ къ труду гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ всякое наказаніе за лѣнь. На эти деньги заключенные могутъ имѣть книги, бумагу и даже кое-что изъ съѣстнаго, также могутъ отдавать ихъ роднымъ. Остальная четверть ввѣряется такъ называемому покровителю заключеннаго. Эти покровители избираются или изъ лицъ, составляющихъ тюремное попечительство, или вообще изъ членовъ благотворительнаго общества. Они обязываются не только хранить деньги заключеннаго до выпуска его изъ тюрьмы, но и наблюдать потомъ за его нравственностію, также стараться о приличномъ его помѣщеніи къ какому-нибудь ремесленнику его ремесла.

Тюремныя наказанія раздѣлены на три степени: за мелкіе проступки и за лѣнь наказываются заключеніемъ въ своей кельѣ безъ работы, и лишеніемъ мясной пищи; вторая степень состоитъ въ лишеніи всего, кромѣ хлѣба и воды; третія въ башенномъ заточеніи, гдѣ заключенный не видитъ свѣта, и гдѣ ему даютъ хлѣба столько, сколько необходимо для поддержанія его жизни, не заботясь о полномъ утоленіи голода.

Я заходилъ на кухню; тамъ все очень порядочно. Обыкновенно за обѣдомъ даютъ похлебку, кусокъ мяса и какіе-нибудь овощи, чаще всего картофель. За ужиномъ одни овощи.

Вообще осмотръ этихъ тюрьмъ, и видъ самыхъ заключенныхъ не производитъ того непріятнаго впечатлѣнія, съ какимъ сопряжено всякое посѣщеніе обыкновенныхъ тюрьмъ и встрѣча съ скован-

ными преступниками. Вы здѣсь видите рабочихъ и только ихъ ненарушимое молчаніе и пасмурный, угрюмый видъ напоминаютъ вамъ, что вы не между свободными мастеровыми. Особенно бросилась мнѣ въ глаза сильная задумчивость многихъ, сидящихъ за самыми пустыми, легкими работами, и, какъ кажется, это замѣтнѣе между самыми высшими преступниками. Я передалъ мое замѣчаніе проводнику и спросилъ его, правду-ли говорятъ, что будто бы многіе изъ нихъ сходятъ съ ума. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что бываютъ примѣры, только не частые. Такое сумасшествіе составляетъ одно изъ возраженій многихъ, возстающихъ противъ новаго устройства тюрьмъ. Но, во первыхъ, они его преувеличиваютъ; во вторыхъ, допустимъ, что половина уголовныхъ преступниковъ сходитъ съ ума, все нельзя не согласиться, что лучше сохранить половину для общества, нежели вести всѣхъ на явную погибель. Здѣсь сохраняется половина, а если кто изъ галерныхъ и каторжныхъ выйдетъ порядочнымъ человѣкомъ, то это рѣшительное исключеніе изъ правила. Наконецъ скажемъ и то, что при дальнѣйшемъ усовершенствованіи найдутъ средства и новыя лекарства въ этѣхъ нравственныхъ больницахъ.

Вообще сколько я ни читалъ споровъ Французской Палаты Депутатовъ, сколько ни распрашивалъ и сколько ни присматривался самъ къ устройству келейныхъ тюрьмъ, онѣ мнѣ кажутся большимъ шагомъ на пути общественнаго усовершенствованія. Когда введутъ ихъ въ общее употребленіе и устроятъ въ большомъ видѣ, тогда откроются сами собою множества несовершенствъ и на-

ведутъ на дальнѣйшія улучшенія. На первый разъ довольно и того, что при осужденіи преступника начали сильно заботиться о нравственномъ его бытѣ и доставлять ему средства трудомъ загладить свои преступленія предъ обществомъ, а долгимъ раскаяніемъ, долгимъ душевнымъ страданіемъ, въ продолженіи котораго не разъ, можетъ быть, блеснетъ слеза истиннаго покаянія, искупить тѣ грѣхи свои, за которые общество и не имѣетъ права судить и лишено возможности, потому что они происходили во внутреннихъ храминахъ души и не высказывались нарушеніемъ общественныхъ законовъ.

Кто изъ насъ не испыталъ вліянія безмолвнаго уединенія? Когда все вокругъ безмолвствуетъ, голосъ совѣсти громче раздается въ душѣ, условныя общественныя понятія являются въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и врядъ-ли многіе изъ тѣхъ, кому попадутся подъ глаза этѣ строки, не оправдаютъ словъ моихъ, что въ такія минуты иногда мы видимъ себя худшими преступниками, нежели послѣдніе изъ галерныхъ каторжныхъ. Въ эти мгновенія ни рукоплесканія свѣта не заглушатъ ушей, ни улыбка одобренія товарищей разврата, еще бо̀льшаго числа товарищей въ притѣсненіи и презрѣніи бѣдныхъ тружениковъ, съ минуты рожденія нищетою осужденныхъ на вѣчную каторжную работу, ни эта улыбка не дастъ опоры колеблющейся совѣсти. Тутъ, лицемъ къ лицу предъ ея строгимъ судилищемъ, лицемъ къ лицу предъ тѣмъ, что̀ остается въ насъ божественнаго и что̀ борется со всѣми земными радостями и со всею общественною испорченностію. Общество наказываетъ

только преступниковъ, уединеніе и безмолвіе караетъ грѣшниковъ.

Въ келейныхъ тюрьмахъ соединены оба рода этихъ наказаній: здѣсь общество наказываетъ работою безъ отдыха; совѣсть беретъ свое во время ненарушимаго молчанія и полнаго нравственнаго одиночества. Здѣсь человѣкъ дѣлается врагомъ самому себѣ; одинъ Богъ не лишаетъ его Своего неистощимаго милосердія; предъ Нимъ однимъ тотъ, кто съ сокрушеніемъ сердца произнесъ: Боже, прости мои согрѣшенія, сдѣлался выше горделиваго исполнителя своихъ обязанностей; только Онъ одинъ за простую молитву преступника: помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ, въ состояніи простить всѣ преступленія.

Церковь и Евангеліе — два прямѣйшіе пути къ *сокрушенію сердца* — не отказаны никому изъ преступниковъ, и въ келейныхъ тюрьмахъ имъ дано болѣе свободы, нежели въ чаду свѣтской суматохи.

Между всѣми многоразличными возраженіями противъ распространенія такого рода исправительныхъ домовъ, два особенно обратили на себя мое вниманіе: одно нравственное, другое хозяйственное.

Первое, что смертная казнь и вообще всякое позорное наказаніе имѣетъ двойную цѣль: одну — наказать преступленіе, другую — страхомъ наказанія удержать другихъ отъ преступленія. Противники келейныхъ тюрьмъ думаютъ, что ими не достигается послѣдняя. По мнѣ, это кажется совершенно несправедливо и я увѣренъ, что большая часть преступниковъ скорѣе согласятся на вѣчную ссылку, нежели на погребеніе себя за живо. Но дѣло въ

томъ еще, что Богъ знаетъ, можетъ-ли оправдать умъ самую эту цѣль. Если одинъ страхъ наказанія удерживаетъ человѣка отъ преступленія, онъ отъ него не удержится, а только будетъ стараться всѣми способами скрыть его, что̀ часто и очень часто за однимъ преступленіемъ ведетъ сто другихъ ужаснѣйшихъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ могутъ быть тѣ матери дѣтоубійцы, которыя убійствомъ незаконнорожденнаго ребенка думаютъ спасти себя отъ свѣтскаго презрѣнія. Наказанія не устроятъ нравственнаго порядка общества; они необходимы, какъ зло его, но общественное добро надобно основывать на стройномъ развитіи всѣхъ благородныхъ сторонъ души человѣческой.

Хозяйственное опроверженіе слышалъ я отъ одного Американца: оно было предложено въ Сѣверо-Американскомъ собраніи депутатовъ и показалось мнѣ гораздо дѣльнѣе перваго. Деньги, заработываемыя заключенными, какъ я сказалъ, раздѣляются на три части: одна идетъ на ихъ содержаніе, другая отлагается на обезпеченіе ихъ будущей участи, третья дается имъ самимъ. Всѣ эти три требованія существуютъ и въ жизни свободнаго работника, съ тою разницею, что жить въ общинѣ дешевле, нежели жить порознь; при жизни подъ строгимъ надзоромъ деньги не тратятся на излишества, неизбѣжныя при жизни свободной; далѣе тюремные затворники не имѣютъ съ собою семействъ, а слѣдовательно семейныхъ обязанностей и сопряженныхъ съ ними издержекъ, наконецъ они не платятъ ничего въ цѣхъ. Всѣ эти причины вмѣстѣ дѣлаютъ то, что цѣна ихъ

произведеній гораздо дешевле работъ свободнаго мастероваго. За что же всѣ такія льготы? и еще болѣе, за что бѣдный честный работникъ долженъ нуждаться въ заказахъ, или не получать никакого барыша, только потому, что общество даетъ пріютъ заблудшимъ? Я нахожу такое опроверженіе весьма основательнымъ, но оно не противъ введенія келейныхъ тюрьмъ, а только требуетъ, чтобъ обратили вниманіе на умное соразмѣреніе цѣнъ между тюремными и вольными работами. Такое уравненіе доставитъ, можетъ быть, новыя средства къ дальнѣйшимъ общественнымъ благодѣяніямъ и установитъ среднюю цѣну всѣмъ работамъ. Цехъ не имѣетъ права получать плату отъ заключенныхъ, потому что онъ не даетъ имъ никакого покровительства: за что же и получать ему подать? Вообще они внѣ всякаго покровительства законовъ, тюрьма единственный ихъ пріютъ; она одна имѣетъ право налагать на нихъ пошлину. Пусть она придумаетъ, какъ наложить ее и вотъ новое явленіе нравственнаго міра: порокъ и преступленіе платятъ дань добродѣтели, исправляютъ несправедливости судьбы и особенно общества, и, можетъ быть, на этотъ сборъ подлѣ всякой тюрьмы устроились бы временные пріюты брошеннымъ безъ призрѣнія дѣтямъ, безпомощнымъ несчастнымъ; наконецъ тѣмъ, которые наперекоръ всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ вѣчно осуждены бороться съ крайнею нищетою.

Но все это частныя возраженія, противъ которыхъ опытность и мѣстныя требованія легко найдутъ оборону. Главное для меня здѣсь то, что любовь и истина лежатъ въ основѣ нововведенія.

Этого уже довольно и весьма довольно для того, чтобъ ревностно защищать его; частности вездѣ устроятся, смотря по надобности, по требованію общества и, что̀ важнѣе всего, смотря по выводамъ изъ нравственныхъ наблюденій надъ испорченною природою человѣка-преступника, которая до сихъ поръ совершенно оставалась безъ всякаго вниманія.

Вотъ вамъ выводъ изъ моихъ замѣтокъ надъ нравственнымъ состояніемъ Женевы, ея жителей и ея установленій. Въ физическомъ отношеніи она отличается здоровымъ воздухомъ, обпліемъ пріятныхъ прогулокъ, довольно холоднымъ климатомъ и дешевою, соединенною съ удобствами, жизнію. Всѣмъ этимъ, за исключеніемъ холода, она привлекаетъ къ себѣ путешественниковъ, особенно людей семейныхъ, потому что они находятъ здѣсь множество средствъ для воспитанія дѣтей.

Случай столкнулъ меня въ Женевѣ съ почтеннымъ профессоромъ Петербургской Медицинской Академіи, Докторомъ Горяиновымъ. Онъ, подобно мнѣ, не посмотрѣвъ, остановился въ трактирѣ Золотаго Льва и, также какъ я, былъ имъ недоволенъ. Поѣхавши за границу по приказу своихъ собратій — врачей, Г. Горяиновъ не пропускаетъ случая трудиться для любимой имъ науки — естественной исторіи. Осмотръ тюрьмъ не позволилъ мнѣ воспользоваться его приглашеніемъ идти вмѣстѣ къ Декандолю, тѣмъ болѣе, что мы оба должны были въ тотъ же день отправиться на пароходѣ, я въ Вильнёвъ, онъ въ Лозанну.

Сначала я предполагалъ было остаться въ Женевѣ долѣе и пуститься въ Шамуни, посмотрѣть на грозное величіе Монблана; но нынѣшнее лѣто не благопріятствовало такимъ поѣздкамъ, потому что за недѣлю до моего пріѣзда въ Шамунійской долинѣ выпалъ снѣгъ на нѣсколько футовъ. Признаюсь, я въ душѣ радъ былъ этому извѣстію; оно оправдывало меня предъ требованіями любопытства и вмѣстѣ давало мнѣ возможность скорѣе летѣть въ мою обворожительную Италію.

Да, кто прожилъ въ Италіи нѣсколько лѣтъ, тому трудно не грустить по ней, особенно въ Парижѣ, гдѣ во все нынѣшнее лѣто едва-ли было десятокъ ясныхъ дней и гдѣ солнце такая рѣдкость, что объ немъ, случалось, извѣщали въ газетахъ. Въ одномъ изъ такихъ извѣщеній нынѣшняго года высчитано, что въ Парижѣ во весь годъ едва-ли насчитается пятьдесятъ ясныхъ дней. Славный климатъ! Прибавьте къ нему духоту на улицахъ отъ многолюдства и еще отъ того, что въ немногихъ мѣстахъ подѣланы подземныя трубы, бо̀льшая часть грязи, помоевъ и всего уличнаго очищенія течетъ по открытымъ боковымъ стокамъ. Отъ этого духъ на улицахъ, особенно по утрамъ, ужаснѣйшій.

Въ Женевѣ нѣтъ этого; но въ мой проѣздъ, то есть въ половинѣ Августа новаго стиля, или въ началѣ нашего, было такъ свѣжо, чтобъ не сказать просто холодно, что я не могъ ходить безъ шинели. А въ Италіи? Часто въ Декабрѣ не знаешь ничего, кромѣ легкаго сертука.

Чтобъ полнѣе описать Женеву, надобно было бы сказать что̀-либо объ ея исторіи; но она такъ не

значительна, такъ безцѣтна, что путешественникъ не потеряетъ ни одного впечатлѣнія, если не будетъ вовсе знать ее. Имя Женевы въ первый разъ является на свѣтъ въ письменной области подъ перомъ Юлія Цесаря, который говоритъ, что ему надобно было разрушить мостъ чрезъ Рону и поставить укрѣпленія вдоль лѣваго берега рѣки, чтобъ остановить переходъ жителей Гельвеціи. Въ Христіянскомъ мірѣ она переходила изъ рукъ въ руки и первою своею независимостію, подобно всѣмъ городамъ южной Европы, была обязана властительной рукѣ средневѣковой Церкви. Женевскіе Епископы, пользуясь враждою между Императорами и Савойскими Графами, подавали сильную помощь гражданамъ въ пріобрѣтеніи и поддержаніи ея независимости.

Самое яркое событіе въ Женевской исторіи — явленіе протестантства, которое сначала было распространяемо Доминицами Фарелемъ и Фроманомъ (Froment); но потомъ Женева дала прибѣжище Кальвину и съ тѣхъ поръ сдѣлалась столицею этого *ученія*. По убѣжденію моему, я не могу сказать *религіи*, потому что, какъ я много уже говорилъ выше, по моему понятію, ученіе безъ вѣрованій и безъ громогласнаго высказыванія этихъ вѣрованій языкомъ общественнаго богослуженія, при всей высотѣ своей, остается однимъ ученіемъ ума, профессорскою каѳедрою и никакъ не можетъ назваться религіею. Религія, по мнѣ, есть внѣшняя оболочка вѣры, тѣло, плоть и кровь ея, однимъ словомъ, то, безъ чего вѣра не можетъ существовать для человѣка въ земной его жизни, гдѣ, какъ душа его требуетъ земной обители —

тѣла, такъ и всѣ ея способности: умъ—мышленія, воля — дѣйствія, сердце — чувства и слѣдовательно самаго высшаго изъ чувствъ — религіознаго.

Послѣ реформаціи второе важное событіе въ исторіи Женевы — пріобщеніе ея къ числу тринадцати свободныхъ Швейцарскихъ кантоновъ. Это было въ концѣ XVI вѣка. Въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія она вошла въ составъ Французской имперіи, потомъ, когда Провидѣнію угодно было назначить нашъ юный народъ орудіемъ исполненія предвѣчныхъ судебъ Своихъ, Женева въ послѣдній день 1813 года провозгласила свою независимость, что̀ послѣ подтвердилось на общемъ съѣздѣ Государей въ 1814 году.

Въ послѣднее время, особенно послѣ Французской Іюльской революціи 1831 года, снова здѣсь начались безпорядки и междоусобія. Небольшое кровопролитіе и въ слѣдствіе его перемѣны въ составѣ управленія 7 Іюня, 1842 года, окончили всѣ раздоры, и съ тѣхъ поръ царствуетъ спокойствіе, хотя все таки есть много преній и разногласій.

По послѣднимъ установленіямъ, правленіе въ Женевѣ чисто народное (демократическое). Народъ избираетъ изъ себя представителей, по одному изъ 333 гражданъ, теперь ихъ считается 186. Эти представители избираются на 4 года и перемѣняются всякіе два года, но не всѣ вдругъ, а только половина ихъ. Собраніе ихъ составляетъ Большой Совѣтъ. Впрочемъ въ рукахъ этого совѣта собственно одна только власть законодательная и право назначать членовъ въ другой, такъ называемый Совѣтъ Государственный, состоящій изъ 13 членовъ, который завѣдываетъ всею властію

исполнительною. Онъ управляется Президентомъ и Вице-Президентомъ. Разумѣется, все это въ маленькомъ видѣ, по размѣру всей республики. Президентъ получаетъ всего жалованья 3000 франковъ; Вице-Президентъ 2400. Весь доходъ государственный не больше милліона франковъ, то есть около 250 тысячъ рублей серебромъ и его очень довольно для небольшихъ издержекъ республики.

Между замѣчательностями Женевы можно указать на библіотеку и Ратовъ музеумъ (musée de Rath). Я не былъ ни въ той, ни въ другомъ. Библіотека обязана своимъ основаніемъ Бониварy, тому Шильонскому узнику, котораго Байронъ обезсмертилъ своимъ безсмертнымъ твореніемъ, а у насъ В. А. Жуковскій безсмертнымъ переводомъ Байроновой поэмы. Бониваръ въ 1531 году подарилъ Женевѣ свои книги, съ тѣхъ поръ число ихъ увеличилось до 40 тысячъ и сверьхъ того, до 500 рукописей.

Въ музеумѣ Рата находится картинная галлерея: въ ней много знаменитыхъ именъ; но мнѣ говорили, что это составляетъ единственное ея достоинство, самыя же произведенія очень незамѣчательны.

Есть, пожалуй, еще одна замѣчательность въ общественномъ саду; тамъ данъ небольшой уголокъ ботаническому саду, который не заключаетъ въ себѣ ничего особенно рѣдкаго, какъ я слышалъ отъ Г. Горяинова, но къ нему невольно питаешь уваженіе, какъ къ колыбели ботаническаго генія знаменитаго Декандоля. Ему собственно этотъ садъ обязанъ настоящимъ своимъ состояніемъ; теперь сынъ

покойнаго ботаника, Адольфъ. Декандоль наслѣдовалъ мѣсто отца; онъ директоромъ сада.

Вотъ все, что я узналъ о Женевѣ и что самому удалось видѣть въ ней. Всего замѣчательнѣе для меня были тюрьмы; осмотръ ихъ занялъ у меня цѣлое утро, а мысль объ нихъ всю остальную часть дня до пріѣзда парохода, и теперь часто приходятъ онѣ мнѣ на умъ. Я ждалъ парохода съ нетерпѣніемъ, а потому съ величайшею радостію издали увидѣлъ черную полосу дыма, обычнаго его предвѣстника. Слава Богу, слава Богу, онъ приблизитъ меня къ Италіи, къ южному небу, къ южному солнцу и къ Италіянскому раздолью въ области искусства.

Пароходъ подъѣхалъ къ берегу; не одинъ я, всѣ мы бросились опрометью, но насъ заставили дожидаться еще болѣе часу, пока его разгрузили. Я надѣялся найдти гораздо больше порядка у расчетливыхъ Швейцарцевъ, — здѣсь объ немъ нѣтъ и помину. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, часа въ два мы взошли на него, и ѣхали нестерпимо долго. Вѣтеръ, дождь, холодъ, все вооружилось противъ насъ, не знаю, съ какою цѣлію, для того-ли, чтобы усилить во мнѣ отвращеніе къ Швейцаріи, или придать болѣе цѣны свиданію съ райскимъ уголкомъ земли—плѣнительною Италіею? Для меня и то и другое было совершенно лишнимъ.

Не будь я въ обществѣ Г. Горяинова, этотъ переѣздъ былъ бы мнѣ ужасною мукою: пароходъ маленькій, путешественниковъ столько, что въ каютѣ душно, качка страшная, на палубѣ мочитъ дождь; но въ разговорѣ съ добрымъ, умнымъ соотечественникомъ время нашло какъ-то возможность сокра-

титься, по крайней мѣрѣ, показалось очень сносным, и этого уже было довольно.

Когда я пріѣхалъ въ Вильнёвъ, тамъ давно ожидалъ уже омнибусъ: я перешелъ въ него прямо съ парохода и доѣхалъ до Сенъ-Морица, гдѣ надобно было ночевать, чтобъ утромъ въ 6 часовъ отправиться по дорогѣ къ Милану.

Чтобъ дать полный отчетъ въ моемъ путешествіи и принести хотя какую-нибудь пользу моимъ читателямъ, я передамъ здѣсь и цѣны за переѣзды. Пароходъ отъ Женевы до Вильнёва стоитъ 9 франковъ; омнибусъ до Сенъ-Морица 3 франка. Все это весьма неисправно, нѣтъ почти никакого присмотра за вещами, такъ что у меня дорожный мѣшокъ промокъ и испортились нѣкоторыя книги. Все это я переносилъ съ терпѣніемъ; мысль, что еще небольшой переѣздъ и я въ Италіи, давала мнѣ и силу и терпѣніе.

Но, вотъ я и въ Италіи и уже въ четвертый разъ въ этой роскошной обители всѣхъ прелестей природы и искусства. Четвертый разъ собираюсь писать объ ней: ни мысль, ни слово мнѣ не повинуются. Швейцарію можно описывать, Францію обсуживать: слово найдетъ въ себѣ самомъ краски для изображенія и описанія, мысль подберетъ слово, чтобы передать свои сужденія. Но предъ нерукотворными красотами волшебной Италіи или нѣмѣешь отъ восторга, или душа изливается тѣми его выраженіями, какими въ языкѣ нѣтъ ничего равносильнаго. Кажется, чувствуешь вполнѣ чарующую прелесть Италіи, кажется, начинаешь понимать ея очарованія, принимаешься за перо,—являются одни возгласы. Такъ или нѣтъ дѣйствуетъ она на дру-

гихъ? я не знаю, но на меня такъ дѣйствовала она до сего времени. Увижу, можетъ быть, дальнѣйшее съ нею сближеніе дастъ мнѣ возможность подѣлиться ея очарованіемъ, тогда я введу моихъ добрыхъ, моихъ снисходительныхъ читателей въ эту страну—очаровательницу, и, если рѣшусь ввести, введу ея блестящею исторіею, ея плѣнительнымъ искусствомъ и великими подвигами ея въ мірѣ ума и науки. Въ другихъ странахъ надобно быть поэтомъ, чтобъ найти въ нихъ плѣнительную сторону; Италію надобно только понять, только изучить ее, только принять къ сердцу все разнообразіе красотъ ея, она сама сдѣлаетъ поэтомъ каждаго, по крайней мѣрѣ, на тѣ минуты, когда ея небо, ея роскошная, классическая природа, вѣковые разсказы ея бурной жизни и высокія творенія искусства вознесутъ душу до чистаго, высокаго восторга.

Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ:
Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели племя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подъ часъ меня беретъ,
И хочется мнѣ имъ, въ замѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И толки прекратя объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой!..

Иванъ Аксаковъ.

Въ часы раздумья и сомнѣнья,
Когда съ души своей, порой,
Стряхаю умственную лѣнь я,
На зрѣющія поколѣнья,
Гляжу я съ грустною мечтой.

И трепетно молю я Бога
За этихъ пламенныхъ невѣждъ:
Ихъ осужденіе такъ строго,
Въ нихъ увѣренія такъ много,
Такъ много воли и надеждъ!

И можетъ ляжетъ имъ на темя
Безъ пользы времени рука,
И пропадетъ и это племя,
Какъ Богомъ брошенное сѣмя
На почву камня и песка!

Есть много тяжкихъ предвѣщаній
Холодныхъ много есть умовъ,
Которыхъ мысль въ нашъ вѣкъ созн[illegible]и
Не признаетъ святыхъ алканій,
Упрямыхъ вѣръ и дѣтскихъ сл[illegible]ъ.

И подавленъ земной на[illegible]ой
Въ нихъ даръ божес[illegible]нный исчезъ,
И взоръ ихъ, нын[illegible]близорукой,
Для нихъ дост[illegible]ной порукой,
Что гаснут[illegible]вѣзды средь небесъ!

Но мы глядимъ на звѣзды неба,
На міра вѣчнаго объемъ;
Но въ насъ жива святая треба,
И не житейскаго лишь хлѣба
Для жизни мы отъ Бога ждемъ!

И хоть пора плода благаго
Уже настанетъ не для насъ,
Другимъ онъ нуженъ будетъ снова,
И Провидѣнье сдержитъ слово,
Когда-бъ надежда не сбылась.

И мы, чья нива не созрѣла,
Которымъ жатвы не сбирать,
И мы свой жребій встрѣтимъ смѣло:
Да будетъ вѣра — наше дѣло,
Страданье — наша благодать!

К. Павлова.

1836 г. Авг., Гирѣево.

ЦРАКА.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ).

М. П. Погодина.

ПРАГА.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ).

.... Прага, безъ всякаго сомнѣнія, есть одинъ изъ самыхъ живописныхъ городовъ въ Европѣ. Для Русскихъ она любезна еще и тѣмъ, что имѣетъ нѣкоторое сходство съ Москвою, представляя съ вершины Грачина видъ на Малу-страну (*), подобный нашему Замоскворѣчью. А гора Св. Лаврентія, покрытая садами, лугами и рощами, съ Страговскимъ монастыремъ вверху, которая предъ вашими глазами, въ близкой дали, спускается огромной наклонною плоскостію къ теченію Молдавы, не имѣетъ ничего подобнаго нигдѣ въ Европѣ. Великолѣпные висячіе мосты, между двумя берегами рѣки и лежащимъ по срединѣ ея островомъ (гордость и радость Чеховъ), содѣйствовали много въ послѣднее время украшенію города. Набережная около нихъ, отдѣлана отлично; вы-

(*) Такъ называется одна изъ 4-хъ частей города.

ложена камнемъ и огорожена желѣзною рѣшеткой. На площади, которая оканчивается ею, чины Чешскіе воздвигаютъ монументъ Францу I-му по плану здѣшняго архитектора Краннера, въ готическомъ стилѣ, вышиною въ десять слишкомъ саженъ. Въ срединѣ зданія стоитъ конная статуя Императора въ Чешской одеждѣ, какая употребляется при вѣнчаніи на царство, подъ балдахиномъ, который поддерживается четырьмя столпами и оканчивается высокимъ остроконечнымъ шпицомъ. У четырехъ сторонъ балдахина находятся восемь аллегорическихъ статуй — наукъ, искусствъ, ремеслъ, земледѣлія, рудокопства, торговли и проч. Внизу, при основаніи, поставлено восьмнадцать статуй (изъ песчаника), представляющихъ главный городъ и семнадцать округовъ Богеміи, со всѣми ихъ принадлежностями, особенностями и занятіями. Многія изъ этѣхъ статуй, работы Іосифа Макса, прекрасны. Чрезъ отверстія, по мѣстамъ отсюда сдѣланныя, вода будетъ изливаться въ огромный водоемъ, а вокругъ разведется маленькій садъ. На шпицѣ вмѣстѣ съ указателемъ погоды поставится вызолоченная Побѣда, — едвали кстати.

Передъ каменнымъ мостомъ черезъ Молдаву, который, построенный Карломъ IV, пятьсотъ лѣтъ держится твердо, будетъ воздвигнута колоссальная статуя (*) этого незабвеннаго для Чеховъ Короля (**), въ 1848 году, при празднованіи пятисот-

---

(*) Въ два человѣческихъ роста вышиною: около двухъ саженъ.

(**) Его называли отцемъ Богеміи и отчимомъ Германской имперіи

лѣтняго юбилея Пражскимъ Университетомъ, имъ же основаннымъ. Карлъ представится, по древнимъ памятникамъ и изображеніямъ, стоящимъ нѣсколько въ наклоненномъ положеніи, какъ-бы подавая Золотую Буллу,— благосклонный и величавый, въ Императорской мантіи. Модель готова въ мастерской профессора Генля въ Дрезденѣ, а отливаться она будетъ въ Нюренбергѣ. Чехи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этой статуи: они преданы до спхъ поръ неограниченно своему Карлу, — Карлу, который пятьсотъ лѣтъ ужъ въ могилѣ! Добро живетъ!

Площадь передъ городской Думой (Ратушей) очищена. Одна сторона древняго зданія подправлена, а другая къ сожалѣнію передѣлана вновь подъ старый ладъ, хотя и прекрасно. Эта площадь возбуждаетъ всегда въ образованномъ Чехѣ горькія воспомнанія. Никогда не позабуду я, какъ одинъ молодой человѣкъ, въ 1835 году, во время перваго моего пріѣзда въ Прагу, показывавшій мнѣ достопамятности города, воскликнулъ, приведя меня сюда, и дрожа всѣмъ тѣломъ: «здѣсь, здѣсь, послѣ сраженія при Бѣлой Горѣ (*), казнены были послѣдніе Чехи...» и залился слезами.—На этой площади поставятся шесть статуй достойнѣйшихъ Королей Богеміи.

Въ церкви Св. Маріи Тынской, которая выходитъ своими дверями на эту же площадь, я увидѣлъ новое пріобрѣтеніе Праги, увидѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ и величайшимъ прискорбіемъ: колоссальныя статуи, изъ бѣлаго мрамора,

(*) Въ 1620 году, при началѣ тридцатилѣтней войны.

двухъ Славянскихъ апостоловъ, Св. Кирилла и Меѳодія,— съ удовольствіемъ, какъ изящное произведеніе искусства, возбуждающее много сладкихъ чувствованій; съ прискорбіемъ потому, что другая страна похитила у моего отечества честь воздвигнуть достойный памятникъ первымъ нашимъ благодѣтелямъ, родоначальникамъ нашего просвѣщенія, изобрѣтателямъ Славянской грамоты.

Меѳодій въ древней епископской одеждѣ и Греческой митрѣ объясняетъ изображеніе Страшнаго Суда, которое держитъ въ лѣвой рукѣ, и которое имѣло такое дѣйствіе на Болгарскаго царя Бориса, что тотъ принялъ тотчасъ Св. Крещеніе. Кириллъ въ монашеской одеждѣ держитъ въ лѣвой рукѣ книгу Литургіи, переведенной имъ на Славянскій языкъ, съ Славянскою подписью; а въ правой — миссіонерскій крестъ, въ Византійскомъ вкусѣ, на коемъ выпукло изображены Господніе праздники. Надпись надъ статуями: Св. Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе апостолы. На пьедесталѣ два барельефа, представляющіе пріобщеніе Св. Людмилы, Княгини Чешской, и крещеніе Св. Бориса, Князя Болгарскаго. Фигуры Св. апостоловъ прекрасны. Величіе, спокойствіе, достоинство, изображены разительно. Можетъ быть, желалось бы болѣе ревности на лицѣ Меѳодія, какъ обратителя. Сочиненіе народныхъ группъ въ барельефахъ превосходно. Жаль только, что фигуры слишкомъ отчетливы, отдѣльны.

Императоръ Австрійскій купилъ у художника, Емануила Макса, это произведеніе и подарилъ его Прагѣ. Неужели у насъ нигдѣ не будетъ статуй Св. Кирилла и Меѳодія? Намъ принадлежатъ они больше всѣхъ.

Вотъ сколько украшеній получила Прага въ послѣднее время, особенно, какъ мы видимъ, отъ ваянія!

Желѣзная дорога, которая скоро соединитъ ее съ Дрезденомъ и съ Вѣною, придастъ ей еще больше блеску и жизни. Благодаря счастливому своему положенію, въ срединѣ Европы, между Балтійскимъ и Адріятическимъ морями, на однѣ сутки отъ Тріэста и Штеттина, и слѣдовательно на четыре отъ Петербурга или Рима, богатая естественными и рукодѣльными произведеніями, дѣятельностію и смышленностію жителей, она займетъ тогда неминуемо одно изъ первыхъ мѣстъ между Европейскими городами. Впрочемъ и теперь сообщеніе Праги, посредствомъ Эльбы съ Дрезденомъ, и Ольмюцкой дороги съ Вѣною, производится очень скоро и пріятно. И теперь вы можете въ 8-й день пріѣхать изъ Москвы въ Прагу, и въ 10-й черезъ Прагу въ Тріэстъ или Венецію.

Но не блескъ, не богатство, не красота привлекаютъ насъ болѣе всего къ Прагѣ. Она драгоцѣнна для насъ, какъ колыбель народнаго, умственнаго и литературнаго возрожденія Славянъ. Здѣсь началъ оное Добровскій своими филологическими изслѣдованіями. Прекраснѣйшій какой только можетъ быть переворотъ въ мірѣ отъ грамматики! Пробужденіе отъ долговременнаго сна цѣлаго племени, примѣръ благій, животворный для многихъ другихъ многочисленныхъ племенъ, которыхъ въ ихъ умственномъ движеніи вскорѣ ничѣмъ уже остановить стало нельзя, и все это предъ глазами дипломаціи, политики и іезуитизма, о! — это такое явленіе, которому исторія мало представляетъ подобныхъ, хотя оно и не попало въ свое время въ Европейскія

газеты, столько жадныя до политическихъ новостей. Добровскій началъ. Юнгманъ, Ганка, Шафарикъ, Палацкій, Челяковскій, явились продолжателями, а теперь уже не перечтешь: Марекъ, Винаржицкій, Сметана, Эрбенъ, Вочелъ, Томекъ, Заѣ, Клачелъ, Томичекъ, . . . со всякимъ днемъ являются новые дѣйствователи по всѣмъ городамъ, и дѣло стало уже внѣ предѣловъ Австрійской полиціи. Само собою разумѣется, что главную роль играетъ здѣсь Время. Тѣже люди въ другое время не могли бы сдѣлать ни чего.

Два человѣка дали дѣлу особенно движеніе послѣ Добровскаго — Шафарикъ и Коларъ; одинъ, какъ историкъ и филологъ; другой — какъ поэтъ. Оба они Словаки — но по своему духу, предметамъ сочиненій, кругу дѣятельности, принадлежатъ равно всѣмъ Славянамъ, Чехамъ и Сербамъ, Русскимъ и Полякамъ, Болгарамъ и Кроатамъ.

Шафарикъ началъ *Исторіей Славянскихъ языковъ и Литературы*, изданной имъ въ Новомъ Садѣ (Нейзацъ) за двадцать лѣтъ передъ этимъ; въ этомъ сочиненіи Славяне всѣхъ племенъ увидѣли себя однимъ народомъ. Въ *Славянскихъ древностяхъ* — этотъ народъ узналъ свое общее происхожденіе и удостовѣрился въ своей глубокой, благородной древности. Въ *Славянской Народописи* увидѣлъ онъ свое число, превышающее цифры всѣхъ Европейскихъ народовъ. Кромѣ этихъ главныхъ сочиненій, Шафарикъ въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ издавалъ безпрестанно отдѣльныя разсужденія, историческаго и филологическаго содержанія, коими украшается особенно журналъ Чешскаго національнаго музея и наши

Чтенія. Теперь занимается онъ пространнымъ систематическимъ сочиненіемъ о *Славянскомъ языкѣ*, этомъ драгоцѣнномъ наслѣдіи предковъ, котораго оцѣнить, возчувствовать, уразумѣть вполнѣ до сихъ поръ мы не были въ состояніи.

«Убѣдясь,» такъ говорилъ онъ мнѣ теперь и писалъ прежде, «что безъ глубокаго проницанія въ существо и строеніе нашего языка, при скудости и недоступности прочихъ источниковъ, нельзя получить никакого новаго свѣта, нельзя достигнуть ни до какихъ твердыхъ результатовъ въ области археологіи, мѳологіи, короче въ древнѣйшей исторіи нашего образованія, началъ я подвергать наше языко-изслѣдованіе новому разсмотрѣнію, и увидѣлъ, что наши сосѣди—Нѣмцы, Англичане, Французы, впродолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ очень далеко подвинулись на пути сравнительнаго языкознанія; между тѣмъ какъ мы остановились съ старою системою. Отъ нея нельзя уже ничего получить болѣе.»

«Между тѣмъ впродолженіи моей ученой жизни накопился у меня такой запасъ примѣчаній о нашемъ языкѣ, выписокъ изъ рукописей и книгъ, что я не могъ долѣе противиться стремленію души разобрать ихъ, провѣрить, распорядить. И такъ, чрезъ 30 лѣтъ я воротился туда, откуда отправился (1814—1816),— и радъ тому, и благодарю Бога. Я благодарю Бога не только за то, что Онъ показалъ мнѣ новый свѣтъ, но и за то, что привелъ Онъ меня опять къ той пристани, гдѣ я безопаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо индѣ, отъ бурь жизни, которыя смущаютъ нашихъ современниковъ и вмѣстѣ нашихъ единоплеменниковъ, и гдѣ могу спо-

койно и невозбранно предаваться направленію моего духа, склоннаго къ размышленію и созерцанію.»

«Въ послѣдніе годы я познакомился по возможности не только съ главными твореніями объ историко-сравнительномъ языкознаніи и вмѣстѣ объ Индо-Европейскомъ колѣнѣ языковъ, но и изучалъ важнѣйшія общія или философскія сочиненія объ языкѣ, и сталъ кажется на твердую точку, съ которой нашему языкоученію могутъ быть открыты новыя дороги во всѣ стороны».

«До сихъ поръ мы сравнивали только Славянскія нарѣчія между собою. Европейцы начали уже разсматривать всѣ древніе коренные языки Индо-Европейскаго поколѣнія, какъ нарѣчія одного первоначальнаго языка, кои, одинъ подлѣ и противъ другаго поставленные, взаимно освѣщаются и объясняются.»

«Еще болѣе—всеобщее философское языкознслѣдованіе поднялось уже на высоту, въ коей всѣ языки человѣческаго рода представляются только обломками, отраженіями, отраслями кореннаго языка. Не проникая духомъ въ глубины этѣхъ обѣихъ наукъ, не напитавшись ими, нельзя ступить ни одного твердаго, по истинѣ плодотворнаго шага впередъ въ Славянской наукѣ о языкѣ (я говорю нарочно-наукѣ, ибо о граматикахъ, словаряхъ и книгахъ упражненій для практическихъ цѣлей жизни здѣсь нѣтъ рѣчи).»

«*Славянскій языкъ*, языкъ одного изъ самыхъ великихъ народовъ земнаго шара, *есть неизмѣримый океанъ*. Не смѣю сказать, чтобъ я исплавалъ, или могъ исплавать—нѣтъ, отъ этой мечты душа моя свободна и чиста; но я думаю, что я видѣлъ

духомъ его высоту и глубину, и нашелъ средства, дороги, совершить по немъ путешествіе съ большею безопасностію, чѣмъ прежде, и измѣрить его мало по малу во всѣхъ направленіяхъ. Сколько удастся мнѣ показать этихъ средствъ и дорогъ, того впередъ сказать я, разумѣется, не могу, ибо моя судьба и моя будущность не въ моихъ, а въ Божьихъ рукахъ.»

«Изслѣдованія объ языкахъ. Индо-Европейскихъ раздѣляются на двѣ области: 1) ученіе объ образованіи словъ, или о корняхъ и стволахъ; 2) ученіе объ измѣненіяхъ (flexion), или склоненіяхъ и спряженіяхъ. Послѣднее обработывалось успѣшнѣе; первое осталось въ шаткомъ, несовершенномъ, проблематическомъ положеніи. И однакожъ онѣ условливаются взаимно, стоятъ и падаютъ вмѣстѣ. Изслѣдованіе объ языкѣ нельзя поставить на твердомъ основаніи, возвысить на степень науки, не приведя въ ясность ученія о образованіи словъ, т. е. о корняхъ и стволахъ.»

Шафарикъ обратилъ особенное вниманіе на первую часть, т. е. ученіе объ образованіи словъ, желая между прочимъ посредствомъ Славянскаго языка, древняго, богатаго, пластическаго, подтвердить и исправить эту часть изслѣдованія Индо-Европейскихъ языковъ.

Онъ намѣренъ представить результаты своихъ изслѣдованій въ особомъ сочиненіи, какъ можно короче, яснѣе, точнѣе. Это сочиненіе будетъ заключать: 1) систему изслѣдованія словъ; 2) по возможности полное исчисленіе корней и стволовъ, какъ основаніе этимологическаго словаря.

«Работа идетъ тихо,» говоритъ онъ, «а время

вынуждаетъ, я уже за меридіаномъ жизни, вечеръ у дверей. По этой причинѣ я хочу … чатать особо отъ этого сочиненія отдѣльныя … стныя разсужденія, съ цѣлію освѣтить нѣкотор… области языкоизслѣдованія и побудить други… къ подобнымъ работамъ.»

Такихъ разсужденій напечатано уже въ Ча… писи Чешскаго Музея три, два совсѣмъ изго… влены для печати, а для нѣсколькихъ двои… составлены чертежи и собраны припасы.

Въ этихъ разсужденіяхъ Шафарикъ имѣе… цѣлію указывать только на правила, какъ на … *коны языка*. Главное заключается слѣдователь… въ *мысли*. Преслѣдованіе ея по языку есть дѣ… практики, приложенія. «При настоящемъ полож… ніи образованія и науки у насъ, трудно растол… вать это другимъ; я хочу указать новыя доро… охотникамъ», говоритъ онъ, «а не представля… готовое и совершенное.»

Вотъ какими трудами занимается Шафарикъ, … важными для всѣхъ Славянъ, Чеховъ и Русских… Поляковъ и Сербовъ, для всѣхъ Европейскихъ … лологовъ. Не драгоцѣнна ли должна быть для на… всякая минута Шафарикова жизни, достигш… такой зрѣлости, не говоря объ его учености и опы… ности. А онъ не минуты, а часы, а дни, должен… употреблять на снисканіе насущнаго хлѣба!

Ганка, прославившійся болѣе всего открытіе… многихъ Чешскихъ древностей, на пр. Краледво… ской рукописи, издалъ недавно прекрасно Реймск… Евангеліе вмѣстѣ съ параллельными мѣстами п… Остромирова, и тѣмъ сдѣлалъ доступною д… публики эту важную рукопись. Мнѣніе его, ч…

она писана въ Прагѣ самимъ отцемъ Прокопіемъ (1054 г.), навлекаетъ на него много непріятностей. У него приготовлено къ изданію много древнихъ памятниковъ. Въ Нумизматикѣ онъ здѣсь изъ первыхъ знатоковъ.

Палацкій, Исторіографъ Богеміи, отдалъ въ цензуру свою Исторію на Чешскомъ языкѣ. Здѣсь будетъ много прибавленій и перемѣнъ, сравнительно съ первымъ изданіемъ. Она читается въ Вѣнѣ уже болѣе года! Прешль, неутомимый Прешль обработалъ для Чеховъ почти всю уже Естественную Исторію, и издалъ теперь Ботанику.

Всѣхъ Чешскихъ патріотовъ волнуетъ теперь ужасная схизма, которую производитъ Стуръ въ Презбургѣ. Тридцать человѣкъ, всѣ корифеи, — Шафарикъ, Коларъ, Палацкій, Юнгманъ, профессоры, священники, учители, — написали на него свои протесты и напечатали особой книгой. Вотъ въ чемъ дѣло: Словаки писали до сихъ поръ на одномъ языкѣ съ Чехами и Моравами, имѣли одну литературу и трудились вмѣстѣ впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ. Вдругъ Стуръ, воспитанникъ въ нѣкоторомъ смыслѣ Шафарика и Колара, испросивъ позволеніе издавать газеты (новины), пускаетъ ихъ на Словацкомъ нарѣчіи и отдѣляется отъ Чеховъ. Тѣ огорчились до глубины сердца, — и началась Славянская братская война. Коларъ, сказывалъ мнѣ Шафарикъ, написалъ такой отвѣтъ Стуру, надиктовавъ его въ девять часовъ, безъ остановки, который можно сравнивать только съ Филиппиками Демосѳена и Катилинаріями Цицерона! «Намъ нужно согласіе,» восклицаютъ они «а Стуръ производитъ раздѣленіе, ослабляетъ насъ,

мѣшаетъ успѣху общаго дѣла вмѣсто помощи,
торой мы имѣли право ожидать отъ него. Анаѳем

Не смѣя произнести своего мнѣнія объ эт
дѣлѣ, которое занимаетъ всѣ умы между наш
западными братьями, я думалъ про себя, что
прасно они приняли это къ сердцу такъ горя
напрасно возстали и на Стура съ такою сил
Пусть всѣ нарѣчія развиваются и совершенству
ся. Время покажетъ, какіе предѣлы которому наз
чены, и которому между тѣмъ должно сдѣлат
общимъ для всѣхъ Славянъ, ибо одинъ общій
таки для насъ необходимъ, какъ для дипломат
Французскій. «Отдѣляется сила», говорятъ прот
ники Стура; но развѣ отличное сочиненіе на Слов
комъ нарѣчіи не украситъ, не укрѣпитъ так
всей литературы Славянской, и не доставитъ че
всѣмъ единоплеменникамъ, точно какъ и на Че
скомъ? Развѣ Чехи не будутъ читать его? Притс
Словаки (народъ) могутъ поучаться на своемъ
рѣчіи гораздо легче и дѣйствительнѣе, нежели
другомъ, хотя и сродственномъ. Впрочемъ повторя
я не смѣю судить, не зная всѣхъ обстоятельст
и не постигая вполнѣ отличія нарѣчій между соб
Въ Презбургѣ я услышу отъ самого Стура, поче
онъ измѣнилъ отцамъ. Audiatur et altera pars.

Разсказываютъ мнѣ здѣсь еще объ одной Че
ской партіи, которая избрала себѣ девизомъ: мы
Славяне, а Чехи, точно какъ нѣкоторые изъ наши
говорятъ: мы не Славяне, а Русскіе.

Просвѣти Богъ ихъ и насъ вмѣстѣ!...

Прага. *М. Погодинъ*

Сентября $\frac{10}{30}$ *1846.*

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Напечатанныя разсужденія Шафарика суть слѣдующія:

1. *О твореніи словъ чрезъ удвоеніе корня.* Извѣстно, что почти во всѣхъ Индо-Европейскихъ языкахъ множество словъ образовалось чрезъ удвоеніе корней — не только словъ, но въ Санскритскомъ, Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, даже временъ, на пр.: Санскрит. dadhami (даю), Греч. δίδωμι, Латин. tundo, tu-tu-di, cu-curri, Греч. πέμπω, πέπομ—φα (послалъ) и проч. Въ Славянскомъ языкѣ до сихъ поръ не было обращено вниманія на это. Шафарикъ доказываетъ, что хотя у насъ нѣтъ удвоенныхъ прошедшихъ, слѣд. нѣтъ временъ (хотя есть темы въ настоящемъ); но есть множество удвоенныхъ словъ, на пр. pla—pol (пламя) отъ pla—ją (пылаю), pra—por (знамя) отъ parją, pariti (парить), bą—ben, (бубенъ), gla-gol (глаголъ) отъ корня gl... откуда также gla-s, глясъ (срав. Латин. gall-us, пѣтелъ; срав. Нѣм. Nachti-gall, соловей; gällen, звучать и проч.). — «Я указалъ» пишетъ онъ, «на законъ и потомъ на явленіе: прилѣжные послѣдователи вмѣсто моихъ ста примѣровъ могутъ прибрать еще изъ словарей отъ двухъ до трехъ сотъ, столь же хорошихъ и еще лучшихъ.»

Слѣд. plap, prap, bąb, pąp, glag, chech, kuk, lal, rar и проч. суть только мнимые корни у насъ.

2. Разсужденіе *о разширеніи или увеличеніи глагольныхъ корней и стволовъ чрезъ вставку согласныхъ.* Въ этомъ разсужденіи Шафарикъ старался раскрыть примѣчательный феноменъ нашего языка, а именно образованіе новыхъ корней и стволовъ чрезъ вставку l и r, наприм. Иллир. krsmati; tegati и tьrgati, tką, tkna (tango) и tlьką, tluku (ferio).

Я указалъ на *явленіе какъ на событіе* въ сотнѣ примѣровъ; настоящую причину, почему здѣсь l и r мѣняются съ другими согласными я не могъ еще раскрыть, потому что она связана со всею системою и отдѣльно *не*

II. *Образованіе мѣстоименій.*
III. *Образованіе предлоговъ.*
IV. *Образованіе числительныхъ именъ.*
V. *О носовыхъ звукахъ* (nasales, ѧ, ѫ).
VI. *О привукѣ* (Санскр. guna) *въ Славянскомъ языкѣ.*
VII. *Происхожденіе и значеніе сродственныхъ словъ.*
VIII. *О перемѣщеніи звуковъ* (metathesis).
IX. *О сокращеніяхъ словъ.*
X. *Практическія замѣчанія для методики словопроизводительства* (этимологизація).

М. П.

СЕРБСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

ПЕРЕВЕЛЪ

Н. ГЕРТЪ.

Съ предисловіемъ Редактора о Сербской народной Поэзіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Московскомъ Сборникѣ на 1846-й годъ мы помѣстили переведенныя Н. В. Бергомъ древнія Чешскія эпическія и лирическія пѣсни, заключенныя въ одномъ собраніи подъ названіемъ Краледворской Рукописи. Тотъ же Г. Бергъ доставляетъ намъ теперь возможность познакомить нашихъ читателей съ Сербскою народною поэзіею. Краледворская Рукопись заключаетъ народныя Чешскія пѣсни, относящіяся къ періоду времени отъ IX до XIII-го столѣтія, когда и между Чехами народная жизнь была еще цѣльна, когда и они слагали пѣсни, подобныя поющимся донынѣ между другими Славянами, когда, не подавленные еще въ борьбѣ противъ Нѣмцевъ, они могли воспѣвать эту борьбу. Эти пѣсни сохранилъ не народъ, но рукопись. Ее открылъ въ наше время воскресшій между Чехами народный духъ, любовь къ прежней самобытности и къ памятникамъ древней жизни.—Другаго рода значеніе имѣютъ для насъ пѣсни Сербскія, изъ коихъ нѣкоторыя мы предлагаемъ въ переводѣ Г. Берга. Онѣ живутъ въ народѣ: нашъ современникъ, Вукъ Стефановичь Караджичь, (коего біографію вѣроятно помнятъ прочитавшіе ее въ I. т. Моск. Сбор-

пика), собралъ ихъ не изъ рукописей, но изъ устъ народа, отъ слѣпцовъ, юнаковъ и пастуховъ на отрасляхъ Балкана, на берегахъ Адріятическаго моря, Савы и Дуная; на посидѣлкахъ и въ хороводахъ дѣвичьихъ. Онѣ не только современны, но и въ современности представляютъ совершенно единственное, чудное явленіе. Подъ прекраснымъ южнымъ небомъ, среди морей Адріятическаго и Чернаго и горъ Балканскихъ, въ наши дни, поются пѣсни, которыя ни съ чѣмъ болѣе нельзя сравнить, какъ съ пѣснями, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и не много южнѣе еще за 1000 лѣтъ до Р. Х. пѣтыми и составившими позднѣе Иліаду и Одиссею. Такія пѣсни поютъ теперь Сербы и Болгаре, не имѣвшіе никогда никакой внѣшней связи съ древними Греками.

Едва-ли теперь на земномъ шарѣ есть другой уголокъ, гдѣ бы современный бытъ народа, его современная поэзія, могли бы такъ живо воскресить въ воображеніи древній поэтическій бытъ Гомеровой Греціи. Пишущій этѣ строки живо помнитъ, какое впечатлѣніе сдѣлали на него этѣ пѣсни, когда въ первый разъ услыхалъ онъ ихъ въ Черногоріи. Онъ пришелъ туда съ другимъ Русскимъ, своимъ товарищемъ, прежде уже бывшимъ въ этой странѣ и знакомымъ съ ея Владыкою, Митрополитомъ, и потому явился къ нему прямо въ домъ и былъ имъ принятъ ласково и радушно, какъ всякій Русскій. «Вы вѣрно будете рады услыхать наши пѣсни?» сказалъ ему Владыка въ тотъ же вечеръ, и по его приказанію вошелъ Черногорецъ съ инструментомъ въ рукахъ, видомъ совершенно похожимъ на Малороссійскую *кобзу*, съ одною толстою волосяною струною и дуго-

образнымъ смычкомъ также со струною. Сербы называютъ этотъ инструментъ *гусле*. Пѣвецъ сѣлъ на лавку. Спереди почти до половины обритая, по тамошнему обычаю, голова его была открыта; ибо одни только приближенные къ Владыкѣ остаются при немъ въ шапкахъ; назади длинные волосы были всклокочены; шея и грудь, запаленныя солнцемъ, почти открыты; усы у него были длинные, висящіе; видъ его былъ мрачный. Взявши свою кобзу, какъ держатъ віолончель, онъ сталъ на ней наигрывать прелюдію, сначала довольно долго однимъ смычкомъ, потомъ уже сильнымъ горловымъ голосомъ, и наконецъ запѣлъ пѣсню однообразнымъ, протяжнымъ речитативомъ. Во время пѣнія онъ выводилъ смычкомъ постоянно одну ноту, и только изрѣдка наигрывалъ снова прелюдію, чтобъ дать отдохнуть голосу.—Я сѣлъ возлѣ самаго пѣвца, чтобъ легче разбирать слова пѣсни на необычномъ еще мнѣ Сербскомъ языкѣ. Мнѣ стало внятно ея содержаніе — это былъ разсказъ про битву Черногорцевъ съ Турками. Бѣдный пѣвецъ воспѣваетъ событіе, недавно совершившееся, народное; государь страны, его домашніе и приближенные, съ безмолвіемъ и радостію внимаютъ этому разсказу; въ числѣ этихъ слушателей находятся и участники въ воспѣваемомъ дѣлѣ. Я не вѣрилъ своимъ чувствамъ; мнѣ казалось, что во снѣ перенесся я во времена до-Гомеровы, что предо мною Алкиной, князь острова Феаки, съ народными старшинами внимающій пѣнію божественаго Демодока. Алкиной угощаетъ незнаемаго странника Одиссея, главнаго героя въ жалостномъ разсказѣ пѣсни. Демодокъ запѣлъ о разореніи Трои, о возвращеніи Данайцевъ:

Пѣлъ далекознаменитый пѣвецъ; и, внимая ту пѣснѣ,
Плакалъ Улиссъ, и бѣжала слеза изъ-подъ вѣкъ по ланитамъ.
(Одис. VIII, 521—2) (*).

Онъ слышалъ разсказъ про свои собственные подвиги и страданья! И сказалъ Алкиной:

«Слушайте, мужи Феаковъ, мужи совѣта и боя!
Пусть Демодокъ остановитъ свои громкозвонныя гусли:
Ибо, не всѣхъ утѣшая, поетъ; но, какъ ужинать сѣли
Мы и божественный началъ пѣвецъ, съ той поры безустанно
Плакалъ нашъ гость и рыданьями грудь у него подымалась..
(Одис. VIII, 536—41).

Такъ въ домѣ самого Одиссея божественный Фемій услаждалъ своимъ пѣніемъ домашнихъ:

Пѣлъ далекознаменитый пѣвецъ и внимали всѣ молча
Пѣснѣ, сидя по мѣстамъ. . . . (Одис. I. 325—6.)

Пенелопа говоритъ ему, что онъ много знаетъ пѣсней про дѣла боговъ и людей:

«Спой, возсѣдя, намъ изъ этихъ одну, а присущіе, молча,
Пусть распиваютъ вино!» (Одис. I. 339—40).

Всѣ эти картины ожили въ моемъ воображеніи. Видѣть ихъ въ дѣйствительности, должно было казаться конечно волшебствомъ, сновидѣніемъ, человѣку, вдругъ среди этого міра очутившемуся, только что шагнувшему изъ образованной Европы, изъ Австріи, изъ жизни, лишенной всякой естественности, всякой поэзіи. И гдѣ же нашелъ я такую поэтическую настроенность въ народѣ, поэзію, занимающую такое важное мѣсто въ его жизни, со-

(*) Эти мѣста переложилъ намъ въ стихи Г. Бергъ.

ставляющую его необходимую потребность и самую вѣрную и подробную его исторію? Въ народѣ Сербскомъ, о которомъ прежде едва, едва слышалъ; но котораго жилищъ, объема и быта, не зналъ рѣшительно.

Сербская народная поэзія есть по преимуществу эпическая. По содержанію своему она объемлетъ почти семь вѣковъ, т. е. отъ XIII-го столѣтія и до нашихъ дней; но есть нѣкоторыя эпическія пѣсни, которыя простираются гораздо далѣе въ древность. Въ Вуковомъ собраніи есть пѣснь о Царѣ Константинѣ. Нѣкоторыя миѳико-религіозныя, можетъ быть, суть самыя древнѣйшія. Историческія пѣсни могутъ быть раздѣлены на циклы: однѣ говорятъ о Царѣ Стефанѣ и его наслѣдникахъ, другія о Царѣ Лазарѣ, о погибели Сербскаго царства, или о Косовской битвѣ; о Милошѣ Обиличѣ, о Маркѣ Королевичѣ и проч. Что составляетъ особенность въ содержаніи большаго отдѣла Сербскихъ эпическихъ пѣсенъ—это женитьба героевъ, или сватовство. Это показываетъ тѣсную связь ихъ быта съ исторіею. И тотъ и другая равно воинственны. Дружина сватовъ составляетъ войско, и отправленіе ихъ за невѣстою есть походъ воинскій. Самый огромный, безъ сомнѣнія, циклъ въ Сербской поэзіи составляютъ пѣсни о Маркѣ Королевичѣ, сынѣ Короля Вукашина. Это любимое лице не только Сербскаго, но и Болгарскаго народа. Въ немъ они какъ будто изображаютъ самихъ себя. Какъ и народы Сербскій и Болгарскій, онъ по велѣнію Промысла пошелъ въ услуженіе Туркамъ, но не измѣнилъ своей вѣрѣ и народу. Онъ сражался однажды за своихъ повелителей противъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ; но молилъ Бога, чтобы ему первому

пасть въ битвѣ, и чтобы Богъ даровалъ побѣду Хрістіянамъ; и молитва его была услышана, какъ согласно говорятъ исторія и пѣсня. Послѣдняя приписываетъ ему вмѣстѣ и другую смерть; ибо она соединяетъ вокругъ него много сказаній и вѣрованій. Есть также преданіе, и съ радостію внимаетъ ему народъ, что Королевичь Марко не умеръ, что онъ спитъ глубокимъ сномъ въ пещерѣ и встанетъ тогда, когда мечъ его самъ обнажится. Однѣ и тѣже пѣсни и сказки объ немъ распространены по всей Сербіи и Болгаріи; ихъ можно точно также слышать и въ Черногоріи, и въ Княжествѣ Сербскомъ, и въ южной Венгріи, населенной Сербами. Вездѣ народъ слушаетъ ихъ съ любопытствомъ, какъ бы новость.

Справедливо слово Гомера, что

«Ту пѣснь болѣе прославляютъ люди, которая къ слушателямъ ближе и новѣе.» (Одис. I. 351—2.).

Оно справедливо въ отношеніи къ народу юному, не выходившему еще изъ періода исключительной народности, проникнутому одною жизнію, въ которой нѣтъ раздѣленій. Кромѣ южныхъ Славянъ Задунайскихъ, мы другаго подобнаго народа въ современности не знаемъ. У нихъ народъ создаетъ событіе и его воспѣваетъ. Пѣснь замѣняетъ ему газету. Тамъ князь и пастухъ говорятъ однимъ языкомъ, у нихъ одни интересы и однѣ пѣсни, обоимъ имъ говорящія про ихъ общую жизнь. Во всякомъ домѣ есть кобза *(гу́сле)*: ее подаютъ путнику, пришедшему на ночлегъ, и вечерній часъ передъ сномъ проводится въ воспоминаніяхъ и разсказахъ о быломъ и настоящемъ. Если не всѣ поютъ

историческія пѣсни, то почти всякій, въ особенности горный Сербъ ихъ знаетъ. Я и еще болѣе товарищъ мой (А. Н. П....ъ), долѣе меня пробывшій въ Черногоріи, записывали нѣсколько историческихъ народныхъ пѣсенъ изъ устъ самого Владыки. Новѣйшихъ эпическихъ пѣсенъ особенно много у Черногорцевъ; ибо они находятся почти въ безпрерывной борьбѣ съ Турками. Спросите у нихъ, давно-ли они узнали о Русскихъ: они отвѣтятъ вамъ пѣснею, какъ пришло къ нимъ письмо отъ Петра I-го и встали они, какъ одинъ человѣкъ, и гордо подняли голову, услыхавъ, что есть на землѣ великое царство православное, и что того царства Царь имъ пишетъ письмо, называя ихъ братьями. Другою пѣснею разскажутъ они вамъ, какъ разбили они Пашу Турецкаго, того самаго, что̀ заперъ Петра при Прутѣ. Такъ прослѣдите вы всю исторію ихъ до послѣдняго года.

Кромѣ внутреннихъ свойствъ народнаго духа, народнаго быта, что̀ составляетъ тайну этого всегда живаго творчества, это самый внѣшній характеръ поэзіи эпической у южныхъ Славянъ, характеръ чисто гомерическій; это то, что всѣ общія явленія и образы природы и быта выражаются всегда однимъ поэтическимъ, опредѣленнымъ образомъ и выраженіемъ. Для человѣка, проникнутаго цѣлостію народной жизни, вся эта жизнь запечатлѣвается въ необходимыхъ, неизмѣнныхъ о̀бразахъ: въ нихъ для него нѣтъ ничего случайнаго, ничего условнаго, и потому свободно живетъ онъ въ нихъ и творитъ. Эти о̀бразы въ поэзіи составляютъ для него рамку, въ которую онъ влагаетъ разсказъ о событіи, выходящемъ изъ круга еже-

дневности, и какъ бы окружаетъ его этою ежедневностію. Кто не знаетъ этихъ опредѣленныхъ выраженій и стиховъ, которые такъ часто слово въ слово повторяются у Гомера? Точно тоже и въ Славянской поэзіи; такъ до сихъ поръ слагаетъ пѣсни свои Сербъ и особенно Черногорецъ. Кто бы подумалъ, что есть даже въ наше время возможность видѣть, такъ сказать, передъ очами самый процессъ народнаго поэтическаго творчества, открывать сочинителей народныхъ пѣсенъ, тѣмъ не менѣе народныхъ и которыхъ сочинители тѣмъ не менѣе остаются неизвѣстными? Это возможно, и вотъ доказательство. Посѣтивши Герцеговину въ сопровожденіи Черногорца, присланнаго ко мнѣ Владыкою, я возвратился съ нимъ въ Дубровникъ и тамъ, когда въ продолженіи 5-ти дневнаго карантина насъ по вечерамъ запирали однихъ, чтобъ найти общее занятіе, я просилъ моего спутника составить разсказъ нашего странствія. Онъ согласился, и сталъ припоминать событія, предложивъ мнѣ напередъ нѣсколько вопросовъ; ибо хотѣлъ непремѣнно начать пѣснь издалека, о томъ, какъ и откуда пришелъ Русскій въ Черногорію къ Владыкѣ; потомъ началъ разсказъ, и изъ этого разсказа вышла пѣсня въ 571 стихъ! Конечно половина ея была для него готова. Начинается пѣсня, какъ и многія другія: «какъ подня̀лась птица, соколъ ясный» (подиже се соко тица сива). Приходъ въ Черногорію, встрѣча Владыки, все это выражено стихами, повторяющимися во всѣхъ пѣсняхъ при всякомъ подобномъ случаѣ. Такимъ же образомъ описывается и каждая остановка, завтракъ, разсвѣтъ дня, всѣ встрѣчи, поздравленія, начало рѣчей, и проч. Въ эту, уже какъ бы готовую

рамку вставился разсказъ самаго путешествія и всего, что въ немъ было замѣчательнаго: описанія мѣстностей, Неретвы, поля Мостарскаго, Буни, загороднаго дома и бахчи Везиря, городовъ Мостара, Столаца, Требинья, села Гербеши, монастыря Дуже; разговоръ съ Везиремъ, Али-Ризманъ-Бегомъ, его угощеніе и хитрость, разговоръ съ Гасанъ-Бегомъ Столацкимъ, смѣлость Черногорца, и проч. Этотъ Черногорецъ былъ лѣтъ 20, и былъ уже въ 10 сраженіяхъ и носилъ на себѣ слѣды столькихъ же ранъ. Грамоты онъ не зналъ. Его разсказъ едва успѣвалъ я записывать; онъ приостанавливался только, чтобъ припоминать порядокъ странствія и событій, и въ пѣснѣ въ 571 стихъ, составившейся такимъ образомъ въ два или три вечера, нѣтъ ни одной невѣрности въ размѣрѣ. Этой легкости импровизаціи много конечно способствуетъ гибкость Сербскаго языка.

Мы не можемъ изъ этого предисловія сдѣлать разсужденія о народной поэзіи Сербской и потому не можемъ характеризовать исторіи и быта народа, объясняющихъ характеръ его эпическихъ пѣсенъ. Укажемъ для этого на разбросанныя замѣчанія Венелина въ его брошюркѣ: *О характерѣ народныхъ пѣсенъ у Славянъ Задунайскихъ. Москва, 1835 г.*, и преимущественно на небольшую статейку пок. Проф. Прейса: *О эпической народной Поэзіи Сербовъ*, въ 3-й книжкѣ прибавл. къ Журн. Мин. нар. Просв. за 1845 г., стр. 83—100.

Кромѣ эпическихъ, у Сербовъ есть много пѣсенъ лирическихъ, хотя гораздо менѣе, нежели первыхъ. Ихъ довольно вѣрно назвалъ Вукъ *женскими*; только должно замѣтить, что не всѣ, помѣщенныя имъ

въ I-мъ томѣ его послѣдняго изданія, сюда относятся, хотя онъ всѣ ихъ назвалъ женскими. Разумѣется, всего рѣже можно услыхать ихъ въ Черногоріи, въ Герцеговинѣ, въ южной Далмаціи; но за то часто въ Славоніи, на военной Австрійской границѣ, въ Сремѣ и Банатѣ. Если вы на масляницѣ будете проѣзжать чрезъ эти мѣста, то отъ полудня до самаго вечера вы вездѣ увидите веселые нарядные хороводы и услышите громкія пѣсни. Особенно если вы въ это время проѣзжаете чрезъ населенныя мѣста Военной Границы, то еще не умолкаетъ для васъ звукъ пѣсни, слышанной вами въ селѣ, изъ котораго вы выѣхали, какъ уже слышите другую въ другомъ селѣ, къ которому приближаетесь. Эта картина тѣмъ болѣе васъ тамъ поражаетъ, что вы видите ее на широкой улицѣ, порядкомъ выстроенной. Эта принадлежность собственно Велико-Русскихъ селъ отъ самыхъ сѣверныхъ границъ области Великаго Новагорода до крайнихъ предѣловъ земли Низовой, принадлежность, такъ вполнѣ соотвѣтствующая ихъ общинному устройству, встрѣчается и у Сербовъ Задунайскихъ, живущихъ въ мѣстахъ ровныхъ, и у Сербовъ сѣверныхъ, Лузацкихъ.

Размѣръ пѣсенъ эпическихъ или юнацкихъ, какъ называетъ ихъ Вукъ Караджичь, есть извѣстный десятисложный, всегда соблюдаемый съ удивительною вѣрностію, какъ экзаметръ у Гомера. Размѣръ пѣсенъ лирическихъ разнообразенъ: читатели могутъ объ этомъ судить по первому стиху изъ подлинника, выставленному передъ началомъ каждой пѣсни въ печатаемомъ нами переводѣ.

Многія изъ Сербскихъ пѣсенъ, поющихся въ Дал-

маціи, напечатаны были Латинскими буквами еще въ прошломъ столѣтіи Францисканскимъ монахомъ Андреемъ Качичемъ Міочичемъ въ Венеціи въ 1759-мъ году, въ очень важной для Славянской исторіи книгѣ подъ непонятнымъ заглавіемъ: Razgovor ugodni (?) Naroda Slovinskoga, u komu se ukazuje početak i sverha Kraljah Slovinskih, s različitim' pismam' (пѣснями) od Kraljah, Banah i Slovinskih Vitezovah. Этѣ пѣсни, конхъ содержаніе вѣрно передано, но языкъ искаженъ Латинскимъ письмомъ, онъ старался связать краткими историческими статьями и предисловіями. Изданіе этой книги повторено было въ Вѣнѣ Дундеромъ въ 1836 г. въ 2 ч. въ мал. 8°, и въ Дубровникѣ въ 1839 г. въ 1-мъ in 4°.— Въ Лейпцигѣ въ 1837 году напечатаны *Пѣванія Церноѓорска и Херцеговачка, собрина (и издана) Чубромъ Чойковиѣемъ Церногорцемъ.* Но въ самомъ точномъ и полномъ видѣ издалъ и издаетъ ихъ Вукъ Стефановичь Караджичь. Первое изданіе въ 4-хъ частяхъ in 8° начато имъ въ Вѣнѣ, въ 1814 г., и кончено въ 1833. Въ 1841-мъ году онъ началъ новое изданіе, гораздо полнѣйшее, подъ заглавіемъ *Српске народне пјесме:* въ 1-й книгѣ, напечатаны пѣсни, названныя имъ женскими; во 2-й книгѣ, вышедшей въ 1845 г., пѣсни юнацкія древнѣйшія; въ 3-й, вышедшей въ 1846 г., пѣсни юнацкія средняго времени; въ послѣдней 4-й будутъ вѣроятно пѣсни новѣйшія (*).

Нѣсколько пѣсенъ и бо́льшею частію новѣйшихъ напечатано въ *Горлицѣ*, календарѣ Чер-

(*) Это изданіе выписывается Московскимъ Обществомъ Ист. и Др. Росс. и первыя 2 кн. его можно получать въ Конторѣ Москвитянина.

ногорскомъ, который въ продолженіи многихъ лѣтъ издавался Дмитріемъ Милаковичемъ, Секретаремъ Владыки. Такъ въ книгѣ за 1845 годъ находится пѣсня: Бой Черногорцевъ съ Махмутъ-Пашою, 1796 года Іюля 11 случившійся. Въ книгѣ за 1836 годъ народная Черногорская пѣсня о Чесменской битвѣ Русскихъ съ Турками (!), о битвѣ Черногорцевъ съ Турками въ 1756 г., Ноября 25-го, и пѣсни о знаменитыхъ битвахъ подъ Жаблякомъ въ послѣднемъ 10-тилѣтіи. Въ другихъ книжкахъ, которыхъ у меня нѣтъ подъ руками, напечатаны пѣсни о Петрѣ Великомъ. Многія изъ Черногорскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ Горянцѣ, переведены Кипріаномъ Робертомъ въ 1-мъ томѣ его книги: Les Slaves de Turquie, Paris, 1844, 2 vol.

Изъ всѣхъ переводовъ Сербскихъ пѣсенъ до сихъ поръ Нѣмецкій Терезы Якобъ есть самъ лучшій. Она издала его подъ псевдонимомъ Тальви: Volkslieder der Serben, Halle, 1825, 2 vol. in 8°. Изданіе это повторено въ 1836 г. Съ этого перевода Г-жа Віардъ сдѣлала переводъ на Французскій: Chants populaires des Serbes, Paris, 1834—6, 2 vol. in 8°. Другой переводъ на Нѣмецкомъ языкѣ Гергарда: Wila, serbiſche Volkslieder und Heldenmärchen, въ 3 и 4 ч. его Gedichte, Leipz. 1826, 4 vol. in 8°. На Англійскомъ: Servian popular poetry, translated by John Bowring, London, 1827.

Въ заключеніе выпишемъ нѣсколько свидѣтельствъ о Сербской поэзіи изъ сочиненій иностранцевъ, посѣщавшихъ страну и изучавшихъ ее долго. Имъ нельзя не воспользоваться, чтобъ предохранить себя отъ неизбѣжнаго почти упрека въ пристрастіи, или увлеченіи.

Ami Boué въ своей книгѣ *la Turquie d'Europe, Paris, 1840, 4 vol. in 8°*, говоритъ (T. II, p. 94): Les récits homériques plaisent tant à ces peuples, qu'ils sont capables de leur prêter l'oreille pendant des journées entières. Ils les ont entendus mille et mille fois, néanmoins, riches comme pauvres n'en paraissent jamais rassasiés.

Cyprien Robert въ приведенной уже нами книгѣ (L. S. de T., v. I., p. 124) говоритъ: L'histoire de la montagne Noire forme une longue épopée commencée depuis trois siècles, et à la quelle chaque guerre nouvelle ajoute une page glorieuse. Cette épopée, encore informe, mais dont l'intérêt va croissant, n'est autre que l'ensemble des *piesmas*, chants populaires du Tsernogore. Ces chants, pareils à ceux des anciens rapsodes, et composés souvent par les héros mêmes qu'ils célèbrent, ne sont unis entre eux par aucun lien. Ce n'est pas de la poésie dans le sens que nous donnons aujourd'hui à ce mot, (?!) c'est un monument historique, c'est le tableau fidèle d'un état social dont aucun autre pays de l'Europe ne peut donner l'idée; et, ne fut ce qu'à ce seul titre, ces chants grossiers méritent une analyse approfondie. — Un jour peut-être, si elles s'animent sous la main d'un grand poête, les piesmas tsernogortses deviendront à la fois une Iliade et une Énéide, car и пр.

Гёте много занимался Сербскою народною поэзіею, хотя и не зналъ ни одного Славянскаго языка. Онъ самъ въ этомъ сознается съ сожалѣніемъ. Конечно, по этому сужденія его о Славянскихъ литературахъ, съ которыми онъ знакомился по переводамъ, весьма неполны и неудовлетворительны.

Въ 33-й части полнаго изд. его соч. въ Штутгартѣ, 1840 г, помѣщены 6 его статей (стр. 293–320) о Сербской народной поэзіи по случаю выходившихъ переводовъ Сербскихъ пѣсенъ на Нѣмецкомъ языкѣ. Онъ вездѣ отзывается объ этихъ переводахъ, какъ о важнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ Нѣмецкой литературы.

Яковъ Гриммъ въ предисловіи къ Сербской Грамматикѣ (Wuk's Stephanowitsch kleine Serbische Gramm. verd. u. mit einer Vorrede von Jacob Grimm, nebst Bemerkungen über die neueste Auffaßung langer Heldenlieder aus dem Munde des Serbischen Volks und der Uebersicht der Merkwürdigsten jener Lieder, von J. S. Vater, Leipzig u. Berlin, 1824, in 8°.) говоритъ: Alle slavischen Stämme scheinen von Natur dichterisch begabt, zu Gesang und Reigen aufgelegt. (стр. XVIII.) Nichts aber läßt sich der Fülle von Liedern vergleichen, die in allen Landstrichen Serbiens lebendig ist. (стр. XIX.) Die Weiberlieder gewähren eine lyrische Poesie, wie sie sich so klar und innig bei keinem der neueren Völker ergossen hat. Was epische Volksdichtung sey, wie sie sich gestalte und fortpflanze, welche natürliche, überraschende, keiner Kunst erreichbare Kraft der Erfindung ihr zu Gebot stehe, wird man aus den Männer- oder Heldenliedern studieren können, deren Inhalt Mährchen, Sagen und neuere Geschichte umfaßt, und sich mit den Denkmählern ferner Völker berührt. Metrum und Sprache haben in diesen Liedern den reinsten Fluß. (стр. XX.).

І. С. Фатеръ въ статьѣ о Серб. эпич. пѣсняхъ, помѣщенной въ той же книгѣ, съ жаромъ выражаетъ тотъ восторгъ, которымъ исполнились лучшіе Нѣмецкіе Поэты, Филологи и Историки, когда вдругъ открылась передъ ними дотолѣ неизвѣстная народная поэзія Сербовъ. Его особенно

поразила записанная Вукомъ Стефановичемъ изъ устъ народа пѣсня о женидьбѣ Максима Черноевича въ 1227 стиховъ! Herrliches Genie, восклицаетъ онъ, welches die zwölfhundertzeilige Hochzeit angelegt und erfunden hat! (стр. LVII.) Сдѣланный имъ переводъ этой пѣсни на Нѣм. языкъ помѣщенъ въ концѣ предисловія къ Серб. Грам. (стр. LXI—LXXII.)

Но едва-ли справедливы слѣдующія слова Гримма (стр. XXI той же книги): Versuche es einer diese Gedichte ins Russische, Böhmische zu übertragen, — ihr ganzer Reiz, ihre unnachahmliche Einfalt müßte geschwächt oder verflüchtigt zu Grunde gehen.

Повѣркою этихъ словъ да послужитъ теперь предлагаемый нами переводъ Г-на Берга. Онъ старался передавать Сербскія пѣсни такъ близко и вѣрно, какъ только могъ. Лишніе стихи ставилъ въ однихъ крайнихъ случаяхъ. Въ мелкихъ пѣсняхъ позволялъ онъ себѣ кое-гдѣ риѳмы, которыя не всегда были въ подлинникѣ; но риѳмы, поставленныя имъ въ пѣсняхъ эпическихъ, находятся въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и въ оригиналѣ и попали туда вѣроятно не случайно.

Редакторъ.

ПѢСНИ

О КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

I.

Царь Лазарь и Царица Милица.

«Цар Лаваре сједе за вечеру».

Какъ за ужиномъ сидитъ Царь Лазарь,
Съ нимъ сидитъ Царица Милица;
Говоритъ Царица Милица:
«Ты послушай, господинъ мой Лазарь,
Золотая Сербская корона!
Ты идешь вѣдь завтра на Косово,
Всѣ съ тобой воеводы и слуги;
Ни единаго ты здѣсь не оставишь,
Ни единаго мужа, Царь Лазарь,
Кто письмо снести бы могъ къ войску
И назадъ оттуда вернуться.
Ты уводишь моихъ девять братьевъ,
Девять братьевъ, Юговичей храбрыхъ;
Хоть единаго изъ нихъ оставь мнѣ,
Чтобъ сестрѣ онъ былъ на защиту.»
Говоритъ на это Царь Лазарь:
— Госпожа, Царица Милица!
Ты скажи, кого-жъ тебѣ надо,
Кого надо, чтобы я оставилъ? —
«Ты оставь мнѣ Югова Бошка!»
Ей на это Лазарь отвѣчаетъ:

— Госпожа, Царица Милица!
Какъ взыграетъ завтра день бѣлый
И на небѣ солнце просіяетъ,
Отопрутъ вороты городскія:
Ты поди тогда и стань въ воротахъ,
Поджидай, покуда выйдетъ войско,
Борзы кони подъ оружьемъ браннымъ;
Передъ ними будетъ Югович Бошко,
Понесетъ онъ крестное знамя, —
Пусть отдастъ его, кому хочетъ,
И съ тобой останется дома:
Ты скажи, что я благословляю! —
Какъ блеснуло свѣтлое утро —
Городскія отперли вороты;
Тутъ пошла Царица Милица
И у самыхъ у воротъ стала.
Вотъ идутъ полки за полками,
Борзы кони подъ оружьемъ браннымъ;
Передъ ними ѣдетъ Юговъ Бошко
На конѣ червонномъ весь во златѣ,
И покрытъ онъ знаменемъ крестнымъ
До коня, братъ, вплоть до лихова;
А на знамени золотой яблокъ,
Золотымъ крестомъ осѣненный;
На крестѣ золотыя кисти
По плечамъ достаютъ Бошка.
Подскочила Царица Милица,
Ухватила коня удалова, —
Обвила руками шею брату
И сказала ему тихо-тихо:
«Милый братъ мой, дорогой Бошко!
Царь тебя сестрѣ твоей отдалъ,
Чтобъ не шелъ ты въ бой на Косово,
И, что̀ держишь, крестное знамя,
Разрѣшилъ отдать, кому хочешь.
Ты со мной останься въ Крушевцѣ

И сестрѣ будь вѣрной защитой!»
Ей на это Бошко отвѣчаетъ:
«Воротись-ка, сестра, ты въ теремъ:
Мнѣ съ тобою здѣсь не оставаться,
Не покинуть знамени святова,
Хоть дари мнѣ Царь свой Крушевацъ,
Что̀ тогда заговоритъ дружина:
— «Окаянный измѣнникъ Бошко!
«Знать боится онъ итти съ нами
«Кровь пролить за честный крестъ Господень,
«Умереть за вѣру за святую!» —
И съ конемъ промчался въ вороты.
Вотъ и Югъ-Богданъ старый ѣдетъ!
Семь за нимъ сыновьевъ сзади.
Всѣхъ она просила по-порядку,
Ни одинъ и посмотрѣть не вздумалъ.
Погодя немного за ними
Воинъ Юговичъ въ вороты въѣхалъ;
Подъ-уздцы онъ велъ коня Царева,
Вкругъ облитаго золотомъ чистымъ.
И подъ нимъ она коня схватила,
Обняла молодца руками
И сказала ему тихо-тихо:
«Воинъ Юговичъ, дорогой братецъ!
Царь тебя сестрѣ оставляетъ:
Дай коня вести, кому хочешь,
И поди со мною въ Крушевацъ,
Будь сестрѣ защитою вѣрной!»
Воинъ Юговичъ на то отвѣчаетъ:
«Ты поди-ка, сестра, въ свой теремъ!
Не вернется тебѣ ратный витязь
И коня Царева не пуститъ,
Хоть-бы зналъ, что голову сложитъ!
Нѣтъ, иду я въ чистое поле,
Въ поле чистое, сестра, въ Косово,
Кровь пролить за честный крестъ Господень,

Умереть за вѣру со своими!»
И съ конемъ промчался въ вороты.
Какъ увидѣла это Милица,
Она пала на холодный камень,
Она пала и безъ чувствъ лежала.
Вотъ и Лазарь славный проѣзжаетъ;
Онъ увидѣлъ Царицу Милицу;
Какъ увидѣлъ, вдругъ заплакалъ горько;
Сталъ на лѣво справа озираться —
Подзываетъ слугу Голубана:
«Голубанъ, слуга ты мой вѣрный,
Ты покинь-ка бѣлую лошадь,
Подними на руки Царицу,
Отнеси въ высокъ ее теремъ —
А ужъ грѣхъ тебѣ Господь отпуститъ! —
Не ходи ты биться на Косово,
Оставайся дома съ Царицей!»
Какъ наказъ тотъ Голубанъ услышалъ,
Залился онъ горькими слезами;
Лошадь бѣлую покинулъ въ полѣ,
Взялъ Царицу на бѣлыя руки
И отнесъ ее въ высокъ теремъ;
Но не могъ одолѣть онъ сердца,
Не итти съ братьями на битву:
Воротился, на коня прыгнулъ,
И пустился прямо къ Косову.
Какъ на завтра зарей, ранымъ-рано
Прилетѣли два черные врана,
Съ поля чистаго они съ Косова,
И на бѣлый теремъ сѣли оба,
Сѣли оба на Лазаревъ теремъ;
Одинъ каркнулъ, а другой молвилъ:
«Да ужъ Лазаревъ-ли это теремъ?
Али въ теремѣ никого нѣту?»
Не слыхалъ никто этой рѣчи,
Услыхала Царица Милица;

Передъ теремъ вышла передъ бѣлый,
Говорила вороньямъ чернымъ:
«Здравствуйте, два черные врана!
Вы откуда, два врана, такъ рано?
Не съ Косова-ль чистаго поля?
Не видали-ль двухъ сильныхъ ратей?
Не видали-ль, какъ онѣ сразились?
И какая рать побѣдила?»
Воронья Царицѣ отвѣчаютъ,
Отвѣчаютъ: — ей Богу, Царица!
Мы теперь съ Косова чиста поля;
Видѣли мы двѣ сильныхъ рати;
Межъ собой онѣ вчера бились;
Два Царя тамъ головы сложили;
Малость малая осталась Турка,
А у Серба, что и осталось,
Все изранено, покрыто кровью! —
Какъ они съ Царицей говорили,
Къ нимъ слуга Милутинъ подъѣхалъ;
Держитъ руку правую въ лѣвой,
У него семнадцать ранъ на тѣлѣ,
Весь и конь его кровью облитъ.
Говоритъ Царица Милутину:
«Что ты такъ, Милутинъ, печаленъ?
Или выдалъ Царя на Косовѣ?»
Госпожѣ тогда слуга молвилъ:
«Госпожа! спусти меня на̀ земь
И умой холодною водою,
Да виномъ облей меня краснымъ:
Одолѣли тяжкія раны!»
Тутъ его Милица спустила,
Умывала холодною водою
И виномъ облила его краснымъ.
Какъ немного Милутинъ ожилъ,
У него Царица спросила:
«Что̀, скажи мнѣ, было на Косовѣ?

Какъ погибъ тамъ славный Князь Лазарь?
Какъ погибъ тамъ Югъ-Богданъ старой?
Какъ сто Юговичей погибли?
Какъ погибъ Милошъ воевода?
Какъ погибъ Вукъ Бранковичъ храбрый?
Какъ погибъ Страхинья Бановичъ?»
Тутъ слуга разсказывать началъ:
— Всѣ остались на Косовскомъ полѣ!
Гдѣ погибъ нашъ славный Князь Лазарь.
Тамъ излошано много копьевъ,
И Турецкихъ копьевъ и Сербскихъ,
Только Сербскихъ больше, чѣмъ Турецкихъ.
Какъ они Царя оборонили,
Именитаго Лазаря Князя.
Югъ-Богданъ погибъ еще сначала,
Въ самой первой стычкѣ съ басурманомъ;
Тутъ же восемь Юговичей пало,
Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата,
Всякій бился, сколько силъ хватило.
Только Бошко Юговичъ остался,
По Косову знаменемъ вѣялъ,
Разогналъ, распугалъ онъ Турковъ,
Словно соколъ голубей сизыхъ.
Гдѣ въ крови бродили по колѣно,
Тамъ погибъ Страхинья Бановичъ.
Милошъ палъ, госпожа, въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ бѣжитъ холодная Ситница,
Гдѣ погибло много-много Турковъ;
Онъ убилъ у нихъ Царя Мурата
И еще двѣнадцать тысячъ войска.
Да проститъ тому грѣхи Всевышній,
Кто родилъ Милоша на свѣтъ!
По себѣ оставилъ онъ память:
Вѣкъ о немъ разсказывать будутъ,
Пока есть на этомъ свѣтѣ люди
И пока стоитъ Косово поле!

А что̀ спрашиваешь ты про Вука:
Будь онъ проклятъ и съ отцемъ будь проклятъ!
Проклятъ весь и родъ его племя!
Онъ Царя выдалъ на Косовѣ
И увелъ съ собой двѣнадцать тысячъ,
Госпожа, все латниковъ лютыхъ! —

2.

Погибель Сербскаго Царства.

« *Полетио соко тица сива* ».

Какъ летѣлъ ясѣнъ соколъ-птица
Отъ святыни, отъ Ерусалима,
Несъ онъ по небу ласточку-птичку.
Не ясѣнъ то былъ соколъ-птица,
. . . . . .
И не ласточку несъ онъ птичку,
А письмо . . . . . .
Прилетѣлъ на поле Косово,
И письмо опускаетъ онъ тихо,
Опускаетъ Царю на колѣно;
Такъ письмо Царю заговорило:
« Именитый родомъ, Царь Лазарь!
Ты какого желаешь царства?
Нà небѣ-ль ты царствовать хочешь?
Иль земнаго тебѣ царства надо?
Коли царства земнаго хочешь,
Ты сѣдлай коней своихъ борзыхъ;
Подтяни имъ крѣпче подпруги,
Наточи булатныя сабли
И ударь съ братьями на Турокъ:
Все Турецкое погибнетъ войско!
А желаешь небеснаго царства,
Такъ созижди на Косовѣ церкву,

Заложи не мраморъ въ основанье,
Заложи ты чистый шелкъ да бархатъ;
Причасти потомъ и выстрой войско —
Ляжетъ войско все на ратномъ полѣ,
Да и ты, Князь, тутъ же съ ними ляжешь!»
Какъ письмо прочиталъ Царь Лазарь,
Самъ съ собой раздумывать началъ:
«Боже правый! чего пожелать мнѣ?
И какого попросить царства?
То-ли царство испросить на небѣ?
То-ли выбрать царство земное?
Коль земнаго царства пожелаю —
Коротко земное наше царство,
А небесное во вѣки будетъ!»
Восхотѣлъ небеснаго онъ царства,
Отрицаясь царства земнаго,
И построилъ на Косовѣ церкву,
Заложилъ не мраморъ въ основанье,
Заложилъ онъ чистый шелкъ да бархатъ;
Патріарха Сербскаго по́звалъ
И двѣнадцать съ нимъ владыкъ великихъ;
Причастилъ войско и построилъ;
Лишь построилъ онъ свое войско,
На Косово ударили Турки.
Повелъ войско Югъ-Богданъ старый,
Съ девятью своими сыновьями,
Съ девятью словно соколами,
И у всякаго рать въ девять тысячъ,
А у Юга рать въ двѣнадцать тысячъ.
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Семь Пашей положили лоскомъ,
Но какъ стали добивать восьмаго,
Тутъ погибъ Югъ-Богданъ старый
И легли тутъ всѣ его дѣти,
Девять братьевъ, соколовъ ясныхъ,
И все войско вмѣстѣ съ ними пало.

Марнявчевичей тропца вышла:
Банъ Углеша, воевода Гойко
И Король Вукашинъ съ ними;
Съ каждымъ было тридцать тысячъ войска;
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Восемь разомъ Пашей положили,
Но какъ бить девятаго стали:
Марнявчевичей погибло двое —
Банъ Углеша съ воеводой Гойкомъ,
А Король былъ тяжко израненъ,
Растоптали его кони вражьи;
Вмѣстѣ съ нимъ и рать его пала.
Выступаетъ Герцогъ Степанъ съ войскомъ.
Много было съ Герцогомъ войска,
Много войска: шестьдесятъ тысячъ;
Стали съ Туркомъ биться-рубиться,
Разомъ девять Пашей положили,
Но какъ бить десятаго стали —
Тутъ погибъ Герцогъ могучій
И за нимъ вся рать его пала.
Выступаетъ Сербскій князь Лазарь.
Много Серба съ Лазаремъ было,
Много Серба: семьдесятъ семь тысячъ;
Разогналъ онъ по Косову Турковъ,
Не успѣлъ имъ дать оглядѣться,
А не только славный бой затѣять,
И совсѣмъ побилъ-было онъ Турковъ—
Только Вукъ — анаѳема проклятъ! —
Выдалъ тестя на Косовскомъ полѣ!
Тутъ царя одолѣли Турки
И погибъ нашъ славный Князь Лазарь,
Пала съ нимъ и рать его сила,
Сила-рать, семьдесятъ семь тысячъ.
Все то было свято и преславно
И причастно Господу Богу.

ОТРЫВКИ

О КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

1.

Разговоръ Милоша съ Иваномъ

« Побратиме, Косанчић-Иване ! »

»Что̀, скажи мнѣ, братъ Иванъ Косанчичъ
Ты выглядывалъ войско у Турка?
Велика у нихъ народу сила?
Можно-ль съ ними намъ затѣять битву?
Можно-ль ихъ побить на ратномъ полѣ?»
Говоритъ ему Иванъ Косанчичъ:
« Слушай, братъ мой, Милошъ Обиличъ,
Я выглядывалъ у Турка войско:
Ужъ и много идетъ у нихъ силы!
Кабы солью всѣ мы обратились, —
На обѣдъ бы насъ не стало Туркамъ!
Я ходилъ пятнадцать цѣлыхъ сутокъ
По Турецкой по несмѣтной рати:
Не нашелъ ни счету, ни краю:
Отъ Мрамора до Явора Сухова,
А отъ Явора, братъ, до Сазліи,
До Сазліи на̀ мостъ на Желѣзный,
А отъ моста вплоть до Звѣчана,

От Звѣчана, братъ, до Чечана,
От Чечана до горы высокой—
Разлеглось Турецкое войско:
Витязь къ витязю, къ коню конь борзый;
Пика съ пикой, точно холмъ великой,
Словно тучи, бунчуковъ ихъ кучи,
А шатры матёры, будто снѣжны горы!
Кабы съ неба въ нихъ ударилъ ливень —
Ни одна не пала-бъ капля на земь:
Дождь упалъ бы на коней и войско.
Сѣлъ Муратъ на полѣ Мазгитѣ,
Обхватилъ онъ и Лабъ и Ситницу. »
Тутъ еще спросилъ Ивана Милошъ:
« Ты скажи мнѣ, братъ Иванъ Косанчичъ,
Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?
Я поклялся нашему Князю,
Что пойду и заколю Мурата
И ногой ему подъ горло стану. »
Говоритъ ему Иванъ Косанчичъ
« Эхъ, братъ Милошъ, глупъ ты, неразуменъ!
Гдѣ шатеръ могучаго Мурата?—
Посреди онъ всей Турецкой рати;
Хоть возьми у сокола ты крылья
И ударь туда прямо съ неба:
Нѣ осталось бы у тебя перьевъ! »
Тутъ просить сталъ Милошъ Ивана:
« Ты послушай, братъ Иванъ Косанчичъ!
Не родной братъ, а родной словно!
Ты про то не сказывай Князю,
А не то ему забота будетъ,
И всполошится все наше войско;
А скажи, братъ, Князю ты эдакъ:
Велика у басурмана сила,
Только можно съ ними сразиться
И легко одолѣть ихъ будетъ:
То не рать изъ молодцевъ добрыхъ,

А ханжи перехожіе старцы,
Да народъ рабочій, да торговцы,
Что̀ совсѣмъ и бою-то не знаютъ,
А пошли чужимъ прокормиться.
Да и это войско у Турка
Заболѣло тяжкою болѣзнью,
Тяжкою болѣзнью — самымъ сердцемъ;
Заболѣли у него и кони,
Мокрецомъ болѣютъ и сапомъ.»

2.

Косовская дѣвушка.

«*Уранила Косовка ѣевојка*».

Встала рано Косовская дѣва,
Встала въ день святой, въ Воскресенье,
Въ Воскресенье, прежде красна солнца;
Рукава бѣлы засучила,
Засучила до бѣлаго локтя,
Положила на̀ плечи хлѣбъ бѣлый,
Взяла въ руки два златыхъ сосуда,
Налила въ одинъ воды студеной,
А другой налила виномъ краснымъ,
И пошла на Косово поле.
Все, млада, побоищемъ ходитъ,
Все побоищемъ славнаго Князя
И людей ворочаетъ мертвыхъ,
А найдетъ мо̀лодца живова,
Чистою водой его умоетъ,
. . . . . виномъ его краснымъ
И накормитъ потòмъ бѣлымъ хлѣбомъ.
Глядь, лежитъ въ крови добрый витязь,
Добрый витязь, Павелъ Орловичъ,
Молодой Княжій знаменосецъ;

Онъ еще въ живыхъ оставался ;
Не было у него руки правой
И ноги лѣвой до колѣна ;
Переломаны были всѣ ребры
И виднѣлась бѣлая печенка.
Подняла его дѣва изъ крови ;
Умываетъ холодной водою ,
. . . . виномъ его краснымъ,
Хлѣба бѣлаго ему подноситъ.
Оживѣлъ Павелъ Орловичъ ,
Говоритъ онъ дѣвѣ Косовской :
« Ахъ, сестра моя дорогая ,
Что, скажи, тебѣ за неволя ,
Здѣсь въ крови людей ворочать мертвыхъ ?
На побоищѣ кого ты ищешь ?
Сына-ль дядина ? роднаго-ль брата ?
Иль отца отыскиваешь старца ? »
Отвѣчаетъ Косовская дѣва :
— Милый братъ, невѣдомый витязь !
Не лежитъ родныхъ моихъ въ полѣ,
Не ищу я дядина сына,
Ни отца, ни брата роднова.
А ты знаешь, молодецъ, про это ,
Какъ нашъ Лазарь причащалъ войско
У святой церкви Самодрежи ,
Три недѣли причащалъ ровно
И съ нимъ было тридцать калугеровъ.
Причастилось Сербское войско ,
А потомъ ужъ три воеводы :
Первый былъ воевода Милошъ,
А другой былъ Иванъ Косанчичъ,
Третій звался Миланъ Топлица.
Я въ ту пору стояла въ воротахъ ;
И пошелъ Милошъ воевода —
Добрый молодецъ на семъ свѣтѣ !—
По камнямъ стучитъ его сабля ,

На макушкѣ шелковая шапка,
А салтанъ серебромъ окованъ,
На груди кольчуга дорогая
И платокъ шелковый на шеѣ.
На меня, идя, Милошъ глянулъ,
Снялъ съ себя кольчугу дорогую,
Снялъ съ себя и мнѣ ее подалъ:
«На-ка, дѣвушка, возьми кольчугу!
По кольчугѣ ты меня вспомнишь,
Какъ зовутъ меня, провеличаешь.
Я на смерть иду, на погибель,
Съ храбрымъ войскомъ нашего Князя.
Ты молись, душа моя, Богу,
Чтобъ изъ бою вышелъ я здравымъ;
И тебѣ я счастье устрою:
Я возьму тебя за Милана,
За Милана, мнѣ по Богу брата,
Что со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ.
Я вамъ буду отцемъ посаженымъ!—
А за нимъ пошелъ Иванъ Косанчичъ,
Добрый молодецъ на семъ свѣтѣ!
По камнямъ стучитъ его сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
А салтанъ серебромъ окованъ;
На груди кольчуга дорогая,
Шелковый платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ блеститъ золотъ-перстень.
На меня, идя, витязь глянулъ,
Снялъ съ руки своей золотъ-перстень;
Снялъ съ руки и мнѣ его подалъ:
«На, возьми-ка, дѣвушка, перстень!
Этимъ перстнемъ ты меня помянешь;
Какъ зовутъ меня, провеличаешь.
Я на смерть иду, на погибель,
Съ храбрымъ войскомъ нашего Князя.

Ты молись, душа моя, Богу,
Чтобъ оттуда вернулся я здравымъ;
И тебѣ я счастье устрою:
Я возьму тебя за Милана,
За Милана, мнѣ по Богу брата,
Что̀ со мною Богомъ побратался,
Вышнимъ Богомъ и святымъ Иваномъ;
Я дружкомъ на сватьбѣ вашей буду!»
Вслѣдъ за нимъ пошелъ Миланъ Топлица,
Добрый мо̀лодецъ на семъ свѣтѣ,
По камня̀мъ стучитъ его сабля,
На макушкѣ шелковая шапка,
А салтанъ серебромъ окованъ;
На груди кольчуга дорогая,
Шелковой платокъ надѣтъ на шеѣ,
На рукѣ золото-колечко.
На меня, проходя, онъ глянулъ,
Снялъ съ руки золото-колечко!
Снялъ съ руки и мнѣ его подалъ:
«На-ка, дѣвушка, возьми колечко!
Ты меня колечкомъ тѣмъ помянешь,
Какъ зовутъ меня, провеличаешь;
Я на смерть иду, на погибель,
Съ храбрымъ войскомъ нашего Князя;
Ты молись, душа моя, Богу,
Чтобъ оттуда вернулся я здравымъ;
И тебѣ, душа, устрою счастье:
Ты женой мнѣ вѣрною будешь!»
И прошли всѣ три воеводы.
Ихъ-то нынче ищу по Косову!»
Говоритъ ей Павелъ Орловичъ:
«Погляди, сестра дорогая:
Вонъ ты видишь ратныя копья —
Гдѣ лежитъ ихъ больше и гуще,
Молодецкая тамъ кровь лилася,
До стременъ она коню хватала,

До стремепъ и до поводьевъ самыхъ,
Добру мо̀лодцу по самый поясъ;
Тутъ легли всѣ три воеводы.
Ко двору назадъ воротись ты!
Что̀ кровавить рукава и полы!»
Какъ услышала она эти рѣчи,
Пролила горючія слезы,
Ко двору назадъ воротилась,
Зарыдавши громко и жалко:
« На роду написано мнѣ горе:
Подойду лишь къ зѐлену я бору —
Глядь: зеленый выцвѣлъ и высохъ!»

V.

Юришичъ-Янко.

« Нешто цвили у Стамболу граду ».

Кто-то стонетъ въ городѣ Стамбулѣ;
То-ли вила, то-ли гуя злая?
То не вила, то не злая гуя:
Стонетъ мо̀лодецъ Юришичъ-Янко;
И не даромъ день и ночь онъ воетъ:
Янко запертъ въ темную темницу,
Въ ней три года мо̀лодецъ бѣдуетъ,
У Тирьянскова Царя, у Сулеймана;
Тамъ ему и тяжело и тошно,
Такъ и стонетъ вечеромъ и утромъ,
Надоѣлъ ужъ и стѣнамъ холоднымъ,
А не только Царю Сулейману.
Вотъ приходитъ Сулейманъ Тирьянской,
Онъ приходитъ къ воротà̀мъ темницы,
Кличетъ громко Юришича-Янка:
« Ахъ ты гяуръ эдакой, Юришичъ!
Что̀ тебѣ тамъ за бѣда такая,

Что все воешь ты въ моей темницѣ?
Голодомъ ты мучишься, иль жаждой?
Или скучился ты, храбрый витязь,
По какой-нибудь своей гяуркѣ?»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
« Говорить ты воленъ, Царь, что̀ хочешь!
Но не жажду я, не голодую!
Только горько мнѣ и раздосадно,
Что попался въ эту я темницу.
Ради Бога, Царь-Султанъ великій,
Сколько хочешь отыми богатства,
Но пусти мои отсюда кости! »
Сулейманъ ему на это молвитъ:
« Брешишь, гяуръ, Янко окаянный!
Твоего мнѣ золота не надо,
Но хочу, чтобъ ты сказалъ мнѣ правду,
Какъ зовутся три тѣ воеводы,
Что̀ мое перемутили войско,
Какъ мы шли Косовскимъ чистымъ полемъ. »
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
« Говори ты, Царь-Султанъ, что̀ хочешь!
Я скажу всю истинную правду:
Видишь, первый славный воевода,
Что̀ разбилъ и разогналъ всѣхъ Турокъ,
Потопилъ и въ Лабѣ и въ Ситницѣ —
Это былъ самъ Королевичъ Марко.
А другой великій воевода,
Что̀ посѣкъ большую рать у Турокъ;
Назывался Огникъ-Молоденекъ —
Онъ племянникъ воеводы Марка.
А послѣдній славный воевода,
Что̀ сломалъ свою кривую саблю
И что̀ Турокъ навздѣвалъ на пику
И погналъ передъ собою къ Лабу,
Къ Лабу и къ рѣкѣ Ситницѣ хладной —
Этого зовутъ Юришичъ Янко,

Что сидитъ, Султанъ, въ твоей темницѣ —
Учини надъ нимъ теперь, что хочешь!»
Говоритъ на то Султанъ Тирьянской;
«Ахъ, бездѣльникъ ты, Юришичъ-Янко!
Ну, скажи-жъ, какой желаешь смерти?
Хочешь, въ морѣ мы тебя утопимъ?
Или хочешь, на огнѣ изжаримъ?
Или къ рѣпицамъ коней привяжемъ —
Разнесутъ они тебя на части!»
Отвѣчаетъ Янко Сулейману:
«Говорить ты воленъ, Царь, что хочешь!
Но вѣдь муки никому не милы;
А коль иначе ужъ быть не можетъ,
Такъ послушай: я тебѣ не рыба,
Чтобы въ море ты меня закинулъ;
Я тебѣ не дерево-колода,
Чтобы вы огнемъ меня спалили;
Не блудница, чтобъ меня конями
Приказалъ ты разорвать на части.
Но изъ добрыхъ витязей я витязь:
Дай же ты разбитую мнѣ лошадь,
Что стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакова бою не глядѣла;
Да еще тупую дай мнѣ саблю,
Тридцать лѣтъ нетóченную вовсе,
Что и въ битвѣ сроду не бывала,
Но валялась, ржавчиной покрыта,
И не стала изъ ноженъ ужъ лазить;
А потóмъ пусти меня ты въ поле,
А за мною двѣсти Янычаровъ —
Пусть они меня на сабли примутъ:
Такъ погибну я, какъ добрый витязь!»
Сулейманъ Юришича послушалъ,
Далъ ему разбитую онъ лошадь,
Что стояла тридцать лѣтъ безъ дѣла,
Никакова бою не глядѣла;

Далъ еще ему тупую саблю,
Тридцать лѣтъ нетòченную вовсе,
Что̀ и въ битвѣ съ роду не бывала,
Но валялась, ржавчиной покрыта,
И не стала изъ ноженъ ужъ лазить.
Выпустилъ потòмъ онъ Янка въ поле,
А за нимъ двѣ сотни Янычаровъ.
На коня лишь только Янко прыгнулъ,
Онъ коня ногами стиснулъ крѣпко —
Такъ что конь подъ мòлодцемъ запрыгалъ
И понесся по чистòму полю; —
Вслѣдъ за нимъ пустились Янычары;
Глядь: у Янки за плечми ужъ Турка,
И вотъ-вотъ башку ему отрубитъ,
Чтобы взять награду отъ Султана:
Только Янко спохватился скоро,
Онъ бѣду надъ головою видитъ,
Помянулъ онъ истиннаго Бога,
За ножны схватился и за саблю,
Разомъ дернулъ — выскочила сабля,
Какъ сейчасъ откованная только;
Выждалъ Янко молодова Турка
И на саблю басурмана принялъ,
Поперекъ его ударилъ тяжко —
И съ коня двѣ пали половины.
Подскочилъ Юришичъ, мигомъ бросилъ
Онъ свою измученную лòшадь,
На коня Турецкаго метнулся,
Изъ ноженъ у Турки вынулъ саблю
И пошелъ косить онъ Янычаровъ;
Половину ихъ посѣкъ онъ саблей,
А другую онъ погналъ, какъ стадо,
И Царю передъ лице поставилъ.
А потóмъ ужъ, здравъ, и цѣлъ, и веселъ,
Онъ домой поѣхалъ чистымъ полемъ.

МЕЛКІЯ СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Зейнино заклятіе.

« Везир Зејна по бостану везла ».

Полотно ткала-сидѣла Зейна,
Полотно ткала на огородѣ.
Мать приходитъ звать ее на ужинъ:
«Слышишь, Зейна, ужинать пойдемъ-ка!
Поѣдимъ-ка сахарной баклавы!»
Дочь на это съ сердцемъ отвѣчаетъ:
«Безъ меня пускай отходитъ ужинъ!
Не до ужина мнѣ горькой нынче:
Отъ тоски болитъ и ноетъ сердце! —
Приходилъ ко мнѣ сегодня милый,
Ощипалъ мои цвѣты-цвѣточки,
Оборвалъ въ стану шелковы нитки.
Побранимъ его съ тобою вмѣстѣ:
Грудь моя, ты будь ему темницей!
Руки бѣлыя — на шеѣ цѣпью!
А уста ему пусть очи выпьютъ!»

II.

Гляди не на платье, а на станъ и красоту.

«*Игра коло у Ерцеговини*».

Посреди Герцеговинскихъ мѣстъ,
Передъ домомъ Бегъ-Иванъ-Бега,
Красныхъ дѣвокъ хороводъ ходилъ.
Ѣдетъ къ нимъ невѣдомъ мо̀лодецъ;
Весь онъ за̀литъ златомъ-сѐребромъ,
Да и конь его разубранъ весь,
Конь разубранъ, разукрашенъ былъ.
На плечахъ у добра мо̀лодца
Долманъ былъ зеленый бархатный;
На долманѣ тридцать пуговицъ;
Сверхъ долмана куртка шелкова
И богаты латы мѣдныя;
На ногахъ ритузы шитыя;
На макушкѣ шапка алая,
Въ шапку во̀ткнутъ золотой салтанъ;
У бедра Дамасска сабелька,—
Золотая рукоять у ней
Крупнымъ жемчугомъ осыпана.
Всѣ глядятъ на добра мо̀лодца.
Говоритъ имъ добрый мо̀лодецъ:
«Не глядите, красны дѣвицы,
На убранство на богатое!
Не гляжу и я на золото,
А выглядываю дѣвицу,
Изо всѣхъ-ли разкрасавицу,
Что̀ вести-бы можно къ матушкѣ,
Похвалиться ей, похвастаться!»

Тутъ одна сказала дѣвица :
— «Холостой ты добрый мо̀лодецъ!
Ты назадъ возьми такую рѣчь :
На богатство что-ли смотримъ мы,
На убранство коня ворона ? —
Смотримъ мы на добра мо̀лодца :
Чтобъ недаромъ кинуть матушку,
Да еще-ли царство красное,
Царство красное — дѣвичество!»

III.

Не бери подруги !

« *Iово брате, жао ми је на те* ».

Побратимъ ты мой,
Побратимъ Иванъ,
Какъ не грѣхъ тебѣ :
Досадилъ ты мнѣ! —
Красна дѣвица
За тебя идетъ!
Такъ и просится
Сабля вострая
Зарубить тебя,
Брата-недруга!
Не бери моей,
Братъ, подруженьки!
Нашимъ всѣмъ она
Полюбилася :
Моему отцу —
Златомъ-сѐребромъ ;
Моей матери —
Родомъ-племенемъ;
А сестрамъ моимъ —
Долгимъ волосомъ ;

Мнѣ же, мòлодцу, —
Чернотой очей,
Что̀ черны у ней,
Какъ осенняя ночь.
Не бери-жъ моей,
Братъ, подруженьки!

IV.

Братъ, сестра и милая.

« *Горица листомъ листала* ».

Вся гора въ листу зеленомъ;
Братъ съ сестрою тамъ гуляетъ,
Говоритъ сестрица брату:
« Что̀ ко мнѣ ты, братъ, не ходишь? »
—Я бы радъ-ходилъ, сестрица:
Да изъ дому не пускаетъ
Молода краса-дѣвица,
Ненаглядная подруга.
Я коня лишь осѣдлаю,
А подруга разсѣдлаетъ;
Саблю вострy надѣваю,
А подруга саблю скинетъ:
« Не ходи, мой другъ, далёко:
Мутна рѣчка вѣдь глубòка!
Широкò вѣдь чисто-поле —
Что̀, мой милый, за неволя! »—

V.

Рыба и Дѣва.

« *Дјевојка сједи крај мора* ».

Дѣва у̀ моря сидѣла,
Говоря сама съ собою:

« Боже сильный! Боже правый !
Что̀ на свѣтѣ шире моря?
Что̀ на свѣтѣ долже поля?
Что̀ быстрѣй коня лихова?
Что̀ вкуснѣй и слаще меда?
Что̀ милѣй роднова брата?»
Изъ воды ей рыба молвитъ:
—« Ахъ ты, дѣва, зѣленъ разумъ!
Небо шире синя моря;
Море долже чиста поля;
Взоръ быстрѣй коня лихова;
Бѣлый сахаръ слаще меда;
А милòй милѣе брата. »

VI.

Милый и немилый.

« *Конь зеленко росну траву пасе* ».

На лугу пасется бѣлый конь,
Часъ пасется, два онъ слушаетъ,
Какъ свою родную матушку
Молитъ дѣвица-красавица:
« Не давай меня ты, матушка,
За немилова, неласкова!
Лучше съ милымъ по горамъ ходить,
Воду съ листьевъ дождевую пить,
Заѣдать колючимъ терніемъ,
Спать на голой, на сырой землѣ,
Чѣмъ съ немилымъ въ терему большомъ
Бѣлый сахаръ ѣсть и нѣжиться
На шелку все да на бархатѣ! »

VII.

Три́ горя.

«*О ѣевојко мала*».

Ахъ ты дѣва, дѣва!
Никому отъ дѣвы
Не пришло печали,
Моему лишь сердцу
Отъ нея три горя!
Первое мнѣ горе —
Воронъ конь не скачетъ;
А другое горе —
Мо̀лодца не женятъ;
Третье мое горе —
Что моя подруга
Не глядитъ на друга.
Эти мнѣ три горя
Пуще самой смерти!
Изготовьте-жъ, други,
Мо̀лодцу могилу,
Во чисто̀мъ во полѣ,
Во̀ полѣ широкомъ,
Въ глубину копайте
На цѣлую саблю;
Въ головахъ воткните
Длинную вы пику,
За нее вяжите
Коня воронова;
Дайте коню корму,
А воды не надо:
Пусть мой конь тоскуетъ,
Рвется и топочетъ,
Коль душа-дѣвица
Тосковать не хочетъ.

VIII.

Радость и горе.

«Синоћ сунце играјући заће».

Какъ вчера играя солнце сѣло,
А сегодня утромъ встало въ тучѣ.
Отъ чего-жъ оно садясь играло? —
Милый Ваня къ матери вернулся!
Отъ чего-же встало въ черной тучѣ? —
Занемогъ у матери Ванюша!

IX.

Братъ и милый.

«Ој ђевојко, имаш ли драгога?»

«Есть-ли милый другъ сердечный
У тебя, душа-дѣвица?»
— Былъ и другъ и братъ родимый,
Да ушли на битву оба! —
«А хотѣла-бъ ты, послушай,
Чтобъ одинъ изъ нихъ вернулся?»
— Нѣтъ, пускай вернутся оба! —
«Что же дашь, когда скажу я
И о другѣ и о братѣ?»
— Дамъ за брата много злата;
А за друга за милóва
Съ бѣлой шеи ожерелье! —

X.

Воспоминаніе.

« *Драга моја, јеси л' се удала ?* »

« Милая ! ты замужемъ ужъ нынче » ?
— Да, мой милый, и кормлю ребенка ;
Я дала ему твое прозванье :
Коли станетъ на̀ сердцѣ мнѣ горько
И къ себѣ я подзываю сына ,
Я не кличу : « подойди-ка, сынъ мой » !
Говорю я : « подойди-ка, милый » ! —

XI.

Безъ друга и въ хороводъ не пойду.

« *Играло коло под Видин* ».

Хороводъ ходилъ подъ Видиномъ ,
Да такой , что и не видано.
« Отпусти меня , родимая ! »
— Что-жъ, поди ! съ тобою братъ пойдетъ. —
« Нѣтъ ужъ, матушка , не хочется ! »

Хороводъ ходилъ подъ Видиномъ,
Да такой, что и не видано.
« Отпусти меня, родимая ! »
— Что-жъ, поди ! съ тобой сестра пойдетъ ! —
« Нѣтъ ужъ, матушка, не хочется ! »

Хороводъ ходилъ подъ Видиномъ,
Да такой, что и не видано.
«Отпусти меня, родимая!»
— Что-жъ, поди! съ тобой отецъ пойдетъ! —
«Нѣтъ ужъ, матушка, не хочется!»

Хороводъ ходилъ подъ Видиномъ,
Да такой, что и не видано.
«Отпусти меня, родимая!»
— Что-жъ, поди! съ тобою другъ пойдетъ! —
«Милый другъ пойдетъ... и я пойду!»

XII.

Милая милому сонъ толкуетъ.

«Киша иде и помало сн'јега».

На дворѣ идетъ и снѣгъ и дождикъ.
Тяжко тѣмъ, кто безъ пріюта бродитъ!
Милый другъ пришелъ къ воротамъ милой:
«Отвори мнѣ, милая, вороты!
А не то стеклянное окошко!
Или высунь бѣлую мнѣ руку!
Въ эту ночь мнѣ чудный сонъ приснился,
Что трава на улицѣ поникла
И роса на ту траву спустилась,
А потомъ упали съ неба стрѣлы».
Отвѣчаетъ милому подруга:
«Ты не бойся, другъ мой ненаглядный!
Что трава на улицѣ поникла —
То мои, другъ, и твои печали!

Что роса на ту траву спустилась —
Знай: мои, другъ, и твои то слезы!
А тѣ стрѣлы, что упали съ неба —
Это наши, милый, поцалуи!»

XIII.

Вѣнокъ.

«*Oj дјевојко душице!*»

Ахъ душа, красна дѣвица!
На, возьми вѣнокъ зеленый,
На головушку примѣряй!
А когда вѣнокъ завянетъ,
Ты ко мнѣ, мой другъ сердечный,
Ты ко мнѣ приди въ ту пору:
Я другой сплету пожалуй!

XIV.

Дѣва и солнце.

«*Девојка се сунцу противила*».

Съ краснымъ солнцемъ дѣвица тягалась.
«Красно солнце, я тебя вѣдь лучше!
Да и съ братомъ я твоимъ поспорю,
Съ мѣсяцемъ поспорю красотою,
И съ твоими сестрами, звѣздами,

Что по ясному гуляютъ небу,
Словно пастырь съ овцами своими».
Красно солнце жалуется вилѣ:
«Что мнѣ дѣлать съ дѣвкою проклятой»?
Отвѣчаетъ красну солнцу вила:
«Не печалься, красное ты солнце,
Не печалься, не сердись на дѣву:
Съ нею скоро, солнышко, мы сладимъ:
Засіяй ты, опали ей щеки,
Я же горькую пошлю ей долю.
Долю горькую — дурнова мужа,
Злова свекра и свекровь лихую:
Такъ узнаетъ, съ кѣмъ она тягалась»!

XV.

Дѣлежъ.

«*Порани рано на воду*».

Рано пошла я на рѣчку,
Яблокъ нашла на дорогѣ.
«Батюшка, на, раздѣли-ка»!
Онъ раздѣлилъ не по правдѣ:
Больше себѣ онъ отрѣзалъ,
Мнѣ же оставилъ поменьше.

Рано пошла я па рѣчку,
Яблокъ нашла на дорогѣ,
«Матушка, на, раздѣли-ка»!
Дѣлитъ она не по правдѣ:
Больше себѣ выбираетъ,
Мнѣ оставляетъ поменьше.

Рано пошла я на рѣчку,
Яблокъ нашла на дорогѣ.
« Братецъ, возьми, раздѣли-ка ! »
Онъ раздѣлилъ не по правдѣ:
Больше себѣ онъ отрѣзалъ,
Мнѣ же оставилъ поменьше.

Рано пошла я на рѣчку,
Яблокъ нашла на дорогѣ.
« На, раздѣли-ка, сестрица » !
Дѣлитъ она не по правдѣ:
Больше себѣ выбираетъ,
Мнѣ оставляетъ поменьше.

Рано пошла я на рѣчку,
Яблокъ нашла на дорогѣ.
« Милый, возьми, раздѣли-ка ! »
Вышелъ дѣлежъ настоящій:
Милый себѣ взялъ поменьше,
Мнѣ же оставилъ побольше.

XVI.

Когда горько сердцу.

« Чарна горо, пуна ти си лада ».

Ты потьмой полна, гора чернѣ !
Такъ и ты, мое сердечушко,
Полно горечью становишься,
Коли я смотрю на милова,
Да не смѣю цаловать его !

XVII.

Не сердись на меня.

« Срдо моја, не срди се на ме »!

Не сердись ты, милая, на друга,
А не то какъ самъ я разсержуся —
Вся насъ Босна помирить не сможетъ,
Босна вся и вся Герцеговина!

XVIII.

Дѣва сама себя описываетъ.

« Oj девојко Смедеревко »!

— Смедеревская ты дѣва,
Оберпись ко мнѣ скорѣе,
Покажи лице мнѣ бѣло! —
« На, гляди, румяный парень!
Чай ты ходишь по базарамъ? —
Знаешь бѣлую бумагу? —
У меня лице такое!
Чай ты ходишь по харчевнямъ?
Пьешь румяныя тамъ вина? —
У меня такія щеки!
Чай бывалъ ты въ чистомъ полѣ
И видалъ терновникъ черный? —
У меня такія очи!
Ты, чай, сиживалъ надъ моремъ
И видалъ морскихъ піявокъ? —
У меня такія брови! »

XIX.

Юноша и дѣва.

» *Oj девојко, питома ружице* »!

« Ахъ, душа ты красная дѣвица,
Ты на что̀ глядѣла, выростая?
На зеленый что-ли боръ глядѣла?
Аль на елку тонку и высоку?
Аль на брата моего меньшова »?
— Ахъ ты, мо̀лодецъ, мой соколъ ясный!
Не на зеленъ боръ глядя, росла я,
Ни на елку тонку и высоку,
Ни на брата твоего меньшова,
Но глядѣла, другъ мой, выростая,
На тебя я все, млада, глядѣла! —

XX.

Разлука милыхъ.

« *Два цвијета у бостану расла* ».

Какъ на травкѣ, на муравкѣ
Два цвѣточка выростали,
Розанъ алый съ незабудкой;
Да пошелъ оттуда розанъ
На чужбину, на долину —
И осталась незабудка
Одинокою на свѣтѣ.
Шлетъ спросить подругу розанъ
Изъ чужбины, изъ долины,

Хорошо-ли ей живется?
Сиротина-незабудка
Милу другу отвѣчаетъ:
«Кабы мнѣ бумагу дали
Шире неба голубова,
Кабы дали гору перьевъ
Да чернилъ бы съ сине море —
Я писала бы три года,
Исписала-бъ сине море,
Да не высказала-бъ горя!

1816 г. Ноябрь и Декабрь.

С. Семеновка и Москва.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ЮНАЦКІЯ ПѢСНИ.

I.

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА.

Ст. 6. — Косово — поле, находится на Юго-Западѣ Сербіи; оно прославилось битвою Сербовъ съ Турками въ 1389 г. 15 Іюня (въ Видовъ день). Эта битва рѣшила участь Сербскаго Царства.

Ст. 57. — Крушевацъ — главный городъ одного изъ округовъ Сербскаго Княжества, лежитъ на берегу Моравы, въ срединѣ Сербіи. Тутъ же остатки развалинъ древняго Крушевца.

ОТРЫВКИ О КОСОВСКОЙ БИТВѢ.

I.

РАЗГОВОРЪ МИЛОША СЪ ИВАНОМЪ.

Ст. 61. Въ подлинникѣ:

Од болести тешке срдоболье.

Ст. 63. Въ подлинникѣ:

Од болести коньскс сакагије.

V

ЮРИШИЧЪ-ЯНКО.

Ст. 2. Вила — горная нимфа. Ее изображаютъ обыкновенно молодою и прекрасною, въ бѣлой тонкой сорочкѣ; волосы у вилы длинны и распущены по плечамъ. Этѣ нимфы никому не дѣлаютъ вреда, если ихъ не затронутъ; если же кто помѣшаетъ имъ играть, водить хороводъ, ужинать и т. п., то онѣ стрѣляютъ изъ лука въ руку или ногу виновнаго, или въ обѣ руки и въ обѣ ноги, или же въ сердце; въ послѣднемъ случаѣ пораженный тотчасъ умираетъ. — *Сербскій Словарь В С. Караджича.*

Ст. 2. Гуя — змѣя.

МЕЛКІЯ ПѢСНИ.

II.

ГЛЯДИ НЕ НА ПЛАТЬЕ, А НА СТАНЪ И КРАСОТУ.

Ст. 5—15. По причинѣ особеннаго рода одежды, несуществующей у насъ и носящей мѣстныя, по большей части, Турецкія названія, невозможно передать въ точности того, какъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ одѣтъ молодецъ. Для знающихъ Сербскій языкъ предлагаю это мѣсто въ подлинникѣ:

На њему је ћурак одијело,
А на њему и коњу његову;
На плећима зелена долама;
На њојзи је тридесет путаца;
По долами кадифли ћеврма,
На ћеврми токе од три оке;
На ногама ковче и чакшире,
На глави му калпак и челенка.

VII.

ТРИ ГОРЯ.

Многіе вѣроятно замѣтятъ, что эта пѣсня напоминаетъ одну изъ «Пѣсень Западныхъ Славянъ» Пушкина — *Соловей*. Но это не та пѣсня, изъ которой, послѣ многихъ измѣненій и переходовъ, составился такъ чудно пропѣтый незабвеннымъ нашимъ поэтомъ *Соловей*. Подлѣ нея стоитъ въ подлинникѣ другая, подъ названіемъ *Три највеће туге*, еще болѣе напоминающая «Соловья» и по всей вѣроятности, послужившая ему основаніемъ. Предлагаю любопытнымъ мой переводъ ея стихъ въ стихъ и слово въ слово:

ТРИ ВЕЛИЧАЙШІЯ ГОРЯ.

«Славуј птица мала сваком покој дала».

Малая ты птица, птица соловейко,
Всѣмъ дала спокой ты, мнѣ-жъ дала три горя:
Первое-то горе моему сердечку,
Что моя родная не женила сына.
А другое горе моему сердечку,
Что ужъ конь мой воронъ подо мной не скачетъ.
Третье сердцу горе, тяжкое мнѣ горе,

Что моя подруга сердится на друга.
Ахъ, копайте въ полѣ мо̀лодцу могилу,
Шириной въ двѣ пики, а длиной въ четыре;
Въ-головахъ мнѣ розанъ посадите алый,
А въ ногахъ мнѣ воду чисту проведите:
Пройдутъ молодые — сорвутъ себѣ розанъ;
Пройдутъ стары люди — запьютъ себѣ жажду!

XVIII.

ДѢВА САМА СЕБЯ ОПИСЫВАЕТЪ.

Ст. 1. Смедеревская — изъ города Смедерева. Смедерево — Семендрія.

XX.

РАЗЛУКА МИЛЫХЪ.

Ст. 4. Въ подлинникѣ:

Плави зумбул и зелена када.

ВЗГЛЯДЪ

НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

ЛИТЕРАТУРЫ

У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

И. И. Срезневскаго.

[illegible]

ВЗГЛЯДЪ

НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ

У ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Оживая постепенно къ дѣятельности литературной, Западные Славяне успѣли наконецъ сдѣлать свои усилія въ этомъ дѣлѣ достойными своихъ желаній и надеждъ, достойными общаго вниманія. Въ какой же мѣрѣ онѣ достойны того и другаго? До какого результата достигли онѣ? Въ какомъ именно положеніи находится теперь литературная дѣятельность Западныхъ Славянъ, какъ начало ихъ будущихъ успѣховъ?

Нельзя ожидать чего-нибудь слишкомъ большаго отъ усилій частныхъ лицъ, хоть и оживленныхъ чувствомъ, могущимъ пробуждать сочувствіе, но не подкрѣпляемыхъ, кромѣ этого, никакою сильною помощію; нельзя, при достоинствахъ ихъ общаго труда, не видѣть и недостатковъ его; не-

льзя однако и не изумляться тому, что̀ достигнуто и достигается, не смотря на препятствія, сильныя и разнообразныя.

Надобно было почти всюду создать публику: она существуетъ. Надобно было возбудить рвеніе литературныхъ дѣлателей безъ суленья выгодъ жизни: это рвеніе одушевляетъ многихъ, и число соревнующихъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Надобно было образовать цѣлое новое поколѣніе, которое бы приняло зачатокъ дѣла съ полною готовностію вести его далѣе: образовано и оно, и все болѣе распространяется по всѣмъ сословіямъ народа. Надобно было почти всюду бороться съ элементомъ чуженароднымъ, господствующимъ въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества, съ мнѣніями, защищенными давностію и привычкой, или силой: борьба не ослабила борцовъ и продолжается бодро. Надобно было, чтобы все дѣло осталось чистымъ, открытымъ, обезоруживая само собою тѣхъ, которые готовы были глядѣть на него, какъ на противозаконное волненіе умовъ: оно такимъ и осталось, такъ что волненія были внѣ его, безъ близкой связи съ нимъ; между тѣмъ какъ само оно шло и идетъ тихо, ровно, безукоризненно.

Впрочемъ дѣло только началось, выразилось только общимъ очеркомъ. Оно, какъ иной Русскій городъ, раскинулось широко, правильно, привольно, но оживлено только кое-гдѣ, прекрасно только нѣкоторыми частями, больше строится, чѣмъ выстроилось.... Современная литературная дѣятельность Западныхъ Славянъ не столько̀ плѣняетъ зрѣніе, сколько радуетъ будущимъ.

Публика существуетъ, въ иныхъ мѣстахъ довольно большая, но бѣдная средствами. У Славянъ Западныхъ исповѣданій она состоитъ большею частію изъ лицъ духовныхъ, ученыхъ, учащихъ и другихъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ литературѣ по роду своихъ занятій; у Славянъ Восточнаго исповѣданія большею частію изъ купечества. Тамъ она не требовательна къ количеству произведеній, а тутъ къ ихъ качеству; а потому и тутъ и тамъ не можетъ выказаться столько талантовъ, сколько бы могло при лучшихъ обстоятельствахъ; многіе скрываются послѣ перваго появленія то за безталаньемъ своей литературной судьбы, то за безталаньемъ собратій. Къ тому же въ этой публикѣ, какова она ни есть, слишкомъ еще рѣзко выражается увѣренность, что она покровительствуетъ литературѣ. Эта увѣренность доводитъ до того, что иные слывутъ за патріотовъ (wlastimili, domorodci) только потому, что покупаютъ книгъ рублей на двадцать или на тридцать въ годъ, и сами хвалятся такимъ щедрымъ патріотизмомъ. Между патріотами всего замѣчательнѣе тѣ, которые по какому-нибудь случаю дали себѣ право называться аристократами: эти люди, смѣшные своимъ величавымъ ничтожествомъ, когда глядишь на нихъ со стороны, пробуждаютъ не смѣхъ, а жалость, когда вникнешь въ ихъ вліяніе: они за мѣдныя заслуги ждутъ золотыхъ похвалъ; чѣмъ болѣе хвалятся, тѣмъ менѣе чувствуютъ себя обязанными и готовыми къ какому бы то ни было пожертвованію; позволяютъ себѣ считать всю литературу складкой панегириковъ и нерѣдко становятся истинными би-

чами человѣческаго достоинства, которое или, не зная ихъ внѣшняго и внутренняго безсилія, дало себя запутать въ сѣти ихъ покровительства, или, не умѣя имъ пользоваться, прячется отъ ихъ поощреній. Есть уже впрочемъ не только въ мѣщанствѣ, но и между дворянствомъ много людей, если не слишкомъ ущедренныхъ образованіемъ, то по крайней мѣрѣ сознающихъ важность образованія и народности. Одни между ними, какъ могутъ, помогаютъ литераторамъ, сочувствуютъ ихъ дѣятельности, цѣнятъ ихъ трудолюбіе, другіе сами литераторствуютъ. Число такихъ патріотовъ, даже изъ настоящихъ аристократовъ, увеличивается все примѣтнѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается мало по малу опасеніе и застѣнчивость, которыя дѣйствуютъ сильнѣе и побѣждаются труднѣе всякаго равнодушія и всякаго пристрастія. Какова бы ни была публика Славянская, винить ее невозможно: все, со всѣхъ сторонъ, готово усыпить въ ней чувство народности, а возбуждать его могутъ почти только одни литераторы. Довольно и того, что она еще можетъ существовать, что она не только не разрушается, а напротивъ того все болѣе крѣпнетъ и оживляется, пріобрѣтаетъ все болѣе значенія.

Изъ того, что уже сказано, можно отчасти понять какое мѣсто занимаютъ писатели Славянскіе въ Славянскомъ обществѣ. Сильные по вліянію, они, какъ члены общества, въ обществѣ невидны. Это люди бо́льшею частію бѣдные, живущіе своими трудами, привыкшіе или пріучающіе себя къ нуждамъ житейскимъ. Очень немногіе могутъ оставаться при однихъ литературныхъ трудахъ; очень

немногіе не обременены какою-нибудь службой. Писатели высокаго званія и высокаго происхожденія—чрезвычайная рѣдкость; почти всѣ они вышли изъ народа, всего достигли сами собою. Многіе изъ нихъ—профессора, учители, библіотекари, лѣкаря, многіе другіе—священники или монахи, есть между ними гражданскіе и военные чиновники, и помѣщики, и актеры, и музыканты, и живописцы, и типографщики, и простые ремесленники. Почти половина изъ нихъ имѣютъ ученые дипломы; едва-ли пятый не знаетъ трехъ, четырехъ языковъ и не собралъ порядочной, не рѣдко даже большой библіотеки.... Не женаты изъ свѣтскихъ почти одни только юноши, и тѣ не надолго.

Всѣ писатели примѣтно раздѣляются на два разряда, по возрасту: къ одному принадлежатъ люди отживающіе вѣкъ, помнящіе 12-й годъ; другіе—люди молодые, воспитанные первыми: тѣ—собственно писатели, эти—литераторы; тѣ болѣе ученые, эти болѣе беллетристы; тѣ съ пристрастіемъ къ міру древнему, къ подражанію классикамъ, эти съ пристрастіемъ или къ мѣщанству, или къ простонародному, или къ чужому; отъ тѣхъ ждутъ книгъ большихъ, если не по объему, такъ по содержанію, и всегда собственныхъ сочиненій, отъ этихъ—книжекъ или переводовъ; тѣ участвуютъ въ ученыхъ обществахъ, эти—въ журналахъ и газетахъ; тѣ остаются больше съ книгами, эти больше въ обществѣ; тѣ дѣйствуютъ на избранныхъ, эти—на публику; тѣ пользуются большимъ уваженіемъ, эти большею любовью и нерѣдко большимъ вліяніемъ. Иногда можно

встрѣтить какое-то недовѣріе однихъ къ другимъ, какое-то взаимное отчужденіе, но это дѣло чисто домашнее: всѣ сходятся въ одно цѣлое по чувству ихъ оживляющему, по чувству любви къ родинѣ, къ соплеменникамъ, къ образованію.—Два другихъ разряда—писатели Западныхъ исповѣданій и писатели исповѣданія Восточнаго: въ первыхъ болѣе учености, болѣе образованности, болѣе терпимости, болѣе взаимности, менѣе крайности въ дарованіяхъ; во вторыхъ болѣе отсталости отъ вѣка, болѣе оригинальности, болѣе смѣси дарованія съ бездарностію, болѣе простодушія, менѣе такта, менѣе народности. Вліяніе первыхъ несравненно сильнѣе, нежели вліяніе вторыхъ; для первыхъ литература важное занятіе, для вторыхъ нерѣдко забава. Есть между этими двумя разрядами свое недовѣріе, свое взаимное отчужденіе, но и оно не мѣшаетъ дѣлу общему.

Вообще, представляя себѣ писателя Славянина, какъ можно представить себѣ послѣ знакомства съ большею ихъ частію, невольно удивляешься его самоотверженію: онъ отрекся отъ надеждъ на улучшеніе домашняго быта, отъ выгодъ жизни, которыя могъ имѣть, занявшись работою болѣе прибыльною,—отъ покоя, жертвуя своему призванію даже часами отдыха,—и остается однако счастливымъ, хотя и бѣднымъ отцемъ семейства, или если одинокъ, то помогаетъ своими крохами бѣднымъ молодымъ людямъ, подающимъ надежды. Какъ Славянинъ, онъ не менѣе достоинъ уваженія: каждому Славянину, сочувствующему его чувству взаимности Славянской, онъ другъ и братъ; онъ разомъ съ нимъ роднится, старается доказать

ему чувство родства всѣмъ, чѣмъ можетъ,—и помощію и совѣтомъ, вводитъ его въ свое семейство, заставляетъ его забыть, что онъ не дома, что онъ безъ родныхъ.—Это же чувство оживляетъ и его литературные труды. Винить-ли писателя Славянина, что онъ не всегда опредѣляетъ себѣ одну неизмѣнную дорогу, что онъ часто въ одно и тоже время и ученый, и фельетонистъ, и нувелистъ, и драматургъ, и лирикъ, что онъ прерываетъ нить своего историческаго изысканія книжкой для дѣтей, свой курсъ Физики или Ботаники—драмой, свое философское разсужденіе—сонетомъ, свой корнесловъ—пѣсней. Въ немъ нѣтъ еще твердой увѣренности, что трудится онъ не одинъ, что трудятся многіе; онъ знаетъ только, что многое нужно сдѣлать и желалъ бы сдѣлать, какъ можно больше. Конечно этотъ энциклопедизмъ не можетъ быть совершенно выгоденъ для литературы, еще болѣе для самого писателя, развлекая, истощая его силы и дарованія; но что-же дѣлать! Давно ли писатель Славянинъ былъ какъ владѣлецъ лавочки въ деревнѣ: вся деревня приходила за всѣмъ къ одной и той же двери; выстроились и нѣсколько такихъ же лавочекъ, а продавцу все еще не вѣрится и совѣстно ему и какъ будто опасно не запасаться товарами всѣхъ сортовъ.

Худо это не осталось однако безъ пользы для публики и литературы. Какъ пойдетъ далѣе, но до сихъ поръ спасалась литература Западныхъ Славянъ отъ преобладанія такъ называемой беллетристики. Наука и легкая литература въ ней гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ въ нашей Русской: не только читатели, но и читательницы

не считаютъ тягостнымъ чтеніе «дѣльныхъ» книгъ, или такъ называемыхъ «ученыхъ» статей. Тамъ не нужно еще привлекать картинками ко всему, что не романъ, а тѣмъ менѣе къ роману, и чтеніе однѣхъ новостей да сказокъ наскучило бы и ремесленнику, не только образованному человѣку. У насъ ученыя изданія поддерживаются почти только тѣми, для кого они необходимы, учащими, учащимися, да библіотеками: у Западныхъ Славянъ этой необходимости не существуетъ, потому что по Славянскимъ книгамъ, кромѣ деревенскихъ учениковъ, никто не учится; а между тѣмъ книги ученыя издаются, расходятся и даже такъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода, ихъ уже нѣтъ въ продажѣ. Правда, что тамъ вообще больше читаютъ, больше покупаютъ книгъ; но за то какъ сравнить и публику нашу съ публикой Западныхъ Славянъ,—нашу, распространенную по всей Россіи, съ тою, которая, будучи въ десять разъ менѣе по количеству, раздѣлена еще по нарѣчіямъ на нѣсколько отдѣльныхъ публикъ. Мы, если захотимъ пересчитывать лучшихъ своихъ писателей, причислимъ къ нимъ, слѣдуя общему мнѣнію, почти только однихъ поэтовъ; Западные Славяне напротивъ не назовутъ въ числѣ своихъ превосходныхъ писателей ни одного, который бы ни стоялъ выше другихъ, не только какъ поэтъ, но и какъ ученый.

Какъ бы то ни было, не ждите отъ Западно-Славянской литературы много книгъ и ученыхъ и неученыхъ: онѣ являются одна за другою по немногу,—избранныхъ менѣе, чѣмъ у насъ. И болѣе книжекъ, чѣмъ книгъ. Книги продаются де-

ново, покупатели бѣдны и скупы; писатели бѣдны и печатаютъ все на свой счетъ, безъ надежды на помощь правительства, на любовь къ литературѣ богачей, на учебныя заведенія, на преміи, на книгопродавцевъ. Печатаютъ далеко не все, что̀ написано, — и болѣе то, что̀ издать легче. Отъ этого книжки, которыя сотнями можно умѣстить на письменномъ столѣ, также обыкновенны, какъ у насъ толстые журналы; а книги въ сорокъ, пятьдесятъ листовъ выходятъ рѣже, чѣмъ у насъ статьи лучшихъ писателей. Появленіе большихъ сочиненій есть праздникъ литературы. Маленькую книжку издать не дорого, на нее не слишкомъ трудно иногда и собрать подписку, не трудно посвятить и часть сбереженныхъ денегъ.

Журналы и газеты похожи на книги, также тонки и миніатюрны, и листковъ газетныхъ больше, чѣмъ журнальныхъ книгъ. Газетъ политическихъ почти нѣтъ, но за то другія газеты тѣ же журналы, только выходятъ листами, разбивая, по Нѣмецкому обычаю, большія статьи на 20 и 30 нумеровъ; въ листахъ газетныхъ есть стихи, повѣсти, историческіе разсказы, литературныя замѣчанія, новости, въ газетахъ лучше составляемыхъ и въ журнальныхъ книжкахъ иногда вовсе нѣтъ повѣстей, и всегда есть путешествія, статьи историческія, литературныя, филологическія и т. п. Немногія изъ повременныхъ изданій переживаютъ нѣсколько лѣтъ. Впрочемъ смѣняются одни названія, содержаніе и направленіе остается почти всегда одно и тоже.

Причина нестойкости журналовъ заключается не

въ характерѣ ихъ содержанія, не въ направленіи ихъ, а въ неловкости издателей: они не умѣютъ давать своимъ изданіямъ ни приличнаго разнообразія, ни современности, небрегутъ о мнѣніи читателей, занимаютъ ихъ вниманіе нерѣдко предметами, занимательными для немногихъ, мѣшаютъ лучшія произведенія умовъ отчетливыхъ съ дѣтскими опытами своихъ знакомыхъ и друзей и т. д.

Самый главный, по крайней мѣрѣ, самый замѣтный недостатокъ повременныхъ изданій, какъ и вообще всей Западной Славянской литературы есть недостатокъ критики. Не только большія критическія статьи показываются очень рѣдко, но и мелкія критико-библіографическія обозрѣнія считаются какъ будто не совсѣмъ необходимыми въ текучей литературѣ. Строгая критика могла бы, говорятъ, многихъ отвлечь отъ литературныхъ занятій, могла бы слѣдовательно мѣшать успѣхамъ литературы. Безъ сомнѣнія, отчасти такъ; но только тамъ, гдѣ литературная дѣятельность въ самомъ началѣ. Тамъ же, гдѣ литература утвердилась, гдѣ въ числѣ дѣлателей, непризванныхъ уже больше, чѣмъ можно допустить, оцѣнка необходима. И если бы наконецъ обстоятельства не допускали судить откровенно произведенія вновь выходящія, критическое направленіе отъ этого еще не пострадаетъ: ея суду должны подвергаться писатели прошедшаго времени, писатели иностранные, писатели другихъ Славянскихъ нарѣчій. Все бы это было, если бы было какое-нибудь критическое направленіе. Правда, оно пробивается по немногу: въ иныхъ мѣстахъ появляются иногда цѣлыя книжки критическаго содержанія, есть и аристархи, произне-

сящіе свой судъ рѣшительно и даже повелительно; но всего этого еще очень мало. Въ публикѣ, всякій, и писатель и читатель, откровенно высказываетъ свои мнѣнія о выходящихъ сочиненіяхъ, и мнѣніе общее созпдается изъ нихъ открыто; а высказать это же мнѣніе въ печати нерѣдко будетъ тоже, что опорочить свое имя въ глазахъ многихъ. Подъ очень немногими критическими статьями можно увидѣть имена заслуженныя; подъ бо́льшею частію ихъ стоятъ однѣ загадочныя буквы. Отъ недостатка критическаго направленія въ литературѣ Западныхъ Славянъ, зависятъ всѣ ея другіе недостатки. Въ числѣ ихъ замѣтимъ пока только неровность языка и слога. — Почти ни у одного Западнаго Славянскаго народа не утверждены условія правильнаго выраженія мыслей; всюду борьба разныхъ мнѣній и вмѣстѣ съ нею привычка къ безсознательному изложенію. У однихъ писателей замѣтна въ этомъ отношеніи неестественность, у другихъ — неприличная естественность; избѣгающихъ того и другаго мало.

Къ партіи неестественныхъ причислить можно всѣхъ, которые изъ подражанія своимъ ли писателямъ стараго времени, привычкамъ ли писателей Нѣмецкихъ, или классикамъ древняго міра, забываютъ требованія народнаго синтаксиса и располагаютъ слова не такъ, какъ бы требовалъ духъ языка. Понять ихъ можно и привыкнувши, понимаешь безъ особенныхъ усилій; но, и привыкнувши, чувствуешь неестественность, противузаконность расположенія словъ. Темно становится въ головѣ, когда приходится въ большомъ періодѣ утомляться ожиданіемъ глагола, или когда на-

званіе главнаго предмета мысли загромождается множествомъ словъ и фразъ, качественныхъ и обстоятельственныхъ. Иные воображаютъ, что этимъ придается слогу важность и ученая отчетливость: можетъ быть и было бы такъ, если бы не было другихъ средствъ сохранить эту важность и отчетливость. Да и къ чему онѣ, если онѣ не уясняютъ, а путаютъ? И не одна связь словъ поражаетъ васъ при чтеніи этихъ писателей: вы должны останавливаться и на словахъ вновь созданныхъ, срисованныхъ со словъ Нѣмецкихъ, Латинскихъ, Греческихъ; такія новыя слова употребляются, во избѣжаніе словъ чужеземныхъ, хотя и общепонятныхъ, какъ доказательство богатства и развитія языка. Созидать эти слова начали уже очень давно, у иныхъ Славянъ ранѣе XV-го вѣка. Большею частію они оставались въ тѣхъ книгахъ, гдѣ въ первый разъ были употреблены, и если куда перешли, то развѣ въ словари. Въ общеупотребительномъ языкѣ ихъ нельзя услышать. Не смотря на такую судьбу, подобныя слова составляются и теперь, и иногда не только неловко, но и безъ нужды, потому что есть другія равносильныя и уже извѣстныя народу. Не позволяя себѣ такихъ словъ, нѣкоторые сочинители пользуются напротивъ того словами разныхъ наръчій, — и пестрятъ свой языкъ такъ, что становятся иногда совершенно непонятны. У иныхъ же неестественность языка выражается особеннымъ систематически обдуманнымъ желаніемъ отдалиться отъ народнаго языка, приближаясь къ тому языку, который, по мнѣнію партіи, можетъ быть понятнѣе для другихъ Славянъ: языкъ этотъ, какъ легко

можно себѣ представить, теряя всякую жизненную силу, однообразенъ, бѣденъ, скученъ, вялъ. — Въ стихахъ, ко всѣмъ такимъ своенравіямъ неестественности, прибавляются еще и такъ называемыя вольности поэтическія — исчадіе времени бездарныхъ стиходѣевъ. Къ сожалѣнію имп искажаются нерѣдко и созданія неподдѣльныхъ талантовъ, и до такой степени иногда, что выраженія самыя счастливыя, теряютъ отъ нихъ все свое достоинство. Между этѣми вольностями вы замѣтите и дикую разстановку частей фразы, и слова безъ концовъ, и слова въ концѣ стиховъ безъ права на это положеніе, и предлоги послѣ своихъ именъ, и соединеніе двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ, и выпущеніе согласныхъ будто для красоты и т. д. Такое самоуправство языкомъ завелося изстари, во времена преобладанія реторики и піитики Латинской, не нравилось вѣрно публикѣ и тогда, еще менѣе нравится теперь, — и однако остается, даже одобрятся многими, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій поэтическаго языка.

Противники тѣхъ, которые защищаютъ неестественность, принадлежатъ бо́льшею частію къ новому поколѣнію. Одни изъ нихъ защищаютъ общенародность, допускаютъ въ свой языкъ только то, что̀ есть въ языкѣ всего народа, и пишутъ какъ говорятъ, пишутъ правильно, иногда прекрасно, но не рѣдко растянуто, потому что, ограничиваясь матеріею и формою языка общенароднаго, не могутъ избѣгнуть толкованій тамъ, гдѣ одно слово могло бы все высказать яснѣе и рѣзче. Чѣмъ отдаленнѣе предметъ сочиненія отъ понятій общенародныхъ, чѣмъ языкъ народа, in statu quo, менѣе приготовленъ

говорить о немъ; тѣмъ писателю бываетъ хуже и читателю тоже. Другіе защитники естественности, не довольствуясь языкомъ общенароднымъ, дополняютъ его матеріяломъ изъ мѣстнаго говора или простаго народа, или горожанъ. Языкъ ихъ живъ, разнообразенъ, плавенъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ многорѣчивъ, неправиленъ, полонъ иностранныхъ словъ, перенесеныхъ въ низшіе слои общества, какъ переносится барское платье въ гардеробы слугъ. Онъ вѣрно рисуетъ общество, у котораго взятъ, но ни мало не рисуетъ народа, и едва-ли даже не вредитъ языку общественному, внося въ него выраженія слишкомъ рѣзкія и странныя, и для нѣкоторой части публики узаконяя употребленіе словъ и выраженій иностранныхъ, вовсе ненужныхъ и нерѣдко противныхъ духу языка.

Не смотря однако на всѣ свои недостатки, литература Западныхъ Славянъ представляетъ и такія достоинства, которыя могутъ быть не признаваемы только людьми пристрастными, или судящими по наслышкѣ. Сравнивая ее съ литературою Русскою, въ ней, разумѣется не безъ исключеній, найдемъ примѣтно болѣе знанія образцовыхъ произведеній литературъ иностранныхъ, а также и болѣе общей образованности и, если позволите сказать, учености: писатель, каждый для своего круга, лучше приготовленъ, болѣе надѣется на знанія своихъ читателей, на ихъ разнообразіе,—и отъ этого вольнѣе въ образахъ, въ припоминаніяхъ, и вообще въ изложеніи понятій. Въ ней болѣе мысли, болѣе достоинства, болѣе характера, болѣе сочувствія къ вопросамъ современнымъ, болѣе самобытности въ ихъ изложеніи; конечно, это не всюду въ одной

степени, но всюду на столько, что и простодушное, и равнодушное, и задорное невѣжество обозначается ярче, не сливаясь въ одно цѣлое съ кругомъ просвѣщеннымъ. Въ ней гораздо болѣе народности: для изученія земли и народа, народнаго языка въ его мѣстномъ и историческомъ развитіи, памятниковъ литературы письменной, памятниковъ словесности, Преданія, памятники науки, искусства, промышленности, гражданственности — вообще для изученія исторіи народа въ ней сдѣлано болѣе, нежели у насъ, даже исключая тѣ труды, которые хотя принадлежатъ писателямъ Славянскимъ, но по языку не относятся къ литературѣ Славянской. Народность направленія выражается и трудами, и столько же мыслію о народѣ, сочувствіемъ къ его нуждамъ: этою мыслію и сочувствіемъ оживлена лучшая часть литературы Западныхъ Славянъ. Правда и тутъ иной найдетъ себѣ предметъ страха и брани. Страшнымъ привидѣніемъ можетъ возстать передъ нимъ такъ называемый панславизмъ, — и всѣ благородныя чувства патріотизма покажутся для робкаго исчадіями этого чудовища. Но чудовище, право, не такъ страшно, какъ его рисуютъ: въ газетахъ, любящихъ быть занимательными, оно вовсе не то, что̀ на самомъ дѣлѣ. Оно совершенно внѣ литературы Западныхъ Славянъ, и если гдѣ существуетъ, не какъ произведеніе фантазіи, то конечно тамъ, гдѣ оканчивается всякая литературная дѣятельность, гдѣ начинается всяческій мракъ, въ которомъ легко и пугать и пугаться. Народность въ литературѣ Западныхъ Славянъ, хотя и оживлена любовью ко всѣмъ Славянамъ и увѣренностью, что всѣ Славяне должны

сблизиться другъ съ другомъ на пути образованности, помогать себѣ взаимно, знать и уважать одни въ другихъ то, что достойно уваженія; этимъ все и ограничивается. Если можно назвать это панславизмомъ, то чудовище это благодѣтельно: оно преслѣдуетъ невѣжество и своекорыстіе, подаетъ силы слабымъ, одушевляетъ сильнаго, и вызываетъ къ жизни отвѣтъ на вопросъ современный, на вопросъ о значеніи умственной самобытности народа. Не мѣсто здѣсь оспаривать мнѣнія тѣхъ, которые готовы допустить ее во всякомъ народѣ, кромѣ своего; но не лишнее будетъ замѣтить, что едва-ли когда-нибудь приближались Славяне къ общему ходу понятій въ Европѣ болѣе, чѣмъ теперь — своимъ постояннымъ стремленіемъ къ народности, — ни тогда, какъ искали узаконить желаніе свое возносить чувства къ Живому Слову своимъ живымъ словомъ, — ни тогда, какъ старались возстановить свою старую церковь, освобождая ее отъ условій чужеземныхъ.

Въ числѣ достоинствъ литературы Западныхъ Славянъ нельзя не поставить и той внутренней силы ея, которая помогла ей поддержать себя на своемъ мѣстѣ, и утвердить основаніе для своего будущаго развитія; не имѣй она этой внутренней силы, она бы не произвела того, что произвела: она бы не призвала къ жизни новаго поколѣнія, этого цвѣта и души Славянскаго возрожденія. Что это новое поколѣніе, умомъ и жизнію преданное Славянству, дѣйствительно существуетъ, это такой осязаемый фактъ, которому не вѣрить можетъ развѣ глухо-слѣпой: нѣтъ ни одного края въ Европѣ, населеннаго Славянами, и во многихъ изъ нихъ

нѣтъ ни одного значительнаго города, гдѣ бы новое поколѣніе Славянъ не имѣло своихъ представителей, своихъ круговъ, не рѣдко довольно обширныхъ, своихъ покровителей и средствъ. Не справедливо было бы считать новымъ поколѣніемъ Славянъ толпу молодежи, которая ищетъ возгласовъ о славѣ Славянъ, о ихъ доблестяхъ и доблестныхъ подвигахъ, о мученическомъ вѣнцѣ ихъ въ минувшемъ и вѣнцѣ безсмертія въ будущемъ, о томъ, какъ имъ себя вести, какъ спорить и мириться, что̀ любить и что̀ ненавидѣть. Толпа шумитъ, кричитъ, и въ громѣ восклицаній, въ перебоѣ предположеній, во вспышкахъ необузданной мечтательности, мертвѣетъ всякой зачатокъ ея полезной дѣятельности. Наукой она не довольна, скучаетъ ею, засыпаетъ отъ нея, или боится, бѣжитъ отъ нея, какъ волкъ изъ клѣтки. Ея нетерпѣливость готова только разрушать, а суетливость не въ силахъ ничего создать. Такая толпа у Славянъ, какъ было всегда и всюду, есть только суровый плащъ, которымъ время прикрываетъ то, что̀ выводитъ къ жизни. Пусть на немъ и остаются слѣды всякаго невзгодья, мирно зрѣетъ жизнь, скрытая подъ нимъ и сама сорветъ съ себя эту шелуху, когда придетъ время. Она терпитъ ее, пока безсильна и сама съ нею всегда враждуетъ. Толпа, о которой говорю я, слишкомъ не похожа на новое поколѣніе Славянъ, хотя и есть люди, готовые ихъ смѣшивать, или даже не видѣть иныхъ новыхъ Славянъ, кромѣ этой вѣтренной молодости. Несходство между ними очевидно и въ направленіи и въ характерѣ. То поколѣніе, которымъ начинается новая Славянская жизнь, не кричитъ, а думаетъ о своихъ

успѣхахъ; подкрѣпляетъ себя не чадомъ газетныхъ толковъ и самохвальства, а убѣжденіемъ въ необходимости трудовъ. Если оно еще и несовершенно сознало свой долгъ, то по крайней мѣрѣ хочетъ и старается сознать его; доходитъ до сознанія ученіемъ, опытами, терпѣніемъ; подвигается впередъ тихо, но отчетливо, съ оглядкою, — безъ боязни, но и безъ отчаянной самонадѣянности, — не обольщаясь прихотями общества, но и не враждуя злобно противъ него; вноситъ въ него новую жизнь не украдкою, но и безъ разбоя, — не растравляетъ ею, а лѣчитъ раны, наносимыя обществу невѣжествомъ, нищетой и порокомъ. Новое поколѣніе Славянъ не собрано въ дружины и ватаги, не раздѣлено на толки и партіи; потому что не гонится за внѣшнимъ, не связано внѣшними условіями, не терпитъ раздора, ищетъ не враговъ, а друзей. Оно уважаетъ каждую народность, и тѣмъ самымъ внушаетъ невольное уваженіе къ своей собственной въ своихъ и въ чужихъ, и всегда дѣвственно, чисто въ своей любви ко всякому величію, ко всему доброму, правдивому и прекрасному. Безъ сомнѣнія, оно разнообразно въ своемъ составѣ, и слѣдовательно не всюду одинаково образовано, не во всякомъ лицѣ одинаково выражаетъ свои достоинства и чистоту своего направленія, не совершенно свободно отъ вліянія предразсудковъ и обстоятельствъ, иногда увлекается, можетъ быть, и выше мѣры, но нигдѣ не дѣйствуетъ противузаконно и двоедушно. Далекое отъ рабской хитрости и отъ услужничества доносчиковъ и попрошаекъ, оно всегда открыто и въ мысляхъ и въ дѣлахъ; далекое отъ всякой исключительности, оно не навязываетъ

никому своихъ вѣрованій и желаній. То, къ чему оно стремится, никого не обижаетъ, никому не вредитъ, и никогда ни служа ему укоризной, можетъ не отторгнуть, а привлечь къ себѣ всякаго благомыслящаго человѣка. Послѣднее высшее желаніе его то, чтобы Славяне, какъ племя даровитое, занимало и въ мірѣ мысли такое же мѣсто, какое занимаетъ оно на пространствахъ земли; чтобъ оно, не скрываясь долѣе въ своей дѣятельности умственной подъ другими племенами, каждому таланту своему могло давать возможность высказывать себя своему народу на своемъ языкѣ, и помогать этимъ развитію всей массы; чтобы оно приняло самобытное участіе въ умственномъ подвигѣ другихъ племенъ. Это еще не значитъ отвергаться отъ того, что̀ уже сдѣлано народами Запада; это не значитъ презирать все, изъ уваженія къ самимъ себѣ. Новое поколѣніе Славянъ умѣетъ цѣнить заслуги своихъ сосѣдей на поприщѣ цивилизаціи: что̀ же и могло возбудить его соревнованіе, если не сознаніе этѣхъ услугъ и сознаніе своей слабости? Конечно, напомнилось невольно Славянамъ, что и они принимали участіе въ общемъ Европейскомъ дѣлѣ, — и родился вопросъ, что̀ именно сдѣлано ими, — и родилось сожалѣніе, что многія заслуги ихъ не считаются за ними; но тутъ же родилось и желаніе умножить этѣ заслуги и прежде всего приготовить ихъ возможность чѣмъ только можно, сначала немногимъ, а потомъ быть можетъ и бо̀льшимъ. У насъ смѣются надъ этими усиліями: ужели благородное усиліе можетъ быть смѣшно? У насъ находятъ ихъ излишними: ужели излишне участвовать по силамъ въ образованіи

успѣхахъ; подкрѣпляетъ себя не чадомъ газетныхъ толковъ и самохвальства, а убѣжденіемъ въ необходимости трудовъ. Если оно еще и несовершенно сознало свой долгъ, то по крайней мѣрѣ хочетъ и старается сознать его; доходитъ до сознанія ученіемъ, опытами, терпѣніемъ; подвигается впередъ тихо, но отчетливо, съ оглядкою, — безъ боязни, но и безъ отчаянной самонадѣянности, — не обольщаясь прихотями общества, но и не враждуя злобно противъ него; вноситъ въ него новую жизнь не украдкою, но и безъ разбоя, — не растравляетъ ею, а лѣчитъ раны, наносимыя обществу невѣжествомъ, нищетой и порокомъ. Новое поколѣніе Славянъ не собрано въ дружины и ватаги, не раздѣлено на толки и партіи; потому что не гонится за внѣшнимъ, не связано внѣшними условіями, не терпитъ раздора, ищетъ не враговъ, а друзей. Оно уважаетъ каждую народность, и тѣмъ самымъ внушаетъ невольное уваженіе къ своей собственной въ своихъ и въ чужихъ, и всегда дѣвственно, чисто въ своей любви ко всякому величію, ко всему доброму, правдивому и прекрасному. Безъ сомнѣнія, оно разнообразно въ своемъ составѣ, и слѣдовательно не всюду одинаково образовано, не во всякомъ лицѣ одинаково выражаетъ свои достоинства и чистоту своего направленія, не совершенно свободно отъ вліянія предразсудковъ и обстоятельствъ, иногда увлекается, можетъ быть, и выше мѣры, но нигдѣ не дѣйствуетъ противузаконно и двоедушно. Далекое отъ рабской хитрости и отъ услужничества доносчиковъ и попрошаекъ, оно всегда открыто и въ мысляхъ и въ дѣлахъ; далекое отъ всякой исключительности, оно не навязываетъ

никому своихъ вѣрованій и желаній. То, къ чему оно стремится, никого не обижаетъ, никому не вредитъ, и никогда ни служа ему укоризной, можетъ не отторгнуть, а привлечь къ себѣ всякаго благомыслящаго человѣка. Послѣднее высшее желаніе его то, чтобы Славяне, какъ племя даровитое, занимало и въ мірѣ мысли такое же мѣсто, какое занимаетъ оно на пространствахъ земли; чтобъ оно, не скрываясь долѣе въ своей дѣятельности умственной подъ другими племенами, каждому таланту своему могло давать возможность высказывать себя своему народу на своемъ языкѣ, и помогать этимъ развитію всей массы; чтобы оно приняло самобытное участіе въ умственномъ подвигѣ другихъ племенъ. Это еще не значитъ отвергаться отъ того, что̀ уже сдѣлано народами Запада; это не значитъ презирать все, изъ уваженія къ самимъ себѣ. Новое поколѣніе Славянъ умѣетъ цѣнить заслуги своихъ сосѣдей на поприщѣ цивилизаціи: что̀ же и могло возбудить его соревнованіе, если не сознаніе этѣхъ услугъ и сознаніе своей слабости? Конечно, напомнилось невольно Славянамъ, что и они принимали участіе въ общемъ Европейскомъ дѣлѣ,— и родился вопросъ, что̀ именно сдѣлано ими,— и родилось сожалѣніе, что многія заслуги ихъ не считаются за ними; но тутъ же родилось и желаніе умножить этѣ заслуги и прежде всего приготовить ихъ возможность чѣмъ только можно, сначала немногимъ, а потомъ быть можетъ и бо̀льшимъ. У насъ смѣются надъ этими усиліями: ужели благородное усиліе можетъ быть смѣшно? У насъ находятъ ихъ излишними: ужели излишне участвовать по силамъ въ образованіи

своего народа? — У насъ почитаютъ ихъ безсильною суетливостію: ужели можно назвать суетливостію — неравнодушіе къ умственному омертвѣнію своихъ соотечественниковъ?

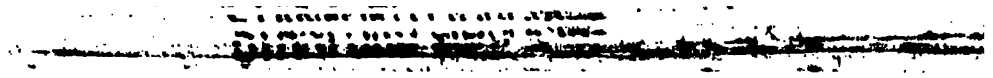
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА,

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ,

СОЧИНЕНІЯ

К. К. Павловой.

Съ извѣщеніемъ о самомъ романѣ отъ Редактора.



ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ,

сочиненіе

К. К. Павловой.

Пользуемся случаемъ объявить читателямъ нашимъ, что вскорѣ явится въ свѣтъ произведеніе Кар. Кар. Павловой, *Двойная Жизнь*. Отрывокъ, нами печатаемый, взятъ изъ 5-й главы этой поэмы: всѣхъ главъ въ ней 9. Каждая начинается прозою и кончается стихами. Такая форма произведенія, хотя совершенно оригинальная, нисколько въ немъ не искусственна, не предположенная, но вполнѣ соотвѣтствуетъ его идеѣ, вполнѣ ее выражаетъ, и слѣд. вездѣ является естественною, не смотря на однообразно-правильное повтореніе. Въ прозѣ разсказывается внѣшняя, свѣтская, пустая жизнь, окружающая молодую дѣвицу, героиню поэмы. Въ стихахъ выражается внутренній голосъ души ея, ею несознаваемый, ей невѣдомый, но всегда сопровождающій эту внѣшность, которая не въ силахъ его подавить. Раздвоеніе жизни вполнѣ выражается въ содержаніи и формѣ произведенія: глубина воззрѣнія на жизнь, такъ совершенно въ немъ осу-

ществленная, представляетъ самую жизнь въ размѣрахъ великихъ; ибо внутренняя ея сторона, выраженная въ стихотворной части, также истинна, можно сказать, также дѣйствительна, какъ и внѣшняя, мелочная, условная, такъ вѣрно изображенная въ прозаическомъ разсказѣ. Высоко современно, и, при общемъ своемъ значеніи, вмѣстѣ вполнѣ національно это произведеніе. Раскрывая таинства души человѣка, оно изображаетъ нашу жизнь, ея настоящее раздвоеніе, мелочность и пошлость, гнетущую пустоту и условность внѣшнихъ формъ, принятыхъ нашимъ же обществомъ, и вмѣстѣ представляетъ способность этой же самой жизни, при всей своей пошлости, при всей своей видимой и истинной оторванности отъ жизни общей, раскрывать хотя бы въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ души, хотя бы только во снѣ, такую духовность, такую высокую борьбу, такую истину и любовь, какими безсознательно, хотя въ мечтахъ своихъ, исполняется душа героини. Вездѣ въ этомъ произведеніи слышится тоска нашей жизни, тоска извнѣ, тоска внутри; извнѣ ничтожная, ни къ чему не ведущая; а внутри тоска сердечная, высказывающая потребность лучшаго, служащая залогомъ лучшаго. Намъ представляется картина жизни грустная, но полная надеждъ. Это произведеніе, взятое само какъ явленіе жизни, внушаетъ вѣру въ эту жизнь, его вызвавшую, свидѣтельствуетъ лучше всего о силѣ Русскаго духа, о могучести Русскаго языка, сдѣлавшаго въ наше время подобное пріобрѣтеніе, завоевавшаго и усвоившаго себѣ талантъ, казалось не для него рожденный; ибо первымъ языкомъ нашей писательницы былъ языкъ не Русскій.

Точно также какъ самый разсказъ поэмы, сосредоточивающійся вокругъ одного лица, одной героини, представляетъ вмѣстѣ картину жизни цѣлаго общества, такъ и стихотворная часть не только выражаетъ голосъ души этой дѣвушки, — души, которой не могло вполнѣ испортить даже самое *неутомимое воспитаніе*, когда съ нею обращались, какъ «съ деревьями въ садахъ, которыя обстригаютъ въ колонны, пирамиды, вазы, такъ что они представляютъ что̀ угодно, только не деревья,» — она выражаетъ вмѣстѣ и душу самыхъ событій и случайностей, представленныхъ въ разсказѣ. Въ концѣ каждой главы вы находите въ стихахъ разрѣшеніе того, что̀ васъ наиболѣе поразило въ разсказѣ, что̀ за нимъ для васъ скрывалось, и возбуждало въ васъ грусть, или вопросъ, или думу. Какъ этотъ голосъ, когда онъ впервые раздается въ поэмѣ, говоритъ дѣвушкѣ, имъ пораженной:

Я грусть твоя средь шума бала,
Я таинство твоей мечты,

такъ мы видимъ въ немъ часто грусть самого событія, таинство самой изображенной жизни. Для примѣра разскажемъ содержаніе 5-й главы; это послужитъ вмѣстѣ и объясненіемъ помѣщаемаго нами отрывка.

Въ одно лѣтнее утро къ Вѣрѣ Владиміровнѣ, матери Цециліи, героини романа, пріѣзжаетъ съ раннимъ визитомъ, «вставши по деревенскому» (онѣ жили на дачѣ въ Петровскомъ Паркѣ), ея пріятельница, Наталья Ѳанасьевна. Послѣ вопросовъ о здоровьѣ, о работахъ для благотворительной цѣли, о размѣщеніи биле-

товъ на лотерею, тоже благотворительную, а progros вспоминаютъ онѣ, что въ этотъ день будутъ похороны молодой женщины, ихъ знакомой, которую недавно еще видѣли онѣ на балѣ; и условливаются ѣхать вмѣстѣ не въ церковь, а такъ, проводить до кладбища, изъ уваженія къ старой матери; при чемъ было замѣчено, что и Княгиня Анна Сергѣевна хотѣла быть на похоронахъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ сожалѣнія о внезапной смерти ихъ знакомой, и сужденій объ ея излишней любви къ мужу,—по какому случаю Цецилія, разумѣется, выслушала цѣлый рядъ нравоученій,—Наталья Аѳанасьевна отправляется. Настаетъ время визитовъ, и салонъ Вѣры Владиміровны наполняется нѣсколькими дамами и молодыми людьми. Среди разговоровъ о свадьбѣ, казавшейся нѣкоторымъ «мезаліансомъ», другимъ выгодною со стороны состоянія, среди нѣмыхъ сценъ между Цециліею и молодымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ ни огромнаго состоянія, ни громкаго имени, и слѣд. не рѣшившимся занять пустаго табурета возлѣ Цециліи, и богатымъ молодымъ Княземъ, который прямо занялъ это мѣсто, говорилъ съ Цециліею о вчерашнемъ водевилѣ и о будущей скачкѣ, взялъ изъ рукъ ея цвѣтокъ, (что̀ все не ускользнуло отъ снисходительнаго въ этомъ случаѣ вниманія, впрочемъ весьма строгой Вѣры Владиміровны) и, оставивъ его измятымъ на полу, уѣхалъ въ своемъ блестящемъ экипажѣ, съ Англійскою упряжью,—среди всѣхъ этѣхъ пустыхъ, шумныхъ и безмолвныхъ сценъ, разумѣется, былъ

мимоходомъ разговоръ и пересуды о молодой женщинѣ, которую въ этотъ день хоронили. Наконецъ всѣ разъѣхались, уѣхала и Вѣра Владиміровна, оставивъ Цецилію одну съ Англичанкой на весь день. Она оставалась одна съ своей неясною думою, съ чувствомъ любви своей къ неблистательному молодому человѣку....

Но будемъ продолжать словами самаго подлинника, заключающими прозаическую часть 5-й главы:

«Къ вечеру ея нѣсколько лихорадочное состояніе усилилось. Мистрисъ Стивенсонъ посовѣтовала ей напиться малины и лечь. Она легла.—Несвязныя мысли бродили въ головѣ; она вспомнила и о поѣздкѣ въ Останкино и о нынѣшнемъ утрѣ, и о Князѣ Викторѣ, и объ этой бѣдной, только что похороненной женщинѣ, которая еще немного дней тому назадъ сидѣла передъ ней наряженная и веселая... Становилось поздно.... Она глубоко задумалась;—долго глаза ея смотрѣли въ полумракъ спальни; но вечеръ темнѣлъ, спальня начинала исчезать передъ глазами;—наконецъ исчезла—и тьма широкая легла;—но что-то издали сверкало и свѣтлѣло.... и было много лицъ, и много тамъ огней;—и между тѣмъ въ тѣни таинственно завѣтной, *его* чуть внятный вздохъ повѣялъ вновь надъ ней.»

И между тѣмъ опять носился шумъ нестройный, и т. д.

Этимъ стихомъ начинается печатаемый нами отрывокъ. Его связь съ предыдущимъ теперь ясна. Судьба этой женщины, умершей въ цвѣтѣ лѣтъ, занимаетъ васъ среди всего разсказа прозаической части 5-й главы. Въ немъ только упоминается о ней между пустыми разговорами, и постоянно продолжается главное содержаніе поэмы, сосредоточивающееся вокругъ Цецилін. Но за этѣми сценами, какъ бы въ мрачной уединенной дали, предъ вами возстаетъ все внутреннее значеніе, все достоинство

этой рано погибшей женщины; оно можетъ статься, было подавляемо въ ней обществомъ при жизни; теперь оно выставляется предъ вами въ одной противоположности съ пустотою, безчувственностію судящаго и забывающаго о ней свѣта. Главнымъ впечатлѣніемъ этой главы остается грустное чувство раздора, совершеннаго разрыва внутренней жизни съ обществомъ, продолжающагося и по смерти. Прекрасное выраженіе этого лишь поднятаго въ васъ чувства, отвѣтъ на него и полное примиреніе находите вы въ слѣдующихъ стихахъ. Въ нихъ выражается высокое понятіе любви, любви всевознаграждающей, которая сильнѣе дѣйствительности, ее мертвящей. Это понятіе высказывается во всемъ произведеніи.

До выхода въ свѣтъ самаго романа Г-жи Павловой мы не имѣемъ права разбирать его въ подробности, ни излагать всего его содержанія; мы позволили себѣ одни общія замѣчанія и нѣкоторыя частныя только о пятой главѣ. Скажемъ въ заключеніе, что среди жестокихъ утратъ, такъ часто поражающихъ нашу литературу, явленіе такого произведенія утѣшительно: оно не только внушаетъ вѣру въ будущее; но и примиряетъ съ настоящимъ.

Редакторъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ V ГЛАВЫ

ДВОЙНОЙ ЖИЗНИ.

. . . . . .

И между тѣмъ опять носился шумъ нестройный,
Тѣснилася толпа среди блестящихъ залъ,
Струилося вино, шелъ пиръ заупокойный,
И гулъ вокругъ стола ширѣлъ и возрасталъ,
И звонкія слова смѣняли рѣчь глухую,
Улыбки ожили, проснулась клевета,
Стучалась дерзостно и въ доску гробовую
Неотразимая, мірская суета.

А тамъ, вдали, луна всходила,
А тамъ, въ безвѣстности ночной
Чернѣла новая могила,
Уже забытая толпой.
И липы, шепча межъ собою
На непонятномъ языкѣ,
Качали тихо головою
Въ своей таинственной тоскѣ.

И заливалася поляна
Слезами крупными росы,
И въ легкомъ сумракѣ тумана
Двѣ забѣлѣли полосы;
Два дуновенья близъ могилы
Повѣяли въ пустынной тмѣ;
Два голоса слились, унылы,
Съ роптаньемъ листьевъ на холмѣ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

И ты скрестила въ гробѣ руки,
Оставя міра шумъ вдали,
И всѣ борьбы, и всѣ разлуки,
И всѣ стремленія земли!
Свой чистый перлъ въ житейскомъ морѣ
Искала, бѣдная, и ты;
И ты угасла въ тщетномъ горѣ,
Добыча пагубной мечты!

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Она въ сей міръ вступила для того-ли,
Чтобъ праздно жить и безполезно пасть? —
И не грѣшна-ль слѣпая трата воли?
И не стыдна-ль безумной думы власть?
Гдѣ дань ея? гдѣ жизненное дѣло?
Чѣмъ разочлась душа ея съ землей?
Въ лицо судьбы она взглянула-ль смѣло?
Не солгала-ль она себѣ самой?
Не уняла-ль мочь внутренняго зова?
Свершила-ль долгъ, препорученный ей?
Пошла-ль впередъ? искала-ль жизни слово?
Своей тоски была-ль она сильнѣй? —

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Она ярмо земныхъ стѣсненій
Не приняла въ земномъ краю;
Не усомнилась средь сомнѣній,
Не убоялася въ бою.
Любила горестно и страстно,
Въ чужія вѣрила сердца;
И до конца ждала напрасно,
И уповала до конца. —

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

За чѣмъ роптать на вѣчные законы,
Возможности не признавать межи?
Трудовъ святыхъ не замѣняютъ стоны;
Жизнь лучше снова, и правда выше лжи.
Кто виноватъ, что мочи ей не стало
Глядѣть на путь, измѣрить крутизну,
Не ждать чудесъ, людей понять съ начала,
И на себя надѣяться одну?
За чѣмъ, обманъ встрѣчая ежедневной,
Отъ ложныхъ вѣръ она не отреклась,
И въ пагубной алхиміи душевной
Высокихъ благъ истратила запасъ?

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

Сильнѣй обидъ, сильнѣй обмана
Былъ въ ней любви священный жаръ;
Въ ней не могла затихнуть рана,
Не могъ изсякнуть грустный даръ!
Кто зналъ, въ томъ мірѣ лживо-строгомъ,
Гдѣ скорбь постыдна и смѣшна,
Какъ безутѣшно передъ Богомъ,
Смиряясь, плакала она?

Какія жертвы приносила?
Какой въ груди ропталъ вопросъ?
Въ какой грозѣ ея вѣтрило,
Противясь долго, порвалось? —
Нѣтъ! кто стремился непонятно
Къ тому, что̀ въ жизни не сыскать,
Кто могъ, обманутый стократно,
Сберечь надежды благодать;
Кто на землѣ душой измѣрилъ
Избытокъ тѣхъ надземныхъ силъ,
Не виноватъ онъ въ томъ, что вѣрилъ,
Не виноватъ онъ, что любилъ! —

К. Павлова.

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Тогда, когда жестоко боленъ
Тѣлесно, и жестоко хилъ
Душевно — я судьбою былъ
Жить на чужбинѣ приневоленъ;
Когда подъ гнетомъ же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что̀ хромые
Или Гомеровы мольбы, —
И въ томъ моемъ томленьи жесткомъ
Всегда, вездѣ я помнилъ Васъ:
На Вашъ отрадный мнѣ возгласъ
Всегда готовымъ отголоскомъ
Я отвѣчалъ; и самый Римъ,
Со всей громадою высокихъ
Воспоминаній, думъ глубокихъ,
Въ душѣ встающихъ передъ нимъ,
Палаты, храмы и столбницы,
И все, что̀ нынѣ говоритъ
Поэту — мрачно-гордый видъ
Самовластительной столицы
Трехъ поэтическихъ міровъ
Минувшихъ и поля пустынны
Кругомъ ея, — давно-старинный
Упрекъ сынамъ ея сыновъ! —
И самый Римъ давалъ мнѣ волю
Воспоминать объ Васъ: и въ немъ
Я, Вашимъ счастливымъ стихомъ

Любуясь, тягостную долю
Мою нерѣдко забывалъ. —
Такъ я-ль, теперь, когда оставилъ
Чужбину, и уже направилъ
Мечты туда, гдѣ я живалъ. . . .
Такъ я-ль, когда хвораю менѣ
И не грущу уже; — теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавицѣ, Каменѣ,
Зову ее къ себѣ; когда
Я здѣсь, въ Москвѣ, гдѣ такъ красивы
И такъ любезно разцвѣли Вы
Для вдохновеннаго труда; —
И разцвѣли хвалой и славой —
Гдѣ стихъ Вашъ ясенъ, какъ хрусталь;
Какъ злато, свѣтелъ; твердъ, какъ сталь;
Звучитъ и блещетъ величаво; —
Въ Москвѣ, гдѣ васъ, я помню, я
Не разъ, не два, и всенародно
Пѣлъ горячо и превосходно!
Пѣвецъ свободнаго житья
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся Вамъ! —
И подобаетъ тѣмъ стихамъ
Хвала моя: въ ту пору Вами
Моя кружилась голова! —
Теперь-ли я—какой же буду
Поэтъ я, если позабуду
Всѣ ваши милыя права
На стихословныя творенья
Мои? — Не будетъ никогда
Мнѣ столь великаго стыда,
Столь многогрѣшнаго паденья
Не будетъ мнѣ. Смотрите: вотъ
Лишь мало-мальски успокоенъ
Въ моемъ житьѣ, еще разстроенъ

Толпой болѣзненныхъ заботъ
Почти весь день, еще надеждѣ
Почти не смѣя довѣрять,
Что буду нѣкогда опять
Такимъ, каковъ бывалъ я прежде;
Когда лишь только-что дышу
Вольнѣе, и лишь не сурово
Гляжу на свѣтъ, — вотъ жизни новой
Цвѣты я Вамъ ужъ приношу!

Н. Языковъ.

Апрѣля 18 дня,
1844 г.

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Хвалю я Васъ за то, что Вы
Поете намъ, не какъ иныя,
Что Вамъ отечество Россія,
Вамъ славной дочери Москвы!
Что Вамъ дался языкъ нашъ чудный,
Метальный, звонкой, самогудный,
Разгульный, мѣткій нашъ языкъ!
Вѣдь онъ не всякому по силамъ!
А почитательницамъ милымъ
Чужесловесныхъ думъ и книгъ
Онъ не доступенъ — и не знаютъ
Онѣ его — онѣ болтаютъ
Другимъ, не Русскимъ языкомъ
Свои мечты и впечатлѣнья: —
И нѣтъ на нихъ благословенья, —
Онѣ у Бога ни почёмъ!
Я Васъ хвалю и уважаю
За то, что Вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что Вы по нашему поете,
Хоть языки Шенье и Гёте
Послушны Вамъ, какъ Вашъ родной.
Я Васъ хвалю — и радъ я буду,

Когда пойдетъ ходить повсюду
Моя правдивая хвала
За подвигъ Вашъ: во имя Ваше
Она дѣйствительнѣй и краше
И въ свѣтѣ болѣе смѣла,
Скорѣй отыщетъ грѣшны души:
Да слышитъ, кто имѣетъ уши!

Н. Языковъ.

Апрѣля 21 дня,
18№ г.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

ОТВѢТЪ НА ОТВѢТЪ.

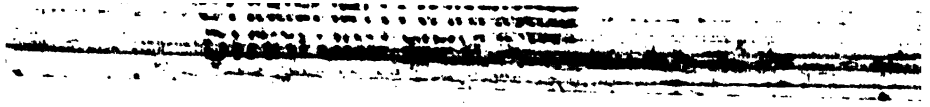
Привѣтствована вновь поэтомъ
Была я, какъ въ моей веснѣ;
И годъ прошелъ, — сознаться въ этомъ
И совѣстно и грустно мнѣ:
Годъ — и въ безсиліи лѣнивомъ
Покоилась душа моя,
И на далекій гласъ отзывомъ
Здѣсь не откликнулася я!
Годъ—и уста мои не знали
Гармоніи созвучныхъ словъ;
И думы счастья иль печали,
Мелькая мимо, не блистали
Златою ризою стиховъ.
Кипѣла чаще даромъ Неба
Младая грудь; — была пора,
Нужнѣй насущнаго мнѣ хлѣба
Казалась звучныхъ рифмъ игра;
Въ тѣ дни, — прекраснымн строфами
Не разъ ихъ прославляли Вы,
Когда явились между нами,
Впервой счастливый гость Москвы.
Я помню это новоселье,
Весь этотъ дружный, юный кругъ,
Его безпечное веселье,
Неограниченный досугъ.

Какъ много всѣ свершить хотѣли
Въ благую эту старину!
Шелъ каждый, будто къ вѣрной цѣли,
Къ неосязаемому сну; —
И разошлись въ дали туманной,
И полдня наступаетъ жаръ,
И сердца край обѣтованной
Какъ легкій разлетѣлся паръ!
Идутъ дорогою завѣтной; —
Пускай же путники порой
Услышатъ гдѣ-то гласъ привѣтной,
Ау знакомый за горой!
Немного васъ, одноплеменныхъ,
Средь шума алчной суеты
Жрецовъ колѣнопреклоненныхъ
Передъ кумиромъ красоты!
И первый палъ! — и въ дняхъ разцвѣта
Ужъ и другой лечь въ гробъ успѣлъ!.. (*)
Да помнитъ же поэтъ поэта
Въ часъ свѣтлыхъ думъ и стройныхъ дѣлъ!
Переносяся въ край изъ края,
Чрезъ горы, бездны, глушь и степь,
Да съединитъ ихъ пѣснь живая,
Какъ электрическая цѣпь!

К. Павлова.

Гирѣево, Іюль,
1832 г.

(*) Первый — Пушкинъ; другой — Лермонтовъ. Былъ послѣ того третій—Баратынскій. Наконецъ и того уже не стало между нами,— къ кому обращены эти стихи!...



ОТДѢЛЪ КРИТИКИ.

ТРИ КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Г-НА ИМРЕКЪ.

Примѣч. Три слѣдующіе разбора написаны были еще для перваго тома Моск. Сборника, слѣд. почти уже годъ тому назадъ. Относительно выхода книгъ, въ нихъ разобранныхъ, они и тогда уже были не совсѣмъ современны; теперь и подавно. Но для насъ этѣ критическія статьи имѣютъ важность не по достоинству и современности произведеній въ нихъ разбираемыхъ, а по мыслямъ, въ нихъ высказаннымъ по поводу этихъ произведеній. Всякій согласится, что можно сказать много вздорнаго, разбирая стихотворенія Пушкина, и много дѣльнаго по случаю какой-нибудь поэмы Г-на Майкова; и хотя бы сами произведенія были уже давно забыты, но мысли, по поводу ихъ высказанныя—если онѣ истинны и заключаютъ въ себѣ общій интересъ—будутъ всегда современны. Москва никогда не гонялась за современностію внѣшнею и случайною. Мы почли однакожъ нужнымъ этими немногими словами оправдать помѣщеніе слѣдующихъ критическихъ статей, и, предупредивъ сужденіе читателей, обратить ихъ вниманіе не на внѣшній ихъ поводъ, а на внутреннее содержаніе.

Ред.

I. Вчера и Сегодня. Литературный сборникъ, составленный Гр. В. А. Соллогубомъ, изданный А. Смирдинымъ. Книга первая. Санктпетербургъ, 1845.

Въ Сборникѣ, какъ въ голосѣ не одного человѣка, а нѣсколькихъ, находится болѣе или менѣе общее направленіе, общій голосъ; это хоръ, и потому, хотя одинъ голосъ иногда и болѣе заключаетъ въ себѣ существеннаго, но такъ какъ хоръ есть всегда выраженіе, по крайней мѣрѣ,

количественной стороны общества, хотя бы при отсутствіи качественнаго значенія, то онъ интересенъ и заслуживаетъ вниманія и разбора. Издатель Сборника Вчера и Сегодня Гр. В. А. Соллогубъ, имя извѣстное въ нашей литературѣ; тѣмъ интереснѣе эта книга. Въ ней по обыкновенію есть проза и стихи; посмотримъ сперва на прозу.

Первая прозаическая и вообще первая статья, съ которой начинается Сборникъ, это повѣсть Князя Одоевскаго: *Сиротинка*. Въ изумленіи, болѣе нежели въ изумленіи были мы, прочитавши ее. Это повѣсть, въ которой выводится, хотя слегка, народъ. Сцена повѣсти — деревня. Всегда съ невольнымъ, горькимъ чувствомъ и съ негодованіемъ читаемъ мы такія повѣсти, гдѣ изображается (будто бы изображается) нашъ народъ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно отъ него оторванный, лице отвлеченное, какъ все, что оторвано отъ народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимаго превосходства, вдругъ заговоритъ снисходительно о народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящимъ предъ нами, легко и весело съ нимъ разставшимися. Писатель не трудится надъ тѣмъ, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать въ немъ нечего; ему стоитъ только снизойти написать о немъ. Противно видѣть, когда онъ, для вѣрнѣйшаго изображенія, прибѣгаетъ къ народному будто бы оттѣнку рѣчи, къ народнымъ выраженіямъ, дошедшимъ до его слуха чрезъ переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарадъ, такая милостивая поддѣлка, особенно когда пишутъ для народа, оскорбительна. Въ такомъ родѣ и повѣсть К. Одоевскаго, которая теперь передъ нами; но кромѣ этого рода, самая повѣсть не менѣе, если не болѣе, заслуживаетъ изумленія. Вотъ въ чемъ дѣло: бѣдную дѣвочку, сиротинку Настю, какая-то *боярыня* увозитъ въ *колымагѣ* въ *Питеръ*. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Настя возвращается въ деревню.

Питерское воспитаніе сдѣлало изъ Насти просто чудо; она уже одѣта не по-Русски, не по-крестьянски. Мало того, что она необыкновенная рукодѣльница, она.... она— совершенство. Вотъ она начала мало помалу преобразовывать всю деревню, начиная сперва съ мальчиковъ и дѣвочекъ: она учитъ ихъ всему; она говоритъ дѣтямъ, что красть не хорошо и что Богъ это увидитъ.—Неужъ-то же такія слова новость для деревни; неужъ-то же Г. авторъ думаетъ, что надо съѣздить въ Питеръ, чтобъ это узнать, что въ деревняхъ воруютъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, а въ городѣ не воруютъ? Далеко же простирается смѣлость мысли писателя! —Настя вмѣсто старинныхъ сказокъ, которыя разсказываются въ народѣ, сказокъ, созданныхъ всѣмъ его духомъ, и воспитывающихъ глубоко и дѣйствительно дѣтскій возрастъ, разсказываетъ имъ *сказочки*, вовсе на нихъ непохожія, сказочки, въ которыхъ есть прямая мораль, но въ которыхъ, можемъ сказать, нѣтъ ничего истинно нравственнаго,—и такимъ образомъ исправляетъ дѣтей:

«Между тѣмъ дѣти притихли, — Настя обернулась къ нимъ, ударивъ въ ладоши, затянула пѣсню, и всѣ дѣти, ставъ одинъ за другимъ, принялись подтягивать ей всѣмъ хоромъ, и, ударяя въ ладоши, мѣрнымъ шагомъ ходили вокругъ Насти, смѣясь и ободряя другъ друга, а за ними и Никитка туда же.

Священникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту, необыкновенную въ нашихъ селахъ, картину.» (стр. 8).

Какъ необыкновенную? Необыкновенная картина, что дѣти въ деревняхъ поютъ пѣсни? Да выѣзжалъ ли ужъ полно изъ Питера Г. авторъ?

Самъ священникъ пораженъ Настей и разспрашиваетъ ее, какъ она сдѣлалась такою чудною дѣвочкою? Кто ее научилъ всему доброму? Загадка разрѣшается: Настя разсказываетъ, что она воспитывалась въ дѣтскомъ пріютѣ. Между прочимъ она говоритъ:

«Въ это время я будто начала просыпаться; стала понимать, что значитъ хорошо или худо дѣлать, а всего больше — научилась молиться.» (стр. 11).

Потомъ Настя перешла въ частную школу; оттуда она все почерпнула. Начавъ свой разсказъ, она говоритъ:

« Признаюсь вамъ, батюшка, что деревня показалась мнѣ совсѣмъ иною, чѣмъ прежде; не то, чтобы я возгордилась; но не могла я не спросить себя: отъ чего я умѣю и читать, и писать, и опрятно одѣта, и могу себѣ хлѣба кусокъ добыть, а другія, такія же, какъ я, въ той же деревни, живутъ себѣ—такъ, а маленькія дѣти даже не знаютъ, какой рукой перекреститься, правой или лѣвой; и пришло мнѣ на память прежнее мое житье въ той-же деревнѣ, и какъ я тоже не знаю, какой рукой перекреститься; и отчего я стала совсѣмъ иная» (стр. 13).

Какъ! она не знала, какой рукой перекреститься маленькая и узнала объ этомъ въ Петербургѣ; указываетъ на это, какъ на выгоду своего воспитанія тамъ! Какъ! Такъ Г. Одоевскій думаетъ, что у насъ въ деревняхъ не отъ кого узнать и никто не научитъ, какой рукой перекреститься, а для этого надо въ Петербургъ ѣхать? Такъ Г. Одоевскій думаетъ стало, что не только маленькія, но и народъ не знаетъ, какой рукой перекреститься? Какъ назвать это мнѣніе? Какъ смотрѣть послѣ этого на Г. автора? Здѣсь уже нѣтъ мѣста смѣху; здѣсь... но, быть можетъ, это дурно выражено, не ясно. Хотя и далеко простирается фанатизмъ Г. автора къ тому, что все, все дается только школами, бѣдному жалкому народу; но мы думаемъ, что Г. авторъ не хотѣлъ высказать такого мнѣнія, которое выходитъ изъ словъ его.

Отецъ Андрей, священникъ, тронутый тѣмъ, что Настя преобразовываетъ и воспитываетъ въ нравственномъ отношеніи все село, и слѣдовательно выполняетъ такимъ образомъ обязанности его, отцевъ и матерей—предлагаетъ ей особую свѣтелку у себя для продолженія ея поученій во время зимы. Примѣръ Насти подѣйствовалъ на самого священника, потому что жена его и онъ самъ стали наставлять ребятишекъ. Наконецъ:

« Когда крестьяне узнали объ этомъ, то уже стали сами посылать дѣтей къ Настѣ, а иные и сами приводили, да, приводя, останавливались и прислушивались и даже потихоньку плакали отъ умиленія: *иной-мѣсто* и мужикъ забывалъ объ елкѣ въ праздникъ, засматри-

вялсь на потѣху дѣтей; и часто мать стыдила взрослаго сына, показывая ему на маленькихъ. Скоро Настя, при пособіи матушки достигла до того, что не только лахмотья на ребятишкахъ были зашиты, но и сами матери, посмотрѣвъ разъ, два, на дѣтей чистыхъ, опрятныхъ, уже стыдились водить ихъ замарашками, да и сами, глядя на дѣтей, сдѣлались по порядочнѣе. (стр. 14).

.... По воскресеньямъ дѣти пàрами ходили въ церковь.»

Пàрами! это также не маловажная сторона совершенствованія! Жаль, не сказано, что они ходили въ ногу, тогда это еще было бы возвышеннѣе. И такъ:

По воскресеньямъ дѣти пàрами ходили въ церковь, не кричали и не зѣвали по сторонамъ, какъ бывало, а тихо становились на клиросъ и подтягивали дьячку, а міряне, тронутые чистыми дѣтскими голосами, молились усерднѣе прежняго.» (стр. 15).

И такъ все село возвышено и преобразовано; преобразованъ народъ, имѣющій кой-что въ своихъ воспоминаніяхъ, имѣющій, какъ народъ, тяжесть и твердость дѣйствительности въ своихъ движеніяхъ и переходахъ, — преобразованъ такъ легко и скоро Настей, воспитанной въ Петербургѣ. Она научила его молиться; онъ не умѣлъ этого конечно!... Но никакая въ свѣтѣ Настя и никакой въ свѣтѣ образованный и воспитанный человѣкъ не можетъ стать на ряду съ народомъ и осмѣлиться наставлять его въ этомъ чувствѣ, — его, силою вѣры прогнавшаго столькихъ враговъ иноплеменныхъ. Можно-ли такъ легко судить о народѣ, такъ легко воспитывать его посредствомъ какой-нибудь Насти, такого отвлеченнаго и легкаго лица; такъ не знать глубины и убѣжденій и многаго, многаго въ народѣ, что̀ для Насти темный лѣсъ, и гдѣ бы тысячу разъ она потерялась и пала бы, почувствовавъ и понявъ свое безсиліе, еслибъ къ счастію могла хоть сколько нибудь понять его. Можно-ли это? Что̀ сказать о такомъ поступкѣ? По неволѣ дѣлаешь этотъ вопросъ.

Къ счастію, Настя и ей подобные не понимаютъ и не могутъ приблизиться даже къ глубокой сторонѣ народа: это для нихъ непроницаемая тайна, запертое святилище.

Окончаніе повѣсти фантастическое.

Мнѣніе наше объ ней высказано, кажется, довольно ясно; но вотъ, что̀ мы считаемъ нужнымъ прибавить.

Настя, при всей своей неестественной и смѣшной сторонѣ, стоитъ однако, чтобъ обратить на нее вниманіе: сколько людей, именно въ наше время, именно въ нашей землѣ, такихъ, которые оторвались отъ народа, отъ естественной тяжести союза съ нимъ, умѣряющей и утверждающей шаги человѣка, дающей ему дѣйствительность, и пошли летать и носиться, полные гордости и снисхожденія, — такихъ людей, которые будучи одѣты въ Европейское платье и заглянувъ въ Европейскія книги, выучившись болтать на чужомъ языкѣ и приходить, какъ слѣдуетъ, въ заемный восторгъ отъ Итальянской оперы, подходятъ съ указкою къ бѣдному необразованному народу и хотятъ чертить путь его народной и внутренней и внѣшней жизни. Хотя бы они поглотили въ самомъ дѣлѣ всю Европейскую мудрость, но если они оторваны отъ народа и хотятъ оставаться въ этой оторванности, въ этомъ попугайномъ развитіи, если они съ-высока смотрятъ на него,—они ничтожны. И такъ Настя явленіе поучительное. Ошибка автора въ томъ, что когда такой человѣкъ, какъ Настя, прикоснется къ народу, то совсѣмъ не выдетъ такихъ результатовъ, какіе придумалъ Г. авторъ; напротивъ, какъ мыльный пузырь лопнетъ такая попытка, если только при перевѣсѣ силы на ея сторонѣ, она не сдавитъ внѣшнимъ образомъ народа.

Энтузіазмы бываютъ разнаго рода: мы не можемъ отказать автору въ необыкновенномъ энтузіазмѣ и особеннаго рода, который заставилъ его забыть, что Русскій народъ и молиться умѣетъ, и что много въ немъ великихъ самобытныхъ началъ жизни: энтузіазмъ — что̀ дѣлать?

Ужъ не написалъ ли К. Одоевскій фантастическую повѣсть, которыхъ онъ писалъ такъ много? Но нѣтъ, это слишкомъ смѣлая фантазія.

Про Шиллера говорили, что онъ творитъ субъективно, что Донъ Карлосъ его собственный идеалъ. Для этого не нужно знать автора, чтобы такъ посудить о немъ. Тоже можно сказать и про К. Одоевскаго, говоря про эту повѣсть. Онъ создалъ Настю субъективно; Настя его собственный идеалъ. Такое сужденіе должно быть лестно для Г. автора, судя потому, какъ онъ выразилъ себя въ этой повѣсти.

Скажемъ въ заключеніе: изумительно сочиненіе такой повѣсти; не менѣе изумительно помѣщеніе такой повѣсти.

Но довольно о «Сиротинкѣ» К. Одоевскаго. Мы достаточно уже о ней говорили и для читателей, думаемъ, и для себя. Непріятное чувство соединено съ впечатлѣніемъ этой повѣсти; довольно; поговоримъ о другомъ, которое надѣемся не должно быть такъ непріятно.

Вторая прозаическая статья: Гаврила Петровичъ Каменевъ, чрезвычайно интересна. Это — извѣстія, сообщенныя о нашемъ писателѣ прошедшаго столѣтія, преимущественно письма. Въ нихъ интересно и то, что̀ опредѣляетъ его лично, и то, что̀ опредѣляетъ его современниковъ. Это былъ чувствительный періодъ нашей литературы. Карамзинъ тогда не достигалъ еще сознанія, котораго достигъ онъ впослѣдствіи, сознанія народности. Послѣ великаго переворота заводили фабрики, пересаживали разныя растѣнія, не забыли и литературы: пересаженная литература принялась. Названіе литераторовъ было какое-то титло, названіе особеннаго сословія, и литераторы наши, обезьяничая болѣе или менѣе, были счастливы своей судьбой, достигали и чиновъ и почестей, и совсѣмъ позабыли про народъ. Отдѣлившись отъ него, они не замѣчали его существованія и жили себѣ спокойно. Такъ легко, такъ хорошо, казалось, было писать повѣсти, стихи, подражать, переводить. Это было такъ возвышенно и благородно, препровожденіе времени такое человѣческое, интересы высокіе, и люди, посвятившіе себя такимъ интересамъ, такъ уважались всѣми! Да, такъ каза-

лось; но все это была ложь, маскерадъ, декорація. Надобно было много таланта, чтобы пробиваться сквозь богатую мишуру и страшную отвлеченность. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, только послѣ 1812 года, является наконецъ возвращеніе—истинный шагъ впередъ—къ своему народу, освобожденіе отъ умственнаго ига. Карамзинъ, принявшись за Русскую Исторію, и особенно въ послѣднихъ томахъ своего великаго произведенія и въ другихъ мелкихъ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, началъ сознавать значеніе народа и его самобытность. Еще прежде, какъ противникъ прежняго Карамзина, Шишковъ противоборствовалъ подражательности; это было благородное, но темное стремленіе, и скорѣе въ пользу Церковно-Славянскаго языка, который онъ считалъ древнимъ Русскимъ. Ему не доставало знанія, но благородно и прекрасно было его направленіе. И послѣ 1812 года долго неясно было это стремленіе, пока наконецъ теперь не начала спадать пелена съ глазъ нашихъ; бодро и молодо раздается могущественный голосъ народа въ нашихъ душахъ, вновь намъ звучащій, вновь намъ и доступный и слышный. Запоздалые предыдущаго, иностраннаго, подражательнаго направленія усиливаются удержать его, противоборствовать новому, то бранью, то насмѣшкой, возвышаютъ голосъ болѣе, нежели когда-нибудь.... но на минуту темнѣе становится ночь передъ рѣшительнымъ разсвѣтомъ, и когда подымется солнце, рѣзче обозначутся тѣни. Ложному подражательному направленію не побѣдить истиннаго, естественнаго здороваго стремленія къ самобытности и къ народности.

И такъ Каменевъ принадлежалъ еще къ Карамзинскому періоду прошедшаго столѣтія. Во всемъ, что онъ пишетъ, видѣнъ человѣкъ умный и даровитый. Въ его письмахъ является Карамзинъ, еще совсѣмъ подъ вліяніемъ иностраннымъ, изображается, хотя слегка, кругъ литераторовъ, это братство, братство высокое, увы! въ сущности столько надменное и отвлеченное и ложное. Мы очень

благодарны г. Второву за сообщеніе такихъ интересныхъ и важныхъ для литературы свѣдѣній.

Въ отрывкахъ повѣстей Лермонтова, хотя очень неполныхъ, нельзя не узнать автора, его взгляда, пріема, и этого особеннаго, сжатаго и нѣсколько сухаго слога, который такъ хорошъ и такъ напоминаетъ Пушкина. Мы считаемъ здѣсь не мѣсто говорить о Лермонтовѣ, это предметъ отдѣльной статьи.

Статья о Шиллерѣ и Гёте изъ писемъ современника очень интересна. Артемій Семеновичь Бервенковскій вовсе не замѣчательный разсказъ, хотя легко читающійся. Собачка, повѣсть гр. Соллогуба, разсказана легко и живо.

Вотъ и всѣ прозаическія статьи. Духъ и направленіе выражается только въ повѣсти К. Одоевскаго. Повѣсти Лермонтова только отрывки. Остальныя же не носятъ на себѣ никакого особеннаго отпечатка.

Теперь стихотворная часть.

Жуковскаго Капитанъ Боппъ написанъ хорошими пятистопными ямбами, что̀ не удивительно въ нашемъ знаменитомъ поэтѣ.

Изъ стихотвореній Лермонтова, бо̀льшею частію обыкновенныхъ, особенно хорошо: *Казбеку*, кромѣ послѣднихъ четырехъ стиховъ. Оно можетъ стать на ряду съ лучшими; вотъ оно:

Казбеку.

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока!
Приноситъ странникъ свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье —
Къ престолу вѣчному....

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть.

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье....
Боюсь сказать.... душа дрожитъ....
Что.... если я....
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найдуль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной,
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?

О! если такъ.... своей мятелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездѣтный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

(стр. 93—94).

Отъ чего такъ прекрасны стихи?

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь....

Трудно сказать. Въ нихъ какая-то простота, какое-то называніе вещей своимъ именемъ, что̀ высоко изящно,

напоминаетъ даже изящество древней Греческой поэзіи. Таковы же стихи Лермонтова:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...

У него не разъ встрѣчается эта красота поэзіи.

Стихотворенія Языкова—также прекрасны, какъ и прежнія его стихотворенія, и хотя содержаніе ихъ въ этомъ Сборникѣ незначительно; но въ нихъ тотъ же оригинальный, образный Русскій стихъ, который всегда какъ будто говорится и печатается, стихъ, которымъ такъ чудесно владѣетъ (владѣлъ!) Языковъ; это также предметъ особенной статьи.

Остальныя стихотворенія болѣе или менѣе гладки, болѣе или менѣе не дурны. Но особенно пріятно и не ожиданно поразило насъ маленькое стихотвореніе: *Ты знаешь ихъ*, подписанное А. Од—ій. Въ этомъ стихотвореніи есть что-то мужественное, что такъ рѣдко или лучше вовсе не встрѣчается въ стихотвореніяхъ нашихъ юныхъ поэтовъ, гдѣ они большею частію, или съ гордостію говорятъ о своемъ миломъ эгоизмѣ, или вяло и зѣвая объявляютъ, что они уже не любятъ и что они въ апатіи. Это стихотвореніе: *Ты знаешь ихъ*, тѣмъ сильнѣе поразило насъ, что оно слѣдуетъ прямо за варіяціями Г. Тургенева, въ которыхъ видѣнъ собственно тотъ же натянутый сухой эгоизмъ и таже зѣвающая апатія. Напр.

А теперь этотъ день намъ смѣшонъ,
И порывы любовной тоски
Намъ смѣшны, какъ несбывшійся сонъ,
Какъ пустые, плохіе стишки.

(стр. 66).

Какъ примѣръ искаженія эстетическаго чувства можно привести стихотвореніе г. Бенедиктова: *Ревность*. Правда, что это въ его родѣ, но по неволѣ приходитъ мысль, ужъ не пародія ли это?

Довольно о сборникѣ: *Вчера и Сегодня*, представляемъ читателю вывести заключеніе изъ словъ нашихъ.

II. Опытъ Исторіи Русской Литературы. Сочиненіе Э. Профессора Имп. Санкп. Университета доктора философіи А. Никитенко. Книга первая. Введеніе. Спб. 1845.

Передъ нами книга, важная по своему заглавію, интересная и по имени сочинителя, извѣстнаго въ нашей литературѣ. Это только первая книга, въ ней заключается введеніе, въ которомъ излагаются общія начала. Общія начала—очень важны; они должны составлять душу всего сочиненія; слѣдовательно въ нихъ заключается главное достоинство, или главный недостатокъ. Случается, что часто исполненіе противорѣчитъ общимъ началамъ; но это заключеніе сюда нейдетъ, ибо остальныя части труда намъ неизвѣстны. И такъ внимательно посмотримъ на это новое явленіе въ нашей литературѣ.

Мы прочли книгу и пришли въ полное недоумѣніе. Мы хотѣли посвятить ей пространный и обстоятельный разборъ, въ которомъ, если бы мы были несогласны съ сочинителемъ, хотѣли сдѣлать ему подробныя возраженія и высказать наше мнѣніе о предметѣ его книги.— Но это рѣшительно невозможно; для этого надобно, чтобы въ книгѣ было *что-нибудь*, что-нибудь положительное, твердо ясно постановленное, что-нибудь наукообразное. Если мы спросимъ самихъ себя, какое впечатлѣніе осталось въ насъ по прочтеніи книги Г. Никитенки, то при-

демъ въ большое затрудненіе. Множество гладкихъ и выглаженныхъ фразъ, кой-какія звонкія слова, множество читанныхъ и не дочитанныхъ, слышанныхъ и недослышанныхъ мыслей; все это обращается въ такой хаосъ, безъ основной мысли, безъ всякой цѣлости, и въ тоже время хаосъ нарядный, повидимому даже стройный, — что не скоро рѣшишь заданный себѣ вопросъ. Странно то, что въ этомъ сочиненіи попадаются, впрочемъ рѣдко, мысли вѣрныя, кажется, даже хорошо сказанныя; но они попадаются безъ всякой причины и безъ всякаго слѣдствія, безъ всякаго плода; видно, что ихъ не усвоилъ авторъ, что не поселились они въ его душѣ, не тревожатъ его постоянно и не рвутся наружу. — Вамъ вѣрно случалось встрѣчать людей, которые говорятъ необыкновенно гладко, непрерывно; фразы вяжутся одна съ другой; онѣ льются, льются, какъ рѣка, безостановочно, и ничего нѣтъ въ словахъ ихъ. Въ рѣчи ихъ попадаются мысли, но мысли этѣ теряютъ всякую силу, всякую живую сторону и обращаются въ голыя слова. Впечатлѣніе тяжелое и непріятное въ высшей степени; вы чувствуете утомленіе, вы чувствуете, что послѣ всей многосложной рѣчи у васъ остается пустота, *ничто*; ничто не бѣда, еслибъ ничего и не было говорено; но ничто невыносимо тяжело, оставаясь въ результатѣ тогда, когда говорилось *что-то*. — Только этимъ сравненіемъ можемъ мы объяснить впечатлѣніе, оставляемое книгою Г. Никитенки.

И такъ обстоятельный разборъ, какъ разборъ книги ученой, рѣшительно невозможенъ при этомъ Опытѣ Исторіи Русской Литературы; но мы не хотимъ ограничиться объясненіемъ общаго впечатлѣнія; постараемся оправдать его выписками изъ автора, обозначить подробнѣе характеръ его произведенія и указать на нѣкоторыя замѣчательныя мѣста, которыя могутъ служить отличительными его особенностями.

Въ первыхъ трехъ главахъ Г. сочинитель говоритъ объ *идеѣ и значеніи исторіи литературы; о методѣ*

изученія исторіи литературы; объ источникахъ исторіи литературы.

Напрасно стали бы мы искать здѣсь общихъ началъ: ихъ нѣтъ; есть какіе-то толки о литературѣ, о ея методѣ и источникахъ, толки, характеръ которыхъ мы опредѣлили въ самомъ началѣ. Г. Сочинитель въ своемъ сочиненіи вообще, не опредѣляетъ сферы изящной, его идеи и т. д. а разговариваетъ съ этими предметами, какъ съ лицами, уговариваетъ г-жу Литературу не обижать разума, а г. Разума смягчиться Изящнымъ, и т. д. Надо прибавить, что въ рѣчи сочинителя часто является еще чувствительность. Но пусть лучше самъ говоритъ г. сочинитель.

«Приличнo-ли Литературѣ, забывъ выгоды своего орудія, ограничиться однимъ какимъ нибудь направленіемъ мысли, хотя бы то даже была идея изящнаго? Въ мысли возникаютъ и рѣшатся и другія великія задачи, коихъ сущность состоитъ не въ идеѣ изящнаго, хотя онѣ и доступны ея благодатному пантію и озаренію. Должна ли Литература ихъ отвергнуть, потому только, что быть удостоена титла изящнаго искусства, она обязана уже исключительно имѣть дѣло съ идеалами — она, наперсница разума, для которой должно быть дорого все разумное и доблестное, все, чѣмъ мысль возвеличиваетъ, назидаетъ, руководитъ человѣка?» (стр. 48.)

Какъ тутъ можетъ быть: «приличнo-ли, должна ли?» Надо опредѣлить Литературу, что́ она такое, и тогда изъ существа ея вытечетъ, *что́ ей прилично, и что́ она должна.* Какой странный, увѣщательный способъ изложенія. — Но это еще ничего. Далѣе:

«Правда, наука можетъ существовать и безъ Литературы; но это будетъ существованіе властелина безъ любви гражданъ, съ правомъ повелѣвать безъ умѣнья и возможности дѣлать ихъ счастливыми. Ей будутъ воздавать приличныя почести, какъ въ вѣка схоластики, но безъ ней будутъ умѣть обходиться вездѣ, гдѣ своекорыстіе и страсти захотятъ выполнить свои темные замыслы? (стр. 51—52.)

Что̀ это такое? неужъ-то же это упрекъ наукѣ, что своекорыстіе и страсти и пр. обходятся безъ нея? Очевидно Г. сочинитель не то хотѣлъ сказать; это только неумѣнье писать по-Русски, это плодъ его *лющейся* рѣчи.

Ибо безъ Литературы, кто прольетъ въ Науку чувство человѣческихъ потребностей и эти потребности, поднявъ въ самомъ прахѣ на самомъ

днѣ общества, возвыситъ до воззрѣній Науки? Не вѣдая ихъ, на своей царственной высотѣ, она ревностно станетъ заботиться о славѣ человѣческаго разума, объ истинѣ, о своемъ безсмертіи, о всемъ благородномъ и прекрасномъ, кромѣ того, что существенно благородно и прекрасно, кромѣ дѣланія людей благородными и прекраснымп.»

Чрезъ нѣсколько строкъ:

«Что̀ наука производитъ медленно въ тѣсномъ кругу избранныхъ, то литература съ помощію своихъ разнообразныхъ формъ и живаго, одушевленнаго, изящнаго слова быстро дѣлаетъ повсюднымъ. Величественная, строгая какъ исторія и эпопея, животрепещущая и осязательная какъ драма, поучительная и глубокая, какъ философія, страстная и увлекательная какъ рѣчь оратора, или легкая, игривая, улыбающаяся какъ пѣсня любви, она уважаетъ всѣ потребности, всѣ состоянія, всѣ возрасты, мѣняетъ образы, краски, звуки, говоритъ въ одно время уму, сердцу и воображенію.» (стр. 31. 32. 33.)

Но это еще не все; выпишемъ еще нѣсколько мѣстъ для яснѣйшей характеристики автора:

«Съ другой стороны чувствуешь, что разумъ уважаетъ права, нужды и даже невинныя прихоти дѣйствительности, что онъ не запирается въ свои подоблачные чертоги, чтобы своими отвлеченными, строгими догматами устрашать оттуда умы человѣческіе, а не править ими. Неизъяснимо отрадно видѣть, какъ жизнь вообще столь шаткая и грустная, довѣрчиво простираетъ объятія свои къ силѣ, гдѣ сосредоточивается и хранится неизбѣжный законъ и непреложный порядокъ, и какъ эта сила привѣтною улыбкою милости озаряетъ вокругъ себя суровый мракъ могущества безпредѣльнаго и неодолимаго.» (стр. 36.)

Вотъ образецъ особенной чувствительности:

«Могущество это чувствуютъ, его благословляютъ или клянутъ; оно вызвало рядъ дѣяній. Хотятъ заглянуть въ лице ему, столь побѣдоносно властвующему: его никто не увидитъ, лица этого нѣтъ; это что-то неосязаемѣе, чѣмъ паръ вашего дыханія, чѣмъ робкій вздохъ дѣвственнаго сердца, когда оно въ первый разъ чувствуетъ жажду любить; это идея безъ вещества, безъ имени, но полная слезъ, восторговъ, мукъ, блаженства и славы.» (стр. 53. 54.)

Въ томъ же духѣ:

«Здѣсь *(въ усиліяхъ науки понять основаніе всего)* Наука измѣняетъ своему строгому, испытующему характеру; она забываетъ священное помазаніе правды и достовѣрности, которыми опытъ уполномочиваетъ ее царствовать надъ міромъ мысли; изъ скромной, важной, величественной жрицы Истины, она становится догадкою, пред-

положеніемъ, умствованіемъ, системой, софизмомъ; она возбуждаетъ къ себѣ недовѣрчивость и сомнѣнія, столь противныя ея чести и благу людей и вдается въ ребяческія состязанія съ здравымъ разсудкомъ, который отходитъ наконецъ въ сторону отъ своей благородной и прекрасной сестры, чтобы въ тишинѣ и одиночествѣ сѣтовать о ея нецѣломудренныхъ поползновеніяхъ.» (!!!) (стр. 58—59.)

Но мы устаемъ выписывать; однако вотъ еще нѣсколько примѣровъ:

«Умная, благовоспитанная, т. е., исторіей воспитанная философія, вовсе не имѣетъ глупой гордости думать, будто бы она вещимъ можетъ давать направленіе безъ нихъ, такъ сказать вѣдома и сочувствія, вопреки ихъ природѣ, по собственному идеалу истины.» (стр. 67.)

Какой же философъ скажетъ это? и если найдется философія, которой можно сдѣлать этотъ упрекъ, то какая же философія сама это думаетъ?

Вотъ еще примѣръ:

«Не смотря на блестящіе замыслы и прикрасы, они все какъ-то похожи на ученый трактатъ, рѣшающій какую-нибудь отвлеченную задачу ума: они принадлежатъ идеѣ, а не людямъ, а извѣстно, что идея безъ участія въ человѣческихъ нуждахъ, безъ слезъ и улыбки, прекрасна, но холодна какъ кокетка, любящая жертвы, но ни одного изъ жертвователей. (!!!) Спеціалистъ-мыслитель, или спеціалистъ-диллетантъ можетъ наслаждаться этими произведеніями съ утонченною сибаритскою роскошью, которая любитъ не одни вкусныя блюда, но и вкусныя мысли; но кто человѣчество ставитъ выше ремесла, тотъ не будетъ довольствоваться однимъ искусствомъ изображенія, изящнымъ исполненіемъ, удачными оборотами мысли и рѣчи—этой гимнастикой таланта, въ которой онъ выказываетъ и силу и дѣвкость свою; онъ потребуетъ отъ таланта красоты, но красоты вылитой изъ нуждъ, страстей, желаній и надеждъ нашихъ, потому что хотя она и дщерь неба, однакожъ должна жить въ святомъ и цѣломудренномъ бракѣ съ сердцемъ человѣческимъ.» (70—71.)

Вотъ еще одинъ примѣръ:

«Отсюда произошли всѣ эти заносчивыя и вмѣстѣ жалкія теоріи словесности; которыхъ боялись школьники и не слушались таланты; которыя однакожъ бывъ облечены незаконно въ санъ науки, затрудняли общій ходъ Литературы, какъ брюзгливая старая надзирательница затрудняетъ ворчаньемъ своимъ милое и граціозное обращеніе молодой дѣвушки.» (87.)

По довольно; надѣемся, мы показали достаточный образецъ этой безплодной рѣчи, въ которой одно слово погоняетъ другое безъ всякой внутренней причины,—рѣчи, лишенной всего внутренняго. — Антропоморфизмъ въ разсужденіяхъ Г. автора доходитъ до невозможной степени. Литература, наука, чувствуютъ, сердятся другъ на друга, живутъ въ бракѣ.—Право, почти ожидаешь, что онъ начнетъ описывать, какія лица у литературы и науки, скажетъ, бѣлокурая-ли одна и черноволосая-ли другая. Нельзя не убѣдиться также (это видѣли мы изъ вышеприведенныхъ примѣровъ) въ нѣжности и сентиментальности сердца Г. сочинителя.

Обратимся къ другой сторонѣ, постараемся изъ этого хаоса и чувствительныхъ описаній достать какое нибудь положеніе.

Г. Никитенко думаетъ, что опредѣляетъ литературу такъ:

«Литература есть мысль человѣческая, возникающая у народа вмѣстѣ съ нимъ изъ его духа, жизни историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, и посредствомъ слова, выражающая свое народочеловѣческое развитіе подъ совокупнымъ вліяніемъ верховныхъ и всеобщихъ идей истиннаго и изящнаго.» (24—25.)

И такъ литература — это мысль подъ вліяніемъ идей истиннаго и изящнаго. Мысль подъ вліяніемъ идеи истиннаго? —Но мысль есть сама явленіе истины; если-же она подъ вліяніемъ истиннаго, то она слѣдовательно есть что-то, внѣ истины находящееся; стало быть она не истина, даже, можетъ быть ложная мысль, и только находится подъ вліяніемъ истины. —Чтòжъ она такое? *Подъ вліяніемъ идеи истиннаго и изящнаго.* Но чтòжъ такое изящное, какъ не истинное въ образѣ, въ непосредственномъ представленіи? — И чтòжъ такое послѣ этого литература по будто бы опредѣленію Г. Никитенки? Богъ знаетъ, чтò; здѣсь нѣтъ даже положительной ошибки, нѣтъ даже ложнаго мнѣнія; не на чтò даже напасть; а все разваливается, какъ только возмешь въ руки: ибо нѣтъ смысла.

Г. Никитенко между прочимъ говоритъ:

«Метода Науки такъ опредѣленна, что ее можно найти и изучить въ любой логикѣ.» (стр. 29.)

Каково вамъ это покажется? Мы бы желали встрѣтить эту «любую логику». Вся исполинская сила логики Гегеля направлена именно на то, чтобы опредѣлить, явить науку; и кто сколько нибудь знакомъ съ его логикой, тотъ знаетъ тѣ умственныя усилія, которыя надо совершать, чтобы подвигаться въ ней на полшага, тотъ испыталъ то трудное дыханіе отъ разряжённаго воздуха логической сферы; а Г. Никитенко нашелъ методу науки въ любой логикѣ!

Вотъ еще мнѣніе:

«Литература можетъ быть очень правильною, очень художественною и въ тоже время безжизненною и непривлекательною, то есть, чуждою интересамъ сердца человѣческаго, интересамъ вѣка, въ которыхъ зрѣютъ, мужаютъ, дѣлаются существенными и историческими великія и всеобщія истины.» (стр. 12.)

Литература можетъ-ли быть художественною и безжизненною въ одно время? Странное заключеніе.

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видѣли, какъ нѣженъ и чувствителенъ Г. Никитенко, — такъ нѣженъ, что даже самъ Маниловъ уступитъ ему въ приторности; но посмотрите, какъ нѣжный Г. сочинитель иногда выражается:

«Она (народность) можетъ говорить напр. совершенно по русски, не только языкомъ Бовы Королевича, но и языкомъ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина. И безъ сомнѣнія — въ наше время она гораздо болѣе дѣлаетъ себѣ чести, изъясняясь ихъ очищеннымъ, художнически усовершенствованнымъ, народно-человѣческимъ словомъ, чѣмъ рѣчью брадатыхъ стилистовъ толкучаго рынка и ихъ безбородыхъ подражателей.» (стр. 77.)

Но впрочемъ что-же? Нѣжность и деликатность должны быть для высшаго сословія, для лицъ высшаго круга общества; вѣдь низшее этого не понимаетъ. Почему, подавши учтиво перчатку дамѣ, ее уронившей, не толкнуть тутъ же локтемъ бородатаго мужика?!! Какъ вы думаете?

Наконецъ въ главѣ IV-й Г. Никитенко говоритъ о идеѣ и значеніи исторіи Литературы Русской.

Здѣсь является безусловный панегирикъ Петру Первому. Между прочимъ Г. авторъ говоритъ:

«Между тѣмъ какъ такимъ образомъ все перемѣнялось, или лучше сказать, запутывалось на высотѣ общественныхъ понятій и вѣрованій, изъ нѣдръ матеріальной силы народа возникало чудовище дикое и свирѣпое, съ жаждою крови, вина и денегъ, соединявшее въ своемъ звѣрскомъ *брадатомъ* лицѣ всѣ ужасы, всѣ пороки, весь осадокъ татарскаго элемента — мы говоримъ о стрѣльцахъ.

Въ своемъ звѣрскомъ брадатомъ лицѣ? Отъ чего же такъ? неужъ-то борода имѣетъ въ себѣ что-нибудь звѣрское! Бороды особенно не любитъ Г. Никитенко. И какой татарскій элементъ въ стрѣльцахъ?—Далѣе:

«Владѣя пищалью, не какъ благороднымъ оружіемъ, а какъ дреколіемъ....

Развѣ не случается, что дреколіе подымается за правое дѣло, какъ напримѣръ въ 1812 году; а пищаль напротивъ служитъ дѣлу ложному? Но дреколіе — это оружіе крестьянское и потому Г. Никитенко считаетъ его неблагороднымъ? Если же Г. авторъ думаетъ, что стрѣльцы употребляли пищаль, какъ дреколіе, то мы смѣемъ его увѣрить, что они умѣли стрѣлять и стрѣляли изъ своихъ пищалей. Г. Никитенко продолжаетъ:

«Нестройное и чуждое успѣхамъ своего *ремесла*, это сословіе *трусливое* передъ непріятелемъ и храброе только передъ мирными гражданами, вдругъ захотѣло свою неистовую волю поставить въ число первенствующихъ общественныхъ началъ.» (стр. 114.)

Трусливое передъ непріятелями! И это можно сказать! Развѣ не стрѣльцы дрались въ 1612 году съ Поляками? Развѣ не съ стрѣльцами возвращалъ Царь Алексѣй Михайловичь большую часть завоеванной Россіи? Что́ вы скажите на это Г. сочинитель? Но впрочемъ, что̀ вамъ до этого за дѣло, когда эти люди были съ брадатыми лицами.

Въ этой главѣ и вообще во всей книгѣ много и очень много еще замѣчательностей въ подобномъ родѣ, но пусть кто желаетъ, самъ читаетъ книгу Г. Никитенки, если только имѣетъ на то довольно терпѣнія. Вотъ однако отрывокъ:

«Спрашивается, что долженъ былъ бы сдѣлать тотъ, на чью отвѣтственность Провидѣніе возложило бы бодрствовать надъ судьбою царства въ этотъ роковой моментъ и спасать его?... Что бы онъ сдѣлалъ? Не долженъ ли бы онъ былъ продолжать начатое судьбою и требуемое ею измѣненіе? Но по какимъ началамъ? Безъ сомнѣнія по тѣмъ, которые могли бы въ одно время и обуздать дикія физическія страсти и открыть народному генію неизмѣримое поприще развитія и усовершенствованія, къ которымъ онъ способенъ, какъ истинный Славяно-Европейскій геній. Гдѣ же бы онъ нашелъ ихъ? Конечно не въ Азіи, не въ разбойничьемъ Татарскомъ станѣ, не въ историческихъ опытахъ и покушеніяхъ, потому что это начала человѣческой образованности, науки, искуства, всѣхъ успѣховъ гражданскихъ, а ихъ тамъ не было. Одна Европа могла передать ихъ намъ, потому что имѣла ихъ и жила ими.» (стр. 117. 118.)

Можно-ли читать подобныя разсужденія? Если Петръ долженъ былъ искать началъ, то онъ долженъ былъ искать ихъ у себя, въ самомъ народѣ. Безъ зерна не вырастишь дерева, безъ зерна можно сдѣлать только искусственное, раскрашенное дерево, съ натыканными глиняными плодами и бумажными цвѣтами. Но въ Русскомъ народѣ есть начала, и хотя Петръ Первый принесъ начала чуждыя, но народныя начала сохранились и до сихъ поръ въ простомъ Русскомъ народѣ.

Нѣсколько далѣе Г. Никитенко говоритъ:

«Что за важность, если бы даже для облегченія на этой дорогѣ, пришлось бросить нѣкоторыя изъ старинныхъ привычекъ, надѣть новое платье, выбрить бороду, пить для подкрѣпленія силъ чай и кофе вмѣсто охмѣляющаго питья, отдыхать отъ трудовъ въ опрятныхъ и удобныхъ домахъ, вмѣсто дымныхъ логовищъ?» (стр. 118.)

Логовищъ! Мѣсто, гдѣ живетъ дикій звѣрь! Такъ называетъ Г. Никитенко наши крестьянскія избы! Ибо ни къ чему другому не могутъ относиться его слова. Если

онъ говоритъ про прошедшее, то бояре и прежде Петра не живали въ дымныхъ палатахъ; а наши бѣдныя дымныя избы носятъ на себѣ и теперь весь отпечатокъ древней Руси; и такъ къ нимъ только могутъ относиться эти изумительныя слова. Но оставя въ сторонѣ такую нѣжность выраженія, которую видно допускаетъ просвѣщенный и гуманный европеизмъ Г. автора, спросимъ: развѣ это зависитъ отъ выбора — опрятный и удобный домъ? Развѣ нѣтъ тутъ матеріяльныхъ условій богатства? Развѣ не согласился бы всякій промѣнять дымную избу на избу (или домъ), построенную опрятно и удобно?—Кажется этого не нужно доказывать.— Полагать же упрекъ бѣдности на народъ, который живетъ въ дымныхъ логовищахъ, какъ имѣлъ духъ сказать Г. Никитенко—это невыносимо.

Панегирикъ украшенъ также подобными натянутыми выраженіями.

«Между звеньями цѣпи Татарской не было ни одного, отъ кого бы можно было начать рядъ гражданскихъ и умственныхъ успѣховъ.» (стр. 116.)

Или опять:

«Генію нашему предстоитъ широкое поле умственныхъ подвиговъ и славы; на челѣ его печать могущества; его физіогномія оттѣнена чертами не Монгольскаго типа; благородная, открытая, умная, живая она дышетъ жаждою знанія и творчества.» (стр. 124.)

Право ждешь, что будетъ описаніе цвѣта волосъ, формы носа и т. д.

Въ заключеніи Г. сочинитель говоритъ:

«Итакъ къ чему умствовать суетно и безплодно о будущихъ судьбахъ Россіи, которыхъ нѣтъ въ предѣлахъ нашего знанія конечно потому, что онѣ будущія.» (стр. 121.)

Это онъ говорилъ и въ началѣ; но тутъ онъ очень ошибается. Если настоящаго нельзя понять безъ прошедшаго, то нельзя понять его и безъ будущаго; будущее находится въ настоящей жизни, какъ то, чѣмъ она должна быть, къ чему стремится она, чѣмъ она будетъ слѣ-

довательно по мнѣнію всякаго человѣка, въ комъ есть убѣжденіе. Слѣдовательно въ настоящее непремѣнно должно входить будущее, или другими словами, существенно лежащее въ настоящемъ. Здѣсь равное мѣсто сужденію о настоящемъ времени и о томъ, чѣмъ оно должно быть, о будущемъ слѣдовательно, къ которому оно ежеминутно подвигается. Говоря такимъ образомъ о переворотѣ Петра, Г. сочинитель или самъ судитъ о будущемъ, или же привязывается къ ограниченному кругозору настоящаго времени, считая, *все, что теперь*, безусловно истиннымъ, и слѣдовательно не можетъ судить вообще о существенномъ. Не нужно и говорить о ложности послѣдняго воззрѣнія, опровергаемаго ежеминутно ходомъ вещей.

Въ гладкой рѣчи часто встрѣчаются очень плохія и невѣрныя выраженія; — ихъ много у Г. Никитенки. Вотъ нѣкоторыя:

«Современность всегда немножко *ябедничитъ*.» (стр. 88.)

По Русски говорится: ябедничаетъ,

На равнинахъ *отпертыхъ* отвсюду бурямъ. (стр. 96.)

Ни одинъ Русскій такъ не скажетъ; отпереть не значитъ открыть, или освободить отъ всякихъ преградъ, отпереть предполагаетъ непремѣнно дверь, ворота, или вообще свободное пространство между преградъ, могущее быть запертымъ.

Не пробуждая ни въ комъ ни одного *плодоносящаго* убѣжденія. (стр. 99.)

Опять все претензія сказать какъ нибудь по своему. Что значитъ *плодоносящій?* У насъ есть слово плодоносный, значеніе котораго ясно. Плодоносящій значитъ носящій плоды; можно бы подумать, что говорится о разнощикѣ плодовъ. И т. д.

Нельзя не замѣтить также какого-то канцелярскаго чиновничьяго слога. На пр. желая какъ можно выше похвалить идеи, Г. Никитенко говоритъ:

Въ натурѣ этихъ великихъ идей есть что-то столь священное и августѣйшее.... (стр. 49.)

Или:

..... возвышенныя идеи науки излагаются у нихъ съ такою общепонятностію и простотою, какъ будто бы надъ ними трудилась вся лучшая часть общества, а не одинъ уединенный членъ, чиновникъ, такъ сказать, палаты просвѣщенія. (стр. 45.)

Или еще:

Она (исторія) часто отвергаетъ приговоры критики, предъ ея трибуналомъ судьи становятся подсудимыми, и критика для ней не болѣе, какъ докладная записка, которую современность представляетъ потомству о судьбѣ Литературы и проч. (стр. 88.)

Нѣсколько далѣе:

Критика для ней (исторіи) не есть убѣжденіе, а такой же матеріалъ, какъ и всѣ другія справки въ дѣлѣ, матеріалъ однако жъ необходимый и важный.

И пр. и пр.

Довольно; мы высказали еще въ началѣ статьи впечатлѣніе, производимое книгою Г. Никитенки; подтвердили его, надѣемся, разборомъ этой книги и сверхъ того сказали о самомъ содержаніи ея. Съ горькимъ чувствомъ произнесли мы о ней наше сужденіе. Не то желали бы мы встрѣтить, не такъ желали бы отозваться.

III. Петербургскій Сборникъ, изданный Некрасовымъ.

Неутомимъ Петербургъ! Надо отдать ему справедливость. Толстые нумера журналовъ и болѣе или менѣе толстые сборники появляются одинъ за другимъ. Дѣятельность необыкновенная.—Да надо знать еще, какая эта дѣятельность, скажутъ многіе изъ безпристрастныхъ читателей. Конечно, надо еще знать, какова эта дѣятельность;

тогда мы, можетъ быть, поймемъ и причину ея.—Если судить о дѣятельности вообще, то мы увидимъ, что все то, что̀ условлено мыслію и внутреннимъ трудомъ, совершается не такъ легко и скоро; мысль умѣритъ эту быстроту, и внутренняя дѣятельность часто замедляетъ внѣшнюю, какъ отсутствіе внутренней дѣятельности часто бываетъ на оборотъ причиною многой дѣятельности внѣшней. Гораздо легче строчить всякой вздоръ, марать бумагу, править корректуры и т. д., нежели прочесть внимательно что-нибудь и о чемъ-нибудь не шутя подумать. Мысль и дѣльный трудъ въ этомъ смыслѣ—большая помѣха. Но этой помѣхи не существуетъ для Петербурга, и здѣсь-то заключается причина изумительной литературной дѣятельности. Петербургскіе литераторы сочли за нужное избавиться отъ тяжести мысли и труда, сбросили ее, и быстро, налегкѣ, помчались по поприщу литературы.

Такова литературная дѣятельность Петербурга! Неужели однако въ ней не найдемъ мы чего-нибудь, какого-нибудь явленія, заслуживающаго вниманія? Неужели въ такомъ множествѣ литературныхъ произведеній не попадется, хотя ошибкою, исключеніемъ, что-нибудь хорошее? Случиться можетъ.

Передъ нами еще плодъ Петербургской дѣятельности, носящей на себѣ даже имя этого города.

Петербургскій Сборникъ начинается съ повѣсти Г-на Достоевскаго; она такъ отличается отъ всего остальваго, является такимъ исключеніемъ, что на нее должны мы обратить особенное вниманіе.

Разсказывать содержаніе повѣсти, какъ обыкновенно у насъ его понимаютъ, мы не станемъ, да его и нѣтъ, что̀, по нашему мнѣнію, нисколько не есть недостатокъ.—Вся повѣсть—переписка молодой, бѣдной, несчастной дѣвушки съ старымъ бѣднымъ чиновникомъ. — Прежде всего скажемъ, что напрасно сочинитель избралъ эту форму, саму

по себѣ не удобную и сверхъ того имъ невѣрно выполненную. Мы увѣрены, что Дѣвушкинъ (чиновникъ) говорилъ, могъ говорить точно такъ, какъ въ повѣсти; но увѣрены, въ тоже время, что онъ никогда не писалъ такъ; такъ можетъ писать сочинитель, поставившій внѣ себя описываемое лице, сознавшій и ухватившій его своею художественною силою; но само лице никогда бы не написало такъ, какъ говоритъ; иначе надо было бы ему тоже сознать само себя и внѣ себя поставить. Но эта ошибка, хотя и важная въ художественномъ отношеніи, не мѣшаетъ повѣсти быть художественнымъ произведеніемъ, произведеніемъ человѣка, въ талантѣ котораго нельзя сомнѣваться. Мы сказали въ талантѣ; слово талантъ еще не опредѣленно; онъ можетъ быть видѣнъ и не въ художественномъ произведеніи; для живыхъ образовъ, для одушевленнаго разсказа, для увлекательныхъ описаній (что все можетъ не имѣть достоинства художественнаго) нуженъ талантъ; даже для того, чтобы расположить повѣсть, написать гладко, нужно умѣнье, дарованіе, даже талантъ. Такихъ талантовъ (не художественныхъ) не мало. И у Гр. Соллогуба—талантъ, такой талантъ признаемъ мы безспорно у Г. Достоевскаго; но это еще было бы не важно; дѣло въ томъ, что мы находимъ у него и то, что выше такого разряда талантовъ. Вся повѣсть написана рѣшительно подъ вліяніемъ Гоголя; самобытность заключается въ самомъ талантѣ.—Вліяніе, правда, доходитъ до поразительнаго сходства, до подражанія; но здѣсь можно извинить Г. автора тою силою великаго поэта, которая невольно овладѣваетъ, покоряетъ себѣ и увлекаетъ за собою. Г. Достоевскій взялъ форму, столько разъ являвшуюся у Гоголя—чиновника и вообще бѣдныхъ людей.—Она является у него живо въ повѣсти. Но повѣсть его рѣшительно не можетъ назваться произведеніемъ художественнымъ. Никакая прекрасная мысль, никакое прекрасное содержаніе, еще не составляютъ художественнаго произведенія. Здѣсь необходимо еще то творчество, то чудо, которое даетъ

мысли, содержанію, соразмѣрный и высоко-дѣйствительный образъ: такъ, что сама мысль никогда не выдвигается, какъ мысль,—а между тѣмъ вы приняли ее въ свою душу, она сдѣлалась частію вашего духовнаго бытія и никогда не оставитъ васъ.— Вотъ великая задача художника, которой не исполнилъ Г. Достоевскій. Результатомъ такого недостатка то, что повѣсть его оставляетъ впечатлѣніе тяжелое, чего никогда не можетъ быть при созданіи истинно художественномъ. Художникъ никогда ничего не доказываетъ; вопросъ художественный есть вопросъ исполненія, воплощенія мысли; если этого нѣтъ, то какъ бы ни было прекрасно по мысли произведеніе, оно остается не художественнымъ. Искусство требуетъ полной преданности себѣ, и тогда оно облекаетъ избранника дивною силою и высоко становитъ его надъ людьми. Поговоримъ здѣсь о самомъ впечатлѣніи или созданіи искусства. Послѣ художественнаго произведенія у васъ не остается тяжелаго, сказали мы, впечатлѣнія; если на пр. бѣдный человѣкъ изображенъ въ немъ, — въ васъ не пробуждается даже состраданіе: оно пробудится при встрѣчѣ съ бѣднымъ человѣкомъ въ жизни; но это впечатлѣніе часткое; художникъ идетъ глубже. Не возбуждая въ васъ никакого *частнаго* движенія, онъ производитъ на васъ *общее* впечатлѣніе; онъ дѣйствуетъ на начало, на тотъ общій недостатокъ, который мѣшалъ вамъ видѣть въ бѣдномъ человѣкѣ—человѣка; онъ истребляетъ самый зародышъ зла; онъ перерождаетъ васъ.—Такова «*Шинель*» Гоголя, способная переродить человѣка; но не остается послѣ нея тяжелаго впечатлѣнія; вамъ не жаль Акакія Акакіевича. Глубокая, примиряющая красота художественнаго произведенія обняла и внесла между тѣмъ въ вашу душу новую жизнь, новое начало; свѣтлѣе и чище, радостнѣе стало въ вашей груди; впечатлѣніе, принятое вами, подѣйствовало на всю душу вашу и новая великая мысль поселилась въ ней, которая на всю вашу жизнь будетъ имѣть вліяніе. Такое творчество—удѣлъ немногихъ. Для истиннаго ху-

дожника необходима полная преданность искусству, полная искренность, полное безпристрастіе; только при отсутствіи всякой задачи можетъ онъ рѣшить великую задачу искусства.

Г. Достоевскій не явилъ въ своей повѣсти, какъ въ цѣломъ, художественнаго таланта. Это, конечно, первая его повѣсть, но въ первыхъ попыткахъ истиннаго художника почти всегда уже видѣнъ его талантъ и свойство этого таланта,—эта искренность творчества, которая такъ неотъемлемо принадлежитъ ему. Но этого мы не видимъ въ повѣсти вообще у Г. Достоевскаго; въ ней нѣтъ этого безцѣльнаго творчества. Въ одномъ журналѣ было замѣчено, что въ его повѣсти есть филантропическая тенденція; мы согласны съ этимъ; это тенденція высокая и прекрасная, но это-то и мѣшаетъ произведенію быть изящнымъ. Картины бѣдности являются во всей своей случайности, не очищенныя, не перенесенныя въ общую сферу. Впечатлѣніе повѣсти тяжелое и частное, потому проходящее и не остающееся навсегда въ вашей душѣ.

Но, мы сказали, въ Г. Достоевскомъ есть что-то, что выше разряда не художественныхъ талантовъ; гдѣ-же его проявленіе, если въ его повѣсти нѣтъ художественнаго достоинства?

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ, истинно прекрасныхъ. Хотя, конечно, творчество является въ цѣломъ, но отдѣльныя мѣста могутъ быть прекрасны сами по себѣ и даже художественны; художественный талантъ можетъ быть такой, которому по силамъ только эти отдѣльныя мѣста и не болѣе.—Укажемъ на Диккенса, разумѣется, не думая нисколько сравнивать его съ Г. Достоевскимъ; у Диккенса именно художественны отдѣльныя мѣста, которыми онъ напоминаетъ Гоголя, тогда какъ цѣлое, по большой части, у него искусственно. Въ повѣсти Г. Достоевскаго очень хороши нѣкоторыя черты въ характерѣ бѣдной дѣвушки; много прекраснаго въ исторіи студента Покров-

скаго и т. д. Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ дневника бѣдной дѣвушки:

« Осенній вечеръ я любила больше, чѣмъ утро. Я помню, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, подъ горой, было озеро. Это озеро—я какъ будто вижу его теперь, — это озеро было такое широкое, ровное, свѣтлое, чистое, какъ хрусталь. Бывало, если вечеръ тихъ — озеро покойно; на деревахъ, что по берегу росли, листкомъ не шелохнетъ, вода неподвижна, словно зеркало. Свѣжо! холодно! Падаетъ роса на траву, въ избахъ на берегу засвѣтятся огоньки, стадо пригонятъ — тутъ-то я и скользну тихонько изъ дому, чтобы посмотрѣть на мое озеро, и засмотрюсь бывало. Какая-нибудь вязанка хворосту горитъ у рыбаковъ у самой воды, и свѣтъ далеко—далеко по водѣ льется. Небо такое холодное, синее, и по краямъ разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все блѣднѣе и блѣднѣе становятся; выходитъ мѣсяцъ; воздухъ такой звонкой, порхнетъ ли испуганная пташка, камышъ ли зазвенитъ отъ легонькаго вѣтерочка, или рыбка всплеснется въ водѣ,—все бывало слышно. По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкій, прозрачный. Даль темнѣетъ: все какъ-то тонетъ въ туманѣ, а вблизи такъ все рѣзко обточено, словно рѣзцомъ обрѣзано—лодка, берегъ, острова; — бочка какая-нибудь, брошенная, забытая у самаго берега, чуть—чуть колышется на водѣ, вѣтка ракитова съ пожелтѣлыми листьями путается въ камышѣ,— вспорхнетъ чайка запоздалая, то окунется въ холодной водѣ, то опять вспорхнетъ и утонетъ въ туманѣ—я засматривалась, заслушивалась,— чудно хорошо было мнѣ! А я еще была ребенокъ, дитя!

Я такъ любила осень,—позднюю осень, когда уже уберутъ хлѣбъ, окончатъ всѣ работы, когда уже въ избахъ начнутся посидѣлки, когда уже всѣ ждутъ зимы. Тотда все становится мрачнѣе, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краямъ обнаженнаго лѣса, а лѣсъ синѣетъ, чернѣетъ—особенно вечеромъ, когда спустится сырой туманъ, и деревья мелькаютъ изъ тумана какъ великаны, какъ безобразныя, страшныя привидѣнія. Запоздаешь бывало на прогулкѣ, отстанешь отъ другихъ, идешь одна, спѣшишь, — жутко! Сама дрожишь какъ листъ; вотъ, думаешь, того и гляди, выглянетъ кто-нибудь страшный изъ-за того дупла; между-тѣмъ вѣтеръ пронесется по лѣсу, загудитъ, зашумитъ, завоетъ такъ жалобно, сорветъ тучу листьевъ съ чахлыхъ вѣтокъ, закрутитъ ими по воздуху, и за ними длинною, широкою, шумною стаей съ дикимъ пронзительнымъ крикомъ пронесутся птицы, такъ что небо червѣетъ и все застилается ими. Страшно станетъ, а тутъ, точно какъ будто заслышишь кого-то, — чей-то голосъ, — какъ-будто кто-то шепчетъ: — « бѣги, бѣги, дитя, не опаздывай; страшно здѣсь будетъ тотчасъ, бѣги дитя!»—ужасъ пройдетъ по сердцу, и бѣжишь,— бѣжишь такъ,

что духъ занимается. Прибѣжишь, запыхавшись домой; дома шумно весело; раздадутъ намъ всѣмъ дѣтямъ работу, горохъ или макъ щелушить. Сырыя дрова трещатъ въ печи; матушка весело смотритъ за нашей веселой работой; старая няня, Ульяна, разсказываетъ про старое время, или старинныя сказки про колдуновъ и мертвецовъ. Мы, дѣти, жмемся подружка къ подружкѣ, а улыбка у всѣхъ на губахъ. Вотъ вдругъ замолчимъ, разомъ.... чу! шумъ! какъ-будто кто-то стучитъ!— Ничего не бывало; это гудитъ самопрялка у старой Фроловны; сколько смѣху бывало! А потомъ ночью не спимъ отъ страха; находятъ такіе страшные сны. Проснешься бывало, шевельнуться не смѣешь и до разсвѣта дрогнешь подъ одѣяломъ. Утромъ встанешь свѣжа какъ цвѣточекъ. Посмотришь въ окно: морозомъ прохватило все поле; тонкій, осенній иней повисъ на обнаженныхъ сучьяхъ; тонкимъ какъ листъ льдомъ подернулось озеро; встаетъ бѣлый паръ по озеру; кричатъ веселыя птицы. Солнце свѣтитъ кругомъ яркими лучами, и лучи разбиваютъ въ стекло тонкій ледъ. Свѣтло, ярко, весело. Въ печкѣ опять трещитъ огонекъ; подсядемъ всѣ къ самовару, а въ окна посматриваетъ продрогшая ночью черная наша собака Полканъ, и привѣтливо махаетъ хвостомъ. Мужикъ проѣдетъ мимо оконъ на бодрой лошадкѣ въ лѣсъ за дровами. Всѣ такъ довольны, такъ веселы! На гумнахъ запасено много — много хлѣба; на солнцѣ золотятся крытые соломой скирды большіе—большіе; отрадно смотрѣть! И всѣ спокойны, всѣ радостны; всѣхъ Господь благословилъ урожаемъ; всѣ знаютъ, что будутъ съ хлѣбомъ на зиму; мужичекъ знаетъ, что семья и дѣти его будутъ сыты;— отъ того по вечерамъ и не умолкаютъ звонкія пѣсни дѣвушекъ и хороводныя игры, отъ того всѣ съ благодарными слезами молются въ домѣ Божіемъ въ праздникъ Господень!... Ахъ какое золотое — золотое было дѣтство мое!... (стр. 121, 122, 123, и 124).

Замѣчательно мнѣніе Дѣвушкина, когда онъ прочелъ «*Шинель*» Гоголя: онъ обидѣлся; это кажется намъ натянутымъ. Дѣвушкинъ обижается за то, что бѣдный чиновникъ выставленъ въ смѣшномъ, обидномъ для него видѣ и невольно узнаетъ въ немъ хотя отчасти себя. Онъ обижается будто бы за то, что не показана въ немъ хорошая сторона его. Странно! намъ кажется совершенно напротивъ. Именно въ этомъ жалкомъ бѣдномъ чиновникѣ, не смотря на низкую степень, на которой стоитъ онъ, Гоголь видитъ человѣка, и пробуждаетъ этоже чувство въ читателѣ; не только не униженъ, но возвышенъ этотъ бѣдный, ничтожный чиновникъ во имя

человѣческаго братскаго чувства. Но выпишемъ лучше этѣ живыя, многознаменательныя строки Гоголя, которыхъ не забудутъ люди и сохранятъ, какъ великое свое достояніе, возвышающее человѣка, — строки, въ глубокомъ живительный смыслъ которыхъ долго и долго надо вникать. Вотъ онѣ:

«Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ (Акакій Акакіевичъ) произносилъ, «оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете».

И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ-поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ среди самыхъ веселыхъ минутъ представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: «оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете» — и въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «я братъ твой». И закрылъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрагался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости, и Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ..» (стр. 253 и 254).

Замѣчательно, что строки этѣ именно слѣдуютъ за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сыплютъ на голову Акакію Акакіевичу бумажки, о чемъ упоминаетъ Макаръ Дѣвушкинъ, говоря, что тутъ бы слѣдовало сказать, что онъ (чиновникъ)

такого обхожденія не заслуживалъ. И Макаръ Дѣвушкинъ, который выставленъ, кажется, не такимъ, чтобы не понять этого мѣста, который все твердитъ, что онъ человѣкъ, не понялъ однакоже этѣхъ строкъ. Странно. Въ этомъ, кажется, виноватъ уже самъ Г. сочинитель. Не хотѣлъ ли впрочемъ сказать Г. Достоевскій, что тяжело впечатлѣніе повѣстей Гоголя для бѣднаго человѣка. Еще страннѣе! Это значитъ не понимать повѣсти Гоголя, и только. Макаръ Дѣвушкинъ обидѣлся не только за бѣднаго чиновника, онъ обидѣлся и за его Превосходительство. Надо прибавить, что его Превосходительство выставленъ у Г. Достоевскаго человѣкомъ благороднѣйшимъ—*превосходнымъ*.

Вотъ наше мнѣніе о повѣсти Г. Достоевскаго! Не смотря на то, мы еще не знаемъ, что̀ будетъ впередъ и не можемъ, судя по первой повѣсти (хотя говорится, что видна птица по полету) сказать рѣшительно: нѣтъ, Г. Достоевскій не художникъ и не будетъ имъ Надо подождать, что̀ будетъ далѣе.

Между тѣмъ вышелъ 2-й N° Отеч. Зап. за 1846 г. и въ немъ помѣщена другая повѣсть Г. Достоевскаго. Мы прочли ее; сдѣлаемъ маленькое отступленіе, оставимъ на время разборъ Сборника и скажемъ объ ней.

Эта повѣсть называется: *Двойникъ*; на сценѣ тоже чиновникъ, титулярный совѣтникъ, Голядкинъ. Въ этой повѣсти видимъ мы уже не вліяніе Гоголя, а подражаніе ему; но такъ какъ подражать творчеству нельзя: надо самому имѣть творчество, а тогда это уже подражаніемъ не будетъ, — то Г. Достоевскій подражаетъ пріемамъ, внѣшнимъ движеніямъ Гоголя, одной наружности, не понимая, какъ видно, что у Гоголя все это прекрасно, потому что самобытно живо, вытекаетъ изъ внутренней причины, а когда кто-нибудь, погнавшись за сходствомъ, схватитъ только одну голую внѣшность, одни пріемы, не ухвативъ духа, жизни, облекшейся въ нихъ, то это выдетъ до несносности безжизненно, сухо и скучно. Таковъ Г. Достоевскій въ этой своей повѣсти длинной и

до невѣроятности утомительной. Въ ней Г. Достоевскій постоянно передразниваетъ Гоголя, подражаетъ часто до такой степени, что это выходитъ уже не подражаніе, а заимствованіе. — Мы даже просто не понимаемъ, какъ могла явиться эта повѣсть. Вся Россія знаетъ Гоголя, знаетъ его чуть не наизусть;—и тутъ, передъ лицемъ всѣхъ, Г. Достоевскій переиначиваетъ и цѣликомъ повторяетъ фразы Гоголя. Разумѣется, это только однѣ фразы, лишенныя своей жизни; это одно голое подражаніе внѣшности великихъ произведеній Гоголя. Въ этомъ только и состоитъ вся повѣсть: ни смысла, ни содержанія, ни мысли, — ничего. Г. Достоевскій изъ лоскутковъ блестящей одежды художника сшилъ себѣ платье и явился храбро передъ публикой. Не угодно-ли видѣть образчикъ:

Все, по-видимому, и даже природа сама вооружилась противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потеръ себѣ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ, что онъ никакъ не уступитъ, что (если дескать, сударь мой, не хотите на деликатную ногу, то мы и на крутыя мѣры возьмемся. Что, дескать, вотъ какъ-съ, что, дескать, вотъ оно какъ-съ, милостивый мой государь!» Господинъ Голядкинъ чувствовалъ даже, что обязанность его была возстать всѣми силами противъ угрожавшаго бѣдствія, сломить рогъ гордыни, и посрамить непристойную злонамѣренность. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голядкинъ и это чувствовалъ; да какъ за нее взяться, за эту опасность-то? вотъ вопросъ. Даже на мгновеніе мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, «что, дескать, не оставить ли все это такъ, не отступиться ли запросто? Ну, что-жъ! Ну, и ничего. Я буду особо, какъ будто не я (думалъ г. Голядкинъ): пропускаю все мимо; не я да и только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюлитъ, шельмецъ, поюлитъ, повертится, да и отступится. Вотъ оно какъ; Я смиреніемъ возьму. Да и гдѣ же опасность? ну, какая опасность? Желалъ бы я, чтобъ кто-нибудь указалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ опасность? Плевое дѣло; обыкновенное дѣло!..) Здѣсь г. Голядкинъ осѣкся. Слова у него на языкѣ замерли; онъ даже ругнулъ себя за эту мысль; даже тутъ же и уличилъ себя въ низ-

сти, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все-таки не двинулось съ мѣста. (Стр. 339—340).

Право ужъ не мистификація ли это? Не забавляется ли надъ публикой Г. Достоевскій; но это предположить трудно.

Неужели это талантъ? Это жалкая пародія; неужели что-нибудь можетъ возбудить она, кромѣ скуки и отвращенія? Неужъ-то же Г. Достоевскій думаетъ, что схватя эти чужіе пріемы, онъ схватилъ сколько-нибудь чужое поэтическое достоинство? Неужели думаетъ онъ, что въ этомъ есть какая-нибудь заслуга, даже какая-нибудь трудность. Для примѣра и чтобы не искать посторонняго предмета, будемъ продолжать нашу критику языкомъ Г. Достоевскаго:

Пріемы эти схватить не трудно; пріемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить пріемы-то эти. Но дѣло не такъ дѣлается, господа; дѣло-то это, Господа, не такъ производится; оно не такъ совершается, судари вы мои, дѣло-то это. А оно надобно тутъ знаете и това; оно, видите-ли здѣсь другое требуется, требуется здѣсь това, этово, какъ его — другова. А этово-то, другово-то и не имѣется; именно этово-то, и не имѣется; таланта-то, господа, поэтическаго-то, господа, таланта, этакъ художественнаго-то и не имѣется. Да вотъ оно, оно самое дѣло-то, то есть, настоящее вотъ оно какъ; оно именно такъ.

Много можно бы исписать печатныхъ листовъ такимъ языкомъ, но у кого же на это будетъ довольно духу, терпѣнья и... и... храбрости, положимъ.

Говоря о повѣсти Г. Достоевскаго, Двойникъ, можно повторить слова, которыя часто повторяетъ у него Г. Голядкинъ:

Эхъ плохо, плохо! Эхъ плохо, плохо! Эхъ дѣльце-то наше какъ плоховато! Эхъ дѣльце-то наше чего прихватило.

Да точно не хорошо и нехорошаго прихватило.

Если бы не первая повѣсть Г. Достоевскаго, мы никакъ не имѣли-бы терпѣнія прочесть его вторую; но мы сдѣлали это по обязанности, желая что-нибудь найти

въ его повѣсти, и ничего не нашли; она такъ скучна, что много разъ оставляли мы книгу и принимались свова, и насилу насилу прочли её. Конечно, судя по первой повѣсти, мы никакъ не ожидали, чтобъ была такова вторая. Гдѣ талантъ, который видѣли мы въ первой повѣсти? Или его стало только на одну.

Не долго польстилъ надеждою Г. Достоевскій: скоро обнаружилъ онъ себя.

Мы уже не имѣемъ теперь духу сказать: подождемъ, что̀ будетъ далѣе.—

Въ Петербургскомъ Сборникѣ есть статья Г. Искандра, которую мы причисляемъ къ числу умныхъ, замѣчательныхъ. Выпишемъ нѣсколько строкъ.

«Наполеонъ съ содроганіемъ говорилъ о гнусной привычкѣ безпрестанно лгать. Мы лжемъ на словахъ, лжемъ движеніями, лжемъ изъ учтивости, лжемъ изъ добродѣтели, лжемъ изъ порочности; лганье это, конечно, много способствуетъ къ растлѣнію, къ нравственному безсилію, въ которомъ родятся и умираютъ цѣлыя поколѣнія, въ какомъ-то чаду и туманѣ проходящія по землѣ. Между тѣмъ, и это лганье сдѣлалось совершенно естественнымъ, даже моральнымъ, мы узнаемъ человѣка благовоспитаннаго — потому, что никогда не добьешься отъ него, чтобъ онъ откровенно сказалъ свое мнѣніе» (стр. 211.)

Справедливо говоритъ онъ, что чисто прибраны у насъ гостинныя и залы, но не прибраны внутреннія комнаты дома. Замѣчаніе справедливо; а онѣ, эти внутреннія комнаты конечно главныя существенныя комнаты дома. Мы понимаемъ это такъ: хлопочемъ мы о жизни общественной или лучше гостинной, а жизнь семейная часто у насъ забыта или пренебрежена; семейная же жизнь есть неотъемлемая основа и условіе истинно общественной и человѣческой жизни, безъ нея ихъ нѣтъ.

Можно бы сюда отнести и стихотвореніе Г. Некрасова: «Въ дорогѣ»; оно было бы очень хорошо, еслибъ не было мелочныхъ поддѣлокъ подъ Русскую рѣчь, какъ-то: *тотъ, эта, и эти.*

Вотъ все, что̀ есть замѣчательнаго въ Петербургскомъ Сборникѣ.

О переводѣ Макбета мы не говоримъ; объ этомъ надо говорить много и не въ числѣ другихъ произведеній. Благодаримъ Г. Кронеберга за трудъ его.

Все остальное ничто иное, какъ балластъ, годный для той *здоровой толщины*, по выраженію Отеч. Зап., о которой такъ хлопочутъ Петербургскіе литераторы.

Приступимъ къ разбору и этого хлама.

Первое произведеніе, слѣдующее за повѣстью Г. Достоевскаго есть: «Помѣщикъ» Г. Тургенева. О Г. Тургеневъ! Нельзя сказать, чтобъ онъ не совершенствовался: онъ былъ плохъ въ первомъ произведеніи своемъ, подавалъ и въ немъ надежды, и оправдалъ ихъ: онъ пишетъ постоянно плоше и плоше. Но что̀ сказать о его «Помѣщикѣ?» Здѣсь онъ превзошелъ не малыя ожиданія. Это произведеніе такъ ужъ плохо, такой вздоръ; такъ жалко желаніе острить; такъ смѣшно какое-то чувство будто бы превосходства при описаніи выставляемыхъ имъ въ карикатурѣ лицъ, что лучшая критика: прочесть самое произведеніе. Нельзя однакоже не выписать хоть чего нибудь. Вотъ описаніе уѣзднаго бала:

Вообразите вереницу
Широкихъ лицъ, большихъ носовъ,
Улыбокъ томныхъ, башмаковъ
Козлиныхъ, лентъ и платьевъ бѣлыхъ,
Турбановъ, перьевъ, плечъ дебелыхъ,
Зеленыхъ, сѣрыхъ, карихъ глазъ,
Румяныхъ губъ и... и такъ далѣ—
Заставьте барынь кушать квасъ—
И знайте, вы на русскомъ балѣ. (стр. 188).

Каково! «сейчасъ можно видѣть столичную штучку,» сказала бы навѣрно Анна Андреевна въ Ревизорѣ. Вообще въ Петербургскихъ литераторахъ видно чувство аристократическое передъ всѣмъ, что̀ не Петербургъ, чувство *прево-*

сходства, похожее на аристократическое чувство, какъ бы сказать..... людей *служебныхъ* передъ простыми крестьянами.

Г. Тургеневъ оканчиваетъ свой разсказъ, говоря:

Но весело сказать себѣ:
Конецъ мучительной гоньбѣ
За рифмами.... придумать строчку
Послѣднюю, поставить точку,
Подняться медленно, легко
Вздохнуть, съ чернилами проститься—
И передъ вами глубоко,
О мой читатель, поклониться!

Неужели въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ! напрасная надежда: въ этомъ же Сборникѣ еще встрѣчается имя Г. Тургенева.

За Г. Тургеневымъ слѣдуютъ «Капризы и Раздумье» Г. Искандера, о которыхъ мы уже сказали. За ними же: «Парижскія увеселенія», Г. Панаева. Вотъ еще писатель въ родѣ Г. Тургенева, съ большимъ притязаніемъ на юморъ; онъ выставляетъ здѣсь Парижскую чернь, гризетокъ и т. п. Разсказъ его имѣетъ нѣкоторый, довольно впрочемъ ничтожный интересъ; но когда онъ сколько нибудь поднимается выше своего разсказа, когда онъ пускается въ разсужденія, въ юморъ, думаетъ острить — все это выходитъ въ высочайшей степени пошло.—Онъ и Г. Тургеневъ имѣютъ то сходство, что оба желаютъ выставлять въ произведеніяхъ своихъ лица, возбуждающія юморъ; но въ томъ и въ другомъ произведеніи единственное лице возбуждающее юморъ—самъ авторъ. Такимъ образомъ они, если угодно, достигаютъ своей цѣли. (*)

(*) Мы должны указать на появившійся въ I № Современника превосходный разсказъ Г. Тургенева *Хорь и Калинычъ*. Вотъ, что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила! Пока Г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ,—все выходило вяло и безталанно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому не-

Вотъ «Мартингалъ» повѣсть Г. Одоевскаго. Г. Одоевскій любитъ иногда пошутить въ своихъ повѣстяхъ, да кажется, онъ любитъ подшутить и надъ читателями; по крайней мѣрѣ, нельзя объяснить этой повѣсти иначе, какъ шуткою надъ читателями, которые прочтутъ повѣсть и не найдутъ въ ней ровно ничего.

Съ непріятнымъ и грустнымъ чувствомъ прочли мы поэму Г. Майкова. Не того мы ожидали отъ него, прочитавши въ прошломъ году вышедшую поэму его подъ названіемъ *Двѣ Судьбы*. Кстати поговоримъ о ней, и прежде всего напомнимъ ея содержаніе. Нинета, Италіянка, любитъ съ дѣтства Италіянца Карлино, не понимая, что эта любовь — дружба. Въ Италіи въ это время путешествуетъ Русскій, Владиміръ, какъ водится, съ блѣднымъ челомъ, съ подавленными страстями,—однимъ словомъ, человѣкъ знакомый. Онъ приходитъ къ Карлино, любуется имъ и Нинетою, говоритъ, что онъ желалъ бы быть на мѣстѣ Карлино, былъ бы счастливъ.... Нина почувствовала вдругъ, что ея любовь къ Карлино есть только привычка, что онъ съ дѣтства былъ ей братомъ. Она начинаетъ любить Владиміра. Страсть ея усиливается, когда Владиміръ раскрываетъ ей свою душу, разочарованную въ новомъ, и то же отчасти Лермонтовскомъ, родѣ. Нина любитъ: такъ хотѣлъ представить сочинитель; но въ любви ея есть разсужденіе, есть мысль помирить *его* съ существованіемъ; намъ кажется это уже не цѣльнымъ чувствомъ; хотя это желаніе и можетъ привязываться къ любви, но со стороны. Владиміръ узнаетъ о чувствѣ Нины и хочетъ ѣхать, чтобы не смущать ея болѣе. Она приходитъ больная къ нему, рѣшается слѣдовать за нимъ въ Россію; является Карлино, завязывается ссора; Карлино убиваетъ Нину, зоветъ народъ и обвиняетъ Вла-

---

бывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ, мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ Г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ!

диміра въ убійствѣ. Его берутъ.— Черезъ неизвѣстно сколько времени, Владиміръ въ Россіи, живетъ въ деревнѣ, и отличный гастрономъ; изъ журнала узнаетъ онъ, что Карлино, атаманъ разбойниковъ, пойманъ и приговоренъ къ смертной казни; Владиміръ сравниваетъ свою судьбу съ его судьбой; говоритъ: «чѣмъ же лучше я,» и потомъ объявляетъ Павлушкѣ:

За ужиномъ я гуся буду ѣсть,
Да сыръ. Въ ѣдѣ спасенье только есть.

Завязка, содержаніе — пустое. Но въ этомъ произведеніи есть мысль, или намѣреніе сказать мысль, которая конечно выразилась нисколько не художественно, но на которую стоитъ обратить вниманіе. Россія и западное образованіе, этотъ неизбѣжный вопросъ, является и здѣсь. Владиміръ—Русскій; онъ, также, какъ и другіе, увлеченъ и проникнутъ Западомъ. Но онъ вмѣстѣ человѣкъ живой; въ немъ видна, убѣгающая отъ всѣхъ теорій, любовь къ Русской землѣ. Сверхъ того, и мысль его смущена ея прошедшимъ, полнымъ жизни (по его собственному признанію). Недоумѣніе это есть уже большой шагъ къ истинѣ. Онъ сравниваетъ древнюю Русь съ настоящимъ нашимъ поколѣніемъ и удивляется страшной разницѣ, страшной апатіи, царствующей между нами. Онъ не рѣшаетъ вопроса. Что въ нашемъ поколѣніи есть апатія—это правда; но понятна тому причина. Такою апатіею и блѣдностію, такимъ жалкимъ эгоизмомъ, — съ одной стороны животнымъ и безчувственнымъ, съ другой идеальнымъ, сухимъ, иногда тоже довольнымъ красивою своею позою, иногда, у болѣе живыхъ людей, возмущаемымъ чрезъ сомнѣніе, вопросъ, желаніе чего-то лучшаго, — этою апатіею и эгоизмомъ казнятся люди Русскіе за презрѣніе къ народной жизни, за оторванность отъ Русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права назы-

вать себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Спѣсивое невѣжество противополагаютъ они всей древней, всей остальной, и прежней и нынѣшней, Руси, — гордость учениковъ, ставящихъ себя въ свою очередь въ учители. Мы похожи на растѣнія, обнажившія отъ почвы свои корни: мы сохнемъ и вянемъ. Но насъ спасаетъ глубокая сущность Русскаго народа, и тотъ виноватъ самъ, кто не обратится къ ней. — Владиміръ у Г. Майкова задумывается и любитъ Русь, — и вотъ почему мы отличаемъ это произведеніе отъ другихъ. Какъ скоро чувство истинно, какъ скоро оно свободно отъ авторитета, оно найдетъ истинную дорогу и возвратится изъ отвлеченности эгоизма къ жизни, живой, народной. Прибавимъ, что только эта дорога можетъ спасти отъ катастрофы гуся и сыра, которою оканчивается поэма Г. Майкова.

Не смотря на то, что между прекрасными стихами встрѣчаются въ ней и плохіе, что въ самыхъ мелочахъ обнаруживается часто незнаніе Русскаго быта (на прим. *костоломный паръ* — противно пословицѣ, пристяжныя въ бѣговыхъ дрожкахъ, и проч.); хотя видно, что идея народности для Г. Майкова совсѣмъ не ясна, ибо онъ полагаетъ ее между прочимъ въ предпочтеніи Казанскаго Собора храму св. Петра, и по этому боится въ ней исключительности, и боится напрасно, ибо эта исключительность ей не свойственна и не принадлежитъ; — не смотря на все это, мы видѣли въ этой поэмѣ зародышъ многаго прекраснаго; въ ней затрогивались серьезные вопросы. Далеко не оправдалъ Г. Майковъ надеждъ, которыя мы на него полагали: его поэма въ Петерб. Сборникѣ представляетъ не болѣе, какъ вялый, избитый стихъ и такое же содержаніе. Есть нѣсколько поэтическихъ стиховъ; вотъ они:

Василій Тихонычъ открылъ окошко
Другое въ садъ — и вѣтерокъ съ кустовъ,

Какъ мальчикъ милый, но шалунъ немножко,
Его тихонько ждавшій межъ цвѣтовъ,
Пахнулъ въ лицо ему, въ покой прорвался,
Соръ по полу и легкій пухъ погналъ,
На столикѣ въ бумагахъ пошепталъ,
И въ комнатѣ сосѣдней потерялся.
(стр. 397.)

И только. Все остальное скучно и вяло. Г. Майковъ становится въ рядъ скучныхъ стихотворцевъ, пожалуй даже такихъ, каковъ знаменитый уже въ этомъ родѣ Г. Тургеневъ.

Онъ легокъ на поминѣ; вотъ его прозаическая повѣсть, гдѣ предметомъ повѣствованія — гнилой, безстыдный и презрѣнный человѣкъ, отъ котораго развѣ можно отворотиться. Повѣсть достойна сюжета.

А вотъ и Г. Никитенко. Мы разобрали довольно подробно его Опытъ Исторіи Русской Литературы. Онъ себѣ вѣренъ, и его статья написана въ такомъ же родѣ. Напр.

«Слава мужей, украшенныхъ классическою доблестію воли, этимъ дивнымъ сліяніемъ простоты и величія, коимъ мы, маленькіе великіе люди своего поколѣнія, едва умѣемъ вѣрить.» (стр. №91.)

Это что́ значитъ? Г. Никитенко причисляетъ себя къ *маленькимъ великимъ людямъ*. — Открытіе замѣчательное; отнынѣ мы будемъ знать, кто онъ. Выпишемъ слѣдующее мѣсто:

«Но чтожъ итальянскаго въ этой безсмертной эпопеѣ, объемлющей всю судьбу, всю вѣчную будущность новаго, искупленнаго человѣка? (стр. №96.)

Въ поэмѣ Данта конечно общее человѣческое содержаніе; всякой, кто читалъ его, это знаетъ; но въ тоже время въ ней лежитъ рѣшительно характеръ Италіи. *Маленькій великій человѣкъ ошибся.*

Вотъ еще:

«Очевидно, что народность должна была отказаться отъ многихъ изъ своихъ притязаній въ искусствѣ, развившемся подъ вліяніемъ этихъ новыхъ началъ. Она не можетъ уже исключительно наполнять собою содержанія произведеній, какъ это было у Грековъ, но

служить единственнымъ источникомъ вдохновенія для художника.» (стр. 497.)

Хотя конечно есть разница очень понятная, естественная и разумная между стихіями искусства; но искусство всегда и на Востокѣ и въ Греціи имѣло своимъ содержаніемъ общее, человѣческое. *Маленькій великій человѣкъ* опять ошибся.

О мелкихъ стихотвореніяхъ: Тургенева, Майкова, Некрасова и Соллогуба говорить не стоитъ.

Въ заключеніи помѣщена статья о Русской Литературѣ Г. Бѣлинскаго.

Г. Бѣлинскій въ статьѣ, въ которой въ сотый разъ повторяется повторявшееся прежде въ О. З., открываетъ между прочимъ новости, конечно извѣстныя ему одному, ибо они не извѣстны исторіи, именно:

«Реформа Петра Великаго не уничтожила, не разрушила стѣнъ, отдѣлявшихъ въ старомъ обществѣ одинъ классъ отъ другаго, но она подкопалась подъ основаніе этихъ стѣнъ, и если не повалила, то наклонила ихъ на бокъ.» (стр. 519.)

Это точно новость! На дѣлѣ это совершенно на оборотъ. Петръ не только не пошатнулъ стѣнъ между сословіями, но онъ-то и построилъ ихъ. Въ старину до Петра Великаго, ихъ вовсе не было. Для этого слѣдуетъ заглянуть не въ Исторію Карамзина только, а въ лѣтописи, и граматы, въ акты историческіе, которыхъ вышло и продолжаетъ выходить множество. Можно бы заглянуть и въ иностранныя сочиненія о Россіи, въ Дневникъ Маскѣвича напр. и т. д. Но видно Санктпетербургскіе литераторы плохо знаютъ Русскую Исторію; да и когда имъ; они хлопочутъ о дородствѣ журналовъ и сборниковъ. Во всякомъ случаѣ Г. Бѣлинскій обнаружилъ такими словами свое собственное невѣжество.

Интересно также въ статьѣ Г. Бѣлинскаго названіе Ломоносова — мѣщаниномъ, а онъ былъ рыбакъ крестьянинъ. Кто этого не знаетъ? Но, вѣроятно, Г. Бѣлинскому захотѣлось хотя сколько нибудь повысить его. Его кресть-

янство, можетъ быть, казалось ему слишкомъ уже низкимъ сословіемъ для литератора.

Но тутъ есть вещи и истино дѣльныя, именно: Г. Бѣлинскій говоритъ о необходимости національности въ поэтѣ, объ успѣхѣ Гоголя въ Европѣ, (которымъ опровергнуты О. З., ибо они говорили прежде, что Гоголь Европейскаго интереса не имѣетъ). Справедливы также слѣдующія строки, противорѣчащія тоже О. З.

«Въ будущемъ, мы, кромѣ побѣдоноснаго русскаго меча, положимъ на вѣсы европейской жизни еще и русскую мысль.....» (стр. 536.)

Но остальное, какъ сказали мы, есть болтовня, повтореніе столько разъ повторявшейся болтовни о Русской Литературѣ, болтовни, которую встрѣчали мы въ Отечественныхъ Запискахъ.

Начертаніе житія и дѣяній Никона, Патріарха Московскаго и всея Россіи. Сочиненіе Новоспасскаго первокласснаго Ставропигіальнаго монастыря Архимандрита Аполлоса. Изданіе четвертое, вновь исправленное и дополненное. Москва. 1845.

Кто проникнутъ чувствомъ благочестиваго уваженія къ нашей до-Петровской старинѣ, кто понимаетъ необходимость сблизиться съ нею, оправдать ее отъ близорукихъ упрековъ и долгаго забвенія, тотъ не можетъ не радоваться появленію книги, писанной въ томъ же духѣ, будь она ученое розысканіе, художественное произведеніе, или простой историческій разсказъ минувшаго событія. Ибо не столь необходимо оправданіе старины, не столько нужна наука историческая, сколько историческая память, возстановленіе живаго преданія. Въ этомъ отношеніи книга Архимандрита Аполлоса: Начертаніе житія и дѣяній Никона, по самому содержанію и по цѣли своей заслуживаетъ вниманія и признательности. Но особенно утѣшительно видѣть, что эта книжка выходитъ четвертымъ изданіемъ, слѣдовательно она имѣла успѣхъ, и что авторъ не удовольствовался первымъ опытомъ, но постоянно и съ любовью изучая свой предметъ, исправлялъ и дополнялъ ее всѣми свѣдѣніями, имъ самимъ постепенно собираемыми, всѣми матеріялами, которыхъ въ послѣднее время было издано такъ много. Къ послѣднему изданію приложена пере-

писка Патріарха Никона съ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, важнѣйшія граматы, снимки съ руки Никона, изображеніе его печатей и портретъ Никона во весь ростъ (*).

Въ предисловіи своемъ авторъ объявляетъ « что онъ не распространялся о томъ, о чемъ еще предоставлено исторіи изслѣдовать и не принималъ на себя рѣшенія политическихъ задачъ Іерархическаго поприща Никона, соприкосновеннаго Двору и Государству. Первымъ побужденіемъ къ первому изданію въ свѣтъ сей книжки » говоритъ авторъ « было желаніе любопытныхъ посѣтителей Воскресенскаго монастыря знать судьбы знаменитаго его основателя. » Изъ этого можно извлечь, чего мы въ правѣ требовать отъ разбираемой нами книги. Мы не найдемъ въ ней ни критическаго изслѣдованія достовѣрности обвиненій взведенныхъ на Никона и событій того времени, въ которыхъ онъ принималъ участіе, ни разъясненія двухъ великихъ вопросовъ о Формѣ управленія Церковнаго, и объ отношеніи власти духовной къ власти гражданской, составлявшихъ существенное содержаніе великой тяжбы Царя и Духовенства съ Патріархомъ. Авторъ ограничивается простымъ разсказомъ того, что̀ было, или лучше того, что̀ дошло по преданію о жизни и дѣяніяхъ Никона; онъ не судитъ, а передаетъ.

Первое условіе такого рода біографіи есть полнота. Все, что̀ сохранилось о лицѣ въ письменныхъ памятникахъ и въ живомъ преданіи, все относящееся до его частной жизни и общественнаго служенія должно быть

(*) Намъ извѣстны четыре портрета Никона. Два въ атласѣ къ изданію путешествія Мейерберга, во весь ростъ; одинъ, приложенный къ первымъ изданіямъ книги Архимандрита Аполлоса, грудной, и наконецъ приложенный къ четвертому ея изданію. Всѣ они нарисованы плохо и нисколько между собою не сходны. Желательно бы знать, съ какихъ подлинниковъ они срисованы, и который изъ четырехъ рисунковъ вѣрнѣе.

собрано и изложено въ порядкѣ. Этому требованію вполнѣ удовлетворяетъ Начертаніе житія и дѣяній Никона. Оно гораздо короче книги Шушерина и слѣдовательно не заключаетъ въ себѣ многихъ подробностей, сохраненнымъ вѣрнымъ клирикомъ Никона, но за то несравненно полнѣе; причины негодованія Алексѣя Михайловича на Никона, ссоры Никона съ приближенными Царя, наконецъ Исторія книжнаго исправленія, въ книгѣ Архимандрита Аполлоса изложены кратко, но все таки въ соразмѣрности съ остальнымъ; тогда какъ Шушеринъ почти не упоминаетъ объ этихъ важныхъ предметахъ по весьма простой причинѣ: онъ записывалъ только то, что̀ видѣлъ самъ или слышалъ отъ другихъ.

Полнота содержанія есть первое, но не единственное требованіе; перечень событій въ порядкѣ и безъ пропусковъ иногда сто̀итъ многихъ трудовъ, но не высоко цѣнится; это только отрицательное достоинство. Изъ собранныхъ данныхъ надобно умѣть создать живое цѣлое, вызвать человѣческій образъ, доступный представленію читателей и способный привлечь ихъ сочувствіе. Этого требуетъ цѣль, съ которою писана разбираемая нами книга. «16 лѣтъ правя монастыремъ Никона въ званіи Архимандрита, я возревновалъ сохранить память знаменитаго строителя таинъ и храма» говоритъ авторъ въ предисловіи къ третьему изданію; а память народная удерживаетъ одушевленныя черты, живое слово, характеристическія примѣты лица. Всякому занимавшемуся изученіемъ какого-нибудь періода по источникамъ, знакомо радостное ощущеніе при встрѣчѣ живой рѣчи, переданной цѣликомъ, живописнаго, вѣрнаго эпитета, и гдѣ нибудь случайно уцѣлѣвшаго слѣда живаго человѣка. Эти драгоцѣнныя подробности, по-видимому маловажныя, мгновенно сближаютъ читателя съ минувшимъ событіемъ, знакомятъ его съ давнопочившимъ лицемъ, облекаютъ собственное имя въ образъ, навсегда врѣзывающійся въ память.

Можетъ быть, намъ возразятъ, что художественное воспроизведеніе исторической личности предполагаетъ даръ художественнаго творчества, который дается не многимъ, и потому высказанное нами требованіе можетъ показаться неумѣстнымъ; но мы именно въ этомъ случаѣ предъявили его потому только, что біографъ Никона имѣлъ подъ рукою драгоцѣнные матеріялы, письма Никона и записки современника его, клирика Шушерина, исполненныя живыхъ, самыхъ занимательныхъ подробностей. Чтобы создать изъ нихъ живую характеристику, не нуженъ былъ даръ художественнаго творчества; достаточно было одного художественнаго чувства, способности оцѣнить разсказъ современника и выбрать изъ него тѣ подробности, которыя даютъ предмету колоритъ и выпуклость. Авторъ могъ это сдѣлать—въ этомъ убѣждаетъ насъ его прекрасное изложеніе, проникнутое теплымъ чувствомъ. Чтобы яснѣе показать, чего бы мы желали и чего нѣтъ въ его книгѣ, мы выпишемъ изъ нея нѣкоторые отрывки, и противъ нихъ подлинныя сказанія Шушерина, изъ коихъ они извлечены.

Вотъ какъ разсказана у Шушерина первая размолвка Никона съ Царемъ:

«По малѣ времени пришествія своего въ монастырь Воскресенскій, яко лѣто едино, или годичное время прежившъ, присылаетъ къ нему Благочестивый Царь ближняго своего человѣка, возвѣщая ему нашествіе иноплеменныхъ Крымскихъ Татаръ, яко уже приходятъ близъ Россійскаго государствія, а тебѣ де отцу нашему и богомольцу отъ таковаго нашествія въ семъ новомъ и пустомъ мѣстѣ, въ монастырѣ Воскресенскомъ, спастися и отсидѣть не возможно; понеже тогда еще монастырь Воскресенской начася, и имѣяй ограду малу и не крѣпку, и чтобы изволилъ по совѣту Благочестиваго Государя Царя итти, для таковаго нахожденія иноплеменныхъ, въ Макаріевъ Калязинъ Монастырь; понеже той монастырь давной, и устроенъ каменнымъ ограждениемъ крѣпко. Святѣйшій Патріархъ глаголъ къ присланному: повѣсти Благочестивѣйшему Государю Царю о семъ, яко азъ въ Калязинъ монастырь нейду, лутче мнѣ быть въ Зачатейскомъ монастырѣ, въ Китаѣ градѣ въ углу, нежели въ Калязинѣ монастырѣ; а есть у меня и безъ Калязина монастыря за милость величкаго Бога, и его

государскою милостію свои монастыри крѣпкіе, Иверскій и Крѣстный, и я доложася съ Великимъ Государемъ пойду въ свои монастыри, и нынѣ возвѣсти Великому Государю, яко иду въ Москву о всякихъ нуждахъ своихъ доложиться съ Великимъ Государемъ. Посланный же рече: про которой де Святѣйшій Патріархъ монастырь Зачатейскій изволилъ говорить, что лутче Калязина монастыря? Святѣйшій же Патріархъ рече: тотъ, что из Варварскомъ, крестцѣ подъ горою у Зачатія, бѣ бо тогда въ томъ мѣстѣ подъ горою большая тюрма. Онъ же присланный глагола: яко тамо токмо большая тюрма, а не монастырь. Святѣйшій же глагола: яко тотъ и Зачатейскій монастырь; и абіе присланный съ благословеніемъ и съ сими словесы пойде въ путь свой.»

Въ книгѣ Аполлоса этотъ случай разсказанъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ монастырѣ добровольный изгнанникъ находился до нечаяннаго нашествія Крымскихъ Татаръ на Россію. Когда хищные Крымцы вторгнулись въ Малороссію, чтобы грабить подъ видомъ стрѣлковъ Витовскихъ и Хмѣльницкаго, потомъ устремились на великую Россію: то слухъ сей обратилъ мысли Государя къ Никону; Царь встревожился опасностію, угрожавшею Патріарху въ беззащитномъ монастырѣ, послалъ къ нему одного изъ приближенныхъ къ себѣ вельможъ, съ предложеніемъ на время удалиться въ Макаріевъ Калязинъ монастырь, укрѣпленный каменною оградой. Но Никонъ почелъ это вѣстію о заточеніи, отвергъ царское предложеніе и рѣшился ѣхать въ Валдайскій, Иверскій и Онежскій крѣстные монастыри, гдѣ пробылъ болѣе года въ трудахъ пустынныхъ.»

Выписываемъ изъ Шушерина отрывокъ объ удаленіи Никона:

«Святѣйшій Патріархъ восхотѣ дати гнѣву мѣсто, оставляетъ свой пастырскій престолъ и жезлъ архіерейскій въ Соборной и Апостольской Успенія Пресвятыя Богородицы церкви въ день торжественный, вонь же празднуютъ положенія Ризы Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, еже есть Хитонъ, мѣсяца Юлія въ 10 день; Благочестивому же Царю посылаетъ рукописаніе свое, еже бы ему пожаловалъ гдѣ келію на сожитіе себѣ. Благочестивый же Царь, увѣдавъ о семъ, посылаетъ къ нему ближняго своего боларина Князя Алексія Никитича Трубецкаго въ Соборную церковь; ибо народи видящіе сіе необычное дѣло, многъ плачъ и рыданіе сотвориша, и не испущаху его изъ Соборныя церкви, ближній же боларинъ пришедъ и видѣ Святѣйшаго Патріарха въ черномъ клобукѣ, и посту пятерицу въ рукѣ имуща, глагола ему царевымъ словомъ: повелѣ[illegible]ъ есть Великій Государь тебѣ возвѣстити, почто де ты просишися [illegible]ъ келью, есть

де у тебя кельи твоего строенія на патріаршемъ дворѣ. Не мои суть тѣ кельи, кому Государь благоволитъ, тому и жить въ нихъ, неже же дабы пожаловалъ Великій Государь, отпустилъ въ кій либо монастырь. Боляринъ же паки иде ко Благочестивому Царю, и тамо паче бывъ, паки вторицею пріиде, такожде глагола ему, еще же и се прирече глагола: Великій Государь велѣлъ у тебя Святѣйшаго Патріарха вопросити, нѣтъ ли тебѣ какой ссоры на Великаго Государя, или какихъ наносныхъ рѣчей, изволь возвѣстити? Онъ же глагола ему: ни ссоры, ни наносныхъ рѣчей мнѣ никакихъ на Великаго Государя и ни на кого нѣтъ, но оставляю престолъ свой, вѣдая своя къ Богу согрѣшенія многая, ибо многихъ ради грѣховъ моихъ адѣ въ царствующемъ градѣ многіе моры и войны быша и вся злая грѣхъ ради моихъ, и того ради оставляю престолъ свой. И тако паки вторицею боляринъ отъиде ко Царю. Благочестивыи же людіе церковныя двери крѣпко держаху, дабы имъ изъ церкви не испустити его, и кельи же о семъ плакаху, яко лишахуся своего пастыря и учителя и тако держаху его въ церкви, и чающе пришествія царскаго.—Святѣйшій же Патріархъ сѣдяще на нижней степени своего мѣста, иже есть посредѣ церкви, къ западнымъ церковнымъ дверемъ, и часто востая хотяше изъ церкви изыти, народи же не даяху ему исхода плачуще, онъ же, видя слезы ихъ, и самъ прослезился. Паки же пріиде третіе оный боляринъ со инѣми глаголя: Великій Государь указалъ тебѣ сказать, гдѣ ты изволишь, тамо тебѣ монастырь и келіи изберн. И тако Святѣйшій Патріархъ поклонися предъ бояриномъ, глаголя: челомъ бью Великому Государю на его государской милости, и тако изыде изъ соборной церкви, и обрѣте внѣ соборныя церкви извозника съ колесницею, бѣ бо на то уготовано, и хотяше на колесницу возсѣсти, бѣ бо грязь во оно время на Ивановской площади, народи же видяще сіе, растерзающе телѣгу, и супонь разрѣзаша и коня распрягоша.—Святѣйшій же Патріархъ, видя яко не даяху ему на колесницу возсѣсти, пойде по Ивановской площади и по грязи пѣшъ, привезоша же ему тогда и карету, онъ же не взыде на ню, народи же многи послѣдующе ему, и абіе во вратѣхъ града Спасителевыхъ паки врата затвориша, не пускающе его изыти, онъ же сѣде во единой печурѣ, и ту многи плакахуся его, яко оставляетъ пастырь овецъ, и абіе пріидоша сановницы царстіи ко вратомъ, и тогда врата отверзоша. Святѣйшій же Патріархъ востав иде паки пѣшъ Красною площадью и Ильинскимъ крестцемъ даже до Воскресенскаго своего подворья, народи же множество возслѣдоваша ему, угнѣтающе его и плачуще, онъ же пришедъ на Воскресенское свое подворье, и вниде въ свои кельи, яже суть на подворьѣ, и благословивъ всѣхъ и миръ подаде народу, и тако разыдошася во своясн.»

Въ книжкѣ Архимандрита Аполлоса мы читаемъ:

«Патріархъ, огорченный симъ, тогожъ Іюля 10, по совершеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, громко произнесъ, что онъ «нынѣ уже «не Патріархъ Московскій, а пасомый, какъ грѣшникъ и недостойный.» Поставивъ у иконы Владимірской посохъ Святителя Петра, онъ снялъ съ себя одежды святительскія, не смотря на моленіе клира и народа, и надѣвъ на себя простую монашескую мантію, написалъ въ ризницѣ письмо къ Царю объ отшествіи своемъ, и сѣвъ на ступени амвона въ храмѣ, ожидалъ отвѣта. Смятенный Государь послалъ князя Трубецкаго увѣщевать его, но увѣщатель былъ изъ числа враговъ его. Народъ плакалъ, но оскорбленный и непреклонный Никонъ не пошелъ уже въ кельи патріаршія, а отправился пѣшій изъ Кремля на Иверское подворье, и оттуда, не дождавшись дозволенія царскаго, уѣхалъ въ обитель Воскресенскую.»

Далѣе вотъ какъ повѣствуетъ Шушеринъ о вторичномъ выѣздѣ Никона изъ Москвы:

«По семъ Святѣйшій Патріархъ, призвавъ Митрополита Ростовскаго и Архимандрита Воскресенскаго, посылаетъ ихъ къ Великому Государю въ верхъ, и повелѣ возвѣстити о себѣ, яко, рече, миръ и благословеніе принесе Великому Государю и всему его царскому дому, и всему царствующему граду. Они же убо послушавше его, идоша и возвѣстиша Благочестивому Царю по его повелѣнію. Благочестивый Царь посылаетъ по властей и по благородныхъ своихъ боляръ наскоро, и которіи прилучилися, ту совѣтуетъ Великій Государь съ ними о пришествіи Святѣйшаго Патріарха. Они же отвѣщаша, рекоша, дабы вопросити его, чесо ради пришелъ есть, и за каковымъ дѣломъ. Тогда Благовѣрный Царь посылаетъ ко Святѣйшему Никону Патріарху боляръ своихъ, князя Никиту Одоевскаго, съ протчими, дабы вопросити его. Они же пришедше въ церковь вопрошаху его. Отвѣщавъ Святѣйшій и глагола имъ, яко миръ и благословеніе Великому Государю и дому его царскому, и всей своей паствѣ принесе. Они же слышавше сія, паки возвратишася къ Великому Государю. Благочестивый же Царь, услышавъ сія словеса, паки совѣтуетъ, что ему отвѣщати. Архіереи же и царскій синклитъ совѣтуютъ, дабы отслати его въ Воскресенскій монастырь, не видѣвъ лица царскаго. Тогда Благовѣрный Царь благоволи сему ихъ совѣту тако быти, пойдоша же къ нему паки архіереи и боляре глаголюще, и повелѣвающе ему Святѣйшему итти въ Воскресенскій монастырь. Отвѣщавъ же Никонъ Патріархъ глагола имъ: хощу, рече, видѣти лице царское и благословити домъ его. Они же укориша его, яко неправедно въ нощи пришедша, и рѣша ему, яко царскаго лица тебѣ видѣти въ нощи не возможно, понеже у Великаго Государя, ко Святѣйшимъ вселенскимъ Патріархомъ, и о пришествіи ихъ къ Москвѣ, писано есть и послано,

и ожидаетъ пришествія ихъ вскорѣ, и за тѣмъ убо видѣти лица царскаго до Вселенскихъ Патріарховъ не возможно. Тогда Святѣйшій Патріархъ глагола имъ: да возвѣстятъ еще Великому Государю, яко, рече, требую его видѣти ради нуждныхъ великихъ дѣлъ. Они же отсылаху до Вселенскихъ Патріарховъ. Вся же сія содѣяшася во время утреннято пѣнія, едва же послушавше его пондоша въ третіе къ Великому Государю, и сказаша слово его. Великій же Государь повелѣ паки да идетъ въ Воскресенскій монастырь, сія бѣ уже но утрени въ той же соборной церкви. Святѣйшій же Патріархъ, слышавъ таковое повелѣніе, пойде ко святымъ иконамъ знаменоватися, по семъ же исходя изъ церкви, взявъ съ собою и жезлъ Петра Митрополита, и сѣде въ свои сани. За нимъ же Великій Государь прислa боляринa своего князя Дмитрія Долгорукова, и съ нимъ полковника и стрѣльцовъ. Никонъ же, возсѣдая въ сани свои, оттрясе прахъ отъ ногъ своихъ, глагола Господне словеса: идѣ же аще не пріемлютъ васъ, изходяще изъ града того, прахъ прилѣпшій къ ногамъ вашимъ оттрисите во свидѣтельство нами, чесо ради и прахъ прилѣпшій къ ногамъ вашимъ оттрясаемъ вамъ. Полковникъ же нѣкій глагола ему: мы убо прахъ сей подметемъ. Тогда глагола ему Святѣйшій Никонъ: размететъ убо васъ сія метла, явльшаяся на небеси хвостовая звѣзда, иже нарицается комета, бѣ бо въ то время явльшеся сія на небеси, и по семъ пондоша на каменный мостъ, и въ Никицкія врата до свѣта за малый часецъ. Провождаху же его тіи же предпомянутые полковники и боляринъ, и егда изыдоша изъ вратъ до земляного града, тогда боляринъ повелѣ стати для дѣла Великаго Государя. Святѣйшій же Патріархъ ставъ, ожидаше рѣченнаго имъ. Оный же боляринъ глагола титло царево, и по окончаніи титла рече: велѣлъ у тебе Святѣйшаго Патріарха Благочестивый Царь благословенія и прощенія просити. Святѣйшій же Патріархъ глагола ему: Богъ проститъ его Великаго Государя, аще не отъ него смута сія. Боляринъ же вопроси его, глаголя: какая смута—повѣждь ми? Онъ же глагола о пришествіи своего, рече: аще невиненъ Великій Государь въ семъ моемъ пріѣздѣ, и безъ его воли сіе было, и его Богъ проститъ и благословитъ, возвѣсти тако Великому Государю. Боляринъ же возвратився во градъ, Святѣйшій же путешествова въ село свое Чернево. Егда же боляринъ пріиде къ Великому Государю возвѣсти ему вся сія, и яко жезлъ Петра Митрополита Никонъ съ собою взявъ, жезла же того еще ему сущу въ церкви прошаху ключари, онъ же не даде имъ, глаголя: яко азъ поставихъ, азъ и взяхъ, что̀ вамъ до сего. Великій же Государь паки совѣтуетъ со архіереи и съ синклитомъ своимъ, вoеже послати во слѣдъ его, и аще той жезлъ, сирѣчь посохъ, несетъ водіакъ, и у него отняти, аще же у самаго въ саняхъ или въ рукахъ, то убо просить честію, вопросити же и о семъ, еже онъ рекъ есть боляринy Долгорукову за земляным городомъ прощающій Великаго

Государя, и про какую онъ смуту сказалъ, а дондеже не скажетъ и жезла не отдастъ, никако же отъ него неисходимымъ быти.»

Выписываемъ разсказъ Архимандрита Аполлоса:

«Святитель послалъ Митрополита съ архимандритомъ своимъ увѣдомить Царя о своемъ прибытіи. Въ это время Государь за нѣсколько шаговъ отъ собора слушалъ утреню въ теремной церкви, и въ недоумѣніи созвалъ ближнихъ бояръ и духовныхъ властей, которые убѣдили его не принимать Патріарха, а только взять отъ него грамоту, въ коей описывалъ свое видѣніе, для сего присланы Князья Одоевскій и Долгорукій съ Митрополитомъ Павломъ, объявить ему Государево повелѣніе ѣхать обратно въ свою обитель, въ ожиданіи суда Вселенскихъ Патріарховъ. Онъ вышелъ изъ собора, но взялъ съ собою посохъ Петра чудотворца, въ доказательство того, что не съ клятвеннымъ отреченіемъ оставилъ свой престолъ. Выступая изъ городскихъ воротъ, онъ отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, озлобленные сими враги поставили ему въ вину такой поступокъ. Когда донесли о томъ Государю, онъ послалъ въ слѣдъ за нимъ въ село Чернево, отобрать отъ него посохъ и спросить о причинѣ пришествія въ Москву.»

Наконецъ самая торжественная минута, появленіе Никона на судъ, разсказана у Шушерина слѣдующимъ образомъ:

«Пріидоша отъ царскаго величества и отъ Вселенскихъ Патріарховъ, и отъ всего освященнаго собора посланніи, Арсеній Архіепископъ Псковскій, Александръ Епископъ Вяцкій, Суздальскій Архимандритъ Павелъ, Ярославскій Архимандритъ Сергій, и иніи мнози отъ освященнаго чина. Вшедшимъ же имъ по обычаю, и по молитвѣ сѣдшимъ, и мало бесѣдовавшимъ, по семъ восташа и начаша глаголати Святѣйшему Патріарху: яко царское величество, и Святѣйшіе Вселенскіе Патріархи и весь освященный соборъ призываютъ тя на соборъ. Святѣйшій же Никонъ, слышавъ сіе, рече: яко азъ готовъ есмь, и абіе востав хотяше итти, повелѣ же предъ собою нести крестъ Господень нѣкоему монаху Анагіосту, именемъ Марку. Видѣвше же посланніи звателіе, яко на соборъ хощетъ итти со крестомъ, удержаша его и рѣша ему, яко тако не достоитъ ти на соборъ сей итти со крестомъ, понеже сей соборъ не инославныхъ, но есть православный. Святѣйшій же Патріархъ о святѣмъ и животворящемъ крестѣ, о силѣ и о побѣдѣ его многая изрече отъ божественныхъ писаній. Они же о семъ ни мало ослабѣвающе, и глаголюще ему: да идетъ безъ креста. Святѣйшій же Никонъ такожде крѣпляшеся, и безъ честнаго креста итти не хотяше. По семъ посланніи послаша вѣстниковъ на соборъ ко благочестивому Государю Царю, и протчимъ о семъ возвѣстити, яко Патріархъ Никонъ идетъ на соборъ со крестомъ, а

безъ креста итти не хощетъ, и оттуду паки къ посланнымъ послани быша имѣи вѣстницы, повелѣвающе имъ о семъ ему неослабно глаголати, дабы шелъ безъ креста. И тако въ томъ словопреніи мало изъ внутренней келіи выступивше въ преднюю и паки посланніи такожде стужаху ему неизмѣнно, яко да оставитъ крестъ и шествуетъ просто: и тако сотворше въ сѣнехъ и на крыльцѣ верхнемъ, конечнѣе же на нижнемъ крыльцѣ, остановивше его и стужаху ему со многою зѣльностію. Святѣйшій же Никонъ о семъ ни мало ослабѣвая бяше, но вся отвѣтствоваше отъ божественнаго писанія, елико Духъ Святый подаваше глаголати. Скороходцы же съ собору къ нимъ, такожде и отъ нихъ на соборъ, непрестанно прескачуще и о всемъ возвѣщающе: и тако премедлиша многое время. Видѣвше же, яко не можаху его симъ одолѣти, пріидоша паки вѣстницы отъ собора, ослабивше ему итти со крестомъ. Святѣйшій же Никонъ сѣде въ сани свои, на нихъ же изъ обители пріиде, и иде на соборъ, предъидущу же предъ нимъ честному кресту Господню, отъ онаго же двора, идѣ же бѣ Святѣйшій Никонъ, даже и до церкви Святаго Благовѣщенія, иже въ верху, и весь Кремль тако много народу собравшуся, яко съ трудомъ многимъ точію путь единъ даяху народи. Егда же пріиде Святѣйшій Патріархъ противо соборныя церкви, бяше же во оно время пѣнія святыя литоргіи и южныя церковныя двери отверсты, и восхотѣ во святую церковь итти, и тогда абіе оныя двери затвориша отъ него. Онъ же видѣвъ сіе, сотвори поклоненіе ко святѣй церкви, и пока сѣде во оныя сани и тако пріидоша близъ церкви святаго Благовѣщенія, и тамо стояху сани Вселенскихъ Патріарховъ украшены всякимъ украшеніемъ, и кони два впряжены величайшіе и обвѣшены собольми, Святѣйшаго же Патріарха бяху худѣйшія сани и малѣйшія, поставиша близъ тѣхъ же саней: и тако Святѣйшій Никонъ пойде мимо церковь святаго Благовѣщенія папертію, и тамо такожде во церкви пояху Святую литоргію. Егда же дошедшу ему до дверей церковныхъ, и двери церковныя по тому же отъ него затвориша, яко же и въ соборной церкви: и тако мимо иде въ верхъ ко дверямъ столовой, идѣже бяше соборъ оный собранъ бысть. Егда же ему идущу ко оной храминѣ, двери тоя бяху отверсты, егда же близъ бывшу, тогда и тыя двери отъ него затвориша, и ту малъ чясецъ постоявше, бѣ бо тогда на соборѣ совѣтованіе, и внегда Святѣйшій Патріархъ пріидетъ на соборъ, дабы никому противо его не вставати, но всѣмъ сѣдѣти, и егда отверзоша двери, пойде Святѣйшій Патріархъ, предъидущу предъ нимъ честному и животворящему кресту Господню. Благочестивый же Царь и вси сущіи ту видѣвше сіе, яко святый крестъ предъидетъ предъ нимъ, тогда и не хотяше востати, Благовѣрный же Царь, аще и воста, но обаче у высочайшаго престола своего стоя на высокихъ степеняхъ, близъ же ошуюю его два мѣста бяше устроены всякимъ украшеніемъ, идѣже стояху Все-

ленскіе Патріархи, предъ ними же стояше столъ, и бяше покрытъ златокованнымъ ковромъ, на немъ же стояше ковчежецъ сребрянъ и повлащенъ, и книги нѣкоторыя лежаху. Вшедшу же Святѣйшему Никону Патріарху, и близъ бывшу царева престола и Вселенскихъ Патріарховъ и онаго покровеннаго стола сущаго предъ ними, нача глаголати молитву: владыко многомилостиве и протчая, по обычаю. Егда же сіе соверши, тогда держимый въ рукахъ своихъ жезлъ отдаде своему Анагіосту, монаху Серафиму, самъ же пріиде близъ царскаго престола, и сотвори ему поклоненіе трижды, яко же обычай. Царь же, стоя на высокомъ своемъ престолѣ противо его, точію мало главу преклоняя. По семъ Святѣйшій Патріархъ поклонися по обычаю Вселенскимъ Патріархомъ, таже обратися на страну, аможе архіереи стояху и поклонися по обычаю, такожде сотвори и на другую страну, идѣже стояше царскій синклитъ и царевъ духовникъ. Егда же сіе совершися, паки взятъ посохъ свой въ руцѣ, животворящій же крестъ предпутешествовавый предъ нимъ носяй монахъ постави его въ углѣ одесную страну царскаго престола. Тогда Благовѣрный Царь, стоя на высоцемъ своемъ престолѣ и степеняхъ, показуя рукою своею одесную себе на лавку, и устнами мало движа, повелѣвая ему сѣсти. Святѣйшій же Патріархъ отвѣщавъ, рече: гдѣ повелиши Царю да сядема. Благочестивый же Царь пока на тое же мѣсто показуя, и повелѣвая ему сѣсти, бѣ же мѣсто оно праздно ко углу, и ничто же ко архирейскому сѣдѣнію по обычаю не приготовлено, ни возглавія, ни подножія. Видѣвъ же сіе Святѣйшій Патріархъ, и обозрѣвся созади себе, глагола Царю велегласно: Благочестивый Царю, не вѣдахъ я твоего намѣренія сего, мѣста съ собою, на чемъ сидѣти, не принесохъ, а которое здѣ наше мѣсто и есть, и то занято; но глагола, глаголи: чесо ради призвалъ еси насъ въ собранное тобою здѣ соборище? Монахъ же оный, носяй крестъ святый, видя, яко Святѣйшій Патріархъ не сяде, взятъ паки святый крестъ, поставленный изъ угла, и ста прямо предъ лицемъ царскаго величества, и предъ столомъ, иже предъ Вселенскими Патріархи. Слышавъ же сія Царь отъ Патріарха и видѣ, яко не сѣде, тогда сниде со степеней престола своего, и ставъ по конецъ стола, сущаго предъ Вселенскими Патріархи, рече сице.»

Все это у Аполлоса сжато въ слѣдующихъ словахъ:

«Никонъ по требованію Самодержца, явился на соборъ, но по чину патріаршему, т. е. съ предшествующимъ крестомъ, и не видя себѣ приготовленнаго мѣста наравнѣ съ Восточными Патріархами, не сѣлъ, но стоя слушалъ обвиненія изъ устъ самого Государя.»

Далѣе Шушеринъ приводитъ цѣликомъ разговоръ въ полголоса Царя Алексѣя Михайловича съ Никономъ:

«Рече же Царь паки ко Святѣйшему Никону: но и се ми отъ тебе

быстъ велій зазоръ, яко писалъ еси ты ко Вселенскому Патріарху Діонисію, всячески укоряя насъ. Никонъ же рече ему: не азъ о Царю! зазоръ тебѣ таковый нанесохъ, но ты самъ вящше, вся сія на себе нанесалъ еси, азъ бо писалъ къ брату своему господину Діонисію духовнѣ и тайнѣ, ты же вся твоя дѣянія обличилъ еси, не токмо твоея держащы сущимъ всѣмъ, но и отъ конецъ земли собраннымъ тобою, многимъ сіе все явилъ еси: сего ради твое на тя обличеніе вящше бысть, неже отъ мене, единому токмо ему же и достоитъ се вѣдати возвѣщенное. Паки рече Царь ко Святѣйшему Патріарху глаголы мирные, во еже бы имъ средостѣнія вражды разрушити. Онъ же рече, добро и блаженно Царю дѣло избралъ еси аще совершити его, но вѣдый буди, яко не имать отъ тебе сіе совершится, зане гнѣвъ твой, начатый на насъ, хощетъ конецъ пріяти.»

Архимандритъ Аполлосъ передаетъ это слѣдующимъ образомъ:

«Потомъ Царь укорялъ его за грамоту къ Патріарху Діонисію, изъявляя желаніе мира. Столь же тихо отвѣчалъ ему Патріархъ, излагая всѣ на него бывшія крамолы, извинялся о тайной грамотѣ, и не смотря на увѣренія царскія, чувствуя, что минувшее уже не возвратимо, предрекъ свое горькое осужденіе.»

Неужели доказательства любви народной къ Никону съ одной стороны, мелкія придирки царедворцевъ, съ другой, нерѣшительность и робость Царя, который любилъ Никона и боялся его вліянія, эти несомнѣнныя свидѣтельства нравственной силы Никона и могучаго его вліянія на все его окруженіе, неужели все это въ описаніи житія его, написаннаго для сохраненія живой памяти о немъ, было бы излишнимъ и неумѣстнымъ; наконецъ неужели лучше извлекать сухое содержаніе изъ его рѣчей и сокращать ихъ, чѣмъ передавать ихъ цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ? Трудно въ этомъ убѣдиться. Но это еще не все. Мы привели такія мѣста, въ которыхъ авторъ хотя и передалъ все, что̀ нужно; но по мнѣнію нашему, стеръ колоритъ современнаго разсказа; въ этомъ мы видимъ только недостатокъ изложенія; кромѣ этого, онъ вовсе пропустилъ многія обстоятельства важныя, о которыхъ слѣдовало упомянуть; такъ напримѣръ, почему не приведены слѣдующія слова Никона, сказанныя

имъ Новоспасскому Архимандриту Іосифу, который встрѣтилъ его ночью въ селѣ Черневѣ на пути его въ Москву:

«Чесо ради повелѣваете быти въ нощи, и съ малыми людьми, или такожде хощете удавити, якоже и Филиппа Митрополита единаго удавили?»

Почему не выписаны другія слова его, произнесенныя имъ въ то время, какъ его отправляли въ Ферапонтовъ Монастырь:

«О Никоне, все сіе тебѣ бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбы, аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя, и съ ними вечерялъ, не быти приключишася?»

Почему не разсказано, какимъ истязаніямъ подвергали вездѣ приближенныхъ Никона, въ томъ числѣ самого Шушерина, какъ зарѣзался взятый подъ стражу Грекъ Димитрій, какія предосторожности приняты были, чтобы пресѣчь сношенія Никона съ городомъ, такъ что онъ терпѣлъ нужду и голодъ на дворѣ, въ которомъ онъ жилъ у Никольскихъ воротъ.

Почему не упомянуто о томъ, что почли нужнымъ разломать Никольскій мостъ, что не смѣли по осужденіи Никона отнять у него жезла *страха ради народнаго*, что при отправленіи его обманули народъ, распустивъ слухъ, что повезутъ Никона черезъ Спасскія ворота, тогда какъ его умчали черезъ старокаменный мостъ и Арбатскія ворота, что его сопровождалъ сильный отрядъ стрѣльцовъ съ зажженными фитилями, что всюду на пути его разгоняли народъ, очищали села и никого къ нему не подпускали, наказывая за малѣйшій признакъ сострадательнаго участія. Наконецъ почему пропущена трогательная сцена, происходившая въ Ферапонтовѣ монастырѣ, незадолго до кончины Алексѣя Михайловича и такъ хорошо разсказанная Шушеринымъ, когда окончательно побѣдивъ въ себѣ гнѣвъ и долго кипѣвшее негодованіе, Никонъ, до тѣхъ поръ по-

стоянно отвергавшій поминки царскія, наконецъ въ день Пасхи, по совершеніи литургіи, созвалъ всю братію на трапезу, велѣлъ подать питье, присланное ему отъ Алексѣя Михайловича, и поднявъ заздравную чашу сказалъ:

«Да не до конца вражда наша со Благочестивымъ Царемъ пребудетъ и нынѣ питіе сіе про здравіе Благочестивѣйшаго Государя Царя и со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду. Сіи же слышавше и видѣша прилучившіеся ту Архимандритъ и приставникъ и протчіи отъ Святѣйшаго, зѣло возрадовашася, ради бывше и возставше поклонишася ему до земли, и абіе того же дни послаша писаніе ко царствующему граду Москвѣ.»

Все это, по видимому, подробности и мелочи; но кромѣ того, что этѣ подробности даютъ цвѣтъ и жизнь разсказу; что историкъ ищетъ ихъ и тщательно подбираетъ въ пыли прошедшаго, не только не пренебрегаетъ ими, когда онѣ у него подъ рукою; онѣ даже необходимы тамъ, гдѣ авторъ, воздерживаясь отъ собственнаго сужденія и вывода, ограничивается однимъ разсказомъ; тамъ, гдѣ характеръ лица долженъ выступать самъ собою изъ повѣствованія.

Онъ выступаетъ изъ безъискусственнаго разсказа Шушерина. Читая его, мы видимъ передъ собою великаго Патріарха, на котораго устремлены были взоры всей Россіи и духовныхъ представителей всего православнаго міра; мы чувствуемъ присутствіе необыкновеннаго личнаго духа; мы измѣряемъ высоту и силу его по неотразимому его вліянію на все его окруженіе. Этому вліянію покоряются всѣ: и приближенные его, безусловно ему преданные, забывавшіе о себѣ, когда рѣшалась его судьба, и вся толпа придворныхъ доносчиковъ и сплетниковъ и самъ Алексѣй Михайловичъ, который любилъ Никона и въ тоже время сознавалъ, что жить съ нимъ вмѣстѣ тѣсно, осуждалъ и ссылалъ его въ заточеніе, и вслѣдъ за тѣмъ отправлялъ къ нему подарки, прося прощенія и благословенія. Эти отношенія, обличающіяся въ мелочахъ и подробностяхъ, эта живая об-

становка главнаго лица, сохранились въ запискахъ современника и пропадаютъ въ очищенномъ разсказѣ автора.

Обыкновенно обвиняютъ Шушерина въ пристрастіи; не станемъ противъ этого спорить; не менѣе того изъ разсказа его, особенно изъ словъ самого Никона, имъ переданныхъ, мы узнаемъ и свѣтлыя и темныя стороны его души: высоко развитое чувство правоты, подавлявшее снисхожденіе къ человѣческимъ слабостямъ, безпощадную строгость къ самому себѣ и къ другимъ, покорность волѣ Промысла въ постоянной борьбѣ съ упорнымъ воспоминаніемъ о нанесенныхъ обидахъ, съ кипучимъ негодованіемъ на людей. Шушеринъ не могъ и даже не старался этого скрыть, онъ писалъ не какъ судья Никона, но и не какъ адвокатъ его, а какъ пламенный его почитатель, который любилъ его, какимъ создала его природа съ его добродѣтелями и пороками. Книга его не историческій приговоръ и не аналогія, а чистосердечный и добросовѣстный разсказъ современника въ духѣ нашихъ древнихъ лѣтописателей.

Въ предисловіи своемъ Архимандритъ Аполлосъ говоритъ, что:

«Однимъ изъ побужденій къ изданію Начертанія житія и дѣяній Никона былъ недостатокъ въ подобномъ сочиненіи, потому что напечатанное въ 1784 году, Господиномъ Козодавлевымъ жизнеописаніе Никона Патріарха, было, по рѣдкости своей, недоступно, а по слогу казалось темнымъ, и по направленію не всегда вѣрнымъ, но не рѣдко односторонним. Сочинитель онаго, клирикъ Никона, Иванъ Шушеринъ, бывшій его сострадальцемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наводитъ на себя подозрѣнія въ пристрастіи. Сверхъ того, ему неизвѣстны были многія обстоятельства, утаившіяся отъ его современниковъ и открытыя потомкамъ въ грамотахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ XVII вѣка.»

Ссылаясь на выписанные нами отрывки, мы осмѣлимся сказать, что авторъ не вполнѣ воспользовался богатствомъ матеріяловъ, бывшихъ у него подъ рукою; книга его могла бы быть лучше; во всякомъ случаѣ она не замѣняетъ и не можетъ замѣнить для насъ книги Шушерина.

И потому мы не можемъ въ заключеніе не изъявить желанія, чтобы авторъ такъ добросовѣстно и съ такимъ сердечнымъ участіемъ изучившій исторію Великаго Патріарха и продолжающій изучать ее, слѣдовательно болѣе чѣмъ кто-нибудь способный оцѣнить по достоинству книгу Шушерина, взялъ на себя трудъ издать ее вновь. Все недосказанное и неизвѣстное современнику Никона можетъ быть дополнено въ прибавленіяхъ, все одностороннее—исправлено въ примѣчаніяхъ; но самый текстъ долженъ оставаться безъ малѣйшей перемѣны, кромѣ очевидныхъ ошибокъ, кажется, принадлежащихъ не Шушерину, а издателю.

См.

Печатать позволяется. Декабря 16 дня, 1846 года.

Цензоръ, Профессоръ и Протоіерей
Ѳеодоръ Голубинскій.

РИМСКІЯ ПИСЬМА,

съ эпиграфомъ: Delectat me, Roma, tuas spectare ruinas (Aeneas Sylvius). 2 части, въ 12°. СПБ. 1846.

Съ нѣкотораго времени поѣздки за границу вошли почти въ составъ обычной жизни образованнаго сословія нашего общества. Кто по растроенному здоровью, кто по той, кто по другой причинѣ, всѣ мы считаемъ какъ бы обязанностію посмотрѣть на Европу. Правы мы, или нѣтъ, это другой вопросъ; но дѣло въ томъ, что такъ ведется и завелось, а потому ежегодно множество Русскихъ разъѣзжаются по всѣмъ краямъ Запада. Изъ этого множества врядъ-ли не половина заѣзжаетъ въ Италію —единственную страну, по которой можно путешествовать для путешествія, единственный уголокъ на земномъ шарѣ, который чѣмъ бы ни привлекъ къ себѣ чужезем-ца, непремѣнно овладѣетъ его сердцемъ и навсегда сроднитъ его съ собою. Разумѣется, мимоходомъ будь сказано, что для такаго сродненія необходимое условіе— природная возможность родниться; есть пожалуй такіе несчастные безродные и безродинные, которые не знаютъ родства ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ; такихъ людей не исцѣляетъ уже и Италія и такіе всегда непремѣнно ругаютъ ее.

Не смотря на множество путешественниковъ, у насъ очень мало выходитъ въ свѣтъ собственно Русскихъ путешествій, не считая переводовъ, и что странно, врядъ

ли не всего менѣе по Италіи, о которой всѣ Европейскіе путники пишутъ десятки томовъ и все не могутъ описать этой страны неописуемой; наполняютъ цѣлыя книги своими впечатлѣніями и все не могутъ истощить этого неистощимаго источника впечатлѣній.

Вѣковая лѣтопись событій, источникъ истинно-западной образованности; родникъ, вмѣстѣ законодатель и судія западнаго искусства; наконецъ самая первая купѣль всего Запада Европы, Италія найдетъ бесѣду съ каждымъ, отыщетъ возможность занять умъ и овладѣть сердцемъ каждаго пришельца.

Съ какой стороны ни посмотритъ на нее западный Европеецъ, вездѣ и во всемъ она или родная мать его, или воспріемница, вездѣ и во всемъ она разсказываетъ ему, какъ она заботилась о первыхъ дняхъ его еще языческаго дѣтства, какъ его окрестила потомъ руками святѣйшихъ изъ людей, великихъ избранниковъ Божіихъ, святыхъ Апостоловъ; какъ послѣ научила молиться и слушать Слово Божіе; какъ въ то же время образовывала сердце его устною молитвою и другимъ путемъ молитвы — искусствомъ; какъ тогда же развивала мысль его ученіемъ о Богѣ и людскомъ правѣ, наконецъ какъ упражняла волю его, заставляя его предковъ бояться за каждый шагъ своей свободы и цѣною крови выкупать у судьбы тѣ людскія права и то людское братство, которыхъ явленіе стоило міру неоплатимой цѣны—крови его Спасителя.

Съ какой стороны мы Русскіе, — и даже можно пространнѣе разширить кругъ насъ иноземцевъ для Запада, — мы Православные Славяне, ни взглянемъ на Италію, вездѣ она заставляетъ насъ съ чувствомъ благодарности пасть предъ милостію Всевышняго. Громкимъ голосомъ своихъ развалинъ, своими лѣтописями, полными бурь и треволненій, своею прошедшею жизнью сильно крутою и безпокойною для большинства, даже настоящимъ состояніемъ своей владычицы — Западной Церкви, всѣмъ

она заставитъ насъ обратиться къ себѣ, и тотчасъ же мыслію и сердцемъ перенестись къ Творцу міровъ, которому угодно было еще до явленія нашего на свѣтъ историческій, въ самой нашей природѣ указать намъ дѣятельность позднѣе другихъ, въ тихомъ, покойномъ періодѣ болѣе полнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе стройнаго раскрытія естества человѣческаго. Вездѣ мы, прочитавъ бурныя сказанія о сильномъ бурномъ развитіи Европы, не можемъ не благодарить Творца за то, что страданіями и треволненіями Запада, онъ предуготовилъ намъ жизнь болѣе человѣческую, если смѣю такъ сказать, т. е. болѣе близкую къ простому безъискусственному человѣческому быту, а слѣдовательно къ человѣческому счастію — послѣдней цѣли земныхъ людскихъ желаній.

Какъ послѣ этого не чтить Италіи и западнымъ Европейцамъ и намъ восточнымъ Европейцамъ—Славянамъ Православнымъ.

Но заставляя невольно чтить себя, казалось бы, по видимому, что въ то же время Италія разъединяетъ насъ, указуя каждому различіе дѣйствій на поприщѣ исторіи, и слѣдовательно невольно какъ бы посѣяя какую-то вражду этимъ разъединеніемъ. Между тѣмъ посмотрите, какъ она и въ разсказѣ и на дѣлѣ, роднитъ насъ и братаетъ!

Начнутъ-ли развалины ея безъ нашего спроса разсказывать былое; онѣ говорятъ намъ: все это слѣды твоихъ праотцевъ. Нѣкогда они, неся въ душѣ великій даръ Божій — потребность быть Христіяниномъ, смѣшанными толпами приходили сюда биться съ языческимъ міромъ и рѣками крови смывали съ человѣчества пятна, наложенныя идолопоклонствомъ. Здѣсь твои праотцы мученическою смертію и нечеловѣческими страданіями, до того незнаемыми, сдѣлали Слово Божіе вседневною проповѣдію человѣческою.

Мученія и смерть вашихъ предковъ были здѣсь святыми

договорами Хрістіянскаго братства, крѣпкимъ доказательствомъ его законности: — вамъ-ли взаимною враждою вашею возставать противъ святой воли отцевъ вашихъ?

Соберетъ-ли насъ искусство предъ своими представителями,—безъ нашего вѣдома оно одинаково заставитъ забиться сердце у каждаго изъ насъ и этимъ общимъ чувствомъ, не знающимъ ни рода, ни племени, ни сословія, ни состоянія, сроднитъ насъ, хотя на минуту, въ то дѣйствительное братство человѣческое, которое въ быту обиходномъ, доходитъ до насъ въ однѣхъ мечтахъ, и то подъ условіемъ личнаго первенства каждаго мечтающаго о такомъ братствѣ.

Кто послѣ этого можетъ не любить Италіи безъ различія мѣста рожденія, безъ различія племени и рода?

«Какъ у великаго и могучаго тѣла, у Рима два свѣтлыя ока—тѣлеса обоихъ Святыхъ Апостоловъ. Не такъ блистаетъ небо, когда солнце разливаетъ лучи свои, какъ блистаетъ Римъ, озаряя всѣ концы вселенной сими двумя свѣтилами!» Такъ отзывается о Римской святынѣ великій проповѣдникъ первыхъ временъ Хрістіянства, Св. Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи своемъ на посланіе къ Римлянамъ.

Удивительно-ли послѣ этого, что предъ этою вѣковою святынею преклоняются десятки тысячъ путешественниковъ, и тысячи изъ нихъ спѣшатъ передать собратамъ свои высокія или прекрасныя впечатлѣнія? Скорѣе удивительно то, когда встрѣтимъ такія путевыя письма, каковы письма Греча, и узнаемъ изъ нихъ, что есть возможность въ прекрасномъ и высокомъ находить одно самое вещественное его искаженіе и что есть возможность смотрѣть такъ, чтобъ въ самомъ храмѣ не видать ничего, кромѣ сору на грязномъ крыльцѣ его.

Жалко и грустно было бы, если бы всѣ наши путешествія по Италіи были подобны или письмамъ *Греча*, или путевымъ замѣткамъ *Герсеванова;* но, къ счастію, мы имѣемъ, хотя и не полныя описанія страны, по крайней

мѣрѣ частное превосходное изображеніе одного ея участка въ «Путешествіи по Сициліи *Норова*»; «Прогулку по развалинамъ Помпеи *Левшина*»; легкій очеркъ Верхней Италіи въ «Путевыхъ письмахъ *Всеволожскаго*, и давно забытое описаніе святыни нѣкоторыхъ Италіянскихъ городовъ, входящее въ составъ въ свое время весьма извѣстной книги: *Пѣшеходца Василія Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное* (С. П. Б. 1800. т. 4°). Въ послѣднемъ болѣе всего было такого, что относилось къ святынѣ Рима и южныхъ городовъ Италіянскихъ. Кромѣ его, до сихъ поръ трудно было указать на какое-нибудь изъ иностранныхъ путешествій, гдѣ бы передано было такъ много о всемъ драгоцѣнномъ для Церкви Хрістіянской, а слѣдовательно и для каждаго любящаго Церковь.

Теперь предъ нашими глазами новое сочиненіе, которое съ этой точки обозрѣваетъ Римъ во всей полнотѣ и не только превосходитъ, въ этомъ отношеніи, все до него бывшее, но какъ *путеводитель по священному для Хрістіянъ Риму* и указатель сокровищъ Хрістіянской святыни въ южныхъ городахъ Италіи, оставляетъ желать весьма и весьма немногаго.

Имя автора ручается за то, что въ Римѣ его не увлекли ни историческое величіе города, ни высота его въ области искусства, ни наконецъ картинность и зрѣлищность настоящихъ церковныхъ обрядовъ. Хотя оно не выставлено на заглавномъ листѣ; однако же изъ предисловія мы видимъ, что «Римскія письма» писаны сочинителемъ «Правды Вселенской Церкви»; а направленіе и даже самый языкъ ихъ и безъ него сказали бы, что они принадлежатъ автору «Путешествія къ Святымъ мѣстамъ» и другихъ сочиненій въ этомъ родѣ, нашему извѣстному писателю *Андрею Николаевичу Муравьеву*.

Назвавъ сочинителя, я избавляю себя отъ труда распространяться о взглядѣ и направленіи писемъ; но считаю долгомъ предупредить моихъ читателей въ пользу ихъ безпристрастія.

Наши Русскіе путешественники, какъ я сказалъ, мало пишутъ, но въ устныхъ передачахъ своихъ путешествій обыкновенно, говоря о настоящемъ Римѣ, особенно о Римской Церкви, бо́льшею частію избираютъ двѣ крайности. Одни, хотя къ счастію и весьма немногіе, пораженные зрѣлищностію всѣхъ обрядовъ, картинностію ходовъ и соединеніемъ свѣтской пышности съ духовною въ служеніи, увлекаются всѣмъ этимъ до того, что получаютъ презрѣніе къ нашей церковной простотѣ и безыскусственности. Другіе, къ несчастію весьма многіе, не могутъ никакъ разстаться съ школьными понятіями, пріобрѣтенными при изученіи исторіи, проповѣдуемыми часто съ высоты нашихъ университетскихъ каѳедръ и, руководясь ими во всемъ относящемся къ Римской Церкви, видятъ одно искаженіе религіи. Такимъ взглядомъ обязаны мы той рабской покорности Западу въ дѣлѣ мышленія, съ какою принимаемъ все, зашедшее къ намъ изъ всякаго Германскаго университета. Мы забываемъ при этомъ, что Римская Церковь родная сестра нашей по происхожденію, что, отдѣлясь отъ первобытной Хрістіянской и введя многое съ нею несообразное, ею не допускаемое, она все таки сохранила въ нѣдрахъ своихъ глубокое уваженіе къ постановленіямъ соборнымъ и священному преданію; между тѣмъ какъ новое ученіе Протестантское посягнуло на самое вѣрованіе и съ гордостію отринуло то, что въ мірѣ Хрістіянскомъ сдѣлалось главнѣйшимъ послѣ заповѣдей и ученія Спасителя и Св. Апостолъ, — именно правила и предписанія Вселенскихъ Соборовъ.

Истинное православіе и истинная народность не знаютъ ненависти. Кто можетъ назвать себя болѣе православнымъ, чѣмъ тѣ поборники первобытной Церкви Хрі-

стовой, которые всѣмъ жертвовали за поддержаніе правоты Восточной Церкви, и между тѣмъ, посмотрите, какъ скромно говорятъ они о враждующихъ съ нами представителяхъ Латинства.

Въ настоящую минуту, когда съ одной стороны, при развитіи народности вкрадывается часто весьма ложное о ней понятіе, особенно у пасынковъ Россіи, и что еще хуже, является народность поддѣльная, или, по крайней мѣрѣ, очень не безкорыстное увлеченіе ею; съ другой безпрестанно появляются враждебные нападки на насъ со стороны Католиковъ; и наконецъ съ третьей, когда Протестантское ученіе, входящее къ намъ путемъ мышленія, сильно возбуждаетъ слабые, а и того еще болѣе гордые умы къ враждѣ съ Западною Церковью, въ эту минуту, мнѣ кажется, весьма кстати припомнить, какъ отзывались о ней отцы и святители нашего Православнаго Исповѣданія. Я возьму мои выписки изъ ссылокъ автора « Римскихъ Писемъ » въ превосходномъ сочиненіи его : « Правда Вселенской Церкви о Римской и прочихъ патріаршихъ Каѳедрахъ. » Онѣ будутъ вступленіемъ къ взгляду его на Римскую святыню; сами собою, безъ словъ моихъ, покажутъ чего искать въ разбираемомъ теперь мною сочиненіи, и наконецъ для тѣхъ, кто будетъ читать его, дополнятъ многое, на что только намекаетъ сочинитель, предполагая это уже извѣстнымъ.

Въ XII вѣкѣ, именно во времена сильной вражды между представителями той и другой Церкви, во время сильныхъ нападковъ Запада на устоявшій въ вѣрѣ отцевъ своихъ Востокъ, Михаилъ Патріархъ Константинопольскій, съ горестію описывалъ безпорядки Латинскихъ Епископовъ сосвятителю своему Петру, Патріарху Антіохійскому. Послѣдній отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, должно избѣгать нѣкоторыхъ, другихъ исправлять и умалчивать о прочихъ:

Ибо что̀ намъ до того, что ихъ Епископы брѣютъ бороды и носятъ

кольца въ залогъ обрученія съ Церковью; мы сами дѣлаемъ себѣ тонзуру на головѣ въ честь Св. Петра и носимъ золото на одеждахъ.»

Далѣе послѣ разсужденія о Символѣ Вѣры:

«Однако мы должны обращать вниманіе на благое намѣреніе, и если не въ опасности вѣра, то склоняться болѣе къ миру и любви братской, ибо и они суть братія наши, хотя часто грѣшатъ по грубости и невѣжеству: Нельзя искать одинакаго совершенства у варварскихъ народовъ, какъ у насъ, съ дѣтства воспитанныхъ въ чтеніи Св. Писанія; довольно уже, если они сохраняютъ издревле ученіе о Троицѣ и воплощеніи.»

Однако же мы не одобряемъ, что они запрещаютъ пресвитерамъ, имѣющимъ законныхъ женъ, прикасаться къ святынѣ, и что не соблюдаютъ постовъ, подобно намъ; объ опрѣснокахъ же я достаточно говорилъ прежде, и древніе обычаи должны соблюдаться. Что же касается до употребленія въ пищу удавленины, и до браковъ двухъ братьевъ съ двумя сестрами, не думаю, чтобъ Папа и Епископы сіе разрѣшали; но это быть можетъ частные примѣры, какъ и безъ нашего вѣдома случается въ имперіи. Мы оставляемъ безъ вниманія собственныя злоупотребленія, тщательно вникая въ чужія.

«Ты хорошо поступишь, если будешь настаивать о символѣ и о бракѣ пресвитеровъ, прочее же можно оставить, а можетъ быть еще бо́льшая часть нареканій несправедлива, и мы не должны легко вѣрить клеветамъ. И такъ ты долженъ написать къ будущему Папѣ, когда оный изберется, а можетъ быть онъ еще скажетъ въ свое оправданіе, что сіи обвиненія ложны, и можно ли вѣрить на примѣръ, чтобы они не почитали святыхъ мощей, когда столько гордятся тѣмъ, что у себя имѣютъ тѣлеса Петра и Павла? и какъ говорить, что не уважаютъ иконъ, когда Папа подписалъ седьмой Вселенскій Соборъ и проклялъ иконоборцевъ? И такъ я повергаюсь мысленно къ стопамъ твоимъ и умоляю быть снисходительнѣе, дабы желая возставить падшее, не сдѣлать тяжелѣе самого паденія, тѣмъ болѣе, что отъ долгаго несогласія, между нашею Церковью и столь великою каѳедрою, произошли многія бѣдствія. Я бы полагалъ, что если они исправятъ свое приложеніе къ символу, не должно ничего отъ нихъ болѣе требовать, и можно оставить даже безъ вниманія вопросъ объ опрѣснокахъ. Умоляю тебя, согласись на сіе мнѣніе, дабы требуя всего, не лишиться всего». (Правда Вселен. Церк. стр. 341.).

Еще замѣчательнѣе для насъ отзывъ Никиты Архіепископа Никомидійскаго, данный въ 1149 году, Ансельму Епископу Саксонскому, посланному въ Царьградъ Папою Евгеніемъ III-мъ.

«Мы не отказываемъ ей въ первенствѣ между ея сестрами, т.е. патріаршими Церквами, и мы дозволяемъ ей предсѣдать на Соборахъ Вселенскихъ; но она отдѣлилась отъ насъ своею надменностію, когда, выступивъ изъ своихъ предѣловъ, раздѣлила имперію и вмѣстѣ Церкви Запада и Востока. Когда созываетъ безъ насъ соборы изъ Епископовъ западныхъ, они должны съ уваженіемъ принимать и соблюдать правила, установляемыя съ ихъ согласія и совѣта, но для насъ, хотя мы и не имѣемъ раздѣленія въ вѣрѣ съ Римскою Церковью, какъ могутъ быть пріемлемы каноны, изданные безъ вѣдома нашего? Ибо если Папа намѣренъ посылать намъ указы, гремя съ высоты своего престола, судить и рядить наши Церкви, безъ нашего совѣта, только по своей прихоти, то гдѣ-же тутъ братство, или даже отчество? Мы были бы рабами, а не чадами Церкви! И если-бы надлежало нести столь тяжкое иго, то одна бы Римская Церковь пользовалась желанною ей свободою и давала бы законы всѣмъ прочимъ, не подчиняясь сама никакому закону; къ чему же служило бы намъ тогда знаніе Св. Писанія? къ чему разумъ? Одна власть Папская, которая по словамъ вашимъ выше всѣхъ человѣковъ, дѣлаетъ все сіе тщетнымъ; Папа будетъ единымъ Епископомъ, единымъ учителемъ, единымъ пастыремъ, который дастъ отвѣтъ Богу за стадо, ему единому ввѣренное. Если же хочетъ имѣть работниковъ, которые бы вмѣстѣ съ нимъ трудились въ вертоградѣ Господнемъ, пусть сохраняетъ свое первенство, не презирая братій, возрожденныхъ Іисусомъ Христомъ въ лонѣ Церкви, не для рабства, а для свободы: ибо всѣ мы, по словамъ Апостола, должны предстать на судилище Христово; всѣ, говоритъ онъ, не исключая и Папы, и его самого, хотя былъ Апостолъ. Посему не находимъ мы ни въ какомъ символѣ, что должно исповѣдывать въ частности Церковь Римскую, но Церковь святую, соборную, Апостольскую. Вотъ что говорю я о Римской Церкви, которую вмѣстѣ съ вами уважаю; но не полагаю, какъ вы, должнымъ необходимо ей во всемъ слѣдовать, ни оставлять наши обряды для ея обрядовъ, не повѣривъ оные прежде разумомъ и властію Писанія Священнаго, и итти за нею слѣпо, закрывъ глаза, повсюду, куда только заблагоразсудитъ вести по собственному ея разумѣнію. Мудрымъ между Греками и Латинами подобаетъ разсудить, полезно ли и честно ли было бы намъ такъ дѣйствовать.»

Если такъ писали и говорили наши праотцы въ XII вѣкѣ, и говорили не по равнодушію, но со всею горячею любовью къ своей вѣрѣ, то неужели семь вѣковъ жизни человѣчества не принесли намъ ничего, кромѣ вражды и несогласія, и мы теперь, вмѣсто мира и любви, будемъ снова проповѣдывать взаимную вражду и ненависть?

Пора намъ тихо и спокойно отвѣтить возстающему на насъ западному Католику, когда онъ зоветъ насъ раскольниками (шизматиками) тѣми же словами, какими Фирмиліанъ, бывшій еще въ III вѣкѣ Епископомъ въ Африкѣ, обращался къ Папѣ Стефану:

«Сколько несогласій и раздоровъ посѣялъ ты между Церквами? Какой грѣхъ на себя навлекъ, отлучивъ себя отъ толикаго числа людей? Не обманывайся: себя, а не другихъ отлучилъ ты: ибо тотъ дѣйствительно раскольникъ, кто сдѣлалъ себя отступникомъ отъ общенія единой Церкви; когда ты хочешь всѣхъ удалить отъ себя, то одинъ себя удаляешь отъ всѣхъ. Правилу истины и мира не могли тебя научить наставленія Апостола, который такъ увѣщеваетъ: (Еф. IV. 1 — 6) «Молю убо васъ, азъ юзникъ о Господѣ, достойно ходити званію, въ неже звани бысте, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ терпяще другъ другу любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. Едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте въ единомъ упованіи званія вашего, единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ.» (Правда Всел. Цер. стр. 57).

Пора, говорю я, высказать нашу правоту безъ ненависти и заключить ее словами восточныхъ Епископовъ, писавшихъ въ IV вѣкѣ, на призывъ ихъ въ Римъ:

«Когда мы, общимъ согласіемъ между нами, установимъ истину, вѣру и искренность любви, тогда перестанемъ произносить слова, осужденныя Апостоломъ Павломъ: «я Павловъ, а я Аполлосовъ, а я же Петровъ» (I Кор. I.). Мы будемъ всѣ Христовы, и Христосъ не будетъ раздѣленъ между нами. Мы сохранимъ единство тѣла Церкви и съ упованіемъ предстанемъ на судилище Христово.»

Такая братская любовь, заповѣданная намъ нашими праотцами, на всякомъ шагу видна у сочинителя «Римскихъ писемъ»; но она не охладила ни ревностнаго его православія, ни самой искренней его народности. Поклоняясь святынѣ Христіянскаго Рима, онъ видитъ все то, что люди внесли въ него языческаго и охуждаетъ за то людей, но не Церковь. Письма его весьма рѣдко измѣняютъ этому духу кротости и любви Христіянской, руководившихъ его взглядомъ, и если измѣняютъ, то

развѣ только тамъ, гдѣ онъ исторію Церкви отдѣляетъ, такъ сказать, отъ исторіи прочихъ сторонъ человѣчества, и гдѣ по этому забываетъ, что самые недостатки людей, вводимые духомъ времени и его требованіями, найдутъ себѣ оправданіе, когда взглянемъ на нихъ, какъ на необходимость того же самаго времени и историческаго хода человѣчества. Гордость владыкъ Римской Церкви и превознесеніе себя превыше сыновъ человѣческихъ предосудительны, особенно если смотрѣть на нихъ со стороны духовной. Прочтите напримѣръ слова Граціана, нѣкогда служившія руководствомъ для Западной Церкви:

«Святая Римская Церковь утверждаетъ каноны, но не связана ими и не покоряется имъ сама. Какъ Іисусъ Христосъ, давшій законъ, исполнилъ его, чтобъ освятить собою, и потомъ, чтобы показать, что онъ есть владыка закона, оставилъ его и освободилъ отъ него своихъ Апостоловъ; такъ и святители перваго престола, уважаютъ каноны, изданные ими или другими съ ихъ согласія, и исполняютъ ихъ по смиренію, дабы другіе ихъ исполняли, но иногда показываютъ своими рѣшеніями, или примѣрами, что они свыше каноновъ, отъ нихъ проистекающихъ.»

Или другія—Папы Бонифатія VIII въ его буллѣ, изданной въ XIII вѣкѣ:

«Кто противится его (духовнаго меча) власти, противится Богу и вводитъ, подобно Манихеямъ, два начала, что совершенно ложно и исполнено ереси. Почему объявляемъ и опредѣляемъ, что необходимо для спасенія всѣхъ, чтобы всякая тварь была подвластна Папѣ.»

И прочтя такіе возгласы учителей и владыкъ Христіанской Церкви, припомните то, что Спаситель говоритъ о владычествѣ своихъ избранниковъ:

«Вѣсте, яко мнящіися владѣти языки, соодолѣваютъ имъ, и велицыи ихъ обладаютъ ими. Не тако же будетъ въ васъ: но, иже аще хощетъ въ васъ вящій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже аще хощетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ. (Марк. X. 42—45).

Истинная Христіянская Церковь не можетъ оправдать такого рѣзкаго нарушенія Христовыхъ заповѣдей, которое не зависѣло только отъ злоупотребленій

частныхъ лицъ, а узаконено постановленіями законныхъ владыкъ Западной Церкви; но пусть же за это Церковь и осудитъ ихъ; а предъ нами, въ исторіи,—тяжесть этого властолюбія облегчается тѣмъ, что оно, искавъ преклонить предъ собою непокорныя главы Имперскихъ Князей, собирало подъ знамя Церкви всѣхъ угнетенныхъ и положило первую основу свободѣ Италіянскихъ, а по примѣру ихъ, и другихъ Европейскихъ городовъ.

Корыстолюбіе и тщеславіе — два порока, которые слились во едино съ верховно-духовнымъ саномъ на Западѣ, особенно предъ XVI вѣкомъ; объ нихъ еще въ V-мъ вѣкѣ такъ отзывался язычникъ Амміанъ Марцелинъ: «Когда разсматриваю пышность Рима, не удивляюсь, что желающіе сей каѳедры должны употреблять всѣ усилія, чтобы ея достигнуть; ибо она доставляетъ покойное мѣсто, на которомъ они обогащаются приношеніями почетныхъ женъ, и выѣзжаютъ въ колесницахъ, превосходя пышностію трапезы самыхъ Царей.» Точно также Префектъ Римскій насмѣшливо говорилъ Папѣ Дамасу словами, приведенными въ одномъ изъ «Римскихъ писемъ:» «сдѣлай меня Епископомъ Римскимъ, и я сей часъ сдѣлаюсь Христіяниномъ!» Но, не смотря на всю несовмѣстность этихъ обычаевъ съ истинно Христіянскимъ смиреніемъ и нестяжательностію, надобно вспомнить и то, что богатства, собранныя Духовенствомъ, отдаются Церкви; весь Западъ наполняется великолѣпными храмами; монашествующіе Ордена полагаютъ основаніе человѣколюбивымъ учрежденіямъ, устрояютъ больницы, сами обрекаютъ себя на ухаживаніе за больными, кормятъ бѣдныхъ и, слѣдуя по стопамъ Каласанса, въ собственныхъ обителяхъ полагаютъ первую основу пріютовъ для безпріютныхъ дѣтей.

Отъ чего же, невольно спросишь самъ себя, происходитъ такая смѣсь прекраснаго, часто заставляющаго благоговѣть предъ своимъ величіемъ, съ искаженіями, часто самыми отвратительными? Отъ того, долженъ

ответить наблюдатель, что въ ходѣ исторіи, какъ въ частномъ развитіи человѣка, бываютъ такіе періоды, когда жизнь бьетъ ключемъ, не знаетъ ни въ чемъ предѣловъ и не можетъ справиться сама съ своими могучими силами; такіе возрасты, когда благородные поступки соединены съ увлеченіями пылкой природы; когда все рѣзко и ярко, все буйно и бурно; когда нѣтъ тихой средины въ мечтахъ и надеждахъ, слѣдовательно, хотя и не такъ явно, но уже нѣтъ ея непремѣнно и въ дѣйствіяхъ. Мечты этого возраста раскрашиваются то гробовымъ отшельничествомъ, то дикимъ разгуломъ; и все это смѣняется одно другимъ, одно съ другимъ сливается. Такъ дѣлается, или такъ дѣлалось и въ исторіи. Прошедшее да судитъ Богъ; но къ чему бы намъ послужило такое осужденіе? Не благоразумнѣе ли и не справедливѣе ли намъ восточнымъ Христіянамъ, избавленнымъ отъ всѣхъ золъ, потерпѣнныхъ Латинствомъ, спокойно обозрѣвъ все это, заключить нашъ обзоръ тѣми же словами, какими сочинитель «Правды Вселенской Церкви» заключилъ перечень всѣхъ безпорядковъ Церкви Западной: «Должно благословлять Провидѣніе, которое оградило Церковь Православную самимъ ея убожествомъ и внѣшними бѣдствіями отъ подобныхъ безпорядковъ, подрывавшихъ коренныя начала.» (стр. 330). Мы прибавили бы еще къ нимъ благодареніе Богу за то, что треволненіями и страданіями Запада, пресвятой волѣ Его угодно было проложить намъ путь къ жизни болѣе спокойной, болѣе человѣческой.

Сочинитель «Римскихъ писемъ» не говоритъ этого. Онъ смотритъ на Римъ болѣе со стороны Церкви, нежели со стороны исторіи, и потому часто осуждаетъ, не допуская прощенія. Ставъ на его точку зрѣнія, этого нельзя даже назвать недостаткомъ, тѣмъ болѣе, что и тутъ онъ вездѣ сохраняетъ спокойствіе и старается быть безпристрастнымъ. Прибавьте къ этому еще и то, что письма его не суть ни разсужденія въ образѣ писемъ,

ви изложенія исторіи, или догматическихъ споровъ, а просто письма въ полномъ смыслѣ слова; даже, я полагаю, и послѣ буду имѣть случай сказать — почему? — Они были писаны на мѣстѣ подъ самыми впечатлѣніями. Цѣль ихъ высказана сочинителемъ въ предисловіи.

«Мнѣ кажется», говоритъ онъ, «что если съ безпристрастіемъ и скромностію сказать все, что̀ я видѣлъ хорошаго и худаго въ Римѣ, воздавая каждому подобающее и повѣряя свои впечатлѣнія церковными правилами, дабы не увлечься внѣшнимъ блескомъ: то такого рода описаніе можетъ быть полезно для нашихъ соотечественниковъ, которые не всегда могутъ взирать на Римъ съ этой точки зрѣнія, и нисколько не будетъ непріязненно и для Римлянъ; потому что оно покажетъ имъ, какое чувство производитъ ихъ Богослуженіе на человѣка, вникающаго во внутренній смыслъ онаго; и можетъ быть заставитъ нѣкоторыхъ изъ благонамѣренныхъ подумать: не отъ превознощенія ли Римскаго истекаетъ каноническая невозможность мира церковнаго?»

Не смотря на исключительно духовное направленіе писемъ, ясно опредѣленное словами предисловія, Г. Муравьевъ, вступя въ Римъ, не можетъ оставить безъ вниманія ни древней всемірной столицы, ни настоящаго города внѣ Церкви, и при случаѣ говоритъ и о той и о другомъ. Но такъ какъ этѣ стороны весьма и весьма второстепенны въ его сочиненіи, по этому и упомяну объ нихъ послѣ. Теперь посмотримъ, каково оно въ главномъ его содержаніи.

Изъ осьмнадцати писемъ только одно седьмое исключительно посвящено древнему Риму, во всѣхъ прочихъ главнѣйшее: его храмы; появленіе Папы; духовныя торжества, каковы на примѣръ вербное и служеніе въ день Пасхи; описаніе обрядовъ и служенія на седьмой недѣлѣ поста, т. е. по нашему на страстной, по Римскому на Святой недѣлѣ, потому что страстную Католики зовутъ Святою, а Святую—недѣлею Пасхи; потомъ описаніе загородныхъ отшельническихъ обителей: поѣздка въ Неаполь, Салерно и Амальфи и наконецъ праздникъ Тѣла Господня, несуществующій въ нашей Церкви, по-

тому что онъ установленъ на Западѣ послѣ Лютеранскаго отпаденія.

Описывая выходы Папы и несенія его въ церковь и изъ церкви, авторъ писемъ вездѣ пораженъ смѣшеніемъ свѣтскаго величія съ духовнымъ. Онъ охуждаетъ это невольно, какъ православный, который никакъ не можетъ сдружиться ни съ войскомъ, входящимъ въ церковь во всеоружіи и *даже въ шляпахъ*, съ чѣмъ точно врядъ ли можно сдружиться! ни съ свѣтскою пышностію, которая заставляетъ забывать о Папѣ, какъ о верховномъ Епископѣ, а безпрестанно указываетъ въ немъ мірскаго властителя. Но пріятно видѣть, что вездѣ онъ не столько на все нападаетъ, сколько обличаетъ такую незаконность Западной Церкви — это одно. Еще лучше, что и при самомъ обличеніи онъ совершенно какъ бы отстраняетъ себя отъ рѣшительнаго суда; и тѣмъ уже болѣе отъ приговора, а вездѣ прибѣгаетъ къ собственнымъ словамъ владыки Рима и всей Западной Церкви, Папы Григорія Великаго. Съ своей же стороны, какъ путешественникъ, онъ отдаетъ полную справедливость свѣтскому величію обрядовъ, соблюдаемыхъ при Папскихъ выходахъ. Впрочемъ все это будетъ виднѣе моимъ читателямъ, когда я для образца представлю нѣсколько выдержекъ изъ самого автора.

Описавъ великолѣпіе обстановки Папскаго трона, устрояемаго въ храмѣ Св. Петра, во время одного изъ величайшихъ торжествъ, именно въ Вербное Воскресенье, онъ говоритъ:

Зрѣлище сіе могло представляться весьма величественнымъ для того, кто безотчетно смотрѣлъ мірскимъ глазомъ на царственное величіе Первосвященника Римскаго посреди свѣтскаго и духовнаго двора и его представителей всѣхъ Европейскихъ державъ, внутри великолѣпнѣйшаго изъ храмовъ вселенной, но тяжело было православному сердцу видѣть мірскую суету того, кто величаетъ себя громкимъ титломъ намѣстника Христова, царство Коего не отъ міра сего. Мнѣ кажется, должно быть или совершенно несвѣдущимъ во всемъ, что касается до первобытнаго Христіянства, или забыть о немъ отъ без-

престанной привычки видѣть совсѣмъ иное, и даже заглушить въ себѣ религіозное чувство, чтобы восхищаться подобнымъ зрѣлищемъ, которое никакимъ образомъ нельзя оправдать. Пусть положитъ руку на сердце всякій строгій ревнитель Римскій и скажетъ, можетъ ли оно внушать благоговѣніе, подобающее святынѣ? и можно ли узнать на этой подмосткѣ среднихъ вѣковъ, преемника не только Апостоловъ, но даже великихъ Папъ Льва и Григорія? Не съ духомъ обличенія говорю сіе, но съ чувствомъ Христіянской любви, соболѣзнующей о такомъ горькомъ затмѣніи первенствующей Каѳедры блескомъ мірскимъ. Я понимаю внѣшнее благолѣпіе Святителей, равно Западныхъ и Восточныхъ, но до той степени, пока не выходитъ оно изъ приличій чина церковнаго. Неужели скажутъ мнѣ въ защиту, что въ Римѣ такъ должно быть потому, что Епископъ есть вмѣстѣ и Глава Церкви и Государь? Но ахъ! Это самое и вовлекло во всѣ сіи несообразности духовныя, вопреки ясныхъ словъ истиннаго Царя Израилева и главы новозавѣтной Церкви. Могу ли равнодушно видѣть этотъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ, уже отхлынувшихъ въ море минувшаго, но еще оставившихъ по себѣ цѣну свою на столь древнемъ Патріаршемъ Престолѣ! Невольно вспомнишь пророческія слова одного изъ величайшихъ его святителей, Святаго Папы Григорія, который осуждалъ своего Константинопольскаго собрата, даже за одно лишь принятое имъ титло Вселенскаго.

«Помысли, прошу тебя, писалъ онъ, что сею безразсудною надменностію возмущается миръ всея Церкви и оказывается сопротивленіе благодати, на всѣхъ вообще излiянной. И такъ, возлюбленный братъ, возлюби всѣмъ сердцемъ смиреніе, чрезъ которое можетъ быть охранено согласіе всѣхъ и единство Святыя Вселенскія Церкви. Подлинно Апостолъ Павелъ, услышавъ, что нѣкоторые говорятъ: «Я Павловъ, я Аполосовъ, я Кифинъ», крайне ужаснулся сего растерзанія тѣла Господня, по которому члены его, нѣкоторымъ образомъ, къ инымъ главамъ себя присоединили и воскликнулъ, говоря: «развѣ раздѣлился Христосъ? развѣ Павелъ распялся за васъ, или во имя Павлово вы крестились?» (1 Кор. 1. 12. 13.) Такъ избѣгалъ онъ того, чтобы члены тѣла Господня не подчиняли себя частно, какъ бы извѣстнымъ главамъ внѣ Христа и притомъ самимъ Апостоламъ. Что же скажешь Христу, Главѣ Вселенской Святой Церкви, въ испытаніи на послѣднемъ судѣ, ты, который всѣ его члены усиливаешься подчинить себѣ, посредствомъ именованія Вселенскаго? Кто въ семъ надменномъ именованіи представляется подражанію (?), какъ не тотъ, который, презрѣвъ легіоны Ангеловъ, съ нимъ въ сообществѣ поставленныхъ, домогался восторгнуться на верхъ единственности, дабы ни у кого не быть въ зависимости и одному казаться начальствующимъ надъ всѣми, и который сказалъ: «На небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ свой, сяду на горѣ Завѣта, на

ребрахъ Сѣвера взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему». (Исаіи XIV. 13.). Ибо что суть братія твои всѣ Епископы Вселенской Церкви, какъ не звѣзды небесныя?—ихъ жизнь и слово, какъ бы во мракѣ ночи, свѣтила между грѣхами и заблужденіями человѣковъ. Когда ты хочешь надменными наименованіями поставить себя выше ихъ и попрать ихъ имя, въ сравненіи съ твоимъ именемъ, тогда что̀ иное говоритъ, какъ не сіе: „на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой!» По истинѣ Апостолъ Петръ есть первый членъ Святыя Вселенскія Церкви, Павелъ, Андрей, Іоаннъ, что̀ суть какъ не главы особыхъ народовъ? И однако подъ единою главою, суть всѣ члены Церкви, и чтобы обнять все вдругъ, Святые до закона, Святые подъ закономъ, Святые подъ благодатію всѣ сіи восполняющіе тѣло Господа, поставлены членами Церкви и никогда никто не хотѣлъ называть себя Вселенскимъ. Вотъ отъ сего нелѣпаго, надменнаго наименованія раздѣляется Церковь, и сердца всѣхъ братій подвигнуты къ соблазну. Всемогущій Богъ да явитъ вашему братству, коликою, когда говорю сіе, прилѣпленъ я любовію, и какъ въ семъ дѣлѣ сѣтую не на васъ, но за васъ. Впрочемъ заповѣдямъ Евангельскимъ, постановленіямъ церковныхъ правилъ, пользамъ братій, не могу предпочесть личность особы и того, котораго много люблю.» (Св. Григ. Вел. Кн. IV письм. 38. Стр. 88—92).

Жаль, что авторъ писемъ не вездѣ ровенъ въ описаніяхъ церковныхъ обрядовъ. Онъ превосходно передалъ свѣтско-духовное величіе Папы и обстановку его трона; но потомъ самый обрядъ раздачи пальмъ едва пересказалъ нѣсколькими словами (стр. 96):

Нѣсколько разъ случалось мнѣ видать это торжество и ни разу я не могъ смотрѣть на него равнодушно. Несеніе Папы, обстановка его трона поражаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляютъ послѣ себя непріятное впечатлѣніе, производимое неумѣстнымъ участіемъ войска, особенно когда оно посреди храма дѣлаетъ ружейные пріемы: шествіе же для принятія пальмъ истинно торжественно и ничѣмъ не оскорбляетъ благоговѣйнаго чувства. Чтобы ни побуждало въ этомъ ходу итти путешественниковъ: простое ли любопытство, или желаніе получить что-нибудь на память своего пребыванія въ Римѣ,— это все равно для зрителя. Не ему проникать во внутренность сердецъ, да и къ чему? Онъ

видитъ разнообразіе одеждъ, благоговѣйное благочиніе, видитъ слiяніе всѣхъ народовъ и сословій, все это при стройномъ напѣвѣ гимновъ, и при поражающемъ величіи храма, видитъ и не можетъ не увлекаться такимъ торжественнымъ и совершенно добровольнымъ соединеніемъ людей, собравшихся со всѣхъ концевъ вселенныя и призванныхъ сюда однимъ только именемъ Спасителя, однимъ воспоминаніемъ о царственномъ Его величіи.

Празднованіе Пасхи и Папское служеніе въ этотъ день описаны очень подробно и здѣсь авторъ, восхищаясь величіемъ зрѣлища при Папскомъ благословеніи, переносится къ Московскимъ ходамъ, которые величественны безъ выказности и внушаютъ благоговѣніе самою своею простотою. Чтобъ еще рѣзче показать такое различіе между внѣшностію той и другой Церкви, онъ подробно описываетъ ходъ въ день Покрова Богородицы, совершаемый въ память покоренія Казани, и, списавъ его, обращается къ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые, увлекшись внѣшнею зрѣлищностію Римской Церкви, забыли свою, или, что̀ еще хуже, не имѣя ничего, что̀ можно было бы забыть, т. е. не зная ея, они ее отринули и измѣнили вѣрѣ отцевъ своихъ.

Я не могу не выписать всего этого отрывка, и читатели мои согласятся со мною въ такой необходимости, и вѣрно поблагодарятъ меня. Въ отношеніи къ разбираемому мною сочиненію, какъ критикъ, я не могъ бы выбрать лучшаго мѣста, чтобъ дать образецъ спокойствія взгляда и Хрістіянской кротости въ сужденіяхъ автора «Римскихъ писемъ.» Если онъ былъ въ состояніи сохранить эти высокія качества и здѣсь, произнося судъ въ дѣлѣ весьма близкомъ каждому православному, то это можетъ быть уже самымъ надежнымъ увѣрителемъ въ томъ, что такое спокойствіе и Хрістіянская любовь, необходимыя достоинства при взглядѣ на чуждую намъ религію, сохранены во всемъ сочиненіи. Въ отношеніи къ самому предмету, который нельзя оста-

вить безъ вниманія, не столько по числу перемѣняющихъ религію,— ихъ очень не много,—сколько потому, что почти всегда въ Римѣ начинается вѣроотступничество нашихъ отверженниковъ отъ вѣры отцевъ своихъ, обращаясь, говорю къ самому предмету, я не могъ бы ни справедливѣе обличить отступниковъ, ни вѣрнѣе показать причины ихъ вѣроотступленія, ни наконецъ лучше и спокойнѣе разсмотрѣть все это дѣло, со всѣми приходящими въ него сужденіями и сличеніями богослуженій обѣихъ Церквей Восточной и Западной. И такъ, по словамъ автора «Римскихъ писемъ» (часть I. стр. 194):

«Мнѣ кажется, не здѣсь ли мѣсто упомянуть о тѣхъ, которые съ такимъ же невѣдѣніемъ собственныхъ догматовъ и обрядовъ измѣнили вѣрѣ Православной, переданной имъ отъ праотцевъ, чтобы безотчетно перейти въ Церковь Римскую! Не хочу строго осуждать ихъ, потому что я не питаю къ нимъ непріязненнаго чувства; но мнѣ они жалки по своему невѣжеству, и часто были досадительны, по неразлучной съ нимъ самонадѣянности, когда начинали съ презрѣніемъ осуждать преданія отеческія, легко оставленныя ими по совершенному ихъ незнанію и по кривому толку ихъ совратителей.— Нельзя осуждать первоначальнаго движенія, увлекшаго ихъ на новое ихъ поприще. Это по большей части развитіе религіознаго чувства, посреди соблазновъ и суеты міра, которое рано или поздно пробуждается въ сердцѣ всякаго человѣка. Но вотъ въ чемъ они виновны: вмѣсто того, чтобы обратиться къ коренному православному ученію отцевъ своихъ, вмѣсто того чтобы искать книгъ и людей, могущихъ прояснить имъ темное состояніе ихъ сердца, и дать себѣ прежде отчетъ въ оставляемой ими вѣрѣ, они по искаженному воспитанію, которое отъ самой колыбели сдѣлало для нихъ чуждымъ все отечественное, бросаются съ отверстыми объятіями къ тому, что кажется доступнѣе ихъ понятію по духу общества, въ которомъ они живутъ. Правда, что на Западѣ есть много свободныхъ людей духовнаго званія подъ рясою аббатовъ, разсѣянныхъ въ свѣтѣ или живущихъ по домамъ, въ качествѣ частныхъ наставниковъ, и перемѣтчики наши наиболѣе упрекаютъ свою Церковь въ недостаткѣ такого рода лицъ. Но какимъ же образомъ, отцы наши могли находить себѣ назиданіе Христіянское въ бесѣдѣ православныхъ служителей Церкви, которыхъ надобно искать не въ блестящихъ собраніяхъ мірскаго круга, но въ простотѣ ихъ быта церковнаго и въ тишинѣ ихъ келлій, не сродной съ свѣтскими привычками любителей западнаго блеска! Кого-же тутъ должно винить: тѣхъ ли, которые остались въ предѣлахъ заповѣ-

данной имъ простоты отеческой, или тѣхъ, которые по воспитанію или долгому навыку, сдѣлались чуждыми всѣмъ стихіямъ отечественнымъ? И они же еще осмѣливаются осуждать то, чего сами не хотѣли узнать, являются ли какія-либо творенія иностранныя, враждебныя Православной Церкви, укорительныя нашему отечеству, онѣ сей-часъ въ рукахъ и даже въ сердцѣ отступниковъ; или еще колеблющихся въ истинѣ, утверждая ихъ въ предпринимаемомъ или самонадѣянномъ шагѣ. — Но скажите имъ о какихъ-либо новыхъ и даже старыхъ книгахъ, написанныхъ въ защиту оставляемой ими Церкви, или въ объясненіе ея догматовъ или вообще въ пастырское назиданіе вѣрующихъ,—они съ изумленіемъ откроютъ глаза, какъ-бы обѣщая вниманіе, и потомъ закроютъ уши, потому что такого рода книги ихъ мало занимаютъ, предубѣжденные противъ нихъ они ихъ читаютъ съ недовѣрчивостію. Такимъ расположеніемъ ума и сердца ловко пользуются свѣтскіе аббаты, встрѣчающіе ихъ въ обществахъ, гдѣ едва-ли назначено имъ мѣсто Церковію, и какъ они уже заблаговременно сроднились между собою по духу свѣтской общительности, такъ легко роднятся и по мнѣніямъ, сообщая другъ другу свое невѣжество о Церкви Православной. Можно сказать вообще и безъ исключенія, что духовенство западное, будучи глубоко наставлено во всемъ, что касается до собственной своей Церкви, совершенно невѣжественно касательно Востока, и человѣку, нѣсколько свѣдущему, совѣстно слушать, что они говорятъ о нашей Церкви и родинѣ. — Но обращаемые ими охотно сему внимаютъ, потому что они по свѣему иностранному образованію находятся на одной съ ними степени и даже утверждаютъ самыхъ совратителей, какъ бы очевидные свидѣтели, въ ихъ невѣжественныхъ понятіяхъ о православіи Востока. На такомъ прочномъ основаніи строится въ сердцѣ отступниковъ надменное зданіе Римскаго вселенства съ глубокимъ презрѣніемъ къ оставленному ими православію! »

« Есть и еще причины, облегчающія имъ переходъ, столь тяжкій для сердца истинно вѣрующаго! —Называя себя православными, они не исполняли никакихъ обрядовъ и заповѣдей церковныхъ, исключая дней своего говѣнія и воскреснаго слушанія литургіи; потому и нетрудно было имъ привыкнуть къ богослуженію чуждому, когда и свое имъ было столь-же чуждо. Къ тому-же все такъ облегчено въ Римской Церкви и приспособлено къ свѣтскому духу ея исповѣдниковъ: —есть индульгенціи на всѣ посты и даже на великій, даруемыя не только лицамъ, но даже цѣлымъ домамъ, какъ ихъ хозяевамъ, такъ и наемщикамъ; есть домовыя капеллы почти у каждаго изъ именитыхъ, кто только пожелаетъ, и готовые для богослуженія аббаты; утреннія и вечернія службы сокращены до возможности и частію оставлены, исключая большихъ праздниковъ; самыя литургіи, такъ называемыя тайныя, продолжаются не болѣе десяти минутъ

одна за другою, отъ утра и до полдня, такъ что ревностные могутъ отслушать ихъ нѣсколько разомъ, сидя и читая для себя молитвы въ книжкѣ, ибо ничего неслышно, кромѣ колокольчика. Говорятъ, что въ Церкви Римской больше благочестія, потому что почти во всякое время храмы отверсты и въ нихъ есть молящіеся: это весьма естественно. Народу, непонимающему Латинской службы или тайной обѣдни, все равно, молиться ли во время богослуженія, или когда церковь пуста, потому вы видите часто, и во время службы, людей обращенныхъ совсѣмъ къ иному алтарю, нежели на которомъ служатъ, и читающихъ свой молитвенникъ. А у насъ не только во время обѣдни, но даже и за всенощной, вы слышите православныхъ, болѣе изъ простаго, нежели изъ высокаго званія, повторяющихъ всю службу, вслѣдъ за священнослужителями и замѣчающихъ малѣйшую ошибку. Очень понятно, что такіе люди ходятъ въ храмъ внимать богослуженію, а не молиться про себя въ пустотѣ его, ибо на это есть у каждаго или образныя, или часовни на перекресткахъ со святыми иконами, или открытыя паперти нѣкоторыхъ храмовъ; такимъ образомъ все въ должномъ церковномъ порядкѣ.— Я бы посмотрѣлъ, если-бы (?) ревностные Римляне, или новообращенные выстояли на ногахъ, а не сидя, трехчасовую всенощную и двухчасовую обѣдню, пошли ли бы они еще про себя молиться въ пустомъ храмѣ? — И вотъ, напротивъ того, легкое ихъ богослуженіе ставится имъ въ добродѣтель и доказательство благочестія! »

« Много дѣйствуетъ на неопытныхъ и увѣренность, съ какою имъ проповѣдываютъ ученіе Римское. Церковь Западная, сосредоточившись въ средніе вѣка около Рима и расширяясь, по мѣрѣ умаленія Греческой, совершенно потеряла изъ виду Восточную сестру свою и едва слышала о разсадникѣ Православія на Сѣверѣ. Въ эту эпоху образовались окончательно всѣ ея іерархическія формы, имѣющія основнымъ узломъ каѳедру Римскую. Самъ Епископъ древней столицы, будучи законнымъ Патріархомъ всего Запада, покоривъ себѣ оружіемъ крестоносцевъ прочіе четыре патріаршіе престола, совершенно позабылъ о прежнихъ своихъ отношеніяхъ равенства къ Патріаршимъ Церквамъ Востока. Мало по малу возмечталъ и самъ убѣдился Папа, что онъ есть единственный Патріархъ и глава вселенской Церкви. Мнѣніе сіе сдѣлалось теперь догматомъ Римской Церкви, безъ котораго она существовать едва ли можетъ, потому что къ сему узлу протянуты всѣ ея жизненныя нити, и такъ постепенно устроились вся ея іерархія и церковное право, что съ главою Римскою сродилось все западное тѣло. »

« Точно такъ же, какъ форма монархическая сдѣлалась основаніемъ іерархіи Римской, такъ и правленіе соборное, олицетворенное равными между собою Патріархами, самостоятельными Католикосами и Синодами, исконно было достояніемъ Востока, который не ищетъ

вѣ Христа вещественнаго единства, въ лицѣ одного Іерарха, но въ духовномъ соборѣ всѣхъ, подъ единымъ главою Христомъ, какъ и въ первобытныя времена Христіанства, ибо Православная Церковь, вмѣстѣ съ великимъ Папою Григоріемъ, разсуждаетъ: «что если одинъ, именующій себя вселенскимъ, впадетъ въ заблужденіе, то уже и вся Церковь не устоитъ въ истинѣ» (Пис. 36), и съ цѣлымъ соборомъ Карѳагенскимъ не хочетъ думать, «чтобы Духъ Святый отступилъ отъ собранія всѣхъ Епископовъ, дабы просвѣщать одного Святителя. (Кн. пр. ст. 472), хотя и уступала ему узаконенное соборами первенство его каѳедры: однако первенство не есть главенство или исключительное наѣстничество Христово, но этого соборнаго порядка не хочетъ понять Первосвященникъ Римскій, окруженный своими титулярными подручными Патріархами Восточныхъ престоловъ. Вотъ его первое слово есть соединеніе, равно желанное для Востока, какъ и для Запада, но вторымъ словомъ уже покорность, и здѣсь невольно долженъ остановиться православный, чувствуя свое право и достоинство Церкви. Такимъ образомъ напрасно Западъ упрекаетъ насъ, будто мы не хотимъ единства, самъ онъ виною разрыва, предлагая условія неудобоприемлемыя, потому что они противны древнимъ уставамъ вселенскимъ, и никогда не можетъ возстановиться желанное согласіе, если не смирится прежде превозношеніе Римское, и неправильное главенство не обратится въ одно первобытное первенство каѳедры древней столицы.»

«Но Римляне никакъ не могутъ этому повѣрить, потому что сами взирая на Церковь Православную изъ своего центра, составляютъ себѣ весьма неудовлетворительное понятіе о ея таинствахъ и іерархіи, забывая, что 70,000,000 Христіанъ принадлежатъ къ сей Церкви. Такъ они представляютъ ее и глазамъ тѣхъ, которыхъ совращаютъ, а послушники ихъ, по невѣжеству своему, соглашаются на всѣ клеветы, какими очерняютъ ихъ бывшую матерь, они даже начинаютъ думать, что сами сдѣлались Христіанами и узнали всѣ добродѣтели, съ тѣхъ только поръ, какъ взошли въ общеніе Римское. «Бѣдные! у васъ нѣтъ отца!» говорятъ имъ съ состраданіемъ, и эти произвольные сироты, мимо отеческихъ объятій своихъ законныхъ Пастырей, стремятся цѣловать ноги Епископа и обладателя Римскаго у подножія его трона, обставленнаго воинскою стражею. Имъ скажутъ нѣсколько словъ на текстъ Евангелія: «ты еси Петръ, и паси овцы моя,» не проясняя оныя Дѣяніями и Посланіями Апостольскими и писаніями отеческими, какъ чистымъ зерцаломъ первобытной Церкви. Потомъ ихъ увѣряютъ, что Петръ Апостолъ 25 лѣтъ былъ Епископомъ Рима, вопреки современнымъ лѣтописямъ, которыя свидѣтельствуютъ, что оба верховные Апостолы, еще при жизни своей, рукоположили, одного за другимъ, трехъ первыхъ Епископовъ Римскихъ, скажутъ также нѣсколько укорительныхъ словъ о Патріархѣ

Фотія, хотя и послѣ него, около двухъ столѣтій, еще продолжался миръ церковный, и наконецъ, изобразивъ своими красками соборъ Флорентинскій, запятнаютъ Церковь Православную именемъ схизматической, и при этомъ страшномъ нареканіи падаютъ ницъ новообращенные, которые никогда не учились исторіи церковной и вовсе не вѣдаютъ фактовъ соборныхъ. Но вотъ, что весьма замѣчательно: сами Римляне мало ихъ знаютъ, потому что духовное ихъ образованіе такъ направлено къ неколебимой вѣрѣ въ намѣстничество Папское, что они знаютъ только то, что въ пользу его, и даже не подозрѣваютъ возможности противорѣчія, подкрѣпляемаго правилами соборовъ и фактами историческими. Потому, избѣгая такого рода преній, гдѣ противъ нихъ свидѣтельствуетъ истина самыхъ событій, охотнѣе обращаются къ общимъ понятіямъ о единствѣ Церкви и стараются положить въ основаніе и во главу угла, одинъ только свой камень Апостольскій, какъ будто бы и мы не утверждены также «на основаніи Апостоловъ и Пророковъ, имѣя краеугольнымъ камнемъ самого Іисуса Христа» (Еф. II. 20). Мысль о единствѣ такъ олицетворена у нихъ Папою, и можно сказать такъ матеріяльна, что они не постигаютъ даже, внѣ его, соборнаго Апостольскаго единства во Христѣ Іисусѣ, засвидѣтельствованнаго вѣками, и называютъ такое ученіе Протестантскимъ, сами не примѣчая, что нигдѣ столько какъ въ Римѣ не бросается въ глаза это напряженное олицетвореніе единства, дошедшее почти до идолослуженія: такъ какъ свыше силъ человѣческихъ возложено бремя соборное на одно лице, то по необходимости хотятъ возвысить лицо сіе надъ человѣчествомъ, вопреки здраваго ученія Церкви, облекая Папу и въ неподобающее ему могущество царское и сажая его даже на престолъ Божій, т. е. на самый алтарь, гдѣ приносится Голгоѳская жертва, чтобы ознаменовать его мнимое намѣстничество. Нѣтъ, цѣною такихъ противозаконныхъ соблазновъ никогда не продастъ своего достоинства Православная Каѳолическая Церковь и не приметъ, вмѣсто желаемаго ею единства, покорности Риму! Если я, съ возможною подробностію и безпристрастіемъ, описалъ богослуженіе Папское, строго отдѣляя личность отъ обряда, воздавая каждому подобающую честь, и съ должнымъ уваженіемъ къ Епископу первенствовавшей каѳедры, то это для того, чтобы поражаемые внѣшнимъ блескомъ, вникали во внутренній смыслъ, а если они, оставляя свое, хотятъ поклониться чуждому, то пусть по крайней мѣрѣ вспомнятъ слова Господа женѣ Самарянской: «вы не знаете, чему поклоняетесь; мы же знаемъ то, чему поклоняемся» (Іоан. IV. 22.).

Мнѣ кажется, что здѣсь нечего пояснять и нечего прибавлять къ словамъ автора, точно также, какъ нече-

го и убавлять изъ всего этого спокойнаго обличенія вѣроотступниковъ.

Обращаясь къ самой разбираемой мною книгѣ, я долженъ сказать, что описанія торжествъ, особенно Пасхальнаго Праздника Тѣла Христова и службы на Страстной недѣлѣ, вообще всего, прямо относящагося къ Церкви, превосходны. Для насъ Русскихъ они имѣютъ еще двойную цѣну: передавая со всею подробностію Римскіе торжественные обряды, они даютъ намъ не только одну полноту наблюдательности, но и глубокое изученіе предмета, при сравненіи Римской Церкви съ нашею. Вездѣ, гдѣ только есть отличіе отъ нашего служенія, авторъ переходитъ къ нашимъ православнымъ обрядамъ и, указывая на простоту ихъ, невольно заставляетъ читателя соглашаться съ собою, какъ въ неподдѣльномъ ихъ величіи, такъ и въ томъ, что они сохранились неизмѣнными съ первыхъ вѣковъ вполнѣ составившагося Христіянскаго богослуженія. Даже, судя по его указаніямъ, постановленія самыхъ Римскихъ Святителей, еще неразъединенной Церкви, сохраняются у насъ съ бо́льшею непзмѣнностію, нежели у Католиковъ западныхъ. Такъ напримѣръ, по словамъ Г. Муравьева, преждеосвященная обѣдня у нихъ совершается въ одну только Страстную Пятницу, тогда какъ наша, которая носитъ имя Великаго Папы Григорія и обязана ему окончательнымъ устройствомъ, совершается въ теченіи цѣлаго поста.

Между обрядами Страстной недѣли, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и вмѣстѣ самыхъ трогательныхъ,— умовеніе ногъ у *тринадцати* странниковъ (между тѣмъ какъ у насъ только у двѣнадцати священниковъ), и ихъ обѣдъ. Первое совершается самимъ Папою, при второмъ онъ дѣлается простымъ служителемъ. По словамъ А. Н. Муравьева, «число тринадцать, превышающее лики (?) Апостольскій, принято отъ того, что Св. Папа Григорій Великій, угощая ежедневно у

себя въ обители двѣнадцать убогихъ, однажды сподобился угостить между ними Ангела, и всѣ сіи тринадцать называются въ Римѣ Апостолами.» Монахъ Барскій, въ своемъ путешествіи, объясняетъ это иначе, онъ говоритъ, что тринадцатаго берутъ, какъ представителя самого Христа, «на память словесъ оныхъ отъ самого Христа въ Евангеліи глаголанныхъ: *алченъ бѣхъ, и накормисте мя*; *жаждемъ бѣхъ и напоисте мя*, и ниже: *аще кому отъ малыхъ сихъ что сотвористе, мнѣ сотвористе.*» Но мнѣ кажется объясненіе Г. Муравьева болѣе истиннымъ.

Коснувшись путешествія Василія Григоровича Барскаго, я не могу не сказать, что въ его описаніи замѣчательно, во-первыхъ то, что въ его время, т. е. въ 1724 году, такіе обѣды убогихъ бывали ежедневно; во-вторыхъ—самый разсказъ его, не только какъ очевидца, но еще и какъ дѣйствующаго лица, потому что онъ самъ въ числѣ этихъ 13 странниковъ обѣдалъ у Папы.

Еслибъ это описаніе Барскаго было не такъ длинно, я выписалъ бы его во всей цѣлости, какъ для передачи самаго обычая, такъ еще болѣе для сравненія разсказа нашего стараго путешественника съ разсказомъ «Римскихъ Писемъ.» Впрочемъ послѣднее я буду имѣть случай сдѣлать въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ я попрошу моихъ читателей повѣрить мнѣ на-слово, что «Римскія Письма» безъ всякаго сравненія далеко превосходятъ описаніе Барскаго. Послѣднее собственно любопытно по двумъ причинамъ. Первое, и для меня самое важное то, что у Барскаго и въ разсказѣ и въ чувствахъ все просто, тихо и спокойно. Второе, что самъ авторъ-путешественникъ, по своему положенію, долженъ былъ испытать все то, о чемъ Г. Муравьевъ могъ только слушать, или что онъ могъ видѣть мимоходомъ. Но въ отношеніи къ настоящему нашему предмету, т. е. къ Италіи, особенно къ Риму, это послѣднее его преимущество уничтожается. Барскій не передаетъ и двад-

цатой доли того, что̀ находимъ мы въ «Римскихъ Письмахъ» въ отношеніи къ Церкви, потому что у него все путешествіе по Италіи занимаетъ 80 страницъ in-4°, а Римъ вмѣстѣ съ описаніемъ «Конфирмаціи Папы», состава правительства и произшествій, хотя и неважныхъ собственной тамъ жизни Барскаго, занимаетъ всего 20 страницъ.

Впрочемъ не говоря уже о сочиненіи Барскаго, въ которомъ объ Италіи и Римѣ сказано какъ бы мимоходомъ, а припоминая все, что̀ было писано о Римской святынѣ, мы можемъ утвердительно сказать, что никто доселѣ не выискалъ ни столько, ни съ такою отчетливою подробностію, сколько отыскалъ и передалъ намъ въ своихъ Письмахъ Г. Муравьевъ въ области священнаго для Христіянъ Рима. Преданія о построеніи нѣкоторыхъ церквей, житія многихъ Святыхъ и основателей обителей; множество обрядовъ Западной Церкви, между прочими посвященіе въ пресвитеры, діаконы и другія степени духовнаго сана, наконецъ мѣсто обрѣтенія мощей; все это встрѣчаемъ мы впервые, не только на Русскомъ языкѣ, да и вообще въ первый разъ все это собрано съ такою полнотою. Тутъ многіе изъ насъ, проводившіе по нѣскольку лѣтъ въ столицѣ Италіи, врядъ-ли не въ первый разъ узнаютъ, что въ храмѣ Св. Петра и въ другихъ церквахъ, находятся мощи многихъ изъ Апостоловъ и Святыхъ, кромѣ тѣхъ, которые извѣстны всему свѣту.

Всѣ посѣщающіе Римъ знаютъ мѣсто казни Св. Апостола Павла, недалеко отъ его базилики, построенной за городомъ *J. Paolo fuori di mura*, именно на мѣстѣ именуемомъ — *три фонтана*; но о мѣстѣ предсмертныхъ страданій избранника Спасителева, Св. Апостола Петра было много споровъ. Многіе даже отвергали, что онъ распятъ въ Римѣ, Г. Муравьевъ того же мнѣнія, что Онъ пострадалъ именно тамъ, гдѣ стоитъ те-

перь храмъ во имя Его, а никакъ не на холмѣ Яникульскомъ (ч. I, стр. 215).

Многимъ-ли изъ насъ извѣстно, что въ томъ же храмѣ великаго Апостола «подъ алтаремъ, мало посѣщаемымъ мірянами, хранятся святыя мощи Златоуста?» Что еще въ двухъ придѣлахъ сохраняются мощи «двухъ Григоріевъ: великаго Святителя Римскаго и Богослова Цареградскаго.» Что «въ сѣверо-западномъ углу храма находятся мощи великаго Льва III», поборника Цареградскаго Символа, который рѣшительно отказалъ посланникамъ Императора Карла Великаго прибавить слово «и отъ Сына» въ Символѣ Вѣры, и даже велѣлъ вырѣзать, для будущихъ временъ, весь Символъ на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ (?) на двухъ серебряныхъ доскахъ, которыя повѣсилъ надъ гробомъ Апостола, чтобы всякій могъ, читая его, утверждаться въ преданіи отеческомъ на этомъ камнѣ вѣры. Однако Римляне утаили доски сіи, такъ что никто даже не знаетъ, гдѣ онѣ находятся (ч. I, стр. 247).

Кромѣ всѣхъ этихъ перечисленныхъ мною сокровищъ святыни, собранныхъ въ одномъ храмѣ Св. Петра, Г. Муравьевъ указываетъ еще на многое, хранящееся и въ другихъ церквахъ. Въ церкви Францисканской, стоящей подлѣ Капитолія, всякій, кто только входилъ въ нее, вспомнитъ внутреннее ея величіе и красоту алтаря; но многимъ-ли извѣстно, что «послѣдній еще болѣе близокъ сердцу Христіянскому тѣмъ, что подъ его мраморною доскою почиваютъ мощи Царицы Елены и двухъ другихъ святыхъ женъ» (ч. I, стр. 293). Наконецъ, чтобъ не потеряться въ перечисленіи, я окончу его словами самого автора Писемъ (ч. I, стр. 240):

«Что̀ сказать также о мощахъ Апостольскихъ, которыхъ такъ много въ Римѣ и которыя такъ мало извѣстны, исключая гробницъ Павловой и Петровой! Честныя главы ихъ въ Латеранѣ, части каждаго изъ двѣнадцати собраны въ великолѣпной церкви всѣхъ Апостоловъ; Матѳей въ базиликѣ Св. Маріи, Варѳоломей на островѣ Тибрскомъ,

Симонъ и Іуда въ храмѣ Св. Петра, и тамъ же хранится, на недоступной высотѣ одного изъ столповъ, глава Апостола Андрея, которую съ большимъ торжествомъ принесъ деспотъ Морейскій Ѳома, братъ послѣдняго Константина; о другихъ же Апостолахъ вотъ что мнѣ извѣстно: Первозванный обрѣтается въ Амальфи, Матѳей въ Салернѣ, а Евангелисты Маркъ и Лука въ соборахъ Венеціи и Падуи. И такъ въ одномъ Римѣ шесть Апостоловъ, начиная съ верховныхъ.»

Мнѣ кажется, что всѣхъ этѣхъ выписокъ весьма и весьма довольно для того, чтобъ показать, съ какимъ неутомимымъ прилѣжаніемъ сочинитель «Римскихъ Писемъ» старался отыскать все драгоцѣнное сердцу любящему Церковь. Послѣ этого, я считаю себя уже въ полномъ правѣ не слѣдовать болѣе за нимъ въ поѣздкахъ его въ Салерно и Амальфи, куда онъ ѣздилъ на поклоненіе мощамъ Апостола Матѳея и своего соименнаго хранителя Андрея Первозваннаго. Описанія усыпальницъ великихъ Апостоловъ, особенно послѣдняго, какъ бы самаго роднаго намъ Славянамъ по духовному родству крещенія,—потому что онъ былъ первымъ нашимъ учителемъ, вездѣ, говорю, описанія эти прекрасны тѣмъ, что весьма отчетливы и проникнуты любовію къ святынѣ.

Жаль, что онъ только упомянулъ о мощахъ Св. Марка и не разсказалъ того, какъ ихъ похитили изъ Александріи въ 820 году два Венеціянскіе купца (*) и перенесли въ Венецію. Еще болѣе жаль, что онъ не посѣтилъ великой святыни нашего народа, мощей Св. Николая, Миръ-Ликійскихъ чудотворца. Каждый изъ насъ охотно пожертвовалъ бы описаніемъ торжества праздника Тѣла Господня (для котораго онъ торопился въ Римъ), чтобъ вмѣстѣ съ нимъ перенестись въ Бари и, такъ сказать, изъ собственныхъ устъ его услышать сказаніе о мѣстѣ успокоенія Святаго, котораго нашъ народъ избралъ высокимъ своимъ покровителемъ.

(*) По сказанію Баронія, подъ 820 г. были мужіе свѣтліи Бонусъ, Трибунъ Метамануенскій и Руспискъ Торцеллинскій.

Безъ боязни навлечь на себя сѣтованіе моихъ читателей, я рѣшаюсь пополнить этотъ послѣдній недостатокъ «Римскихъ Писемъ» и для этого выпишу изъ путешествія Барскаго все описаніе города Бари и его святыни. Разумѣется, изложеніе и взглядъ на предметы, все будетъ разнствовать съ изложеніемъ и взглядомъ разбираемаго мною сочиненія; но для меня тѣмъ пріятнѣе это различіе, что при всѣхъ такихъ внѣшнихъ разностяхъ, стоитъ только прочесть то и другое, тотчасъ же увидимъ, что оба путешественника воспитаны въ правилахъ Православной вѣры и какъ бы вмѣстѣ съ нею получили то спокойствіе взгляда и ту безвраждебность, которыми никакъ не могутъ похвалиться Католическіе писатели, когда они какъ-нибудь касаются до нашего вѣроисповѣданія.

«И едва въ Воскресенье, 28-го Іюля (1728 года)», пишетъ Барскій, «поздно въ вечеру, ради болѣзни ножной, достигохъ Бара-града, тогожде дня и спутникъ мой Іустинъ пріиде тамо поутру, и совокупившеся паки, идохомъ къ гостинницѣ Святителя Христова Николая, стоящей при церквѣ; въ ней-же мощи его почиваютъ; въ той гостинницѣ всякому приходящему перегрину даются черезъ три дни обѣды и ужины, и три раза къ пренощеванію свободно. Снидохомся же тогда не вѣмъ 10 или 12 человѣкъ, и по всегдашнему своему обыкновенію оглядѣвши всѣхъ патенты, представиша на трапезу честну и по довольной мѣрѣ вина; по снѣдѣніи же и благодареніи введе насъ странно-пріимникъ внутрь гостинницы, и даде всякому свое ложе, и спахомъ. Заутра же въ понедѣльникъ идохомъ въ церковь, въ ней же почиваютъ святыя мощи Чудотворца Николая, вшедшимъ же намъ тамо и созирающимъ, гдѣ мощи Святаго, и не обрѣтохомъ, видѣхомъ же множество народа съ женами и дѣтьми, входящихъ внутрь и исходящихъ вонъ по обою страну степенъми каменными, и тамо уразумѣхомъ, яко тамо суть мощи, и текохомъ.абіе въ слѣдъ ихъ степенъми мраморными широкими, лѣпотнѣ созданными, подъ спудъ великія церкви деснымъ входомъ, два бо суть тамо входа, единаче созданные, единъ одесную, и единъ ошую, тогда вшедшимъ намъ внутрь, обрѣтохомъ тамо инну церковь лѣпу, но не велику, яко до половины верхней, кратка бо зѣло и низка, токмо широка, яко-же и верхняя, ея же верхъ поддержится двадцатью шестью столпами, иже всѣ подобятся въ дѣлѣ, точію единъ разнствуетъ, меньшій бо тонкостію отъ прочихъ, и огражденъ рѣшеткою желѣзною, пре-

столовъ точію два имать, единъ начальный и другій подначальный, на нихъ же священницы на всякъ день отъ утра даже до полудня непрестанно совершаютъ мису. Престолъ первоначальный есть весь среброванъ хитростнымъ и лѣпотнымъ художествомъ, стоитъ же посреди церкви вверху гроба Святителя Христова Николая. Подвоніе церкви тое весьма гладкими и чистыми досками мраморными устлано есть, верхъ же ея весь лампадами сребряными украшенъ многочисленными; отъ нихъ же суть вящше яко пятьдесятъ; тамо мы слышахомъ литургію Римскимъ нарѣчіемъ и обыкновеніемъ отправляемыя, и по обычаю путническому помолившеся по силѣ своей, лобызахомъ гробъ Святаго, понеже мощей не отверзаху въ то время, не имутъ бо Римляне сего обыкновенія, кромѣ великой потребы; престолъ же оный великій есть, загражденъ спреди въ подобіе вертограда балясами отъ мрамора искуснѣ сѣченными; на той убо оградѣ оную стоитъ въ потирѣ, или чашѣ сребряной манна отъ мощей Святаго Николая, истекающая яко вода, и часто къ ней приходя, единъ отъ священникъ помазуетъ на челѣ крестообразно тѣхъ людей, которые по выслушаніи мисы, хотятъ отходити; тамо и мы приходихомъ многократне и мазахомся манною оною, не далече же того потира на другой странѣ въ стѣнѣ, въ маломъ ковчежцѣ, за рѣшеткою желѣзною есть отдѣленная часть сухая мощей Святителя Христова Николая, идѣже люди приходятъ и касаются перстами, досязающе чрезъ рѣшетку и лобызающе персты свои, чесому и азъ участникомъ быти сподобихся, егда же шедѣохомъ оттуда вонъ въ церковь великую, которая на верху стоитъ, видѣхомъ и строеніе ея лѣпо и честно зданно, три врата великія входныя имущіе, съ столпами каменными и подвоніемъ каменнымъ, пространно въ долготу, высоту и широту расположенное. Медлящимъ убо намъ въ Барѣ-градѣ чрезъ три дни на вечерю и поученіе ходяще къ вышеписанной гостинницѣ, въ день же потребная себѣ предуготовляюще; бываxомъ же на всякъ день на правилѣ церковномъ въ храмѣ Святаго Николая и о многихъ вещахъ вопрошающи ово отъ священникъ, ово отъ людей увѣстихомся, яко суть тамо близъ церкви торговыя лавки четыри, продающія сосуды стеклянные различнаго вида и образа, имущіе на себѣ икону Святителя Христова Николая изображенную, суть же нѣцыи зѣло малые, нѣцыи зѣло хитростнѣ и лѣпотнѣ созданные, сосуды же оные продаются праздны, ради взятія манны Святителя Николая отъ мощей его проистекающей, которая отъ церкви его раздается всѣмъ требующимъ; нѣцыи же сосуды, иже суть зѣло малы, наполнены и запечатаны крѣпко, продаются съ манною; отъ нихъ же и азъ купихъ нѣколико сосудцевъ наполненныхъ и два праздныхъ, и вдохъ и наполнихъ я въ Церкви, и спутникъ мой Іустинъ такожде; сосуды же оные строятся коштомъ церковнымъ, и собранные за нихъ деньги на управленіе церкви и снабдѣніе гостинницы путнической употребляются. Мира, или манны

тамо дается довольно, елико кто хощетъ, токмо сосуды да будутъ куплены изъ лавокъ церковныхъ, на нихъ же есть изображеніе Святаго Николая; кромѣ бо тѣхъ въ иные отнюдь не даютъ; суть тамо священницы, именуемые стражіе гроба Св. Николая поставовленные, иже суть въ отмѣнной чести сіи блюдутъ опасно себе, людій и гробъ Святителя Хрістова Николая, и сохранно ходятъ около святыни церковныхъ, такожде раздаютъ требующимъ оную воду, юже они тамо именуютъ, Sancta manna, т. е. Святая манна, и прочая потребная церквѣ творятъ.

Въ Барѣ-градѣ случися мнѣ пойти вкупѣ съ другомъ моимъ Іустиномъ до единаго Францисканскаго конвента, си есть монастыря, ради прошенія снѣди, идѣже единъ отъ братій тѣхъ, имѣя любовь Божію и ближняго въ сердцѣ своемъ, изнесе намъ нѣколико окружцовъ хлѣба бѣла и чиста отъ трапезы оставшихся, съ иною яствою, и вина мало, таже по снѣденіи того введе насъ внутрь монастыря въ единый уголъ темный, обѣщая намъ еще нѣчто принести въ снѣдь; и иде, повелѣвая ожидати его; таже принесе полмъ убрусецъ винограда сладкаго сухаго; и давши его намъ въ руцѣ, абіе самъ вержеся долу, хотя мои облобызати ноздѣ; мнѣ же, недопускающу его, заклятъ мя именемъ Божіимъ, да не возбраню ему, и оставихъ его по волѣ сотворити; и той нагія мои облобыза ноздѣ и даде мнѣ сандаліи, такожде и друга моего Іустина: но той бяше здравъ и обувенъ въ сандаліи, сего ради верху сандаліи лобыза его и отпусти насъ съ миромъ. Мы же праведно почитающе толь великую любовь и смиреніе инока того, удивляхомся зѣло, понеже еще первое случися видѣти толь великую добродѣтель въ Римлянѣхъ, еже въ незабвенную память написахомъ въ путницѣхъ своихъ. Разсмотрѣхомъ убо красоту града, который величествомъ и красотою есть яко же и градъ минувшій Барлетъ; стоитъ на веселомъ полѣ далече отъ горъ, яко едва зрятся отъ тамо, на мѣстѣ ровномъ, песчаномъ, чистомъ, на самомъ брезѣ моря, яко отъ единыя страны оградъ его омочаетъ волна морская; строеніемъ церквей, монастырей и домовъ есть лѣпотою; народа въ себѣ живущаго имѣетъ много, такожде и отъ приходящихъ на поклоненіе по морю и по суху есть множество. Тамо поставленъ есть архіерейскій престолъ, и Архіепископъ тамо живущій начальствуетъ, иже имать въ вѣдомствѣ своемъ 8 епископовъ. Въ самомъ городѣ Барѣ находится 8 мужескихъ и 4 женскихъ монастырей. Барь-градъ оградою каменною ограждемъ есть лѣпо, со враты отъ камене сѣченнаго зданными; окрестъ града суть много садовъ мигдальныхъ и иное овощи имущихъ; виноградовъ же и маслинъ велія изобиліе; тамо пшеницъ мало; отъ пристанища же морскаго много живетъ всякихъ вещей, понеже множество чужестранныхъ и окрестныхъ людей съ корабли тамо приплываютъ и куплю дѣютъ.

Предуготовившимъ же намъ вся тамо въ Барь-градѣ и уже хотя-

щимъ пзыти, зѣло жалѣхомъ, яко не видѣхомъ цѣлыхъ мощей Святителя Хрістова Николая, и како отъ нихъ истекаетъ манна, никому бо отверзаютъ гроба, мы же просихомъ зѣло прилѣжно всѣхъ оныхъ стражей гробу Святителя Хрістова, глаголюще: яко мы отъ толь далечайшихъ странъ не возлѣнихомся пріити единаго ради того, да видимъ и лобызаемъ мощи Угодника Божія; нынѣ же тщи отходимъ въ желаніи, како убо и что проповѣмы инымъ невидѣвшимъ, видѣвши сами и проч? Умилосердився же прошенію нашему, повелѣша замедлити намъ къ вечеру и ускорити въ церковь предъ вечернею, прежде даже не снитися людямъ отай хотяще намъ отверзти гробъ Святаго, да не будетъ зазоръ въ людѣхъ, понеже не имутъ обыкновенія николиже показывати, мы же сотворихомъ, якоже намъ повелѣно бысть; и егда пріидохомъ передъ вечернею въ церковь, поведе насъ Екклесіархъ въ скарбницу церковную, идѣже разныя святыни содержатся; показавъ же намъ мощи Святыхъ подробну, ихъ же множества ради воспомнити не могу; послѣди же поведя насъ въ оную вышеписанную церковь, яже есть подъ спудомъ верхнія церкви, къ великому олтарю, отъ сребра кованному, и отверзе съ преди малыя дверцы, яко точію человѣку можно вползти чревомъ; вползе же первѣе до пояса самъ онъ ключехранитель и зажже малъ свѣтильникъ, да зримо будетъ; влѣзохъ же азъ по немъ и мнѣхъ раку отверсту быти, яко же въ нашихъ странахъ по всюду святыхъ рака отворяется и подобна есть ковчегу, или просто рекши, сундуку; тамо же не тако, рака бо мощей Святаго никако же отверзается, понеже отъ мрамора изсѣчена толста и широка, аки нѣкій сосудъ или ковчегъ и глубоко въ землю, яко на пять пядій, равно съ подножьемъ престола поставленна недвижимо, и дскою великою, такожде отъ мрамора изсѣченною, привалена крѣпко; дверь же не отверзаютъ никогда же; се же мню того ради, яко мощи не суть, но или украдены отъ нихъ, или инуду сокровенны, или раздроблены на малыя частицы и розданы вмѣсто Святыхъ Римскихъ; и не мощно народу являти я; сквось оной дски мраморной сверху есть оконце, просѣченное круглое и не великое, яко можетъ ефимокъ, или рубль покрыти его, бысть же подъ онымъ оконцемъ на цѣпочкѣ желѣзной, внутрь зажженная свѣща, и завѣшенна глубоко, яко до половины раки, и влѣзши азъ тамо внутрь, положихъ едино око надъ оною скважиною, и видѣхъ раку оную мраморну глубочае лохтя въ земли, аки кладезъ до половины воды, или манны имущую, яже аки наичистѣйшая вода свѣтла есть, и сквозь ю подъ спудомъ зрятся, аки бы кости бѣлыя, отъ нихъ же оная вода исходитъ непрестанно; тѣла же нѣсть, но все расплыся, глаголютъ, въ миро, и кости не мощно познати, отъ какого члена суть, понеже не на своемъ мѣстѣ лежатъ, и не мняться быти истинныя кости, но отъ тогожде мрамора хитростнѣ изсѣченны, яко же уразумѣхомъ съ Іустиномъ. Егда

же изліяхъ азъ оттуда, влезе по мнѣ другъ мой и спутникъ Іустинъ. Вопроси же мя оный священникъ, иже отверзе гробъ Святаго еда ли видѣхъ добрѣ? отвѣщахъ, яко видѣхъ, токмо не могу уразумѣти, како тамо, (якоже прежде отъ многихъ слышахъ и чтохъ) отъ колѣна деснаго истекаетъ миро святое. Онъ же рече ми, яко не возможно есть познати, кая кость отъ колѣна, и кіи инныя, всѣ бо не на своемъ мѣстѣ лежатъ, по смѣшанны пренесенія ради, отъ колѣна же деснаго точію начатъ миро точитися, нынѣ же равно отъ всѣхъ костей исходитъ. Егда же и излезе другъ мой Іустинъ, паки азъ смотрѣхъ вторицею, и уразумѣхъ лучше. Таже послѣди вопросихомъ стража гробу онаго, аще убо гробъ никогда же не отверзается, то како почерпаютъ миро? Отвѣтствова, яко сквозь оное малое оконце тянутъ хитростнѣ устроеннымъ орудіемъ. Тогда мы за вся, яже видѣхомъ и слышахомъ, Богу благодареніе сотворше и Его угоднику Святому Николаю, изыдохомъ отъ Бара-града тогожде дня 31-го Іюля, въ среду, предъ захожденіемъ солнца. »

(Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго—Плаки—Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и окончанное въ 1747 году, и имъ самимъ писанное. Изданное пятымъ тисненіемъ. Въ С. П.-Б. 1800 г. in-4°. стр. 49-53).

Этою выпискою можно было бы мнѣ заключить разборъ сочиненія Г. Муравьева, въ отношеніи его къ Церкви. Смотря на него, какъ на собраніе писемъ, мы собственно говоря, не имѣли бы права требовать болѣе того, что передаетъ въ нихъ авторъ, особенно когда это переданное такъ полно и прекрасно. Но письма эти были назначаемы для насъ, читающихъ Русскихъ, они не случайно появились въ печати, и это самое даетъ намъ право объявить многія требованія.

Начиная съ перваго письма, мы весьма часто встрѣчаемъ слово *базилика*, и встрѣчаемъ его въ различныхъ значеніяхъ. Бо́льшею частію этимъ именемъ называются Римскія церкви, и то только нѣкоторыя, именно семь главныхъ; въ одномъ мѣстѣ авторъ разсказываетъ о древней базиликѣ Улпіевой. Это невольно влечетъ за

собою вопросъ — что̀ такое базилика? Вопросъ весьма умѣстный у насъ, гдѣ это слово совершенно чуждо Церкви, и даже весьма умѣстный вообще, потому что для всѣхъ было бы любопытно выслушать мнѣніе изыскателя въ области церковной исторіи :—были ли точно превращены древнія языческія базилики въ Хрістіянскіе храмы, или первые Хрістіянскіе храмы названы базиликами по единству устройства ихъ съ языческими. Для насъ рѣшеніе вопроса этого было бы тѣмъ любопытнѣе, что оно повело бы къ другому весьма важному, особенно важному въ настоящую минуту, когда наша народность, начиная овладѣвать всѣми сторонами жизни, непремѣнно хочетъ на всемъ положить печать свою, и разумѣется, прежде всего на томъ, что̀ къ ней ближе, и что̀, такъ сказать, съ нею сливается и составляетъ нераздѣльную часть ея, т. е. на внѣшности нашей церковной жизни, именно на зодчествѣ нашихъ храмовъ. Рѣшите вопросъ о базиликахъ, и это тотчасъ же наведетъ на объясненіе различія между храмами западными и восточными; потому что базилики были первою ступенью къ тому огромному цѣлому въ зодчествѣ, что̀ въ послѣдствіи времени выразилось Хрістіянскимъ средневѣковымъ зодчествомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *готическаго* (*). Наши храмы, съ самыхъ первыхъ временъ

(*) Между тѣмъ, какъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ (кн. II. гл. 57.) сказано: церкви должны быть продолговатыя, подобныя кораблю. Церковь, построенная Константиномъ на Голгоѳѣ, была круглая; а построенная имъ же въ Антіохіи, осмиугольная (Euseb vit. Constant. l. 3. c. 38. 50.) За чѣмъ же тотъ видъ церкви, и который упоминается въ Постановленіяхъ Апостольскихъ, приписывать только церквамъ Католическимъ, и объяснять его происхожденіе изъ злоупотребленій, вкравшихся въ Западную Церковь гораздо позже Григорія Великаго? 2) На какомъ основаніи сказано, что всѣ наши храмы имѣли видъ правильнаго, т. е. равноконечнаго креста? Между тѣмъ какъ и въ Греціи и въ Россіи многія древнія церкви болѣе длинны, чѣмъ широки? 3) Почему равноконечный крестъ названъ правильнымъ? Крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель, не былъ равно-

Христіянства, часто имѣли видъ равноконечнаго креста, между тѣмъ какъ Латинскіе, со времени базиликъ, представляли въ основѣ или длинный прямоугольникъ, или длинный крестъ. Такое различіе не было дѣломъ произвола; оно совершенно роднится съ различіемъ двухъ богослуженій. У Католиковъ западныхъ народъ только присутствуетъ при обѣдни, потому что въ ней все: чтеніе Евангелія, безкровное жертвоприношеніе и *проповѣдь*, все производится священникомъ безъ участія мірянъ. Наша обѣдня, вмѣстѣ съ освященіемъ даровъ и жертвоприношеніемъ, соединяетъ еще общественныя молитвы, произносимыя діакономъ отъ лица всей Церкви;—вотъ одно, что̀ уже требуетъ сосредоточенія всѣхъ около мѣста служенія. Потомъ, закрытый алтарь—второе условіе, не позволяющее имѣть множества придѣловъ въ одномъ храмѣ, и потому не допускающее распространенія его въ длину.

Авторъ «Римскихъ Писемъ» не входитъ въ подробности устройства базиликъ; все, что̀ онъ говоритъ объ нихъ, по случаю базилики Константиновской (ч. I. стр. 316), ограничивается немногими строками, изъ которыхъ мы узнаемъ, что

«Базилики служили судилищною палатою; для совершенія всякаго рода актовъ, предъ лицемъ правительства, и для суда уголовнаго; имя царственное Василевса, втораго Архонта Аѳинскаго, который рѣшалъ ихъ, сообщилось и зданіямъ судебнымъ. Когда же Христіянская вѣра сдѣлалась внезапно господствующею, Константинъ и его ревностные преемники поспѣшили обратить ихъ въ святилища, потому что они благопріятствовали богослуженію своею обширностію и внутреннимъ устройствомъ: возвышенное мѣсто судей послужило

конечный. *) Наименованіе базилики встрѣчается гораздо прежде того времени, въ которое на Западѣ ослабѣло участіе мірянъ при совершеніи литургіи. Наименованіе это встрѣчается у Амвросія, Августина, Іеронима и другихъ писателей. Напрасно Г. Рецензентъ упрекаетъ сочинителя Римскихъ писемъ въ краткости его упоминанія о базиликахъ, самъ говоритъ объ этомъ предметѣ только мимоходомъ и намеками, и не даетъ ясныхъ и твердыхъ доказательствъ.

для алтаря, середина церкви отдѣлялась и украшалась *боковыми колоннами* (?), а самое предверіе базиликъ оказалось нужнымъ для кающихся и оглашенныхъ. Такимъ образомъ всѣ первоначальныя церкви удержали названіе базиликъ, и послѣдующія начали строить по ихъ образцу.»

Не говорю уже о неточности описанія, потому что столбы, называемые сочинителемъ Писемъ—боковыми колоннами, существовали и въ самыхъ базиликахъ, и если взглянуть на нѣкоторыя изъ нихъ, то онѣ безъ всякаго измѣненія имѣютъ видъ западной церкви. Но оставя это, изъ немногихъ приведенныхъ мною строкъ можно было бы заключить, что языческія, или точнѣе называя, мірскія судилища, какими были древнія базиликы, обращены въ послѣдствіи въ Христіянскіе храмы Пожалуй на это есть и историческое свидѣтельство въ рѣчи Авзонія Императору Граціану:

Basilica, olim negotiis plena, nunc votis pro tua salute susceptis.

«Базилика, нѣкогда наполнявшаяся общественными дѣлами, теперь наполняется молитвами за твое здравіе.»

Но противъ этого можно противупоставить другое, именно, что кромѣ базилики въ городѣ Тревѣ (Treves), томъ самомъ, въ которомъ писалъ Авзоній, превратившейся въ храмъ Христіянскій, если бы такое превращеніе было въ обыкновенномъ ходу, то за чѣмъ же было раззорять ихъ и строить новыя церкви въ Римѣ, гдѣ были богатыя базилики: Argentaria, Fulria, особенно Aemilia и Ulpia, безъ всякой передѣлки годныя для Католическаго храма, не говоря уже о многихъ второстепенныхъ?

Изъ одного этого намека читатели мои могутъ понять всю важность вопроса о базиликахъ. Еще повторю: весьма жаль, что авторъ «Римскихъ Писемъ» коснулся его только мимоходомъ и весьма неудовлетворительно рѣшилъ то, что прежде всего требовало отъ него рѣшенія. Я очень охотно пополнилъ бы въ своемъ разборѣ такой сильный недостатокъ ихъ, но самый во-

просъ такъ обширенъ и многостороненъ, что совершенно отвлекъ бы меня отъ главнаго моего дѣла. По этому я ограничусь указаніемъ на источники, изъ которыхъ можно почерпнуть подробныя и отчетливыя свѣдѣнія о значеніи и объ устройствѣ базиликъ, и гдѣ можно найти много остроумныхъ мнѣній и глубокихъ изслѣдованій на счетъ перехода ихъ въ Хрістіянскіе храмы. Изъ нихъ одно небольшое сочиненіе исключительно занимается базиликами, это Les basiliques de Rome chrétienne, par Bunsen; in 4°; 1843. Тотъ же самый Бунзенъ, бывшій посланникомъ въ Римѣ отъ Прусскаго Двора, много писалъ объ нихъ въ лучшемъ описаніи Рима, сдѣланномъ имъ и Платнеромъ, Саксонскимъ посланникомъ при Папскомъ Дворѣ, и еще въ запискахъ Римскаго Археологическаго общества. Въ другомъ большомъ сочиненіи Римскія базилики входятъ только частію, но за то тамъ разсмотрѣны всѣ другія: Помпейская, Геркуланская, Тревская и проч. Это въ *l'Architecture religieuse d'Italie; depuis le règne de Constantin jusqu'au quinzième siècle, reproduite par quatre-vingt-une planches lithochromatiques par Owen Jones, accompagnées d'une introduction et d'un texte, par Ar. Henry Gally Knight, 2 vol. grands in-folio. Londres; 1842 et 1844.*

Довольно о базиликахъ, перейдемъ къ Письмамъ.

Вообще авторъ «Римскихъ Писемъ» очень нерасположенъ къ народу Римскому; однажды, на примѣръ, увлекшись набожностію, онъ укоряетъ его за то, что вовсе не составляетъ вины его. (стр. 140) «Видя движеніе и веселость народную, не возможно было себѣ представить, что это дни плача и сокрушенія; но для Рима дни сіи весьма значительны, ибо деньгами иностранцевъ они питаютъ гражданъ его цѣлый годъ». Во первыхъ, читая прежде этого описаніе украшенія лавокъ, вы никакъ не доберетесь,—когда это бываетъ?

По видимому кажется въ Великій Четвергъ, между тѣмъ какъ такъ украшаютъ лавки въ Страстную Субботу. Но самый такой обычай вовсе не такъ отвратителенъ, какъ представленъ онъ въ Письмахъ. Надобно припомнить, что въ Римѣ Воскресеніе Спасителя объявляется въ Субботу утромъ, какъ это говоритъ и Г. Муравьевъ (стр. 156) и справедливо укоряетъ Католиковъ за такое раздвоеніе праздника; слѣдовательно тамъ вечеромъ въ Субботу нѣтъ уже печали, потому что провозглашено Воскресеніе Христово. Это одно. Во вторыхъ, въ самомъ обычаѣ украшать лавки нѣтъ ни неуваженія къ Церкви, ни ненабожности: украшаются не «всѣ маленькія лавки», а мясныя, колбасныя и вообще тѣ, въ которыхъ продаются скоромныя снѣди; даже и въ самомъ украшеніи всегда есть что-нибудь, напоминающее церковное торжество: въ одномъ мѣстѣ вы видите сдѣланное изъ масла Поклоненіе Волхвовъ; въ другомъ—изображеніе Гроба Спасителева; въ третьемъ—Воскресеніе Христово и т п. Все это легко указываетъ на происхожденіе обычая: въ былыя времена, когда въ Римѣ, какъ и у насъ теперь внутри Россіи и между коренными Русскими, посты существовали не по одному названію; тогда Свѣтлое Воскресеніе было днемъ великаго розговѣнья; по этому мясныя лавки наполнялись народомъ, и тогда онѣ священными изображеніями какъ бы соучаствовали въ общемъ, великомъ празднествѣ.

При этомъ вспомнишь путешествіе Барскаго,—у него православіе дружится съ любовію къ простому народу въ Италіи; а авторъ «Римскихъ Писемъ» часто бранитъ его и иногда, какъ и въ приведенномъ нами случаѣ, это бываетъ и некстати и несправедливо.

Обходя Римскія церкви, Г. Муравьевъ вездѣ вѣритъ на-слово своимъ вожатымъ и часто, упоминая объ иконахъ Божіей Матери, говоритъ: «писанная Св. Лукою», нисколько не изслѣдуя, справедливо ли это, или нѣтъ. Что еще страннѣе, весьма многія иконы онъ называетъ

Византійскими. Особенно это бросается въ глаза, когда онъ упоминаетъ объ иконѣ въ церкви *S. Maria in Cosmedin*, подлѣ площади, извѣстной подъ названіемъ — Уста Истины (Bocca di verita). Всѣ Римляне принимаютъ ее за Византійскую, и Г. Муравьевъ, соглашаясь съ ними, пишетъ: (ч. I. стр. 377): «но еще сохранилась надъ горьнимъ мѣстомъ большая икона Божіей Матери, высокаго письма, перенесенная изъ Царьграда во время гоненія иконоборцевъ». Между тѣмъ какъ намъ, привыкшимъ къ Византійской живописи съ самаго дѣтства, стоитъ только повнимательнѣе всмотрѣться, чтобъ видѣть явный подлогъ. Не говоря уже о выраженіи лица младенца Спасителя, совершенно высказывающемъ подложность, надобно только обратить вниманіе на самое письмо, и тотчасъ же увидишь, что эта поддѣлка подъ Византійскую икону произведена не ранѣе XVI столѣтія. Есть въ Римѣ въ другой церкви драгоцѣнность Византійской школы, извѣстная весьма немногимъ, именно въ Доминиканскомъ монастырѣ Св. Сабины (что на холмѣ Авентинскомъ), о которомъ авторъ Писемъ говоритъ (ч. I стр. 332.): «для насъ обитель сія не представляетъ ничего близкаго къ сердцу», никакъ не предполагая, чтобы тутъ была Византійская икона, какихъ мы немного можемъ указать и у насъ. Со всею вѣрностію Византійской школѣ, въ ней соединено превосходство работы. Ликъ Богоматери совершенно сходенъ съ описаніемъ, дошедшимъ до насъ по преданіямъ отъ современниковъ, и, смотря на него, невольно убѣдишься, что иконописецъ не бралъ ни натурщицы для изображенія Матери Спасителя, ни обращался къ своему собственному воображенію. Это одна изъ немногихъ самыхъ поучительныхъ для живописцевъ иконъ Византійской школы, и если бы не было другихъ, она одна могла бы отвѣтить на крики многихъ изъ нашихъ живописцевъ, воспитанныхъ въ Протестантскомъ и Католическомъ направленіяхъ; не могшіе питать въ сердцахъ своихъ глу-

бокаго уваженія къ нашимъ древнимъ иконамъ, они, разумѣется не въ состояніи постигнуть нерукотворной высоты ихъ первообразовъ. Безъ этого напрасно они будутъ произведенія своего холоднаго воображенія украшать позлащеннымъ сіяніемъ вокругъ головы, или писать на золотомъ полѣ. Не золото и не одна одежда составляютъ существенное отличіе иконъ нашихъ, а то, что̀ однимъ холоднымъ изученіемъ безъ душевнаго благоговѣнія, никогда не будетъ понято, это именно первообразы ликовъ и согласіе съ ними всего остальнаго, принятое нами изъ рукъ перваго Хрістіянства. Чего не чтишь въ душѣ, того не заставишь чтить одною внѣшностію, — это было давно сказано въ дѣлѣ иконъ Московскимъ Патріархомъ Іоакимомъ въ окружной грамотѣ, изданной имъ въ 1674 году, гдѣ между прочимъ, запрещая печатать и продавать «по крестцамъ и въ рядахъ на бумажныхъ листахъ св. иконы, на подобіе лицъ Нѣмецкихъ и въ своестранныхъ одеждахъ», онъ прибавляетъ: «потому что еретики своихъ иконъ не почитаютъ, и ругаяся развращенно печатаютъ на смѣхъ Хрістіянамъ.»

Не говоря уже о Протестантахъ, отвергающихъ иконы, даже Католическая иконная живопись по духу и направленію своему совершенно отлична отъ нашей иконописи, и автору Писемъ надлежало бы показать такое различіе. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что у насъ въ церквахъ не позволены изваянія, тутъ слѣдовало бы указать и на то, что и въ самыхъ образахъ наша Церковь не допускаетъ дерзкихъ и часто безстыдныхъ искаженій, а заповѣдываетъ строго держаться правовѣрія, т. е. вѣры первыхъ поборниковъ Хрістіянскаго міра.

Оканчивая этимъ указанія на религіозную часть «Римскихъ Писемъ» я долженъ просить моихъ читателей обратить вниманіе на тѣ статьи (на примѣръ, на XIII письмо), которыя, хотя и не имѣютъ Церкви пря-

мою цѣлію, но знакомять съ духовною ея іерархіею. Все это вообще, во многихъ мѣстахъ, такъ ново для большинства читателей, что нельзя не посовѣтовать каждому изъ ѣздящихъ въ Римъ—имѣть эту книгу своимъ непремѣннымъ руководителемъ, въ отношеніи къ Риму церковному, а незнающимъ Рима—взять ее, какъ первый и лучшій изобразитель Римской святыни, многихъ обрядовъ Римской Церкви и настоящаго состава ея іерархіи.

Отдавая за все это автору Писемъ должную справедливость, я вездѣ считаю обязанностію показать на его сочиненіе, какъ на первое въ своемъ родѣ, какъ на самое полное въ отношеніи къ Римской святынѣ, но ни коимъ образомъ не какъ на образцовое. Есть мѣста, которыхъ нѣтъ возможности окончить, при всемъ желаніи прочесть ихъ и даже при всемъ снисхожденіи къ большимъ недостаткамъ слога, выкупаемымъ во первыхъ его особенностію, во вторыхъ высокими достоинствами содержанія.

Между такими скучными страницами особенно замѣчательны неудачныя описанія, и еще менѣе удачные переводы автора изъ Іоанна Златоуста и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Потомъ еще неудачнѣе его возгласы, сопровождаемые и предшествуемые междометіями *ахъ!* и *увы!*

(ч. I. стр. 344). Ахъ! и не мое только грѣшное сердце...

(ч. II. стр. 291). Ахъ! не такъ ли и мы вопреки...

(ч. II. стр. 307). Ахъ! если бы она была у насъ...

Странно, какъ Г. Муравьевъ, такъ глубоко изучавшій нашу духовную литературу, не замѣтилъ, что они нисколько не необходимы для высказыванія истинной полноты чувства. Трудно найти въ нашемъ письменномъ мірѣ, особенно послѣдняго времени, что-либо написанное лучше проповѣдей Московскаго Митрополіта Филарета, а между тѣмъ ни восторгъ, ни уныніе, нигдѣ

не нуждаются у него въ вынсканныхъ восклицаніяхъ. Вездѣ сила чувства и еще больше глубина ума находятъ способъ явить себя въ силѣ слова, независимой отъ беззначительныхъ восклицаній. Даже у самого автора Писемъ, они являются только тамъ, гдѣ теряется простота сердечныхъ ощущеній и чаще всего, когда вдругъ ему вздумается быть или патетическимъ или восторженнымъ, тогда какъ напыщенность выраженій, натянутость длинныхъ періодовъ и подборъ прилагательныхъ ясно высказываютъ натяжку такихъ явленій души, а не невольное ихъ выраженіе. Естественное чувство непремѣнно естественно выражается. Самъ авторъ Писемъ можетъ служить доказательствомъ этого, когда онъ за нѣсколько страницъ до искаженнаго по языку и натянутаго перевода Іоанна Златоуста (*), передаетъ наблюденіе православнаго пришельца въ Римъ подъ впечатлѣніемъ собственнаго сердца (ч. I. стр. 343), и надъ тѣмъ различіемъ ощущеній, какое происходитъ въ душѣ при приближеніи къ гробамъ Апостоловъ Петра и Павла.

Это странное различіе чувствъ, подмѣченное Г. Му-

(*) Переводъ похвалъ Апостолу Павлу (на стр. 345—354-й Рим. инс.) вѣренъ отъ слова до слова. Пусть справится г. Рецензентъ съ подлинникомъ, или съ хорошими переводами Латинскими, либо Нѣмецкими. Тутъ нѣтъ напыщенности, или натянутыхъ выраженій; если приписывать ихъ переводчику, то необходимо приписать ихъ и Св. Златоусту. А о Св. Златоустѣ нельзя сказать, чтобы онъ натягивался на тонъ патетическій или восторженный, не одушевляясь истиннымъ восторгомъ,—даромъ что у него и длинные періоды, и много эпитетовъ, и часто встрѣчаются восклицанія: *о!* и, *увы!* которыя нерѣдко слышимъ и у Пророковъ. Нѣтъ! Златоустъ такъ глубоко чтилъ въ душѣ (стр. 75 строк. предпосл. сей рукописи,) своей Ап. Павла, что всѣ сильныя слова, представлявшіяся ему, считалъ еще слабыми для выраженія того удивленія къ Апостолу, какимъ онъ былъ исполненъ. Надобно имѣть это его чувство благоговѣнія, чтобы правильно судить о томъ, напыщенны ли похвалы его, или искренни. Доросли ли мы до этого?

равнѣвымъ, испытываетъ каждый изъ насъ, бывши въ Римѣ, но до сихъ поръ никто не передалъ это такъ отчетливо и никто не вникъ въ его причину.

Коснувшись недостатковъ въ отношеніи къ языку, я долженъ сказать, что употребленіе *ахово*, натяжка и неестественность разсказа — суть самыя ничтожныя. Весьма и весьма бы охотно отказался я отъ непріятнаго и, правду сказать, довольно мелочнаго дѣла, разбирать неточности выраженій, неумѣстность употребленія словъ и даже нехудожественность состава рѣчи; но обязанность критика не позволяетъ мнѣ остановиться на одномъ содержаніи, тѣмъ болѣе, что въ литературномъ произведеніи, внѣшняя оболочка есть нераздѣльная часть его. Въ самомъ началѣ моего разбора, я упомянулъ, что, по моему мнѣнію, «Римскія Письма» были писаны прямо на мѣстѣ, и даже я могу здѣсь прибавить, они не были просмотрѣны ни въ рукописи, ни въ корректурѣ. Только этимъ и можно объяснить небрежность языка, неумѣстное употребленіе прилагательныхъ, часто совершенно въ другомъ смыслѣ, нежели какого требуетъ значеніе, и наконецъ отсутствіе всякаго плана. Авторъ, понадѣявшись на свои заслуги Русской словесности, оказанныя содержаніемъ его прежнихъ сочиненій, но нисколько не языкомъ ихъ, думалъ, что онъ можетъ обращаться съ читающими, какъ съ своими старыми пріятелями, которымъ будетъ пріятно слышать, что̀ и какъ онъ ни передастъ. Отъ этого онъ въ нѣсколькихъ Письмахъ начинаетъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ столько, сколько ему вздумается, и такъ, какъ ему вздумается. Языкъ предписывается ему не предметомъ, а совершенно собственнымъ произволомъ. Такъ на примѣръ, описывая лѣстницу на Испанской площади (ч. I. стр. 75), онъ говоритъ: «но пусть только оглянется тотъ, *кто утомленною стопою взойдетъ на сію каменную громаду, сложенную руками исполиновъ*, и онъ позабудетъ трудный восходъ свой.» За-

мѣтьте, что этотъ трудный восходъ не на верхъ купола Св. Петра, не на вершину Везувія, ни даже не на верхній ярусъ Колизея, а на покойную, прекрасную лѣстницу во 100 ступеней, по словамъ автора. Въ ней собственно 136 ступеней,— я это знаю случайно, потому что жилъ подлѣ нея и *утомленною стопою* всходилъ на нее ежедневно. Да проститъ мнѣ почтенный авторъ, что я позволяю себѣ шутку въ разборѣ сочиненія, котораго нельзя не уважать за его направленіе и за высокія достоинства, перечтенныя мною выше; но разбирающій—посредникъ между сочинителемъ и читателемъ; въ его словахъ долженъ быть слышанъ отголосокъ словъ читающихъ, а, право, при всемъ уваженіи къ книгѣ, невозможно не смѣяться надъ напыщенностію описаній. Вотъ, на примѣръ, одно изъ нихъ (ч. I стр. 163):

«*Пустынно плавала* луна по Римскому небу, на которомъ трепетала голубымъ огнемъ (?) планета Юпитера, именемъ своимъ напоминавшая Капитолійскаго (!!?)! Лучи мѣсяца падали въ глубокій Колоссей, какъ изъ разбитаго сосуда, струились вонъ изъ его развалинъ.»

Слишкомъ много было бы выписывать всѣ подобнаго рода описанія, въ которыхъ читатели мои могутъ найти (ч. II. стр. 203) при изображеніи Везувія: «*какъ будто бы розами дышетъ страшное жерло его.* Когда же ясная ночь . . . . *отразится хоромъ свѣтилъ своихъ* . . . . когда луна выставитъ *свой серебристый парусъ, посреди звѣздной пучины.*»

Всего страннѣе то, что такого рода напыщенныя описанія, вы встрѣчаете рядомъ съ другими прекрасными и проникнутыми неподдѣльнымъ чувствомъ. Въ нихъ видно, что авторъ знакомъ съ древнею литературою и исторіею, и вообще они такъ хороши, что не можемъ понять, какъ они могли выйти изъ подъ одного пера съ тѣми, на которыя я сей часъ только ссылался. Между такими прекрасными мѣстами можно особенно указать на описаніе развалинъ у подножія Палатина (ч. I. стр. 317.).

Я объясняю такую несообразность тѣмъ, что авторъ Писемъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность непремѣнно восхищаться всѣмъ, что восхищаетъ и восхищало другихъ, и былъ ли онъ расположенъ въ ту минуту приходить въ восторгъ или нѣтъ, онъ, по долгу путешественника, и еще въ добавокъ пишущаго путешественника, считалъ обязанностію дѣлать восторженныя описанія. Это одно. Второй недостатокъ сочинителя «Римскихъ Писемъ» желаніе быть поэтомъ, хотя бы это было на перекоръ природѣ и судьбѣ, назначившимъ его быть умнымъ, разсудительнымъ и *прекраснымъ* прозаикомъ, какимъ онъ и сдѣлается непремѣнно, если только въ прозѣ своей болѣе будетъ заботиться о чистотѣ языка. Хорошо будучи знакомъ съ Латинскою литературою, онъ не можетъ не знать словъ Цицерона: Oratores fiunt, poëtae nascuntur. Можно сдѣлаться ораторомъ, но поэтомъ должно родиться.

Чтобъ показать моимъ читателямъ, что слова мои не есть одно пустое предположеніе, я представлю въ доказательство:

1.) Стихи Г. Муравьева, помѣщенные въ концѣ книги:

Италія, страна могилъ,
Развалинъ и воспоминаній,
Италія, я полюбилъ
Младенцемъ, гулъ твоихъ преданій!
Твой мертвый Римъ меня сковалъ,
Окостенѣвшею рукою;
Въ толпѣ тѣней я возсталъ,
Родился я съ твоей семьею....
И вотъ онъ Римъ! — въ потокѣ лѣтъ
Сбылись мечты мои златыя;
Но въ Римѣ стерся Рима слѣдъ!
Лишь тѣни тамъ и тѣ нѣмыя!
Былому отголоска нѣтъ, —
Въ гробахъ, о Римъ, твои живые!

Что значитъ вторая строфа? трудно рѣшить безъ толкованія самого автора. Сюда можно бы было прибавить еще стихи, которыми «излились чувства» автора

знакомимся изъ записокъ людей, которые болѣе знакомы съ архитектурою, и не изобразятъ намъ перваго полусферическимъ, а при второмъ войдутъ въ его древнее значеніе и красоту и тѣмъ оживятъ настоящіе его остатки. О чудныхъ произведеніяхъ Греческаго рѣзца и Италіянской кисти,— мы поищемъ сужденій и описаній людей, болѣе занимавшихся искусствомъ, нежели сколько занимался имъ Г. Муравьевъ,—небольшой ихъ любитель. Исторію Рима и другихъ городовъ и республикъ Италіянскихъ, мы послушаемъ у того, кто дастъ каждому событію свое значеніе, и богатство Римской знати не припишетъ *единственно* тому, что предки Римскихъ *Князей были племянниками Папъ*. Но преданія церковныя, описаніе Римской святыни, образованіе монашескихъ орденовъ, ихъ развѣтвленія, ихъ многоразличные уставы, потомъ Хрістіянскія легенды, соединенныя съ улицами, какова напр. *улица новообращенныхъ женъ*, *via delle convertite*, съ площадями, каковы площади Навонская и Уста Истины, съ цѣлыми урочищами въ окрестностяхъ Рима, лѣтописи монастырей, житія отшельниковъ, которыми полны архивы и разсказы иноческихъ обителей; для всего этого, врядъ-ли можно найти другаго свѣтскаго писателя, который, болѣе нежели Г. Муравьевъ, былъ бы знакомъ съ древне-Хрістіянскою церковною письменностію, былъ бы болѣе его опытенъ въ критическихъ розыскахъ въ дѣлѣ Церкви, болѣе вѣренъ преданіямъ и правиламъ нашей Православной Вѣры и наконецъ вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, былъ бы болѣе его преданъ Россіи и всему Русскому.

Римъ.

Ѳ. Чижовъ.

Печатать позволяется, Декабря 5-го дня 1846 года.

Цензоръ, Профессоръ, Протоіерей
Ѳеодоръ Голубинскій.

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ, съ присовокупленіемъ очерка монументальной исторіи Москвы и древнихъ видовъ и плановъ древней столицы. Сочиненіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Дѣйствительнаго Члена Ивана Снегирева. Съ тремя планами Москвы, двадцатью тремя картинами, по рисункамъ Академика Солнцева, отпечатанными красками, и осьмнадцатью гравированными и литогравированными рисунками. Изданіе Августа Семена, посвященное Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю I-му. Москва. 1842–1845. in–4°. Въ два столбца.

Городъ пышный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы.
Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
Сколько храмовъ, сколько башенъ,
На семи твоихъ холмахъ!

Такою является Москва въ глазахъ поэта, но врядъ-ли она не выше, не прекраснѣе и не величественнѣе въ глазахъ историка и историка Русскаго, когда онъ во всемъ, въ ея пышности, въ древности, въ томъ, что она не выстроилась въ строй по указанному ей расположенію домовъ и улицъ, а вышла прямо изъ состава и началъ народной Русской жизни; когда онъ во всемъ увидитъ исторію своего народа и именно тѣ періоды

исторіи, въ которые всѣ сословія народа Русскаго жили своею самостоятельною жизнію, или вѣрнѣе, когда самостоятельность ихъ жизни являлась и во внѣшности, не прикрываясь чуждыми формами. На что онъ ни взглянетъ, что ни возьметъ изъ *коренной* Москвы, все раскажетъ ему что-либо изъ древняго быта Русскаго, и часто то, что потерялось уже въ жизни общественной, и если сохранилось, то развѣ въ быту простонародномъ, часто мы найдемъ ясно разсказаннымъ остатками Московской древности. И такъ эти памятники Московской древности никакъ не суть для насъ предметы простаго любопытства, но историческіе источники, и источники самые вѣрные, потому что даже самыя поправки и посяганія на ихъ священную цѣлость и неприкосновенность дѣлаются историческими данными и еще болѣе наводятъ мысль на ихъ древнія сказанія; «ибо памятникъ», справедливо говоритъ Митрополитъ Филаретъ, «есть безмолвный проповѣдникъ, который въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть превосходнѣе говорящаго, потому что не прекращаетъ порученной ему проповѣди, и такимъ образомъ она доходитъ до цѣлаго народа и до многихъ послѣдовательныхъ родовъ.»

Эти слова нашего первокласснаго писателя-проповѣдника приведены въ книгѣ Г. Снегирева; ссылка на нихъ ручается намъ за то, что сочинитель ея совершенно того же мнѣнія, и что, принимаясь описывать «Памятники Московской древности», онъ хочетъ указать намъ на нихъ, какъ на историческихъ свидѣтелей и разскасчиковъ прошедшаго.

Но это одно ихъ значеніе, а когда мы вспомнимъ что Москва «спасла въ нѣдрахъ своихъ отечество и вѣру средп кровавыхъ и огненныхъ испытаній, соединила въ себѣ все, чѣмъ памятно для насъ прошедшее, свято настоящее, утѣшительно будущее; по справедливости заслужила названіе *матери и сердца Россіи*,

царелюбиваго и Богоспасаемаго града (стр. 1. столб. 1.)», тогда каждый памятникъ изъ простой исторической лѣтописи дѣлается поэтическою пѣснію. Въ ней попеременно слышимъ то стенанія, плачъ и вопли народа, то радостные его клики и возгласы: вездѣ Москва или терпитъ и страдаетъ за одно съ народомъ и часто страдаетъ за народъ, или ликуетъ при его ликованіи. Нельзя было народу не любить ея, какъ средоточіе всей его жизни, и дѣйствительно, до того народъ Русскій возлюбилъ ее, что имя ея слилъ во-едино съ именемъ своей народности, съ именемъ самого себя, и слово *Москва* взялъ себѣ призывнымъ кличемъ во всѣхъ важныхъ явленіяхъ жизни *земской*, т. е. жизни собственно народной. Нельзя и намъ Русскимъ послѣдняго періода Русской исторіи не любить и не чествовать Москвы, когда все, что̀ есть въ насъ *Русскаго*, слѣдовательно все, что̀ такъ высоко насъ поставило въ глазахъ всего міра, взращено, воспитано и пущено на поприще всемірной дѣятельности нашею древнею первопрестольною столицею. Въ-ней, слишкомъ за четыре вѣка до насъ, Московскій Святитель Св. Митрополитъ Петръ, пророчески предсказалъ ея настоящее величіе: «аще мене, сыну, послушаеши, и храмъ Пречистыя Богородицы воздвигнеши, и мене успокоиши въ своемъ градѣ, и самъ прославишися паче инѣхъ Князей, и сынове, и внуци твои въ роды: и градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и Святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руки его на плеща враговъ его, и прославится Богъ въ немъ (примѣч. А стран. 1.)».

Пророческое сказаніе его о величіи Москвы сдѣлалось сказаніемъ о величіи Русскаго царства, потому что Москва какъ бы сосредоточила въ себѣ всю Россію. По этому и въ сердцѣ Русскаго любовь къ Москвѣ сливается во-едино съ любовію къ отечеству; по этому же именно она въ свою очередь не требуетъ никакой мѣстной исключительности, не налагаетъ ни на кого ли-

какихъ оковъ. Ей близко все то, что близко сердцу Русскаго, и доступно все, что доступно Русской природѣ. Сосредоточивая въ себѣ народность, она движется вмѣстѣ съ нею и откликается на всѣ истинные успѣхи человѣчества, принимая мѣриломъ ихъ истины туже самую народность, т. е. одобряя или не одобряя нововведенія, смотря потому развиваютъ они или портятъ простую природу того еще неиспорченнаго народа, который вознесъ ее на степень своего представителя. Такое одобреніе и отверженіе дѣлалось въ ней не частнымъ и не личнымъ произволомъ того или другаго, но общимъ земскимъ противудѣйствіемъ.

Исторія Москвы сливается съ исторіею Россіи: до Москвы Россія была тою или другою Русью; Москва собрала почти всѣ Руси во-едино. Нельзя сказать, чтобъ она все покорила, но все сосредоточила. Она добровольно отказалась отъ своей исключительности и собрала въ себя всѣ общія начала всего народа Русскаго, не трогая ихъ мѣстныхъ оттѣнковъ. Пусть покореніе Новагорода и Пскова можетъ объясниться правомъ сильнаго; но Кіевъ, со всею своею околицею до-Днѣпровскою и за-Днѣпровскою, соединился съ Москвою тогда, когда это соединеніе сулило его жителямъ менѣе приволья, нежели союзъ съ иноземцами. Предъ тѣмъ, какъ Богданъ Хмѣльницкій цѣловалъ крестъ, присоединяя своихъ козаковъ къ Московскому царству, многіе изъ его единоземцевъ указывали ему на рогожаные мѣшки, въ какихъ присланы были имъ дары отъ Царя Алексѣя Михайловича, и, сравнивая ихъ съ шелковыми мѣшками Султанскими, не охотно соглашались на соединеніе съ Великороссіею. Двухъвѣковой, совершенно отдѣльный отъ Московскаго, бытъ Малороссіи, ея поэтически воинственная раздольная жизнь, ея козаческое удальство, все отдѣляло ее отъ Московщины. Къ тому же, во время истинно великаго ея козака Гетмана Богдана Хмѣльницкаго, его личныя воинственныя достоин-

ства, всегдашнее соперничество Польши съ Россіею и готовность Турціи двинуться на Русскихъ при малѣйшемъ поводѣ, все было таково, что врядъ-ли одна сила Великороссіи могла бы сковать съ собою Малороссію въ одно нераздѣльное государство. Но сила внутренняго соединенія была такова, что, не смотря на несогласіе многихъ, еще больше, не смотря на притѣсненія Русскихъ военачальниковъ и мелкихъ чиновниковъ (смотри исторію Конисскаго, напечатанную въ Чтеніяхъ Московскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ), большинство настояло на соединеніе съ Москвою. Москва, въ свою очередь, не взяла Малороссіи, но братски соединилась съ нею въ жизни гражданской, какъ до того была соединена въ жизни духовной.

Таково мѣсто Москвы въ сердцѣ всякаго Русскаго и таково значеніе ея въ Русской исторіи. По этому описаніе « Памятниковъ Московской древности » не есть перечень предметовъ, любопытныхъ по старинѣ или по достоинству въ области изящнаго, а изображеніе исторіи былаго и продолжающагося быта Россіи. Такъ совершенно понимаетъ и смотритъ на нихъ Г. Снегиревъ; объ этомъ мы имѣли случай слегка упомянуть выше, но это еще яснѣе выказывается въ расположеніи его сочиненія, именно въ раздѣленіи на періоды «Очерка монументальной исторіи Москвы», который предшествуетъ описанію самыхъ памятниковъ и составляетъ четверть всей книги. Періоды Московской жизни почти всѣ совершенно совпадаютъ съ періодами Русской исторіи. Г. Снегиревъ раздѣляетъ ее на 7 періодовъ:

«1), Отъ начала ея до раззоренія Тохтамышемъ или Туктемышемъ, т. е. отъ XII-го до конца XVI-го вѣка.»

«2) Отъ Тохтамышева нашествія до Іоанна III, т. е. до конца XV-го вѣка.»

«3). Отъ Василія III до занятія Москвы Поляками въ началѣ XVII-го вѣка.»

«4). Отъ освобожденія древней столицы Россіи до основанія новой столицы Петромъ I.»

«5). Отъ Петра I до Троицкаго пожара 1737 г.»

«6). Отъ возобновленія Москвы при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ до 1812 года.»

«7). И отъ сожженія ея до нашихъ временъ.»

Въ каждомъ изъ періодовъ Г. Снегиревъ возсоздаетъ Москву въ воображеніи читателей столько, сколько позволяютъ ему свѣдѣнія, дошедшія до насъ о древней ея состояніи. Начиная съ 1147 года, когда впервые встрѣчается имя Москвы въ лѣтописи «при описаніи пиршества, даннаго въ ней Марта 28, Суздальскимъ Княземъ Юріемъ, по случаю пріобрѣтенія смежной съ нею земли Голядовъ», онъ знакомитъ насъ съ древнею Москвою сначала въ ея деревянныхъ стѣнахъ, со множествомъ селъ и слободъ, бывшихъ на мѣстѣ нынѣшней Москвы и оставившихъ слѣды своего существованія въ разныхъ названіяхъ урочищъ и частей города, потомъ показываетъ основаніе ея средоточія *Кремля*, на урочищѣ Бору, и скоро переходитъ къ тому времени, когда перенесеніе въ нее митрополіи «поставило ее средоточіемъ сношеній по дѣламъ Церкви Россійской, духовною властью соединяло съ юною столицею прочія удѣльныя княжества.»

Разумѣется, отъ этого времени, отдѣленнаго отъ насъ слишкомъ 5-ю вѣками, такъ мало дошло до насъ свѣдѣній о подробности жизни и такъ много въ теченіи вѣковъ истреблялось пожарами, что въ выводѣ изъ его описаній можно ограничиться двумя выписками изъ Ростовскаго лѣтописца, приведенными авторомъ (стр. XIII. столб. 1.). До Тохтамышева нашествія: «бяше градъ Москва видѣти великъ и чуденъ градъ и многое множество людей въ немъ, кипяше богатствомъ и славою.» Послѣ Тохтамышева опустошенія: «на мѣстѣ Москвы остались дымъ, пепелъ, земля окровавленная, трупы и пустыя обгорѣлыя церкви.»

Но не смотря на скудость источниковъ, здѣсь уже Г. Снегиревъ касается началъ той стороны жизни, которая вмѣщала, такъ сказать, въ себѣ главную основу народности и осталась навсегда краеугольнымъ ея камнемъ, именно жизни церковной. Здѣсь онъ говоритъ о постройкѣ церквей и о первыхъ началахъ иконописи. Вообще, какъ въ *Очеркѣ монументальной исторіи Москвы*, такъ и въ выборѣ описываемыхъ имъ памятниковъ, вездѣ онъ особенно предпочитаетъ тѣ, которые были первымъ явленіемъ Русской жизни, въ продолженіи семисотлѣтняго существованія Москвы, оставались свидѣтелями всѣхъ ея переворотовъ, сохранились всего неизмѣннѣе, и которые составляли и составляютъ средоточіе народности до того, что и по сіе время не только соединяютъ коренной народъ Русскій въ одно неразъединимое цѣлое; но даже скрѣпляютъ и съ нимъ и между собою другія сословія, въ послѣднее время весьма отставшія отъ старыхъ Русскихъ обычаевъ и измѣнившія въ своемъ быту всѣ подробности частной жизни Русскаго человѣка. Однимъ словомъ, онъ беретъ памятники въ области Церкви, которая вмѣстѣ съ крестнымъ знаменіемъ и съ Русскимъ словомъ, неразлучными ея спутниками на землѣ Русской, рѣзко обозначаетъ Русскаго человѣка и ясно опредѣляетъ существенное различіе между имъ и чужеземцемъ, или пришлымъ.

Тохтамышево нашествіе оставило въ Москвѣ одно пепелище: уцѣлѣли только стѣны церковныхъ храмовъ, потому что онѣ только и были каменныя, домы же и дворцы всѣ строились изъ дерева. Съ возобновленіемъ Москвы она расширилась; въ 1394 году ее окопали рвомъ и этимъ окопомъ положили первое основаніе послѣдующихъ за тѣмъ укрѣпленій.

Начиная съ этого времени, Г. Снегиревъ слѣдитъ за всѣми постепенными расширеніями, постройками и украшеніями города, и въ краткомъ своемъ очеркѣ воз-

создаетъ, такъ сказать, древнюю Москву въ воображеніи своихъ читателей. Онъ описываетъ ея постройки, храмы, дворцы; указываетъ на измѣненіе однихъ урочищъ въ улицы, другихъ въ площади и отдѣльныя части города; входитъ въ изслѣдованіе происхожденія ихъ названій; проводитъ насъ по Москвѣ отъ того времени когда существовали еще всѣ окружавшія ее села: Кудринское, Городище, Красное, Воробьево, Тимоѳеевское, Свибловское; показываетъ, какъ они вошли въ составъ ея и какъ потомъ изъ сбора *осадныхъ дворовъ* и подворій удѣльныхъ Князей, иногородныхъ монастырей и архіереевъ, составился одинъ сплошной городъ.

Проходя вмѣстѣ съ нимъ по Москвѣ во всѣ вѣка ея, Русскій читатель не можетъ не остановить вниманія на томъ, что ходъ Москвы былъ совершенно тотъ же, что и всѣхъ Русскихъ городовъ, разросшихся уже на нашей памяти. Какъ теперь въ небольшихъ нашихъ городахъ мы видимъ ни что другое, какъ большія села, такъ было и въ древней Москвѣ и это сохранялось еще въ концѣ XVI столѣтія. «Государевы слободы и села, гдѣ жили разные ремесленники и промышленники, принадлежали къ двору Государеву, какъ бы поселяне къ помѣщичьему двору. Предъ своими избами по обѣимъ сторонамъ улицъ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву. При каждомъ почти домѣ, какъ замѣчаетъ П. Іовій, бывшій въ Москвѣ 1552 года, находился огородъ (стр. XXVII. столб. 2)». Самая постройка была таже, какую встрѣчаемъ мы теперь въ домахъ сельскихъ; чтобъ убѣдиться, прочтите описаніе о состояніи ея въ XVII столѣтіи (стр. LX. столб. 1.): «Русскіе, по свидѣтельству Рейтенфельса, «столь красиво строили деревянные дома, что они могли спорить въ красотѣ и отдѣлкѣ съ каменными». Іоаннъ Стрюйсъ находилъ въ Москвѣ столь искусныхъ плотниковъ, что «они обыденкою строивали домъ и строили удобно, легко и дешево.» Способъ строенія деревянныхъ домовъ былъ: *въ обло, въ лапу*

или замокъ, сковородникомъ, въ пристькъ или крюкъ, въ охряпку или *скобой.* Крыши на два ската, свойственныя климату, называли *двускатными*, а на всѣ стороны скатомъ *шатровыми* или *епанчею*; онѣ крыты были тесомъ и гонтомъ, иногда даже дерномъ. Расположеніе деревянныхъ домовъ, какъ мы замѣтили уже, было единообразно: свѣтлица отдѣлялась отъ теплой избы сѣнями. Въ каждомъ домѣ между волоковыми окнами было одно красное, косящетое. Какъ въ деревянныхъ, такъ и въ каменныхъ домахъ, состоявшихъ изъ четырехъ каменныхъ стѣнъ, внутри дѣлались перегородки.»

Сравните все это съ тѣмъ, что̀ мы видимъ теперь въ большихъ селахъ, вы найдете, что народная жизнь осталась неизмѣнною даже въ частностяхъ, не смотря на множество ломки ея, особенно въ послѣдніе отдѣлы исторіи.

Не ограничиваясь однимъ внѣшнимъ возсозиданіемъ древней столицы, Г. Снегиревъ въ каждомъ періодѣ даетъ ей жизнь того времени и вводитъ такимъ образомъ читателя въ боярскіе хоромы, жилища Митрополита и Патріарха и во дворецъ царскій. Въ былыя времена они мало разнились между собою; переходы отъ одного слоя общества въ другой до того были незамѣтны, что отнимите богатство у дворца, онъ дѣлается избою поселянина. « Жилища бояръ и горожанъ,» по описанію очевидца Принца Буххавскаго, « похожи были на избы и крыты соломою (стр. XXX. столб. 2.).» Жилище Патріарха было тоже чрезвычайно просто. « Небольшія двѣ комнаты со стрѣльчатыми сводами, одна передняя или пріемная, а другая, зала, со шкапами въ стѣнахъ, въ сторонѣ опочивальня и моленная патріаршая, составляли все помѣщеніе Святителя Московскаго и всея Россіи (стр. 169. столб. 1.).»

Такое единство въ жизни разныхъ сословій и простота ея не состояли въ одной постройкѣ зданій, а

оставались и во вседневномъ быту Русскаго человѣка. Прочтите, какъ бывало во дворцѣ царскомъ въ праздники въ XVII уже столѣтіи, — это рѣшительно быт теперешняго зажиточнаго Русскаго гражданина, купца и дворянина внутреннихъ, болѣе отдаленныхъ отъ столицы, частей Россіи. Въ запискѣ о царскомъ дворѣ 1611 и 13 годовъ показано, что «въ церкви Преображенія на дворцѣ служитъ протопопъ; весь дворецъ, ключники, и стряпчіи, и сытники, и приспѣшники, и повары тутъ приходятъ, и рано для нихъ служба живетъ, чтобъ отправясь, шли всякъ на свой приспѣхъ, къ царскому столу готовить (стр. 126. столб. 1).»

Жаль, что самый предметъ — описаніе памятниковъ заставляетъ сочинителя говорить о всемъ отдѣльно, и что слѣдовательно читатель не можетъ слѣдить исторически за полнотою всей жизни. Но это не вина его; онъ думалъ передать намъ только памятники древности, а его обширная начитанность и многосторонніе глубокія свѣдѣнія въ Русской исторіи передали намъ всю жизнь Русскую, такъ что его описанія знакомятъ насъ не только съ Москвою, но и вообще съ бытомъ Россіи.

Объемъ и расширеніе самой Москвы изображены у него такъ отчетливо во всякомъ періодѣ, что, читая его *Очерки*, незамѣтно переходимъ отъ простаго села Кучкова къ той столицѣ, которая въ XVII вѣкѣ удивляла своимъ величіемъ чужеземцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Въ первомъ и второмъ періодѣ недостатокъ источниковъ не позволяетъ Г. Снегиреву дать статистическаго обзора Московскаго народонаселенія и потому, тамъ онъ ограничивается указаніемъ построекъ, церквей, монастырей и укрѣпленій. Но, начиная съ третьяго, онъ передаетъ намъ довольно полное статистическое обозрѣніе города. Не входя въ подробности, я попрошу позволенія выписать только главные выводы, они особенно любопытны потому, что простыми числами совершенно обозначаютъ

не только расширеніе столицы, но и современное имъ состояніе Россіи.

«За Москворѣчьемъ и дворцовыми слободами за Яузой Москва имѣла тогда (1588 г.) въ окружности болѣе 20 верстъ. По исчисленію въ 1580 г. было уже въ Москвѣ 41,500 домовъ. Послѣ нашествія Девлетъ-Гирея, Посевинъ въ 1581 г. полагаетъ въ ней небольше 30 тысячъ жителей (стр. XXIX. столб. 2)!» «Таннеръ окружность Москвы въ половинѣ XVII вѣка полагаетъ, основываясь на показаніи одного Московскаго математика, около 5-ти миль. Въ началѣ же того вѣка, по свидѣтельству Павла Пясецкаго, въ столицѣ Россіи считалось 180 тысячъ домовъ, а по сказанію Ивана Стрюйса 1669 г. 95 тысячъ, кромѣ дворцовъ и боярскихъ палатъ, и 1700 церквей.»

Послѣднее Г. Снегиревъ опровергаетъ, основываясь на дѣлахъ Патріаршаго Приказа, и полагаетъ, что «всѣхъ церквей было не больше 300, кромѣ придѣловъ и домовыхъ церквей (стр. LV. столб. 2.).»

«При Петрѣ I, по сомнительному извѣстію Голикова, въ Москвѣ и въ 5-ти ямскихъ слободахъ было до 300,000 жителей. По сказанію же Корнелія Брейна, церквей съ часовнями было въ городѣ и слободахъ 679, а по рукописному извѣстію начала XVIII вѣка, въ 1702 г. въ Москвѣ находилось 15 соборовъ, 29 монастырей, 425 церквей, 289 придѣловъ, въ томъ числѣ 29 деревянныхъ церквей. Кириловъ въ своей статистикѣ Россіи 1727 г. показываетъ въ древней столицѣ 385 церквей и 22 монастыря. Веберъ въ 1730 г. полагаетъ въ Москвѣ, кромѣ казенныхъ зданій, до 3000 каменныхъ домовъ, разсѣянныхъ между деревянными избами и 1500 церквей и монастырей, включая въ то число находящіяся въ ближайшихъ окрестностяхъ города (стр. LXXV. столб. 1).» «Въ 1782 г. по дѣламъ Коллегіи Экономіи видно, что въ Москвѣ было 14 соборовъ, и 47 мужскихъ и 41 женскихъ монастырей; въ 1764 г. 349 церквей. По исчисленію Петра фонъ Гавена, столица вмѣщала въ себѣ 150,000 жителей (стр. LXXXIX. столб. 2).» «До роковаго 1812 года Москва, почти на 50 верстахъ окружности своей, вмѣщала въ себѣ зимою до 300 т., а лѣтомъ до 250 т. жителей. Въ ней было 192 большія и 534 малыхъ улицъ, 307 церквей, 28 монастырей; 9257 казенныхъ зданій, частныхъ домовъ и фабрикъ (стр. XCIX—1).»

Читая «Очеркъ монументальной исторіи Москвы», если и можно жаловаться, то развѣ только на сжатость, съ какою сочинитель въ небольшемъ объемѣ старается

передать все, что досталось ему плодомъ его огромныхъ трудовъ, начитанности и долгаго разбора архивовъ и тѣхъ библіотекъ, изъ коихъ иныя до него были намъ извѣстны только по имени.

Ходъ, которому онъ слѣдуетъ при изображеніи каждаго періода, таковъ, что прежде всего онъ показываетъ расширенія, пріобрѣтенія и утраты города, соединяя съ ними историческія сказанія, часто выписки изъ лѣтописей и обогащая все это примѣчаніями; потомъ переходитъ къ ходу искусствъ, неразрывно соединенныхъ съ памятниками, особенно храмами: зодчеству и иконописи, и, разсказавъ ихъ тогдашнее существованіе, оканчиваетъ все второстепенными искусствами и ремеслами, именно рѣзьбою на деревѣ, гравированіемъ, литейнымъ искусствомъ и т. п. Кромѣ текста, самыя его примѣчанія не только любопытны или по изысканіямъ, или по передаваемымъ имъ свѣдѣніямъ, но ко всему этому такъ занимательны для читателя, что невольно сожалѣешь, за чѣмъ они не введены въ текстъ, а помѣщены тамъ, гдѣ могутъ быть иногда не прочитаны. Такъ на примѣръ въ примѣчаніи (М) къ Кремлевскимъ укрѣпленіямъ онъ передаетъ намъ, какъ стрѣлецкое войско, охраняя Москву ночною стражею, молитвами и напоминовеніемъ о славѣ Русскихъ городовъ давало знать о своей бдительности. Я не могу не выписать бо́льшую часть этого примѣчанія, потому что въ немъ встрѣчаемъ мы одно изъ самыхъ любопытныхъ, самыхъ поэтическихъ и къ тому же доселѣ вовсе неизвѣстное намъ извѣстіе о древней нашей жизни:

«Набожность Царей, религіозность бояръ и теплая вѣра народа проявлялись и въ тогдашнихъ воинскихъ обязанностяхъ. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующій обрядъ и обычай Стрѣльцовъ: когда наступитъ 9-й часъ вечера, или по тогдашнему 8-й часъ ночи, тогда начинаетъ стрѣлецкая стража перекликаться; ибо ворота Кремля затворялись и запирались въ 8 часовъ вечера зимою, а лѣтомъ въ 9 часовъ; отпирались же всегда послѣ заутрени, а въ большіе

двинадесятые праздники, также на Св. Пасху, Рождество Христово, Крещеніе, Успеніе и проч., отпирались въ благовѣстъ заутрени.»

«Близъ Собора Успенскаго часовой стражъ первый начинаетъ протяжно и громогласно, какъ бы на распѣвъ, возглашать: «*Пресвятая Богородица, спаси насъ!*» За нимъ второй въ ближнемъ притинѣ возглашаетъ: «*Святые Московскіе Чудотворцы, молите Бога о насъ!*» потомъ 3-й: «*Святый Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!*» потомъ 4-й: «*вси Святые молите Бога о насъ!*» — 5-й: «*Славенъ городъ Москва!*» 6-й: «*славенъ городъ Кіевъ!*» 7-й: «*славенъ городъ Владиміръ!*» 8-й: «*славенъ городъ Суздаль!*» и такъ поименуютъ: *Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ* и проч. Первый снова восклицаетъ: «*Пресвятая Богородица, спаси насъ!*»—Послѣ чего, какъ сей стражъ, такъ и другіе, чтобъ не спать и не дремать до благовѣста къ заутрени, поютъ въ полголоса разныя церковныя духовныя стихиры, тропари, молитвы.»

Въ числѣ другихъ весьма любопытныхъ примѣчаній еще должно указать на примѣчаніе (Т) къ описанію Грановитой Палаты; тутъ Г. Снегиревъ передаетъ, словами очевидца, описаніе конца пренія о вѣрѣ, бывшаго въ царскомъ дворцѣ при Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

Во всемъ, до чего ни коснулся Г. Снегиревъ въ своемъ «Очеркѣ монументальной исторіи Москвы», вездѣ онъ передалъ весьма много истинно замѣчательнаго, не скажу, новаго въ исторической литературѣ, потому что онъ бо́льшую часть собралъ изъ изданныхъ въ свѣтъ лѣтописей и сказаній, но точно новаго для большинства читателей, потому что не занимающемуся исключительно Русскою исторіею нѣтъ возможности прочесть только то, на что̀ онъ дѣлаетъ ссылки, указывая на изданія и страницы, не говоря уже о прочемъ неуказанномъ, что̀ разумѣется составляетъ бо́льшую половину его сочиненія. Даже и исключительно занимающійся Русскою исторіею найдетъ здѣсь множество частностей и подробностей древняго быта Русскаго, узнанныхъ Г. Снегиревымъ изъ преданій и слѣдовательно недоступныхъ тому, кто почерпаетъ свѣдѣнія изъ однѣхъ книгъ и архивныхъ бумагъ. Справедливость ихъ лучше всего подтверждается съ одной стороны точнымъ отпечаткомъ времени, съ дру-

гой — единствомъ съ теперешними обычаями коренного Русскаго народа, и наконецъ общенароднымъ вѣрованіемъ въ вѣрность этихъ сказаній. И трудно было бы искать другаго подтвержденія, потому что бо́льшая ихъ часть относится къ тѣмъ сторонамъ жизни, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія лѣтописцевъ и сохраняются только въ преданіяхъ. Здѣсь мы должны еще благодарить сочинителя за то, что онъ не пренебрегаетъ простыми источниками, какъ-то: изустными сказаніями народа, пословицами и поговорками, которыя у него иногда очень удачно объясняютъ жизнь общественную, какъ на примѣръ поговорка — *во всю Ивановскую* (стр. 117. столб. 2).

По всѣмъ отраслямъ древней нашей жизни Г. Снегиревъ, какъ я сказалъ, передалъ намъ множество любопытныхъ свѣдѣній; но я думаю, что самую важную и неоцѣненную услугу оказалъ онъ исторіи нашего иконописанія и зодчества, особенно перваго. До него нигдѣ не были собраны во-едино свѣдѣнія о развитіи у насъ особенныхъ *пошибовъ* (стилей) иконописи, нигдѣ они не были ясно опредѣлены и обозначены и нигдѣ не описанъ съ такою подробностію ходъ ея, отъ основъ до самыхъ мелочей, т. е. начиная отъ состава иконостаса до красокъ и ихъ приготовленія. По его указаніямъ и, можно сказать, подъ руководствомъ книги Г. Снегирева, написано послѣ первое отдѣльное сочиненіе *о иконописаніи*, изданное въ Москвѣ въ 1845 г., безъ означенія имени сочинителя. Не смотря на многія достоинства этого послѣдняго, надобно сказать, что оно было только развитіемъ данныхъ, какія мы находимъ въ «Памятникахъ Московской древности.»

Г. Снегиревъ начинаетъ ходъ нашего иконописанія съ XIII вѣка, — въ первые періоды ограничиваясь, разумѣется, одними легкими указаніями. По его словамъ: «старая Греческая школа, водворенная и въ Италіи съ

XIII вѣка, пустила отъ себя вѣтвь подъ именемъ *Русской*; ея ученики распространились по Россіи и въ Москвѣ, гдѣ водворили стиль Греческой или Корсунской иконописи, отъ коего произошелъ въ послѣдствіи Московскій пошибъ... Первымъ извѣстнымъ того времени иконописцемъ можно признать Петра Митрополита, который оставилъ памятники иконописи въ Успенскомъ соборѣ.»

Да позволитъ мнѣ сочинитель упрекнуть его въ несовершенной точности этихъ сказаній. Ажинкуръ могъ принимать Русскую иконопись за особую вѣтвь Греческой; но мы хорошо знаемъ, что она есть простое ея продолженіе, почти всегда искаженіе, безъ всякой самостоятельной особенности, что̀ говоритъ и самъ Г. Снегиревъ (стр. XII. столб. 2.). Московскій пошибъ не былъ и не могъ быть первымъ въ Россіи, потому что еще до него существовалъ Кіевскій, который й доселѣ весьма уважается любителями старинныхъ иконъ, какъ и самъ онъ подтверждаетъ, называя Св. Чудотворца Алимпія « первымъ Русскимъ иконописцемъ (стр. 12. столб. 2.).»

Судя по мозаикамъ, открытымъ въ недавнее время въ Кіевскомъ Софійскомъ монастырѣ, ясно видно, что туда приходили весьма искусные художники изъ Византіи, потому что всѣ эти мозаики нисколько не уступаютъ Римскимъ, а два на стѣнныхъ выступахъ, подлѣ алтаря, далеко превосходятъ все, что̀ осталось въ Римѣ отъ XII и XIII вѣковъ. Въ распискѣ стѣнъ видна только одна чистота школы, но никакъ не замѣтно высоты художническаго таланта самихъ расписывателей. Правда, что все это сильно испорчено, но и сквозь порчу видны и постановка фигуръ и наброска одежды, и по мѣстамъ даже самое исполненіе.

Кіевскій пошибъ былъ всего ближе къ Византійскому и можно полагать, судя по мозаикамъ и стѣнописи, что тамъ мастерами и основателями школы были сами Гре-

ки, или Славяне, приходившіе изъ Болгаріи и Сербіи. Послѣднее предположеніе основываю я на томъ, что въ самой Сербіи много храмовъ, расписанныхъ по стѣнамъ не только ликами Святыхъ, но и изображеніями библейскихъ и евангельскихъ сказаній. Надписи при нихъ вездѣ Славянскія. Исполненіе ихъ далеко выше Кіевской стѣнописи и часто между ними встрѣчаются такія изображенія Святыхъ, которыя, въ отношеніи къ искусству, сдѣлали бы честь позднѣйшимъ живописцамъ и которыя, по тонкости работы, могли бы въ Италіи быть приняты за произведенія Фра Джованни Анжелико да Фіезоле, если бы только не мѣшало этому одѣяніе Восточной Церкви и совершенное подчиненіе ей искусства, между тѣмъ какъ у Фіезольскаго художника, при всей высотѣ его религіознаго чувства, болѣе видно его личности, нежели покоренія себя Церкви.

Послѣ Кіевскаго, Новгородскій, Московскій и Строгоновскій пошибы были только различными пріемами, а никакъ не различными направленіями, или что̀ зовутъ—школами иконописи. Основа всѣхъ ихъ и даже самые образцы были все Византійскіе (и не могли быть иначе), какъ говоритъ объ этомъ и Г. Снегиревъ: « по свидѣтельству грамоты 1554 г. о спорѣ Висковатаго, касательно иконнаго писанія, « стѣнное и иконное письмо было Греческое и Корсунское, которое писали иконники все со старыхъ образцовъ своихъ. » « Образцы сіи или подлинники, хранившіеся въ рукописяхъ и содержавшіе въ себѣ прориси и ескизы, съ описаніемъ примѣтъ, служили указаніями, какъ изображать Святыхъ на иконахъ (стр. XXXVI—2). » Тоже онъ упоминаетъ и въ другомъ мѣстѣ: « художники тогда были, по большей части, Греки, или ученики ихъ, Русскіе, ограничившіеся рабольпнымъ подражаніемъ своимъ учителямъ (стр. XII—2).» Я говорю, что не могло и быть иначе, во-первыхъ потому, что Греческіе художники вышли изъ школы, вполнѣ образовавшейся, подъ непосредственнымъ влія-

ніемъ и совершенно въ духѣ Восточной Церкви, и слѣдовательно вполнѣ удовлетворяли требованіямъ нашей; а еще главнѣе потому, что у насъ не было источника, изъ котораго могла бы выйти собственная самостоятельность въ дѣлѣ иконописи. Онъ былъ въ Греческой религіи, которую мы приняли безъ малѣйшаго измѣненія, и такая неизмѣнность, не только въ основахъ, но и по всѣхъ частяхъ богослуженія, составила потомъ главное отличіе ея отъ западнаго Католичества, безпрестанно уступавшаго требованіямъ измѣнчивой природы человѣческой, и этимъ самымъ поколебавшаго твердость началъ своихъ.

И такъ, первое въ чемъ намъ надобно согласиться, что̀, кажется, принимаетъ и Г. Снегиревъ, что у насъ во все время, т. е. отъ начала иконопоклоненія, или отъ введенія къ намъ Хрістіанства, до сихъ поръ была неизмѣнно одна Византійская школа. Фряжскій пошибъ, съ своею дебелостію лицъ, часто даже мясистостію, съ яркостію красокъ и недостаткомъ тихаго согласія цвѣтовъ, отступилъ отъ той школы, гдѣ «преобладалъ духъ», гдѣ «истина и преданіе предпочитались изяществу.» Начало всѣхъ этихъ внѣшнихъ отличій состояло въ томъ, что тутъ ввелась личность художника, тогда какъ въ образахъ Византійской школы она уничтожается въ велѣніи Церкви, а потому и молящійся предъ иконою не отвлекается въ ней ничѣмъ отъ церкви и служенія. Однимъ этимъ вполнѣ можно объяснить всеобщее уваженіе къ Византійскимъ иконамъ даже на Западѣ, въ самой столицѣ западнаго Католичества — Римѣ. Картины Италіянскихъ и другихъ школъ, введенныя въ наши церкви въ послѣднее время, совершенно уже забыли о существованіи у насъ Византійской школы. Впрочемъ какъ Фряжскій пошибъ, такъ еще болѣе эти послѣднія картины, нисколько не вошли въ составъ нашей иконописи, а были дѣломъ частнаго произвола, отвергнутаго народомъ; потому, говоря объ единствѣ и непзмѣнно-

сти нашего иконописанія, мы можемъ вовсе не принимать въ расчетъ этихъ временныхъ, насильственныхъ вторженій.

Но одно согласіе въ такомъ единствѣ не удовлетворитъ пытливости ума и не рѣшитъ тѣхъ вопросовъ, какіе вызываются историческимъ ходомъ иконописи, переданнымъ Г. Снегиревымъ. Эта неизмѣнность существовала во времена нашего неразвитія, даже и при ней являлись нѣкоторыя, хотя и незначительныя особенности въ особыхъ пошибахъ; что же теперь, когда наша народность развивается и требуетъ самостоятельности во всѣхъ явленіяхъ жизни, должна-ли она оставаться неподвижною въ искусствѣ, соединенномъ съ нею неразрывными связями и ей существенно необходимомъ? Если допустить отступленія, тогда чѣмъ ограничатся предѣлы ихъ? Гдѣ рубежъ между личностію художника, искусствомъ и велѣніемъ Церкви? Всѣ эти вопросы, невольно вызываемые превосходнымъ сочиненіемъ Г. Снегирева, могутъ рѣшиться не иначе, какъ указаніемъ отношенія между иконописаніемъ и церковію, т. е. мѣстомъ, занимаемымъ имъ въ нашей Церкви.

Начнемъ съ того, что иконы въ нашихъ церквахъ не составляютъ прибавки или украшенія, безъ котораго онѣ могутъ обойтись; онѣ — непремѣнная принадлежность нашихъ храмовъ, и существенная, неотъемлемая ихъ часть. Безъ нихъ церковь перестаетъ быть церковью. Введеніе иконъ Вселенскими Соборами не было дѣломъ произвола, оно прямо выходило изъ понятія о Церкви и изъ необходимости для человѣка внѣшняго богослуженія. Церковь, какъ мѣсто соединенія человѣка съ Богомъ, мѣсто бесѣды души его съ Создателемъ міра, собрала въ себя то, что обращаетъ душу къ небу, и старалась, сколько можно, удалить все прочее, привлекающее ее къ земнымъ отношеніямъ. Она, въ стѣнахъ своихъ, заняла органы чувствъ такъ, чтобъ все ими при-

нимаемое, устремляло человѣка къ небу,—одной главной ея цѣли. Слухъ она заняла пѣніемъ священныхъ пѣсней; зрѣніе изображеніемъ явленій Божества, и ликами тѣхъ изъ людей, въ которыхъ всякому вѣрующему является присутствіе благодати — Святыхъ и Пророковъ. Умъ заняла она ученіемъ Спасителя, церковными наставленіями, прошеніями Бога о помощи въ земныхъ нуждахъ человѣка и таинственнымъ облеченіемъ всей жизни Христа, въ символическіе видимые знаки; наконецъ сердце—молитвою. Тотъ, кто слушаетъ обѣдню и вмѣстѣ молится, расположенный такимъ образомъ Церковію, вѣруетъ не умомъ, не сердцемъ, но всею нераздѣльною своею природою, вѣритъ въ истинное присутствіе Бога. Отдѣлите одно что-либо изъ предписаннаго мудрыми постановленіями Церкви, вы уничтожите всю цѣлость богослуженія, и непремѣнно нарушите то глубокое и полное согласіе, въ какое вводитъ оно возвышенную природу человѣка. Такую удивительную цѣлость нельзя приписать личной мудрости великихъ учителей Церкви и первыхъ установителей всей внѣшности Христіянскаго богослуженія. Она для нихъ самихъ была высшимъ вдохновеніемъ, истиннымъ внушеніемъ благодати. Живя всѣмъ существомъ своимъ въ Богѣ и Богомъ, Христомъ и во Христѣ, первые Христіяне и особенно установители церковнаго служенія, всю жизнь свою заключили въ религію. Можетъ-ли это быть спокойнымъ, такъ сказать, всегдашнимъ состояніемъ человѣческой природы, или только оно было ихъ исключительною принадлежностію? Могло-ли оно продолжаться и, еще болѣе, навсегда оставаться въ человѣчествѣ? Это другіе вопросы, я теперь говорю только о томъ, что и какъ было. Въ самихъ ихъ религія проникала всю полноту ихъ природы, весь жизненный составъ ихъ, а потому и въ тѣ минуты душевнаго восторга, когда для нея мало было тѣсныхъ предѣловъ человѣческой личности, т. е., когда она, выходя изъ темныхъ храминъ души человѣческой,

высказывалась внѣшнимъ образомъ, въ богослуженіи внѣшнемъ, она непремѣнно должна была являться в той же совершенной полнотѣ и цѣлости всего жизненаго своего состава.

Выше я сказалъ: *возвышенную природу человѣка* потому, что въ предѣлахъ Церкви она оставляетъ свое обиходное существованіе, хотя и нисколько не измѣняетъ своей естественности; она возносится церковію (иногда минутно) на высшую степень своего совершенства. Разумѣется, говоря такимъ образомъ, я не смотрю на искаженія и на частности, хотя и здѣсь нельзя не сознаться, что Церковь дѣйствуетъ благодѣтельно на самыя неразвитыя и самыя загрубѣлыя природы. Что не считается даже легкимъ проступкомъ въ обществѣ и вообще въ жизни, въ Церкви часто осуждается, какъ предосудительное, даже преступное, и такъ смотрятъ не только законы, но и общественное мнѣніе.

Чтобъ возвысить такимъ образомъ человѣка, Церковь должна была, въ своихъ стѣнахъ, въ одинакой степени возвысить все, что достигаетъ въ нихъ до чувствъ его и ими входитъ въ его духовную природу. Для этого она въ священникѣ скрыла отъ него человѣка и представила его только служителемъ алтаря, посредникомъ, такъ сказать, между небомъ и человѣкомъ въ бесѣдѣ съ Богомъ души молящагося. Она облекла его въ священническія одежды, не напоминающія ничего изъ обиходной жизни, потому что онѣ нигдѣ не употребляются, кромѣ церковнаго служенія. Отдѣлила его отъ мірянъ иконостасомъ; тутъ были и другія причины, но между многими я не могу не уважать и той, что во время всего, довольно долгаго, служенія, міряне видятъ его только приносителемъ безкровной жертвы, возвѣстителемъ слова Божія и произносителемъ молитвъ и прошеній, никакъ не развлекаясь его человѣческими отношеніями,

слѣдовательно не прерывая обращенія своего къ небу и не нисходя въ жизнь внѣ церковную. Потомъ Церковь въ самомъ расположеніи всѣхъ частей храма устроила все такъ, чтобы вездѣ было поддержано тоже самое возвышеніе человѣческой природы. Она указала дѣлать иконостасъ такъ, чтобъ онъ составомъ своимъ передавалъ всю лѣствицу историческаго соединенія человѣка съ Богомъ (стр. 11. столб. 1). Она же сама указала и писать иконы такъ, чтобъ въ нихъ вездѣ душѣ являлось духовное величіе человѣка, внѣ чувственной его природы, и чтобъ не измѣняя человѣческому естеству изображаемаго лица, образъ ничѣмъ не обращалъ бы ни мысли, ни чувства молящагося къ естеству плотскому, тѣлесному; чтобы, говоря словами Св. Іоанна Дамаскина, «какъ слушая тѣлесными ушами чувственныя слова, мы постигаемъ вещи духовныя: такъ при помощи тѣлеснаго созерцанія (иконъ) восходили бы къ созерцанію духовному.» Это не было пропущено и въ нашихъ древнихъ постановленіяхъ, именно на Московскомъ Соборѣ 1667 г. положено: «еже призрѣти окомъ благоразсмотрѣнія на писаніе честныхъ и св. иконъ и на иконописатели, да оныя лѣпо, честно, со достойнымъ украшеніемъ искуснымъ разсмотромъ художества пишемы будутъ, во еже бы всякаго возраста вѣрнымъ, благоговѣйная очеса сп на ня возводящимъ къ сокрушенію сердца, ко слезамъ покаянія, къ любви Божіей и Святыхъ его угодниковъ, и подражанію житія ихъ Богоугодно возбуждатися, и *предстоище имъ мнѣти бы на небеси стояти себѣ предъ лицы самыхъ первообразныхъ* (Акты Археограф. Коммисіи. т. IV. стр. 224 и 225).»

Изъ этого видно, что иконы, составляя неотъемлемую часть нашей Церкви, изъ нея выходятъ и отъ нея получаютъ полные законы иконописанія. Въ подчиненіи себя имъ и заключается собственно тайна нашей ико-

нописи; тутъ же объясняется и непремѣнное требованіе того, чтобы мы неизмѣнно строго держались Византійской школы, не уступая попыткамъ нововведеній, чуждыхъ нашей Церкви и не вводящихъ ничего, кромѣ внутренняго раздора въ стройное, возвышенное состояніе молящагося.

Это одно неоспоримое право Византійской школы в нашемъ иконописаніи, т. е. ея прямое происхожденіе изъ нашей Восточной Церкви; кромѣ его законность ея основывается еще на томъ, что она дала намъ первообразы ликовъ Божіей Матери, Спасителя, Іоанна Предтечи, нѣкоторыхъ изъ Апостоловъ и Святыхъ. Объ исторіи пріобрѣтенія этихъ первообразовъ мы не имѣемъ никакого точнаго свѣдѣнія; но, вникая въ дѣло, его можно вывести двумя путями. Очень могло быть, что сохранились истинныя изображенія ликовъ, чествуемыхъ Церковію, до самаго времени полнаго ея состава, т. е. до того времени, когда образа вошли въ постоянное употребленіе въ Христіанскихъ храмахъ и такимъ образомъ сдѣлались образцовыми иконами иконописной школы. Но могло быть и иначе: во времена первобытной Церкви, когда всѣ Христіане жили во Христѣ и однимъ Христомъ, когда эта жизнь была для нихъ не пополненіемъ прочей, но исключительною и единственною, когда ревность каждодневно усиливалась страданіями и терпѣніемъ новыхъ мучениковъ, могло, говорю, случиться, что кто-либо изъ избранныхъ между всѣми этими истинно святыми избранниками Божіими такъ изобразилъ ликъ боготворимаго, или святочтимаго (рисуемый до того въ воображеніи по изустнымъ преданіямъ), что вся семья перво-Христіанская признала его за истинный. Такое признаніе было *вселенскимъ*, потому что оно принято было всѣми Христіанами, т. е. всѣмъ міромъ, ибо въ области Церкви міръ былъ—Христіанство. Если эти первообразы дошли до школы пер-

вымъ путемъ, тогда въ нихъ подлинная вѣрность была основою святости; если вторымъ, то святость была основою подлиннаго сходства. Во всякомъ случаѣ они истинно святы, истинно вѣрны для души Хрістіянина, именно потому, что въ первой Церкви душа человѣческая вся погружалась и исчезала въ душѣ Хрістіянина; ученіе о Хрістѣ, а съ нимъ жизнь и ликъ Спасителя, не были только церковнымъ и лучшимъ ученіемъ, примѣромъ и напоминовеніемъ, а единственными источниками жизни. Какъ же намъ теперь имѣть притязаніе написать лучше ликъ Искупителя рода человѣческаго, нетлѣнной Его Матери и Его сподвижниковъ, когда они по самому ходу нашей жизни только минутами могутъ входить въ наше воображеніе и только временемъ наполнять наше сердце?

Многіе западные Католики и между этими многими *Рід*, сочинитель превосходной книги *о Хрістіянской поэзіи въ ея дбразахъ* (De la poësie chretiènne dans ses formes), нападаютъ на Византійскую школу, приписывая ея иконамъ намѣренное искаженіе человѣческаго образа въ ликахъ тѣхъ, которыхъ Церковь и наше понятіе передаютъ намъ прекраснѣйшими на землѣ, именно въ ликахъ Божіей Матери и Спасителя. Но нападки ихъ рѣшительно несправедливы. Не обращаясь даже ко временамъ первоцерковнымъ, у насъ, и къ тому же еще въ самое, можно сказать, безвкусное время, мы найдемъ указанія на заботы объ изяществѣ иконнаго изображенія, въ окружной грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, основанной на опредѣленіи Московскаго Собора 1667 г. «да честныя иконы... по преданію Святыхъ и Богоносныхъ Отецъ, по необходимому обычаю святыя Восточныя Церкви, по приличности дѣлъ и лицъ пишемы будутъ. Всякое же нелѣпіе и неприличіе ктому да не вообразится, *хитрость же и благоискуство художное весьма со всякимъ тщаніемъ да хранимо будетъ*; праведно бо есть праведнаго Бога и праведныхъ

Его угодниковъ праведными художества мѣрами и украшенія образы начертати; да не винною искуснаго начертанія образъ лица нѣкоего святаго небреженіемъ, достойнаго сн отщетится почитанія (Акты Археогр. Комм. т. IV. 224. 225.). » Въ глазахъ обвинителей нападки ихъ имѣютъ справедливость только потому, что они видѣли однѣ искаженныя иконы, писанныя людьми нисколько незнакомыми съ искусствомъ. Разумѣется, если объ иконахъ Византійской школы судить только по Римскимъ мозаикамъ, и, по бо́льшей части, нашихъ иконъ Суздальскаго, Московскаго, Новгородскаго и Кіевскаго пошибовъ, то нельзя имѣть высокаго понятія о школѣ въ художественномъ отношеніи. Но стоитъ посмотрѣть на два мозаика въ Кіевѣ, на многія мелкія изображенія лицъ въ древнихъ библіяхъ, потомъ на такія иконы, какова на пр. икона Божіей Матери въ церкви Св. Сабины въ Римѣ, или каковы немногія на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ и въ частныхъ молельняхъ въ Москвѣ, тогда перемѣнится сужденіе. Я потому не указываю на Сербскую стѣнопись, что она никому неизвѣстна, и потому слова мои не могутъ быть повѣрены.

Но, оставивши художественную высоту немногихъ изъ остатковъ древней Византійской школы, скажемъ, что въ дѣлѣ Церкви, самая простая икона какого-нибудь изъ нашихъ старыхъ пошибовъ, писанная неискусною рукою, разумѣется, *не искаженная*, имѣетъ преимущество надъ Фряжскою и всякою новою, писанною въ Италіянскомъ, не говорю уже, Фламандскомъ вкусѣ, или наконецъ въ томъ новомъ родѣ, который золотомъ и одеждою поддѣлывается подъ наши древнія изображенія Святыхъ, а не покоряется всей строгости и духовной высотѣ предписаній церковныхъ. Она выше потому, что передавая намъ слѣпое подчиненіе древней иконѣ, не выводитъ насъ изъ церкви ни осужденіемъ вычурнаго положенія, ни земнымъ выраженіемъ лица, ни сход-

ствомъ съ знакомымъ намъ уличнымъ натурщикомъ, какъ это часто случается видѣть, ни восхищеніемъ тѣлесною красотою изображаемаго лица, которая какъ ни высока, но въ Церкви самою изящностію отвлекаетъ чувство отъ міра духовнаго. Въ древности у насъ это было понято весьма отчетливо и, сообразно времени, высказано со всею простотою въ 126 главѣ Стоглава: « отъ невѣрныхъ и иностранныхъ Римлянъ... иконнаго воображенія православнымъ принимать не подобаетъ. Аще ли же по нѣкоему прилучію отъ древнихъ лѣтъ гдѣ обрящется въ нашихъ странахъ вѣрныхъ, рекше въ Греческихъ или въ Русскихъ, а вообразуема будетъ послѣ раскола церковнаго, иже Грекомъ со Римлянами, и тогда аще и зѣло иконное воображеніе есть по подобію и хитро, поклоненія же имъ не творити. »

Опредѣливъ такимъ образомъ мѣсто иконописи въ нашей Церкви и передавъ возраженія противъ нея, я рѣшилъ два вопроса о непремѣнной ея у насъ неизмѣнности. Остается третій: что же дѣлать въ ней художнику, когда онъ съ одной стороны такъ скованъ предписаніями Церкви, а съ другой, по требованію времени, не можетъ оставаться слѣпымъ подражателемъ, а ищетъ дѣятельности самостоятельной? Здѣсь его дѣятельности огромное поприще, тѣмъ болѣе, что одно рабское подражаніе не только никакъ уже не встанетъ на высоту образцовыхъ произведеній, но и не сохранитъ ихъ первобытной чистоты. Лучшимъ свидѣтельствомъ тому самые наши ошибы, въ которыхъ все достоинство состоитъ въ сохраненіи драгоцѣнной для насъ внѣшности первообразовъ, все же остальное только исказило первоначальную школу. Въ настоящую минуту художникуиконописцу предстоятъ два подвига: возвратиться къ дѣвственной чистотѣ первыхъ иконъ, не вдавшись въ рабское подражаніе ихъ второстепеннымъ несовершенствамъ, и при этомъ не ввести въ свои иконы рѣшительно ничего, что бы напоминало собственную его лич-

ность, или его время, или даже самое искусство; говоря словами Евангелія: «отвергнуться себѣ» и предаться Церкви. Задача весьма и весьма нелегкая.

Для иконописи недостаточно одного изученія древней одежды и одной легкой наглядности на древнія изображенія. Разумѣется, и то и другое необходимо; но при этомъ есть еще двѣ другія высшія необходимости. Одна — необходимость искусства: понять, что именно въ древней иконописи существенно высоко, и что было данью времени, слѣдствіе личныхъ недостатковъ писавшаго икону и неимѣнія средствъ. Другая, — необходимость духовной природы: нравственно и духовно войти, сколько это возможно, въ чистоту первобытнаго Хрістіянскаго искусства до того, чтобы, войдя, воспроизвесть ее въ своихъ иконахъ (*). Это послѣднее не ушло отъ вниманія нашей старины. Въ Стоглавѣ между наставленіями иконописцу больше всего обращаются къ нравственной высотѣ его: «Подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣйну... наипаче же хранить чистоту душевную и тѣлесную со всякимъ опасеніемъ. Не могущимъ же тако до конца пребыти, по закону женитися и бракомъ сочетатися, и приходити ко отцемъ духовнымъ по частѣ, и во всемъ извѣщатися, и по ихъ по указанію и ученію жити въ постѣ и молитвѣ и воздержаніи со смиренномудріемъ, кромѣ всякаго зазора и безчинства и съ превеликимъ тщаніемъ писати образъ Господа и Бога и Спасителя нашего І. Хріста и Пречистыя Его Богоматери и всѣхъ Святыхъ Пророковъ и Апостоловъ и Священномучениковъ, Преподобныхъ женъ и Святителей и Преподобныхъ Отцевъ (**) (Стоглавъ Соб. глава 123). »

(*) Здѣсь все говорится собственно объ иконописи, а не о церковной стѣнописи, которая подлежитъ другимъ условіямъ, болѣе свободнымъ, хотя и она не находится внѣ церковныхъ установленій.

(**) Во всѣхъ этѣхъ ссылкахъ я показываю первоначальные ихъ

Я не могъ избѣжать этого длиннаго отступленія; оно вызвалось ходомъ иконописанія, объясненіемъ нашихъ ошибовъ и примѣненіемъ всего къ нашему времени.

У Г. Снегирева исторія иконописанія доведена до послѣднихъ временъ, и, передавая ее, онъ кромѣ того, что собралъ множество любопытныхъ свѣдѣній, перименовалъ всѣхъ замѣчательныхъ иконописцевъ, но и привелъ много мѣстъ изъ древнихъ предписаній Церкви, строго смотрѣвшей за соблюденіемъ иконописныхъ преданій (XXV—2. LXVI—2. LXIX—1.)

При концѣ своихъ драгоцѣнныхъ изслѣдованій объ иконописи, онъ весьма справедливо дѣлаетъ замѣчаніе о направленіи, какое приняли у насъ художники прошедшаго столѣтія. «Хотя въ иконномъ писаніи и держались еще Византійскаго стиля; но академики и чужестранные художники, украшая храмы произведеніями въ стилѣ Италіянской и Фламандской школъ, распространили этотъ стиль до того, что даже образа стали писать не съ древнихъ Греческихъ и Русскихъ подлинниковъ, но съ иностранныхъ оригиналовъ и эстамповъ. При таковомъ отступленіи отъ Греческаго стиля, принятаго Восточною Россійскою Церковію, неискусные и несвѣдущіе иконописцы своевольно уклонились отъ древнихъ и узаконенныхъ образцовъ, такъ что писанныя ими иконы представляли явное разногласіе съ древнимъ преданіемъ (стр. XCVI—1).»

Весьма замѣчательны также изслѣдованія Г. Снегирева о зодчествѣ, хотя здѣсь труднѣе показать источники, откуда мы взяли главные очерки и размѣры частей нашихъ зданій. Смотря на самые древніе наши храмы, каковы на прим. соборъ въ Черниговѣ и во Владимірѣ, нельзя не быть поражену тождествомъ ихъ размѣровъ съ

источники; но я самъ бралъ бо́льшую часть ихъ изъ указанной мною выше книги *О иконописаніи*.

церквами Византійскими, какія мы встрѣчаемъ въ Сербіи, именно, на пр., съ церквами въ монастыряхъ Манасіи, Раваницы и другихъ. Но тамъ всѣ онѣ повершены пятью небольшими башнями, какъ это встрѣчается и у насъ, только этѣ башни оканчиваются не нашими главами, а куполами. Впрочемъ и самыя главы не суть исключительныя принадлежности однѣхъ нашихъ церквей, потому что точно такія же и также крытыя деревянною гонтою, какъ это мы видимъ на нашихъ старинныхъ церквахъ, и башнях, встрѣчаются въ Иллирійскомъ городѣ *Загребѣ* (Аграмѣ) и встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ. Въ западной Европѣ нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго; есть что-то похожее въ Ульмѣ въ Баваріи, и въ Брикѣ въ Швейцаріи; но тамъ, особенно въ послѣднемъ, это просто шары, заостренные къ верху, съ крестами. Откуда Фіоравенти заимствовалъ причудливое зодчество церкви Василія Блаженнаго? Было ли оно самостоятельнымъ произведеніемъ его таланта, чему какъ-то не вѣрится, когда вникнешь въ то, какъ этотъ храмъ совершенно отвѣтилъ на внутреннія требованія Русскаго вкуса; или оно взято съ древнѣйшихъ нашихъ церквей и имъ только доведено до болѣе полнаго развитія? На это мы можемъ отвѣчать не прежде, какъ когда изслѣдуемъ всѣ древніе наши храмы во внутренности Россіи.

Не говоря уже о главныхъ очертаніяхъ и соразмѣрности частей, самое исполненіе можетъ быть указателемъ, что мы заимствовали его отъ древней Византіи. Входя въ подробности, Г. Снегиревъ въ одномъ мѣстѣ (XXIV—2) упоминаетъ о горшечныхъ сводахъ. Такой способъ построенія сводовъ употреблялся Византійскими зодчими первыхъ вѣковъ; вполнѣ сохранившіеся остатки его находимъ мы и теперь въ Равеннѣ, въ построенномъ ими храмѣ Св. Виталія, оконченномъ въ VI вѣкѣ по Р. Х. Но что мы видѣли у насъ въ иконописи, почти тоже произошло и въ зодчествѣ. Оно въ XVII вѣкѣ по-

терпѣло сильно и между многими его искаженіями особенно можно указать на двухъ-ярусныя церкви и на то, что главы у нихъ сдѣлались простыми прибавками, безъ всякаго назначенія; шеи главъ тонкими глухими башенками на подобіе минаретовъ, тоже надстроенными безъ всякой строительной цѣли. Въ это время попадаются иногда очень красивыя части храмовъ и колоколенъ, но трудно найти стройное цѣлое зданіе. Особенно пострадала внѣшность нашихъ церквей съ тѣхъ поръ, какъ по волѣ Петра Перваго вошло къ намъ Голландское зодчество, т. е., говоря правильнѣе и точнѣе, Голландская постройка, потому что въ немъ понятіе о зодчествѣ совершенно исчезло. Любопытно объ этомъ мнѣніе самого Петра Великаго, которое онъ высказалъ въ отвѣтѣ своемъ 1724 г. къ ученику архитектуры Ивану Коробову: «во Франціи,» пишетъ онъ, «я самъ былъ, гдѣ никакого украшенія въ архитектурѣ нѣтъ и не любятъ, а только гладко и просто и очень толсто строятъ, и все изъ камня, а не изъ кирпича; объ Италіи довольно слышалъ, къ томужъ имѣемъ трехъ человѣкъ Русскихъ, которые тамъ учились и знаютъ нарочито; но и въ обѣихъ сихъ мѣстахъ строенія здѣшней ситуаціи противныя мѣста имѣютъ, а сходнѣе Голландскія (LXXIX—1).»

Я распространился въ указаніи на два эти предмета, иконопись и зодчество, особенно на первую потому, что они теперь составляютъ у насъ важные и главные вопросы современнаго искусства и еще потому, что многіе художники, стараясь дѣятельно рѣшить ихъ, ищутъ рѣшенія на удачу; между тѣмъ какъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, переданныя намъ Г. Снегиревымъ, могутъ навести ихъ на путь болѣе вѣрный, особенно если они глубоко вникнутъ въ значеніе нашихъ иконъ и въ то, что не останавливая искусства, и не полагая ему препонъ, Церковь здѣсь, какъ и вездѣ, требуетъ, первое, полной вѣры, второе — полной покорности соборнымъ и церковнымъ постановленіямъ; — два начала, безъ которыхъ не

удается никакая попытка въ нашихъ искусствахъ, тѣсно соединенныхъ съ Церковію.

Въ самыхъ описаніяхъ памятниковъ подробности, отчетливость и глубина изысканій составляютъ, можно сказать, второстепенныя достоинства; они оставались бы сухимъ перечнемъ, если бы Г. Снегиревъ не соединилъ всего съ исторіею и сказаніями. До чего онъ ни коснется, все у него при самомъ описаніи развивается исторически, и такія отклоненія отъ сухаго перечня подробностей сильнѣе врѣзываютъ въ воображеніе читателя самые описываемые предметы и пополняютъ собою возсозданіе древней столицы. Такъ описывая Ивановскую колокольню и наименовавъ всѣ колокола, онъ говоритъ о звонѣ (стр. 113—2). Тутъ же, при описаніи Гостунскаго собора, онъ обращается къ преданіямъ: «къ достопамятностямъ сего собора отнести можно и то, что въ храмовые праздники онаго всегда служивали тамъ Всероссійскіе Митрополиты и Патріархи, самые Цари не рѣдко приходили въ него молиться. Преданіе свидѣтельствуетъ, что Петръ I не выѣзжалъ изъ Москвы, не отслуживъ молебна Св. Николаю Гостунскому. Еще по старому заведенію на Москвѣ, невѣсты предъ вступленіемъ въ бракъ прихаживали сюда съ родителями, или родственниками испрашивать себѣ на замужество благословенія у Чудотворца, который нѣкогда спасъ въ Патарѣ трехъ бѣдныхъ дѣвицъ отъ безчестія и надѣлилъ ихъ приданымъ для вступленія въ законное супружество. (стр. 116—1).»

Трудно было бы предпочесть описаніе того или другаго памятника въ книгѣ Г. Снегирева, потому что всѣ они полны занимательности; но если уже надобно избирать, то я указалъ бы какъ на одно изъ превосходно составленныхъ, на описаніе Синодальнаго, прежняго Патріаршаго дома. Кромѣ отчетливаго указанія подробностей, читатель найдетъ еще тутъ статью о Московскомъ Патріаршествѣ. Въ немногихъ страницахъ Г. Сне-

гиревъ прекрасно изобразилъ это явленіе Русской жизни, важное въ нашей исторіи, противъ основъ котораго мы можемъ говорить теперь, въ настоящую минуту; но обращаясь къ прошедшему, нельзя не сказать объ немъ словами Г. Снегирева: «если патріаршество въ эпоху преобразованія Россіи, при устройствѣ новаго порядка дѣлъ, оказалось неумѣстнымъ: то оно было полезнымъ и, можетъ статься, необходимымъ въ эпоху возрожденія и устроенія ея при Михаилѣ, Алексѣѣ и Ѳеодорѣ, когда царская власть опиралась на святительскую. (стр. 203—2).»

Описывая Вознесенскій дѣвичій монастырь, онъ двумя происшествіями оставляетъ его неизгладимымъ въ памяти читателя:

«Здѣсь назначила себѣ мѣсто для погребенія В. К. Евдокія, въ иноческихъ Евфросиніи. Послѣ рановременной кончины В. К. Димитрія Донскаго, оставшись еще въ зрѣлыхъ лѣтахъ, она изнуряла тѣло свое постомъ и веригами, но являлась міру въ богатой одеждѣ, украшенной драгоцѣнными бисерами. Злословіе представило сомнительнымъ ея цѣломудріе и коснулось слуха сыновей ея. Оскорбленные безславіемъ своей матери, они не могли этого скрыть отъ нея. Вмѣсто всѣхъ доказательствъ, Евдокія сняла передъ ними часть одежды своей, и дѣти ужаснулись, увидѣвъ худобу ея тѣла, и кожу совершенно изсохшую, и тяжкія вериги. Не желая освобождать себя отъ бремени злорѣчія, ради имени Божія, она запретила имъ разглашать это другимъ; но отъ исторіи не утаился сей подвигъ самоотверженія Великой Княгини (стр. 205—1).» «Незабвенно въ исторіи не только монастыря, но и Москвы, погребеніе первой супруги Царя Іоанна Васильевича, Анастасіи. Всѣ плакали и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію матерью своей; имъ хотѣли раздавать обыкновенную при такихъ случаяхъ милостыню, но они не принимали ея (стр. 215—1).»

Читая послѣднее, невольно перенесешься къ его же описанію перенесенія мощей Іова Патріарха изъ Старицы. «При встрѣчѣ мощей въ 1652 г.,» по сказанію самого Царя Алексѣя Михайловича, «весь пожаръ, т. е. Красная площадь, занятъ былъ людьми пѣшими, такъ что яблоку негдѣ было упасть» При этомъ Святитель

Іосифъ со слезами сказалъ Царю: «вотъ смотри, Государь, каково хорошо за правду стоять, а по смерти слава!» (стр. 332—1.)

Въ описаніи Государева дворца встрѣтите очерки жизни великокняжеской и царской и можете прослѣдить (233—1; 235—1 и 240—2) за постепеннымъ ея измѣненіемъ до XVII столѣтія.

Красное крыльцо доставляетъ случай указать на жизнь народную, которая потерпѣла всего менѣе измѣненій.

«По преданію старожиловъ на этой площади до конца XVIII вѣка стояли деревянныя будочки, наполненныя столбцами; въ нихъ укрывались отъ непогоды старые бояре, сбиравшіеся сюда на совѣщанія. Такъ какъ Красная площадь дѣйствительно была и въ Кремлѣ и въ Китаѣ, то на ней сходились послѣ обѣдни Московскіе граждане толковать о дѣлахъ и на нее Царь высылалъ своего боярина узнавать мнѣніе народное (стр. 240—1).»

При описаніи Грановитой Палаты Г. Снегиревъ передаетъ со словъ очевидца замѣчательное возстаніе раскольниковъ; жаль, что конецъ перенесенъ имъ въ примѣчаніе; въ текстѣ онъ разсказываетъ только то, что происходило въ царскомъ чертогѣ.

Я заключу всѣ мои ссылки и выписки изображеніемъ засѣданія Совѣта нашей древней Думы, помѣщеннымъ при описаніи Золотой Палаты.

«Царь, сидя на высокомъ и драгоцѣнномъ тронѣ, предлагалъ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію. Въ ближайшемъ къ нему кругу сидѣли Князья, Бояре, Воеводы и духовныя Власти; другой кругъ составляли созванные дворяне, депутаты провинцій, судьи и предсѣдатели приказовъ; третій кругъ—думные дьяки. За тѣмъ собирались мнѣнія и голоса, также выслушиваемы были доказательства въ защиту, или въ опроверженіе дѣла; при чемъ дьяки должны были приводить древнія права, обычаи и обряды, какъ рѣшаемо было въ подобныхъ случаяхъ. Потомъ составлялось рѣшеніе, которое тутъ же утверждалъ и подписывалъ Царь.» «При изложеніи опредѣленій Дума употребляла извѣстную форму: Великій Государь указалъ и Бояре приговорили (стр. 250—2).»

Прочтя описанія Оружейной Палаты, Спасскихъ воротъ, Лобнаго мѣста, вездѣ читатель найдетъ множество

историческихъ богатствъ, преданій, повѣрій и воспоминаній старины.

Бо́льшею частію теперь въ книгахъ этого рода, наполненныхъ рисунками, текстъ служитъ только дополненіемъ; въ книгѣ Г. Снегирева на оборотъ. Не смотря на то, что расцвѣченныя картинки сдѣланы превосходно, отчетливо и съ полнымъ знаніемъ дѣла, онѣ только добавокъ къ его сочиненію. Выборъ ихъ вѣроятно сдѣланъ имъ же. Какъ въ текстѣ Г. Снегирева нѣтъ ничего лишняго, если и встрѣчаются повторенія, то они суть необходимыя слѣдствія состава книги, о чемъ предупреждаетъ самъ сочинитель въ предисловіи; точно также и въ выборѣ картинокъ: жалѣешь объ одномъ, что ихъ только 44, не больше. Всѣ онѣ замѣчательны или по древности и особенности изображаемыхъ предметовъ, какъ на пр. иконостасъ Успенскаго собора, Корсунскіе кресты, образъ Ризъ Положенія при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сосуды Антонія Римлянина; или по чрезвычайному изяществу, какое можетъ быть истинно образцовымъ для церковныхъ сокровищъ. Таковы два оклада Евангелія, одно Натальи Кириловны, другое XII вѣка; сосудъ, изъ котораго помазываются Царя; дарохранительница или Сіонъ В. К. Іоанна III; кадило Ѳеодора Алексѣевича. Или наконецъ нѣкоторыя могутъ служить замѣчательнымъ образчикомъ безвкусія своего времени, какъ на пр. дарохранительница Петра I.

Въ планахъ, разрѣзахъ и фасадахъ надобно было бы взять поболѣе размѣръ, тогда они могли бы принести полную пользу самымъ архитекторамъ, а не только удовлетворить любопытству читателей. Очеркъ Ивана Великаго лучше было бы также взять съ дагеротипа, какъ взято изображеніе Василія Блаженнаго. Впрочемъ, не смотря на эти мелкіе недостатки, вообще изданіе «Памятниковъ Московской Древности» превосходно, а текстъ, я снова повторю, такъ полонъ свѣдѣній и изысканій, такъ занимателенъ, составленъ такъ отчетливо и

наконецъ, въ добавокъ ко всему, писавъ такимъ прек
снымъ языкомъ, что онъ вообще въ нашей литерат
занимаетъ важное мѣсто, и есть лучшее сочиненіе и
жду всѣми книгами, написанными у насъ въ этомъ ро
Сдѣланныя мною выписки будутъ лучшими ручател
въ истинѣ и безпристрастіи моего сужденія.

Ѳ. *Чижовъ.*

Римъ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

(LICENTIA POËTICA).

СОЧИНЕНІЕ

К. Аксакова.

Мартъ, 1845 года. Радонежье.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Петръ Семеновичъ Архиповъ,
Андрей Владимировичъ Ящеринъ,

Молодые люди, ѣдущіе изъ Москвы на имѣніи одного помѣщика, родственника Ящерина.

Иванъ — слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ повозкѣ, а частію и на станціяхъ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Деревня на большой дорогѣ. Подлѣ станціонной избы стоитъ повозка, запряженная тройкой. Архиповъ и Ящеринъ выходятъ изъ избы.

ЯЩЕРИНЪ.

Ну что, готово ли?

ИВАНЪ.

Готово-съ.

АРХИПОВЪ.

Ну, такъ съ Богомъ... (*Подходитъ ямщикъ*).

ЯМЩИКЪ.

Старому, баринъ, ямщику на водку... (*Архиповъ даетъ ему.*)

ЯЩЕРИНЪ.

Вѣдь мы должны будемъ своротить на проселочную дорогу; намъ уже теперь до мѣста недалеко... (*Усаживаются въ повозку.*)

АРХИПОВЪ (*ямщику*).

А сколько до этой станціи будетъ?

ЯМЩИКЪ.

Да верстъ тридцать считаютъ.

ЯЩЕРИНЪ.

Какая скука! А мнѣ еще и спать не хочется: на той станціи выспался славно. Выкурить развѣ сигару... (*Подходитъ другой ямщикъ*).

ЯМЩИКЪ.

Старостѣ, баринъ, за хлопоты...

ЯЩЕРИНЪ.

Поди ты прочь! довольно и того, что ямщику на водку даютъ. Какія тутъ хлопоты?.. Да что-жъ это нашъ ямщикъ копается такъ долго? –Ну, усѣлся что-ли? Валяй!..

ЯМЩИКЪ, *(трогая лошадей).*

Эхъ вы.... (*Колокольчикъ звенитъ. Иванъ подпрыгиваетъ на облучкѣ. Повозка выѣзжаетъ изъ деревни на большую дорогу.*)

АРХИПОВЪ.

А вѣдь нехолодно?

ЯЩЕРИНЪ.

Нехолодно, конечно,
Да не мѣшало-бъ и теплѣй!

АРХИПОВЪ.

Ты, братъ Андрей, все зябнешь вѣчно;
А мнѣ на холодкѣ какъ будто веселѣй!

ЯЩЕРИНЪ

Да, знаю я твое веселье!
Въ прошедшую зиму случилось ѣхать мнѣ
Въ Москву, къ сестрѣ на новоселье:
Во первыхъ—отъ толчковъ тогда моей спинѣ
Досталось крѣпко; не забуду
Ухабовъ зимняго, привольнаго пути!
Да во вторыхъ — ужъ вѣчно помнить буду,
Что я себя насилу могъ спасти
Отъ стужи, — а слуга мой съ козелъ
Во всю дорогу не сходилъ, —
Такъ, кажется, себѣ онъ ноги отморозилъ!
Вотъ какъ твой холодокъ надъ нами подшутилъ!

АРХИПОВЪ.

Ну, кто и говоритъ про эдакую стужу!
А кстати, что твоя семья?
Твоя сестра на дняхъ поѣдетъ къ мужу?
Не знаю отъ кого, но только слышалъ я . .

ЯЩЕРИНЪ.

Да, мужъ ея живетъ въ деревнѣ постоянно;
Хозяйствомъ занятъ онъ, повѣришь, день и ночь,
И умножаетъ безпрестанно
Онъ годовой доходъ; однако дочь,
Мою племянницу, въ Москву на воспитанье,
Отцовскій капиталъ тудажъ на проживанье
Со всей семьей онъ скоро повезетъ!..

Нѣсколько времени продолжаютъ ѣхать молча. Наконецъ ямщикъ гонитъ лошадей шибче и они проѣзжаютъ мимо небольшой деревушки. Мальчишки, игравшіе на дорогѣ, съ визгомъ разбѣгаются. Одна баба останавливается и смотритъ. Мужикъ толкаетъ ее:

Ну, что глядишь, чего не видала?

БАБА.

Экъ, — шубъ-то, шубъ-то на нихъ! вишь какъ господа-то себя грѣютъ!

МУЖИКЪ.

На то они и господа! А ямщикъ-то никакъ изъ Семеновки?..

БАБА.

Изъ Семеновки. Онъ еще давича, ранехонько по утру, провезъ туды барина, а теперь оттоль домой съ попутчикомъ.

МУЖИКЪ.

Пойдемъ! Впшь, баринъ глядитъ на насъ и смѣется... *(Повозка проѣзжаетъ далѣе).*

ЯЩЕРИНЪ.

Ну, не красива, нечего сказать:
Какой костюмъ, какая стать!

(Запѣваетъ мотивъ изъ Нормы.)

АРХИПОВЪ.

Фальшивишь, братъ. Никакъ не можешь ты
Пропѣть порядочно и вѣрно ни пол-слова!

ЯЩЕРИНЪ.

Тебѣ такъ кажется, — обманъ твоей мечты..
Не. випкъ ты въ пѣніе, а критика готова..
Ты, впрочемъ, оцѣнить достойно голосъ мой
Теперь не могъ бы и внимая:
Мѣшаетъ мнѣ вотъ этотъ «*даръ Валдая*
«*Гудитъ уныло подъ дугой!*»
А кстати — спѣть: «Вотъ мчится тройка удалая.»

(Запѣваетъ. Архиповъ подтягиваетъ сначала тихо, потомъ мало-по малу громче, и такимъ образомъ поютъ всю пѣсню.)

ЯЩЕРИНЪ *(ямщику).*

Стой! — Дай зажечь спичку. Да помоги, Петръ, отъ вѣтра оборониться...

АРХИПОВЪ.

Изволь, изволь. *(Останавливаются. Подъ полой шубы зажигаютъ огонь и закуриваютъ сигары.)*

АРХИПОВЪ

Ну, пошолъ! *(ѣдутъ).*

АРХИПОВЪ.

Люблю я зимній, красный день:
Онъ гонитъ прочь покой и нѣгу;
Люблю глядѣть, когда по дѣвственному снѣгу,
По ярко-бѣлому слегка ложится тѣнь!
Смотри, какъ на краю дороги, здѣсь на правомъ,
Насъ отражаетъ солнца свѣтъ,
И наша тѣнь, въ размѣрѣ величавомъ,
Съ повозкой, съ ямщикомъ за нами скачетъ вслѣдъ.
Деревья снѣжною опушены одеждой,
И синева прозрачна и ясна,
И воздухъ чистъ, — и грудь надеждой
И чувствомъ юныхъ силъ полна!
По ровному пути несешься; вмѣсто крылій
Полозья гладкія скользятъ
Легко, подвижно, безъ усилій,
И искры снѣжныя по сторонамъ летятъ,
Блестя на солнцѣ. Подъ ногою
Хруститъ морозъ. А тамъ, недалеко,
Надъ каждою избой, надъ каждою трубою,
Синѣетъ дымный столбъ: сначала высоко,
Все прямо, прямо подымаясь,
Потомъ мѣняя стройный ходъ,
Ложится косвенно, и въ облако сливаясь,
Теряется. Роскошный неба сводъ,
И въ бѣломъ образѣ прекрасная природа,
И лица свѣжія и бодрыя народа,
Все веселитъ меня. Какъ радъ я, Боже мой,
Что отъ искусственной, условной жизни нашей,
Могу прибѣжище, свободнѣе и краше,
Найти въ природѣ Русской и простой!

ЯЩЕРИНЪ.

Фантазируешь ты не худо,
Да я не фантазеръ. Хоть самъ люблю порой

Природу и стихи; но занятъ я покуда
Все той же думою одной.
Я далѣе тебя несусь своей душою,
Скажу тебѣ здѣсь кстати вновь, —
Я не съ одной хочу сочувствовать страною, —
Во мнѣ пространнѣе любовь!
Природой Русскою и Русскимъ человѣкомъ
Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть,
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщеннымъ вѣкомъ!

АРШИНОВЪ.

Мы любимъ жить чужимъ умомъ,
Свое чужимъ аршиномъ мѣрить,
И пировать въ пиру чужомъ;
Кому ненужны мы, — о томъ
И хлопотать и лицемѣрить!

Но если въ комъ не даромъ кровь
Волнуетъ пылкое стремленье,
Зоветъ пространная любовь,
Чтобъ угнетаемому — вновь
Воздать все прежнее значенье, —

Такъ чѣмъ глядѣть по сторонамъ,
Въ чужомъ пиру искать похмѣлья,
И по проложеннымъ тропамъ,
Идти во слѣдъ чужимъ стопамъ,
Ковать ненужныя издѣлья, —

Пусть пелену съ себя сорветъ,
Пусть ближе онъ допуститъ къ сердцу,
Что̀ отзывъ въ немъ родной найдетъ,
Что̀ чужестранецъ не пойметъ,
Что̀ будетъ дико иновѣрцу!

Пусть онъ почувствуетъ въ себѣ
Всю святость узъ своихъ къ народу. . . .

По не проложеннымъ слѣдомъ,
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ, въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и Русскимъ!

Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣяло враговъ,
И иго нравственныхъ оковъ
Съ себя презрѣнное сорвало!

ЯЩЕРИНЪ.

Смѣшно твое негодованье,
Безумны дѣтскія мечты!
Уже-ли думать смѣешь ты,
Твое свершится ожиданье?

Скажи: что дѣлалъ нашъ народъ,
Когда тяжелыми трудами
Другіе собирали плодъ,
Взращенный долгими вѣками?

Они собою движутъ міръ,
Гордяся опытомъ и славой;
Богатъ ихъ жизни, шуменъ пиръ,
Ихъ достоянье величаво!

Они рѣшатъ задачу намъ
Вопросовъ жизни и стремленья...
А гдѣ же ты своимъ мечтамъ
Нашелъ основу? Гдѣ спасенье?

Нѣтъ! обольщаться не спѣши
Одной потѣхою гремучей!
Гдѣ тѣ сокровища — могучей
Народа Русскаго души?

И я не чувствую ни мало
Въ себѣ пристрастья твоего :
Гдѣ, въ чемъ лежитъ *его* начало?
Что̀ намъ порукой за *него?*

АРХИПОВЪ.

Кто имѣетъ слухъ—да слышетъ ,
Кто имѣетъ очи—зритъ ;
Въ комъ живое чувство дышетъ , —
Въ томъ оно заговоритъ.
Я не дамъ тебѣ отвѣта ,
Возражать не буду я :
Блескомъ внутренняго свѣта ,
Жаромъ тайнаго огня ,
Вѣчной истиной согрѣта .
Жизнь народа для меня !

Раздаются звуки Русской пѣсни : «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».... Ѣдутъ большіе розвальни, запряженные тройкой, въ которыхъ сидятъ человѣкъ до 10-ти мужиковъ и поютъ. Поровнявшись, они обмѣниваются съ ямщикомъ поклонами.

ЯЩЕРИНЪ.

Что̀ за народъ , откуда ?

ЯМЩИКЪ.

Да съ работы , изъ города, къ празднику домой торопятся. Экъ ихъ тамъ насѣло ! Любо , весело ѣдутъ.

ЯЩЕРИНЪ.

Ну, ну, пошолъ !

ЯМЩИКЪ, *(погоняя).*

Эй вы , залетныя !

АРХИПОВЪ

Какая пѣсня, что?

ЯЩЕРИНЪ.

Ну хороша, конечно,
Готовъ признаться я. Но развѣ тутъ и все?
Позволь теперь чистосердечно
Сказать мнѣ про тебя сужденіе мое:
Хоть есть въ тебѣ и искреннее чувство,
Но пользы отъ того не вижу никакой!
Напротивъ, ты живешь одной своей мечтой,
Отъ дѣла ты отвыкъ и бредишь про искусство,
Насиліе творя душѣ своей,
Національное ты ставишь ей кумиромъ.
Напрасенъ трудъ: ей жить привольнѣй съ цѣлымъ міромъ,
Ей тамъ отраднѣй и свѣтлѣй!
За тѣмъ-то полонъ ты вопросовъ и сомнѣній,
И поэтическимъ мечтамъ
Не хочется въ среду дѣйствительныхъ явленій,
Сойдя, разрушиться.... вѣдь правда, знаешь самъ!

АРХИПОВЪ.

Отчасти, долженъ я признаться,
Что правда есть въ твоихъ словахъ:
Еще не могъ вполнѣ я съ жизнью уравняться,
Быть цѣльнымъ существомъ, хоть въ молодыхъ годахъ!
Но я тебѣ во всемъ другомъ противорѣчу.....

ЯЩЕРИНЪ.

Постой, кто это къ намъ катитъ теперь на встрѣчу?

Ѣдетъ кибитка: въ ней лежитъ старый отставной офицеръ и куритъ трубку.

На городничаго Бѣловскаго похожъ,
Не правдаль? Сходство этихъ рожъ
Разительно!.....

АРЖИНОВЪ.

Да ужъ не онъ ли самый?
Такіе же усы, и видъ такой упрямый?

ЯЩЕРИНЪ.

О нѣтъ! того я знаю коротко.....

Въ это время сильный порывъ вѣтра выметываетъ нѣсколько искръ изъ трубки офицера и доноситъ отдаленный отзывъ пѣнія мужиковъ: «ужъ я въ три косы косила.» Офицеръ поспѣшно накрываетъ трубку, ложится опять и запѣваетъ въ полголоса: «ужъ я въ три косы косила»....

День вечеретъ. Повозка несется далѣе. Иванъ давно уже спитъ, качаясь на облучкѣ; но по временамъ, ударяясь о ямщика, кричитъ ему: «пошолъ!» Ящеринъ лежитъ долго молча, и потомъ мало по малу засыпаетъ. — АРЖИНОВЪ впадаетъ въ дремотное раздумье. Передъ нимъ, въ неопредѣленныхъ, смутныхъ образахъ носятся его собственныя, разнообразныя думы и слышится ему ихъ звучный шопотъ.

ГОЛОСЪ.

Кто слезы льетъ, простерши руки,
Отъ скорбной сердца полноты?
Чьи грусть тяжелая разлуки
Печалитъ нѣжныя черты?

Она стоитъ передъ иконой,
На ней дрожитъ лампады свѣтъ;
Ея молитва — обороной
Тебѣ отъ горестей и бѣдъ!

То мчится въ даль она мечтою,
Покинувъ спящую семью,

То смотритъ съ тихою тоскою
На опустѣвшую скамью, —

Гдѣ ты всегда сидѣлъ, бывало,
Скучалъ покойною судьбой:
Она съ прискорбіемъ внимала
И говорила: Богъ съ тобой!

И силѣ той молитвы вѣря,
Ты бодрый духъ несешь въ себѣ..
Готовъ идти, не лицемѣря,
На встрѣчу жизни и борьбѣ.....

О, что̀ бы ни могло случиться,
Но знать отрадно каждый часъ,
Что есть кому за насъ молиться,
Кому любить и помнить насъ!....

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ, *(перебивая)*.

Жизнь общественная мчится,
И безъ устали, всегда,
Колесо ея вертится
Безъ замѣтнаго слѣда!
И одно другимъ смѣняя,
Жизни каждый мигъ, она,
Непрерывно отживая,
Новой жизнію полна!

Отъѣзжающему странно
Воротиться будетъ къ ней:
Все, что̀ онъ носилъ сохранно
Въ глубинѣ души своей,
Все, что̀ онъ живымъ оставилъ,
Всѣ вопросы, всякій споръ,
Что́ любилъ, на что́ направилъ
Любопытства полный взоръ;

Все, что въ немъ въ опредѣленность,
Въ образъ твердый перешло,
Вся былая современность —
Все забыто, все прошло!
Все звучитъ воспоминаньемъ
Неумѣстнымъ и глухимъ,
Уступивъ мечтамъ, желаньямъ
И событіямъ другимъ!

Будетъ-ли такъ и съ тобою?
Грустью душа облеклась,
Думой волнуясь простою,
Что ты найдешь, воротясь?
Все начатое — свершится,
Многаго слѣдъ пропадетъ,
Много должно измѣниться,
Много воды утечетъ!....

Надъ Архиповымъ пролетаютъ и нѣсколько разъ повторяются звуки стиховъ:

« Тебѣ; но голосъ музы томной
« Коснется-ль слуха твоего,
« Поймешь-ли ты душою скромной
« Стремленье сердца моего?»..... *(перестаютъ).*

Еще разъ:

« Тебѣ; но голосъ музы томной »..... *(умолкаютъ на время).*

Опять:

« Тебѣ; но голосъ музы томной
« Коснется-ль слуха твоего »....

. . . . . .

За чѣмъ, откуда, безотвязно,
Безъ умолку звучите вы,
Такъ упоительно, несвязно,

Былые пробуждая сны?
« Поймешь ли ты душою скромной ».....
. . . . . .

Какъ сладко, въ часъ успокоенья,
Когда вся жизнь кругомъ уныла и тиха,
Внимать гармоніи стиха,
Иль слышать издали несущееся пѣнье!

« Для береговъ отчизны дальной »
. . . . . .

Блаженъ, кто могъ здѣсь вдохновенья
Святой поэзіи узнать,
Всю безконечность упоенья
И всю восторговъ благодать!
Тотъ много жизни дней ненастныхъ
И грозъ и бурь простить готовъ
За тѣмъ, что столько есть прекрасныхъ
Волшебныхъ звуковъ и стиховъ!
Что многое стихомъ открыться
Намъ лучше всякихъ можетъ книгъ,
Что есть съ чѣмъ въ мірѣ позабыться,
Хоть на единый только мигъ!

ХОРЪ НЕВИДИМЫХЪ.

Нѣтъ, напрасно, погоди!
Жизнь повсюду, впереди,
И кругомъ тебя несется;
Впечатлѣньями сполна
Надѣлитъ тебя она,
И не рѣдко содрогнется
Все въ тебѣ..... но погоди!
Кто-то ѣдетъ впереди!

Ѣдетъ старый тарантасъ, поставленный на полозья и запряженный 6-ю лошадьми, съ форейторомъ.

ТАРАНТАСЪ *(поетъ).*

Все живу я въ службѣ, да въ отвѣтѣ,
На своемъ помаялся вѣку;
Сколькихъ я возилъ на этомъ свѣтѣ,
Видѣлъ Волгу — матушку рѣку!

Помню день, какъ вышелъ я впервые
Изъ родной просторной мастерской;
Братья были у меня родные:
Всѣ они разсѣяны ѣздой!

Лѣто былъ я всякое въ дорогѣ,
А зимой по праву отдыхалъ;
Но увы! мои хозяинъ дроги
На полозья сдвинуть приказалъ!

И моихъ встревожили пенатовъ
Беззаконно снарядили въ путь!
И теперь тащуся я въ Саратовъ:
Старъ ужъ я, пора мнѣ отдохнуть.

Мнѣ житье давно уже постыло;
Все на смерть здѣсь осудилъ Творецъ!
Я скриплю, скриплю теперь уныло,
Скоро я разрушуся въ конецъ!

Тарантасъ подъѣзжаетъ ближе. Въ немъ сидитъ, подлѣ старой помѣщицы, молодая дѣвушка прекрасной наружности и дремлетъ. Передъ нею также носятся разнообразныя видѣнія и звуки.

ГОЛОСЪ, *(напѣвая Архипову).*

Жаль мнѣ и грустно, что ты, молодая,
Будешь томиться въ глуши;
Жаль, что исчезнетъ въ тебѣ, увядая,
Свѣжесть прекрасной души!

Будешь подъ гнетомъ пустой и безплодной
Мелкихъ заботъ суеты,
Будешь подавлена жизнью холодной, —
Бѣдная дѣвушка, ты!

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ, *(напѣвая молодой дѣвушкѣ).*

Въ замѣнъ разлуки и печали,
Что̀ впереди тебѣ дано,
Что̀ въ безотрадно-грустной дали
Тебѣ судьбой обречено?

За чѣмъ возможность понимала
Ты жизни лучшей и другой;
За чѣмъ ты душу воспитала,
За чѣмъ стремилась въ міръ иной?

И знай: должна уединенно
Твоя поблекнуть красота;
Промчаться юность постепенно,
Разбиться свѣтлая мечта!

Но заживетъ съ годами рана,
Съ своимъ ты свыкнешься житьемъ!..
И всѣ мы, поздно, или рано,
Себя самихъ переживемъ!..

Экипажи разъѣзжаются. Передъ Архиповымъ возникаетъ образъ Бѣловскаго городничаго.

ГОРОДНИЧІЙ.

Прочесть я долженъ паспортъ вашъ;
Не то другимъ повадка.
Законовъ аккуратный стражъ,
Блюститель я порядка.
Давно служить имѣю честь,
Такъ у меня, повѣрьте, есть
Проворная приглядка!..
Своею властью могъ бы я

Вамъ способъ дать уѣхать,
Но. . . (*Исчезаетъ*)

Повозка проѣзжаетъ мимо обширнаго, стараго барскаго дома, который видится издали Артипову, даже сквозь дремоту.

ГОЛОСЪ.

Глядитъ онъ, мраченъ и угрюмъ,
Пустой, холодный и старинный!
Какъ много, много грустныхъ думъ
Встаютъ во мнѣ чредою длинной!

Была здѣсь нѣкогда семья,
Знавала счастіе и радость;
Подъ сѣнью тихаго житья
Росла, воспитывалась младость!

И былъ въ кругу домашнемъ ихъ
Свой міръ отдѣльный, міръ завѣтный;
Отвсюду вѣяло на нихъ
Знакомствомъ, дружбою привѣтной!

И этотъ паркъ, и этотъ садъ,
Для птицъ узорчатая клѣтка,
Столовъ, скамей зеленыхъ рядъ
И отдаленная бесѣдка,

И сходъ къ тѣнистымъ берегамъ
Рѣки излучистой, плотина,
И прудъ, и мѣльница, а тамъ
За рощей скрытая равнина. . .

Чего свидѣтелями вы
Въ былое время не бывали?
Какихъ забавъ, какой игры,
Какихъ тревогъ, какой печали? . .

Когдажъ для всѣхъ наступитъ сонъ,
Одна, быть можетъ, оставалась,
Съ тебя, возвышенный балконъ,
Безмолвьемъ ночи любовалась...

О чемъ тогда ея мечты,
О комъ была ея забота?..
Зачѣмъ такъ поздно съ высоты
Стремилась въ даль, ждала кого-то?..
И все промчалось...

(Домъ скрывается изъ глазъ.)

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Съ юныхъ лѣтъ въ тебѣ бывало
Все раздумью отдано,
Беззаботному мѣшало
Наслажденію оно!
Все вездѣ тогда носило
Для тебя въ себѣ вопросъ...
Развилась младая сила,
Возмужалъ ты и возросъ!..
Но и нынѣ среди шумной
Разговорной суеты,
Легкомысленной, иль умной,
Погружаться любишь ты
Въ тѣ нѣмыя созерцанья
Лицъ, явленій, — каждый часъ
Безъ слѣда и замѣчанья
Проходящихъ мимо насъ!
Все иначе представало
Взорамъ внутреннимъ твоимъ,
Въ образъ новый возрастало,
Міромъ вѣяло своимъ!
Всѣ отдѣльныя явленья
Обрѣтали, разширясь,

Въ хорѣ царственномъ творенья
Гармоническую связь!

Но неопытной душою
Возмущался сильно ты,
Видя наглою бѣдою
Погубленные цвѣты!
Видя много золъ напрасныхъ,
Много горестей нѣмыхъ,
Слыша жалобы несчастныхъ
И тщету моленій ихъ!
Какъ развитію, движенью
Въ человѣческой семьѣ
Служатъ первою ступенью
Плачь и слезы на землѣ!
И пока затихнуть можетъ
Безполезная борьба,
Сколько жертвъ она положитъ!
Какъ безжалостно судьба,
По законамъ властелинскимъ
Непреложности своей,
Давитъ ходомъ исполинскимъ
Жизнь отдѣльную людей!..

Такъ въ нѣмыя созерцанья
Погружаться любишь ты,
Пробуждать въ себѣ желанья
И высокія мечты!
И носиться въ мірѣ сложномъ
Чувства грусти и любви,
И въ участіи тревожномъ
Проводить младые дни!

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

Окрѣпни духъ! воскресни сила!
Гони бездѣйствіе мечты!

Все то, что̀ грудь въ себѣ носила,
Осуществить не можешь ты!

Откинь же ложное стремленье
И чувствъ восторженныхъ порывъ:
Они приносятъ разслабленье,
Всѣ силы духа умертвивъ!

Твои безплодныя страданья,
Лишь даромъ возмущая кровь,
Твои безцѣльныя исканья
И безполезная любовь,

Не разрѣшатъ тебѣ задачи,
Не измѣнятъ земли суда:
Все также горести и плачи,
Какъ были, будутъ и всегда!

Ты уносился въ міръ нездѣшній,
Ты отдалъ юности почетъ:
Пусть міръ дѣйствительный и внѣшній
Всего теперь тебя займетъ!

Его дѣла пробудятъ въ тѣлѣ
И бодрый духъ и силы вновь;..
Но на одномъ высокомъ дѣлѣ
Сосредоточь свою любовь!

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ, *(прерывая)*.

Кто изъ насъ въ былое время,
Полонъ скорби, не хотѣлъ
Облегчить чужое бремя,
Усладить чужой удѣлъ!
И бѣду и грусть лихую
Отогнать далеко прочь,
Утолить печаль чужую,
Горю всякому помочь!

И хоть знаешь: скорбь и муки
Всѣ равно должны мы несть,
Знаешь ты, что здѣсь разлуки
Неминуемыя есть!
Что для всѣхъ таятся въ жизни
Неизбѣжные труды,
Что печаль и укоризны
Не защита отъ бѣды!

Но для мертваго воззрѣнья
Ты себя не воспиталъ,
Чувствъ живыхъ ограничѣнья
Ты душѣ не налагалъ!
Пусть живутъ въ тебѣ достойно
Заблужденья и мечты...
Но законность жертвъ спокойно
Признавать не можешь ты!

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ.

За чѣмъ же чувства въ васъ, прекрасныя, всегда
Работъ дѣйствительныхъ боятся?
Вамъ, видно, легче жить безъ всякаго труда;
Да въ отвлеченности скитаться!
Тотъ эгоистъ холодный и пустой.....
. . . . . .
Спадетъ твоихъ сомнѣній шелуха
Сильнѣй восторжествуетъ чувство
И смѣло ты. . . .

(Попадаютъ въ ухабъ. Ящеринъ и Архиповъ при вскакиваютъ оба съ своихъ мѣстъ и смѣются.)

ЯЩЕРИНЪ.

Вотъ ровный зимній путь! онъ разбудилъ меня!
Ну, кстати выкурить! Иванъ, подай огня!
Не нужно, нѣтъ: заснуть попробую я снова!
Да ты что? спалъ, иль нѣтъ, не скажешь мнѣ ни слова

АРХИПОВЪ.

Не знаю, спалъ ли я, дремалъ,
Но много, много, мнѣ казалось,
Я видѣлъ образовъ, яснѣе понималъ,
Что̀ прежде мнѣ неяснымъ представлялось!
Вопросы разные, сужденья зрѣлыхъ лѣтъ,
И чувства юности, внутри противорѣчья,
Желаніе найдти себѣ отвѣтъ,
Вездѣ всегда со мной. Ихъ отъ себя отвлечь я,
Какъ ты, не въ силахъ; твоего
Я бъ не хотѣлъ холоднаго покоя:
Онъ разрушаетъ то, что̀ для меня всего
Святѣе: чувство гонитъ онъ родное!

ЯЩЕРИНЪ.

Желаю я тебѣ найти
Себѣ по нраву разрѣшенье;
А я уже давно нашелъ успокоенье!
Пріятныхъ сновъ тебѣ, прости!..

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІИ.

Черная, бѣдная изба, освѣщенная двумя горящими лучинами. Подъ образами, за столомъ сидитъ человѣкъ пять мужиковъ-извощиковъ, подлѣ нихъ хозяинъ-старикъ. Двѣ бабы: одна старуха, сидитъ въ углу; другая, молодая, съ добрымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица, сидитъ подлѣ огня, прядетъ и безпрестанно вставляетъ новыя лучинки въ свѣтецъ. Ребятишки всѣхъ возрастовъ, въ изорванныхъ и грязныхъ рубашенкахъ, лежатъ частію на палатяхъ, частію на печкѣ, частію сидятъ на полу. За перегородкой слышится хрю-

канье свиней, мычанье телятъ и т. п. Мѣсяцъ свѣтитъ сквозь замерзшее окно.

одинъ изъ извощиковъ.

Дай квасу, бабушка!

старуха, *(подавая квасъ.)*

На, родимый, пей!

другой извощикъ.

Эхъ, мѣсяцъ свѣтитъ! теперь бы и быть въ дорогѣ! А мы заплошали, ночку должны переждать.

хозяинъ,

А какъ дорога-то, ухабиста?..

извощикъ.

Всяко случалось; гдѣ ухабиста, гдѣ какъ шаромъ покати. *(Слышенъ колокольчикъ; подъѣзжаетъ повозка.)* Да что, никакъ къ вамъ проѣзжіе?

Отворяется дверь: холодный воздухъ клубами врывается въ избу; входятъ Архиповъ, Ящеринъ и Иванъ, съ замерзшимъ мѣхомъ на воротникахъ.

архиповъ.

Ухъ, холодно! Дай намъ мѣстечко, хозяинъ. Да принеси, Иванъ, изъ повозки погребецъ и все нужное. *(Иванъ уходитъ).*

ящеринъ.

Пф! Что, хозяинъ, нѣтъ у тебя другой избы, — по просторнѣе, по... чище?

хозяинъ.

Нѣтъ, нѣту. Да мѣсто-то мы вотъ сей часъ опростаемъ. Ну ребята, поужинали, что ли?

Извощики встаютъ и крестятся на образа. Ящеринъ и Архиповъ, скинувъ шубы и мъховые сапоги, располагаются въ углу. Иванъ приноситъ погребецъ, складной самоваръ и ставитъ на столъ чайный приборъ, ложки и пр.

ЯЩЕРИНЪ.

Да у тебя тамъ были восковые огарки. Зажги ихъ. *(Иванъ исполняетъ приказаніе.)* Съ этѣми лучинками ничего не видать! Да поставь самоваръ!

ОДИНЪ ИЗЪ МУЖИКОВЪ *(другому).*

Господа-то запасливы.

ДРУГОЙ.

Не малаго и стоитъ....

ЯЩЕРИНЪ *(Архипову).*

Какая скверная изба! Ну есть-ли возможность жить въ такомъ хлѣву?

АРХИПОВЪ *(тихо).*

Полно! услышатъ!

ЯЩЕРИНЪ.

Diable! voilà une triste existence! On aurait peine à se faire idée d'une pareille misère!

Подаютъ самоваръ. Паръ бьетъ вверхъ и распространяется по избѣ. Ящеринъ и Архиповъ приготовляютъ чай. Мужики всѣ вмѣстѣ стоятъ въ углубленіи молча и смотрятъ.

ЯЩЕРИНЪ.

Voyez comme ces drôles-là nous regardent! je n'ai rien vu de plus niais! Ха, ха, ха *(смѣется).* *(Архиповъ пожимаетъ плечьми).*

ОДИНЪ ИЗЪ ИЗВОЩИКОВЪ *(другому тихо)*.

Это про насъ!

ЯЩЕРИНЪ.

А сливокъ нѣтъ у васъ?

СТАРУХА.

Нѣтъ, батюшка, все на сметану къ розговѣнью пошло. Вѣдь вотъ ужъ посту 6-я недѣля идетъ.

ЯЩЕРИНЪ.

Да, бишь, я и забылъ! Что намъ лошадей....?

ХОЗЯИНЪ.

Сей часъ запрягутъ. Дорога проселочная; лошадей мало; мужички всѣ въ городъ поѣхали, а оттоль еще не возвращались....

МОЛОДАЯ БАБА.

Мужу-то пора бы быть домой....

ЯЩЕРИНЪ *(Архипову шопотомъ)*.

Посмотри, вѣдь очень недурна!.... Какъ странно видѣть такія лица и въ этомъ классѣ, да еще въ добавокъ съ грустнымъ выраженіемъ?

АРХИПОВЪ *(также)*.

Да, доброе лицо! и вести такую бѣдную, скучную жизнь!

Въ это время раздается плачь ребенка. Молодая женщина кладетъ веретено и качаетъ люльку. Маленькая дѣвочка подходитъ къ столу и смотритъ.

АРХИПОВЪ.

Ты что, дѣвочка, такъ на насъ уставилась? хочешь чаю, что ли?

СТАРУХА, *(отводя ее)*.

Пошла, глупая, прочь! Вы, батюшка, не взыщите! Ей въ диковинку, вотъ что свѣчки горятъ.... Мы все лучину жжемъ.

АРХИПОВЪ.

А за чѣмъ же?

СТАРУХА.

Куда намъ, батюшка! И съ хворостомъ-то, слава те Господи, еще справляемся.

Другой ребенокъ, возясь на лавкѣ, стукается объ стѣну и ревetъ.

ЛЩЕРИНЪ.

Ну!.....

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, *(подбѣгая къ ребенку)*.

Что, убился? Ничего, ничего, не плачь родимый, не плачь, поди ко мнѣ.....

Беретъ ребенка на руки, онъ перестаетъ плакать. — Мужики садятся молча на лавку.

ЛЩЕРИНЪ.

Чортъ знаетъ, какъ мы долго ѣдемъ! А завтра именины у Чечиныхъ! Пожалуй, не поспѣемъ. Надоѣло.... Какой-ты, братъ, Архиповъ, скучный нынче! — Иванъ! допивай чай, а потомъ прибери все хорошенько, да оботри стаканы и серебро.

Иванъ прибираетъ чай, садится въ уголъ и пьетъ, говоря сидящему подлѣ него извощику.

ИВАНЪ.

Экой глупый мужикъ, гдѣ усѣлся, на барскомъ сапогу... пошолъ прочь, болванъ! (*Мужикъ сходитъ*).

АРЖИПОВЪ.

Что вы, господскіе?

(Входитъ ямщикъ).

ЯМЩИКЪ.

Старому, баринъ, ямщику на водку.

ЯЩЕРИНЪ.

Плохо ѣхалъ.... на! *(Даетъ ему денегъ).*

ЯМЩИКЪ *(кланяется и подходитъ къ мужикамъ).*

Э, замерзъ совсѣмъ! Дайте, ребята, погрѣться у печки. *(Мужики даютъ ему мѣсто).* Вы отколь ѣдете?

ОДИНЪ ИЗЪ МУЖИКОВЪ.

А изъ подъ Саратова. Еще съ Миколина дня...

ЯМЩИКЪ.

Съ своимъ товаромъ, аль съ чужимъ?

МУЖИКЪ.

Съ чужимъ, купцовскимъ.

ЯМЩИКЪ.

Да ужъ не на ярманку ли, что въ селѣ Ростовѣ?

МУЖИКЪ.

Нѣту, мы на Воронежъ....

ЯМЩИКЪ.

А у насъ-то мужички всѣ на ярманку собираются.

МУЖИКЪ.

А далече отсель?

ЯМЩИКЪ.

Верстъ двадцать будетъ. А и у васъ ярманка водится?

МУЖИКЪ.

Бываетъ и у насъ. Вотъ въ Михайловъ день было, товаровъ навезли и не вѣсть что̀ изо всѣхъ земель... такая, народная была ... *(Продолжаютъ разговаривать между собою).*

ЯЩЕРИНЪ.

Хозяинъ, сколько тебѣ?

ХОЗЯИНЪ.

Что̀ пожалуете.

ЯЩЕРИНЪ.

Ну, добро, говори... Мы у тебя ничего не брали...

ХОЗЯИНЪ.

Да хоть пятиалтынный съ вашей милости...

ЯЩЕРИНЪ.

На! *(Бросаетъ ему деньги на столъ, потомъ насвистывая, ходитъ по избѣ).* Чье это мы село проѣзжали, здѣсь не далеко, по проселочной дорогѣ, съ домомъ?

ХОЗЯИНЪ.

Помѣщичье....

ЯЩЕРИНЪ.

Что̀, богатое село?...

ХОЗЯИНЪ.

Да, прежде крестьяне жили изрядочно, а тепереча жаловаться стали..., управитель изъ Нѣмцевъ и не вѣсть что̀ творитъ!...

ЯЩЕРИНЪ.

А господа-то гдѣ?

ХОЗЯИНЪ.

А Богъ знаетъ, ужъ они въ отчинѣ давно не бывали, годовъ съ десятокъ...

ЯЩЕРИНЪ.

Да гдѣ они живутъ-то, въ Москвѣ что-ли?

ХОЗЯИНЪ.

Нѣтъ, не на Москвѣ, а сказывалъ мнѣ намеднясь мужикъ оттоль, что, говоритъ, должны быть, или въ Питерѣ или въ чужихъ сторонахъ.... Денегъ, говоритъ, и Богъ вѣсть, что̀ посылаютъ. Господа-то далеко, говоритъ, такъ на Нѣмца и управы нѣтъ!

ИВАНЪ, *(который между тѣмъ, прибравъ все, выходилъ къ повозкѣ, возвращается).*

Готово-съ.

ЯЩЕРИНЪ.

А! одѣваться. *(Оба одѣваются).*

ЯЩЕРИНЪ.

На той станціи я все спалъ, теперь напился чаю и вѣрно спать не буду, что̀ мнѣ очень досадно...

АРХИПОВЪ.

Это всегда такъ кажется.. Поѣдешь, подремлешь и заснешь! Особенно ты....

ЯЩЕРИНЪ.

Ну, а ваша милость что̀? Будете опять разнымъ видѣніямъ, думамъ и мечтамъ предаваться?...

АРХИПОВЪ.

Нѣтъ ужъ теперь не разнымъ, а одной. Ты помнишь, что́ я тебѣ говорилъ въ началѣ той станціи?

ЯЩЕРИНЪ.

Что̀ это, о народѣ?....

АРХИПОВЪ.

Да, и я еще живѣе убѣждаюсь въ этомъ. Какъ въ эту минуту, передъ дѣйствительностію всѣ остальныя и отвлеченныя думы блѣднѣютъ!...

ЯЩЕРИНЪ.

Смотри братъ, ты, кажется, на ложномъ пути. Nous parlons en énigmes et je crois que ces gens-là ne nous comprennent pas....

АРХИПОВЪ.

Пусть и понимаютъ....

ЯЩЕРИНЪ.

Какой ты сердитый! Пойдемъ....

Въ это время входитъ Петръ, сынъ хозяина, мужикъ лѣтъ 25, молится на образа, потомъ кланяется всѣмъ присутствующимъ.

ХОЗЯИНЪ.

Здорово, Петруша! Ну, что̀? какія вѣсти?

ПЕТРЪ.

Да плохо-ста!

ХОЗЯИНЪ.

Ну? .....

ПЕТРЪ, *(вышал кушакъ и тулупъ на перекладину).*

Да не хорошо дѣло. Былъ я въ городѣ и ходилъ съ гостинцемъ, какъ ты приказывалъ. Вотъ онъ и сказалъ мнѣ: ладно, говоритъ, это ты хорошо сдѣлалъ, что принесъ, а вотъ пришла изъ Петербурга вѣсть вѣрная: черезъ мѣсяцъ, говоритъ, по пяти душъ съ тысячи, наборъ!

(Всѣ мужики приподнимаются съ мѣстъ).

БАБЫ.

Съ нами крестная сила!
Царица небесная!

ЯЩЕРИНЪ, *(схватывая Архипова за руку).*

Partons, partons!

(Уходятъ и садятся въ повозку. Въ избѣ слышенъ женскій вопль.).

ИВАНЪ *(скороговоркой).*

Ну, валяй скорѣе, господа не скупые, ѣдутъ на праздникъ, будетъ тебѣ и водка.

ЯМЩИКЪ, *(трогая лошадей).*

Ну вы, голубчики, съ Богомъ!....

Колокольчикъ звенитъ; они ѣдутъ. Мѣсяцъ освѣщаетъ дорогу.

МОСКВА ВЪ ТИПОГРАФІИ СЕМЕНА.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 19 Августа, 1846 года.
Цензоръ А. Очкинъ.

Областная Библиотека

[illegible]

Стр.

[illegible] М. [illegible] . . 1

[illegible]ИПЕТСКА[illegible] [illegible] А. Жу[illegible] . . [illegible]88

ANDANTI[illegible] . . 1[illegible]

ПРОДОЛ[illegible] [illegible]ЗЪ [illegible] *П. Рикс[illegible]* . . 1[illegible]3

ЗА[illegible] [illegible] *Я* [illegible]

С [illegible] [illegible] . . [illegible]

[illegible] РУССК[illegible] Х[illegible]ДОЖЕСТВЕН[illegible] [illegible] ШКОЛЫ, *А. С.* [illegible] . . 317

Ч[illegible]О [illegible]ОЙ [illegible]ТИКЪ ЛУ[illegible] *А.* *В[illegible]* . . [illegible]

ВЫПИСК[illegible] ИЗЪ ПИСЕМЪ [illegible] КЪ [illegible] . . 3[illegible]

4 СТ[illegible] . . 3[illegible]

[illegible]ЛЬПЕ[illegible]Ъ, ра[illegible] Русс[illegible] Истор[illegible] *А. Н[illegible]ва.* . . 39[illegible]

ПРОЩ[illegible]ИЕ С[illegible] Ф[illegible] [illegible]ЕНЬЕВА. *Ч[illegible]* . .

СМОТР[illegible] ТОЛПА [illegible] [illegible] *Н. А[illegible]* . .

ЧАСЫ [illegible] СМЕН[illegible] Я. Стихотв[illegible] *[illegible]* . .

[illegible]ГА. [illegible] *М. П.* [illegible] . .

С[illegible]ЕСКІЯ НА[illegible] [illegible] Серб[illegible]ской [illegible] . . 6[illegible]

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕН[illegible]НОЕ СОСТОЯНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ, *Из.* *Срезневскаго.* . . [illegible]

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДВО[illegible]НОЙ ЖИЗНИ, ром[illegible]а *К. К. Павловой*, съ [illegible] вступленіем[illegible] о самом[illegible] ро[illegible] . . 689

[illegible] *М. [illegible]* . . 7[illegible]1

[illegible] ОТВѢТЪ. [illegible] къ Языкову *[illegible]* . . 7[illegible]6

ОТДѢЛЪ КРИТИКИ.

ТРИ [illegible] *[illegible]-на Н[illegible]* . . 1

НАЧЕРТ[illegible]НІЕ [illegible] И ДѢЛ[illegible] [illegible] соч. *Ар[illegible]*, критика [illegible] . . 45

РИМСК[illegible] ПИСЬМА, критика *[illegible] Чижова.* . . [illegible]

ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ, соч. *И. Снегирева*, изд. *А. Семена;* критика *[illegible] Чижова.* . . 11

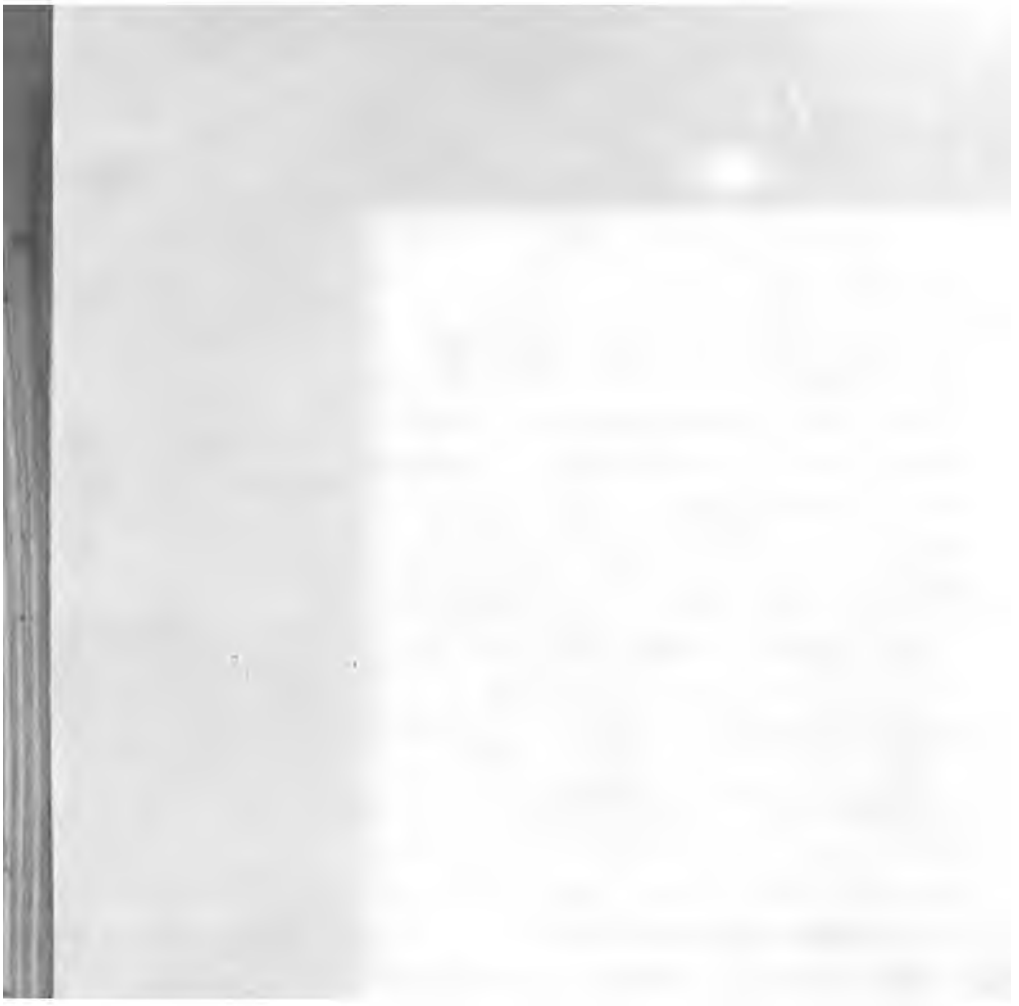
ВЪ ОСОБОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ЗИМНЯЯ ДОРОГА, драматическія сцены въ стихахъ и проз[illegible] *[illegible]* . .

ЧТО МОЙ С[illegible]КЪ ЛУНА, дуэтъ, слова *К. П. А. В[illegible]* [illegible] *[illegible]ргомыжскаго.* . .

[illegible]ѣна [illegible] р. 50. к. сер., съ перес. 4 [illegible]

4.



PN 9 .M64 C.1
Moskovskii literaturnyi i ucho
Stanford University Libraries
3 6105 034 646 294

DATE DUE

APR 5	1986		

APR 2 1 1986
APR 2 1 1986

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
STANFORD, CALIFORNIA 94305